

В. И. ЧЕРНЫШЕВ

II. Металогика откровения

Книга первая

ЖИЗНЬ НА КРАЮ

1997г. – 2009 г.

*Дополненное и Исправленное издание
2017г.*

Санкт-Петербург
2017

В оформлении книги использованы рисунки
Настеньки Чернышевой, двенадцати лет.

- © В. И. Чернышев, Сочинения; составление, макет, 2009–2017
- © А. Чернышева, рисунки
- © А. И. Михайлов, Критическое исследование, 2002–2003
- © «NAPISANO PEROM». 2017

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПЕРВЫЕ ИСПЫТАНИЯ

*Я изгнан дальше – за порог.
Немилосердны мир и Бог,
И дева смотрит равнодушно.
Что за итог, и чья возьмет?
Наверно, ворот тесный жмет,
А может просто в мире душно...*

1997 год.

30 мая, пятница. Станция Бологое, девять часов вечера. Собрался, наконец, записывать в виде более или менее связной системы мысли о России, христианстве, смысле истории, обманутых ожиданиях, *пьянстве и любви*, что хотя и удивляет кажущейся несоединимостью, но не противоречит духу *Русской философии*.

Вот и начну, опохмелившись, *Полуфилософские Записки, или Металогика Откровения*.

Грустно. Приехал я сюда из Москвы Таллинским поездом, в надежде вовремя пересесть на электричку, но поезд опоздал, и я застрял здесь на три часа, теперь опоздаю на последний автобус, поэтому придется ехать в деревню на такси и тратить лишние деньги, которых и так немного.

Конечно, еще хуже было бы, если бы лежал я в окопе в сыром болоте, или на нарах в тюрьме – но все равно грустно, и болезнь меня не оставляет, и долги давят душу.

Пойду прогуляюсь по перрону, потом куплю билет на поезд, и почитаю...

Красивые облака... Но иду неуверенно, как будто по качающейся палубе... Что же это со мной происходит?

Два часа ночи. Я в своем доме в деревне, пью горячий чай с медом, гудит печка. А по дороге мне все казалось, что уже умираю. Соловьи звенели, черемуха благоухала, а я думал, что *иду по краю*... И вот трещат дрова, и чай с медом, и все хорошо...

31 мая, суббота. Но что может быть лучше, чем ясное летнее солнышко? На улице тепло, благодатно, птицы свистят, и цветы цветут.

Занимаюсь огородом. Открываю посадки, закрытые пленками и банками, выбрасываю из теплицы старую землю, засыпаю в нее мусор и перегной – но, увы, земляные работы движутся медленно, боюсь, что сегодня мало что удастся сделать. На плите суп кипит, за окном “кипит” черемуха, на вербах вдоль канавы щелкает соловей.

О, если бы день этот был вдвое дольше, а смутные дни кратки!

Без четверти восемь. Топится баня. Звонил в Питер, мои дорогие приезжают завтра в четыре. Купил сметаны, молока и простокваши. Сейчас еще поработаю, а в десять – в баню.

Третий час ночи. Приходили гости – соседская дочка с мужем; посидели за столом, говорили о любви и женщинах, а когда гости ушли, я снова сходил попариться.

27 июня, суббота. Невезение... Встал сегодня ни свет ни заря, чтобы приехать в деревню пораньше – так в Чудове целый час простояли, на ближайшую электричку из Вишеры уже опоздал, придется ехать на следующей. Зачем же я так рано встал?

... *И вообще жизнь не сложилась...*

Я верил в будущее, настоящее мне не нравилось – но каждое следующее будущее оказывалось хуже того, что уже прошло.

А за окном – счастливая жизнь, зеленеет трава, цветут цветы и ласково светит солнце. Проехали Волхов и зеленые луга по его берегам.

Проклятая электричка! Уже опаздывала на час, да вдруг, доехав до Гряд, и вовсе назад покатила.

Тридцать пять лет назад не везло мне в карты, не везло и в любви – и всё тянется эта полоса неудач до сих пор. *Но до каких же пор?!*

Для душевного успокоения женщины стирают и вяжут, а я составляю повседневные планы – и не потому, что стремлюсь к порядку и регламенту, но именно для утешения. Планирую завтрашний день, я как будто живу будущим, и так вот всю жизнь и бегу за завтрашним днем, но вечно тоскливое настоящее, и никогда – *“светлое будущее”*.

...Впрочем, некоторое “послабление” судьба ко мне проявила – дождалась нас в Малой Вишере та электричка, к которой мы стремились, и вот уже еду я дальше, опаздывая всего лишь на три четверти часа.

Игорь Шафаревич написал книгу: *Социализм как явление мировой истории*, в которой показал, что главной движущей силой социализма является *воля к смерти*.

Надо и на христианство взглянуть извне и попытаться понять, в чем его сущность, является ли оно цельным, так что различия между разными исповеданиями веры внутри него не принципиальны, или же под этим именем разумеется несколько по существу различных учений? Значимо ли сходство христианства и социализма? Какими *являются* и какими *должны* быть отношения между личностью и церковью, и что значит *Вера* в жизни человека?

Разумеется, необходимо ответить на вопросы, которые стоят перед человеком и независимо от христианства, то есть стоят они и перед буддистом, мусульманином, иудеем, или и вовсе атеистом – что такое Добро и Зло, существуют ли они, что такое Бог, любовь, смысл жизни, долг, красота, культура, что такое личность человеческая, его тело и душа, и как жить на свете? В этом смысле, каждое мировоззренческое учение, и христианство в том числе, пытается ответить на эти, так называемые *“проклятые”* и *вечные* вопросы.

14 июля, понедельник. Жизнь хоть и редко радует, но не всегда и печалит.

Была Настенька в деревне, а теперь в Петрозаводске. Две недели назад я вез ее из деревни в Питер, она говорила: *“некоторые люди*

думают, что они самые красивые в мире – они не могут любить других людей!"

А *сегодня* возвращаюсь из деревни один, десять часов утра, через десять минут – город, и завертится сумасшедшая жизнь. Тоскливо и тревожно. Когда же из тисков вырвусь и вздохну свободно?

Вчера начал "трезвый образ жизни"; и хотя в последний год пью и так понемногу, т. е. не более чем "маленькую на троих", но и это теперь тяжело. Попробую месяц совсем не пить и посмотрю, как будет биться сердце. А бьется оно часто неровно.

16 июля, среда, девять часов вечера. Вчера был день неудачный, в завершение его распили с С--м по бутылке пива. Вечером хотел подвести безутешные итоги последнего времени, но не было ни воли, ни сил.

Однако мы живы и не потерпели пока полного поражения. Правда, *месячник трезвости* придется начать только с завтрашнего дня – Митя провозжал меня на вокзал, и вновь распили по бутылке пива.

Еду в деревню Невельским поездом. За окном цветы, вечернее солнце, лес, а в деревне ждет *милка*.

10 часов вечера. На небе облака, солнце только что село. Вот и прошли белые ночи – успел ли я их увидеть?

Тяжело на душе и отчаянно...

Но вздохну поглубже и буду набираться *душевных* сил...

22-20. О, радость! – оказывается, солнце еще только садится. Уныние я преодолел. Со мною мои близкие. С нами Бог! (*Но с нами ли?*)

17 июля, четверг. Около полуночи. Читаю на сон грядущий "Игнатия Брянчанинова со слезой" – то есть историю Оптинских старцев.

(Так мне ответила со вздохом бывшая советская комсомолка на вопрос мой, читает ли она журналы: *Мне бы только Игнатия Брянчанинова на ночь со слезой прочитать!*)

Ходили с *милкой* за грибами, затем я проводил ее на автобус, зашел в магазин в С---ве и купил бутылку пива.

Вечером истопил баню и пропарился. Сей день хорош. Господи, помоги дням грядущим!

31 июля, четверг, Окуловка. Восьмой час вечера, жду Ново-российского поезда на Москву. Ну, что ж, я все еще жив, почти здоров, *надеюсь* на лучшее и солнце светит...

Купил пиво *Ильменское*, сижу и *пью* – да на что мне жаловаться?!

А заботы? – вот придет понедельник, пусть и начнёт он о них заботиться...

...Ну, пью за моих дорогих!

В эту субботу в деревне – *Храмовый праздник*, и я уже купил водки и пива, да истоплю жарко баню, да позовем в гости соседей – разве не будем в субботу мы счастливы?!

Переделал уйму дел за последние дни. На огороде – море цветов и зелени! Цветет картошка, огурцы, помидоры, кабачки, люпин и цикорий, голубыми всполохами на всех грядках цветет дикий мак, и множество неизвестных цветов на клумбах.

Плохо ли мне сейчас? Еще купил бутылку пива Ильменского, и выпью в поезде.

Только зачем я пишу обо всех этих мелочах?

Дело в том, что я словно смотрю на себя как на обобщенного несчастного человека (от *всех скорбящих*), и утешаю его – *потерпи, миленький, еще не все плохо, а может быть и спасешься?!*

Когда чувствуешь лезвие топора на шее, тогда уже воистину к себе относишься как к “ближнему”, которого надо любить и жалеть.

Половина десятого вечера... Только что сел в поезд.

Мне хочется доказать себе, что вопреки обстоятельствам – *всё хорошо, и я счастлив!* – вот поэтому я и расположился за столиком, открыл бутылку пива (хотя это уже третья сегодня, и мне не слишком ли много?), и буду пировать.

Итак, пью за Настеньку, милку, Митю и закусываю огурцами с собственного огорода.

Сижу спиной к движению поезда, на западе передо мною на краю поля садится ярко-багровый шар солнца. На огороде ли еще милка? Думает ли обо мне?

... Края облаков горят на горизонте – село ли за лесом солнце?

За Настеньку!

Кажется, солнце село, потому что лес погрузнел, хотя облака еще радуются и румянятся.

Ну, за облака, которые еще видят солнце!

За чудо во имя нашего спасения!

За всех родных и близких, за добрых и страждущих!

Помилуй, Господи, нас всех!

11 августа, понедельник. 17-00, сижу на станции в ожидании поезда до Твери – после трех с половиной дней, проведенных в деревне, но не напитавшийся еще духовной энергией.

Идет дождь, я под навесом, а рядом натекают лужи.

Конечно, слабость к вину и пиву не прошла бесследно и мне вновь было плохо. Или таким варварским способом Господь отваживает меня от выпивки, или источник болезни в тех тисках, которые меня зажали – долги и дьявольские силы, напущенные на Россию.

В пятницу сходил днем в С---ово, а там – холодное пиво! А вечером – баня... Ну вот, как не согрешить?

И, конечно, согрешил, хотя тут же покался и пить снова бросил!

В деревне – хорошо! Если бы не болезнь и тиски, которые меня сжимают – разве я не был бы счастлив?

Однако, дело не только в личных невзгодах. Знаю ли я уже, как

надо жить? Нет, конечно, ибо две главные проблемы собственной жизни я так и не разрешил – *я не знаю, как справиться со страхом смерти и страхом боли.*

А что значат в сравнении с этим незнанием все остальные знания и умения?

20-30. Уже доехал до Твери, по дороге читал про *Оптинских старцев*

Но на душе и на сердце тревожно, неуверенность и чувство страха забирают последние силы.

Так пишу ли я, как было объявлено, *Металогика Откровения? И относится ли к ней моя теперешняя “жизнь в суете”?*

Или, все же *повседневное* – не только сор жизни? И хотя *небесное и не состоит* из земных мелочей, но оно *протекает* среди них, и иногда от них *отталкивается*. К тому же, временами мне воистину так плохо, что если я не буду останавливаться и *“дух переводить”*, утешать себя, успокаивать – то ничего *сверх-обыденного* уже и не смогу написать.

Прямо передо мною, чуть слева от поезда, садится солнце – в тучу! Выше – перистые облака, а еще выше – чистое небо.

... Да и подлинные “философские” рассуждения – большее ли имеют отношение к действительной жизни – хотя бы к моей собственной? Помогут ли они понять, как *мне* жить дальше?

18 августа, понедельник. Еду с Настенькой в деревню, половина одиннадцатого вечера, только что проехали Мстинский Мост. Через полчаса наша станция, и если успеем на автобус, то доедем до развилки, а там уж вдвоем дойдем радостно.

День был трудный, кое-как достал денег, заложив последний компьютер в ломбард, потом ездил к нашим новым “православным партнерам-разбойникам” для переговоров о “совместной” работе (*совещались – сразу с нас шкуру содрать, или чуть погодить*).

Главные проблемы, стоящие перед человеком, – *в чем смысл жизни, зачем и как жить; какова природа Добра и Зла?*

Эти вопросы неразделимы; невозможно жить нравственно, стремиться к Добру, полагая, что оно относительно, условно, или, еще хуже, что *“Добро – это всё то, что полезно...”*. Но также невозможно и противодействовать злу, идти на риск и жертвы в этом противодействии, думая, что – *нет зла*, и человек творит злое только по неведению (“не ведают бо, что творят”, как полагал Серафим Саровский).

И все же слышу множество возражающих голосов – *мол, ничто не бывает хорошо или плохо само по себе, а лишь относительно того, кто оценивает.*

Так же, мол, как дорого или дешево. Как тепло или холодно.

И как многое другое в мире.

Нет ничего абсолютного, а “всё – относительно!”

Но на самом ли деле всё так (хотя бы отчасти), или это рассуждение только ложно?

Верно то, что каждое наше утверждение не до конца верно, ибо противоречие заключено в каждом суждении, и даже сама логика подчас *набекрень*. Противоречие пронизывает сущее, и потому является осью того, о чем мы судим.

Но независимо и сверх этого, ложный взгляд на мир неотвратимо следует не из противоречия или заблуждения – но как результат злой воли, невежества или порока.

Зло существует, и оно – в природе мира. Как говорил Достоевский: *«Дьявол с Богом борются, а поле битвы – сердца людей!»*

Почему же Святые отцы нас учат, что зло – только недостаток Добра?

Да потому что *не могут они строить разрушая*. Тот, Кто Совершенен, должен был (по их мысли) и мироздание сделать совершенным. Однако, увы, это не так. (Если только не в несовершенстве мира – его совершенство.)

Предметы и понятия духовного мира многозначны, текучи, неопределенны, потому и возникают соблазны для поверхностного ума объявлять синее желтым или наоборот, ибо существуют оттенки, возражающие слишком строгой определенности понятий.

Тем не менее, система координат в духовном пространстве несомненно существует, и в некоторых отношениях даже более абсолютная и незыблемая, чем в пространстве физическом.

Так, например, когда болен ребенок, тогда всё, что помогает ему выздороветь – благо; а что препятствует выздоровлению – зло.

Или существует мать, которая оспорит мое утверждение?

Также и в эстетике есть безусловные константы, например, улыбка ребенка.

Кажущаяся же *относительность* оценок большей частью простирается из многообразия отношений, в которых находится событие или предмет с окружающим миром. Но как то, что земля круглая, не зависит от преходящего мнения людей, так и понятия Духовного мира предстают перед нами двояко – как части сущего, в котором они неизменны, и как части истории, в которой они меняются вместе с нею, сначала в Настоящем, затем при переоценке Прошлого.

20 августа, среда, 14-55. На автобус мы опоздали, и приехали в деревню на такси – за 50 000 – быстро и без приключений. Вчера ходили за черникой, вечером топили баню.

Дни стоят жаркие, ночи холодные, на небе гряды облачков.

Полчаса назад маманька электричкой отправилась в Питер, оставив Настеньку с бабушкой, а я еду в Москву, сначала электричкой, а там как даст Бог.

На душе тревожно. Да и что может быть на душе хотя и в надежде на чудо, но в ожидании казни?!

Кажется, не так давно ходил я исправно на казенную работу, выпивал с сослуживцами по пятницам, собирал друзей на литературные вечера, ругал со всеми советскую власть, бродил летом с рюкзаком по России, ходил за грибами и ягодами, влюблялся в милашек и вертихвосток – я ли не был счастлив?

И вот все пошло прахом... Захотел я вразумить и осчастливить Россию, но она прошла мимо на нетрезвых ногах, и даже меня не заметила.

Половина девятого, подъезжаю к Твери. Что-то грустно и боязно. Садится солнце, шар его уселся уже на горизонте.

На душе тяжело. Но день сегодняшний не следует омрачать мыслью о возможных несчастьях, и надо любить и быть счастливым, уповая на милость Божью. Надо быть счастливым, пока петля не затянулась. А вдруг и не затянется?

8 сентября, понедельник, Окуловка, 15-15. Через полчаса поезд на Питер, в восемь я уже буду дома.

В пятницу ходили с Настенькой за грибами, я рассказал ей *сказку о старой заросшей дороге*, в *субботу* днем приехала милка, и вечером мы позвали соседей в гости и устроили Проводы Лета.

Вчера уже было не так весело – но предыдущие дни были все хороши, и если бы не Дамоклов меч (а веревка, которая его поддерживает, все перетирается, и голова привязана к эшафоту!) – да, если бы не Дамоклов меч, то я бы сказал, что я счастлив.

И Настенька – прелесть, и солнышко выглянуло из-за туч... а со вчерашнего дня моросил дождик.

Да, если бы только не Дамоклов меч... Что же делать?

22 сентября, понедельник. Холодно и тоскливо.

Из Питера я почти сразу же уехал в Москву, пробыл там два дня, а на прощанье ездил в Переделкино передохнуть от тревог; только выпили по рюмашке – приехал П---ков Александр, привез виски и *секретаршу*, с которой у него "*платоническая дружба*". Развели костер и выпили еще, и его шофер отвез меня на вокзал.

Я был уже *хорош*, но выпил еще пива, и хотя благополучно прибыл в пятницу утром в деревню, сердце билось неровно. Днем копал погреб, ходил за грибами-ягодами, в семь затопил баню, посидел у соседей за шашлыком – выпил теперь уже для поправки здоровья – и побегал встречать *мишку* с девятичасового автобуса. Господи, да это еще почти лето было, в сравнении с тем, что теперь делается! А я еще роптал и думал, что живу не так уж и хорошо... *А было лето, и милка спускалась с горы от автобуса, в густеющих сумерках едва различимая.*

И банька была славная...

Господи, как сейчас сыро и холодно, и на мне всё сырое! В субботу я ее опять истопил, а в воскресенье электричками мы отправились в Город, нагруженные плодами летних огородных трудов.

Прошедшую неделю носил по магазинам остатки книг (библиотеку свою уже всю почти за бесценок продал – а собирал её тридцать лет!), а в “последнюю пятницу” снова махнул с милкой в деревню. Приехали мы в Окуловку в восемь вечера, через час должен был быть автобус, но нас уговорил знакомый таксист всего за *четвертную* довезти до деревни, и я еще ухитрился к полуночи, хотя и не жаркую, истопить баню. Зато на следующий день, в субботу, банька была совсем хороша!

Наработал немного, скошил и собрал траву, помог милке вскопать грядки и убрать свеклу, расколот и перенес в сарай дрова, прибил плинтус – вот и все мои свершения. Да и ничего! Но со вчерашнего дня начались прямо козни дьявольские, не иначе. На трехчасовой автобус проводил милку – светило солнышко; вернулся в четыре, собрался, и в восемь ушел к автобусу на Боровичи, откуда намеревался выехать в полночь в Москву. Пошел дождь, подул ветер, стусился мрак непроглядный, а злыдень шофер проехал мимо и не остановился! И еще полчаса пытался я уехать попуткой, но сдался и вернулся в деревню.

Растопил печку, выпил чаю – жить еще можно! Почитал про *Оптинских старцев*, сладко уснул, а утром побежал на автобус – но он мне снова показал фигу. Приехал на станцию с попуткой – оказалось, что поезд, на который я спешил, уже не ходит. Пока соображал, что делать, возвращаться ли в деревню, обратный двенадцатичасовой автобус ушел. Не беда, решил я, сейчас будет еще один! – и взял стакан разливного пива – но в этот момент и следующий автобус, который стоял напротив, развернулся, вяло подъехал к остановке и также вяло прошел мимо нее, не останавливаясь, несмотря на мои маханья руками.

Вернулся в деревню я только в два часа.

К тому же, дождь припускал всегда, как только я появлялся на дороге. Проводив милку, вернулся я в дождь и насквозь промочил ноги; вечером ушел на автобус в дождь, а плелся назад – *еще дождее!* Сегодня утром простому дождю я уже не удивился, но возвращался, конечно, в ливень. С горя затопил баню, но и в бане веник гнал на меня мокрый ветер.

Ничего, я утешил себя горячим чаем, в семь часов вечера снова пошел на шоссе, и – о, чудо! – светило солнце!

За пятнадцать минут дошел до С---ва – упали первые капли, спустился с горки – дождь пошел сильнее, а потом припустил совсем отчаянно, и ветер загудел.

Правда, автобус остановился, и вот я сижу в Окуловке в ожидании поезда Новгород-Москва, который должен прибыть во втором часу ночи. А сейчас – 22-50. Итак, ждать осталось немного.

Но холодно и тоскливо.

Конечно, беды мои относительно и даже мелки, и конвой не велит лечь мордой в грязь, и палач не вздымает на дыбу, и даже не болят зубы.

И все же холодно и тоскливо – до рассуждений ли о *прибавочной стоимости?*

Возможно, есть какой-то изъян в моем характере, и это я сам виноват в том, что автобусы проходят мимо, денег нет, *она не смотрит... другая – тоже...* и *“всё не так, как надо”*.

Да, не так живу, не то делаю – но что я теперь могу исправить? И кто мне подскажет, что надо делать, чтобы стало *как надо!*?

И вот – холодно и тоскливо.

... Посмотрю, что там в буфете дают...

В буфете давали “Карабах”, но поскольку в Карабахе стреляют, я не рискнул его брать, а под дождем сбежал на автостанцию, и там купил дивную “дореформенную” *Фетяску*. Благополучно удалось вытащить из бутылки пробку, которую я взял с собой, чтобы потом закрыть остатки в бутылке после приступа пьянства, вернулся на вокзал, расположился за столиком около дам, которые вяжут и сторожат мои вещи (они смотрят на меня теперь уже не так одобрительно), и сделал первый глоток вина. Итак, я мокрый, холодный, вино холодное, но – удивительно – стало теплее. Вот это в мою *Металогика* – “уходя – прихожу!”

Тут за мной прибежали от кассы – *подходит моя очередь!* – (тоже дама прибежала) – и я купил билет в общий вагон – для экономии, да еще не буду брать постель, так что даже за вычетом 15000 моей Фетяски я не буду в накладе. Но удастся ли поспать? А спать хочется, и вино не заменяет сон.

Однако ж хлебну ещё ...

А что, становится лучше!

Авось, судьба не накажет, ведь вино – *сухое*, а я *промок*, устал от ожидания, на душе сумрачно, да и смирно веду себя я в этом году и почти не пью. Впредь буду сдержаннее, а уж сегодня – прости меня, Господи! – нельзя не выпить.

“...Пей, тоска пройдет!”...

Ну, пью я, конечно, не так быстро, сухое вино, да и то немного – но *тоска проходит*.

Да и не так уж велики мои прегрешения – а скорее, вечерняя слабость в дождь и одиночество.

... Ну, за то, чтобы стало лучше!

За моих родных и любимых!

За Настеньку!

А что же Прибавочная стоимость?

Да мне уже как-то и не до нее... Стало внутри теплее; и хотя снаружи, вероятно, по-прежнему холодно, но холод снаружи уже меня “не колышет”.

Господи, за то, чтобы жизнь наладилась!

Чтоб петля с шеи спала!

Вино допил не все, пару глотков оставил. Авось, Господь помилует.. Впрочем, соседки меня уже тормозят, пора, дескать, на поезд.

25 сентября, четверг, 16-30. Вчера утром у знакомой чиновницы пил чай, затем у Л. А. – воду, вечером на окраине Москвы пил водку. В 10-ть погрузил я компьютер в рюкзак и прошел до метро два километра пешком – для экономии денег. В полночь встретился с Скв-ым, отдал ему компьютер и помчался налегке на Ленинградский вокзал.

Денег до Питера не хватило, и утром проводник ссадил меня в Малой Вишере, хотя я и предлагал ему в уплату за проезд свои сочинения. Электричка на Питер ожидалась только через четыре часа, и я отправился на шоссе – но духом *пал* и никто не остановился, чтобы *меня подобрать*. Вернулся на вокзал и узнал “приятную” новость – электричка откладывается еще на два часа. Снова вернулся на шоссе. Начало немного везти. Вначале меня подбросили до Московской трассы – подарил первый том своих сочинений; потом доехал до Тосно – вручил второй том; сейчас еду в электричке – контролерам вместо билета вручу третий том.

(Хорошо быть писателем на Руси – даже от милиции не раз откупался я своими сочинениями!)

Напротив меня – красotka.

Но авторучка почти не пишет, и я “умолкаю”.

P.S. Разумеется, *ей* я подарил третий том.

1998 год.

12 февраля. Лет двадцать назад мне казалось, что я весьма проницателен и понимаю мир лучше других.

И вот – со мною что-то случилось... не знаю что... но сегодня почти ничего я *не понимаю* – ни в мире, ни в жизни, ни в современной истории...

Так, прав ли я, обличающий людское *безумие*, но не знающий его причин? И вправе ли *обличать* грехи и пороки, когда, быть может, одна только глупость людская приводит к ним?

И все же – если Господь даровал при рождении всякому возможность выбирать между Добром и Злом, и всякий *по своей воле* выбирает себе стезю и поприще (*иначе за что бы с него спрашивать на страшном Суде?*) – то значит и глуп или умен человек тоже не по принуждению извне, а *по своему выбору?*..

Или жизнь – это скверный роман, в котором дни скучны, бес-содержательны, исполнены зла? Воистину, она так неуютна, что только трагическое миросозерцание наполняет ее хотя бы и горьким смыслом.

Но даже не в том подлинная трагедия жизни, что высокое унижено, а что *она и не могла быть другою!*

Мир, в котором зло торжествует, а Добро гонимо, более отвечает замыслу Творения – и тому, что Добро должно понимать о самом себе.

Ибо если мир будет устроен *правильно* и станет *справедливым*, и добрые дела будут вознаграждаться, а злые порицаться и наказываться,

то станет выгодно быть добрым и невыгодно – злым, и тогда не будут делаться добрые дела для того только, чтобы получить награду? – но такие добрые дела не имеют ценности. Если же человек совершит *доброе*, рискуя жизнью или заведомо жертвуя ею, а иногда и честью, то есть будет поступать *не по выгоде, а по совести* – тогда он воистину совершит доброе, и его добро – ценно.

Горько, что в Мире торжествует Зло. Но либо царствует несправедливость, и праведников побивают камнями, либо в мире царит пошлость, когда за хорошее поведение награждают орденом или наливают похлебку погуше.

Добро должно быть наказано, чтобы быть бескорыстным.

Радуйтесь, лежащие мордой в грязи и умирающие у забора! В вас – правда и милость Господня.

А вы, начальствующие, поводыри и конвоиры, от “гаранта законности” до самого мелкого вершителя беззакония – оглянитесь вокруг себя! Разве за добродетели вы избраны неправедным миром в поводыри его? Нет, за то, что лучше других преуспели в лицемерии и алчности, подлости и лжи! Попробуйте помочь униженным, страдающим, стать честными и милосердными – и вы убедитесь, что очень скоро из поводырей попадете в гонимые, и не с золотых блюд станете вкушать роскошные яства, а чёрствый кусок чёрного хлеба – но всё золото мира станет для вас тогда ниже праха от ног ваших. Несчастные – станете вы счастливее царствующих!

Сижу в коридоре следственного отдела, только что *давал показания* по поводу побочных *плодов* своей издательской деятельности – то есть тех долгов, которые остались после ее крушения.

21 марта, “суббота, благословенный день”.

Но благословен ли нынешний день?

Увы, корабль мой тонет, трюмы полны водой, а я на палубе пишу о *вечном*... Но есть ли *вечность* в ожидании, когда перевернется корабль?

После полуночи... Мне снова *плохо*, выпил лекарство..

Что же это со мною? *Смесь страха, смятения, выскальзывания из жизни.*

Достоевский как-то сказал, что *бытие по настоящему становится собою лишь перед угрозой небытия* – но на границе *небытия* энергия исчезает, и оставшиеся силы тратишь только на то, чтобы *цепляться из склон, с которого сползаешь*.

Вечером я включаю телевизор, и смотрю всякую чепуху, а прежде телевизор не включал. Нынче нет сил жить, потому и *лежу вечером на склоне у телевизора*, чтобы передохнуть и завтра с утра немного еще за *жизнь поцепляться*.

Снаружи тьма, но и внутри нет света.

Мне плохо, и ничего не могу сделать, и даже не знаю, за что взяться, и что начать передвигать, крушить или строить.

Но не потому ли мне плохо, что я пытаюсь защитить *себя*, и поэтому и беспомощен и уязвим?

Так на следствии – пока стараешься об уменьшении наказания – подвластен следователю, но лишь перестаёшь бояться за свою жизнь и свободу – обретаешь, по крайней мере, свободу от страха.

Чтобы воскреснуть, надо сначала все потерять. Пока не потеряно всё, человек не готов к тому, чтобы вновь подниматься в гору – что не потеряно, то весит много. А остаться ничего не должно, ни надежд, ни иллюзий... Когда я увижу, что мои ладони пусты, и нет в них ничьей руки, и ни одна соломинка уже не удерживает – тогда, невесомый, быть может, я и смогу подняться.

(Или легко пойду ко дну. Уже навсегда.)

Если ничего нельзя сделать с тем, что снаружи, то надо хотя бы засветить свет внутри, тогда и снаружи тьма станет меньше.

Надо не о себе заботиться, а жить для блага близких.

Напротив на фотографии Настенька – *ее благо прежде, а мои невзгоды потом.*

Я перестал радоваться миру и любить его – а нужно любить и радоваться.

21 июня, воскресенье. Но по дороге из деревни, в электричке, напившись чаю из термоса, да с открытыми окнами, после дождя – ну чем не жизнь?

А я еще намереваюсь философствовать...

Правда, каждый раз чувствую необходимость оправдываться в том, что занимаюсь таким пустопорожним делом... И именно – есть ли смысл в моих рассуждениях, даже если они справедливы и глубокомысленны? Изобретение паровой машины и паровоза существенно изменило жизнь человечества – но что изменилось после сочинений Канта и Фихте? Или они необходимы, чтобы стать *культурным* человеком? Инженер и ученый знают, что нельзя быть культурным и иметь более или менее полное представление о мире без их знания – то есть без знания химии, физики, математики, биологии, истории – но это *положительное знание* не основано и не следует ни из логики Аристотеля, ни из системы Гегеля, и даже не нуждается в “*единственно верном учении*”...

Или одного положительного знания и практического умения недостаточно для полноты существования, необходимо еще знать или чувствовать, *что хорошо и что – плохо*, что можно и чего нельзя делать, можно ли *трахнуть* в темном переулке прохожую безменом по голове, как любил это делать один мой “хороший” знакомый (сосед по сумасшедшему дому), или *трахнуть* чужую жену – и эта полнота понимания вырабатывается в человеке семьей, обществом, культурой, и, в свою очередь, не следует ни из химии, ни из биологии, но создается воспитанием как сумма традиционных представлений, навязывается идеологией или церковью как необходимый *правильный* тип поведения и предписывается государством и обществом как система запретов и

разрешений, так что если даже химику химия и не запрещает *трахать* чужую жену беззастенчиво по голове, то совесть или страх удерживают его вместо химии?

Однако, дополнительные “философские” размышления на эту тему, помимо Евангелия, Домостроя и Уголовного кодекса, а особенно *размышления о пространстве и времени*, мало что добавляют и к химии, и к вопросу о том, *кого и как трахать*.

Зачем же и кому тогда они нужны?

Прежде чем попытаться выяснить, нужны ли они человечеству, попробую узнать, нужны ли они мне самому – хотя, конечно, если они мне не нужны, то это еще не значит, что не нужны человечеству, но, все-таки, хотелось бы знать, что нужны они *мне*, даже если и не нужны человечеству, ибо в этом случае размышлять мне о столь ненужных предметах, хотя и постоянно с нами пребывающих, станет интереснее.

Так, я с удовольствием в деревне копаю землю и сажаю всякую всячину, зная при этом, что вырастет из моих стараний нечто полезное для завтрака и обеда или нечто приятное для глаз, но когда вижу, что попадают среди посадок лопухи или крапива, безжалостно их выдираю – то есть как бы *перестаю о них размышлять*. Так же с удовольствием размышляю я о В--е, причем, конечно, человечеству от этих размышлений нет никакой пользы, и вообще они ему не нужны, и даже *никакой пользы* нет и мне – но все равно есть *удовольствие*, особенно если к мысли о В--е добавляются вполне философские рассуждения о “Преступлении и Наказании”, Раскольникове и старушке-процентщице, которую он трахнул кистенем по голове; Дон-Жуане, который не далеко ушел от Раскольникова и это же самое сделал с Донной Анной, то есть тоже ее *трахнул*, и вот если бы ... !?

(Но, впрочем, не пересолит ли я уже свою философскую похлебку и не пора ли ввести в оборот и другие глаголы, менее двусмысленные, дабы не искушать *читательниц* более, чем возможно!?)

Главное, о чем я постоянно думаю – как жить на этом свете, зачем, в чем смысл жизни, что такое Добро и Зло, что такое Истина, есть ли Бог и что Он такое, что мне делать с самим собою, *пить или не пить* – и тому подобное в этом роде – и об этом думает каждый человек, только не все замечают и систематизируют свои мысли на эти темы (как все видят сны, но не все обращают на них внимание и запоминают их, и даже не все осознают, что сны они тоже видят).

И вот, оказывается, что понять, что есть Бог и *есть* Он или *нет*, что такое Троица и верить ли в нее или просто в некую единую высшую силу, что такое я сам, достижима ли В., и надо ли ее достигать, и как жить дальше – мне невозможно без всей той галиматии рассуждений о как будто совсем посторонних вещах, например, о времени (о котором я ещё поговорю в свой черёд). Другим, может быть, можно прожить и без этого, а мне – нет, ибо я провалился в некую яму, и естественно упрямо думаю об одном и том же – как из нее выбраться?

Православным, конечно, проще, будь стоек в вере, и нравоучительные книги читай, а я этим нравоучительным книгам не верю, хотя и от православия отстать не могу; счастливы и безбожники, знай себе Маркса почитывай, или Дарвина, или Блаватскую, – а я Маркса не люблю, с Дарвиным не согласен, от Блаватской крыша поехала, но и от этих полностью отстать не могу. Так что надо мне – нравится мне это или нет – понять, *что такое время*, и тогда, может быть, *соединится во мне Троица, отдаст долги Судьба, даст удачу случай, даст ...*

Но прежде чем продолжить размышления о времени, я на время в него окунусь и *протеку* вместе с ним, перечитывая “Жизнь в суете”. (Но и в прошлом всё то же, как будто ничего не менялось, и время *не текло*).

В четверг звонил В-е, она то ругала меня, то жалела... А стал ли бы я счастливее, если бы она *дала мне*, а всё остальное оставалось по-старому, то есть и долги, и невезенье, и расстройство в делах, и безденежье, и безнадежность?..

Она – удивительная женщина. Она меня *не любит* в том смысле, в котором ныне только и понимается любовь, то есть *не хочет быть моею – ни душою ни телом*; и в то же время она меня *любит* (как друга, как свое дитя?) – ибо все еще надеется и верит, что положение изменится к лучшему, и я добьюсь того, что задумал и что обещал, утешает меня и жалеет...

А любят ли мужчины женщин так, чтобы не жаждать их и не стремиться обладать ими – или хотя бы *не только жаждать*?

Сомнительно.

Уже за одну эту удивительную женскую особенность следует признать, что женщина выше и *духовнее* мужчины.

Но возможно ли стать лучше? У скверных, у злых людей еще не все потеряно, у них *светлое будущее* возможно, они могут стать *добрыми* и начать новую жизнь без греха.

А к чему стремиться добрым и честным? Надо ли им что-нибудь изменить в своей жизни? – если только не раздать имущество и не уйти в пустыню.. или не стать хуже... Нет у них *светлого будущего*, возвышающегося над настоящим, нет его и у меня. Бросив пить, я почти ничего не изменю в своей жизни к лучшему, и электричка уже не наверстает опоздание, и долги не исчезнут.

Не влюбляться в девчонок? Да грех ли это – влюбленности в них? А не одна ли из светлых добродетелей? А других грехов не нахожу я в себе! И близких жалею, и зла им не желаю, и стараюсь не обижать напрасно.

Как же мне измениться к лучшему и как же к лучшему изменить свою жизнь и мир вокруг?

И все же по дороге из деревни, в электричке, да напившись чаю из термосу, а за окном моросит но “на нас не каплет” – ну чем не жизнь?

Р.С. Замечание В--и:

Дорогой Васенька! Я все про тебя думала, что ты – святой, а ты, оказывается, вот какой!..

14 августа, пятница. Еду в Сибирь, стою у окна в коридоре вагона, мимо проносятся поля и луга, в вагоне жарко, но на улице, кажется, благодать. За окном березы, березы, березы...

Но жаль, что я сейчас не в деревне, и *не крушу* и *не строю*...

В поезде намеревался писать, но вчерашний день проболтал и проспал – так, может быть, и закономерно, что из меня ничего не вышло, и вряд ли что-нибудь путное выйдет в будущем?

Кончился завод, или пружина всегда была слабой, и поэтому я жил вяло, ни к практической жизни, ни к творчеству не был способен, и вот, подводя черту (неужели и вправду – подводя черту? – и если чудо не грянет, как может грянуть, напротив, разгром и разор, то новой жизни, *гласа небесного* – уже не будет?!) – и вот, *подводя черту*, перебираю я осколки не яркого творчества – жалобные стихи, дневниковые записи и любовные письма, словно засушенные цветы между его листами...

О чем и зачем я писал?

Кажется, единственное, что было в моем писании постоянным – причитание на все лады – *время, остановись!* И в то же время я не ценил подлинное, *протекающее время*, не ценил *настоящего*, оно казалось мне пустым и случайным, я жил воображаемым *будущим*, надеясь на чудесную, новую жизнь – и вот пробежала жизнь!

Я лечу в пропасть, а время от времени мимо пролетает конец веревки – если только мне не мерещится – но все реже и реже... Может быть, это последний год, последний раз, и если поймаю, ухвачусь, то выдернет неведомая сила, и я спасусь, а со мною мои близкие – ибо если я грохнусь о дно пропасти, то не слишком радостной будет и их жизнь...

Ну да ладно, вот я буду размышлять и писать о своей судьбе – что же глубокомысленного и полезного вымыслию я и затем напишу?

Что я всё лечу... А годы всё пробегают... Что делать – не знаю... И не могу ничего изменить, как если бы сидел в тюрьме в ожидании последнего приговора, уже после того, как окончилось следствие, поданы все кассационные жалобы, получены все ходатайства.

Канавы, помост, позорный столб, тюремные нары, мечты о свободе...

Так ведь и желанная свобода не опоздала ли? Жизнь прошла, а я не начинал жить...

...Вот уже вечер. Садится солнце. Но облака еще светятся, и сумерки не сгустились. За окном уютные поля и перелески, южная Сибирь.

Суббота, 22-ое августа. В прошлое воскресенье, утром, я приехал к маме в Решоты, а уже вечером с тетей Соней уехал в Тайшет.

Мама чувствует себя плохо, передвигается с трудом, встает и садится с чужой помощью.

Ездил в Юрты, вся родня собралась у тети Нины, была и Надя с двумя дочками, и *очаровательная Наташа*, пили самогонку и пиво.

Пробыв всего четыре дня на родине, в среду вечером я уже уехал в Красноярск, на вокзале встретили меня Галя и Юра, и целый день мы провели вместе, обедали у них дома, гуляли по городу, пили пиво.

Четыре часа дня московского времени. Поезд изогнулся змеей и несется стремглав. Вероятно, мы уже в Казанской губернии, встречаются тюркские названия. *Сарапул...*

...Солнце село. Облака на западе гаснут. Тревожно и грустно. Догорает заря, на улице темнеет, и в вагоне лампочки светят тускло.

Ну, вот, на сегодня и вся моя *Металогика*.

Утро воскресенья, 23 августа. Через два с половиной часа прибываем в Москву. Полчаса назад, на станции Вековка, спросонья купил два “алкогольных” сервиза – хотя *бросил пить*. Местные жители на фабрике получают зарплату своими изделиями и потом продают их у проходящих поездов. Такова жизнь в России, пошедшей по миру с протянутой рукой и пустившей по миру своих детей.

Впрочем, сервизы, кажется, очаровательные – только как мне довести до деревни варенье, мед, кабачковую икру, “ранетки”, кипу бумаг, взятых в дорогу для работы, “Храмы Петербурга”, подаренную тетей Соней куртку, уйму вещей, которые мне надавала в дорогу Марина, и вот еще эти два сервиза?

Но да Бог милостив (“*хотя Его и нет*”), и с Его помощью я доберусь.

Около шести часов вечера. Еду электричкой. Хотя за билет от Москвы до Твери опрометчиво и *выбросил* я двадцать рублей, но, опомнившись, в Бологое отправился без билета. Вот так же и по известной “*низкой*” необходимости вначале истратил я 3 рубля, а затем в Бологом у вокзала “*низкое*” конституционное право исполнил бесплатно. Теперь уже снова сижу в электричке, запиваю пивом пирог с капустой, думаю о “*высоком*”, и уповаю на милость Господню.

Понедельник, 31 августа, конец лета. Ознаменован сегодняшний день резким похолоданием, я еду из деревни в Москву в Кисловодском поезде и даже в куртке замерзаю “как ласточка”.

Вчера *согрелся*, и потому чувствую себя скверно. Духом после возвращения из Сибири пал, оттого и выпил вчера, что в отчаяньи.

Грустно, не по себе... Но буду думать о хорошем!

В деревне были втроем: я, Марина и Настенька. Ходили за грибами, а потом пошли резать березовые веники с Настенькой, нечаянно я завел ее в крапиву, она испугалась, заплакала и говорит: “*я не мужественная девочка!*” Ну что ты, – возражаю, – *немужественная* тут такой бы концерт устроила, а ты всего три слезинки пролила!

Настенька засмеялась при слове “концерт”.

10 сентября, четверг. Неделю назад состоялась выставка в мэрии, где выставлялось и наше издательство. Кое-что из книг мы продали, большую часть подарили *бедной московской мэрии*, а остальное отвезли назад в офис.

Вечером в мэрии был банкет, я выступал с речью, пил немало, ухаживал за многими, и целовался с Ириной.

Через два дня, *в субботу, 5 сентября*, приехал в Оршу с группой издателей *по приглашению президента* и за государственный счет на праздник Белорусской письменности; с утра мы сходили на местный рынок, обменяли деньги, в двенадцать обедали в ресторане, затем были на приеме у мэра – произносили речи, получали подарки и вручили мэру виновилицу нашего приезда – *Радзивиловскую летопись*.

Вечером отвезли нас в музей Янки Купалы, а после экскурсии усадили за дубовый стол, уставленный “дарами белорусской земли”.

Мы словно попали на богатую свадьбу, и страдали оттого только, что не могли выпить и съесть даже малую толику того, что там было...

В воскресенье на городской площади засверкал и зашумел грандиозный праздник; на нем выступал и я с патриотической речью (“*Внук сибирского казака и белорусской крестьянки, я привез в дар Белорусскому народу и музею города Несвяж Радзивиловскую летопись, бесценный памятник нашей общей истории!*”); а в завершение праздника познакомился с *Сашенькой*.

На следующий день я приехал в Минск, и там встретился с Сашей, которая уехала в Минск накануне поздно вечером. Сначала мы пьянствовали с нею на банкете, посвященном юбилею Мицкевича, потом гуляли по городу, *целовались*, а поздно вечером я укатил в Калининград, где снова немало пил, ходил в баню, и целовался с Танечкой...

5 октября, понедельник, 16-00. Золотая, но холодная осень. Я в Окуловке. Вчера проводил Марину в Питер, вечером истопил баню и два раза парился – ну почему я не попарился в третий раз, может быть, воспоминание о жаре сейчас меня грело!? – и вот теперь сижу на платформе в ожидании электрички, и страшно замерз. Или и надо промерзнуть как следует, чтобы будущим летом в тридцатиградусную жару воспоминание о холоде *приятно холодило?*

Еду в Бологое, за окном осенний пир, желтые березы, красные кусты рябины, темно-серый тальник, кусты и заросли ольхи и осины... Продолжаю мерзнуть, хотя напротив и сидит симпатичная девушка.

“*День начинался не спеша*”, и утром я облился в бане горячей водой, с прощальным обходом обошел огород, напился чаю с мятой, а по дороге до шоссе любовался легким октябрьским пейзажем – но продолжается этот многообещающий день в досаде и спешке, и даже выпить с горя нельзя, сердце, увы, неровно бьется не только при виде *очаровашек*, но и после “распития”.

17-00. А теперь уже отправляюсь в электричке в Тверь, куда должен прибыть около восьми часов вечера.

...В этой электричке топят, и стало *жарко*. Да, человеку угодить трудно.

...Ну, топят, ну, топят! Покаяние за холодный сентябрь? Знал бы я, что наступит жара, мерз с наслаждением, запасаясь впрок холодом, а не сетовал!

Двадцать минут девятого. Уже мчусь из Твери в Москву и – о, радость! – в этой электричке не топят. Так что удастся *запаситься холодом* на случай, если когда-нибудь снова станет жарко.

Десять часов вечера. Но какое уныние – эти “путешествия в электричке из Петербурга в Москву!” Кажется, мы на всяком полустанке стоим, осталось, увы, еще четырнадцать остановок, и ветер холодный гуляет вдоль вагона...

И если в Москве тоже не топят, то холодом запасусь я надолго.

Седьмого ноября, суббота. Предыдущие дни были заполнены путешествиями – но вот уже я снова в деревне. Во дворе около дома вылезли из-под снега навстречу мне и расцвели удивительные *зимние* цветики...

Четвертого числа я приехал в Калининград, а вечером с Казимиром и Володей Т-ым мы пошли в баню, где к нашей компании присоединились еще три профессора из университета. Пиво в высокие бокалы наливали нам симпатичная буфетчица. “*Приятно иметь дело с простыми людьми из народа!*” – сказала она нам в похвалу.

На следующий день у Т-ых мы пили самогонку и закусывали печеной картошкой с капустой. Была Володина внучка *Любочка*, 14-ти лет, очаровательная девочка, и *Танечка*, его дочь, с которой мы снова *целовались* и клялись *в верности*. [Да не вчера ли только я приезжал и в прошлый раз, и мы пили вино, парились в бане, и так же я целовался?!]

Но вчера вечером уже я был в Минске. На перроне встретила меня Сашенька с подругой, я вручил им *букет желтых роз*, мы взяли за руки и ринулись искать кафе, но никуда не попали, вернулись на вокзал и около вагона с Сашенькой *целовались* и пили вино из бутылки.

А сегодня мне грустно...

Россия была *отгорожена* от внешнего мира издавна, и даже тогда, когда якобы *прорубались* “окна и двери” – вопрос тут в том, для кого они прорубались, кто в эти окна мог смотреть и в двери ходить туда-сюда? Вот и приходилось иным в окна выпрыгивать, не говоря уж о тех, кто делал *тайные подкопы*.

“Перебрались мы с кораблей на берег и, получив паспорт, выехали из Копенгагена на почте. Накануне ж нашего отъезда бежал от нас один из наших товарищей, Кастюрин, в датскую службу, и 1718-го января 10-го князь Михайла Андреев, сын Прозоровский, бежал от нас”.

“Записки Ив. Ив. Неплюева”, СПб., 1893 г.

Ну, конечно, превращать страну в особую зону с охраной через каждые десять метров, пулеметами и овчарками, и чтоб ни войти ни выйти – нехорошо! Но ведь у себя в деревне чиню я забор покосившийся между мной и соседом, хотя сосед предлагает и вовсе его убрать – представил я себе такой коммунальный огород, и как-то неуютно мне стало, и продолжил я чинить то, что обветшало....

14 ноября, суббота. И снова один я в деревне, жарю картошку и варю суп... Стояли морозы, вода в ведре и в чайнике замерзла – так что же с картошкой? В три часа пойдю в С--во за пивом и водкой.

...Как и надеялся, по дороге я встретил Анечку и подарил ей четыре конфетки. Даже немного постояли и поговорили. А перед встречей – вижу, вдали по дороге бежит голопом девица в пальто и шапке, увидела меня, *перешла на рысь..* то есть, конечно, на шаг...

Я ее спросил, читала ли она мои сочинения (подаренные накануне), – говорит, что понравились (если не соврала, чтобы не обидеть).

Ирочка со старой Митиной квартиры (которую мы продали за долги) приходила в гости к Мите, жаловалась, что не о чем разговаривать с ровесниками, и *“даже с В. И. интереснее”*, сказала она; а еще мое стихотворение прочитала ему и спросила – а ты знаешь, *чи это стихи?*

Серг. Серг. тоже рассказывал, будто бы в гимназии, где он преподает, гимназистки мои стихи переписывают в тетрадки... и Сашенька мои стихи назвала лучшими!..

Но вот брожу я по коридорам государственной Думы, Совета Федерации, Белого Дома, бомбардирую письмами и мольбами и предпринимателей, и государственных мужей, уговаривая их поспособствовать изданию Энциклопедии о Храмах России – и кроме равнодушия ничего не встречаю; если и вправду я один из лучших поэтов России, то почему ни одна влиятельная сволочь не удосужилась хотя бы раскрыть мои книги, которые я им дарил – не говорю уж о помощи, они скорее поведутся, чем дадут рубль на благое дело!

Только наивные девочки – и Сашенька, и Танечка, и Ирочка – заучивают мои стихи, и даже со мной целуются, а что подарить им могу я за их добродетели?

Только то, что я о них помню, думаю о них, но... – стыдно сознаться – *думаю подчас я о том, что и Сашеньку, и Танечку, и Анечку я – хочу...!*

Я не закончил фразу – но разве смысл ее от того, что выражаюсь я не грубо, меняется? Разве я не о том думаю, чего именно я хочу и что бы я с ними делал, если бы и они – *хотели..?* Так, следовательно, лучше ли я тех, кто выражается грубо и откровенно?

Или, все же, дело в том, *что́* и *как* человек говорит, и именно это и есть культура или ее отсутствие, а что́ я думаю наедине с собою – моё частное дело? Так же и когда прихожу я в гости чистый и благоухающий – то *пришел* именно чистый и благоухающий, а не тот, с которого перед тем стекала грязная вода в умывальнике. И, следовательно, сколько бы ни *думал* я о том, что́ хочу делать с красотками, подлинный я – это тот, который *разговаривает* с ними восхищенно, а не тот, который *раздает их мысленно* – даже и в ту же самую минуту, когда *восхищается?*

Бросил в бане последнюю охапку дров, скоро будет готова. В доме тепло, печка гудит.

Принес творогу, сметаны и молока, потом зашел к Оксане Дмитриевне, выпил у нее две рюмки самогонки.

Десять часов вечера. Только что пришел из бани – ох, и как же она хороша! И пиво хорошо – выпил две бутылки холодненького... Включил чайник – он уже шумит, а я лежу, расслабленный, на кровати.

Снег на улице скрипит, примораживает, не прогуляться ли мне, выпив чайку, до околицы?

Тридцать пять лет назад парился я в бане в деревне на Староладожском канале, когда работал там учителем, а теперь я в деревне в Новгородской губернии... И вдруг почудилось, что время остановилось, и все почти то же, а я только перешел из одной баньки в другую.

Господи, как хорошо жить! – вопреки невзгодам! Спасибо всем, кто меня любит! Спасибо, Господи, что и Ты меня терпишь и прощаешь, хотя я только обещаю исправиться, а всё не исправляюсь!

Спасибо баням, которые меня утешают, печкам, которые меня согревают, девушкам, которые со мною целуются, несмотря на мои грешные мысли, и всему Божьему миру, что вопреки усилиям человека он всё еще так хорош!

Полночь. Вышел погулять, у крыльца сидела собака и просила поесть. Я дал ей бутерброд, она увязалась за мною и вернулась вместе к дому. Я отдал ей остатки супа и теплого питья в чашке...

Вот теперь я в постели, а она на крыльце стучит в дверь – холодно... Но что же мне с нею делать? Через пять часов за мною придет машина (условился с знакомым таксистом в Окуловке), и я уеду в город... Посуду я вымыл, рюкзак уложил, в доме тепло. Ложусь спать.

А собака, как заноза, стучит в моем сердце...

... Для чего пишу я о всякой чепухе – бане, самогонке, закипающем чае, холодном пиве – что в этом поучительного для меня и читателя?

Но вообразим, что трое степенных рассудительных мужчин выпивают, и вот один из них, опрокинув рюмку, кряхтит, вздыхает, утирает усы, смахивает слезу, поддевает вилкой соленый огурчик и с хрустом его разгрызает – одна только философия вряд ли украсит и оправдает жизнь, а традиция и ритуал – оправдывают и эстетически наполняют.

Я – скалолаз, ползущий вверх, и вбивающий гвозди в гранит – поездки в деревню, баня, молоко, самогонка, хрустящий снег, Танечка, которую я *хочу*, и которая воскликнула *ура!* на мои *телефонные* поцелуи – это всё вбивание гвоздей, хотя и *не философия* – но иначе я никуда не доползу, а следовательно не будет ни жизни, ни философии.

Но не чрезмерно ли внимание к женщинам, и не пунктик ли это у нашего Философа? То он размышляет о *высоком* – “*пить или не пить? – вот в чем вопрос*”, а то уже говорит, что вопрос в другом – “*даст или не даст*” (хотя какой тут вопрос, ясно, что *не даст* – такому “философу”!) И что ни страница, то “*путан*” поминает, а ведь известно, что *у кого что болит, тот о том и говорит*, и еще – *кто о чем, а шелудивый о бане!* (Кстати, о бане пора бы пространнее поговорить!)

Разумеется, пристрастие тут очевидно, но да здесь я – истинный христианин, ибо вся христианская *грехоборческая традиция* основана на том же пристрастии – и воздержании.

Да ведь и в самом деле – грехов и искушений у человека немало и помимо сластолюбия – и пьянство, и чревоугодие, и тщеславие, и скупость, и зависть, и властолюбие и стяжательство, и сонм других – но ни с чем монашеская добродетель не борется так исступленно, как с этим сладким соблазном; и ни чем другим монахов и отшельников сатана не искушает так охотно и так успешно, как *падшими* женщинами, грешницами и “*блядьми*”.

И хотя воровство и разбой порицаемы тоже, но будто не в них главная погибель рода человеческого! А малодушие, трусость, покорность и раболепие – словно и не существуют; даже поклонение золотому тельцу, губительное во всех сословиях, от раба до рыцаря, от епископа до царя – ничто в сравнении с поклонением женщине!

Удаляется отшельник в пустыню, живет в пещере, питается акридами и кореньями, ведет себя смиренно, – и тут-то враг рода человеческого и начинает его соблазнять! Чем – мешками с золотом? (Что, в действительности, действенное всего!) Нет, сатана соблазняет его гетерой, распутницей, шлюхой, *блядью*!

Разумеется, отшельник после изнурительной битвы выстаивает, иногда отрубая себе руку, как *отец Сергей* у Толстого, иногда погибая под стрелами, или пишет “*письма о девственности*”, с таким негодованием и так реалистично описывая скверну плотской жизни, хотя бы даже в замужестве, как мне не приходилось слышать даже “в колхозе”, куда “на картошку” *ссылали* научных работников.

А с кем в средневековье воевала церковь пуще всего? Не с ведьмами ли, кои, вероятно и были-то всего-навсего наивные, честные, милые “*бляди*” (боюсь, не было ли среди них немало тех, что просто “дали от ворот поворот” и *не дали* домогателям, кои им и мстили наветом и оговором – в благородной борьбе за христианские добродетели)?

Так что если нашего философа слегка занесло, то что взять с подвижника, когда воспламеняет его женщина, ибо златом и властью его не соблазнить, и в этом он вполне христианин!?

Кстати, упомянул я о работе по сбору колхозной картошки, куда ежегодно ссылали лишних ученых. По вечерам, после “борозды”, разливая спирт по стаканам, *травили* они разговоры, от которых не только *уши вяли*, но и комары дохли... Нет, со своими скромными намеками в сравнении с тем *просторечием* я целомудреннее банного веника и речной струи, невиннее соловьиной трели, наивнее альбомных стихов.

Да, я пристрастно выговариваю пять букв *рокового слова*, и даже пятую непронизносимую букву *ерь*; да, я волнуюсь и предвкушаю и подобно слепому герою анекдота, когда его спутник, споткнувшись, воскликнул “*Вот, блядь!*”, готов умиленно вскричать: “*Здравствуйте, девочки!*” – но сравнима ли даже самая нескромная моя речь с непереводимой на печатный язык “*игрой слов*” в обыденных разговорах? прислушаемся, как равнодушно, как семечки, слетают с языка даже у школьниц *пикантные* словечки, все эти “*бля*” и “*блин*” – и негодование против меня угаснет.

15 декабря, суббота. Вагнер утверждал, что *всё великое приходит через великую боль*. Правда, эпохи бедствий, гибели государств и цивилизаций не сопровождалась взлетом культур, но чаще упадком. В "золотом веке" русской культуры из *великих* бедствия претерпел, пожалуй, только Достоевский (и то, ведь, его печатали, была у него любящая жена, прислуга, дача, заграничные курорты, общество культурных современников), а у других не только внешних бедствий не было, но и внутренних не слишком заметно. Через страдания ли у Пушкина вылились его прекрасные стихи и драмы? Были ли страдальцами Лев Толстой и Тургенев?

Так поможет ли мне отчаянье? Разве воздушный шар, теряющий подъемную силу, не *стремится* упасть? Я уже утерять волю к полету и земля меня тянет вниз. Уныние меня пропитало – уныние в словах, взглядах, походке. Я словно осенний замерзающий огород с поникшими цветами, кучами мусора и гниющей ботвы, брошенными досками и хлопающим на ветру полиэтиленом теплиц... Вот-вот придет что-то конечное, добывающее – старость, болезнь, смерть, тюремное заключение, платный убийца... шаги уже перед порогом, и я лихорадочно мечусь по комнате, вытаскиваю ящики, вытаскиваю бумаги, письма, фотографии, стамеску, молоток... словно еще что-то может меня спасти...

Еду к следователю, и хотя не взял с собой сухари, но щетку и зубную пасту положил в сумку, а деловые бумаги и дневники – убрал. Взял еще авторучку и запас чистой бумаги – авось в камере разрешат писать.

Но пока еще *гром не гремит*, “с неба не каплет”, и даже сломанный зуб я склеил клеем БФ.

Вчера Настенька сказала мне – *дедушка, ты не беспокойся, я не забыла, что обещала тебе спасти Советский Союз!*

Конечно, шестилетний ангел немного напугал, обещала она спасти *Россию*, но ошибаясь “в букве”, в духе она не погрешила против истины.

Среда, 30 декабря. В воскресенье, 27-го, приехала в Москву Сашенька, пировали в офисе на Арбате, пили мадеру, фотографировались, я проводил ее на метро, а на обратном пути еще приставал к красоткам.

И друг неожиданно среди ночи я заболел, и едва ль не смертельно.

Ночевал я в офисе, утром Сашенька ко мне приехала, я был еще жив, но уже она поила меня лекарством с ложечки, а я даже не смог ее проводить на поезд.

В понедельник вечером кое-как я уехал в Питер, и утром рано, идя к дому от метро, подошел и прижался к родной березке, которую 20 лет назад посадил... (А загадал ночью, что если до березки дойду и даже *отмечусь* около нее как собака, то останусь жив!)

Отвела меня милка в поликлинику, врач хотел отправить меня в больницу, но я настоял, что встречу Новый Год дома. “*Ну, что ж, если доживешь..*” – сердито согласился со мною врач.

И вот теперь лежу на диване, смотрю телевизор, стараюсь дожить до Нового Года.

1999 г., “страстнáя пятница”.

2 января, суббота, девятый час вечера.. До Нового Года я дождал, собрались у нас дома всей семьей – и Митя с Ладой и Настенькой, и даже Света с Андреем – дарили подарки, читали стихи, пили шампанское и минеральную воду, объяснялись в любви, и были счастливы.

Вчера вызвали скорую помощь, грозная женщина накричала на меня, в больницу не повезла, сказала, что лучше мне продержаться еще один день дома, иначе я помру в приемном покое – первого числа, говорит, никто меня оперировать не станет. Сегодня сама за мной приехала, пообещала морду набить, когда поправлюсь, и привезла в хирургическое отделение.

Лежу в палате №16, жду, когда повезут в операционную. Хирург забегал два раза, просил потерпеть, извиняется, что задерживает меня, но на очереди у него еще более тяжелые больные. *Ну, вот, наконец, идут и за мной..*

7 января, четверг, Рождество Христово. Сегодня днем я бодр и жизнерадостен. Вчера у меня были Митя и Настенька, и сегодня должны придти снова.

В брюхе пробита дырочка и привинчен к нему целый шланг вместо скромной “*фитильки*”.

Оказывается, к числу основных прав и потребностей, которые, увы, не гарантирует даже конституция, относится право *пописать* – и не главное ли оно права *писать*?

Вторая операция назначена на вторник, 12 числа. Страшно, но да Бог милостив, и молитвы любящих меня дойдут до Него.

12 января 99 г., девятый час утра. Ночью сосед-старичок упал, и я грохнулся вместе с ним, пытаюсь его поднять, поэтому пришлось бежать босиком за Светочкой-медсестрой на другой этаж, где она «гуляла» – *приманчивая...* и из-за жары в одном халате *на голое тело...*

Из-за ночных приключений (а с вечера мне вкололи снотворное, и обещали, что буду якобы я спать как убитый и сонного еще повезут на *закланше*), заснул я не раньше трех, и встал и умылся слишком рано, вот теперь размышляю о том о сем, и слушаю стихи-рыдания Башлачева.

Пришла милка, затем Митя – сдавать для меня кровь, потом «философствовали» с хирургом, который меня оперировал при поступлении в больницу, и в результате я “вознесся” и, вопреки вразумлению и сокрушению гордыни, которым подвергли меня накануне, истребовав покаянную грамоту, написал некое новое *Заявление*, которым “порадую” хирургическую братию, собирающуюся меня резать “как следует”, то есть по “христиански”...

Через полчаса – испытание.

Ну, пока, мои дорогие!

13 января, 11-00. Операция продолжалась два часа, и претерпел я, увы, гораздо сверх ожидания, ибо наркоз плохо действовал. Но я *претерпел* (хотя и кричал), а «*претерпевый до конца – спасен будет*». Везла меня на каталке в операционную голого Светочка, я замерз, да и стыдно было, и зрелище смешное – в одной руке заморские лекарства (велено их было хранить под подушкой, чтоб не украли, народ вымирающий, в отчаянии способен на тяжкое), в другой – *Заявление*...

После операции, уже лежа в палате, вдруг стал *возноситься в райские кущи*, забыв впопыхах грешное тело на жесткой кровати... Но какое чудесное соединение обстоятельств! – милка физиологией всю жизнь занималась, и в «вознесении» братьев наших меньших "познала толк", а по коридору героическая Светочка шла, и обе не растерялись, не побежали за врачом, а Светочка схватила шприц и... не отпустила меня *вознестись!*...

Сегодня хотя еще и не сладко, но уже и не так горько, как вчера.

Дежурит возле меня, не отходя, милка, и сейчас поит шалфеем и записывает под диктовку мои «мемуары» – то есть вот эти самые строки (а сам я еще не только писать, но и писать самостоятельно не умею).

Ожил. Философствую на тему об отношении ко времени в разных религиозных системах: – конфуцианство, дескать, обращено в прошлое; буддизм – поиски выхода из времени; христианство обращено одновременно и в прошлое (Рождество Христово, Распятие и Воскресение), и в будущее – Второе Пришествие Христа.

Воскресенье, 17 января. Шестой уж день пошел, а оживаю я медленно. Но да Бог милостив, порадует он меня в *день седьмой*.

Сплю еще неважно, болят спина и поясница, и писать хочется – хотя из меня и идет шланг, подключенный к водопроводу.

Внутрь меня тоже входит шланг, и бежит по нему *фурацилиновый раствор*. Вставать и ходить можно, но только вокруг автономной "водопроводной" системы.

(Кстати, вчера вечером смеялась наша палата – над своими болезнями – и вдруг шланг засорился, опять Светочка дежурила, и опять героически спасала меня, вся этим *раствором* облилась с головы до ног).

Милка уехала домой до шести, так что я пока без присмотра. Ну-ка, встану и похожу! (Вокруг водопровода...). А Металогикой займусь позже, а то и в нее набегит сей злосчастный раствор.

В четверг приходил Маркиан, в пятницу навестил Гена С--н – все же таки я не всеми оставлен, может быть, еще и народ мой обратит, наконец, на меня внимание...

Вторник, 19 января, Крещение Господне. Сегодня утром "свинтили" с меня "*водопровод*", и через полчаса заработала, наконец, *собственная система*...

Я было решил, что уже все трудности позади, но оказался слишком самоуверенным, и под вечер "кран" вдруг заклинило.

Уже почти в отчаянье впал – режет, ломит, болит, но – «не каплет»! Господи, прости меня за самоуверенность!

Слушаю стихи-причитания Александра Башлачева.

Ночью в полусне-полубреду явился мне замысел сочинения о любви и боли – «*Боль и Любовь*» – от детства до смутного настоящего.

Две части бреда – страдания взрослого человека и страдания девочки-подростка, соединяющиеся в одно.

Плач-рыдание о России (Святой Руси).

Зимний лес ночью.

Девочка в вагоне, едущая с отцом от умирающей матери.

Размышления о Боге – *сомнение и мольба* – как у Иисуса Христа на кресте, когда воззвал Он к Своему Отцу Небесному... и у Жанны Д'Арк (девушки Орлеанской) на палящем костре.

Всего два вопроса – как жить, если Боль невыносима, превосходит человеческие силы? Как спастись? Как спасти?

Господи, не сердись на меня, прости за самомнение, не отправляй на переплавку! Не обещаю, что сразу исправлюсь, но постараюсь стать *попрямее* ещё и прежде могилы.

24 января, воскресенье, 22-00. Тринадцатый день от операции, хожу по коридору уже уверенно. Если ничего не случится, надеюсь выписаться дня через три.

Утром вымылся в душе, встретил милку, а под вечер пришли еще Митя, Лада, Света, Настенька. Сначала мы сидели в *цветочной* комнате, а потом в больничной палате пили чай и устроили концерт для болящих – Настенька читала стихотворение Пушкина («*Цветок засохший, безуханный...*»), пела песенки, потом пели Митя с Ладой и Светой, а в заключение я читал и свои стихи.

Отношения Пророка, Власти и Толпы напоминают любовный треугольник, в котором торжествует Власть.

Пророк избличает ложь и зло властвующих, Власть требует и добывается слепой раболопной любви.

Почему же мы, люди толпы, сочувствующие *Духовной Свободе* в ее прошлом споре с Властью, ныне кидаем камни в тех, кто открывает правду и *жжет глаголом сердца людей*? Или и воистину – *нет пророка не только в своем отечестве, но нет его и в своем времени*?!

Низкое стремится принизить смысл всякого *подвига*; гибнет герой, и кричат ему вслед: ну вот, ты умер, и что изменилось? А мы живы и наслаждаемся жизнью!

Что́ им возразить?

И Иисус Христос молчал, неся Свой крест, и в муках распятый. Почему не совершил Он чудо торжества и поучения для вразумления “не ведающей что творит” толпы, почему испил чашу уничтожения?

1 февраля 1999 г. Ну, вот, испытания мои позади. Я, наконец, дома, на столе шампанское. *Сегодня мне исполнилось 57 лет.*

Кажется, что это событие – то, что мне уже не только не тридцать лет, но даже *уже и не пятьдесят* – наступило для меня внезапно.

Я жил будущим, поэтому все время казалось, что «вся жизнь – впереди». Сказать сегодня, что большая часть жизни – уже позади, я еще не готов, и все еще в это не верю.

Как смертник в камере, которого долго не уведут на казнь, привыкает к мысли об отдаленности эшафота, и удивляется, когда вдруг за ним приходят – так и я. За мной пришли «*пятьдесят семь лет*», а я еще и не начинал жить всерьез, всё, кажется, было только *приготовлением*.

Перечитываю свои прошлые сочинения – если из трех томов составить один, то, быть может, с ним меня пустят в русскую литературу? Но войду ли я в нее хотя бы как Полонский или Розанов?

Воскресенье, 7 февраля. Сегодня великий день – утром я дошел до умывальника – два метра!, в обед – уже до окна – три метра!!, а вечером в сопровождении Мити дошел до туалета – 10 метров!!!

(А я-то в самомнении только что восклицал, что только немилость ко мне литературы – единственное мое огорчение!)

Самые страшные часы были позавчера, в *страстную пятницу*.

Обострилась болезнь уже накануне ночью, но поскольку всё ещё не поколеблена была во мне русская беспечность: *Авось, оно само рассосется!* – то скорую вызвали только поздно утром, приехала она в четвертом часу дня, и я уже не мог встать. Как дошел до лифта, спустился и дошел до машины – Бог весть!

Из приемного отделения везли меня на каталке по заметенному снегом двору около двадцати минут полусидя, ветер задувал за спину и наметал под рубашку снег, душа промерзла как ветошка.

Боль и упадок сил терзали меня, но еще пуще страх, что положат на операционный стол и начнут отрезать «лишнее».

Марина ушла в одиннадцатом часу, а я после двух обезболивающих уколов впал в полузабытье, но повернуться не мог, а напротив меня умирал старик.

В субботу в полдень он умер, жену его утешал я как мог – но кто нас может утешить в смерти?

Сегодня возвращаются надежды на *воскресение*. Я уже и без Мити повторил свой «героический» поход, вскипятил и выпил чаю, читаю газеты и книги, пишу дневник – а еще утром Марина полотенцем вытирала мое лицо и кормила меня, лежащего под капельницей, с ложечки. Но да боюсь я поспешным восторгом вспугнуть выздоровление, и посему умоляю, уповая на милость Божию и заступничество Настеньки.

Спокойной ночи всем болящим и несчастным, милосердным и страдающим.

10 февраля, среда, 22-30. В понедельник опять стало хуже, во вторник состоялся консилиум, предлагали мне «экстрадицию», я уговорил отложить ее на день.

Вечером стоял у окна и Силы Небесные призывал на помощь. Время вдруг сдвинулось и что-то случилось со мною... но описать это даже приблизительно я не сумею.

Ночью я спал крепко, к утру температура упала, и сегодня лечащий врач вдруг объявил, что «дело пошло на поправку»!

Что же грядущий день мне готовит?

12 февраля, пятница, 11-00. Вчера приходил *следователь*, два часа меня мучил. И – невероятно, но факт – меня выписывают долечиваться дома. Возможно, хорошенькая Олечка сделает мне последний укол? (Вместо воздушного поцелуя...)

16-30. Я уже дома! Трудно поверить, но выписали меня так поспешно из-за внимания «...охранительных органов».

19 февраля, пятница. Воистину, в дьявольщине тоже есть своеобразная логика (или магия чисел?) – и вот снова ворвалась ко мне «страстная пятница», как и две недели назад. Предыдущий вечер и всю ночь я промучился, в шестом часу утра написал завещание, письмо к Господу (духом пал окончательно!), и вызвал Скорую помощь...

К счастью, у светлых сил своя светлая магия – в Скорой, когда я им позвонил, меня *узнали* (эта же бригада отвозила меня в снежный буран в Максимилиановскую больницу), и они исхитрились устроить так, чтобы отвезти меня в одну из лучших больниц города, притом на единственное свободное бесплатное место – на общих условиях мне было бы не по карману – и вот уже я в больнице на пр. Культуры, из окна открывается великолепный вид на Муринский ручей, и солнце заливает светом палату.

Отступился от меня Господь или, напротив, мучает для очищения? Ибо не до трех ли раз даются испытания? – а ныне они как раз потекли по третьему кругу.

Воскресенье, 21 февраля, 16-30. Разговаривал с лечащим врачом, подарил ему номер *Мъры* с повестью «Благословенна боль». Врач дал мне шанс на выздоровление без «экстрадиции» – хотя и один из тысячи – даст ли его мне Господь?

Дежурят сестрички Галя и Света, и по тому, что я еще все таки равнодушен к ним, осмеливаюсь заключить, что еще у меня не все потеряно!

Сегодня *Масленица*, Митя у меня уже побывал, а в шесть и милка должна подойти. Соседи меня утешают, говорят, что хотя *медицина* и способна на чудеса, но когда пациенту очень хочется жить, то даже она бессильна ему помешать...

22-30. Приходила милка, принесла журналы, печенье, антибиотики, термос с горячим настоем трав, липовый мед и *бутылку спирта*.

Наша палата благословила меня броситься на амбразуру.

Только что поставил себе компресс, готовлю *адскую смесь* и готовлюсь к *броску*... Пресвятая Богородица, помилуй меня и помоги мне!

8 марта, понедельник. Ура, я жив и снова дома! Собрались родные и даже выпили, и мне налили вина в пробочку, вкус его был превосходен.

Но снова подступили заботы, настроение грустное, жизнь мне подчиняется мало, сдвигов к лучшему пока нет, а количество долгов не убывает, и новых прибавилось, и в очередной раз сдали в ломбард всё, что еще возможно, даже *обручальные кольца*.

Продолжаю писать причудливую на Крещение повесть, но нет уверенности, что получается так хорошо, как надо – а не для неё ли Господь и подверг меня испытаниям?

28 марта, воскресенье. *Полночь.* Летит и кружится лёгкий пушистый снег.

В прошлое воскресенье ездил в Муринскую церковь Святой Екатерины, потом в гости пришли Митя, Лада, Настенька и Юрий Павлович, даже немного выпили.

Сегодня утром ходили с милкой гулять на ручей, зашли в домовую церковь на втором этаже над гастрономом – когда-то там была столовая. Выслушав эмоциональную проповедь батюшки, прошлись вдоль ручья – солнце сияет, снег тает, воздух весенний теплый пьянит и кружит – и вернулись домой.

Весна налетела стремительно, а я и зиму не успел увидеть, провалявшись в больнице.

Под вечер ездили с С--ным в офис за книгами, поужинали у нас дома, выпили по рюмке перцовки, *как в старые добрые времена*...

Повесть близится к концу, пишу уже последнюю часть – разговор с Христом перед казнью.

17 апреля, воскресенье. В Москве провел почти неделю. К счастью, жизнь не всегда однообразно тягостна, иногда она радует (или огорчает) неожиданными происшествиями.

Во вторник в Московском купеческом обществе состоялся концерт с моими стихами.

В пятницу в офис заходил американский Джон, атташе по культуре, и мы «хорошо посидели». Накануне я продал 160 экз. «России и Европы» (всего по 10 р., что меньше доллара!), из этих денег выдал аванс новой секретарше, отдал часть Митинового долга, купил сотрудникам билеты на концерт Натальи Ивановой, заплатил за закуску и выпивку.

Только выпили за *счастливым случаем*, как позвонила Марина и

предложила ехать в деревню; вечером я сел в поезд, и в середине ночи мы встретились на платформе в Окуловке. Доехали до деревни на такси, затопили печку, поспали до 12-ти, пообедали и взялись за работу. День был великолепным, солнце палило всюю, я даже загорал. Собрал и сжег мусор на участке, сходил за молоком, истопил баню.

В бане пропарились на славу – а давно ли, выписывая из больницы, *выписал* мне врач *вето* почти на всё сладкое – на *баню*, на *женщин*, *огород* и *вино*?!

Сегодня продолжал убирать мусор, видел *голонозую Анечку*, она шла по улице, поздоровалась со мной из-за изгороди.

Набрал для Настеньки бутылку березового соку.

25 апреля, воскресенье. Еще вчера в деревне был счастлив – а сегодня еду в Москву, лежу на полке, не дует, не льется – но уже опять подступили заботы и безысходность. Как и где достать денег, как дальше жить? Сдавили меня тиски мертвой хваткой, лишают воздуха, здоровья, энергии – лишают жизни. Вишу над бездной три года, и уже разжимаются пальцы.

Живу по инерции, надеюсь по инерции, но как жить подлинно, на что надеяться уверенно, я не знаю. Подводя итоги жизни, могу сказать, что если умирать сегодня, то умру разгромленным и побежденным.

Тяжело и тоскливо... и *хочется чаю с вареньем*...

А Господь не помогает... Да и *случай* – не помогает тоже.

*Осадили меня кредиторы. Судьба
Исполняет приказы тупого всесилья,
Не жена, не подруга, чужая раба,
В клетке злой заперта, и обрезаны крылья.
Не толкайтесь все сразу! – осаде кричу.
Долг надеюсь отдать, кровь коплю понемногу.
Кто там знак подает за спиной палачу?
Дайте с духом собраться, присесть на дорогу,
Влажный воздух всей грудью вдохнуть! Оглянусь
На чуть слышные звуки прощальной молитвы.
И теперь уж с судьбою навек разминусь...
Плачет ветер в степи, стонет нищая Русь,
Провожая гостей неоконченной битвы...*

29 апреля. Пять часов утра. Ночую в офисе на Новом Арбате, лежу на 21-ом этаже на стульях между стеною и письменным столом.

Видимо, из-за трех рюмок водки, которые я выпил, вообразив, что уже твердо сижу в седле, *лошадь меня сбросила*, и вот я стенаю и охаю. Положил под язык таблетку *анаприлина*, но сердце рвется из груди и заснуть не удастся. Обычно именно в это время, ранним утром, я и проваливаюсь словно в прореху бытия, и кажется, что вишу над бездной, и руки слабеют, и вот-вот умру... Но, Господи, еще надеюсь на Твою милость и заступничество тех, кто меня любит. Вы ведь меня не оставите?

3 мая, понедельник. Возвращаемся электричкой в Питер. После жаркого апреля резко похолодало, ночью шел снег, и сейчас вдоль дороги на зеленой траве сияющие снежные куртины.

Субботу и воскресенье провели в деревне – я, Марина, Настенька, Митя. Работали на огороде, парились в бане, праздновали с соседями «День Трудящихся» – с наливкой и водкой на смородиновых почках.

Да не о том ли я и мечтал, лежа на эшафоте – на операционном столе?

Четверг, 3 июня, 14-30 Берлинского времени. Воистину, судьба играет человеком – вот уже я в Берлине, приглашен на международную христианскую конференцию.

Увы, безязыкий, сижу сейчас в номере и не знаю, что предпринять дальше. Только что сделал неудачную попытку поесть *на халяву* – но или сегодня нас еще не положено бесплатно кормить, или мне не удалось найти это приятное место, – но пришлось вернуться голодным.

... Ура, ура, только что сообщили – в четыре часа встреча делегатов, а в шесть – о, радость! – ужин в ресторане нашего *Отеля*, надеюсь, теперь уж точно на халяву. Ну, что ж, буду терпеливо ждать, авось не дадут умереть с голоду "двоюродному" брату во Христе?

5 июня, суббота, 13-25. Вчера днем с господином П--вым прогулялись в окрестностях отеля, осмотрели пригородную архитектуру – райские сады и кущи, и терема.

Затем был ужин при свечах. Хотя вино было за деньги, но, во-первых, К--в, прежний Российский посол в Германии, заказал нам по бокалу вина за свой счет, а во-вторых еще днем сочинил я по просьбе Андрея – немецкого студента, учившегося в прошлом году в России – большое стихотворное послание к его русской возлюбленной, и за это он угостил меня после ужина на веранде отеля еще одним бокалом прекрасного *сухого* вина. Присоединилась к нам русская девица Марина (которую, как оказалось, еще утром мне приставили в переводчицы, а она "стреляла *налево*"), Андрей напевал песенки Булата Окуджавы, мы говорили о России, женщинах, любви, и расстались уже в двенадцатом часу ночи, почти признаваясь в любви друг к другу.

6 июня, воскресенье. Девять часов утра. Вчера в седьмом часу вечера г-н П--ов увез меня к себе домой, мы у него поужинали и пропарились в сауне. Подышал цветами в саду, выпил *сухого* вина и заснул в белоснежной постели.

В доме – тишина. Вставать ли уже, или еще поваляться?

Но как бы ни было здесь хорошо, а душа рвется домой, из райского великолепия Германии в нищую Россию.

21-42. Ну, вот, не успел насладиться раем, а уже подлетаем к Москве. Накормили ужином, и даже дали – на халяву! – стакан вина.

13 июня, воскресенье, 10-00. Утро благодатное, я все еще жив, хотя ночью было прескверно. Но Бог не приговаривает пока меня к *высшей мере*, и хоть на краю пропасти, но я продолжаю жить, дописываю повесть, и даже *утро благодатное* вдохнул на свободе.

В пятницу был на приеме в резиденции американского посла, *влюбился в его переводчицу*, но из-за романтических разговоров с нею слишком мало внимания уделил не только напиткам, но и закускам, и посему остался голодным.

А вчера приехал в деревню, Настенька и милка меня ждали. Ничего, мы еще поживем! – воскликнул я.

11-00. Утро такое благодатное, что сравнить его можно только с *земляничкой в сметане на столе, залитом солнцем!*

Даже жить стало вкусно!

Да и завтрак царский: творог со сметаной и *чай с вареньем – на столе, освещенном солнцем..*

27 июня, воскресенье, 20-30. Неужели только вчера уныние пригибало книзу главу мою? А кажется, что давным-давно!

Сижу в Окуловке на платформе, в полночь уезжаю в Москву. Дневная духота уже спала, и оводы не досаждают, и на душе покой.

[Мимо прогуливается *очаровашечка* лет 15-ти, но, увы, кажется, уже ее поезд подошел.. Нет, она возвращается... пошла за вокзал...]

Вчера я истопил шикарную баньку, сначала милка с Настенькой парились (и Настенька кричала – *я крутая парильщица!*), потом я.

И еще раз хотел сходить, да сил не хватило – а жаль, надо было сходить!

Милка угощала нас простоквашей и разнообразными зелеными салатами – *съедобная трава* в огороде растет как крапива.

Проводил моих дорогих на автобус в три часа, и еще кое-что успел сделать – набрал воды в бак, полил новые посадки, собрал рюкзак, нарвал мяты – а в шесть рванул на шоссе.

[*Очаровашечка* появилась и прошла мимо меня. Пойду в ее честь пить пиво.]

21-50. Через два с половиной часа я возьмю на верхнюю боковую полку, мое излюбленное место, на свой походный спальный мешок, и буду сладко спать. Пива местного, Хвойнинского пивзавода, выпил кружечку в честь Настеньки, и в честь Сашеньки, и, конечно, в честь *очаровашечки* – и всего за шесть рублей. Ну и, конечно, взял с собой еще холодненького бутылочку, и устрою сейчас небольшой пикничок (с собою огурец, помидорина, привезенная из Москвы для Настеньки, а она мне отдала ее назад в дорогу, молодая картофелина, выросшая у нас в огороде, соль, и кусочек хлеба.)

Днем было жарко и в огороде и в доме, а сейчас ветерок обдувает, и оводы не бесчинствуют. Ну, чем не жизнь? Но в деревне, где мы были втроем, где и жарко, и оводы – было лучше! С Настенькой днем сходили

за молоком, она мне на мальчишек жаловалась, потом ромашку сорвала, чтобы “на любовь” погадать. У Зои Платоновны налили молоко в бутылочку. Настенька схватила ее и жадно стала пить; налили вторую бутылку – пила и из второй. Давайте, говорю, и третью, Настюля с собой в дорогу возьмет!

Дел планировал много, но ничего по плану не сделал, поливал и вчера и сегодня. Канава высыхает на глазах, и в колодце вода далеко внизу.

Ну-ка, займись металогикой.

История, время, происшествия *существуют* иначе, чем это кажется при непосредственном переживании... Утверждение – “если что-то было, то – было” – уже заставляет задуматься, прежде чем поставить точку или восклицательный знак. *Существует* ли происходящее независимо от оценки, мнения или восприятия?

О *существовании* предметного мира мы говорим и мыслим так, что,

– во-первых, это *существование* не само по себе, а связано с конкретным предметом – *существует* вот *этот* стол, это дерево;

– во-вторых, всякое существующее *существует* в некотором месте пространства, вложено в него – существуют Москва, Тихий океан, существует вот эта платформа; где-то между Малой Вишерой и Петербургом едет в электричке Настенька; существует уже и просто-кваша в молочной бутылке (пока как *способность* – но завтра достану бутылку из рюкзака и скажу – вот, разве не существует здесь *то*, в существование чего еще вчера вы не верили?);

– и, в третьих, предмет существования не *вообще* существует, а в определенное время – и не только дождь, который если идет, то не так чтобы очень долго! – но и Уральские горы, которые хотя и испокон веку стоят, но когда-то, говорят, и они появились?!

Существующее, следовательно, *существует* и *во времени*, и *в пространстве*, как вода в умывальнике, налитая мною сегодня, и выкапывающая из умывальника по каплям в течение недели. (И даже любовь, о которой многие думают, что ее нет – где-нибудь да находится – если не в пространстве, то во времени).

И все, что ни есть, разлитое по канистрам и бутылкам, крепчающее, как вино, или прокисающее, как молоко – это и есть все то, что есть, *сущее*, весь мир.

Ну, а *пространство*? Мыслим ли мы его *существующим*? И в чем? И когда?

А *время*? В каком *пространстве* и в каком *времени* *существует* оно? Не нелепо ли говорить о существовании времени, которое само *наделяет существованием* прежде не существующее?

Так *существуют* ли *пространство* и *время*, которые *не суть сущие*? – ибо они не “в некотором месте” и не “в некотором времени”?

Более того, говоря о *существующем*, например, о молоке, которое в

бутылке сегодня прокисает, я говорил о нём так, что будто и существует оно только так, *как мы это знаем* – но в данном месте в данное время на самом деле существует нечто другое, “вещь в себе”, по выражению Канта, а то *молоко*, о котором я рассуждаю, существует только в моем воображении (если верить философам). Если бы меня не было или не стало, или вдруг беспмятство поразило на время человечество, то в бутылке в это время существовало бы отнюдь не молоко, а нечто черт его знает что, ибо молоком существующее в бутылке является только для человека – со своим определенным вкусом, цветом, запахом и удовольствием... даже для кошки это уже нечто другое... к тому же кошка не отметит молоко в своем разумении как *существующее*... впрочем, уж пиво в моей бутылке существует точно *только для меня*, а не для кошки, тем более, что..

22-40. ...Подошел Севастопольский экспресс. Люди там уже на полках. Но недолго и мне своего поезда дожидаться, а утром приеду в офис, куплю булку, заварю горячего чаю (ну, вот, уже я о *горячем* мечтаю, а вчера и сегодня мечтал только о *холодном*) – и с новыми силами примусь за *охлаждение судьбы*.

...Пировал я замечательно, съел огурец и помидорину, и кусок хлеба, а пива оказалось даже много, хотя после бани его всегда не хватает!

На платформе у нас табор цыганский. Как они выносят эту бивучную жизнь?

23-20. До поезда уже меньше часу, не жарко, веет легкий ветерок, слепни и оводы не жалят – но в деревне с моими дорогами – Настенькой и милкой – несмотря на жару, на слепней и на оводов – было лучше! Жаль только, что второй раз в баню я не сходил!

Суббота, 3 июля, Окуловка, 6-45 утра. Вчера наконец-то открыл счет в банке и получил небольшой кредит. Увы, самых сверхнасущих долгов столько, что этими деньгами не заткнуть даже отчасти дыры, из которых хлещет в тонущий корабль вода. Но да Бог если и не милостив, то по крайней мере устал меня драть как *сидорову козу* по всякому поводу, и пока, может быть, еще подержусь на плаву.

Я был уже вконец измучен, поэтому на радостях выпил в офисе со своими охламонами.

А потом уже было на вокзал отправился, но проходя мимо летнего кафе, напротив офиса, зашел послушать, как поет Ирочка, подарил ей свои стихи, объяснился в любви, а потом еще с одной чудной девчушкой пустился в *ваххический танец*. А посему опять *ускользаю из мира*, и сердце трепещет как рыба в сети.

Совсем **не** пить – тяжело. Тоска, случайные встречи, компания... И поневоле теряешь бдительность, а не звенит во время звоночек, что вот уже опасная черта, и пить больше не надо.

В ожидании автобуса пишу *путевые* записки – тело путешествует в пространстве и времени, но путешествует и душа – в моих мета-логических изысканиях.

Понедельник, 5 июля, Окуловка, девять часов вечера. В субботу милка приехала уже вечером, уже я затопил баню – и сколько же было радости, и грехи свои уж выпарил я на славу!

Вчера завернула в гости одна пьющая старушка, временами просит в долг у меня одну-две десяточки, принесла самогонки и бутылку пива, посидели во дворе на травке у колодца, солнце благодатно грело, слепни и комары не кусали... А чуть поодаль в горшке на печке варился суп-рассольник.

Сегодняшний день прошел в трудах, поливали и пололи. Но вот уже сижу в ожидании поезда, слепни и комары не жрут, я выпил кружечку пива и купил билет на Новгородский поезд до Москвы.

Проходят на юг поезда один за другим, а через три часа и я улягусь на полке – а пока не выпить ли еще полкружечки?

23-00. Дневной жар спал, да еще прогрохотал мимо длинный товарный состав, нагнал ветра.

Тот *шалман*, где я пил пиво в последнее время, уже закрылся, прошел немного дальше, и выпил кружечку в значном месте с названьем «Вояж».

Лица, обстановка, разговоры – навевают тоску. Ах, как много надо менять в России! И место, где *выпивают*, – прежде всего! «Забегаловки» надо уничтожить как социальное явление, должны вместо них появиться уютные и красивые кафе для радости, а не – «забежал, *шарахнул*, убежал!»

Но что же таким, как я, с рюкзаком? Таким, как я, – прежний социалистический пивной ларек, где берешь кружку в *разлив* и на свежем воздухе выпиваешь – один или с друзьями...

Но их тоже надо благоустроить, столики поставить, и ассортимент, естественно, должен быть не социалистический.

...Эх, если бы я сейчас был в деревне! Уже на подходе была бы банька, а я, возможно, рубил ольху вдоль канавы.

В следующий приезд надо будет отбросить спешку, пожить *неторопливо*, вдыхая как воздух деревню – походить по двору, по огороду, по улице, по окрестностям, посмотреть подольше на закат, поздним вечером читать и писать уже нежась в постели.

Правда, пишется плохо – но возможно ли, *окруженному красными флажками* – а линия их стягивается! – писать *хорошо*?

Вообразите, что *Истина* – царственная, неколебимая, *абсолютная*! – открывается избранным в темной подворотне, дрожа и оглядываясь, не идут ли с арестом? – не так ли со мной?

Если я – с Истиной, и то, что *надо*, и *как* надо, а что вне меня – заблуждение, незнание, грех, – то сам ли я не должен бы быть укоризной *неистинникам*? У меня, знающего, должно быть *«все путем!»*, а у незнающих – *сикось-накось!*

Но ведь на самом деле наоборот! – у них *как надо*, «всё путем!», а я в таком загоне, что *как* еще живу – не знаю...

Так какой же истиной могу я владеть и делиться, зависимый и дрожащий, усталый и отчаявшийся – в долгах, без средств для насущного, загнанный в угол, в ожидании казни!?

И могу ли претендовать на писательство? – ведь надо бы что-то положительное сказать читателю, и хоть некоторые задачи решить, или хотя бы советы дать, как их решать! – а я, наоборот, пока в единственном могу сознаться читателю – *не так жил!*

Да ведь и другие *«не так живут»* – что же они от меня утешительного узнают?

Даже «искусственный мир романа» выстрою ли я *образцово*, когда не умею выстроить толком естественный мир своей жизни?

Живу в долгах как в паутине – да и на повседневную жизнь не зарабатываю – вот и вся моя *Металогика!*

Да я еще не до конца откровенен...

13 июля, вторник, 22-40. Сажу на платформе, садится солнце, через полтора часа Новгородским поездом уезжаю в Москву.

На прошлой неделе приезжали в Питер Казимир и Таранов. В четверг встречались большой компанией у Горбацких (на его юбилее), а на следующий день собралась наша бывшая астрономическая группа – сорок лет назад поступали мы в университет – вспоминали молодость и пили пиво!

В субботу утром с Казимиром и Маркианом ходили в Пулковскую баню, а вечером я уехал в деревню.

И вот снова пью пиво, и слегка пьян – расположился уютно на скамейке, огурец, помидорина, “Балтика”, хлеб и соль.. Но ведь это не худшее в жизни!?! И такой ли уж грех?

А сейчас выпью за хорошеньких девушек.

Но счастье недолговечно – да и недостаточно для него минутных плотских радостей!

Жизнь потихоньку выпускает свои острые когти, и вот они начинают впиваться в кожу. А потом...

28 июля, среда, 7-30 утра.. В пятницу на прошлой неделе я приехал в К-д, вечером ходили в баню и пили пиво... (*После этого пить я бросил!*)

По дороге в баню влюбился в продавщицу в пивном ларьке с очаровательной и милой улыбкой...

В субботу ездили в Балтийск (приглашены были на обед в героическое морское семейство). Вечером у Тарановых пили чай, потом на набережной смотрели салют в честь Военно-морского флота – и пили пиво.

В воскресенье кутили в Светлогорске – сидели над обрывом, пили водку и смотрели на море, перемывая нежные косточки «баб» (слабых, но восхитительных созданий)..

А сегодня уже оказался я в Минске, и только что поселился в дешевой

гостинице для учителей. Правда, нет горячей воды, телефона и телевизора. Поздно вечером уезжаю в Москву, а до этого хочу *заманить* сюда Сашеньку и *соблазнить* ее – если у обоих достанет смелости.

23-00. С Сашенькой встретился только в семь вечера, сначала гуляли по городу, потом пришли ко мне в номер, пили водку, целовались нежно, я слишком робко к ней *приставал*, и поэтому она – *не далась*.

2 августа, понедельник. Вчера ввечеру в деревню приехала милка, баня была славная, огород полили вдвоем щедро. Сейчас садимся завтракать – салат из огурцов, творог, чай с вареньем и мятой – жить-то можно!?

Днем ездил на велосипеде в С–ово, купил сахару, пряников, пива. Пригласили соседку и отпраздновали *Ильин день*, выпили по рюмке водки... И пиво было превосходным, я охладил его в колодце.

21-50. Но вот уже новый вечер, и снова жду на платформе поезда на Москву.

Грустно одному дожидаться поезда. Справа от меня, в стороне Петербурга, солнце спускается к горизонту, через час уже сядет.

...Солнце уже село, а я не сразу заметил. Только что оно выглядывало из-за последнего вагона товарного состава – и вдруг исчезло!

Начало августа... Месяц этот в прежние счастливые годы был из лучших, обычно после июльской напряженной работы и заработков на репетиторстве мы отправлялись бродить по России.

Но плох ли и вчерашний день и сегодняшний? Разве жизнь в деревне – не путешествие, не отпуск от трудов? Только безденежье вводит в отчаяние и сводит с ума...

Но не буду писать о грустном, у меня с собою варенье, пряник и сахар, в поезде налью кипятку в кружку – и буду счастлив!

А завтрашний день пусть сам о себе заботится!

...Уже и заря поблекла, стемнело, и зажглись фонари...

Складываю бумаги в сумку, и завязываю рюкзак плотнее – поезд уже через пятнадцать минут.

Неприметно записки мои от *Металогики* съезжают к будничному – это потому, что все будничное так тяжело давит, а я будто утешаю себя, когда пишу записки, будто поглаживаю больное место, чтобы не так сильно болело.

Да и есть ли смысл в такой философии, которая с *моим будничным* никак не была бы связана, которая объясняла бы, например, как падает камень с высоты, но никак, ни насколько не объясняла, как с кручи лечу я сам на твердый булыжник или даже на ровном месте падаю в грязь? Нужна ли такая философия кому-нибудь кроме тех, кто по кручам не ходит, и в чужие окна к чужим красоткам не пытался залезть?

Или, положим, заблудился я в дремучем лесу, и со мною дитя малое, например, Настенька... Что мне поможет выйти из лесу?

Так вот, всё то, что поможет – то и есть философия, а что не помогает – праздная болтовня!

Потому что существует не мир *вокруг* меня, который будто бы я хочу понять и осмыслить – *существует жизнь*, которая *во мне и со мной происходит*, и с которой я хочу *разобраться*, пока она еще не *перестала происходить!*

Дело не в том, Материя или Дух летит во Вселенной как падающий в лужу камень, отражаясь в ней (и все ясно).

Дело в том, что падение Духа или Болезнь Духа преломляется в сознании. Дух болен, и Бред прямолинеен.

Но болезнь Духа не лечится доводами.

И мало ответить на вопросы, заданные во сне – ибо *надо проснуться*.

Рассудительный марксистский материализм, выросший из Гегеля, мыслил материю как *субстанцию*, первооснову и первопричину Бытия, а не собрание вещей в мире; но реальный эпигонский материализм, ставший мировоззрением советского человека, поставил на место материи именно саму наличную Предметность. Вот, например, заявляет “философ экстерном”, что “*материя есть все то, что, действуя на наши органы чувств, производит ощущение*”.

Но как же тогда объяснить, что женское тело производит на наши органы чувств тем большее ощущение, чем менее на нем *материи*?!

И являются ли материей Сознание, Пространство и Время, и состоят ли и они из атомов? (Так же как *состоит ли* сюжет и идея картины из краски и холста?)

Что же такое материя в рамках *материализма для кухарок?* – совокупность всех тех чувственных предметов, среди которых мы живем и которые видим и *цупаем* – или *всё суще*е (даже включая мою соседку в автобусе, к которой я *прислонялся* как будто нечаянно, но *поцупать* которую мне не удалось, хотя и очень хотелось?)

Материалист представляет взаимоотношения между объективным миром (то есть *пространством, наполненным материей*, включая и тех девиц, на которых в некоторое время *материи* не бывает совсем) и человеком (то есть миром субъективным) примерно следующим образом: человек – зеркало, а дух и культура – *отражение* мира в этом зеркале; при этом философия – нечто вроде *обобщенного отражения*, в котором не видны детали, а ... черт его знает что! – *«наиболее общие законы мироздания...»*; искусство *отражает* борьбу классов и уровень развития общества, наука *отражает*... и т. д..

Любопытно сравнить эту схему «взаимоотношений» с теорией рефлексов, которые суть тоже *отражения*.

Заключаю сей краткий обзор следующим выводом – если существуют только атомы, из которых и *состоит мир*, то подлинная жизнь (с этой точки зрения) присуща лишь внешнему миру (да и он *не живет* по настоящему, а так, как падающий камень, осуществляя падение), человек же всего лишь сумма рефлексов (*отражений*), или фотография мироздания.

Сможет ли машина *мыслить*? – тема споров века машин.

Если мышление – только способность *отражения*, то не только сможет, но уже "*мыслит*".

5 августа, четверг, 19-00. Занесло меня на платформу станции Решетниково, между Клином и Тверью, жду электричку до Твери.

Сегодня днем в половине третьего выскочил я из офиса на Арбате, примчался на Курский вокзал – до ночи поездов нет. Рванул на Ленинградский вокзал – и тоже ничего нет, а со мною тяжеленный рюкзак с компьютером и две сумки. Надо было, верно, купить билет на вечер и вернуться в офис, но я, как природный русский, который поступает *наобум*, то есть не расчетливо, сел в электричку до Клина, а там пересел на электричку, следующую в Конаково, и проехал на ней еще две остановки.

И что теперь? Впереди вечер, а я еще и до Твери не доехал. И скорее всего, буду в Петербурге утром, но с тысячью пересадок, и может быть большими тратами, вместо того, чтобы, как немец, купить билет заранее, еще вчера или сегодня утром; или, как татарин, приехав на вокзал днем, купить билет на ночной поезд и вернуться в офис – но я как упрямый и "*наобумный*" русский стою теперь на платформе в Решетниково.

21-45. Я все еще русский, не немец, и даже не татарин. Приехал в Тверь, и нет чтобы хоть теперь образумиться, встать в очередь в кассу и взять билет до Питера – побегал за Петрозаводским поездом, унижался перед кондукторами, упрашивая взять до Бологова. Зачем? К счастью, меня не взяли, я вернулся, немного образумился, слегка онемечился, встал в кассу и взял билет, и через час уже еду, а в пять утра буду в Питере. Может быть, хоть капля нерусской крови у меня все же есть!?

Правда, дурацкое русское упрямство и неожиданное везение (не оштрафовали в электричке) сэкономили мне двадцать рублей, посему куплю сейчас бутылку пива и славно поужинаю!

22-25. Все тот же четверг, благодатный летний вечер, 24 гр. тепла.

Сажу на скамейке на платформе станции "Калинин" (но город Тверь!) с бутылкой Тверского пива за бр 80 коп (а если быть честным и сознаться перед читателем, то это *уже вторая бутылка*, первую я выпил в очереди за билетом) и мне – хорошо.. Две девчухи..

Суббота, 7 августа, 15-00. Я в деревне, только что приготовил роскошный обед – суп из овощей и салат из огурцов, помидоров и лука..

Вчера был у П---на, он накормил меня медом, а после в поезде полячка русского происхождения напоила пивом и подарила 100 р. *на восстановление Российских храмов.*

Сегодня уже начал *расхищать* пожертвования – принес Сергей трехлитровый бидон малины – отдал ему *50 рублей* из *церковных* денег.

23-00. Собираюсь в баню, сварил малиновое варенье, приготовил творог, и чай будет на славу – с мятой и смородиновым листом!

P.S. По дороге за молоком встретил *полногрудую* Оксану.

Понедельник, 9 августа, 20-30. Давно ли я на платформе в Твери ожидал поезд на Питер? И духом был бодр – после двух бутылок пива, но более, думаю, оттого, что ехал домой, да и билет был в кармане.

А теперь еду в Москву. Сажу на скамейке на той же платформе, где и тогда сидел на скамейке, температура 20 гр., народ благодушен, но в кармане всего 9 рублей, даже на штраф маловато. Правда, Бог милостив, авось и до Москвы доеду, и в офис, несмотря на поздний час, пустят, а там я вскипячу чаю, да с сахаром, да с мятой, да немного еще есть малинового варенья, да маленький кусочек хлеба! – и когда сяду за чай, воскликну – *Ничего, мы еще поживем и порадуемся жизни!*

21-40. Только что проехали Решетниково, где недавно я понял, что русский человек – “наобумный”, то есть живущий “наобум”, “на авось”, и совсем не похож в поведении своем на немца или татарина. (А, следовательно, всякие рассуждения о *смешении* – бред, так рассуждают сверхульгарные материалисты, определяющие национальный тип по тем же правилам, что и приготовление коктейля, словно смешивается литр татарской крови, литр чухонской, бочонок славянского *портвейна*, *растворенного в крови*, и т. д. . .)

Правда, смешения происходят – но чем же объясняется устойчивость национального типа, несмотря на смешения? (Кажется, так же надо удивляться, что и мир – не пыльная смесь всего понемножку – а уж за миллиарды-то лет как не перемешаться?! – но отдельно текут реки, отдельно залегают глина, песок, золотые самородки, железо, уголь, нефть!)

Причин важнейших две. Во-первых, никогда такого перемешивания, как в двадцатом веке, и не было за последнюю тысячу лет (включая пресловутое смешенье с «татарами»).

Во-вторых, большая часть вещей и явлений мало зависима от мелких воздействий, как бы *не смачивается* ими. Так вращающийся волчок не меняет скорость и направление и другие важнейшие характеристики вращения, когда мы по нему ударяем, а растение, поглощая воздух, воду, солнечный свет и минеральные соли – остается самим собою, но не превращается в смесь воды, воздуха, соли. Изменения *типа* хотя и происходят, и реки меняют русла, и народы *меняются* – но не оттого, что Соломон взял в дом филистимлянку, наполеоновские солдаты попали в плен в России в 12-ом году, а русские поэты оказались в Париже в 20-ом – и дети, а тем паче внуки солдат и поэтов не стали частью русские, частью французы.

Тип консервативен, он сохраняет и возобновляет себя, и значимо изменяется только в результате катастрофы!

22-40. Проехал и Клин, и Крюково – Бог по-прежнему милостив.

14 августа, суббота. Раннее утро. Вчера Митя передал мне из Питера поездом с каким-то проходимцем 200 рублей, но *проходимец*, естественно, *прошел* меня мимо, и я оказался на Ленинградском вокзале без копейки денег в десять часов вечера.

И вот чудом подъезжаю к Окуловке, а там еще нужно изыскать на автобус пятерку. На всякий случай захватил я из офиса, не имея денег, несколько пивных бутылок, авось их удастся обменять “на валюту”?

23 августа, понедельник, девятый час вечера, электричка метро.

Продолжаю писать о житейских пустяках... Впрочем, пустяки они с точки зрения общественного интереса, а для меня – не совсем пустяки! Размышляю и пишу я о том, что *нет* денег – ни на издательские программы, ни на повседневную жизнь, и никак не удастся их найти, хоть сдохни! Конечно, ни литературной, ни философской, ни научной значимости в этом “*нете*” нет никакой – но для меня в нем – вся жизнь (а вот от вулканов на Марсе мне ни жарко ни холодно – хотя науке это весьма интересно).

Никак не выберусь из болота, засасывает все глубже, хотя все еще барахтаюсь, и отчаяние сменяется иногда надеждами – но улучшения в делах не происходит.

Болят глаза, устал, хочется спать... Богатые не дают денег, и девушки *не дают* тоже! (Ну кому я без денег нужен?)

Субботу и воскресенье провел в деревне с Мариной и Настенькой, вчера поехали было в Питер, но опоздали на электричку и вернулись, промокшие. Оксана Дмитриевна дала водки и меду, мы истопили баню, и после бани пили чай с водкой, мятой и медом.

Утром встали в четыре утра, дошли до шоссе, с попутным «извозчиком» доехали до Окуловки за десятку, на Мурманском поезде за 30р. доехали до Чудова, и оттуда на Новгородской электричке добрались до Питера.

Но в чем моя *Металогика*? Чтобы по-прежнему мучиться? Или *чтобы понять, отчего мы мучаемся?*

На помощь *свыше* уже не уповаю, и денег по-прежнему нет, ибо деньги родят только деньги, а безденежье родит апатию, отчаянье, невезение. Живу как на войне. Может быть, завтра убьют или ранят – а я пью водку, встречаюсь с друзьями, хожу в лес, ухаживаю за девушками – как будто я и вправду *живу* и ужасное *завтра* никогда не наступит.

25 сентября, суббота. С мамой плохо, и я еду в Сибирь её проведать (или даже проститься). Проехал Барабинск. За окном затухает день.

Веду я себя неправильно. Следовало бы поразмышлять о жизни, пока я из нее вырвался, поискать новые пути спасения, коли прежние, в суете и спешке поражений и отступлений, не спасают, а я? – пил, болел, болтал, валялся, глотал газеты...

Около восьми вечера по-московски, но уже темно, словно сейчас глубокая ночь. Пишется и думается плохо, тоска и беспокойство гложут сердце, и хочется вернуться в Питер или в деревню, пропариться в баньке и сидеть у камина за крепким чаем.

В Москве накануне отъезда столкнулся с бессмысленной ненавистью вчерашних “соратников”... Мелкая выгода и пошлый страх объединили

их в злобную группу, требующую у меня – денег? (А я на дорогу пятисот рублей не мог найти, заложил в ломбард обручальные кольца и единственную семейную ценность – *хрустальную вазу* – больше было закладывать нечего!) [Наступил позже и ее черед, и милка ее продала, когда... наступили еще худшие времена... – *Замечание 23. 05. 05.*]

Но как отчищаешь одежду от грязи, а не хранишь ее на память, так и воспоминания о низком...

Да я их уже и не помню! Даже друзья друзей моих их позабыли, и даже иные враги!

И ещё не закончится осень, но и по мокрым дорожкам Летнего сада я пройду, безмятежный.

Только что проехали Курган, вдоль железной дороги березовые колки, поля и лужайки. Проехали Зауралье, и теперь тянется до горизонта равнина с одной стороны, с другой приближается озеро. Оставлю на время заботы и невзгоды, улыбнусь легко и радостно, и забуду печали. Тревожит меня поездка, ожидание встречи с родными, и уже мечтаю, как вернусь в Новгородскую деревню, выйду в огород с лопатой, вдохну полной грудью, и стану счастлив вполне.

30 сентября, четверг. В Тайшет приехал я в *воскресенье*, в час ночи по местному, но все же и за столом посидели и самогонку пили, а в понедельник утром пошли с тётёй Соней к Любе.

Мама никого не узнаёт, мучается, пролежни ужасные. Витя её поит с ложечки, даёт ещё спиртовую настойку... Может быть уже ни от чего хуже не будет, как и ни от чего не будет лучше, и только в сердцах я ругался на Бога – разбойники и казнокрады наслаждаются жизнью, и им в помощь лучшие врачи, и священники за них возносят молитвы, а с бедной крестьянки, не знавшей вволю счастья ни в детстве, ни в молодости, ни в зрелые годы, даже перед смертью “сдирают шкуру”! Да за какие грехи?!

Во вторник приехала тётя Нина, снова ходили проведать маму, но не узнала никого, и глаза не открывала, только стонала и плакала. А чем помочь? Сжимаешь сердце в камень, чтобы ничего не чувствовать, и как закаменелый ходишь, говоришь, ешь, пьешь... Ругать ли себя за бесчувствие?

В среду днем два раза заходил ее проведать. Словно бы на мгновение она меня узнала, еле разборчиво прошептала – “узнала”! – и снова в беспамятстве утонула.

(Мама умерла *12 октября, во вторник*. Похороны были *14 октября, в четверг*).

Пятница, 1-е октября. Поездка моя заканчивается, уже возвращаюсь в Москву.

Какая-то дурочка по поездному радио под стуки там-тама поёт безголосая дурочкины песни – и так уже десять лет. Если народ ещё не до

конца отупел от социализма и водки, то от бесконечного “тамтама” отупеет он до конца.

Кто же виноват? И что делать?

Делать, конечно, нечего, потому что для самого маленького дела нужны деньги, а найти их негде. А ведь пять лет назад деньги были, но ума у меня было ещё мало, и вбухал я их в безнадёжное книго-издательское болото, а теперь и сам в этом болоте тону.

Призываю чудо – но оно не приходит. Думаю о смерти – но и боюсь её, как только дуновение её заслышу. Да и умирать ещё не ко времени – ничего не доделал из задуманного, и если умру, то окажется, что жил зря, да и семья моя будет ещё в худших тисках, и Настенька не получит дóлжного образования.

Хотя я и непрочная подпорка, покосившаяся, но что-то ещё сдерживаю?

Нет, надо пока колотиться! И если сдохну, то хотя бы попытаюсь перелезть через колючую изгородь зоны.

За окном красиво, золотая осень, одежда на березах еще не вся прохудилась, но земля уже устлана желтым ковром.

Продолжу-ка я Металогика, хотя молоток, отбивающий однообразный ритм оболванивающей Россию музыки, все бьёт и бьёт назойливо в уши.

Пробовал я учить чтению Ирину дочку по *школьной* Азбуке и ужаснулся – не злоумышленники ли писали её?

Такое же тягостное впечатление производит текст Конституции...

Быть может, взяться за благое дело, и написать самому “Начальную Азбуку для обучения чтению маленьких детей” или “Конституцию России – то есть Азбуку основных гражданских прав и ограничений”?

Правда, чтобы взяться за их писание, надо надеяться, что удастся их напечатать – жить для времени, когда меня не будет, не интересно! – следовательно, надо сначала заработать немало денег, а потом уже засесть за писательский труд. А заработать не только *много* денег, но даже *немного*, я не сумею, посему должны они свалиться на меня в результате чуда – для этого же у Господа должен быть некий замысел в отношении меня. Но пока ничто не указывает на внимание Господа ни ко мне, ни к России – а находимся мы в сходном положении – в долгах, в растерянности, оставленные и преданные. Я оставлен удачей, предан государством, воровским и равнодушным обществом, лживой, трусливой и невежественной интеллигенцией, Россия же оставлена своим спившимся и задремавшим с похмелья народом, предана лживыми союзниками, соседями по коммунальной квартире, которые её ограбили, и собственными домочадцами, которых она защищала от внешних врагов, и которые теперь норовят поделить и промотать наследство отцов.

Нам обоим нужно Чудо, но Бог или спит, или не вмешивается в историю и жизнь людей; возможно, Бог – это всего лишь *Аксиоматика*

нравственности, лежащая в основании мира, подобная правилам геометрии, подобная закону всемирного тяготения или *Силе Тяжести*, которая хотя и в значительной степени определяет способ существования на Земле, но не обладает волей и равнодушна к спорам людей, и когда Холмс сбрасывает в пропасть Мориарти, она помогает *нашему* разбиться о камни, а когда, напротив, Мориарти сталкивает Холмса в пропасть, тянет вниз *добродельного*.

Десять часов вечера.. Душно. Только что проехали Казань. Томлюсь в ожидании Москвы, и нет другого смысла ни во вчерашнем дне, ни в сегодняшнем, кроме томления. А может ли быть стоящим день, от которого ждёшь единственного – чтобы он поскорее прошёл?

Начало октября, конец тысячелетия, эпоха электроники, автоматике, геной инженерии и прочей мало помогающей жизни белиберды – но вот уже больше сорока лет, невзирая на весь этот технический прогресс, каждая поездка на поезде сопряжена с мучениями – мучаешься, покупая билеты в длинной очереди, испытывая неудобства в грязных и тесных туалетах, получая бельё и сдавая его... но самое большое мучение – духота и жара в вагоне – независимо от температуры на улице.

Возможно, богатые и властвующие живут в другом мире и ездят в СВ – но томиться от жары приходилось мне и там.

Впрочем, не одна только железная дорога издевается надо мною, а и вся окружающая жизнь, ее трудность, пошлость и безобразие, а еще хуже то, что кроме меня никто не возмущен ее несправедливостью, никто не пытается и даже не мечтает изменить ее к лучшему. Ну, конечно, всяк хочет больше денег, больше квартиру, больше жратвы и шмоток – но мирится с гадкой неблагодарностью нашей *общей* квартиры, с разрухой лестниц, лифтов и подъездов, улиц и набережных, дворов и фасадов, с невозможностью гулять или *распивать* у парапета на Екатерининском канале, ибо вокруг – нечистоты, мирится с опасением возвращаться домой поздно, ибо ограбят, изнасилуют или зарежут, мирится со свалкой, в которую превращены окрестности городов и околицы деревень, обочины дорог, мирится с ложью на телевидении, мародерством чиновников, разгромом, нищетой, воровством и насилием в армии, разрухой в промышленности, фальсифицированной едой и выпивкой, опасной для питья водой, опасным для дыхания воздухом...

Мирится всяк не только с бедламом снаружи, но и с собственным растлением, с бедламом и маразмом в своей душе и в своем уме.

Да, не одно бездарное правительство виновато, но и управляемое им стадо, потому что оно выделило из своей среды и наделило властью не только преступное, но и тупое правительство, которое мучает своих подданных даже более, чем придурочный и нерадивый пастух мучает бессловесных коров.

Кожа моя тонка – вот почему мерзость сегодняшней жизни затрагивает мою совесть; у всех остальных шкура бегемотная, и они спокойно жрут, пьют, спят, храпят – в грязи и во лжи, не замечая их!

А что делать мне? Просто жить, или головой биться о стену?

Жизнь моя не удалась – но у кого сегодня удалась она?

Удалась ли она у России, в пьяном угаре сокрушившей свою мощь, разметавшей свои богатства, унизившей и унижающей своих детей, теряющей население, территорию, армию, интеллигенцию, культуру, промышленность, дух?

И кликну я – *Гой, ты, Русь!* – и никто не услышит...

Слышащих нет, зрячих нет, страдающих и болеющих за Русь – нет, ибо болеют за себя, за свое место в России, и никто не согласится стать последним в ополчении, а только на белом коне и впереди войска, и только если въехать в Кремль. И таковы все политики и патриоты, которых общественный и государственный разлом в России вынес на поверхность во главу движений, партий и групп.

Конечно, и я хочу повести рать за собою – но не из-за честолюбия, желания выгоды и власти, а потому что верю только себе и в себя, и воистину хочу Россию спасти.

Потому что ее благо для меня важнее моего. Потому что я – по нестижимому изволению Божьему – свободнее всех, я хотя и отдавал дань всем общественным увлечениям, но не стал их рабом и прилежным данником.

Разве не мечтал я (вместе с другими) о царстве справедливости и "светлом будущем всего человечества"? – но слишком был верен Культуре и *Духовной свободе*, чтобы поверить в материалистическое учение и коммунистическую идеологию, и попытку всё разнообразие жизни объяснить через механику, экономику и физиологию, что привело к попранию свободы и к политической тирании.

Разве не мечтал я о *Равенстве и Братстве*? – и так же жажду их и сегодня, но насильственное равенство, диктатура пролетариата, партии, вождя, ненависть к выдающемуся и жажда приведения всех к общему – низшему – знаменателю мне всегда претили. Однообразие тужурки маоистов, вульгарная социалистическая уравниловка, подчинение духа материи не находят во мне поклонника.

Я восторгался и Священным Писанием и подвигами Веры, но родился слишком живым, чтобы желать "*жить, аки умереть*", то есть побороть страсти – а पुще страсть к женщине; и смирить любовь – к России, культуре, семье, друзьям, поставив ее в подчиненное положение по отношению к церкви и Богу – ибо я не хотел для Бога пожертвовать Родиной и семьей, но, напротив, только в том, что на земле мне дорого, находил небесное; не хотел я и отказаться от земных радостей, и земной жизни...

Как не восхитился я горделивым призывом *мыслящей плоти* – "Долой Небо!" – так не увлекся и восторгом *надменного Духа* – "Долой Землю!"

И Дух, и Плоть, разделившись, требовали обезличиться, восстали на *самость* – но как надобно было Духу *вочеловечиться*, так надо и человеку *вдохновиться*.

Так же свободен я и от национальной узости, и хотя русское во мне прежде всякого другого, не соглашусь ограничить себя только русским, отделившись от всемирного, ибо не ослеплен любовью к русскому, и слишком чувствительно чувствую его изъяны – и лень (как мою собственную), и пьянство (да я ли и сам не выпил “окиян-море”?), и бесшабашность (правда, в ней есть и достоинства), и невежество (хотя, в массе своей, и все народы невежественны, кроме, быть может, евреев? Только не сознаются в этом из-за самолюбия, а мы сознаемся. Да и вообще наше критическое к себе отношение стоит иных недостатков. Другие видят в себе совершенство, и только мы себя обличаем!)

Итак, я свободен, не молюсь на Маркса и Ленина, не требую подменить русскость православием, а мечети и синагоги взорвать, не объявляю квас и бересту вершиной цивилизации; но и не “выбрал вместе с нынешней молодежью *пенси*” и *адидас* (в надежде, что “тогда уж любая даст”).

Современный человек ограничен. Он способен перебирать те карточки, которые ему розданы, и не отваживается не только строить, но даже помыслить о строительстве Новой Преображенной России.

Коммунисты стройными колоннами маршируют мимо Мавзолея, пока еще только косясь на тех, кто на обочине.

Православные идут со свечами в руках, но не хотят жить при солнечном свете.

Патриоты сторонятся инородцев и евреев, интеллигентов и масонов и слишком пахнут дегтем, так что принуждают и себя сторониться.

Другие же из русских, которым Россия хоть огнем гори, а лучше, чтоб и сгорела – то есть не православные, не коммунисты, не патриоты, но или *новые русские*, или интеллигенция или *простой* народ – представляют из себя уже не народ, но *население*, одна часть которого грабит, насилует, убивает, другая же, еще не все забывшая из прежде читанных книг, заклинает – *только бы не было войны, только бы не было фашизма, только бы не было коммунизма, только бы не стало еще хуже*; третьи пьют; четвертые платят дань покорно и молча и позволяют сдирать с себя уже четвертую шкуру.

А я не хочу ни коммунистического рая в казарме, ни клерикального государства, ни абсолютной монархии Петра Первого, ни даже “относительной” монархии Николая Второго – но я не хочу и нынешнего бедлама, соединения воровской “разборки” и публичного дома.

Всякая власть от нечистой силы, но в России – особенно!

И потому и вчерашнее и сегодняшнее я – отвергаю!

И потому я всем чужой. Я свободен – но одинок!

8 октября, пятница, 19-00. Сегодня я приехал из Москвы в деревню, сходил за грибами, наварил картошки, затопил баню и купил молока.

Вечерняя заря, смеркается. В бане бросил я в печку последние дрова, и начинаю сгребать картофельную ботву в междурядьях.

20-15. Заря почти вся догорела, чуть краснеет полоска.

Вчера полдня просидел на Фрунзенской набережной, обивая порог *парадного подъезда* известного политика – во имя чего? Не лучше ли было сразу уйти и *вымыть руки* – а лучше даже *вымыться в бане!*

Но не всё плохо в жизни, в частности, *приставал* я к девицам.

В понедельник вечером, выпив с С--ным, по дороге домой приставал к некой Лидии; на следующий день, в книжном магазине в переходе метро познакомился с продавщицей Таней.

В четверг, уже в Московском метро, познакомился с 16-ти летней девушкой Анной «из башни» (?), подарил ей журнал; а возвращаясь из Москвы, в Новгородском поезде любезничал ночью с попугайцей и сочинил для нее несколько строк:

*Сочинительство – мука и грех,
Дерзкий план исправления мира.
Посему – хоть божественна лира,
Но за сценою – дьявольский смех.*

2000 год

19 февраля. Ночь на воскресенье. “Кому повею печали моя?” – ну, и в самом деле – кому?!

Провожал с Ан. Мих. Таранова, выпили пива; потом прошлись до метро, и выпили еще на двоих бутылку.

Несходство наше с А. М. не уменьшилось за сорок лет – но уменьшилось ли мое расхождение и с обществом за сорок лет?

Правота не оберегает от унижений. Вот был я прав в 70-м году, а подавляющее большинство общества было неправо – но посадили в тюрьму, а потом в сумасшедший дом – именно меня. (Хотя как раз общество, безумное и бестолковое Российское общество, еще с эпохи революций ничего лучшего, чем сумасшедший дом, не заслуживало!)

На что же надеяться в бесконечном споре с неправыми, в котором я постоянно терплю поражения?

Быть может, только на время?

Во-первых, время обладает множеством чудесных свойств, в частности, оно *лечит*; кроме того – *наказывает!* – правда, всех, равно и правых, и виноватых, но все-таки и виноватых тоже, и если нечистая сила сегодня торжествует, то надо только запастись терпением, и тогда может быть удастся дождаться и той сладкой минутой, когда и к ней придет возмездие, и зашибет и ее, наконец!

Во-вторых, время еще и *обнажает неправоту неправых* – но тоже, увы, надо ждать иногда очень долго. *Выяснилось*, в конце концов, что земля все-таки вертится вокруг солнца! И инквизиторы и церковная истина оказались посрамлены!

Ну а из моей правоты что-нибудь *выяснилось*?

Мало я доказывал, что большевистские вожди – негодяи, что народ – не лес, который рубят, а люди – не щепки, которым и положено лететь при рубке леса?

Мало я в 68-ом году негодовал о вводе войск в распрямляющуюся Чехословакию?

Нет, надо было дожидаться, пока вся система рухнет, пока и слепые согласятся, что тогда погорячились малость, раздавили “социализм с человеческим лицом”, – ну зато теперь и всякий социализм погублен!

Мало я в 79-ом негодовал о вводе войск в Афганистан?

Нет, надо было убить наших 50 тысяч, и ихних убить и покалечить 500 тысяч, чтобы через двадцать лет догадаться, что зря “моджахедов” *мочили* – ошибочка вышла!

Мало я негодую из-за Чечни? Да весь бывший советский, а ныне русский народ голыми руками готов передавить всех чеченцев с малыми детьми, а заодно и тех русских (до полумиллиона!), которые там еще при СССР оказались!

Мало ли говорил я, хотя и шопотом, что прав Солженицын, когда даже близкие мои чуть ли не предателем его называли?!

Мало ли негодовал я и плакал, что храмы и дворцы и памятники старины разрушаются, а противники “мракобесия” готовы были и последние из них доломать?!

И вот, прошло сорок, или тридцать, или даже десять лет, и везде оказалось, что я был прав, а мои спорщики, даже не заметив, как будто коммунизм не они строили, и вождям не они молились, уже теперь и против Сталина, и против Ленина, и против “коммуняков”! Вот я поливал споры своею кровью, а они даже не помнят, *за что* спорили!

А ведь негодую я потому, что неправота редко бывает невинна! Не лучше неправые тех, кто мучил праведных, и без покаяния не смеют очи высоко держать!

Без покаяния в неправоте человек *обречен* на новые ошибки и преступления, и поэтому у нас снова “*лес рубят – щепки летят!*” – ну, сегодня “*лес рубят*” – это “*мочат* чеченцев”.

Но почему ничего нельзя доказать?

Вообразим, что я разжигаю костер под дождем! Конечно, кончится это тем, что и сам я промокну.

Вот почему не удастся подчас взрослым объяснить то, что дети знают без объяснений – потому что за жизнь свою человек так *отсыревает*, что его даже Господь зачечь не в состоянии!

Но зачем так уж надо мне обличить их, усювестить, доказать неправоту, призвать к покаянию, дожидаться раскаянья?! Да затем, что, презирая и ненавидя, я ведь и люблю единственно только пьяный и опустившийся народ свой, и не могу оставить его наедине с падением...

Увы, непонимание гнетет мою душу, я в одиночестве, как и тридцать лет назад, даже в большем, чем в ту пору. Прежний мир был ненавистен мне тем, что оправдывал зло как *средство* для

блага, но хотя бы на словах проповедовал он стремление к благой цели жизни.

Нынешний же мир циничен, он уже и на словах не проповедует идеальное, и цель теперь одна – *стать богатым*.

Семейные связи, дружба – второстепенны; любовь – именование вакханалии.

Но жалобы – бесплодны, в них нет преодоления.

И все непреодолимо – кризис в мировоззрении, падение России, бесцветность жизни.

Так что поговорю я лучше о своих частных проблемах.

Во-первых, о добывании денег... (Правда, добывание денег – не самая лучшая тема для “философствования”, и потому о деньгах писать я не буду – если только не придумаю про них нечто столь удивительное, что даже и для *металогии* пригодится.)

И, во-вторых, о романтических историях...

Вот, например, вчера в кафе влюбился я в Леночку... *влюбился*, конечно, в определенном узком смысле, то есть подпал под чары такой “*блядской*” привлекательности, из-за которой “за бугром” девиц называют “секс-бомбами”.

Но, конечно, из этой романтической истории ничего “не светит” ни для романтики, ни для духовного возвышения, а только пауза в тяготах жизни – зайти, выпить пива, когда будут деньги, поллюбезничать, полюбоваться “блядскими” формами.

Впрочем, о “романтических историях” в “блядском” преломлении я постараюсь тоже писать поменьше, потому что и телевидение и бульварная литература столько и так на эту тему стараются, что вливать в этот поток что-либо еще и мне – бессмысленно – хоть грязь лить, хоть воду, хоть вино! Столь откровенно как они – не могу (как не смогу лягушку съесть, хотя французы – едят); а привлекательно для читателя – не сумею, потому что все же я не от стриптиза или публичного дома, я – культурен (не в том смысле, что ложку умею держать, а что не умею изъясняться без оглядки – на Пушкина, Тургенева, Бальзака, и если даже захочу писать о том, как женщина раздевается, то все время буду мысленно оглядываться на *великих* – так написать, как они, я не смогу, а хуже – не посмею.)

Ну, вот.

Какие же еще частные проблемы?

Главная – стоит ли мне и о чем бы то ни было писать, есть ли смысл в писании?

Вопрос этот я задаю пятьдесят лет подряд, а ответить на него все еще не могу.

Писать плохо – бессмысленно!

Если я обличаю народ в лжи, малодушии, раболепии, то сам должен народ обличаемый – превосходить; хотя бы в выразительности и силе гневного обличения. Должно прожечь заскорузлую шкуру народную – или у же молчать.

Следовательно, проблема главная – одна – когда же Господь раскалит *добела* Слово Мое, когда же “*мудрѳя змеи жало в холодные уста мои вложит*”, когда же создаст из меня, немощного и невыразительного, если не Пророка, то Поэта (хотя, впрочем, в России это одно и то же)?!

Но, в ожидании небесного пламени, все-таки что-нибудь да буду писать – потому что жить молча еще тяжелее.

Но стоит ли и после писать? – вновь спрашиваю я себя? Что плохо писать не стоит, положим, очевидно. Но стоит ли писать и хорошо? Пусть я напишу нечто даже гениальное – изменится ли что-нибудь в моей жизни или в жизни страны? От Достоевского ли и Толстого, Лескова, Рѳзанова и Леонида Андреева зависела жизнь этого бестолкового народа, который в массе своей не читал никого из них – да и правящий класс читал их мало? Что изменится, если повесть моя окажется даже гениальной, если узнаю я, *зачем приходил Христос*, и напишу о том – что изменится не только в жизни страны, но даже в моей собственной?

Изменилось ли что-нибудь существенно и после Его собственного Пришествия, когда Он Сам объяснял свои цели, усоветшал, проповедовал, исцелял, и воскрешал мертвых?

И хотя христиане утверждают обратное, но и христиане не стали ангелами, и язычники – бесами, и, например, атеистическая *Эпоха Просвещения* разве хуже была религиозных столетних войн, крестовых походов, Варфоломеевской ночи, Инквизиции и суровой повседневной средневековой жизни, воюющей с радостью плоти?

Да, увы, ничего не изменится и в мире и в России оттого, что научусь я писать и напишу нечто значительное, и историк литературы через сто лет, перечисляя литераторов 20-го века, назовет и мою фамилию...

Парадокс заключается в том, что если я тяжело болен и почти умираю, то умру или нет, стану ли счастлив, или будут болеть душа и тело, никак не зависит от того, удастся ли мне решить какую-либо невероятную математическую задачу, или написать какую-нибудь невероятную любовную повесть – увы, болезнь не узнает о моей гениальности или бесталанности, с *откровением* или духовным падением моим она не связана!

Хотя... может быть, всё и не совсем так... Если моя повесть окажется настолько хороша, что ее можно будет поставить в один ряд с *Бедными людьми*, *Борисом Годуновым*, *Одним днем Ивана Денисовича* – то хотя в мире и в России ничего существенно не изменится, и как мои писания не повлияли на итоги выборов президента нынешнего, так не повлияют на будущие итоги через четыре, восемь, двенадцать лет, и значит, никак не повлияют на жизнь в моей России, ибо – увы! – гений по влиянию на жизнь в России ничтожнее самого тупого и бездарного властелина (не говоря уж о том, что, может быть, тупые и бездарные сильнее всего влияют, ибо они – разрушительны, их тупости хватает, чтобы разрушить то, что создали поколения, а потом новым поколениям приходится на пепелище отстраивать... Итак, в окружающей жизни ничего не изме-

нится, но... придя я к В--е... или к Сашеньке... или к Леночке... а им уже кто-то скажет другой, что я – гений, и они на меня посмотрят так нежно, и подумают, что все-таки я не только пыль в глаза пускал, но и действительно кое-что из себя представляю, и даже – гений! И вот они на меня будут нежно смотреть, а я им скажу: *Девчонки!* – скажу я им! – Ведь дополз я все-таки до этой вершины, где на самом пике, на самой верхней скале, на ее последнем крутом склоне, на котором написано: *приют гения*, и растут неувядающие цветы! – и вот сумел я, один из немногих, сорвать их, и вам принести! Конечно, они ничего не стоят, за них не дают *мерседесы*, и дачу, и власть даже над взводом солдат, и даже тысячи долларов за них не дают, и даже сто! – но я ведь только один из немногих, кому удалось доползти до этой вершины!

А девчонки – эти необыкновенные создания! – они даже этой мишурой гениальности способны восхититься, даже при отсутствии мерседеса и дачи и тысячи долларов! Так разве не стоило писать и ползти ради их одного хотя бы нежного взгляда?!

И это еще не все!

Я и самому себе скажу: ну, вот, теперь и умирать не жалко! Целую жизнь мечтал и стремился, и – написал таки *гениальную* книгу!

Да, может быть, после этого, в каком-нибудь глухом месте, где меня уже никто не найдет, тихохонько, никому не мешая, я удовлетворенно умру. (С блаженной улыбкой счастливого идиота.)

3 апреля. Морозное утро начала апреля, скоро зазеленеют почки на ветках, а я по дороге на работу, в метро, страшусь смерти, и ни в каком уголке этого мира не хочу умирать. После ли вчерашней бани или двух бутылок пива? – но сердце стучит и трепещет, и я молюсь на свой “алхимический” *анаприлин*, надеясь, что через час станет легче, и схлынет трепетанье и страх и – но выпендриваться хоть какое-то время поостерегусь.

Позавчера от Исаакиевской площади ехал домой я с Настенькой.

Сначала мы постояли напротив Исаакиевского собора, затем дошли до Екатерининского канала, пошли по набережной и пересекли Гороховую улицу.

Настеньке пока семь лет, через семь недель исполнится восемь.

– Да, знаю, мы изучали, – сказала она, – по проекту архитектора Еропкина от Адмиралтейства расходятся три улицы: Невский проспект, Гороховая улица и Вознесенский проспект.

(А я и не знал автора проекта, прожив в этом городе сорок лет).

Мы постояли на мостике, полюбовались Адмиралтейством, и пошли к Казанскому Собору. В метро она поразила меня еще больше. На переходе продавали косыночки, и она уговорила купить ее в подарок для бабушки Марины – *ведь у нее всего одна косыночка, она их любит, а вынуждена связывать все время одну и ту же!*

Потом попросила купить котенка, которого продавала бедная старушка. Я отказался, Настенька разрыдалась.

– *Ведь у нее никто не купит котенка, а бабушка старенькая, она даже вся трясется, у нее, наверное, больше ничего нет, и даже не на что хлеба купить!*

[Впору самому заплакать...]

Хорошо, кто-то к старушке подошел за котеночком, и Настенька успокоилась.

– *Ведь правда, дедушка, главное не в том, чтобы быть красивой, человек должен быть добрым, жалеть других людей! Вот я не красивая, но не расстраиваюсь, было бы хуже, если бы я была красивой, а чужое несчастье меня не трогало...*

– *Ну с чего ты взяла, что ты некрасивая? Ты даже очень недурна, симпатичная девочка (я даже думаю, что и более того). Но лучше не слишком задумываться о своей внешности, потому что человек ее формирует в течение жизни своими поступками, чувствами и мыслями, и стараясь быть добрым и культурным, человек постепенно и внешне становится привлекательнее.*

Потом мы купили воздушный шарик (утром, уходя на работу, я его надул, принес и положил на стул рядом с кроватью, Настенька проснулась, улыбнулась блаженно и снова закрыла глаза).

К чему это я про Настеньку так много пишу?

Да к тому, что я ищу твердь под ногами, стóя посреди раз-верзающейся хляби.

Хлябь эта – мой безумный и жестокий народ. Что же мне делать? Продолжать ли ненавидеть зло, и потому ненавидеть и питательную почву его, источник, из которого изливаются целые его реки?

Или примириться с народом, купаться в мутной воде, ловить в ней дохлую рыбу и восклицать: *Ах, как хорошо! Народ всегда прав! Он – свят. Он – свет! Он выше всего!?*

Но так ли?

Еще и в деревне, в детстве, я знал, что одни – хорошие, другие – плохие. Конечно, плохие не всегда до конца плохи, иные отчасти бывают хорошими, как трухлявое дерево может быть не полностью трухлявым; иные способны еще и исправиться.

Но есть ведь и точно плохие?!

Ну, например,ходишь ночью в темную подворотню, а он тебе ножиком в живот, повернул два раза, убедился, что затих, снял часы и кошелек и пошел *довольный* – так вот, я не буду оспаривать, что и этот не на сто процентов плохой, и в нем немало хорошего, во-первых, в свободные от разбоя дни встречается он с друзьями (если у него есть друзья), выгуливает собаку, гладит ее, кормит, и детей приласкает (если у него есть дети) – но только я такому диалектику, который тщится всех убедить, что плохих людей не бывает, хорошего не пожелаю. Очевидно, что тогда и больных нет, потому что всяк, кто болен, пока не умер немножко здоров; и на улице не бывает холода, потому что это наше субъективное ощущение, мне вот уже холодно, а соседке (*молочной телке*) все еще нет, и даже грудь нараспашку и молоком пахнет (впрочем,

как вспомнил про нее, так и мне потеплело!). И хороших людей тогда тоже нет, в каждом что-нибудь плохое найдется.

Но да ладно... И с этими *диалектиками* давайте не будем мы спорить, а подкараулим в темном месте, и... тогда и поговорим, выясним отношения...

Итак, возвращаюсь к народу. В нем всего хватает, и жуликов, и пьяниц, и лентяев и трусов, и злых и подлых, и завистников и придурков... и поэтому не скажу про народ, что он – “Богоносец” — если только под народом не понимать некую *отвлеченную* идеальную сущность, некую “соборную” личность, существующую *над* и *независимо* от расхристанного русского люда (и от меня, грешного, потому что уж я-то – точно плохой, потому что не сюсюкаю перед народом русским и всячески его готов оскорбить).

Да ведь и всегда и у всякого народа большинство – тупая и зловредная чернь, – но есть ведь и те, которых я люблю, и из-за которых – страдаю!? Есть Настенька. Есть друзья и родные. Есть разные милые девочки, в которых я влюбляюсь. Есть много прекрасных, чистых и страдающих, которые любят Россию и не любят Гайдара и Чубайса; все они, и русская культура, и остатки ее храмов и пепелища дворянских поместий – та твердь, на которой нам нужно выстоять. И поэтому, хотя я ничего не сумею изменить в этом мире, даже если научусь писать хорошо (те, которые властны менять, не прочитают и не поймут, а которые поймут и прочитают – тех воля ничего изменить не может, как и моя!) – но все же, все же! – через десять лет хотя бы Настенька прольет слезинку над моими сочинениями, а сегодня, может быть, Сашенька прочитает и полслезинки прольет – посему – буду пока стараться и мучиться, и вдруг... вдруг да даст Господь долю таланту, и я напишу что-то стоящее!

И значит, окажется моя жизнь и моя смерть – не напрасны!

Понедельник, 17 апреля, полдень. Я уже доехал от дома до метро, и уже еду вниз в электричке к Сенной – авось, доеду.

Весна уже не на шутку хозяйничает в городе, вчера дождь хлестал, я слышал шум его еще в офисе за компьютером. На деревьях почки набухают – не скажу – “на глазах”, ибо я словно в темной норе, в мешке каменном, и хотя по улице прохожу, но не смотрю на деревья. Духом пал еще больше, если можно еще больше духом пасть, и денег еще меньше – если их может становиться меньше, когда их и нет совсем.

После вчерашнего бахвальства и *выпендривания*, когда я *жизнь* обозвал “квартирной хозяйкой” и потребовал *развода* и *расчета* – буду теперь кротко и скромно писать правду, а она неприглядна, и не выставляет меня в героическом виде. Явился я вчера домой в двенадцатом часу ночи после посещения двух кладбищ с С--ным – сначала у часовни Ксении Блаженной на Смоленском кладбище мы поставили по свечке, потом нашли могилу Сан Саныча и помянули его 72-м номером портвейна, по вкусу напоминающим лак для ногтей и средство для снятия лака одновременно.

Оттуда зашли поблизости на Лютеранское кладбище, где зловредное “средство” допили на могиле Курта Зигеля, у которой в шестидесятые годы собиралось так называемое “общество Курта Зигеля” и устраивало попойки, названные “зигеляжами”. Но тогда мы были молоды и здоровы, и не только лак для ногтей нам был нипочем, но и *дихлофос*. Впрочем, в то время Советская Власть, обладая монополией на производство алкогольных напитков, *семьдесят второй номер бормотухи* гнала пусть и из гнилого винограда, добавляя древесный спирт, но спирт этот слегка чистила и дихлофосом не разбавляла – не было тогда такой задачи – пьющих русских мужиков извести под корень!.. Итак, выпив 300 гр. *портвейну*, явился я домой, поужинал и лег спать.

В шесть утра меня *жизнь* разбудила, и мне показалось, что она собирается меня бросить и выгнать из дому, т. е. *развестись*.

Это мучительное состояние хоть и сродни похмелью, но скорее душевная *дурнота*, а не страдание плоти.

Боишься смерти, остановки сердца – а еще больше боишься, что вот сейчас страх захлестнет и начнется паника, и побежишь, сломя голову, неизвестно куда.

Это душу сжимает, ломает и душит, и сбрасывает с высоты ...

Заканчиваю уже по дороге домой, и хотя весь день отстрадал, и теперь еще чувствую себя не лучшим образом, но – жив и, кажется – *отхожу* (то есть, не в другой, или, как говорят, *лучший* – но лучший ли? – мир, а *отхожу от умирания*, становится легче).

Сейчас объясню, почему я срываюсь, и выпиваю лишнее (а у меня теперь и первая рюмка – лишняя, не только последняя); затем объясню, почему еще продолжаю писать; а если сумею оправдаться и в этом, то возьмусь еще за один рассказ о прошлом – “Блаженная юность и *непорочное* зачатие”.

Итак, пью иногда, потому что... – по нескольким причинам..

Конечно, в пьянстве ничего хорошего нет ... Но ведь что-то в нём есть и кроме плохого?! А? Вот в бане, после парилки, с Казимиром и Володией Тар--ым мы пьем пиво, разговариваем “за жизнь” и “о бабах” (хотя им, за которыми бегаем и из-за которых страдаем, этого не понять...) – и так нам легко и *проникновенно!*

А вообще-то ведь не сладко живется... временами и совсем силы нет жить.. впору заплакать... но и недостаточно горько живется, чтобы слезы были оправданы... и вот, выходит, нужно, чтобы стало хуже, чтобы и чернила не расплывались, а горячими словами разбегались по бумаге, и чтоб над слезами никто не смеялся...

Пока Трагедия не заполнила пространство быта, это все еще пошлый, нескладный, несладкий, но приемлемый быт, и ни стихи, ни молитвы, ни вопль отчаяния из него не рождаются. Но вечно тянуть ляжку пустоты, усталости, бесцельности, безвыходности, вечно быть хотя и живым, но в заточении – хуже, чем взойти на эшафот и быть казненным.

Душа стремится *подняться к Трагедии* – ибо это единственный путь, способ Побег из заточения.

Болезнь должна стать смертельной. Боль – нестерпимой. Напрасное ожидание – безграничным отчаянием.

Одиночество, безучастие, неприютность – полной *оставленностью*, пренебрежение окружающего мира должно раслиться до несправедливой ненависти.

Пока только зыбко, зябко и дрожишь от холода, и равнодушные только смеются – Пророк не найдет сочувствия даже у будущих поколений. Надо, чтобы толпа возвысилась до злобы, и невинного оплевала, опозорила и замучила – а потом, отхлынув, пробормотала – *не того ведь зашибли, а*, не этот виноват, погорячились... И только одно какое-то дитя проронило б слезинку ...

Впрочем, я уже не про выпивку... Дело в том, что... если стать правильным, чай пить без сахара, суп есть без перца и соли, на девушек не смотреть, и не хлебнуть *бормотухи* в теплый весенний день, хотя потом проклинать себя за несдержанность и чуть не сдохнуть – тоже не жизнь... Так что пусть судьба меня мучает, но если не сломлюсь раньше времени, если смогу дожить до Последнего края, когда дальше уже некуда, разреженный воздух и лед и скалы, и скорее бы смерть! – тогда, может быть, и я смогу написать убедительнее...

22 апреля 2000 г. Сегодня ночью сердце переставало работать, и по комнате шел я с трудом. Просыпался в два, потом в четыре, потом в шесть. Как засыпающая бабочка трепыхалось в груди моей сердце.

Но почему мне плохо, почему замирает сердце, чем я болен?

Болен я равнодушием моего народа к теснимо духу.

Да, когда взрывали храм на Сенной; на площади Труда; на Греческом проспекте; на Гражданке – я негодовал и мучился, а иные из моих ближних еще и возражали моему негодованию, не то, чтобы самим впадать в отчаяние из-за безумного варварства власти.

Когда русские вторглись в Афганистан, ничего я не сделал *против*, не разбрасывал листовки, не шел с антиправительственной демонстрацией по Невскому! – но хотя бы негодовал и мучился, а *ближние* мои даже *детей своих на войну посылали*.

Да в чем разница? – скажут они ныне. – Мы вместе были бессильны изменить государственную политику, ибо властвовала тирания, так наше *покорное молчание* и твое *негодование шепотом* – не одно ли и то же?

Нет! – отвечу я.

Одесную и ошуюю Христа были распяты двое разбойников, и помочь Христу уж они ничем не могли, даже если б и захотели. Однако один из них осыпал Христа бранью, другой его пожалел.

Не только от того я страдаю, что рушились сердца и храмы, но что народ мой (и ближние мои в том числе) или был безучастен, или негодаям сочувствовал, с ними из народа были *все, как один*, и даже

Ахматова бросила камень вслед **изгнанным**, сказав – “не с теми я, кто бросил землю”. Это они-то бросили?

И все-таки понимание и сочувствие в недавние годы я еще находил; на будущее – надеялся; в себя и в свои возможности повлиять на мир к лучшему – верил.

А сегодня – всеобщее растление и пустыня.

Каждый живет собою. Что им до афганцев, до чеченцев, до крушения науки, культуры и экономики; до потери земель; до вырождения и вымирания народа; до сверхмысленного разграбления государства?

А бывал и я счастлив, несмотря на советское время. Собирались раз в месяц или чуть реже друзья мои на музыкальные и литературные вечера, слушали музыку, чаще всего гитару, иногда мои собственные сочинения, пили вино и водку, пили чай с пирогами, и начинались нескончаемые споры о жизни, о правде, о справедливости, о свободе – и тут уж я отводил душу, и если сказал Христос разбойнику, Его пожалевшему, что нынче же тот будет одесную сидеть в чертогах Отца Небесного – то значит это, что даже только сочувствуя добру или злу, мы делаем все возможное в Унижении или в Преображении Мира.

Зло не потому царствует, что у нас нет ружей или патронов, чтобы ему противодействовать, а потому что мы не порицаем его даже наедине с собою. Боимся? Нет, *любим*, ибо любим всякую власть и всякую силу, даже злую.

Народ наш похож сегодня на униженного пьяного мужика, которого побили в мужских компаниях и один раз, и второй, и вот пришел он домой. И гоняется с вожжами за женой и детьми, а то и соседскую старушонку, курица которой к нему на огород забрела, мутузит – о, есть еще сила в карающей деснице, и неповадно же будет отныне чужим курицам через мой дырявый тын пролезать!

Не все, конечно, такие, есть и негодующие – но негодуют только евреи. Только не утешает меня их негодование. Из их же племени и “олигархи”, развязавшие из политических и экономических выгод и первую, и вторую, и вот уже третью чеченскую войну, из их племени и те продажные журналисты, которые черное называют белым, а белое – черным, и те политики и идеологи, которые идеологически обеспечивают разгром России и уничтожение русского народа – которые навязали нам и демократизацию, и либеральную экономику, с ее бесконечными, пока не добьют нас окончательно, реформами, и приватизацию как узаконенный раздел государственного имущества между кланами мародеров, и федерализацию как раздел государства между племенами и кликами...

Да если бы даже все они были святыми, и то бы меня не утешили – я пришел любить или ненавидеть прежде всего *свой* народ – а мой народ терпим к злу и оправдывает его – вот отчего я страдаю.

Да уж кстати объяснюсь я по поводу ненависти.

Подавляющее большинство так называемых *русских патриотов*

“любит” в русском народе преимущественно его пороки и его покорность власти, и любой ценой защищает казенную “честь мундира”, даже когда мундир в грязи или в крови.

Я иначе люблю Россию – это значит, что я люблю русскую литературу, Российские храмы, Достоевского и Толстого, Герцена и Солженицына; русские романсы, песни, музыку Мусоргского и Скрябина, живопись Крамского и Васнецова... Да всё и не перечислю, что я в России люблю, и не за деньги, не для показа.

Но зато и ненавижу многое, и это естественно, ибо любовь плохо смиряется с недостатками, она жаждет Идеала; лишь равнодушие извиняет легко и безмятежно и лень и трусость, и грязь и глупость, и раболепие...

Что самое характерное на выезде из города и деревни? Свалки мусора... А в финских деревнях и в окрестностях *финских* деревень (даже расположенных в России, в Тверской губернии) – чисто и аккуратно. От такого сравнения – к стыду моих соплеменников – у меня и болит сердце. Я люблю Россию и русский народ – поэтому ненавижу порок и хочу искоренить его; восхищаюсь семью праведными русскими коленами и презираю семь неправедных; не говорю, что русские праведники праведнее других, но зато своих разбойников ненавижу иступленнее, потому что они убивают и мучают меня и моих близких, позорят меня и мой народ, и ни Малюту Скуратова я не славлю и памятник ему не воздвигну, ни Иосифа Кровавого.

И когда ругаю я свой народ, то оттого, что я его люблю, ненавижу, и хочу сделать лучше.

А те, которые хвалят и присюсюкивая распинаются о величии народа, – так это те, которые втайне его ненавидят, совсем не любя. Если они что и любили, то очевидно, что я любил совсем другое, моя любовь – Святая Русь, и поклоняюсь я Борису и Глебу, и Сергию Радонежскому, а они – Святополку Окаянному. Не потому ли и город *Борисоглебск* поспешили они, когда Антихрист пришел, в “Гутаева” переименовать, и *Сергиев Посад* посвятили комиссару Загорскому?

Любовь к нашей Истории преимущественно выражается у них в любви к кровопийцам и притеснителям.

Конечно, и собственные мои дела таковы, что хоть на край света беги, постоянно жду, что вот-вот пуля провизжит или топор стукнет по шее... И приходится чуть ли не каждый день как перед следователем или судьёй изворачиваться... и хотя никому не хотел зла, но многие меня в дурных намерениях обвиняют...

Но не буду об этом больше писать – сто́ит ли о собственных бедах писать так много и откровенно? *Да и жалеть надо прежде других, не себя...* А когда забываешь об этом, только на своем наболевшем сосредоточиваешься, то свет еще пуще не мил...

... Сегодняшнее воскресное утро я провел в огороде в деревне, сияет солнце, тюльпаны распустились, трава пробивается сквозь старые листья, почки лопаются, клейкие листочки лезут, шмели гудят, бабочки залетают

в окно, косяк журавлей высоко в небе курлычет, жаворонок поет. Сегодня к тому же *Вербное воскресенье*, соседка подарила яйца для Пасхи (а в прошлый раз принесла самогонки), я починил теплицу, посадил семена для рассады, от земли пышет жаром, на холме над канавой пролески белеют и какие-то синенькие цветочки – такая вокруг благодать! И баня вчера была благодатная, и, ей-богу, я жив и почти здоров... – так к черту мои невзгоды! Авось еще не до конца зашибет меня жизнь, и где-то что-то и в мою сторону вдруг повернется!

И хоть издательское дело у меня умерло бесповоротно, но вдруг из этих записок выйдет что-нибудь путное, если не для читателей, то Настенька прочтает лет через десять, и прольет слезинку!? И хотя пишу я почти все время о себе, и о своих невзгодах, нынешних и прежних, но не про них речь. События моей личной жизни – только скрепы общего сюжета, который разыгрывает с нами жизнь.

Я пытаюсь понять, какова природа нашего общего отчаянья, или хотя бы из чего оно состоит во мне самом, чтобы что-нибудь понять и в России.

Перечисляя его слагаемые, не пытаюсь выстроить их по порядку, поэтому здесь все перемешано – низкое и высокое, размышления и мечты, молитвы и богохульства, церковь, отношения с Богом, газеты, телевизор, разговоры, деревня и город, друзья и случайности, дороги, недруги и недотроги... *материя и дух быта*.

Как я думал сегодня с ночи (а проснулся в шестом часу и думал о том, как **всё плохо**), так и буду писать (а так же думал и вчера, и до того, и почти всё десятилетие подряд).

Вчера днем приехали мы в деревню, сошли с автобуса, от шоссе еще шли три километра, дорога живописная, по обе стороны ее поля и луга; сначала, посередине пути, на взгорке, большое село, затем, еще ниже, наша деревушка; взгляд охватывает ширь радостную, зелень и синь, душа ликует, красота безупречная...

Но на выходе из села, сразу же за последним домом вдоль дороги, взгляд спотыкается и радость меркнет, навалено черт знает что – не только бытовой мусор, полиэтиленовые пакеты, пленка, ржавая проволока, старые колеса, бочки, но и чуть ли не целые трактора...

Ну, ладно, переведем дух, пойдём дальше, жаворонок в небе заливается, не нужно о грязи, об *изнанке бытия*, как сказали бы при социализме, не надо опускаться от героического праздника строительства светлого будущего до неприглядного быта...

Вот мы уже дома, с огорода сметаю я мусор, убираю наследие чужого прошлого (обрывки полиэтилена, в который заворачивал свой *быт* прежний хозяин дома), и вместе с Мариной и Настенькой иду я в лес погулять... Но только немного прошли по тропинке, и снова – свалка, горы и горы мусора, колеса и кровати – откуда же такие горы на двадцать домов деревни? "Но а куда девать мусор?" – спрашивают меня. А куда же я его деваю? Частью пожег, частью в компостных кучах сгноил, из

кроватей соорудил мостик через канаву... Правда, говорят, жечь вредно... Но дым не вреднее же, чем свалка, которая отравляет и воду, и почву, и душу мою (неужели **только мою?**), и эстетически, и нравственно! Да, оскорблено свалкой и мое чувство красоты и гармонии, и моя совесть! И не одна же груды мусора около деревни, а и вдоль дороги от Москвы до Питера – безобразные насыпи и откосы, валяющиеся столбы и шпалы, кое-как вывороченные бульдозером канавы, падающие заборы, поломанные деревья...

А ведь по обе стороны железной дороги в 700 км длиной, то есть в семьсот тысяч метров, живет более чем семьсот тысяч жителей, и даже вручную, чтобы привести в порядок один метр на каждого, хватило бы одного субботника за неделю до Пасхи... Если же **благоустройство** окрестностей обеспечивать за счет казны, то сравнительно со стоимостью промышленной эксплуатации железной дороги понадобится, возможно, только одна тысячная этих средств... Да хоть бы и больше! Разве, построив дом, мы оставляем вокруг него кирпичи, ямы, поломанные железобетонные блоки и тому подобное!?

Увы, понимания я не нахожу, и большинство обывателей негодует на мое негодование... "Да разве не главное для дороги – проехать; разве не главное для дома – в нем жить; и не все ли равно, что вокруг?" – возмущенно возражают они мне.

А зачем тогда стол "накрывать", фарфор и хрусталь, пироги и вино, разве не главное – *утолить голод?* Что же тогда наряды покупать, музыку сочинять, в театры ходить, разве не главное – *просто жить?*!

Да, если *просто жить – главное*, то из этого с неотвратимостью следует, что можно (и даже необходимо) жить как свинья. Ибо человек тратит и так немало усилий, чтобы *в поте лица добыть хлеб свой*, то есть обеспечить *главное* в жизни – но *неглавное* требует от него усилий еще больше – строительство храма, исследование природы, охмурение девиц, свадьба, война с соседом, "война за испанское наследство", праздники и поминки... Разве это не лишнее всё? Разве это не то же самое, что очистить поля и дороги, окрестности улиц, домов и городов?... Но это – не главное... Но тогда лучше совсем не жить, чем жить только для *главного* или жить с теми, для кого идеал – жизнь в хлеву!

Вот я и хожу и страдаю... В моей России царствует психология Бомжа, пропойцы, сутенера, проститутки, вора, разбойника, мошенника и хулигана...

Лифт в моем доме... Какое там зеркало! Какие там стены!? А лестницы? А входная дверь? А подвал? А фасад? Были бы у меня лишние деньги, я бы зеркало и на свои деньги купил... Почему же не предложу сброситься? Потому что из семидесяти семей меня ни одна не поймет и не поддержит! Разве не так же по набережной Екатерининского канала (чуть поодаль от Невского) пройти невозможно? – а из пятимиллионного города ни один не задумается, что в Лондоне, например, собаки тоже есть, а в Хельсинки есть даже кошки, но вдоль набережных и на лестницах чисто!... А в Париже есть крокодилы и львы!

А болит моя душа еще пуще из-за того, что моему негодованиему образованное сословие Российское возражает: *народ, мол, дикий, его надо столетиями цивилизовать!* Ох, говорю я, до чего же вы сами дикие и необразованные! Я был в Берлине накануне объединения двух его частей, и в Восточной царил такой бедлам, что даже у нас – райские кущи, а чуть ли не на следующий день – красота сияла в обеих частях! Если в народе дело – так не немцы ли дикость в Восточной Германии учинили? И не немцы ли потом цивилизовали дикую часть? Ах, отвечают, денег они вложили в преобразование много, у нас столько нет...

Так пятьдесят лет назад и у западных денег не было, с нуля начинали, ни один гнилой интеллигент не возопил, что теперь надо полтыщи лет, чтоб воскреснуть! *А вытравить Освенцим из умов и душ?!*

Традиции, дескать, у них были... капиталистические...

Словно у турок их было больше, чем у русских! Нищая европейская страна, воистину "больная страна Европы", а пришел к власти честный генерал, и через десять лет (через 10 лет!) валовой национальный продукт возрос в десять раз (в 10 раз!).

Так что дело не в народе, а в *царе* – поставим себе умного царя – и народ станет снова умным.

И еще дело в нашем образованном сословии. Подозреваю я, что именно из него защитники, охранители и *оправдатели* всего гнусного и безобразного в России, и не оттого ли, что именно из них зачинщики и виновники того, что поля, леса, околицы, дороги и души людские превращены в свалки?!

Пойдите в лес – не только около Питера, в пятидесяти или десяти километрах, но и в глухой деревне в Новгородской области – не пробраться сквозь завалы и "буреломы" (да буреломы ли? А не "*дуреломы*" ли то?!). Знаю я, и видывал, каковы леса и боры, когда за ними хоть чуть-чуть ухаживают! Знаю я, и видывал, каковы дремучие леса, вековые кедровые боры, какова тайга, пока человек не пришел ее ломать и корёжить, пилить, вывозить, бросать на дороге, гноить, устраивать *завалы* (словно бы от немецкой армии)! Что такое была тайга? – и что такое стала *лесосека*?!

А будто бы иначе нельзя? Будто бы в Швеции лес не рубят, и в Норвегии, и у ближайшего северного соседа, которого пренебрежительно мы *чухной* прозывали. И слезы в очах вскипают и кровь в сердце!

Мне больно!

Почему только мне больно, а не больно им, и тем, кто ломает, и кто их оправдывает, и просто тем (их большинство) которым "*всё до фени*"?

А всё дело в том, что моё *я* не только из моего собственного я состоит, но больше, обширнее... Не кончаюсь я физически контурами тела, не заканчиваюсь духовно суммой только своего опыта, мыслей и чувств. Язык, на котором я говорю, тоже моё *я*, это моё свойство, как пол и возраст. А поскольку я состою из суммы свойств, то и из языка... Если палец мой уколоть, то идет кровь, и мне больно; и так же, когда коверкают и унижают язык русский, как же мне не болеть?

А где заканчивается моё тело? Не включает ли оно всю Россию, так что и поле, и лес, и самая маленькая поляна в лесу – тело мое!?! А тропиночки – капилляры моей собственной кровеносной системы!

Вот отчего больно моему сердцу, когда "окрест себя я смотрю".

Надеюсь, что я не один такой, но, к сожалению, нас теперь меньшинство, у которых их физическое тело совпадает с физическим телом России – кто же завладел телом нашим, и бьет его и мучает и пьет его кровь?

Но не только из-за надругательства над природой больно и тошно мне – повсеместно и над человеком надругаются, и пока еще моя душа не оступела, вздрагивает она и плачет...

Сегодня идет Чеченская война...

Да разве в одном только теперешнем дне мучительство, шла война против человечности и вчера, и позавчера, и во времена Бориса и Глеба... – но есть одно важное отличие – тогда убиенных Бориса и Глеба называли святыми мучениками, а Святополка, убившего их – **окаянным**, и летописец воскликнул: *такого еще не бывало на Святой Руси!* А когда оно стало *бывать*, то переживалось, как *окаянство*, порицалось, отвергалось душой и всем народным восприятием жизни!

Что же летописец сказал бы сегодня?

Началась эта война (как и предшествующая ей) из политических выгод **нашего** правительства. Поскольку Чечня – всего лишь маленькая – мельчайшая! – часть России, то чтобы она смогла так долго и так успешно воевать, сколько же денег надо было затратить *нашему* правительству, чтобы создать *для них* профессиональную армию, вооружить и обучить ее, отделить эту часть России как независимую, самоуправляемую и неподконтрольную территорию, и вот теперь бить, и бить, и бить по ней из пушек, пулеметов, автоматов, ракет, винтовок, бомбардировщиков и минометов – по боевикам, мародерам, командирам, их женам, дочерям, террористам, сепаратистам, сторонникам России, противникам войны, маленьким детям, чеченцам и русским – а по русским бить пуще всего, – ибо били их и дудаевцы, вооруженные русским правительством, и масхадовцы, вооруженные русским правительством, и "Паша Мерседес", вооруженный русским правительством, и нынешние новобранцы, и *контрактники*, и *омоновцы*, и *спецназовцы*, и все, кто умел бить и стрелять в человека.

Если в Грозном большинство населения были русские, и дважды этот город превращен в руины – то кого же там больше убили? Русских или чеченцев?

Но жалость к человеческому страданию, особенно к женщинам и детям, перехлестывает и национальные границы. Не пожалел ли Христос, пришедший жалеть **свой** народ, и самаритянку?!

А я чуть не каждый день читаю о жертвах чеченской войны... Не скажу, чтобы желал я смерти или увечий *омоновцам*, но когда в поезде видел их, перепившихся, ехавших перебить "чехов", будущая моя

жалость к ним притупилась. Это не солдаты-освободители времен Отечественной войны, **не убивавшие** почему зря мирных в Германии – а уж немцы не принесли ли неисчислимо горя на нашу землю? – нет, это частицы разложения бывшей Советской Армии, и генералы ее, от *Паши Мерседеса* до *Шамана* – хуже солдат. Недостаточно ли послушать, что и как они говорят по телевидению, как они изворачиваются и как они *лгут, лгут, лгут!*

Жалость моя избирательна, мне жалко до слез, когда читаю я в газете о раненых семнадцатилетних чеченских девушках; и об умирающих от ран; и об убитых в грозненских подвалах... Сколько я влюблялся в красивых девчонок, и вот в этих, погибающих, я вижу и жалею и тех, которых целовал, и объяснялся в любви, и писал стихи, и этих, которым в любви мне уже не объясниться.

Многие (даже из моих знакомых) говорят, что чеченцев надо **всех** перебить, а пуще **за то**, что они рожают много (народ, численность которого менее миллиона – значимая русским угрозой). О чем же мне говорить с моими знакомыми? О чем мне говорить с моим народом?

Я знаю, что в русских городах сильна чеченская мафия, и это мне, конечно, не нравится. (Хотя, кстати, есть еще мафий немало других...). И чеченцев я не люблю, пусть бы они у себя там жили! И к нам не лезли! И Березовского я не люблю, и других еврейских банкиров...

Да только казнь семнадцатилетних девчонок при помощи бомб и самолетов не решит русский народ ни чеченскую, ни еврейскую проблему, ни то, что роздал кому попало исконно русские земли, пустил на ветер, а в чужую чеченскую – зубами вцепился!

Оскудел умом народ русский, болен тяжело, и вот от этого в стране, где лесу, руды, золота, самоцветов, рыбы, нефти, газу – на полмира! – производит русский в семь раз! (или в семнадцать?) меньше американца, пьет бельгийский технический спирт (свой, вишь, гнать разучились), закусьвает "ножкой Буша", и на мои укору, забывший уже когда и книжку в руках держал, хотя бы и национально признанного Пушкина, кричит: ты Россию ненавидишь, а я – *патриот*! (Да их патриотизм – в любви к пороку, и в ненависти к добродетели!).

Один *патриот* укорил меня в том, что жалею я, дескать, только девушек, да еще именно красивых! А о мальчиках что-то помалкиваю...

Не спорю, отчасти это верно... В мужском типе много разрушительного, ненавидящего... Трудно представить себе на месте человека с гранатометом женщину, а тем более "семнадцатилетнюю красавицу", не говоря уж о том, что войны, взрывы домов, охрана заключенных, пытки, казни, грабежи – преимущественно мужское занятие, а женщины в это время умудряются нас родить и выкормить, даже под бомбежками, даже в концлагере, даже беженками в дороге и в поле.

Ну, защитники героев "*зачисток*" сразу за Толстого и Достоевского – это ведь *мы*, мужчины, создали культуру! (Ну, конечно, сообща! Вот и теперь целый взвод генералов помогает мне водить пером по бумаге!)

Возвращаясь же к красавицам и к состраданию их бедам – удивительно мне не то, что *я их жалею*, а что мужчины, яростно возражающие мне, не в состоянии *хотя бы их пожалеть!* Ведь Красота в наибольшей степени способна уязвлять и пробуждать сердца!

Я еще не умер, думаю я со вздохом. Но, увы, живу я уже на кладбище, среди бездушных тел, полуживых мертвецов.

Что я могу изменить в этом мире? Что я могу изменить в моей стране и среди моего народа?

Во мне все болит... Но это не значит, что я только из ненависти, и нет места любви. Потому и болит, что есть и любовь.

Вот только люблю я не тех, кого указали любить нам, и кого любит народ наш, привычно покорный начальственным указаниям.

Я люблю русский язык, "великий и могучий" – воистину великий и воистину могучий, которым я горжусь, и на котором мечтаю научиться так писать, чтобы не я плакал от бессилия, но у слушающего правда исторгла слезы; люблю храмы российские, украшающие города и села; остатки русской природы; русскую культуру; подвижников и воинов, сберегших душу и тело России даже и для нас, расхищающих преступно и то и другое; люблю, разумеется, и русскую женщину, и ей готов многое простить, ибо хорошее в ней – от нее, а плохое – от мужчины.

Я попытался объяснить, в чем мое отчаяние, а пока объяснял, вновь в него начал погружаться.

Сделать ничего не могу, вот беда! (Ну почему не вышло из меня могущего хоть что-нибудь *сделать*?!)

Знание бессилия, наверное, и есть причина отчаяния.

Но само по себе оно – болезнь. Все восприятие жизни меняется, ничто не радует, ни звуки, ни запахи... И на небо взгляд – не радует, небо – безжизненно...

Обещавший еще в детстве – вот вырасту, и помогу несчастным! – за пятьдесят лет, за целых пятьдесят лет! – не сумел никому помочь! Значит, не так жил, не к тому стремился! За пятьдесят лет, преследуя упорно какую-либо цель, можно достичь совершенства. Если бы пятьдесят лет подряд, каждое утро и каждый вечер я натягивал тетиву и упражнялся в стрельбе из лука, сегодня бы мне не было в ней равных. Но растратил я себя на мелкие удовольствия жизни, и не стремился стать гением – вот поэтому и остался человеком середины...

30 апреля, Пасха. Но даже теперь возможны минуты... нет, часы!... нет, даже *дни блаженства!*

Вчера с Мариной и Настенькой приехали в деревню (сначала электричкой до Вишеры, потом поездом до Окуловки, затем, вскладчину с соседями, до деревни на такси за сто рублей), и я успел не только поработать, но и баньку истопить, и мы славно попарились!

И хотя сегодня на улице прохладно, но на душе тепло.

Утром сидели за праздничным столом – азь грешный, бабушка

Марина и *трудолюбивая Настенька*. Пришла соседка, принесла кулич и крашеные яйца, и мы отпраздновали Пасху.

Ходили в лес, принесли куст смородины и рябину, и посадили у канавы. В шесть я затопил баньку снова, и сейчас Марина с Настенькой вкушают в ней блаженство!

Ну, стучит дверь, они уже входят, красные, разомлевшие...

Полночь. Уже и я пропарился дважды, посидели у камина при свечах за праздничным столом, даже стопку самогонки я выпил, дописываю несколько строк и падаю в сон.

Христос воскрес!

Восьмого мая, понедельник, 14-00. *Прихватило сердце* (слишком усердно дерн подрывал), и мы с милкой сделали перерыв на обед.

Цветы цветут, шмели жужжат, бабочки порхают, птицы поют, сморчки и строчки ждут нас с корзиной – да здравствует жизнь!

...Сходили в лес, набрали корзину сморчков и строчков. В лесу было хорошо! И вообще в деревне душа не так сильно мечется и тоскует, даже когда сердце бьется неровно.

23-00. Поужинали, напились чаю с вареньем, милка пошла проведать соседку. Зажег костер, сейчас полыхает, соревнуясь мощью с дождем и молниями. А в заварном чайнике настаивается еще крепкий чай с мятой и смородиновым листом.

10 мая, среда. *Прихватило душу*, тоска и отчаянье, да и тело болит. Что делать, куда прорываться? Может быть, и вправду пора умереть?!

Всё плохо – болят глаза, сухость во рту, даже подошвы ног мешают жить... и еще миллион невзгод! Нужно было послать факс – не успел! Нужно было позвонить по телефону – не дозвонился! Отвезти макет обложки – забыл дискетку! Телефон отключен за неуплату!! Принтер печатает плохо, сыплется порошок (а из меня песок сыплется!). Отчаянье сжимает душу – но и отчаянье не помогает!

Но и это еще не всё! Нет денег, нечем платить за телефон, нечем платить за офис, кредиторы мучают, приемщица в мастерской не смотрит, очки сломались – да когда же и мне улыбнется удача?!

... Ура, ура! Принес приемщице мороженого, и она сменила гнев на небольшую милость..

Густеет жар сердечного огня –

Приемщица взглянула на меня! – (наконец-то!)

Ну, вот, я все еще жив, и даже приемщица взглянула, и с тремя юными школьницами после того на улице полюбезничал – *дак* может быть и еще поживу?!

Логичны ли Поэзия, История, Жизнь и сам Творец? Или пользуются иной логикой, в которой противоречие является сердцевиной? Когда мы говорим, что *непостижимы дела Господни*, то не в той же ли степени, в которой и *поступки женщины непостижимы*? Не женская ли логика у

Творца? Не равно ли Творец и женщина руководствуются в своем отношении к окружающим известной поговоркой – *не по хорошу мил, а по милу хороши!*? – а в этих словах сама суть женщины!

Но, может быть, до конца и ничто не логично в мире, ибо он сотворен не разумно, а – сочувственно!?

Абсурд и нелепость, противоречие и странность настолько ему присущи, насколько не совпадает чувственное, основанное на произволе и свободе – с разумным...

Но кажущийся нам абсурд – не отсутствие смысла, а смысл иной природы. Предпочтение, не основанное только на достоинстве, противоречия справедливости, справедливо в *высшем смысле!*

О, как бы мы закручинились, если бы расположение женщины или милость Господня определялись только по оценкам экзамена, как награда и премия! Нет, действуют, к счастью, и удача, и случай, и каприз, и настроение, и всякая иная причина. И слава Богу, что и хромого судьба приголубит, и красавца прогонит; и слабоумным утешится, и от мудреца зевнет; ни у кого не потеряно всё, еще можно бороться и надеяться, вдруг да непредсказуемо сменится гнев на милость!?

Затем думал я о Поэзии. Пушкинские слова о том, что *должна она быть глуповатой*, надо понимать не совсем буквально – она не глупа, а как ребенок, как женщина – непоследовательна, наивна, серьезна и легкомысленна вместе. А гениальный поэт должен противостоять казенному смыслу и окончить жизнь под пулей, в тюремной камере, на плахе, в больнице для бедных, в желтом доме или в канаве!

Но тоскливо мне... Я устал – да и вдруг я не гений?! – тогда надо ли умирать мне в канаве или в тюремной камере?

20 мая, суббота, час дня. Вчера Настеньке исполнилось восемь лет, мы устроили праздник в ее честь, и она танцевала по-русски, пела по-французски, играла на фортепьяно *по-ангельски!*

Подарили ей босоножки и платье, а я купил ей шикарную *лилию!*

Едем в деревню, в Окуловке должны быть в половине пятого, в пять должен быть автобус, и если все “должное” сбудется, то в семь уже затоплю я баню, до одиннадцати мы поработаем, потом пойдем париться.

Но как долго и утомительно ехать, и лишний раз убеждаюсь, что богатым быть лучше, чем бедным. Если бы не был я нищим, то купил бы хотя и простую деревенскую избу как теперь – но ближе к городу хотя бы наполовину, – ах, как весело было бы ездить в деревню!

31 мая, среда, после полуночи. Сегодня весна заканчивается, и, словно в ознаменование сего события, неожиданно похолодало.

Стоял перед сном у открытого окна, смотрел на улицу, освещенные окна, проносящиеся машины, пытаюсь соединить в единое целое разорванные ощущения жизни – в последние годы она

утратила единство, и временами живу я словно во сне, или в “инобытии”.

Тоскливо, тяжело, нелепо. Хлещет дождь, и капли летят в комнату... Но завтра – воскресенье, поэтому я надеюсь, что завтра жизнь не будет меня мучить и мордой волочить по лобному месту – должен ведь и у лобного места в воскресенье быть выходной!?

Четверг, 27 июля, 15-40. Выпил две!! бутылки дешевого пива, закусил огурцами (5 рублей за килограмм) и помидорами (10 р.), и вот возлегаю на средней полке плацкартного вагона пассажирского поезда. Еду в Сибирь (билет из Москвы стоит 475 р.), в дорогу взял чаю, сахару и кружку для кипятку – буду экономить *народные* деньги.

Сейчас посплю после ужасной ночи из Питера до Москвы в сидячем вагоне, где пассажиры примерзали к креслам не глядя на лето.

Потом оглянусь на жизнь.

22-30. В Данилове стояли 20 минут, купил картошки и мало-солных огурчиков, как на станциях покупал я их и в юные годы...

Около полуночи.. В вагоне жарко. Давно ли страдал я от холода? – а теперь пью его впрок у раскрытого окна, но только залезу на полку – холод улетучивается.

Но есть друзья, родные, есть открытое окно в прекрасный мир, и еще не догорел закат.

Авось и *очуняю*, авось доеду, авось еще и в Питер вернусь, и еще с милкой и Настенькой съезжу в деревню!

Пятница, 28 июля, 11-40. Ну, вот, сначала примерзал я от холода, потом – расплавлялся от жары.

Болело сердце, и конечно, я сам виноват в этом. Переиначивая слова Христа, можно Ему возразить, что *не домашние – враги человека, но самый домашний из всех – то есть он сам!*

И все же, не только сердце болит, а еще пуще душа! Развернешь газету, а там тоже стенания, вопли о беззакониях, которыми на-полнена Россия. А поскольку зла в нашей жизни – торжествующего, глумливого, безнаказанного – неизмеримо больше, чем добра, то жить невольно.

Разбомбили Чечню (ну, там, конечно, бандиты... – но сперва их вооружило и выпестовало наше же правительство!), и теперь десятки тысяч детей и стариков мучаются и пропадают в руинах разрушенных городов (и русские старики и старухи тоже).

А что же власть, а что же государство?

На улицах наших городов беспредел и беззаконие – защищает ли нас наша собственная власть? Нет, от милиционера шарахаешься как от разбойника с ножом, несправедливости противостоять труднее, чем при социализме, лжи больше, общество ослеплено и послушно... не с кем поговорить, пустыня людская, власть воров, казнокрадов, взяточников, мародеров!

А что же население – о чем мечтает, чем возмущено, чем страдает, чем озабочено?

Мечтает, где и как хапнуть, как разбогатеть... в крайнем случае, озабочено выживанием, когда на богатства надежд уже не стало – но судьбой России, Истиной, высшими ценностями никто не озабочен.

Не озабочены розданными соседям русскими землями и 20-тью миллионами сограждан, брошенных на произвол судьбы; разложением армии; преступностью на улицах; падением культуры; упадком экономики; вымиранием народа – а ведь это значит, равнодушный и тупой обыватель, что ты и сам, не страдающий от того, что Россия скатилась ниже Бурунди, вместо восьмидесяти лет, как немец или американский негр – проживешь только пятьдесят! – и те проживешь плохо! Так хоть о себе бы подумал, о детях своих загоревал, коим в России ли жить придется? Через двадцать пять лет половина русских вымрет, и наши земли разберут без войны... – да и сами, вырождающиеся, отдадим – за чечевичную похлебку и глоток заморского спирта!

Лучше ли “добропорядочные” обыватели бомжей, третьего дня распивающих на Московском вокзале какую-то вонючую гадость и заедающих ее невесть чем? Озабочены ли те и другие и судьбой России? Ведомы ли им *честь, правда, сострадание, милость, покаяние, изящество, красота, справедливость, любовь, вдохновение?*

Запаршивила моя страна, даже по лесу не пройти, буреломы, завалы, свалки вдоль дорог и в лесу... И сделать ничего не могу, хоть вешайся от отчаянья... Но кто же Настеньку защитит в стране, преданной собственным народом?

О, если бы высшие силы дали мне власть и силу! Но молчит Бог, и равнодушно взирает! Не предал ли и Он отчаявшихся детей своих, молящих о помощи? Жизнь плюет нам в лицо, а слуги Божии велят нам утереться кротко, да еще спасибо сказать! Воистину:

«Люди холопского звания – Сущие псы иногда! Чем тяжелей наказание – Тем им милей господи!»

2 августа, среда. Приехал к тете Соне в воскресенье уже после полуночи, стол был накрыт, выпили самогонки, закусили помидорами, картошкой с грибами, омулем байкальским.

В понедельник сходил я к Любе с Ирой, в гости к ним приехала и Маринка с сынишкой. Вернулся вечером, у тети Сони стол был снова накрыт и баня истоплена.

Вчера Миша отвез нас в Юргы. Вначале заехали на кладбище, положили цветы полевые на дорогие могилы – а похоронены на этом кладбище мама, Иван, дед и Костя Епишин.

Сначала выпили у друзей тети Сони, потом, как в старые времена, собрались у Нади почти всей роднёй.

Сегодня днем ходил в гости к племянницам, купили вина, пива, пряников, и славно посидели – за встречу, а вечером зашел на минуту к Толе с Жанной, выпили по стаканчику самогонки.

Воскресенье, 6 августа, 12-30. Возвращаюсь в Питер, проехал мимо Решот, бросил прощальный взгляд на наш дом у железнодорожной насыпи... увижу ли я его еще?

Я заезжал в Решоты в *четверг*, с Витей ходили на кладбище, искали могилу бабушки, но не нашли.

В пятницу с Валерой и Надей ездили в Тинскую-Дачу на мотоцикле с коляской, оттуда прошли по лесной дороге еще километра три и остановились где-то недалеко от моей старой деревни, которая поросла лесом так, что и место ее не сыскать, набрали по ведру красной и черной смородины, выпили самогонки за тайгу и деревню.

21-30. Сегодня день был благодатный, но вот уже село солнце, за окном темно и на душе тоскливо.

Понедельник, 7 августа. Уже догорает вечерняя заря. Дневной жар утих, прошел мелкий дождик, окна открыты и вагон продувает.

Час назад в *Называевской* шалили проводники и проводницы, обливая друг друга водой. Говорят, что такая у них традиция.

На перроне маленькая девочка просила "*денежку на хлеб*" – я дал ей машинально рубль, потом опомнился, стало стыдно, что так мало дал, девица, продающая пирожки, позвала её – *Жанна!*

Девочка вновь подошла, я дал ей еще двухрублевую монету. Продащица сказала, что девочка эта живет на вокзале.

Через минуту сердце у меня снова защемило и я стал ее искать, и еще из вагона выглядывал (стояли долго), окликал похожих, а когда уже ехали, увидел ее в пустой нише брошенного киоска, сидела в ней забравшись с ногами. Хотел дать ей еще десятку – но разве этим спасешь её?

Россия без войны и мора бросила своих детей на погибель.

Или это Господь пустился на последнее отчаянное средство – мучает наших детей, чтобы пробудить нашу совесть?

10 августа, четверг, 18-00. Выехал из Москвы электричкой, содрали 20 рублей штраф. А теперь сижу на платформе в Твери в ожидании поезда, тепло и уютно, и пью пиво тверское – точно как год назад.

19-54. Вышний Волочок. Выпил *чаю с вареньем*, потом на платформе глазел на девчущуку лет 16-ти в коротеньких шортиках.

Полночь. Как это ни удивительно, но я уже в деревне – успел на десятичасовой автобус и даже дотащился со своею громоздкой поклажей до дома! Вскипятил чайник, обмылся на крыльце теплой водой, и пью, лежа в постели, чай со смородиной.

16 августа, среда, 17-50. *Веселый и хмельной* приехал вчера я от В--и – распили втроем маленькую *Орловской*, смешав с апельсиновым соком – а сегодня, продолжая веселье, еду в деревню пассажирским поездом. Правда, чуть не опоздал на поезд, вскочил в последний тамбур последнего вагона и протирался с громадным рюкзаком по всему составу.

Опаздываем почти на час. Успею ли на десятичасовой автобус, или придется идти в деревню в полной темноте?

Полночь. И все-таки уже я в деревне, и даже приготовил салат из привозной помидорины, местной луковицы и свежего огурчика, который сорвал я в парнике *наощупь*. На столе чай горячий, а сейчас сделаю еще и *пунш* из самогонки, чая, меда и мяты – и выпью за *радости* жизни!

0-15. Выпил трижды за разные *радости*, а пуще всего за сладких *чарующих* и их *нескромные* прелести, закусил пунш салатом, и буду теперь пить *непорочный* чай. Впрочем, не выпить ли еще наперсточек “*порочного*” питья за *непорочную* деревенскую жизнь?!

Половина первого ночи... Кончаю пьяный дебош, ложусь в постель и предаюсь неге – несколько строк в дневнике, минутка на чтение газет и мечты о завтрашней работе в огороде....

18 августа, пятница, 18-00. Вырубил заросли ивняка и ольхи вдоль ручья и на косогоре, собрал малину и разжег костер.

Начал косить дорожки, но прыснул дождичек и загнал меня в дом.

22-00. Только что полыхала заря, а я возвращался от Зои с молоком. И вот она уже догорает, в огороде становится темно и неуютно, так что работу поневоле приходится прекращать.

Половина второго ночи. Днем ходил в Сушилово, купил печенья и конфет, а вечером в автолавке купил пива.

До двенадцати ночи ходил встречать милку с автобуса, не встретил, вернулся, и пошел в баню один – но счастье еще возможно и появляется как звездочка на темном небе или даже как солнце из-за тучи – только пришел из бани и поставил пиво на стол – стук в окно – милка приехала! Сейчас она моется в бане, а я “*сервирую*” стол.

Завтра праздник – *Яблочный Спас*. 27 лет назад мы с Казимиром праздновали его на Виленщине, его брат Антоний привез на поле в телеге бочку пива и бочонок меда, и всех желающих угощали и пивом и медом девушки в праздничных *литовско-польских* нарядах.

Понедельник, 4 сентября, одиннадцать часов вечера. Окончились заботы и треволения дня. Крушил и строил, менял половицы в бане, успел и пропариться, и вот уже сижу за благодатным чайком с вареньем.

Вчера заходила Оксана, постояла во дворе, пока я искал для нее конфеты. Жаль, что она не согласилась остаться хотя бы вместо скульптуры – фигура у нее весьма *призывающая!* (Правда, от “туристов” отбоя бы не было!)

А вечером у Льва распили по рюмочке.

Дождь моросил весь день, а теперь и вовсе припустил не на шутку.

На улице темень непролазная, да вдруг показалось, что каблочки стучат – уж не Оксанины ли? Но какие же каблочки в такую темь?

Стало вдруг грустно и одиноко. Давно ли я и в эту пору работал в огороде, и было светло, и заря горела на небе... и вот уже нет лета, будто и не было, и надо возвращаться в город...

Чтобы веселее было, включил все лампочки в доме – а давно ли на всю избу (в моей сибирской деревне) одна коптилка на столе посередине комнаты или в красном углу увеселяла мне жизнь!?

Но не стало мне светлее от *многого* света! Страх перед будущим днем гнетет меня, и не пишется ни философия, ни стихи и рассказы.

Я был счастлив, пока не началась *эпоха тщеславных надежд*. И хотя будто бы что-то важное сделал, в том числе *Радзивилловскую летопись* издал, но деяния мои не нужны народу, и лучше бы я продолжал жить, как раньше, то есть устраивал литературные вечера, *мечтал о великом будущем*, писал стихи и рассказы и бегал за девицами!

Жизнь утратила красоту и поэзию, надежд на “светлое будущее” почти нет, девицы пробегают мимо, гениальность замуж за меня не спешит и уже вряд ли выйдет, а десять лет издательского безумия загнали меня в тупик, из которого выхода не видно.

Первый час ночи. Загрустив, сходил в баню еще раз, “пропустил” рюмочку, и снова пью чай, теперь уже с медом.

Ну, теперь разве не *взял я от жизни почти всё!*? Вот только бы еще *холодного пива* на стол и *горячую* девчонку в объятия!

Среда, 6 сентября, 19-50. Возвращаюсь в Питер, отмечаю станции словно вехи на минном поле – *все еще не взорвался, уже Тосно, а там рукой подать и до Колпина, а там уже и Московский вокзал!*

А то мне кажется, что лежу я на эшафоте, да в неудобной позе, скорее бы уж развязали, или топор ударил!

Солнце уже низко над горизонтом. Вчера весь день шел дождь, и появилось солнце только при самом закате, заря словно извинялась за безрадостный хмурый день.

Обухово. Как будто и жизнь передо мной извиняется – и на платформе *очаровашичка* появилась! Неужели они еще существуют?

Фарфоровская. Следующая остановка – неизвестный мне доселе “*Пост пятый километр*”.

...Ну откуда эта станция взялась? И откуда еще контролер тут взялся и *последнюю десятку* забрал у меня? Увы, даже в житейской суете мне выпадает худший билет. Или и «*хорошо, что так плохо ... и наотмашь эпоха с наслаждением бьет?*» – разве было бы лучше, если бы при несчастьях моего народа я благоденствовал? Но спросим ли мы с тех, кто ест на золотых блюдах, хотя бы на Страшном Суде? Они в Суд не верят, и живут с наслаждением, да и я уже не верю в справедливость грозного Судии!

После полуночи.. Несмотря на козни “пост-советской” системы, я уже дома, и даже купил пива – сосед выскочил в Навалочной и забыл кошелек, а в нем двадцать рублей. Кошелек и деньги я ему завтра верну, а пока десятку из денег его пропиваю.

Воскресенье, 10 сентября. 21-00. Я снова в деревне, уже стемнело и дождь идет, промочил душу. А днем налетал даже ливень с градом, хотя перед тем было тепло и солнечно. Милка укатила в Питер, я один.

Но есть у меня бутылка пива, да затоплю печку, сделаю салат, подогрею картошку и славно поужинаю!

23-00. Печка гудит, картошка на столе и пиво в бокале – жить то можно?! Первый тост за Настеньку, второй – за милку!

Моя дорогие, я вас люблю, просто живешь иногда, словно за поездом бежишь, или от пуль увертываешься, и не успеваешь друг на друга внимательней посмотреть. Заботы дня, увлечения минуты заслоняют близких – но и заботы проходят, и минутные увлечения забываются, а вы, мои дорогие, остаетесь всегда со мною, как биение сердца, и как дыхание...

И вот уже *полночь*, грустно и одиноко, хотя и пью чай с вареньем и медом, лёжа в постели. Ну а если б *сидел* я в лагере и *лежал* сейчас после лесоповала в мокрой одежде на жестких нарах? – вправе ли я грустить, прихлебывая чай с вареньем и медом, лёжа в постели!?

В майском номере “Новой газеты” – статья Солженицына о бедственном положении России. Но много ли тех, кто видит, как он, бедствия страны и переживает за них? Или Россия обречена погибнуть?

*Я стою на вершине горы.
Вкруг меня голубой простор.
Слева от меня идут пиры,
Справа – беда и мор!
Впереди полыхает война,
Сзади вьются дымы пепелищ.
Воровская банда пьяна,
А каждый честный убог и нищ.
Я пытаюсь взлететь еще.
О, мой Господи, дай мне сил!
Ну подставь хоть Своё плечо,
Коль не хочешь дать пару крыл!
Но молчит непреклонный Бог,
Копит ярость на Судный День.
...Русь разбрызгана вдоль дорог
Многоточием деревень ...*

13 сентября, среда, 19-00. Солнце светит в окошко, а весь день мучил дождь. Ездили со Львом в *Иевково*; тамошнему Питерцу, профессору медицины, подарил я свои сочинения, осмотрел его усадьбу, и получил в подарок мешок яблок и слив.

21-30. На улице уже темно. Затопил баню, сходил за молоком, увидел Анечку, а теперь у бани горит костер, и сгорает в нем, кажется, весь мусор с участка.

В котловане у дома заложил я громадный *краеугольный камень* (но что я на нем буду воздвигать без денег?), и приготовил ужин.

23-00. Пришел из бани. Ужин на столе, глинтвейн в чаше – благодать в душе!

Да есть у меня еще бутылка *ильменского*! Открою-ка я её, а завтрашний день пусть свой поет песни! Ну, за удачу! За девочек! За В--у! – ей сегодня исполняется 33 года.

26 сентября, вторник, 11-30. Подъезжаю к Питеру. Вчера прострелило мне поясницу. Утром встал в половине пятого, обмылся кипятком в бане, с трудом водрузил на себя рюкзак, закрыл дом и рванул на шоссе. Собирался выйти заранее и ковтылять медленно – но вышло чисто по-русски, то есть вышел даже позже обычного и, боясь опоздать на автобус, с тяжеленным рюкзаком всю дорогу бежал – до сих пор еще одежда на мне не просохла. (Зато поясница поправилась!)

28 сентября, четверг, 20-00. Еду из Москвы в Питер электричкой. Тяжело и тоскливо. Господи, да что за тьма вокруг?

А мои записки – не разговор ли сумасшедшего с самим собой? Или маньяка? Да, многое можно сказать против меня, и часто я падаю духом настолько, что сам уже готов *пригласить* себя и причесать – но кто же тогда напишет *неприглядную* правду, которая есть даже и в благо-намеренных, даже и в ангелах – таких как я?!

24-00. В Бологое приехал я с опозданием, и вдруг слышу, объявляют посадку на поезд Брянск-Петербург! – проводница пустила меня без билета (правда, за “денежку”), и вот я еду в *купейном!* вагоне, постелил матрас и укрылся одеялом – а еще жалуясь на судьбу!

Весной 71-го года мне тоже было несладко, когда сидел я на Арсенальной, но я тогда надеялся на те тридцать лет, которые протекли с тех пор, я ожидал *свершений* – каких свершений могу ожидать я сегодня? Какое будущее тридцатилетие может меня вдохновить? Вот уже мне *58 лет* – когда это я успел дойти до *такого*? И я ли только в том виноват? Напишу ли я еще что-нибудь? Прочитают ли меня, и взволнуется ли чье-нибудь сердце?

*Как дела? – Прекрасно. Нет
Денег, счастья, перспективы.
Отблеск славы.. Час отлива..
В окнах гаснет поздний свет.
Ну а дальше? Судный день?
Подсудимый, Ваше слово!
Что ж, извольте – речь готова!
Защищаться только лень.
Жил, как мог. Не виноват
В детском плаче, женском вздохе.
Никогда не льстил эпохе,
И дела, конечно, плохи –
Правда, странно – не распят.
Был открыт, как окна в доме,
Спал в тюрьме, в снегу, в соломе,*

*Верил женщинам, друзьям.
Слушал клятвы, смех, проклятья,
Пил вино, уста, объятия
Скромниц, модниц, дев без платья...
Наг пред жизнью был и сам!*

2 октября, понедельник. Вчера наконец-то распилил с соседом злополучный "падающий" сарай, который уже стал для меня символом русской лени и равнодушия к благоустроенности и порядку. Вечером поил соседа за помощь, пришлось и самому хлебнуть – авось, Бог простит и не сильно накажет.

Сегодня днем ходил в лес за грибами, набрал вдоль дороги маслят, зеленушек, рядовок.

Спешу нарадоваться дню насущному, ибо он того заслуживает – сверкает, шуршит, переливается, скрипит на крыше сарая флюгером, который я только что туда водрузил с риском для жизни – с неподъемной лестницей и негнушейся спиной.

23-00. "Рядовки", отвергаемые большинством – жареные с картошкой – великолепны. Подбросил еще дров в печку, испил чаю с вареньем и свежей булкой, спину о горячие кирпичи припек, и вот лежу на печеной спине, и почти здоров, только вставать и переворачиваться больно.

Дни – ангельские. Температура по ночам опускается до минус восьми, днем поднимается до плюс двадцати, а на солнце так даже жарко.

3 октября, вторник, 17-30. С утра истопил баню, пропарился перед дорогой, и вот уже я в Окуловке, сижу в электричке. Денег нет ни копейки, поеду круглым зайцем – даже в шалмане, где частенько выпиваю я хвойненское, выпил пива "по бартеру", то есть в обмен на пустые бутылки. В вагоне тепло и кресло мягкое, и напротив красotka, но – сочиняю грустные стихи.

*Не упустит невзгода, сыщется даже в раю.
Три столетия – три года – я стою на краю.
И земная свобода, отпускная грехи,
Как засохшие листья, жжет плохие стихи.
Ни мольбы, ни укора. Путь неправедных скор.
Принимаю без спора чужой уговор
Распахнуть мою душу на синий простор.
И забыв ожидания райских утех,
Выплаваю из слез колокольчатый смех.
Вечер, дождь, полустанок... Вот уж третий звонок.
Взгляды смуглых цыганок, разноцветный платок...
.. Только вздохи излишни – наяву и во сне.
Даже косточки вишни равнодушны ко мне...*

Бог один мог бы помочь... или случай? – но ни Бог ни случай не приходят на помощь. Скриплю, ветшаю, еще пока жив, время идет... Одно

могу сказать наверняка – когда-нибудь умру, и сами собой отпадут надежды, замыслы, приставанья к девицам и равнодушному миру.

20-10. До Вишеры было все благополучно – напротив еще сели две девушки, и я рассказывал им страшные истории..

А теперь идет контролер. Чем закончится наше знакомство?

...Ура, контролер прошел мимо – видимо, вид пишущего действует на "служивых" успокоительно.

00-25. Ну, вот я и дома. От метро шел по цветному ковру из листьев, было тепло и сыро. Не все так плохо! – казалось мне в этот момент. Ну, конечно, в тюрьме или на эшафоте – хуже!

4 ноября, суббота, 18-10. Понемногу хватаюсь за все, но плохо работается – уже темно, да и милки нет, а сделать надо еще много – приготовить ужин, протопить баню, засыпать котлован, переколоть и сложить дрова!

20-45. В бане дымно и жарко, вода кипит. Дымом пропах даже до селезенки, возможно и теперь он идет из меня как из головешки.

22-22. На небе сияет громадная луна, все залито лунным светом.

Только собрался идти встречать милку, а она вдруг стучит в окно. Баня уже готова, молоко на столе и жареная картошка на горячей плите.

23-23. Пропарились с милкой в бане, печка гудит, в избе тепло.

Пью молоко и возлегаю в постель с Хайдеггером.

Вероятно, это последняя в этом году поездка в деревню. Уже "осенний хлад" дышал – и не раз, и даже снег выпадал. Кажется, еще вчера говорил я себе – *еще октябрь, октябрь, октябрь!* – и вот уже ноябрь не на шутку пришел, и кажется, что надолго.

7 ноября, 13-00. Засыпаю котлован, тешивший меня мечтами о каменной пристройке к дому (вместе с символическим "краеугольным" камнем) и вычерпываю из него воду. Моросит дождик и вода в него вновь прибывает.

[Примечание 30.05.05.– Читатель не поверит? – но засыпал его я только сегодня, через четыре года, насадив на его месте малину!]

18-30. Только что тронулся на электричке в Малую Вишеру. Отнес очароваишечке-продавице (по имени Марина) томик своих сочинений, в соседнем шалмане выпил пива, в вагоне закусил, печка под лавкой греет, напротив милашка – ничего, мы еще проживем!... Да и всё идет хорошо! – "пока пролетаю мимо семнадцатого этажа".

Читаю Хайдеггера об изречении Анаксимандра, которое в переводе Ницше гласит – *Откуда вещи берут происхождение, туда и гибель их идет по необходимости, ибо они платят друг другу взыскание и пени за свое бесчинство после установленного срока.*

Хайдеггер исследует и перевод и изречение – и если когда-нибудь меня упрекнут в непонятности, прочту из Хайдеггера, и пусть тогда бросит в меня "краеугольный" камень тот, кто поймет у него хоть слово!

Перечитываю также Розанова “Коробы листьев”. Разумеется, не он родоначальник жанра *полудневниковой философии* – кто только не писал так, и Марк Аврелий, и Паскаль, и Шопенгауэр, и Достоевский (“Дневник писателя”) – и даже странно, что себе он приписывает первенство. Но стиль его заразителен, заразительна интонация, и боюсь невольно подпасть под его влияние – так в филармонии вдруг кто-то раскашляется, и у других начинает першить в горле.

За совершенство языка его многие хвалят; и хотя я и сам не плохо пишу, но похвалам в его адрес особо возражу, чтобы тем самым и к достоинствам своего письма отнестись критически.

Начну издалека.

Вот, скажем, пытаюсь я решить математическую задачу, и попытки мои одна за другой неудачны – что же, разве не сминаю я безжалостно и не бросаю в корзину листы бумаги, исписанные безуспешным набором силлогизмов и формул? – Ничего ценного и поучительного в них нет, и никакой правды не стоит за ними.

Но когда я ищу истину, смысл и цель жизни, и тем же заняты многие и помимо меня, но ни мои усилия не венчаются успехом, ни их – значит ли это, что за нами не стоит никакой правды, что жили мы зря?

Нет, так сказать нельзя, как невозможно зачеркнуть ничью жизнь; в каждом человеке целый мир, и за каждым человеком стоит нечто весьма значительное, и так же целый мир и своя правда за каждым удавшимся литературным образом (или своя значимая *неправда*).

Литературное произведение, в котором живут несколько персонажей – синтез миров, или многомерный мир; взаимоотношения героев еще усиливают многосмысленность произведения, прибавляют обертоны, отзвуки, отголоски, шумы – это хор голосов.

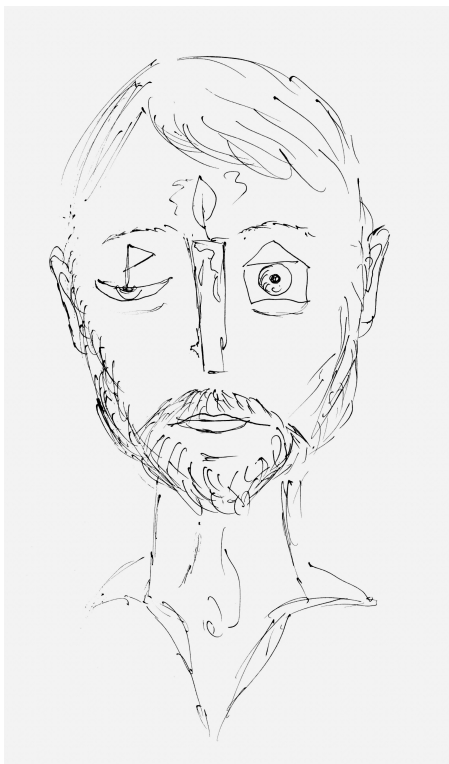
Ну а что же содержится в *философском* произведении, хотя бы излагающем очень важную, даже *истинную* точку зрения?

Формула. Плоский рисунок. Прямая черта, чертеж. Голос без эха, без диалога. Мир без объема, даже без плоскости, а только вдоль одной линии.

Что тогда говорить о достоинствах Розановского стиля (а так же и моего) не только в сравнении с Толстым (в своих публицистических статьях довольно наивного), но и в сравнении с большинством русских писателей, даже менее знаменитых, например, Шишковым, или совсем незнаменитыми.

Мы – философы – “учителя жизни” – рассказываем *о себе* – и только о самих о себе – потому что о других рассказать не умеем, и не знаем никого кроме себя. И хотя нельзя сказать, что язык наш коряв, но восторгаться им нелепо, все равно что восторгаться точностью геометрического чертежа в сравнении с живописным полотном.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ФИЛОСОФИЯ И ЖИЗНЬ

Философ

Рисунок Настеньки Чернышевой

2001 г.

15 января. Намеревался уже я оставить сии пространные записки, ну если только подготовить к печати то, что написано в последние годы, и еще небольшие замечания записывать на будущее – «Заметки на ходу» – но очки сломались, еду в метро, читать не могу, поневоле пришлось снова взяться за перо и бумагу.

Конечно, и теперь мог бы я записывать только «мелкие мысли», но.. трудно остановиться, когда столько раздраженья в душе.

Размышляю над замыслом “почти философского сочинения” – Критика Догматического Мировоззрения (быть может, и о христианстве, и о социализме и о связи их между собою), а пока продолжаю в своем привычном роде.

1. О чем и зачем я пишу?

Конечно, стиснутый заботами, пишу я большей частью только то, что касается моих забот и не имеет никакого общественного, тем более *всемирно-исторического* значения. И хотя мне самому эти записки подчас важнее чем даже драмы Шиллера, но странно было бы иметь их в виду в “Собрании художественных сочинений”, если только не в некоем специальном контексте, например “Уголовного дела”, или “Медицинского исследования”.

Правда, последние обстоятельства я предусматриваю, и стараюсь “исследователям” по возможности для их кухни не оставлять муки, все в дело пустить самому или выбросить. Рукописей я не сохраняю, вариантов правки – тоже, после того как исправляю текст набело, всё предшествующее в печке сжигаю (а еще говорят, что *рукописи не горят*... впрочем, может быть, имеются в виду не те рукописи?!)

Многое из того, что я пишу – обыденные дневниковые заметки, относительно которых литературных иллюзий у меня не имеется, – хотя я и помню, что любой *текст* может изменить свое значение, оказавшись в ином контексте.

Вот, например, у Пушкина –

Проезжая чрез Ижоры, Я взглянул на небеса, Я вспомнил ваши взоры, Ваши синие глаза...

Стал Пушкин гением, и даже эти обыденные строки стали нам любопытны. (Или они *не* обыденны?)

Но и то, что выдаю я за *философию* (которую называю *металогикой*), почти всецело касается только моих личных забот, а вовсе не “*отрицания отрицания*”. Многое пишу для своего утешения, подобно тому как болящий стонет и тем приглушает боль. Почти на каждой странице, когда трепыхается излишне сердце, я уговариваю себя – *скоро пройдет*,

потерпи, миленький, дыши ровнее, ну вот уже легче!.. – так это философия ли?

Вот по этому поводу и надо бы объясниться с читателем.

Но у признанных Рóзанова и Паскаля тоже многое – в этом же роде (говорю для самооправдания) – так, все-таки, *тó*, что имеет *общественное* значение и относится к литературе или философии, может ли содержать *субъективность*, или должно быть очищено от личного? Так химик описывает свойства *идеальной* химической реакции, но пропускает сотни экспериментов, имеющих индивидуальные отличия. Так в медицине перечисляются характерные признаки *заболевания*, но не тысячи реальных историй болезней (хотя врач становится врачом уже только на реальных историях!)

Ну а поэзия – это стихи *и* о том, что *осень* настает и денег нет, и девушки уже не любят и *больше не дают – мне!*? – или это только стихи о “*временах года*”? Так же как философия – это размышления о том, как *вообще* возможно понять мир и найти в нем смысл, или это *мой личный* горестный вопль, что жизнь меня заживо замуровала, и не только размышлять нет сил, но и дышать нечем?!

И эту *антиномию* я теперь понимаю.

А именно....

Мог бы я заняться методами решения дифференциальных уравнений, и хотя эти методы к моей жизни относились бы мало, но, может быть, стал бы я известен или заработал денег. Не так ли я мог бы заняться и литературой и философией?

А узник одиночной камеры, утерявший надежду дожидаться освобождения? И взявшийся за острый обломок камня и роющий им подземный побег? Является ли его занятие литературой или философией? Имеет оно общественное (тем паче всемирно-историческое) значение, или только личное?

Но как литература не ограничивается *беллетристикой*, так же и *философия* не заканчивается исследованием логики и *гносеологией*, то есть теорией познания.

Надо мне найти смысл в моей бессмысленной жизни. Надо попытаться сбежать из тюрьмы (а может уже и *секира* занесена?!). Вот что меня заботит – сдохнуть уже, или еще есть шанс на спасение? И как оставить все то, что люблю, в тех же тисках? Есть ли Бог и можно ли Его любить и на него уповать; в чем Смысл жизни, Побег и Спасение – вот в чем моя философия, и такая философия имеет глубину только когда она *личная*, и только когда она на краю отчаянья или даже за его пределами. В тюрьме, в канаве, на лобном месте.

Поэтому и сегодня, если думаю и пишу я о том, что нет денег, и нечем платить за офис, и следовательно *надо* ли пытаться издать Энциклопедию о храмах России, и продолжать ли думать о девицах – то это взаимосвязано, и если уже сдать относительно этих “надо” и больше о них не думать, то я потеряюсь и в том, зачем еще дальше жить,

впаду в отчаянье, перестану писать, и скоро просто рассыплюсь без веревки и пистолета – и не через десять лет, а как при скоротечной чахотке – за месяц или за два. Худшее еще в том, что я не уверен, что и Россию кто-нибудь любит и хочет спасти кроме меня – и поэтому даже мысль о самоубийстве меня не утешает.

Возражу, кстати тем, кто сходит с ума от благородного негодования, что смею я так легкомысленно и без священного трепета говорить о Сверхчувственном.

Да потому, что на коленях и в трепете бессмыслен о нём разговор!

Это с царем надо беседовать опасливо, и не дай Бог усомниться, а Богу трепет не нужен. Неужели, если снизойдет Он до диалога со мной, то не потребует даже, чтобы диалог был на равных, чтобы разговаривали мы как мужчина с женщиной, и даже, может быть, выпили?! (А однажды мы выпили, было! Может быть, позже расскажу и об этом ...)

Но я отвлекся.

Надо еще поговорить о возможной связи подлинной философии, и моего “*философствования*” как способа освободиться.

У философии есть свой предмет, своя цель, определенные рамки и инструменты, – так любовное письмо или лирическое стихотворение как правило не относятся к философии, как не относятся к ней исследования о полете бабочек или движении электронов, о составлении целебных мазей, пива или меда, конструирование автомобилей, расчеты взрывов сверхновых звезд, решения дифференциальных уравнений, *допросы олигархов*, предвыборное охмурение избирателей, *охмурение девиц*, кражи со взломом и пьяные драки... Философия преимущественно пытается понять, *как мыслит* и *как понимает* человек окружающий мир – а я этого не знаю, да и знать не хочу. Не то чтобы совсем мы с философами размышляли о разном, но даже когда размышляем об одном и том же, отвечаем на разные вопросы. Так диетолог изучает, как взаимодействует красное вино и лимбургский сыр, а я интересуюсь прежде всего ценами, и в результате покупаю вместо вина пиво и вместо лимбургского сыра плавленый сыр.

Мое философствование, которое завлекло меня как любовная страсть, как болезнь, как голод или как *духовная жажда*, – а чаще как *смертная тоска!* – это постоянное вопрошание – *Как дальше жить?!* Какие цели найти после крушения всех и всяких жизненных целей, как смириться с всеобщей человеческой пошлостью и подлостью? Или как суметь жить не смиряясь?

Всякие размышления, объясняющие ли движение звезд или причины Троянской войны, если они не помогают мне узнать, как жить на этом свете, как справиться с заботами – *моими собственными!* – я не отношу к *своей философии*. Не то, как жить *человеку*, но именно *как жить мне!* Ибо я столько прочитал о том, как надо правильно жить, но ни на один грамм не помогло мне это знание в решении моих проблем – да помогут ли эти знания и другим? А не обманут ли и их?

Вот я и называю моей философией только размышления на тему – как *мне* жить дальше? Не застрелиться ли? И только такую философию – для *моего личного* потребления – я считаю важной и обязательной для других. И в рамках этой философии пытаюсь быть понятным и неискушенному читателю, не читавшему ни Платона, ни Аристотеля, ни Блаженного Августина, ни даже Канта и Гегеля.

Я *философствую* – но не продолжаю философию. Так бомбометатель не делает открытий в химии. Модница не развивает ткацкое дело. Подкапывающийся под стены тюрьмы не совершенствует право.

Я узник, думающий о побеге, а не о строительстве тюрем... И я решаю единственный вопрос, важный лишь узникам – **как убежать?** Или *как сидеть*, если нельзя убежать...

Я, разумеется, не уверен, что научился писать так, чтобы это помогало хотя бы только мне самому стать свободнее, не говоря уж о “всемирно-историческом” значении моих записок. И поэтому, может быть, одни только сетования и заклинания заполняют эти страницы, нет сил на размышления помимо сиюминутного, и не обещает хмурое и безрадостное *сегодня* безоблачных дней *завтра*.

Было время, когда и у меня *литература и жизнь* (а тем более философия) протекали раздельно, но теперь мне уже самому трудно отделить, где я пишу *просто так*, а где рою подкоп под тюремные стены. От литературного поезда я безнадежно отстал, но и к житейскому пристаю как-то странно, не то как пассажир, не то как бродячий разносчик товаров, но во всяком случае без билета и места.

Мучает не только ограничение свободы, не только то, что камера не благоустроена, но еще больше общество, с которым приходится “сидеть” и мириться.

Одним не нужна свобода, они довольны даже тогда, когда их истязают, и их раздражает моя ненависть к тюрьме.

Другим не нужно ничего, кроме личного благополучия, им наплевать на Россию, культуру, добро, справедливость, красоту и истину, даже на будущее наших детей.

Плохо, что у меня нет денег, что способности мои не нужны обществу, но – сколько горше то, что я не в силах повлиять на окружающих, что ничего не могу сделать для спасения России.

Если болен ребенок, то *философия* (любовь к истине?) – это только то, что поможет его спасти. Все остальное не так важно.

А в это самое время тысячи образованных и умудренных – быть может, умудренней меня, – заполнили сознание отупевшего обывателя-интеллигента – с голубых экранов и черно-белых полос газет – разглагольствованиями о рынке и реформах, инфляции и бюджете, акциях и инвестициях, экстрадициях и секвестре.

И ни один негодяй не говорит о главном, без чего ничего не стоит ни рынок, ни свобода, ни даже сытая жизнь – о падении, деградации и

уничтожении культуры и образования в России, о вырождении и вымирании, об африканской продолжительности жизни, об отчаянии, в которое ввергнута подавляющая часть русского народа.

Вот я и “философствую” – в грязной клетке, один среди духовно и материально обнищавшего большинства сограждан и сказочно разбогатевшего на воровстве меньшинства, и не единственный ли, в сердце которого все еще стучит пепел России?!

2. Истина и Свобода.

К сожалению, Достоевский однажды высказался так, что русский человек, дескать, слишком широк, и надо бы его обуздить. В действительности же, напротив, жить трудно и тяжело и почти невозможно из-за ужасающей узости большинства людей, неспособности их принимать сразу несколько сторон действительности.

Когда человека захватывает какое-либо чувство, он стремится подчинить ему все остальные, выкрасить всю вселенную в понравившийся ему цвет, надевает на всех людей кандалы и цепи, и следит за движениями, поступками и даже мыслями их. Может быть, само это воодушевившее чувство, мысль, идея были и неплохи, но когда с их помощью ввергается человек в рабство, справедливо возненавидеть и само это правильное чувство.

Красив ли и правилен ли Коран – не знаю, но он закрыл головы женщин, лица которых я люблю, и поэтому я Коран не читаю.

Так и марксизм-ленинизм одел мешки на наши умы и души – и вдруг чудом мешки упали, мы увидели Божий мир, восхитились его красотой и ширью, заметили, что храмы наши, которые мы воздвигали тысячу лет, порушены, иконы украдены, сожжены, или проданы, или почернели, свечи догорают.

И мы ринулись гурьбою в церковь и восхотели предаться Богу, и Богу подчинить весь свет, как недавно он был подчинен *единственно правильному учению*.

Так уж устроена сетчатка глаза у большинства – они ничего по сторонам не видят. И так уж устроены их мозговые извилины – они ничего из прошлого не помнят.

А всеобъемлющая власть церкви была уже не раз, называется это чудо любви к Богу *клерикализмом*, а те, кто задыхался в объятиях Божьей любви, обзывали его еще и *религиозным мракобесием*.

И многие из тех, кто способен к духовному творчеству – писатели, художники, скульпторы, философы, архитекторы – то есть все *созидатели культуры* (той самой, которою мы ныне наслаждаемся), и все *деятели жизни*, то есть ученые, промышленники, торговцы, даже государственные люди – восстали против *клерикализма*, и восстание это проявилось в частности и в Великих Революциях, которые не были только социальными движениями – и в Английской, и в Великой французской, и даже в трех наших “бессмысленных бунтах”.

Освобождение шло долго и мучительно, свободная мысль создала множество великих произведений, в которых опровергла право церкви судить человека, и *предписывать*, как ему жить, как мыслить, как строить культуру, науку, хозяйство. И вот, наконец, мы живем в обществе, где церковь не требует от Галилея отречения от истины. Но слуги ли Божьи были виновны, и вопреки ли Завету, а не в согласии ли с его буквой и духом были и Варфоломеевская ночь, и крестовые походы, и гонения на староверов, и процессы над ведьмами?

Религиозная мысль ни разу не подвергла сомнению основополагающее учение – а источник мракобесия был в нем, и Игнатий Лойола, и Торквемада, и Савонарола, и Никон, и протопоп Аввакум – все они поступали в согласии с ним, а не вопреки ему.

Человеку невозможно смириться с тем, чтобы существовали одновременно *две истины*, и потому он следует или за Христом, который сказал – *кто не со Мною, тот против Меня*; или следует за большевиками, так же сказавшими – *кто не с нами, тот против нас!* – и огнем и мечом искореняет не только тех, кто против этих *истин* воюет, но и тех, кто присел на обочине, чтобы оглядеться и поразмыслить.

Ибо, дескать, *всё уже сказано задолго до нас, всё уже найдено!*

Ну, тогда, конечно, искать больше нечего, и я распинаюсь напрасно...

Возможно, и в самом деле истина уже открыта и *до меня* существует. Но Настеньки до меня не было, а она недавно надписала подаренный мне рисунок так – «дедушка, я тебя люблю и *хорошо на тебя смотрю*». [Вчера видел мамочку с маленькой дочкой – такие уж прелести обе были! – они меня поймут!]

И когда мне говорят, что истина заменяет *всё*, и даже заменяет Настеньку, я с этим не могу согласиться.

Значит, говорю я, Настенька – еще одна истина, а одной прежней мне недостаточно.

Так же недостаточно мне Бога, если Он *вместо* России.

Как недостаточно и России, когда она против личности и личной свободы.

(Вообще то я не лучший пример в назидание, не очень то умен, и мало образован, и конечно удивительно, что пытаюсь учить других. Но другие люди меня удивляют еще больше. Вот, например, им генералы врут, а они соглашаются. Вот, например, правительство и чиновники ими помыкают, но они не хотят подчинить себе правительство, чтобы оно ОТВЕЧАЛО за все свои действия, и было подотчетно и было подсудно.

Вот они милиции боятся, но поставить во главе ее независимое гражданское лицо, и *контролировать* милицию – не хотят..

Ну, ладно, увлекся, не о том сейчас речь...)

Человек как будто боится духовной свободы и не желает ее. Он не хочет истины, которую открывает по уму и совести сам – разумеется, читая и умные книги, и с умными людьми беседуя, и стараясь узнать историю – и жизни народа, и поисков его. Нет, ему нужна истина как высеченная на камне скрижаль, которой поклоняться слепо и не сметь

мыслить.. И чтобы шаг влево, шаг вправо – конвой стрелял без предупреждения...

У меня иногда такое чувство, будто я – человек побега. Не в том дело даже, прав ли я или виноват, но что я – бежал из тюрьмы, и вот терплю неудобства, то в канаве лежу, то в кустах дрожу, когда собаки лают... и бежал не один, а словно бы малое дитя со мною, которое я должен спасти – и я думаю – истинно только то, что поможет мне спасти мое дитя. Все остальное – неважно!

Значит ли это, что я думаю как большевики, для которых истинно только то, что служит их делу? Нет, моя истина противоположна их истине. В моей истине заключено *сострадание* к человеку, к его самости и свободе, в других истинах или его нет, или слишком мало.

Вообще, хотя опасна неистина, но и истина опасна, а истинная истина опасна вдвойне. Пытаясь спасти себя и свое дитя, я не хочу зла другому, я ненавижу не тех, кто думает иначе чем я, но кто запрещает мне думать по моему. И тех, кто стремится причинять боль другим.

Конечно, я противоречу себе, но меня так легко понять! Вот, например, я не могу жить без России, и ее благо мне дороже общечеловеческого блага. Но когда генерал, или чиновник, или правительство лгут – якобы для блага России – например, арестовали журналиста, и лгут, арестовали журналистку – и лгут, убивают детей врага – и лгут... и пусть все русские мне скажут, что они на стороне тех, кто лжет, ибо эта ложь наша и против ненаших – я отвечу – пусть погибнет вся Россия, если только ценою лжи она может спастись! Лживую Россию я любить не могу! Ибо истина не может быть лживой и не может противостоять свободе.

Неужели это так трудно понять? Неужели можно оправдывать неправду, а детям своим говорить, что надо быть честными?!

3. Но вот эта жажда писать...

Для многих (как и для меня) выпивка – не одна только жажда плоти, а способ открыть двери, и душу распахнуть шире... потом часто жалеешь, да... Но это отклонение от правил – (а ведь можно было бы только “за синхрофазотроном сидеть” и как успешно и назидательно жизнь прожить!) – но это отклонение делает жизнь живою. Так для многих – футбол, хоккей, рыбалка, домино во дворе... Рассказов и “металогик” они не пишут, так в чем же может проявиться их собственная мета (сверх) жизнь? Чем-то ведь отличаются они от компьютера и логарифмической таблицы, где семью восемь всегда и только – пятьдесят шесть? (Правда, сам я ни футбол, ни хоккей, ни домино во дворе не понимаю, и в этом смысле совершенно не народен, только водка меня с народом соединяет... и только с женщинами соединяло и слово, женщина даже трезвая способна была слушать меня – даже трезвого!)

(Положил под язык таблетку *анаприлина*. Не время еще умирать, ведь ничего еще и из прежнего не довел до конца, и новое роится – а вдруг

что-нибудь из меня да получится?! Ничего, ничего, потерпи, миленький, сейчас оклемаешься...)

Ладно, продолжу.

Может быть, уже объяснил я, если не оправдал, свои “падения”? Но вот эту жажду писать... Вот эту смутную надежду, что наконец прорежется голос, и смогу заговорить так убедительно, так обжигающе сердца, что и чеченских детей начнут жалеть, и храмы перестанут, сходя с ума, со “всем миром насилья до основания разрушать”, и *новый мир* перестанут *строить* так, что выкорчевывается все нежное, милое, доброе в душах людей... – смогу ли я объяснить?

Все еще на что-то надеюсь – но узнал ли я, зачем люди живут? Узнал ли, отчего, например, Октябрьская революция и гражданская война? Коллективизация, чума, и ненависть к свободе?

И что, наконец, *первично* – дух или материя? Борьба классов, рынок, приватизация, Чубайс, Сталин и Малюта Скуратов?

Нет, не знаю. А большинство уверено, что *знает* (впрочем, этот апломб, эта уверенность в том, в чем они не разбираются, не помогает ли им выжить?) Но “знают” они (то есть, так они думают) истоки и причины, завершения и следствия не потому, что знают больше меня, а просто напросто так наивны, что глядя на синее небо, думают, что оно выращено в синий цвет. А я, к сожалению, в “красителя” не верю, поэтому так и не понял, отчего приключилась в России сначала *национализация*, и почти все, что столетиями созидалось, разграбили и переломали, а потом приключилась *приватизация*, и остатки прежнего снова разграбили, а частью доломали.

И почему наверху – злоумышленники, а такие как я – хорошо, если не в тюрьме или на эшафоте – тоже никак не пойму.

Более того, даже если вдруг прорежется голос и напишу пронзительно, и Сашенька прочтет и заплачет – что после этого переменится в мире к лучшему? Что-нибудь переменилось после вдохновенной поэзии? После Войны и Мира? Преступления и Наказания? Записок из мертвого дома?

Культура не изменяет мир.

Да я ведь от отчаянья за перо схватился, как иной берется за камень, чтобы защитить обиженного или отомстить обидчику!

И хотя пишу плохо, но ждать, пока научусь, *нет времени*. Боюсь, что *потом* ничего не будет, фитилек горит плохо, почти весь сгорел, да и керосину только на дне.

Перечитываю в тоске и пытаюсь исправить свои заметки (как фотограф ретуширует неудачные фотографии)... но читаю одновременно Розановские “Коробы листьев”, и еще пуще раздражен автопортретом его, который он в этой книге рисует.

Уж если философ претендует учить других, хотя бы и в малом, а сам чуть не поминутно восклицает – ах, я-то, братцы, так-то уж скверен, даже себе неприятен! – то лучше б сначала стал он немного получше, а потом уже взялся за обличение и поученье других.

А так как я и сам тоже только тем занимаюсь, что на мир и людей негодую, да еще и с Господом с негодованием спорю (хотя и понимаю смутно, что лучше этот мир Он сделать не мог) – то попробую перед обличаемыми свои некоторые слабости и грехи по возможности оправдать, – чтобы на обличения хотя бы кажущееся право иметь – а кое-какие свои добродетели, напротив, почистить, чтоб засверкали, и чтоб видно стало, что я не только не плох, но даже почти хорош!.. чуть ли не из самых лучших.. (не считая, конечно, детей и девиц, и любящих матерей семейств, и добрых бабушек, и других хороших людей).

Грехи мои вы уже знаете – прежде всего, чрезмерное пристрастие к вину... Теперь-то я пью мало, потому что сердце болит, и часто *скольжу* даже без вина *по краю жизни*.. но столько выпил, пока был здоров!; а другой грех – пристрастие к *очаровашкам* (впрочем, в этом я и теперь не раскаиваюсь, и все так же пристрастен)...

[...За окном мягкий пушистый снег сыплется, точно такой, как 14 марта 73 года, когда в тюрьме на Арсенальной стоял я у окна с юной сестрой милосердия и смотрел на волю в ожидании освобождения, а через полчаса вышел из зоны.. Ах, как закружились снежинки за окном! Нет, братцы, *мы еще повоюем*, еще почувствуем на губах сладкий мед блаженства, еще и из той *зоны*, из того мрака небытия, который в душе, выйдем на волю, и подлинный прекрасный свободный мир в восторге обнимем!]

Еще мои грехи – лень и невежество. ... зато и не строю из себя широко ученого, да широко умного, и негодую не только на глупых и невежественных, но и на умных и образованных – и не за ум их, а за совесть, что не плакали они и не возмущались, когда Сатана взрывал храмы, строил гостиницу на руинах Зарядья, строил Дворец съездов на Кремлевской земле – жили во лжи, поддерживали ложь, из лжи строили светлое будущее – и не один ли я негодовал, и черное называл черным, а белое белым?! Ну, если не один, то почти один, все сплошь *в ногу шагали!*

Впрочем, вернусь к оправданиям, опять обличениями увлекся, еще и сам неоправданный...

Кроме невежества и лени присущ мне порок, в котором сознаться стыдно, но когда-то же надо!?

Я – малодушен.

Не обмирал ли я и не покрывался ли холодным потом на следствии в 70-ом году, не мямлил ли о том, что мысли мои еще не устоялись, что я еще на перепутье, и дайте только срок, еще успею полюбить и строительство коммунизма, и Советскую власть?!

Но, правда, в малодушии не заходил я так далеко, как в пьянстве, и даже в школьных шалостях, когда был в них виноват, сознавался честно, а не сваливал на брата, стащив лишний кусок сахара со стола (как Рбзанов).

Пора теперь перейти к добродетелям.

Во-первых, и самое главное, *бить человека по лицу я с детства не*

могу, и жизнь еще не научила. А во-вторых, не был я скрягой, и дом мой был открыт для друзей, и сердце тоже.

Но более всего горжусь я тем, что *люблю я женщину* – я ее люблю более чем славу, чем власть, чем богатство, и даже чем саму жизнь.

Она для меня – *музыка мира, очарование мира, изящество, нежность, сочувствие, блаженство, колдовство и тайна*. Женщину я люблю так, что если бы не было слова *любовь*, хватило бы мне, чтобы всё сказать о моей любви к ней, одного только слова *нежность*; если бы и этого слова не было в языке, чувства мои вместились бы, например, в *упоение* или *восторг*, или в *обожание*, или *преклонение*. Даже безязыкий, я смог бы передать свою любовь к женщине – молчанием!

В ней совершенно всё! Голос. Походка. Дыхание. Испуг. Смех. Робость. Волнение. Каждое ощущение мира достигает в женщине своей наибольшей выразительности.

Не обязательны леса и озера. Облака на небе. Утренняя заря. Ночная свежесть. Запах цветов. Кружащиеся снежинки... Достаточно смотреть в ее глаза. В них заключено больше!

Так надо ли говорить, что я обладаю какими-нибудь достоинствами? Они – не важны. Если бы я был только из пороков, то за одну мою любовь к женщине мне бы простилось всё!

16 января. Рассуждения о Российском Народе.

Что́ я имею против евреев? За что я на них ополчился? Сделали они мне что-нибудь плохое?

Нет, только хорошее.

Когда в 70-м году меня арестовали, кто написал в покаянном своём заявлении, что «...впредь буду я *вовремя* доносить об антисоветских злословиях, которые мне станут известны»? – *русский!*

А когда в 71-году я был переведен в тюремную психбольницу и «органы» потребовали моего лечения – ну а психиатры, конечно, сначала с тем согласились – кто объявил голодовку протеста, чтобы меня спасти? – известный диссидент Виктор Файнберг, еврей и сионист, и благодаря сначала его протесту, затем шумихе на Западе, куда именно Файнберг смог переправить наши письма, машина истязаний меня не поглотила.

И кто меня предал в последнее время, даже не снизойдя до объяснения причин? Мои собратья по духу и вере, русские патриоты.

Даже в антисемитизме обвиняли меня только русские (помешанные на любви к народам всего мира, и в твердом знаке на конце слова видящие оголтелый шовинизм и антисемитизм), но не евреи.

А Файнберг, встретив меня на прогулке после того, как Запад отшумел и меня решили оставить в покое и *не лечить* от инакомыслия, сказал мне радостно – Да я про тебя все знаю, и что ты антисемит – тоже. Но ты не переживай, *русские все антисемиты*, я к этому отношусь с пониманием!

Так и остался я инакомыслящим и антисемитом до сих пор, получив

от Файнберга индугенцию. Вообще, скажу, странно или нет, но сионисты к моему антисемитизму всегда с пониманием относились, и чуть ли не радовались оному. Но что означает мой «антисемитизм», чувствую, пришла пора *разобраться*.

Прежде всего, я его отрицать и оправдываться – не буду! Если уж русские, к коим я сам принадлежу, доводят меня часто до ярости, то с чего бы мне так уж в евреев влюбиться? И если антисемитизмом называть отсутствие влюбленности, то, конечно, я – антисемит. Я и в немцев не влюблен, и в поляков, и даже в родных братьев хохлов. Да и, строго говоря, *русских я и люблю и ненавижу*, а к прочим всем либо равнодушен, либо *недолюбливаю* их (если они мне или моему народу насолили, как немцы, например).

Но вот и «недолюбливаю» – не так просто и не так однозначно! *Немецкую музыку я люблю* и преклоняюсь перед нею, и сколько слез пролил на операх Вагнера! И к литературе немецкой не равнодушен, хотя французская мне ближе. Если исходить из того, что «каждому народу присущи национальный дух и национальная психология» (по терминологии Вадима Салова), то дух европейских народов мне близок как выражение национального гения, а *психология* – мироощущение черни и ее характер – и в русском скобаре отталкивающая, и в швабе, и в Джоне Буле, и в янки, и в «бледнолицых», и в «узкоглазых».

Так что я имею против евреев?

Не народы определяют геополитику. Народы созидают культуру, быт и хозяйственный уклад, осваивают и преобразуют природу, но каждому народу соответствует некоторое (следуя Даниилу Андрееву) сверх-Я, которое может находиться либо в гармонии с собственным народом, либо и народ свой истязать и мучить.

Молох русской государственности подминает, давит, мучает, истязает, истребляет русский народ не менее, чем даже чеченцев, а может быть и более, ибо вот уже тысячу лет без прѣдыху! И с неослабевающей злобой! Ни один завоеватель не принес столько зла на русскую землю, сколько – от имени государства и для блага государства – государственная русская власть – чья бы она ни была, монгольская, татарская, немецкая, еврейская или исконно своя, *посконная и сермяжная*.

Разве не русские цари – Иван Грозный и Петр Великий, собственных детей погубившие, и народ свой бесчестно истребляли?!

Но и до сего дни им поем осанну, а не завоевателю Казани князю Андрею Курбскому, не завоевателю Тавриды князю Потемкину-Таврическому, не строительнице Петербурга Екатерине Великой!

Так что же я имею против евреев?

Начну издалека...

Больше всего я *имею* против русских. Я их, кажется, так ненавижу, что давно бы отрекся, если бы умел ненавидеть и отречься на каком либо еще языке кроме русского, и не надо было бы отречься и от языка!

К тому же, есть у *нас*, русских, одно достоинство, которое одно меня

с ними (и с самим собою) отчасти примиряет (а другие народы, имея остальные все достоинства, этого одного лишены, и даже напротив...) – это – критическое к себе отношение!

Евреи или грузины, армяне или французы, или немцы, думая и говоря о себе, думают, что они лучше всех. У нас-де голова светлая!

Не спорю. Немецкую философию и немецкую музыку люблю я, пожалуй, чуть ли не больше русской. Но ведь они не останавливаются на голове, они утверждают, что у них и «попа» лучше, и *ноги не потеют!*

Русский же не только над своими портянками смеется, но и над головой, и не скрывает, что голова у Ваньки дурная, а что до макушки, так она вся прогнила и в ней тараканы бегают (правда, другая часть русских тут же начинает царя-батюшку восхвалять и облизывать, у него-де, и походка лебединая, и не любить его – грех, а уж *писать* против него – хуже чем на Бога восставать или *писать* против ветра!

Для этих русских – а их большинство – царь выше Родины, выше традиций, выше истории, выше Истины!

Но да, все-таки, некоторые не лишены стыдливости, и вот хоть это примиряет меня с народом моим.

А французы собою упоены все, и поэтому не хочется мне во французы переходить.

Вернусь к евреям.

Я с ними схожусь легко, и чаще симпатизирую, чем отвращаюсь, они деликатны, культурны, образованны, отзывчивы. И дружить с ними я всегда был готов, только не оставляю меня ощущение, что даже когда они со мною дружат, и когда моя душа открыта, я для них все равно чужой. Это не я первый разделил мир на *своих* и *чужих*, а они (так даже и в христианском Новом Завете). Но, впрочем, это их личное дело, и ничего за это я против них не имею. Упрек мой – не к гражданам еврейского происхождения, а к тому целому, что существует независимо от достоинств и недостатков отдельных. Вот так ни в чем не упрекаю я ни Гете, ни Вагнера, ни даже обычных немцев, сколько с ними ни сталкивался – но идея мирового господства и превосходства над другими народами рождалась в недрах именно немецкого народа, и угрожала человечеству рабством.

Так же порождается еврейством всесилие еврейского финансового капитала – на всемирном уровне. Что выигрывает от этого рядовой гражданин, даже если он ходит молиться в синагогу? Ровным счетом ничего! Ни Ротшильд, ни Березовский не делятся своими капиталами ни со мной, ни с *Абрамом Терцем*. Поэтому в созидании свободной и благородной России русские и евреи должны быть солидарны, у нас общие враги – бездарные русские генералы, бездарная, продажная и равнодушная к нуждам народа власть (независимо от этнической принадлежности ее представителей), невежественная интеллигенция, жадный еврейский финансовый капитал, клановая мафия – чеченская, азербайджанская, тамбовская, солнцевская...

А что до высокомерия евреев – так может быть они и вправду умнее меня – те, кто высокомерен?!

Так что подадим друг другу руку, и не держите на меня зла за то, что я – прежде всего русский, а значит *Россия – моя боль и любовь*, к другим же если равнодушен, или не люблю в них что, то это не значит, что чувство сострадания или осуждения не равно во мне по отношению ко всякому человеку. Но ведь и Христос сказал – *я пришел сначала спасти свой народ!* (Правда, осуждение у меня только по отношению к своим, чужие язвы неловко мне обличать, и разве у немцев или французов или евреев не хватает своих обличителей?!)

Но что я имею против русских?

Нас, русских, – говорят мне – ободрали, обглодали, ходу нигде нет, кругом – мафия – еврейская, чеченская, азербайджанская! ...

Единственная надежда – на силу, защищающую нас, выражающую наши интересы. Такой силой может быть только государство (ибо за последние 10 лет мы видели, кто расхватал наши богатства).

Итак, государство начнет проявлять силу... Что оно из себя представляет (и ныне, и присно, и во веки веков)? – оно – тупое, подлое, пошлое, жестокое, неповоротливое, ленивое и продажное?!...

Когда оно всесильно – дыхнуть нельзя, оно умеет только давить, оно как медведь садится задом на нашу жизнь и сидит – и нам остается только умереть раздавленными, лежа под его воночим задом.

Оно давит – и со злобой бешеной – поэтов (ибо государство не способно к восприятию поэзии) и писателей, и философов, и верующих, и ученых, и изобретателей... любого оригинального человека. Любит только рабов, холоуев, блюдолизов, лицемеров, ханжей, тупорылых, жадных, продажных, верноподданных!...

И как же я могу относиться к народу, защищающему силу, которая ненавидит и уничтожает культуру?

Примириться ли, хотя бы перед смертью, простить? Не народ ли меня взрастил?

Нет, это неправда, в этом-то вся ложь и девятнадцатого и двадцатого веков! Господам стало стыдно за угнетение крестьян, и бросились они народ жалеть и над народом присюсюкивать (хотя землю народу не отдавали... а отдали бы землю, и никакой революции бы не было!)

Если у евреев было семь колен чистых и семь нечистых, то не так ли и у русских?

А быть может у нас даже семьдесят семь нечистых колен?

И вот творят культуру талантливые люди, ну пусть в каждой деревне из ста дворов всего семь – честные, талантливые, работающие, красивые, добрые, великодушные! А остальных семьдесят семь нечистых – завистники, холопы, пьяницы, лентяи, доносчики, некрасивые, бесталанные, ненавидящие все выдающееся – и вот пришла их пора, и колокола с колоколен они побросали, и иконы в щепки порубили, и работающих мужиков извели под корень, и интернационал запели, и Русь поминали в *бога-дущу-мать* – а сегодня они, или дети их, *«которых со мною в одной*

очереди не стояло» – стали русскими и даже патриотами, и от русских поэтов, создавших Русь, защищают Расею-матушку и царя-батюшку! Словно это они Войну и Мир написали, и Капитанскую дочку, и Архипелаг Гулаг, и Боль и Любовь! Да они же все сплошь татары или чухна, да они же по-русски говорить еще не научились, и даже Пушкина и Лермонтова акромья как в первом классе – не читали! Да кто им разрешил русскими зваться!? Да я-то может быть последний русский на этой земле, и потому единственный имею право любить или ненавидеть! И не служили ли их отцы охранниками в лагерях?

Так что любить ли мне мою Родину или ненавидеть – это я со своими русскими должен объясняться, (то есть *с теми, кто любит, или от любви ненавидит*), а не с теми, кто за деньги защищает ту шваль, которая мою Россию и мой народ позорит перед всем миром!

Так что – что я имею против русских?

То же, что против всяких самозванцев!

О, светло светлая и красно изукрашенная Земля русская! – словно колокольчик звучали во мне эти слова.

Я называл себя русским националистом – кажется, я и сегодня почти тот же, что вчера.

Но я не выкрашен одной краской, не вырезан из фанеры, и не только фанера пошла на мое созидание.

Тем более мои отношения с народом не прямолинейны.

И Дух и Плоть соединены на Земле так, что пренебрежение одной частью этого неразрывного единства приводит к пренебрежению целым.

Вот так же и народ русский – и Дух и Плоть.. Хотя *народ* – род, и принадлежность к нему по рождению, если даже Самого Господа *родила* женщина, чтобы Он смог стать человеком – но не могу согласиться я с тем, что только рязанский или вологодский или костромской мужик – русские, а императрица Екатерина, архитектор Трезини, писатель Даль, генерал Барклай де Толли, или адмирал Колчак – не русские!

Нет, *нация не тождественна племени*, она не только плоть, но и дух, не только род, но и язык и культура, ибо и Сын Божий не только человек. Так и в семье прилепляются друг к другу мужчина и женщина из разных родов и становятся (по слову Библии) одной плотью.

27 февраля, вторник. На разгрузке вагонов.

*Возможно ль нам, ну пусть совсем немного,
Сей грязный мир помыть и приукрасить,
Чтоб в гости ждать по воскресеньям Бога,
Хоть в дни иные как обычно "квасить"? ...
Пусть голос правды будет слышен глухо,
Пока в стаканы молча разливают, –
Но не одна вселенская разруха,
А через тост и Бога поминуют!*

*Пусть мы и сами через пень-колоду
Едва бредем, да и куда – не знаем;
На бочку дегтя разве ложка мёду...
Но – видим сны, и перед сном – мечтаем!
Пусть, как всегда, чем хуже, тем повыше,
Но нам, внизу, хотя б немного чище.
По воскресеньям пусть Господь нас слышит,
И в понедельник нас, заблудших, ищет.
... Эж, размечтался! Как всегда, заносит.
Что ж, собирайтесь, Божиш овечки!
Нас не зовут, с собой за стол не просят...
Но в этой тьме затеплим все же свечки...*

20 марта, вторник, 17-30. Еду в бывший Кенигсберг на Юбилей к Казимиру, проезжаю уже мимо Пулковского холма; над Финским заливом сверкает солнце, и я сижу спиной к движению, чтобы солнце сверкало мне прямо в глаза. Сделали два плавных поворота, Пулковский холм блеснул на прощание куполом Главной Обсерватории и исчез за домиками Царского Села.

... словно вернулся я в счастливые времена студенческого детства, откуда и Казимир. Где-то за башней, проплывшей мимо, живет Володя ...ский, на поезд провожал меня Ан. Мих., а на Пулковском холме восседает на втором этаже Обсерватории Маркиян – все они – герои той драмы, действие которой началось еще на сцене студенческого общежития на Детской улице, рядом со Смоленским кладбищем, и идет до сих пор.

Холмы Пулковской гряды пока видны, но поезд уже ускоряет бег.

Перед отъездом позвонил я Саше М--ову, наговорил он мне комплиментов по поводу моей книги, рукопись которой я ему дал прочитать, передал Казимиру привет и выразил пожелание посидеть вместе "у метро за бутылкой пива".

Саша – из того же общежитейского детства, когда мы так были уверены в нашем великом будущем, что однажды общая знакомая, не сомневающаяся в нашей гениальности, воскликнула – *Ах, увидеть бы, что с вами будет через десять лет!?* – думая, вероятно, что уж через десять-то лет на белом коне, под звуки фанфар, мы введем в «покоренный» город, и ликующие толпы нас забросают цветами! (Проехали только что Гатчину, солнце уже спустилось и мелькает за верхушками невысоких деревьев).

Прошло не десять, прошло уже сорок лет!! – а я еще никуда не въехал – ни на сверкающем лимузине "нового русского", ни на белом коне *Победителя*, ни на скромной ослице Иисуса Христа!

Но в продолжение Сашиной мысли захотелось мне "хорошо посидеть" в компании тех лет, и вспомнить, как мечтали мы покорить весь мир и *всех* женщин (но, может быть, *еще всё впереди!*?).

Соберемся ближним кругом – жаль, не пригласить нам юных девиц из тех лет, время властно и над девицами, даже властнее, чем над философами и учеными.

18-30. Мартовская зима пока еще царствует – солнце сверкает по зимнему, и за окном всё занесено снегом – хотя и едем мы к Российскому Дальнему Западу (да только долго ли он еще будет Российским?!)

Снежный лес проносится мимо вагона и размягчившаяся душа томится прощанием...

19-30. Солнце нечаянно село, а я не заметил – да и само солнце успело ли заметить, что оно уже село?! Как-то произошло это вдруг, внезапно... Заря, хотя и неяркая, протянулась полосой по горизонту вдоль трети неба, и небо еще не загустело тьмой.

25 марта, воскресенье. И вот уже возвращаюсь я в Питер, после пятидневного фантастического путешествия. Распили с Володей Т--вым на прощанье бутылку пива, и в час дня я тронулся в обратный путь с бывшего Южного Кенигсбергского вокзала.

Границу Литвы уже пересекли, таможенный контроль нас проверил, теперь буду писать отчет – а событий и впечатлений много, и хотелось бы их удержать, если не в памяти, то хоть закорючками на бумаге.

...Вильнюс проедем ночью, в "запломбированном вагоне" – по Прибалтике пробираемся как по вражеской территории. Распили с Володей Т--вым в ночь – а разве не латыши *над нами комиссарили* двадцать лет? Не Литва совершала набеги? Не Тевтонский Орден *над ними* властвовал? Не фашистская Германия принесла им бесчеловечный "новый порядок"? – но вот **мы оккупанты**, а не они!

...Итак, приехал в К--д я в *среду, 21 марта*. После легкого завтрака на Машинной шикарной машине съездили в университет договориться о банкете, оттуда поехали на рынок, а вечером чествовали Казимира у него дома друзья и родные в узком кругу.

На следующий день Казимир делал доклад на *семинаре*, после которого хорошенькие аспирантки засыпали его цветами и поцелуями. На кафедре юбиляра еще слегка "поздравили" водкой с шампанским, а потом, захватив Т--ва, мы пошли в баню, где выпили еще пива, поговорили "за жизнь", и расстались с Володей *счастливые и хмельные*.

В пятницу, 23 марта, в университете состоялся банкет. Столы ломились под тяжестью выпивки и закуски, я разошелся и пил неумеренно, за что на следующий день небесный цензор и вмазал мне по морде как следует. Но на банкете зато я "был в ударе", танцевал и ухаживал за всеми четырьмя миленькими аспирантками, и назначил свиданье Наташе.

Привезла меня Маша домой еще живого, я даже пробовал читать о проблемах Гилберта, и в половине третьего мирно уснул.

Но, как всегда после *дебоша*, в семь утра был я призван к ответу за свои беспутства, сердце заколотилось, спать уже не мог, поэтому сочинил *план* предстоящего свидания с Наташей и что-то для *Металогии*.

... Свидание было назначено на половину второго, я вышел за полчаса, и на нетвердых ногах, поминутно боясь, что *сдует ветром*, добрел до деревянной церкви на площади Победы, где и ждала меня восхитительная Наташа.

Вернувшись, я еще с Казимиром посидел за столом, и Маша увезла его в Польшу, а я пошел к Т--вым пить пиво и ухаживать за Танечкой, Мирой, и *Любочкой*, которой уже исполнилось *семнадцать лет*, хотя кажется *вчера* еще было *четырнадцать*. Не потому ли, что чертови большевики заклинали – время, вперед! – вот оно теперь и несется?!

... Солнце село, смеркается, глазею в окно и отрешаюсь от дум.

31 января – 14 апреля. «Объективная реальность».

1. Что объективнее – «Всё вокруг» – или «Правда жизни»?

Какое же отношение имеют эти Записки к моей *повседневной* жизни? Или к её сердцевине, к её глубине, её возможной *подлинной сущности*, только заглушаемой шумом дня?

Нет, ни к *повседневной*, то есть многообразной, заполненной неизмеримо бóльшим количеством встреч, разговоров, дел, мыслей; ни к *подлинной* жизни, то есть лежащей под поверхностью *мимопротекающего*, эти записки почти никакого отношения не имеют.

Они слишком отрывочны и односторонни, полного и *объективного* представления о моей жизни по ним составить нельзя.

Это всего лишь несколько произвольных, *случайных* точек *жизнейской кривой*, а *объективная реальность* – множество *всех* событий; кривая – множество *всех* ее точек. Любой математик хорошо знает, что *случайные* точки не только не говорят о *кривой* ничего, но даже искажают ее подлинную сущность. Ибо *исследовать кривую* – значит найти все ее *особые* точки и узнать поведение кривой именно в них. Все же остальные точки кривой несущественны.

Не так ли незначительны и отдельные события (точки) на *кривой* (множестве событий) объективной реальности?!

Ну а фотография, выхватывающая человека на бегу? Что можно знать по этому мгновенному *запечатлению* о том, что было с героем вчера, что будет с ним завтра? И даже полчаса назад? Отчасти можно возразить мне, что хотя записки мои представляют только отдельные со мной происшествия, и чувства или мысли мои непреднамеренно, наугад – *вдруг* оказалась свободная минута, и листок бумаги под рукой и авторучка, и сколько то – а чаще всего несколько только строк (например, по дороге от Лесной до Знаменской площади) успел я записать – но строки эти я хотя немного обдумывал, прилаживал и приглаживал, и поэтому они если и фотография, то скорее не на бегу, а почти в фотоателье – но да разве и в таком случае вмещается в неё хоть что-нибудь кроме *точки*, кроме *случайного мновения*?

Каковы же отношения между тем, что нам только *кажется*

существующим – и тем, что существует на самом деле, *воистину* существует? Между потоком времени, обтекающим нас "как камень на песке речном" или корягу у берега, или несущим как щепку в речной струе – и *Правдой жизни*?

Каковы отношения между *всем вокруг*, то есть "объективной реальностью" – и тем, что *подлинно*, на самом деле?

Или всякие там *правды жизни*, то что *воистину* и что *на самом деле* – это только химеры сознания, а житейский поток, который умники обзывают "кажущимся", – он-то как раз только и есть, и вообще помимо того, что шумит, течет, переливается, иногда цветет... и тому подобное... – ничего *более подлинного* нет?

Не будем спешить, подождем шумно спорить, выслушаем терпеливо не доводы и возражения – а только рассуждения, или даже сухую экспертную справку о том, что не всё просто в жизни, и между тем, что кажется *реальностью*, полнотой реальности – и искусственно притянутой *истиной*, правдой – возникают коллизии, о которые спотыкаются не только умники, но и глупцы; не только философы, но и студенты первого курса с обязательными математическими дисциплинами; не только писатели, журналисты, ученые и адвокаты – но и крупные жулики и мелкие дебоширы, ждущие приговора суда.

Наиболее просто находят *истину* математики.

Если происшествиями в жизни функции считать то, что при каждом заданном значении "x" вслед за этим немедленно и "y" принимает некоторое свое определенное значение (при этом функция не проявляет своеволия, а руководствуется всецело посторонней волей, ибо принимает назначенное значение покорно!), то как будто стоило бы перечислить все значения "x" и соответствующие значения "y" – и вот вам вся "объективная реальность"! Но дело в том, что значений этих чрезмерно много, и никакая их часть *небесного экзаменатора* не удовлетворит!

Ибо, скажет он, не частные значения (то есть, например, умывания по утрам, завтраки, обеды и ужины и тому подобное) определяют *Правду* о функции, а только некоторые, но более важные, чем бесконечное количество остальных, – те, которые являются свидетельствами характера и судьбы, *уликами*, позволяющими догадаться о замысле!

Так вот рассуждает и судья, определяя Приговор и Меру наказания некоего насильника, который *на самом деле* (если верить *объективной реальности*) являлся *примерным гражданином* в течение пятнадцати тысяч дней, а насильником пребывал *всего один день!*, да и то в нем неполных два часа.

Нельзя, говорит судья, судить о содержании чьей-нибудь жизни по *случайным* точкам житейской кривой – но ужели и *всё* множество точек кривой нашей жизни (почти бесконечное, если брать не только дни, но и часы, и минуты, или секунды) почти никакого отношения к "объективной реальности" не имеет, но лишь *особые точки* кривой или даже совсем посторонние к ней линии – *оси симметрии* и *асимптоты*?!

И так же и в фотографии помещается не более, чем мгновение?!

Тогда порок моих заметок не в отрывочности их – даже если буду описывать жизнь свою час за часом, приволоку только сор жизни! Но упушу судьбу.

А что же зеркало, которое будто бы, протаскиваясь по дороге, отражает *правду жизни*, как наивно полагал Стендаль? Нет, помимо множества случайных событий потока жизни есть нечто заключенное в них и их соединяющее, что в романе называется *сюжетом* – и что разве не менее действительно и в реальной жизни? А сюжет – *избирателен* так же, как *Допрос* и тома Уголовного дела.

Если жизнь героя представлена в романе *более истинно*, чем описание всего *потока происшествий*, то не таковы же ли и отношения между “объективной реальностью” как “*всем вокруг*” – и тем избранным, что мы называем *воистину существующим*? – хотя я и затрудняюсь сказать, что же является существующим *воистину*?

Не так же ли и *всё то, что действует на наши органы чувств* – не более чем шум, когда мы в филармонии прислушиваемся к звукам музыкальной сюиты?

Но если Правда о геометрической кривой не состоит в бесконечном множестве точек, но лишь в немногих (и *Правда о Войне и Мире*, изображенная в одноименном романе, полнее полного описания всех их частных) – то не является ли и кривая не множеством всех своих точек (как и жизнь – не множеством всех происшествий) – а чем-то другим?

Например, говорю я, *линия* – это то, что имеет только *протяжение*. *Прямая* – это линия, не имеющая не только точек *перегиба, разрыва* или *экстремума*, но даже и *кривизны*! (Так, может быть, и отдельных точек в ней нет?)

Вот так же и *Мироздание* – не множество атомов, и *Сущее* – не множество происшествий. (Как и вода – не множество капель в ней!)

2. «Всё вокруг, Правда жизни – или Сюжет»?

Под утро опять слишком близко к *краю* скатился... не на самый край, когда уже видишь дно пропасти и еле-еле удерживаешься, чтобы не свалиться, а в шаг от нее.. но слева от меня отвесная стена, и дальше от края никак не отступить.. за лекарством надо было на кухню идти, а я лежу и рассуждаю – *обойдется или нет?* (Вставать было лень..)

Рассуждал еще об *объективной реальности* как о логически связанном и упорядоченном подобии множества точек на числовой оси.

Можно ли сказать, что происшествия на ней как на складе *объективно* лежат, и дожидаются только, чтобы кто-то пришел и *объективно* их перечислил? Да *нет* там ничего, на этом складе... или, по крайней мере, *не так есть*.

Пока... (ах, почему не записал я свои рассуждения, когда *на краю* их увидел – так ярко, умно, ясно! И вот, как фотография, которую не успели опустить в закрепитель, на свету пропадает, так и эти предугранные

видения уже почти невидимы)... попробую задержать на бумаге хоть что-нибудь...

Возьмем какой-либо день, и всякое, что в нем случилось. Нельзя же сказать, что это простое взвихрение мусора, летящего беспорядочно во времени.. многое подчинено было *замыслу* и *намерению*, и потому выстраивалось в сюжет даже при происшествии – но в воспоминании не выстраиваю ли я сюжет иначе, и каждый элемент его достаю ли как точку на числовой оси, уже изначально там существующую, или и сюжет и элементы его в значительной степени (если не в наибольшей) я еще *делаю существующими*? И нет еще *объективной реальности*, а она такова, каковою я ее созидаю?...

А потом потянулся *натуральный ряд*, сердце стало биться ровнее, и я снова уснул...

14 апреля. Многие упрекают меня, будто я, во-первых, слишком откровенно писал, и *низкую* правду вместо *высокой* высказал, а, во-вторых, писал о себе.

Но и то и другое заключения ошибочны. Разделение Правды на низкую и высокую впервые, наверное, возникло в советской литературе. Мой герой в некотором смысле пребывает сразу в двух этих *правдах*: в одной – *высокой*, где он страдает и ведет бесконечные диспуты о Добре и Зле, Правде и Лжи, и в другой – *низкой*, где он пьет, *озабочен бабами*, и страдает приземленно и низко от своих личных невзгод.

Но многие из тех, с кем сталкивала меня жизнь, *философствовали* о добре и зле тоже чаще всего когда пили, и часто заплетающимися языками, но не всегда пусты были их рассуждения, а иногда искреннее и горячее, чем у героев советской литературы и кино, где о *высоких материях* и о *Битвах в пути* с чрезмерным пафосом вещали около *синхрофазотронов* выдающиеся ученые!

Разнообразный мужской люд, с которым мне приходилось встречаться и разговаривать, тоже *озабочен* был, как и я, *выпивкой* и *бабами*, только многие из них об этом уже забыли, они уже всё выпили и перебесились, подходит пора *осенних* размышлений, и им кажется, что *бабы* не столько места занимали в их жизни, не 99%, а только пять или десять... Они уже не помнят, как мы вместе ходили по Невскому и пытались вычислить, которая из встречных девушек *согласна* за три рубля, чтобы и наших денег было достаточно, чтобы ей с нами пойти... Иные из них теперь уверяют, что я в своей борьбе за "правду жизни" срываю покровы и пелёны и что я – циник, потому что вместо того, чтобы "не хотеть ...", я – *хочу*! Но я совсем не из тех, у которых с женщинами *легко и просто*, и "роман" ограничен постелью, и пытаюсь о женщинах говорить *приоткровенно*, ни я ни мой герой не низводят их до "предметов потребления".

Но если мои критики читают Довлатова и поглощают тысячами мыльные фильмы, где раздевают и раздеваются без стеснения, то – что может задеть их в моих словах?

15 апреля 2001 года, Воскресение, Пасха.

Однако, пора подвести черту и более обстоятельно оправдаться.

Потому что и сам я страдаю от того, что и жил зря, и писал не то, что нужно.

Если бы я занимался математикой и доказал теорему или предложил новую формулу, то не нуждался бы в оправдании – результат налицо, вот он, вклад в математику!

Так же не нужны оправдания, когда я вскапываю огород – мы его засеваем всякой всячиной, и всяк из наших близких порадуетя и скажет спасибо, хоть за овощи, хоть за цветы. Правда, когда я начинаю мусор убирать, канаву чистить, забор чинить, то поскольку *польза* от этих моих действий неочевидна, уже приходится оправдываться в трате сил и времени, которые на *полезное* я мог бы истратить.

Еще больше в оправдании нуждаются мои походы в баню с друзьями, особенно если после бани мы пьем пиво (а это мы всегда делаем!)... ну, перед женщинами мне эти преступные действия никогда не оправдать, но я с пониманием сношу их упрёки – если бы от меня было больше пользы в остальное время, снисходительнее женщина отнеслась бы и к этим не слишком, все же, серьезным проступкам..

Ну, а выпивки с друзьями, даже и без бани?! Или *заглядывания за бэуку к очаровашке* в трамвае (а я если не всегда это делаю, поскольку надо же, чтобы *заглядываний* моих никто не заметил, а благоприятные возможности не всегда выпадают, – то уж жажду это делать – всегда!)?! Нет, в этом оправдываться даже не буду (так вина очевидна).

Да, *заглядывания* (в расширительном смысле этого слова, то есть вообще влюбленности, ухаживания, а тем паче *приставания*) и *выпивки* не буду оправдывать, ибо не знаю, что сказать в оправдание... Пил я больше чем следует, и если бы заново с нуля жизнь начать, то ей-богу уменьшил бы количество выпитого – но ухаживания за девицами не только б не сократил, но и преумножил бы, если б заново вернулся к цветущей поре! Ах, как много потеряно! А особенно на чтение социалистических пророков – но ведь заставляли же и в школе и университете, это была своего рода барщина..

Ну, да ладно, простят ли меня близкие, простят ли *благонамеренные* читатели и простит ли “*Царствие Божие*”, но оставлю без оправданий и вино и женщин... что было, то пусть было, и не раскаиваюсь! И если и сегодня слишком близко ко мне красotka в трамвае придвинется, то и сегодня отодвигаться не стану!

Оправданий требуют Записки, не ставшие ни философией ни литературой.

Конечно, если бы писал я романы, или повести, или рассказы, то даже если бы неудачно писал, само намерение меня отчасти бы извиняло и оправдывало. Писание романов признано в нашем обществе занятием не предосудительным, тем более что некоторым удается прославить романами отечество, иным – хотя бы самих себя, а многим – заработать

на хлеб насущный. Но ни романов, ни даже путных рассказов я писать не умею.

Вот поэтому и пишу я всякую чепуху, отчасти о своем житье-бытье, и хотя достаточно искренне, но слишком односторонне; кое-какие *штрихи намечаю к портрету* – надеюсь, не только к своему, но и к портрету вообще своеобразного человека, то есть “отщепенца” – но тоже, увы, слишком односторонне; да и не ради портретов затеял я эти записки.

Я хотел найти ответы на те вопросы, которые заботят как меня, так и тех, кто не удовлетворен непосредственной жизнью день за днем.

Во-первых, *что есть Истина, есть ли Бог*, каковы отношения между Богом и человеком?

Во-вторых – *в чем смысл жизни*, и стоит ли жить, если ничто невозможно: если недостижима возлюбленная, без которой не мил свет; если погибает страна и народ, без которых все остальные цели бессмысленны; если воля к творчеству приносит слишком тощие плоды или бесплодна; если не удастся убедить в правде, которая тебе открыта, народ свой и даже своих ближних; *если нет ни одного поприща, которое бы тебя удовлетворяло и было тебе доступно?*

Но почему нет ни одного достойного поприща?

Дело в том, что недостойно само государство, воля его направлена на поощрение низкого и унижение высокого, и поэтому, что бы я ни делал – даже если бы умел делать лучше других – все мои дела будут не во благо, а во вред.

Чтобы меня понять, представь себе, читатель, что живешь ты в нацистской Германии – разве любая твоя работа не была бы работой на стороне Гитлера, кроме войны против собственного государства и собственного народа?

Если ты со мной не согласен, значит ты в 35-ом учил бы школьников, строил дороги, производил автомобили, возводил стены заводов и жилищ – но все, что бы ты ни делал, если бы делал хорошо, в конечном счете приводило бы только к тому, что было бы убито больше французов, англичан, евреев, русских, прежде чем были бы разрушены твои дороги, фабрики и здания, и уничтожены автомобили, и обезоружены солдаты (твои вчерашние школьники), и сокрушена Германия, главный смысл которой (а значит и твой) состоял в том, чтобы *убивать*. Вот так же, живя в России, и ты, и твои родители, и твои деды и прадеды, если они не сопротивлялись красным, то значит помогали им уничтожать добро и справедливость, сооружать лагеря и тюрьмы, уничтожать дворцы и храмы, сжигать усадьбы, иконы и книги, и растлевать народ. Что осталось в России сегодня, чем мы гордимся? Кремль, Храм на крови, Зимний дворец, Лавра.. и другое – но только то, что не успели сжечь, взорвать, порушить, и что было сделано до прихода на русскую землю последних преступных поколений... а пашни, которые мы пахали, зарастают.. заводы и фабрики, которые мы построили, рушатся.. станки, которые мы создали, заржавели.. леса свои мы вырубали для иностранцев..

нефть и газ свой мы отправляем иноземцам.. никель и золото, алмазы и платину.. распродаем страну, на то пьем и едим.. а будет еще хуже, пока все мы, ставшие *сволочью людской*, не взглянем правде в глаза и не осудим себя – за всё, что было, что есть, и что еще хуже будет, если мы не опомнимся!

Каждый год страна теряет один миллион жителей (а русские потери еще больше!), нравственный уровень народа падает, долги растут, города стареют и умирают, леса скудеют, пашни зарастают, и только богатые радуются жизни (но меня их радость не радует, ибо “радость их на чужой крови” – во имя чего нам жить?)

... Нет, не ответил я ни на один из вопросов, который передо мною стояли – так что же я узнал, и в чем оправдался?

*20 апреля 2001 года, пятница. Последнее Слово подсудимого или
Оправдание к запискам, претендующим на философию.*

Перечитываю повесть Саши М--ова “Окрест Вселужской церкви” и горестно задумался о *вырождении* жизни – то есть ее опошлении, за-полнении пустым мусором пустого быта, заполнении *ничем* (не потому ли на вопрос о том, *как живется*, мы часто отвечаем не “хорошо”, или “плохо”, но “ничего”?!); затем – о разложении и распадении связей – страны, народа, близкой (или *малой*) Родины, то есть родного края, например – Урала, Питера, Забайкалья, или *уже* – Бирюсы, или еще *уже* – поселка, деревни, хутора; распадении связей семьи, среды обитания (так, есть ли у *бомжа* хоть какая-то среда обитания? Как некое сцепление, как гнездо с перьями и соседями? Или только огороженный кусок пространства, но не принадлежащий ему, не *уродненный*?)

Вырождение жизни происходит так же как *снижение*, нравственное падение, утрата высокого и замена его низким, пустым, преступным.

Если прав Пушкин, то народ в целом – то есть и крестьяне и высшее общество – не является цельным народом, но содержит в себе одну тлетворную часть, которую русские романтики называли *чернью*.

Мещанин, обыватель – не то. Мещанин раздражает интеллигента (например, Горького или Иванова-Разумника) равнодушием к его “высоким” призывам, кипениям, страстям, но рождает детей, воспитывает их, дает им образование, ходит на работу, и даже на войну... не идет на баррикады, даже в партизаны своею волею не идет, и это, конечно, плохо, но не идет и в начальники лагерей и в каратели..

А *чернь*, это те, кто *ненавидит высокое* и несет в своих действиях, воле, страстях, в своем раздражении – темное, разрушительное, тупое и злобное.

Безусловно, из черни и рекрутировались Комитеты бедноты и разрушители храмов, активисты колхозной жизни, и доносители, и обличители всего непохожего...

Но кажется мне, что не только в *черни* дело, да и чернь не однородна. Ограниченных, узких людей и в нашей деревне, и в школе, где я учился, и далее в течение жизни встречал я множество, и их без сомнения можно

отнести к черни – но не могу сказать, что жизнь не притирала нас иногда и близко друг к другу, так что даже водку приходилось пить вместе.. Та компания моих знакомых и сослуживцев, которая была связана со мною в Москве, и *вспотела* со страху, узнав, что я должен Московской Мэрии за издание книг, и побежала доносить на меня на всех углах и выживать из Москвы, из уголка, где я еще мог приютиться – вот эта компания, безусловно – чернь. Но разве и с ними я всегда был связан враждой? Я и сегодня не брошу в них камень, или ком грязи, и у них еще не у всех всё потеряно, а может быть даже раскаяние к ним придет, или стыд, или хотя б сожаление. Чернью их сделала трусость и малодушие; у тех, кто был беден – неспособность переносить житейские невзгоды; кто был богат – опасение (правда, нелепое, ни на чем не основанное) потерпеть ущерб; некоторые же разочаровались в своих тщеславных надеждах, узнав, насколько я беден, и устыдились за фамию, который опрометчиво мне перед тем воскуряли. Ну да и Бог с ними, не в них – причина тех бед, которые обрушились на Россию.

Повесть Саши М--ова подтверждает мое главное чувство, что Падение преодолевается только в Трагедии.

Но сор земной, все те, кто опустил, спился, или кого жизнь *опустила* – не всегда переживают, не всегда успевают пережить свое падение как *трагедию*, а только как принижающее страдание, или как *опустошение* души (и в нем чаще всего причина самоубийств).

Трагедией Падение оказывается в народной Судьбе, в соединении множества индивидуальных молекул в толщу Народной Жизни, и множества индивидуальных кратковременных происшествий в Историю.

Кто же переживает трагедию?

Трагедию переживает Народ как целое, как историческая личность. Лучшая часть народа, самое высокое в нем, страдает за грехи и низость своего быта и сора, за тех своих, кто по моему мнению и не является народом, а скорее – его изнанкой.

Трагедию переживает художник, поэт, писатель, философ или пророк... да и всякий русский, любящий Родину.. Трагедию переживаем мы с Сашей, вовсе неповинные в ее истоках и в русском падении. Мы разве не пытались сделать все, что в силах, и что не в силах – но сор земной неподвижен, и если слушает он, то не нас.

Но, не виновный в падении России, я и виновен... хотя не уяснил еще, в чем же моя вина...

И все же главная вина – не во мне, как и не в черни.

Есть нечто еще, названия чему точного я не знаю, а буду называть как-нибудь оскорбительно, например, *сволочь людская*... Вот эта сволочь людская и вершит наши судьбы уже сто лет. Почему и за что – не знаю.

Вот видел фильм о народнике-террористе Каляеве, бросившем бомбу в Великого Князя. В первый раз он бомбу не бросил, в карете сидели неповинные (по его мнению) жена и дети Князя, а во второй раз, когда Великий Князь был один, покарал злодея (как он считал). Жене его на тюремном свидании сказал – *Вас мы не тронули, Вы – живите!*

(Террористов этих, впрочем, было не много, они были индивидуальны, и хотя будоражили жизнь России, но в течение сорока лет индивидуального террора великая империя продолжала созидаться духовно и хозяйственно. Были построены храмы, дворцы, театры, дороги, фабрики, и крестьянская жизнь не хирела, а возрастала.)

Вдова великого князя основала монастырь, а после была расстреляна – в 18-ом году – большевиками, которые кроме нее расстреляли еще и царскую семью, и десятки миллионов повинных и неповинных людей в России и по всей земле.

Большевики принесли новую религию обесценения человеческой жизни, *индивидуальные* человеческие отношения они заменили *массовыми*, а разбой, бывший ранее только болезненной примесью к жизни, сделали ее основой.

И чернь, и обыватели стали, конечно, орудиями новой Воли жизни, но эту новую Волю вдохновляли и питали не они, а вот та самая *сволочь людская*. Философия этой сволочи выражается полно в одном современном происшествии: русский полковник изнасиловал и убил чеченскую девушку – ну, на войне, как и в жизни, чего только не совершается, и героического, и грязного? – и это изнасилование и убийство – не из ряда вон выходящее военное преступление. Обычный человек невольно примеряет происходящее к себе, и оценивает зло, как если бы оно совершено было по отношению к своему дорогому – например, изнасиловали и убили его собственную дочь. Как бы отнёсся всякий человек к изнасилованию собственной дочери? – страдал бы, негодовал, кричал и жаждал мщения – но не стал бы защищать он насильника. Мне же приходится теперь слышать повсеместно другое – *подумаешь, одну девушку изнасиловали, и столько шуму!*

Так к кому же я могу обратиться, для кого могу жить? Народ, среди которого прошло мое детство и юность, имел человеческие представления о добре и зле, о том, что хорошо и что плохо, он много нагрешил и наказан пьянством, бедностью, ранними смертями, опустошением, вымиранием, страданиями – но не был он от нечистой силы. Народ же, среди которого живу я сегодня и к которому обратиться пытаюсь – не только орудие зла, но и сам – ЗЛЮ!

С ужасом вижу, что большинство его – *сволочь людская*, не просто низкие и завистливые к выдающемуся, а – растленные и растлевающие, в них – мировоззрение Нечистой Силы! Не растлила ли *сволочь людская* даже народную чернь?

Так что катиться мне еще дальше (если не умру скоро от остановки сердца) – к отчаянью и опустошению.

Казалось, что всё, последняя точка поставлена, но – чувствую, надо еще объясниться, нет завершения, дверь неплотно закрыта, откуда-то дует – а я не то чтобы не собираюсь больше возвращаться, но под целым периодом жизни своей, почти под пятилетием, черту провожу.

И вот, пусть она будет поотчетливее. Да и понадобится в ближайшее время это *Последнее слово*, только тогда уже мне не дадут сказать его, поспею скажу загодя.

И прошусь, и объяснюсь и, может быть, оправдаюсь отчасти.

Во *вторник* встречался с Сашей Михайловым, передал ему последнюю главу, дописал ее в семь часов вечера, а в девять встретились мы у метро Просвещения. Итак, первая книга моя (Боль и Любовь) закончена, осталось сверстать, найти денег и напечатать (хотя бы в небольшом количестве экземпляров). А деньги... – если все же хоть какое-то внимание у Господа осталось ко мне, и не сердает, что я не сюсюкаю с Ним, как другие, то, может быть, Он мне пособит?!

Ну, ладно, деньги – потом, сначала надо дописать, сверстать, распечатать и сдать в типографию – это, кажется, можно сделать еще без денег, вот и займусь...

В предыдущее воскресенье была Пасха, и я Саше велел принести яички, а сам принес две бутылки пива.

Зашли на тыльную сторону метровского здания, расположились на ступеньках, постелили газетку, поставил я пиво, а Саша, смотрю, достает три яйца (одно для Марины), соль, черный хлеб, сало, нож, лук, квашеную капусту и полбутылки самогонки. Нельзя мне, конечно, и нехорошо потом было, но – такое в этом *распитии по душам* в вечерующем весеннем воздухе с черным хлебом и квашеной капустой теплое и возвышенное, что... ах, неполна жизнь без этого и не до конца благодатна! Да и не согреешь душу, когда она примерзает, даже и девичьими объятьями! И именно важно не застолье в доме, а вдвоем или троим, с близкими, прикосновенными, с *вознесением*, приоткрытием душ, целомудренным пониманием и сочувствием!...

С Сашей мы познакомились сорок лет назад, потом надолго «судьба нас разметала», и только восемь лет назад встретились мы вновь, и оказалось, что не только в судьбах общее, но и в отношении к миру, к России, в трагическом сочувствии к ее судьбе.

Самогоночка «шибала» *что надо*, запах и вкус ее напомнили мне деревню моего детства, и мы заговорили о наших корнях – у Саши – в истоках Волги, у меня – в самой срединной Сибири-матушке.

Подождал мужичок, спросил, не отдадим ли пустые бутылки из-под пива. Детям и старушкам, когда вот так у метро пиво пьешь, и спрашивают, я всегда отдаю, но вообще-то в советское время бутылки я сам сдавал – и из-под вина и водки, когда принимали, и из-под пива – и немалая подмога бывала от этих пустых бутылок, хотя ведь не основное это занятие у меня – выпивка.. Бросить пустую бутылку – в городе или в лесу – я почитал почти таким же грехом, как бросить кусок хлеба, и даже когда попадалась на глаза чужая пустая бутылка, и меня никто не видел, воровато хватал я ее и прятал в портфель. От жадности ли? Нет, и не от бережливости, а потому что с детства я знаю, «почем она, копеечка», и никогда «лишних денег» не было, да и *не лишних* почти никогда не было тоже..

Благонамеренный обыватель (или «умеренный и аккуратный») свысока сразу же начнет мне пенять (как бывало не раз) – «А что же не заработаешь денег столько, чтобы не только бутылки не сдавать, но и на Мальту ездить?»

Ну, положим, я – отщепенец, бестолочь, и тому подобное.. да ведь и Саша не заработал и никогда не работает, доктор наук и писатель, преподающий студентам *лирику*! И Володя Т---нов, преподающий *физику*, не только на Мальту зарабатывает, а и на пиво не всегда! И Сергей Сергеевич, поэт и ученый, и доктор, и профессор, и на четырех работах подвизается сразу, не только на Мальту, но даже на какой-нибудь списанный автомобиль, или самый старый компьютер, или на бутылку хорошего вина заработать не может! Что же, перечислять дальше ученых, писателей... а что же тогда учителя, у которых зарплата меньше, чем была у меня студенческая стипендия?

Нет, перечислять я больше не буду, и не буду больше за других говорить, *конвоиры* торопят, надо успеть сказать о себе.

Оправдаться я не оправдаюсь, ибо приговор вынесен заранее.. даже перед своими близкими не оправдаюсь, невольно усвоена и ими как дыхание единая точка зрения, что будто бы *иерархия* житейского успеха соответствует *достоинству* каждого, будто бы мы по лестнице жизни как в забеге бежим, и *награды находят героев*.

Оправдаться же перед обществом я никогда не оправдаюсь, потому что обвиняют меня не только злодеи, но и все те, кто живет *так как надо* – а ведь все они в глубине души убеждены, что ни Христос, ни Жанна, ни Джордано, ни Аввакум, ни поэты, ни философы, ни изобретатели, ни диссиденты, ни заговорщики, ни чужие любовницы – не живут как надо! Как надо живут те, кто живет по правилам, установленным обществом и властью, слушается начальства, дорогу переходит на зеленый свет, не ссорится с сильными, не водится с слабыми, не имеет посторонних увлечений, лишних друзей, чужих жен, страстей, слабостей, *грехов, помыслов, мечтаний, видений, голосов и откровений*, не связывается с нечистой силой, но и с Богом в слишком близкие отношения не вступает!

«*Все, что задуже, то недуже!*» – говорит осторожный хохол, и он прав.

Так что перед народом своим оправдываться я не буду, да по своему он тоже прав – надо же и детей рожать, и кормить, и гнёзда вить, какая там еще к черту поэзия!

Но народу, впрочем, кроме ближних моих, до меня дела особого нет, у него своих забот хватает, и не он устанавливает Правила жизни, включает красный или зеленый свет, и распределяет «прибавочную стоимость» – а ведь только на нее Мальта и Мерседес, а не *в поте лица своего*.

Вот с теми, кто на Мальту ездит, я и поговорю напоследок, ибо именно их есть сие царствие земное (да, боюсь, и небесное тоже!), им,

хозяевам жизни, и попытаюсь я попенять – во-первых, потому, что именно они проели «прибавочную стоимость», да и всякую иную – тоже; они презрительно и свысока смотрят на меня, обвиняют в *неумении жить*, внушили и народу моему ложные понятия о низком и высоком, загородили мне все пути и все поприща, сожгли Жанну, распяли Иисуса, уморили голодом святую боярыню, осмеяли Ламанчского рыцаря, изгнали Овидия, заточили Аввакума, поругали чистых, возвеличили низких, поклонились жестоким, заточили смелых, оклеветали честных, оскорбили гордых, а теперь еще прельщают невинных детей богатством и благополучием, забирая в обмен мечты и грезы.

Воображаю суд не земной – здесь меня никто и слушать не станет, – а некий фантастический, потусторонний, измышленный мною в рамках *литературных мечтаний*. На том суде я кое-какими возможностями обладаю, и если даже то будет Страшный суд, надеюсь, Господь все же даст возможность распинаться перед Ним и перед судьями как хочу, прежде чем в огненную смолу заключить.

Начал я разговор с пустых пивных бутылок, вот с ними непременно на Суд и припрусь.

Вообразим некие весы, на одну чашу буду я складывать свое оправдательное, доводы в защиту и укоризны врагам, мои добрые дела и все, что полезного сделал; на другую – пусть кладутся мои грехи и возможное доброе *всех хозяев жизни вместе взятых*. Пусть это будет тяжба моя от имени всех русских поэтов, не имеющих ничего кроме унижения при жизни и разве только снисходительную память после смерти, с *имеющими всё* – власть, богатство, славу, купленных за деньги красивых женщин (или прельстившихся властью, знатностью, успехом), дворцы и виллы, бронированные автомобили, личные самолеты, костюм от Кардена, вино от Клико, шампанское из Шампани, ром из Ямайки, и даже воду из целебных источников!..

Сначала я пустые бутылки положу на весы – сколько в очередях простоял я при советской власти, чтобы за каждую штуку «хрусталия» получить двенадцать копеек (да вдруг раздавался глас – *Тары нет!* – и приходилось восвояси тащиться домой, не омочив даже горло глотком Жигулевского пива); и нынешние пустые бутылки положу, их, правда, меньше, и в очередях на сдачу уже стоять не приходится (кое в чем прогресс все же есть, не все хуже стало от прошлого). Причем тут бутылки? – кто-нибудь спросит. Да разве две тысячи лет не призывали меня к умаленью гордыни, так я ли не умалён? Я ли гордецом был, и на закуску стараясь плавленый сырок подешевле купить, и даже студнем по 54 копейки не брезговавший, и маргарин вместо масла намазывавший на хлеб? Даже на страшном суде буду *гордиться* я тем, что *не был гордым*, и не стеснялся за 97 копеек *Волжское крепкое* пить, и в кружку в оное время с разливным жигулевским пивом для крепости спирт доливать, и покупал колбасу *особую чесночную* за рупь тридцать (но она при проклятых «коммуняках» была повкуснее нынешнего *сервелата*), и ныне

не стал я гордым тоже, и с Сашей пью самогонку, прозрачную как березовая слеза, а не шотландский ром, и с Геной С--ым на днях пил аптечную «настойку боярышника» – какого еще смирения жизнь может требовать от меня?

Но не единой выпивкой жив человек, поэтому похвастаюсь и другими добродетелями. Метафорически выражаясь, ехал по жизни я в вагоне третьего класса, даже когда хватало денег на первый; и не для того, чтобы упрекнуть Христа, но для полноты правды замечу, что всегда жалел, чтобы на меня были истрачены елей и мирра, и постоянно помнил о тех нищих, среди которых можно разделить деньги, вырученные за продажу благовонного масла. Не только не мною заработанное не хотел я на себя истратить, но и заработанное мною не расточал на себя, и помнил о ближних, но помнил и о дальних.

Как же оказался я в долгах, словно в капкане, и куда подевал чужие деньги? Кажется, об этом невнятно только упоминал я, а надо объяснить полнее. Что не истратил я их на себя и не прокутил чужого, даже *хозяева жизни* не осмелились заподозрить, и работодатели не сомневаются. Но вот, бросают мне в упрек, зачем, мол, *не за свое дело взялся?* Зачем *сунулся в воду, не испытавши броду*, и – непризнанный поэт – возомнил себя еще и издателем?

Упрек этот совершенно не основателен. Та воровская власть, которая установила новые после коммунистов правила (а вышла сама из их же славных рядов), установила их так, что только воровать можно было успешно, вся же остальная деятельность обречена была на провал.

Или есть хотя бы один предприниматель в России, производящий что-то полезное для народа и зарабатывающий на том?

Все наши хозяева жизни – это продавцы не ими нажитого российского добра, или нечто *перепродающие* (от технического бельгийского спирта до ножек Буша), или *посредники* в сделках, или *сводники*, или *проститутки*, или *чиновники*, берущие взятки, или *финансисты*, или *услужливые журналисты*, или *киллеры*, или *участники развлекаловок* (так называемого шоу-бизнеса), – то есть все сплошь *сутенеры!*

Никто из них не произвел ни одной гайки (и даже не способствовал ее производству), не написал и не выпустил ни одной книги, не вскопал хотя бы одну грядку и не вырастил хоть один огурец.

Копали, сажали, поливали, выращивали, точили, шлифовали, пилили, строгали, учили и писали – другие, эти же – только мешали, они только *собирали дань* с производителей, охраняли сборщиков, обслуживали их потребности, устраивали конкурентов.. и далее все в этом роде.. Найдется ли из армии хозяев жизни *хотя бы один*, который сделал хоть что-нибудь в производстве, или, по крайней мере, знает и умеет делать, и может выпускать журналы и книги (как я), отремонтировать дом (как я), построить теплицу (как я), вскопать огород (как я) [про себя я к примеру говорю]?! Да они все сплошь невежды и неумехи, и никогда ничего делать не умели кроме воровства и посредничества и обслуживания

богатых! А мои книги не покупали не потому, что я их плохо издавал, а... либо тем, кто не научился читать, не на что покупать стало, либо отрастили хвосты и забрались на дерево поближе к телевизору, и книги им стали уже не нужны. Не меня судить надо, а мой народ, преступно предавший своих творцов – пусть он объяснит, почему ученые работают дворниками и огородниками, или продают пиво в ларьках, почему писатели на Невском торгуют своими книгами, чтоб прокормиться, преподаватели ищут частных уроков или ставят оценки студентам за мзду, студентки торгуют телом, а я, умеющий и математике обучать, и книги издавать, или, на худой конец, чужие сочинения исправлять, в морозный день разгружаю из вагонов деревянные шпалы?! Или он не при чем, народ мой? Подождите немного, дойдет очередь и до народа, еще объяснимся, и «аз воздам!»

Издательство, которое я создал, оказалось убыточным не по моей вине, как и Пушкин застрелен Дантесом не потому, что стрелять не умел.. Или Лермонтов.. или мой отец.. Но в них, по крайней мере, стреляли не из-за угла, и не свои, а меня застрелил мой собственный народ, который отдал всё – власть, промышленность, земные недра, деньги, любовь – тем, кто преумножать это не умел, а только разрушать! Чтò сделано с нашей страной, которая пошла по миру и по всем панелям мира, которая пуще в долгах, чем я?! (Но я-то изначально ничего не имел, и в долг строил, а они – имели, им было всё отдано, в том числе и *моё!*)

Читаю намеренно умиленно-восхищенного историка, почти млеющего от восторга, о начале ельцинского правления – *ах, как он Россией завладел, смело, круто, дерзко, по мужски, как бабой, которая отдалась ему не рассуждая! Завалил на поляне в Беловежской Пуще...*

Господи, жить противно! Россия Достоевского и Толстого, неистового Протопопа, боярыни Морозовой, Пушкина и Лермонтова, Владимира Мономаха, митрополита Иллариона, святого Сергия Радонежского, святых великомучеников Бориса и Глеба, великого Шаляпина, строителей и защитников земли русской, первопроходцев, землепашцев, иноков и воинов, певцов и певиц, философов и поэтов... эта Россия как ханская наложница, как пьяная девка с панели... *с властителем не только лукавым, но лживым и пошлым* пошла на лесную поляну... не с нею ли пьяный в обнимку упал он с моста? Не ее ли сдал он в аренду для прихоти иноземцам, *дерзко презирающим земли чужой язык и нравы?..* Да с кем же ты, блядь, шляешься, да как же ты смеешь позорить детей своих?!

Или это поклев на тебя, а ты и сама невольница в жестоком вертепе, измывается над тобою лютая дьявольская сила, и дети твои про тебя забыли и не ищут, как освободить, как спасти и отомстить?!

Детям твоим весь свет застила дармовая жизнь, а вместо того пока объедки с чужого стола, пошлые и подлые мечты о богатстве и жгучая зависть к богатым.. И проживут свою жизнь в одной только погоне за удачливыми товарищами, за теми, кто успел украсть, успел поделить, успел продать Родину, будущность, честь...

Ну, вот, граждане конвоиры, господа судьи, равнодушная публика...

Потерпите еще немного, надо заполнять пустые чаши весов. Та, которая отведена для хозяев жизни, может быть заполнена разве только лживыми обещаниями, фальшивыми ваучерами, задержками зарплат и пенсий, разрухой в стране, фантиками от жевательных резинок, пустыми бутылками из-под *пепси*, роскошным благоденствием новых господ..

Что же я возложу на свою сторону?

Надеюсь, разрешите складывать не только достижения, но и неудачи, не только радости, но и огорчения?

Мало собрал я для хвастовства... и все же.. не в одних горестях и потерях протекла моя жизнь..

Но и когда тяжело было – так ли уж я жаловался? Настаивал на сочувствии? Негодовал на несправедливость ко мне?..

Реки текли из страданий и зла – только ли об этих реках я вспомнил и написал? И самое ли горькое? Нет, о самом горьком я умолчал...

Жизнь сложилась не так, как мечтал, и немного доброго удалось сделать, но зла причинить я никому не хотел.

И все же, если бы и самые последние слова я теперь говорил, не стану оправдываться, не стану доказывать, что я лучше, чем обо мне думают – это не важно. Неприятно мне то, что недостойные торжествуют, и смеют смотреть на меня сверху вниз, как и на всякого поэта. Я же хочу доказать, что я достиг большего, чем они, я хочу доказать, что я везде и всегда выигрывал, а они проиграли, и я неизмеримо счастливее каждого из них.

От самого рождения и до сего дня я прошел *по самому краю жизни*, заглянул на дно бездны, но не свалился.

Боже мой, Боже, какими только болезнями не переболел я в невинном детстве, когда еще не за что было наказывать меня, и когда еще не умел цепляться за жизнь – но я до сих пор жив!

Даже рождение мое случайно. Отца моего призвали в армию еще до начала войны, а я родился через девять месяцев ровно – была ли его последняя ночь прощанием, обетом, завещанием, исполнением завета? Иногда я думаю, что в эту ночь он написал свое последнее письмо, прежде чем умереть, и вот теперь мы его вместе читаем.

Я так много говорю о том, что меня любили родные, друзья, женщины, не для того, чтобы бахвалиться перед теми, кому повезло меньше меня, но чтобы *хозяева жизни*, захватившие мою Россию, не смели торжествовать. Разве у них были такие друзья? Даже когда за них платят выкуп в три миллиона долларов, разве те, кто платят, жертвуют своими? Рискуют своим благополучием?

А в моих несчастьях я никогда не бывал покинут, и мне помогали не только близкие, но и те, кто должен был по всем правилам быть мне дальним.

Даже следователь на следствии (в 70-м году) пытался меня поддержать (не он виноват, что приходилось ему уличать меня в нелюбви

к марксистско-ленинскому учению, а *дьявольская система*, которая опутала хорошего русского мужика; психиатры старались меня спасти, рискуя своим положением; хорошенькая медсестра целовалась со мною – а ведь я был *душевнобольным* в глазах почти всего общества! Охранники и конвоиры меня не презирали, и не охранник ли сказал обо мне столь лестно, что любую хулу теперь надо снести безропотно?!

Родные и друзья были верны и заботливы, а женщины мучили так, что на других уже не оставалось у них мучительства!

Вот уж такого равнодушия женщин хозяевам жизни не приобрести ни за какие богатства!

... Я задумался на несколько минут, улыбаясь.. Простите меня, мои мучительницы, за вашу неверность, отчуждение, игру, любопытство, нелепые размовки, страстные ссоры, раздоры, непонимание, разлюбление, невлюбление.. простите, что каждая из вас меня бросила, а я ни одну из вас не бросал.. что вы предпочли мне других, что мне не удавалось вас соблазнить, что я был слишком робок, слишком нежен, слишком влюбчив, слишком привязчив.. и за то, что вам не удается меня забыть, простите тоже..

Как вы умудрились задерживаться около такого человека, как я? Как вы умудрились немножко в меня влюбляться? Даже когда я был глупым, даже когда я был слишком умным (клянусь, это больше не повторится!), даже когда был чрезмерно самолюбив.

Пора, пора прощаться, разве возможно сказать все? Всегда останется больше уже сказанного! Я верю, что Россия останется со мной, и если, чтобы она услышала мои слова, я должен буду написать их своею кровью, я кажется решусь и на это.

– Что там в бутылке, осталось ли еще по глотку? Нельзя *Последнюю речь* заканчивать слишком патетически – разве я так уж стремлюсь быть оправданным? Ничто мне не нужно так как Любовь, даже слава – меньше!

– Не унывай, Васька, мы еще не написали всего, что должно, и многое еще впереди.. Да и в бутылке осталось еще..

17 мая, четверг, 16-00. Выпил вчера «портвейна бадью», «и вот азь умираю». Иду в баню выпаривать грехи, и обяжусь исправиться и пить теперь еще меньше.

Господи, прости меня!

Вишу над пропастью, держась за край, но пальцы разгибаются, и кажется, вот-вот упаду...

24-00. И все-таки, уже оживаю. Возвращаясь домой в десятом часу вечера, начал уже приставать к барышням, одной – Алине, 18 лет, подарил журнал со своею повестью; в другую влюбился безответно на выходе из метро, рекламировала она игорный зал «Кольма», и мои приставанья отвергла..

22 мая, вторник, 20-50. Встречался с К. А., выпили с ним *дешевого* пива, после сего «с горя» запили его водкой и пошли к старым «подругам» с *«блядскими формами»*. Но у них ремонт, и кафе не работает.

Впрочем, зачем я про всё это пишу? Есть ли для человечества назидательное в том (или хотя бы любопытное), что я пил пиво, потом водку, и взгляды мои так *нескромны?*... (Хотя ведь должно же быть что-то и в этом, а не только в *«отрицании отрицания»*?!)

На вопрос сей ответить мне трудно, и начну-ка я пока записывать *«мелкие мысли»*.

...Ищу деньги на издание книги – но изменит ли она что-нибудь в моей жизни? Будет ли замечена обществом? Или *время писателей уже кончилось?*

25 мая, пятница, около полуночи. Пил у В--и пиво и чай, и вдруг ее крошечное двухлетнее дитя сказало – *Вася, иди домой!*

Пришлось подчиниться, и я отправился на встречу с Сашей М--ым.

На задворках метро расстелили мы газету, положили на нее горбушку хлеба, кулек с квашеной капустой, два соленых огурца, два кусочка сала, полбутылки "смеси №3" (в которую входила *чеченская чача, русский бальзам* и "*клюковка*" неизвестного племени) – и стало нам *хорошо!*

26 мая, суббота, 12-00. Еду в метро от Гражданки до пл. Мужества, затем автобусом до Лесной, *а далее везде...* от Автова до Кипени снова автобусом, затем пешком до Кемпелевки, баня "по черному", чай, разговоры, затем хозяин отвезет меня на машине в Кипень.

Пишу кое-как – трясет, а так как почти всё я пишу по дороге, то "каляки" свои не храню, и как только В--а набирает их на компьютере, сжигаю в печке!

В--а к моим писаниям относится строго, иные слова пропускает, а когда герой с героиней остаются наедине, ... и вовсе велит ставить многоточие и не писать больше, а после многоточия *ставить точку*.

... Невольно и впрямь в этом месте пришлось мне прерваться, потому что писал я сидя, а тут появилась старушка на костылях, и, конечно, я оказался один, способный ехать в автобусе стоя (да и не один ли из последних мужчин в нашей одичавшей стране?!). Хочется выругаться по поводу новейшего поколения, их я называю *«оркими и прыткими»* – столько страсти вкладывают они в то, чтобы *сесть* – в электричке, трамвае, автобусе – словно садятся в переполненные пароходы в Крыму в 20-ом году – но отпихивали ли тогдашние русские беженцы от бортов старушек или своих менее *прытких* раненых сверстников?

Но что с моих обличений? Даже Христу не удалось улучшить нравы, и люди остались те же, что были...

27 мая, воскресенье, 12-00. Цензор за вчерашнее наказывает не слишком сильно, по крайней мере не бьет по рукам, которыми я держусь за край пропасти, – а я еще держусь, и может быть выкарабкаюсь.

Мне грустно, мне смиренно, о, как я понимаю сегодня, насколько неправ в своем споре с Богом! Он мне говорил – *Подожди обличать людские пороки, ты еще сам не только не ангел, но почти крокодил!* – а я отвечал Ему нагло, что я, мол, почти уж "*хорош*".

И что же? – конечно, я *еще крокодил*, но отныне в беспутной жизни своей раскаиваюсь, прости меня, Господи, не отправляя на переплавку, я исправлюсь, ведь правда же, Господи?!

Но плохо мне не так шибко, как бывало, и значит приговорен я не к *высшей мере*, а только к *битью розгами* – ну, это поделом, это правильно, я не ропщу. Положу в рот карамельку, подаренную Настенькой, и станет мне немного лучше!

...Земля поплавала под ногами, но не уплыла далеко, и кажется, я *сизжу в седле* (то есть на скамейке) достаточно твердо, даже способен уже представлять воочию все те девичьи прелести, о которых В-а запрещает писать...

15-00. Сизжу в Пулковке у М--на, всё ещё жив, но духом не крепок. *Лишнего* выпить нельзя (да и *нелишнего* – тоже), девицы ещё терпят, но на шею уже не бросаются, денег нет не только на издание книги, но даже на *насузное* (вроде пива), работы тоже, и пора бы уж определиться с тем, по какой дороге пойти, но темно, звезд на небе не видно, компас сломан, огонек в лесной чаще не светит, и даже попутчика нет.

С детских лет я мечтал изменить мир к лучшему – и вот убеждаюсь со скорбным удивлением, что ту дорогу, по которой бредет и тащится Русь, мне не выпрямить и не замостить. Да и сам я – пленник на корабле, который плывет *не туда*... Бунта поднять не могу, курс изменить – тоже, капитана и команду сбросить в воду мне не по силам, остается – броситься в воду самому!

Да и то ли я делал, что надо? Надо ли издавать эту книгу? Надо ли было ее писать? ...

30 мая, среда. Я в Москве. Вчера в двенадцатом часу ночи приехал к Яковлевым, купил бутылку водки «Исток», слегка за встречу выпили, и конечно теперь земля хотя и не выдергивается из-под ног, но всё же иногда *выплывает*.

Вот в этом-то состоянии, то есть когда я на краю, но руки еще не разжал – хватаюсь я за перо. Появляются мысли, хотя писать – тяжело. (Впрочем, когда легко писать, и мысли легковесные.)

31 мая, 4-15 утра. Была бы ночь, если бы не июнь стучался в двери и не разгоралась уже заря на небе.

Съездил безрезультатно, если не считать надежд – но они появлялись и прежде, манили и обещали, но менялось всё только к худшему.

Был в Думе, познакомился там с директором какого-то научного учреждения, съездил к ним в гости, тамошние женщины стали читать мои рассказы (позаимствовав сочинения в Думе, где их никто не открывал), и начали меня хвалить.

От них поехал в Новую Газету, провёл там около часу, а после еще побывал в Купеческом Собрании, пил чай и рассказывал об издательских замыслах.

Истратил пятьсот рублей: триста на билеты, пятьдесят на постель, пятьдесят на водку, сто рублей – на все остальное. А что толку? Книги мои по-прежнему не нужны ни слугам народа, ни самому народу.

Но почти *всё* ведь, рано или поздно, *проходит*, авось и то, что отвергает меня сегодня в уныние, пройдет тоже, и вот в тот день я напишу: *Ура, тучи развеялись, вновь солнышко светит и цветики цветут!*

...Уже совсем светло. Подъезжаю к Питеру. Подвел *безутешные* итоги, займусь составлением *радужных* планов.

6-19. От Московского вокзала дошел пешком до Лесной, доехал на автобусе до пл. Мужества, и вот уже сижу в электричке метро и глазею на ранних девиц.

Радостно было идти по просыпающемуся городу, как 25 лет назад, когда вот так же вернулся я из Москвы, дошел пешком до Васильевского, в восемь часов утра у старика, продающего веники, купил «*махонькую березку*», и пошел в баню!

То падаю духом, то оживаю, но как жить дальше, что делать, на что надеяться – неведомо мне еще меньше, чем тогда.

Или невзгоды и должны меня растереть об асфальт, чтобы «*понял*» я, каково жить и умирать другим, не рыпающимся (а я еще «*рыпаюсь*»)?

Но что изменится от моего «*понимания*»? Напишу еще одну страничку в дневник?

11-50. Выпил чаю, немного вздремнул, помылся, позавтракал, полил *сад-огород* в лоджии (помидорную рассаду), и вдруг звонит милка – оказывается, *вчера вечером* уехала она в деревню, была на огороде *до пяти утра*, и вот возвращается... [Мама ее в больнице, и не может она от нее отлучаться надолго..]

9 июня, суббота, 7-10 утра. Вчера в начале вечера поехал я в Пулковку распечатывать книгу, было жарко, и по дороге выпил бутылку пива; а в половине одиннадцатого встретились с Сашей М---вым, сели на ступеньках на тыльной стороне метро и еще по бутылке пива выпили, закусывая ржаным хлебом, сыром и салом.

И вот секира занесена, сердце бьется часто и ускользаю из мира...

15-15. Ноги дрожат, но я еще жив. Вчера заключил договор с типографией и заплатил им аванс (потому-то и *запил* на радостях!)

А сейчас сижу в поезде в купейном вагоне, пустили до Окуловки почти "за красивые глаза", и надеюсь к восьми уже быть в деревне.

17-25. Проклятый *социалистический капитализм* – уже сорок минут назад должны были быть в Вишере, а все еще не доехали!

Ну почему у этой власти никогда ничего по человечески не получается, пятьдесят уже лет езжу я на их поездах, и они постоянно опаздывают, без перерывов, без отпусков, без исключений?!

Требуют христиане – *смирись, гордый человек!*

Но если *смирение* – важнейшая цель христианства, то хороша ли его проповедь? Достойного ли человека тшится оно воспитать, а не раба? Не покорно крутящего колесо вола, тянущего ярмо без ропота? Гордость, де – знак сатаны, кротость, де – признак ангельский.

Но гордо воин стоит перед вóрогом! – или надо встать на колени?

Гордо красотка отвергает похотливого! – или лучше ей покориться?!

Гордо поэт пренебрегает мнением толпы! – или муза должна угождать дурным вкусам?

Красавица, поэт и воин – поймут меня! Нет, не обменяют они гордость свою на смирение!

Но я еще не поставил точку.

Да разве не унижался я всю свою жизнь, не стоял на коленях? Не *держал очи долу?* Ходил заносчивым, а не был смирен и покорен? И разве ропщу, разве сопротивляюсь? Разве убегаю, когда останавливает милиционер? Не отвечаю на вопросы следователя? Не плачú штраф контролеру? Не лепечу жалкие оправдания, когда меня обличают?

Так какая же у меня *гордыня?*!

Обличали меня многие в школе; потом в университете; обличала советская власть (эта-то уж безусловно!); обличают теперь христиане...

Обличают даже друзья и родные – за то, что меня посадили; за то, что пустился в издание книг; за то, что разорился и остался в долгах.

Может быть, и жалеют, но считают меня виноватым.

А я, ведь, не *терпение* отвергаю, а только растирание достоинства в каменных жерновах, попрание души человеческой!

Приведу пример вопиющий, взятый из будней «дружественной» нам страны – молодую девицу, дочь казненного, держали в зловонной клетке, а вечером мыли, одевали в чистые одежды и отвозили на усладу тюремщикам – как она должна была переносить свои испытания – с голубиной ли кротостью в сердце?! Любя *ближних* и прощая *ненавидящих?* – или как пленная тигрица, должна была она хранить в душе яростный огонь, чтобы в сверхъестественный миг, когда заезвается истязатель и оставит клетку не запертой, вонзить клыки в его горло?!

А и худшее этого еще бывало, и не только на *Востоке*, – но не буду о том писать, рука ослабевает от ярости ...

Даже кроткий Алеша Карамазов у кроткого Федора Михайловича, мечтающего «обузить русского человека» (*слишком, де, широк русский, гордости и непокорства* в нем много – это в русском-то?!), и то не сдержался, и на вопрос, надо ли *простить* помещика, затравившего ребенка собаками, воскликнул – *нет, надо казнить!*

Проповедь покорности и *смирения* «по уму несовершеннолетними» паче гордости сатанинской – ибо человек, не защищающий свою честь, оскорбляет Бога, который создал человека по образу Своему и Подобию; роняет честь родителей своих, и тем более – честь народа!

А когда сами христиане не меня негодуют – смиренны ли они, и не нарушают ли завет о кротости?

10 июня, воскресенье, 10 часов утра. Встал полчаса назад, и бросился косить, не умываясь, а теперь буду пить чай. Вчера я работал почти до полуночи – прокосил дорожки, вскопал парник, сходил за молоком к Зое, посадил клены, которые *выдрал* в парке герцога Мекленбургского, когда с Настенькой ездил в гости к Лёне Я--ву, потом не спал до половины второго, поэтому извинительно, что поздно встал, к тому же утром шел дождь, и вот только что засияло солнышко.

21-00. Днем ходил в Сушилово – там сегодня праздник, исполнилось селу 506 лет, и как раз оно – ровесник *Радзивилловской летописи*.

Купил водки и пива, сделал салат с зеленым луком, яйцом и сметаной, налил рюмку, открыл бутылочку с пивом – Спасибо Тебе, *Господи*, что не одни печали, но и радости мне посылаешь!

А сейчас готовлю ужин – *жаркóе по домашнему*, да еще простокваша и чай. А скоро будет готова и баня.

23-45. Еле живой из неё вернулся, но как хорошо! – и водка в графине, и холодное пиво, и салат из крапивы и лука!

Только без милки и радость деревенского приволья – не полная радость. (А как же старушки в одиночестве доживают свой век?)

21 июня, четверг. Проснулся поздно, но радость и сладость жизни выдыхаю всей грудью. Господи, благодать какая!

Начал писать третью часть повести «Боль и любовь» – но не пытаюсь ли я продолжить любовный роман после последнего расставания?

15-00. Грядки полил, набираю в бочку воды на завтра. Еще не всё скошил, еще не всё скошенное сгреб, еще не всё прополол, еще не всю траву убрал, еще не всё вскопал, еще ... но мне хорошо, Господи!

Хватаюсь сразу за все, кошу и согребаю, поливаю, пропалываю, но молоко не превращается в простоквашу, и снова хочется пива. Солнце сияет, и только мелкие облачка плывут по небу.

Час ночи. В баньке пропарился славно, но около полуночи выскочил из нее без штанов – только я их одел, как ужалила невесть как оказавшаяся в штанах крапива; я было хотел ее вытряхнуть, да вдруг она *зажужжала!* С воплями сорвал я с себя опасные штаны и вылетел из бани голый – зато в награду в ведре охладилась бутылочка, и она меня утешила, да и *жужжащая крапива* ужалила не за самое нужное место.

...Выпил еще две рюмки настойки, и допиваю холодное пиво!

...Ну, а теперь, последний глоток – за милку, за Настеньку, за родных и близких, и за всех хороших людей!

Сижу я в красивой комнате, горит люстра, на стенах висят картины – репродукция автопортрета Зинаиды Серебряковой, милкин рисунок, пейзаж Игоря Г-ко в деревянной раме, Ладина акварель и другие... – и чай буду пить с лимоном и мятой – что еще нужно мне для блаженства?!

В честь сегодняшней ночи зажег у бани костер. После чаю ходил а околицу и пел Лермонтовское, а с поля на деревню надвигался туман...

27 июня, среда, 23-50. Гостили с Казимиром у Тамары Андреевны, словно побывали на «музыкальной среде». На столе стояли русские щи, сладкий чай, а мы еще принесли с собою бутылочку сладкого вина.

Оказывается, когда Юрию Борисовичу П--ну было три года, он «помогал» своему отцу тайно замуровывать в подвале Иоанновского монастыря гроб с телом Иоанна Кронштадтского, который был его крестным отцом!

... И вот возвращаюсь домой, *хмельной и веселый*.

3 июля, вторник, 10-15. Электричку трясет... Но и меня потряхивает тоже, и движения рук и пальцев сбивчивые.

Пил с Лёней (племянником покойной Музы Михайловны) и его женой Верой; во втором часу ночи остановили они такси, и наказали таксисту везти меня домой как «хрустальную вазу». Конечно, за такие деньги я мог дойти до дому пешком! – но напомнил мне этот эпизод помазание благовонным маслом ног Христа. Когда кто-то из учеников Его посетовал на расточительство, сказав – «мы могли бы продать масло и раздать деньги нищим», Христос возразил – *«нищих вы будете иметь рядом с собою всегда, а меня – не всегда!»*.

Правда, я надеюсь долго еще «досаждать» своим близким, но веду себя беспутно – уже доехав до дому, прѣпил в шалмане еще 15 рублей – не это ли причина, что выпадаю я сегодня «в осадок»?

Лёня рассказал удивительную историю о своем *крещении* – он спас голубя, привязанного за лапку и висящего на веревочке – а вокруг уже вѳроны вилѳсь и каркали. На следующий день он проходил мимо голубиной стайки, и вдруг один голубь взлетел и в воздухе начал танцевать перед ним. *На следующий день Лёня крестился.*

Через некоторое время бабочка влетела в окно и села Вере на палец – *крестилась Вера.*

Происходят и со мной чудеса – еду в типографию, везу исправления в текст и шесть тыщ на печать – половину дал Казимир, половину – милка.

6 июля, пятница... Еду в деревню – воскреснуть и набраться сил.

Хотя зубья колеса, внутри которого крутит меня жизнь, сегодня не так сильно сжимают, но – жизненной энергии во мне по-прежнему нет.

Читал вчера Карсавина на сон грядущий, и впал в еще пущее уныние – сам себе я кажусь таким маленьким, неинтересным, «сибирским лаптем» на столичном высокомудром ристалище... Чему я возражаю, что так тѳшуь доказать?

«Необходимо жить *христианской жизнью!*» – говорят христианские писатели. Но суть этой жизни не кристаллизуется четко ни в их, ни в моем сознании.

«Необходимо жить с церковью и для церкви! – разъясняют самые решительные. – Так как *мир* закоснел во грехе, и в него проникло *тление*, то надо избегать мира, поелику есть и другая *плоть, не пропитанная тлением*, и находящаяся *вне* мира, это – *церковь – тело Христово*».

Карсавина не заносит настолько, чтобы объявить церковь *вне* мира, он говорит, что «реальная, *практическая* церковь – это церковь *прагматическая*» (?), и потому она человеческая, а не Христова плоть (которую может быть только церковь метафизическая...), и не лишена слабостей человека, и грехов его; более того, она не только не *вне*мирная, но даже *всемирной* может быть только... становясь национальной, и чем более *всемирной*, тем более *всемирной*, а лишаясь национальных корней, церковь становится не вселенской, а – *интернациональной*.

Но надо жить *христианской* жизнью, а для этого войти в церковь (ибо *вне* церкви *христианская* жизнь не возможна!) – добавляет Карсавин. [Не такое же ли пустословие изучал я на "практикуме по диалектическому материализму", сидя в сумасшедшем доме?]

Электричка стояла, я встал у окна, и смотрел на девиц в тамбуре, потом они повернулись попками, и я смотрел на их попки.

Фу! – скажет благонамеренный читатель.

Фи! – скажет его скромная послушная дочь.

Но помню я и то блаженное время, когда они не осуждали меня, а значит не то плохо, что я на девичьи *попки* смотрю, а что не по двадцать нам лет. Так, быть может, это время диктует, что хорошо и что плохо, а мы – только его способ *быть*? ... И вот, чтобы освободиться от гнета времени, от его нудного присутствия, от его назойливой власти, от его надоедливого подчеркивания, что оно – мой хозяин, я и бунтую, осмеливаюсь смеяться над ним, и поэтому, что бы ни сказали читатели, буду и далее смотреть на молоденьких девушек, буду любезничать с Катюшей, продающей конфеты у метро «Нарвская», и даже зайду в магазинчик у Парка Победы, где продает пиво милашка, к которой и за лифчик заглянуть удаётся!

Нет, я для церковной жизни не подхожу!

Но – надо ли для нее подходить?

15-30. Проехали Чудово, в шесть должны быть в Окуловке, и около восьми – в деревне. Тогда успею и баню затопить, и за молоком сходить, и на огороде поработать..

Но вот уже и *половина седьмого*, а до Окуловки еще не доехали, стоим на полустанке, пропуская мимо себя стремительные поезда... Воровская власть все так же издевается над нищим населением нашей страны, и все так же между Лесной и пл. Мужества размыта линия метро, и за десять лет поправить ее не могут, все так же электрички опаздывают, и все так же ни ум, ни совесть, ни талант не нужны в России, но изворотливость, подлость, пошлость, скудность, лесть и преданность силе!

На войну в Чечне деньги находятся, но рельсы отремонтировать – их не найти! И надо, чтобы эта воровская и пошлая власть обглодала подлый народ до станкового хребта, чтобы даже глухие услышали и слепые прозрели, и чтобы если не нищие дети, то хоть нищие внуки, то хоть вымирающие правнуки *узнали* про нее, наконец, всю *правду*!

Но воз, то есть электричка, не слышит моих проклятий...

20-30. Жду девятичасового автобуса. Гуляю по Окуловке. И вдруг смотрю – «Вояж»! Не про него ли уже писал я однажды?

Пока стоял у стойки за пивом, меня *признал* подвыпивший мужчина – пили, оказывается, мы с ним вино года три назад в Бологом, он тогда разводился с женой...

Конечно, пить – плохо.. Но – что-то ведь есть *особенное* в неожиданностях, во встречах через три года со случайным попутчиком, со случайным *собутельником*?...

Кстати, узнал он меня по рюкзаку – моему знаменитому не-подъемному рюкзаку, по которому меня узнают милиционеры в Москве около "Трех вокзалов", и даже депутаты Государственной Думы.

7 июля, суббота, 13-00. Но доехал я и до деревни, сходил за молоком к Зое, полил грядки, вскипятил чай с клубникой и мятой, и блаженно уснул на мягком ложе. И вот теперь... сияет жаркий летний день, собираю клубнику, а вечером будет баня!

15-00. Очень кстати подоспела гроза, молнии засверкали, гром загрохотал, а я в теплице выдираю сорняки и радовался жизни – Илья Громовец полил огород за меня, да обильнее и лучше, чем я.

Четверть часа после полуночи. В девять пришел в гости Лев, завтра у него День Рождения, и мы распили с ним «маленькую», закусили «похлебкой по-сельски», и выпили чаю с клубничным вареньем. Потом побежал за молоком к Зое, полубезничал с мокрой после дождя Анечкой, Зоя угостила самогонкой, а после успел я еще посеять в теплице укроп, кориандр и морковку.

И вот только что пришел из бани, и закрепляю восторг на бумаге.

Среда, 11 июля, 14-30, по дороге в Малую Вишеру. Моя постоянная беда – отсутствие энергии, словно нет бензина в моторе, или последние его капли. Поэтому не всегда я радуюсь жизни, а чаще томлюсь.

Но было ли мне так же томительно в детстве и юности?

Может быть, я выскользнул из чьих-то теплых и нежных объятий, из уютной горницы попал на пронизывающий холод, из ароматного воздуха цветочной поляны – в разреженный воздух горных высот или почти совсем в безвоздушное пространство? Или причина такого состояния – в непричастности к общему бытию? Это то, что я назвал *отщепенчеством*... Не то, чтобы я совсем отделен от целого, нет! – но словно бы наполовину присутствую в *общем* мире, а наполовину – со своими горькими думами.

Так безотрадно мне жить без России! Я о ней помню, но мы с ней – в разводе, она всё с проходимцами пугается, и её жизнь для меня – чужая.

Чужое и христианство. Хотя не привлекают меня ни ислам, ни буддизм, ни магия, ни теософия, но прихожу я в православную церковь, вхожу в толпу церковного люда – нет, чужие мы друг другу, неудобно мне с ними; с Тар-вым, думающим, что он атеист, мне уютнее.

Укрытие мне – друзья и семья, но все же и здесь иногда из щелей дует.. правда, может быть, ни у кого не бывает так, чтобы не продувало?

16-50. Я уже в Малой Вишере, сижу около *Памятника погибшим*, пообедал без ложки, ножа и соли. Тысячи имен на небольшой городишко! Не собирался пить пиво, но – *«пей, тоска пройдет!»* – и поневоле выпил, помянув павших.

... По дороге в Чудово напротив *одна* сидела, ей я подарил *третий том* прежних своих сочинений.

19-10. Набираю в дорогу уйму рукописей, но работается плохо, потому что я несчастлив в дороге, – а как писать, когда несчастлив? Ведь писание должно быть радостью, а тут считаешь часы, километры, столбы и остановки, болят глаза, рубашка взмокла, в животе гремучая змея, в голове горячий песок, под сердцем – камень, шея задубела, ноги одеревенели – даже мечта о пиве не спасает от усталости, тоски и уныния.

20-00. Конечно, электричка, как всегда, опоздала, предыдущий автобус ушел, и жду теперь следующего, проклиная порядки, власть и Россию! (А кого же мне еще проклинять?!)

Выпил в «шалмане» от огорчения водки, потом купил в магазине конфет и угостил продавщичку Марину.

14 июля, День Взятия Бастилии. 16-00. Как это ни удивительно (ибо *неудивительно только плохое*, и когда на ровной дороге спотыкаешься о торчащее из земли *претыкание*, то в России воспринимаешь это как *должное!*) – но сегодня электричка не опоздала, подъезжаю уже к Мсте, а там недалеко и до Вишеры.

Везу в город охапку цветов, молоко, ревень, лук, редиску, укроп, мяту и какие-то еще неизвестные травы... да и "удивительное – рядом!", как писали недавно в популярных научных журналах.

17-00. Время бежит вперегонки с делами... Но электричка опять (и это уже *неудивительно*) опаздывает...

Впрочем, – "утешают" меня со всех сторон, – *могло быть хуже!*

Да, если не ограничивать зло, то почему бы ему не быть еще *большим*? Если бы *утешители* призывали меня не падать духом, и продолжать с злом бороться, подбадривая себя тем, что сегодня оно уже не настолько велико, как бывало, а там удасть его и еще укоротит, то это было бы и впрямь приободрение. Но произносят они свою избитую сентенцию, только чтобы призвать к терпению, словно нечистая сила наняла их для нашего охмурения, и говорят они ближним – *принимайте кротко всякое зло, не сопротивляясь ему* – ибо только Господь решает, каким ему быть.

Ну разве это не пятая колонна, не пособники зла? Неужели вера заключается лишь в том, чтобы досаждать Небу своими просьбами о помощи, ничего не делая для исправления мира, не укрепляя ограду от диких набегов, не исправляя дорог и путей?

... Проехали Вёребье. До Вишеры еще минут сорок езды, дождется ли нас электричка? Но да буду надеяться на *авось*, который является последней надеждой русского человека – не потому, что мы безалаберны, а потому что сатанинская власть и несправедная жизнь так нас мучают, столько мало оставляют надежд на лучшее, что больше и надеяться не на что, как на «авось», то есть что если ничто не поможет, то может оно хоть *само рассосется?!*

... Но почему мне в дороге так скучно и так томительно? Почему, в отличие от детства, я так часто несчастлив, когда и еды достаточно, и питья вволю? – с собою я взял яйцо, два огурца и перо лука с солью и хлебом, и кроме горячего чаю с печеньем, который пил еще в деревне, я и на остановке автобуса выпил холодного чаю из бутылки – а несколько глотков выпила прелестная девчушка Маргарита, трех лет, с которой на остановке я познакомился...

Ехали в автобусе вместе, и перекинулись несколькими словами. В Окуловке я протянул на прощанье ей руку, и она её не жеманясь пожалала... *Мы с тобой еще встретимся?* – спросил я ее. Она кивнула в ответ головкою очень серьезно. Значит, *ангелы меня еще любят*. Значит, то, что во мне неправильно, неправильно не в главном.

И все таки, почему я несчастлив, когда, кроме чаю, выпил в *шалмане* холодного пива, в вагоне не жарко, трясет и шумит не сильно, да и время еще радостное, июльские семь вечерних часов?!

Дело, видимо, не в опозданиях электрички, не в питье и еде, а в похлебке жизни и ее поваре! Так что надо бы наконец *разобраться* в том, что во мне неправильно, и исправить, пока не поздно. А то вот и книгу написал, и в типографию её отдал, и глядишь, напечатают – а чему научить могу я читателя, когда и себя научить не могу?!

Если сравнить меня с *глиняной* амфорой, то могу ли я сказать, что не стыдно в неё наливать вино жизни?. А ведь не разобьешь, не отправишь на переделку в гончарную печь – если только Тот, Кто выше меня, не шмякнет с досадой об пол, приговорив – *ну, блин, опять комом! Что же это за чертовщина?!*

18-10. Но *удивительное* – *все-таки рядом* – электричка нас дождалась, и вот мы уже *полетели*, и вот уже *прилетели* – в Гряды.

24 июля, понедельник, 15-50. Возвращаюсь с Ш--ким из Окуловки, только что проехали Оксочи.

Всю ночь я не спал, свесив руку в ведро с холодной водой – вчера парился в бане, и в горячке сунул руку в крутой кипяток. Потом и допаривался, держа ошпаренную руку в шайке и шлепая себя веником левой рукой.

В субботу напротив нашего дома были поминки по бабе Клаве, приехали её родные из Москвы и других городов и весей, познакомился тоже и с Настенькой, трех лет, весьма гордой девчушкой; сначала на все мои приставания она отвечала строго – *Нет!!*, и только в

воскресенье приняла в подарок журнал и авторучку и сразу же начала рисовать, а потом мы по улице прогулялись вместе, даже на минутку она руку свою мне дала, затем решительно отняла ее и сказала серьезно – ну, *хватит с тебя!*

Да возможна ли праведная жизнь без труда и творчества, и возможно ли счастье, источником которого не являются дети (вот как Настенька)?!

...Дни стояли жаркие, обливался водой из колодца, но помогало мало.

Купил у Сергея ведро черники за 130 рублей, собрал последнюю клубнику с грядки, полил огород, и мы ринулись в путь.

В Сушилове **не** зашли в магазин за пивом, боясь опоздать на автобус; в Окуловке **не** выпили пива в шалмане, боясь опоздать на электричку; удастся ли выпить пива хоть в Малой Вишере, и будет ли оно там холодным?

Речь перед депутатами "Власти от Бога" в защиту достоинства человека.

Господа!

Сократ утверждал и верил, что действуют в человеке особые тонкие существа – или, скорее, *сущности*, называемые *даймонами*, иначе говоря, действует в человеке *душа*.

Что именно действует в человеке, он сам, или его часть, нечто в нем или нечто извне – этот вопрос не только насущен, но он главный вопрос и философии, и повседневной жизни до сего дня.

Примеров, показывающих убедительно, что не сам человек распоряжается своими действиями, а нечто иное, жизнь представляет достаточно, и различны только истолкованья и выводы.

Вот на плацу солдаты ложатся мордой в грязь, а потом и того хуже – один солдат становится у грязной стены, а несколько других поднимают ружья и палят в него – *сами ли собой* они это делают? С одной стороны, как будто бы сами, никто ведь за них не переставляет ноги и не поднимает руки и не нажимает курок – но, всё же, когда говорим мы о том, что это мы сделали *сами*, то имеем в виду, что никто нас к сему не принуждал, *хотелось и – сделалось!* А тут приказал капитан, и жертва, с трудом переставляя ватные ноги... и палачи, с трудом передвигая ватные руки... они ли всё то сделали, что будто бы сделали именно они?!

Но и примеров, показывающих, что что-нибудь мы делаем сами, преизобильно – и свидания назначаем, и книги читаем, причем иные даже перечитываем – разве не по собственному желанию?

Есть, правда, такой тип спорщиков, что светлое тут же сделает темным, и эти спорщики начнут приводить резоны – дескать, даже предпочтение в выборе книг определяется не нашей волей, а воспитанием, рекламой, мнением друзей... и так далее...

Ну, с такими ни до чего договориться нельзя, лучше их выставить просто из класса, или подкараулить в темных кустах и набить морду, чтобы впредь они смиренно молчали и не *вякали*, пока не попросят.

Смысл в собеседовании существует тогда, когда и собеседник внимает высказыванию, а не цепляется как непроезжая дорога за колёса, только бы колёса забуксовали; только тогда он *сообщник*, а не чеченец, подкарауливающий в кустах, чтобы – бабахнуть – и спору конец!

Правда, господа депутаты, вы еще хуже чеченцев!

Но да дойдем и до вас!

Что же действует в человеке? Внешние обстоятельства, капитан, сослуживцы, семья, среда – всё на нас давит и приказывает, и очень многое приходится делать повинуюсь или подлаживаясь, но кое-что, всё-таки, делаем мы и по собственной воле.

От чего она зависит, наша собственная воля, чью волю она исполняет – это первый важный вопрос; и *надо ли пытаться жить по собственной воле или не надо* – второй. На последний я уже отчасти попытался ответить, а на первый попробую ответить теперь.

Очевидно, многое, что с нами происходит, происходит помимо наших желаний, а часто и вопреки им – так, сомнительно, чтобы по собственной воле шли мы в тюрьму [хотя, разумеется, сами мы совершаем ряд действий, сочетание которых, или их последствий, приводит к нежелательному для нас результату – по собственной воле говорим мы правду или лжем, живем честно или воруем, и вот в первом случае за правду и честность нас упекают в тюрьму, а во втором случае, когда лжем и воруем, как весь наш правящий слой, мы осыпаны деньгами и наградами – справедливо ли сказать, что в первом случае, живя честно, мы *стремились* попасть в тюрьму, и *по собственной воле* в нее пошли, а не посадили нас в нее продажные судьи и прокуроры? Так же помимо нашего желания начинаем мы чихать и кашлять, прошибает пот, горит лоб, слабость в ногах и тяжесть в голове – виноваты ли мы и в этом?]

И всё же, предполагаю, кто-нибудь со мной согласится, что имеет смысл говорить и о *собственной воле человека*, а не только о *воле Божией, воле народа*, «среды», которая нас «заедает», или полковников КГБ, и что хоть кое-что из того, что происходит с человеком, отличается от происходящего с безвольной щепкой, которую несет и носит в неукротимой реке.

Но многое из происходящего и впрямь неизвестной природы. В сумасшедшем Доме, где из меня делали «правильного» советского человека, *перевоспитывались* в том числе маньяки-убийцы. Вот определение, которое дал один из них тому, что с ним произошло – «*Моча в голову ударила!*»

Грубое это выражение весьма характерно. Обычное дело, когда человек, выпив стакан или два водки, начинает шуметь, *качать права*, «выступать» (как говорят в Сибири). Что с ним случилось? Намеревался ли он *выступить* до того, как в голову ударил алкоголь? Нет, чаще всего

заранее он ничего не задумывал, и вдруг «завыступал», иногда с битьем посуды или битьем морды (своей и чужой).

Так же не совсем обычно ведет себя страстный влюбленный, когда, как многие «умники» полагают, в голову ему «ударяют гормоны», которые действуют почти как алкоголь, только самогонный аппарат находится внутри человека. Так собственная ли воля определяет поведение человека, или, как у собаки Павлова, при виде лимона выделяется слюна? И не является ли даже собственная воля только исполнителем приказов, которые отдает *капитан* – водка, гормон, *моча* – и начинает наш герой бить морду прохожим, писать стихи или *мочить в сортире?!*

И, значит, мечты и грезы, достойная жизнь, совесть и любовь, и *духовной жажды томление* – всего лишь красивый словесный туман? И ошибался Сократ, и не существуют и не действуют в нас особые тонкие сущности, называемые *дэймонами*, иначе говоря, *душа?!*

А звонит по мобильнику Борис Абрамóвич, и послушные пальчики нажимают нужные кнопки или курок, потом пересчитывают потные купюры, а потом в жаркой сауне с холодным вином и длинноногими дорогими девочками...

Я, господа депутаты, сказал все, что хотел.

Достоинство человека определяется лишь тем, насколько он способен пойти на жертвы, поэтому на этой «высокой» трибуне перед людьми, забывшими, что они должны жить для народа, продолжать говорить о Достоинстве – бесполезно.

ТРИ ДНЯ В ИЮЛЕ

29 июля, воскресенье, 21-00. В пятницу, в час дня, выехали с милкой в деревню, и уже в девять были на месте. Когда шли по дороге, кругом молнии сверкали, гром грохотал, шла как из пушек стрельба, но гроза бушевала и слева и справа и впереди, а всё далёко от нас, и мы ругались на неё, думая, что на наш огород не капнет.

Но только я принес из колодца воды – легонький дождик пошел. Только собрался за молоком – небо прорвало, и хлынул водопад. Вскоре дождь будто стих, пошел я к Зое, около ее дома опять еле спасся от нового небесного наводнения, однако опять приутихло, я еще сходил и к Зое Платоновне за черникой, но часов в 11 все плотины прорвало, все шлюзы опрокинуло, огонь с неба стал лупить по нашей деревне, и гром не утихал до утра.

В субботу мы работали на огороде, потом ходили в лес, набрали немного черники и лисичек. Вечером была готова славная банька, а после нее чай с клубникой и мятой.

Сегодня собирали смородину и крыжовник, рассаживали огурцы, пилили дрова, и в три часа пошли на автобус. Солнце сияло и грело во всю мощь, но дышалось легко, изнуряющий зной последних дней спал и утих.

30 июля, понедельник, 19-30. Морило и сегодня, пытался барабанить я на компьютере, но бумага выпадала из рук.

Еду в гости к Людмиле Петровне Ж--вой, везу в подарок банку черничного варенья. Пытаюсь *быть счастливым*, памятуя о том, что человек, будто бы, сам *кузнец своего счастья*. Сегодня его *ковать* казалось мне нелегко, но неожиданно небо заволочло тучами, упала на землю предгрозовая прохлада, по улицам девицы бродят, а я в трамвае сижу с комфортом и глазею по сторонам (преимущественно на девиц). Дождь идет густой и мелкий, хотя ещё не во всю мощь, впрочем, я взял кепку с собой, да еще, кроме банки с вареньем, бутылку красного сухого вина, хотя и дешевого (надеюсь, для предстоящего счастья оно подойдет). Капли летят из окна на меня и бумагу, дождь набирает силу, однако девицы идут под дождем все еще неспеша, охлаждая свое горячее тело.

22-30. Всё было так же, как в старые добрые времена, только из гостей, к сожалению, был я один. Принес я еще букет цветов, выставил подарки на стол, а стол уже был полон – селедка соленая, рыба жареная, сало, сыр, масло, яишница, помидоры. В довершение вечера пили мы чай с вареньем, печеньем и фруктами.

Вспоминали о прежних, широких как масленица, вечерах на Кронверкской, о Юрии Борисовиче Перепелкине, Нине Николаевне Казариновой, и о многих других друзьях наших. Ах, как хорошо жить, и сколь милостива к нам жизнь!

31 июля, вторник. Утро благодатное, ночью шел дождь, и хотя спал я плохо, и тело болело (отчего оно болит?), и сны снились плохие (отчего они снятся?), но утром вернулся из Петрозаводска Митя, вместе пили чай и говорили о наших милых, еще не уставших от отдыха на Онеге.

Еду за *чистыми листами* в типографию (неужели эта много-страдальная книга и впрямь скоро выйдет? Осталось за нее доплатить еще *две тыщи* – но разве это не пустяки в сравнении с тем, что предстояло мне заплатить в начале пути?)

Друзья мои, не отчаивайтесь! – пытался я сказать своим "*соплеменникам*". – Возможно подняться выше того уровня, на который завели нас обстоятельства и судьба. Вероятно, все мы рождаемся гениями, но потом что-то происходит неизвестное с нами, и *гений* нас оставляет, чтобы мы приспособились (?) к жизни. Что же нам делать потом, когда стирается первый живой узор, когда покрываемся мы коростой и душа начинает трещать и хрипеть и объясняться невнятно?

Вернуться к Истокам!

И мы поднимаемся над тем уровнем плоской и пошлой середины, который нам предназначен средой, мы выйдем из угла, в который загнала нас жизнь.

В каждом из нас врожденó еще и нечто более важное, чем ум, красота, характер и способности, чем даже понятия о хорошем и плохом, о добре и зле, которые так же в нас врождены. Есть внутри нас, в самой

глубине, некая еще сердцевина – *сознание и чувство долга*, необходимость жертвовать своей свободой и своим удобством для Бога, семьи, государства и народа... и для всякого, кому требуется протянуть руку помощи.

Следовать повелению внутри нас и исполнять свой долг – вот что еще необходимо, чтобы *подняться над собой*.

И все же этого недостаточно, необходимо и еще кое-что.

Вот так стараемся мы выглядеть лучше, чтобы понравиться нашей избраннице – великодушнее, умнее, образованнее, одеваем модную одежду, а все равно этого не достаточно, чтобы предпочла она нас другим жаждущим, – так и верности истокам и верности долгу тоже недостаточно, чтобы выйти из угла, в который загнала нас жизнь.

Необходимо *вторжение чудесного*, которое созидает подлинную полноту жизни и преобразует ее, как преобразуют любовь и вера. [Но как оно достигается?!]

17-30. Хотя и был июль знойным и душным, а все-таки жаль расставаться с ним, завтра уже – август, и покатится лето к закату.

Купил бутылку пива за 8 рублей, и выпью с горя (ах, какая девушка мимо меня пролетела как пуля, и жаль, что не врезалась!)

Ознаменован сегодняшний день тем, что получил наконец я *гранки* (или *чистые листы*) своей *Металогике*, и в пятницу, возможно, будет готов «сигнал».

23-30. Пришел в гости Митя, и я купил бутылку сухого вина, чтобы обмыть «чистые листы» – но что же это было, под именем сухого вина за 30 рублей 60 копеек?! Смесь синильной кислоты, гнилого винограда и технического спирта. Надо было это поило *вылить*, а мы – *выпили*.

Словно помоями плеснули мне в морду, а я – облизался.

Но что же другое мог я сделать, и кто меня унижает?!

Унижает меня торговая фирма, ибо она бесстыдно выставила товар гнилой на продажу, и все неимущие граждане за старые два рубля, на которые в советское благословенное время покупали мы целых две бутылки Алжирского, будут иметь удовольствие облизываться или утираться, как я.

Могу ли я «*покатить бочку*» (или хотя бы *бутылку*?) на эту торговую фирму? Боюсь, что *начистят мне морду* и те крепкие молодцы, которые эту фирму охраняют, и даже милиция, ибо она в сговоре с нечистой силой.

«Возникнуть» ли мне на производителей *бурды*?

Или «возникать» уже сразу на государство, ибо это именно оно должно было охранять мои интересы, своей овечки, поставляющей ему мясо и шерсть? – но мое воровское и подлое государство продало меня производителям и продавцам любой мерзости, которую мне приходится покупать. Если я брошу пить вино, то меня будут травить гнилыми помидорами или затхлым хлебом, ножками Буша или радиоактивными отходами. Банда негодяев мучает нас и истязает, и сделать я ничего не могу, у них армия, у них милиция, у них печать и телевиденье.

Граждане, вооружайтесь! – закричал бы я. – *Новый Чингис-хан покорил нашу землю и вытравляет из нас душу и честь и достоинство!*

Да, мог бы я закричать, если бы надеялся, что хоть один человек думает и чувствует, что надо противостоять тому бесчинству, когда нам приходится потреблять злокачественные продукты, злокачественную воду, воздух, злокачественный дух жизни. Если есть в России хоть один человек, которого задевает, что средняя продолжительность жизни у русских ниже чем у папуасов, чем у дикарей Замбези, чем у туземцев, съевших Кука – я готов протянуть ему руку и призвать вооружаться! Но предали все мою Россию и предали честь и достоинство.

Когда бесстыдно разворовывают нашу нефть и газ, и цветные металлы, оскверняют природу, разрушают культуру – ни один не пытается противостоять злу. Ни один не откликнется на мой вопль.

Боже, Боже, помоги мне! – взываю я. – У Тебя есть сила. Дай мне её хоть толику!

Но молчит Бог и равнодушно взирает.

Две трети жизни позади. И что же?

Я стал поэтом, мудрецом, пророком?

Нет, всё, как прежде, жизнь выходит боком,

И даже хуже – сапогом по роже!

... Я потерял страну без надежды на будущее – моя Родина мирно, без войны и принуждения, продала и предала все, что можно продать и предать – память, долг, честь, совесть, чугун и железо, цветные металлы, обмотку трансформаторов вдоль железных дорог, нефть и газ, право первородства, культуру, заполнила своими дочерьми бордели Европы, панели и подворотни, заполонила мешочниками блошинные рынки Старого Света; искателями наживы, бандитами и посредниками по перепродаже – притоны и подставные фирмы Нового Света; и на отеческих руинах лениво и удовлетворенно пьет пепси-колу.

После моего ареста в 70-ом году, когда потерял я свободу, мне сочувствовало чуть ли не всё тогдашнее общество; пани Вероника, матушка Казимира, слушая по радио о *свершениях* советского народа, горестно восклицала: *А Васенька наш сидит!* – На чье сочувствие могу рассчитывать я сегодня?

3 августа, пятница, Ильин День. Днем Сергей принес полтора ведра картошки и ведро малосольных огурцов, а после него зашла соседка, и мы с ней выпили по рюмочке в честь Престольного праздника.

Вечером парился в бане, и вдруг *постучали в баню гости!!* – Зоя с Анечкой. Пригласил их в дом, и мы распили бутылочку.

Приключения на этом не кончились, пошел погулять по деревне, и после полуночи зазвал в гости совсем юную компанию, напоил их чаем с конфетами и вареньем – два кавалера и три девчонки, младшей – 14 лет, она-то как раз из всех уделила мне большее внимание, и я подарил ей свои прежние сочинения – *за верность!*

И мы, безвестные...

Вспомнил, как я застеснялся, когда мама моя пришла к нам в общежитие (а я уже на третьем курсе учился), вошла в вестибюль, еще надо было по ступенькам подняться повыше, где была вахта, и стояли два диванчика, и столик с газетами, а внизу только стеллаж для писем, и перед самыми ступеньками остановилась, и вахтерше, и тем, что на диванчиках сидели, и тем, которые пробегали не глядя по сторонам, поклонилась налево и направо, и певуче сказала:

– *Здравствуйте вам!*

Глупый, глупый, я еще выговаривал маме, боялся, что подумают сразу, догадаются, что я из деревни (а чего стыдиться то было?)

– Здесь же, говорю ей, живет, как видно, восемьсот человек, большинства я и сам не знаю, да и они меня не знают, а ты здороваешься с ними, будто это знакомые мои!

– Ну и что же? У нас в Черемшанке тоже восемьсот человек живет, и все со всеми *здоровкаются*, а тут вы в одном доме живете, да на танцы, наверное, вместе ходите, и учитесь вместе, и я не переломлюсь, что поклонилась, и им должно быть приятно!

Я все маминой темноты стеснялся, думая, что деревня – темная, а город – светлый; неужели надо целую жизнь прожить, чтобы хоть что-нибудь начать понимать?

Не скажу, что в деревне хорошие всё урождаются, а в городе сплошь плохие, но как трава на асфальте растет плохо, так, видно, и человеку в тесноте да среди камня вырасти нелегко.

Деревенский писатель Шукшин в злом и несправедливом рассказе «Срезал» показывает унижение интеллигентской семьи, приехавшей в деревню в гости или на отдых. Семья не высокомерная, в начальство не выбилась, из какого-то среднего круга, только что жила среди асфальта, да может быть раз в полгода в театр ходила, тем их городское отличие и заканчивалось. А вот захотелось деревенским выместить на них обиды свои и, невиноватых, призвать к ответу за чужую вину.

Вообще-то городские перед деревенскими *выпендриваются* изначально, и если даже нос и не задирают, то ходят, смотрят, одеваются, говорят так, что всем видно и ясно: мы – городские, и наше городское племя – выше!

Мне выпендриваться приходилось тоже, но не перед деревенскими, а перед некой тайной силой, что ли? И вот время от времени что-то хватает меня за шкуру и мордой в грязь – шмяк! Или об асфальт!

Вытру слезы и кровь. Повозмущаюсь, выкиплю бессильную ярость, и успокаиваюсь в грустном понимании, что били меня, хотя и не за что, но – справедливо, за то, что выпендривался. «*А было бы за что – убил!*» – словно говорит мне судия, знающий и мои *тайные грехи*.

Но по поводу Шукшинского рассказа все же с гордостью я скажу, что в положении его героев я оказаться не мог. Деревня меня никогда не переставала считать своим, а город своим, напротив, не признавал, и бьет-то меня постоянно (за дело и без дела) сила не почвенная,

произрастающая из земли, а сила каменная – государство, общество, воровская шваль (акромя той силы, которая за выпендривание наказывает или в других каких целях мнет меня и колотит, как при *отбеливании льна* бьют и колотят льняные снопы.)

Я для деревни – свой, хотя и косить разучился, и Достоевского прочитал. Даже когда «в писатели пошел», привозил книжки свои, смотрели, усмехаясь – *чудит Васька!* – а за писателя признавать так и не захотели (да и книжки мои никто читать не стал, даже мои родные).

Но и правда, что не философия и не литература – всё то, что пишу, а скорее всего, возражения на Обвинительное Заключение прокурора; стараюсь я себя обелить и оправдать, хотя с основными положениями обвинения в глубине души согласен.

Слишком много в моей жизни было плохого и неправильного, а необходимого не сделал на треть. Стихов запомнил мало, умные книги читал урывками, а много времени провел в праздности, выпивках с чужими людьми и напрасных ухаживаньях за *чужими* девицами (хорошо, хоть судьба иногда и *своих* подсылала!).

Писал я скучно и невыразительно, и по существу не поднялся выше повседневных бытовых записок о самом себе, то есть не состоялся даже как второстепенный писатель.

Но не тщеславие двигало мною. В центре моих устремлений, моих идеальных пожеланий был не я сам, не мое благоденствие и комфорт, и даже не спасение моей души. Через всю мою жизнь проходит Россия, её беды, её Падение – Россия проходит сквозь меня, как дорога проходит через лес, как река течет по равнине, как проходит через тело человека позвоночник. Россия – моя душа, без неё я не существую.

Но я не могу ей помочь, вразумить, пробудить и спасти, ибо неслышим. Вот потому-то и пытался я стать писателем, потому-то и хочу, чтобы Господь вложил в мою отверстую грудь *пылающий огненный уголь*. Не так ли безумная мать мечется и ищет лекарство для исцеления больного ребенка?!

Болезнь России – это смертная тоска моя, это унылая безрадостность моей жизни, невозможность сосредоточиться для успешного дела, для выгоды и карьеры.

Не мог ли я заняться математикой, и по крупицам, по теоремам, по статьям и диссертациям, по сообщениям и докладам... но там всё ноет, ноет, ноет, и оставишься в глухую стену, зацепенеешь на время, потом пойдешь и напьешься... Это как возлюбленная с другим в постели, а ты умные книжки читаешь, или доклады готовишь... а она с другим в постели и торопливо платье с себя срывает..

Не мог ли я смирно и плодотворно работать в лаборатории или за плугом, по вечерам в счастливом семейном кругу, иногда в кино, а то и в театре, с друзьями отводить душу и нянчить детей... но там всё ноет, ноет, ноет, и оставишься в глухую стену, зацепенеешь на время, и даже вино не помогает... а она с другим в постели и торопливо платье с себя срывает...

Не мог ли я в церковь пойти, и торопливо и жалко кланяться, спасая бессмертную душу, отвергнув и плуг и теоремы... но там всё ноет, ноет, ноет, и уставившись в глухую стену, зацепенешь на время, но и ангелы не помогают... а она с другим в постели и обо мне не помнит...

И не в том только дело, что *не со мной, а с другими*.

Нет, отупевшая от беспробудного пьянства, разучившаяся читать, набравшая в управление жадных и толстых, потеющих от одного только запаха денег, ничего святого не знающих, не помнящих родства, не мечтающих о белых одеждах праведников, но рвущих и рвущих остатки России, ее недовырубленные леса, ее истощенные пашни, ее зарастающие луга, ее нефтеносные источники, ее золото и серебро, и даже бескрайние ее просторы – с кем ты, моя Россия? Опустилась ты ниже вокзальной шлюхи, и голос твоей поэзии – хриплый матерный выкрик загулявших «братков»!

Вот потому-то никем и не стал я, что берегу себя как последний патрон!

Не стал я учителем, провинциальным литератором, профессором советского права, рыбаком или охотником; даже картежником не стал я, и даже не спился – я ждал и жаждал лишь одного – *гениальности*, потому что это была единственная моя козырная карта, которой я еще мог надеяться переменить ход неудачно сложившейся для России игры, в которой она проигрывает уже последнее – своих красивых женщин, уезжающих за границу замуж и на панель; своих талантливых ученых, уезжающих за границу делать *для них* научные открытия; своих любовниц и жен, которые уже *перестали давать* и беременеть; своих детей, которые уже *перестали рождаться*.

Я хотел стать гением, чтобы крик мой был услышан, чтобы голос показался весомым и значимым, чтобы хоть и в проигранной битве, пусть и в последний раз, наша правда выстрелила мной не совсем бесцельно.

Но я еще хотел свидетельствовать и за мой деревенский народ, который, безъязыкий, надеялся на меня.

Помимо великого русского народа, существующего уже десять веков, и великого не только потому, что победил печенегов и половцев, и Золотую Орду, Наполеона и Гитлера, и растекаясь до Карпат (пусть на время и потерял Карпаты!), и до Черного моря (пусть на время потерял и Черное море!), и до Кавказа (хотя и там потеряно многое), и за Урал, и даже до Ледовитого океана, и даже до самого Тихого океана! – не только поэтому, но и что как верстовыми столбами историческая дорога его была отмечена яркими и великими личностями, и был на этой дороге Владимир Мономах, сказавший *«очи держи долу, а душу – горé!»*; и Сергей Радонежский, спасением своей души пренебрегший для спасения России; и нижегородский купец Козьма Минин, бросивший свои богатства на алтарь сраженья за Русь, и Иван Сусанин, и гордый победитель Казани князь Курбский, не смирившийся перед жестоким

царем, и стойкая в вере прекрасная боярыня; и митрополит Илларион, и безвестный автор «Слова о полку Игореве», и гениальный юноша Михаил Лермонтов, и великий Пушкин (хотя и много у меня против него накопело – и за легковесность его любовных романов, и что воскликнул он "черт дернул меня родиться в России с умом и талантом!", в то время как общество зачитывалось его стихами, и на жизнь зарабатывать было не надо, да под одним боком Михайловское, под другим Тригорское, да еще и Болдино, и квартира в Петербурге, да и в Москве – а каково мне?! А каково Шаламову? Олегу Волкову? И несть числа им в прошедшем веке мрака и скрежета зубовного!); и великий *весь* девятнадцатый век, который не буду перебирать по именам и нотах – столь велика и необъятна его величественная симфония! – помимо великого всерусского народа, надеется на меня и мой *малый народ*, среди которого я родился и рос, который переживал как родственник мне, созвучный, психологически одинаковый со мною – это все те, кто любил, страдал, глубоко чувствовал – но родился «неудачно», не в царской семье, как К. Р., не в княжеской, как Андрей Курбский, не в дворянской, как Тургенев, не в купеческой, как Третьяков, не в семье ученого, как Александр Блок – нет, в дымной избе, среди мычащих телят, при свете лучины или коптилки, и не было денег на книги, не было валенок, чтобы бежать в школу, не было учителей, чтобы научить, не было театра, не было филармонии, не было музея, не пела флейта, не рассыпался колокольчиками рояль, не плакала скрипка... и даже храма не было, чтобы услышать ангельское пение умиленных прихожан или слово Божие в церковной службе.

Я один представляю мой *малый народ*, и если не смогу «выбиться в люди», никто не узнает, никто не услышит – ни их слёзы, ни их мечты!

Да, и мы – безвестные, низкие, необразованные, забытые властью, забытые жизнью, забытые Богом – умели размышлять и любить, жить воображением, томиться в поисках истины, смотреть на звезды, страдать от несправедливости, мечтать о духовной свободе, о разговорах с Богом, слышать музыку; стремились искать созвучье в словах, согласованность в поступках, сочувствие в душах, не только грешили, но способны были и к высоким порывам, не только чувствовали, но и пытались выразить – почему же Бог всемогущий рожденным в богатстве дал преимущество даже в талантах, а рожденных в бедности обрекает на немоту?!

Ничтожнее ли наш вопль к небу, чем у воспитанников бонн и гувернанток, возвращенных в роскоши; чьи бабушки блистали на балах; чьи матери кружили головы?

Так дай, Господи, хотя бы одному и из моих "*соплеменников*" услышать глас с неба, взывающий «*Встань, Пророк, и виждь, и внемли!*»; дай, Господи, и одному из нас, малых, стать великим, и «*глаголом зажечь людские сердца!*» Мы, родившиеся среди униженных, не дороже ль Тебе?! Мы, родившиеся не в царских палатах, а в хлеву, где когда-то и Сам Ты родился, Господи, не ближе ль к Тебе?!

14 августа, вторник. Странное происшествие случилось в прошлую субботу в Петрозаводске. Днем Митя посетовал, что не привез я с собою стихи (как намеревался), чтобы почитать их вечером за бутылкой вина, и, огорченные, пошли мы топить баню. Положили в печку дрова, стали в поленнице искать растопку, в числе прочего достали кипу листков – оказалось, что это те стихи, которые Юре послал я когда-то, напечатанные на машинке, но с моими пометками. Стихи эти после вошли в трехтомник, и естественно их было отправить в печку – но за 12 лет они так и не сгорели, валяясь в сарае среди дров!

В конце вечера приехали вдруг гости, привезли с собою еще немало вина, и найденные в сарае листки перекочевали к ним – что-то будет с ними дальше, сгорят ли они в конце концов?

...Много было и еще за прошедшие дни происшествий, огородных дел, знакомств с попутчицами в электричках и автобусах, попутных наблюдений и приятных или язвительных слов – но не слишком ли моя *Металогика* стала уже походить на отчет? Так что начинаю теперь я ее *прореживать*, перечитывая написанное ранее, оставляю только *с пятого на десятое*, и радостно откладываю листы на растопку...

Еще ведь и первая книга не вышла в свет, и с типографией не до конца расплатился. Долги меня захлестывают как петля – а удастся ли мою книгу продать достаточно быстро? *Удастся ли ее продать даже медленно?*

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ

I.

Литература, как считают многие, должна выражать задачи, заботы, настроения *времени*, тогда она отвечает пожеланиям и запросам хотя бы некоторых слоев и групп читающей публики. А чьи заботы, огорчения, надежды и мечты выражает *моя* литература? Только *мои*!

Прежде всего, расхожусь я с большинством соотечественников в отношении к власти. Все они – христиане, даже те, "на ком креста нет", они не сомневаются в том, что *всякая власть от Бога*, они любят *всякую* власть, и их связь с нею носит такой абсолютный характер, что смотрят они на противников власти как на преступников, продолжают ее поддерживать и ненавидеть ее врагов даже тогда, когда государственный корабль меняет курс на противоположный, капитан сражен в море и шайка пиратов захватила корабль.

Они, верноподанные, верны *власти* и тем, кому она в сию минуту принадлежит. Низвергнутого монарха они предают поспешно и радостно, и кажется, даже не замечают перемены на троне, не осознают, что их пристрастия и их любовь поменялись. Позавчера они склоняли голову перед Людовиком, вчера встали на колени перед Робеспьером, сегодня, ликуя, несут на плечах Бонапарта; позавчера пели "*спасибо Сталину за наше счастливое детство*", вчера учились с Никитой говорить "коммунизм" через мягкий знак, сегодня в "демократическом" угаре упиваются свободой от добродетелей.

Так могу ли я выражать их мысли и чаяния?

Но, может быть, если отвлечься от власти, что-то меня с соотечественниками и соединяет? Разве одна идеология наполняет жизнь? Увы, их мелкие страсти – о карьере, любовнице, даче и автомобиле – меня не трогают.

Но ни один народ не един.

Пока одни создают культуру и цивилизацию, пишут книги и строят города, учат и печат – другие сносят храм Христа-Спасителя, затевают чеченскую войну, ломают дома на Лиговке, заменяя прежние радующие глаз на новые безобразные, а то и вовсе оставляя вместо них бездонную яму (как ныне около Московского вокзала), и вбивая в неё миллиарды народных денег.

Эти-то "другие" (*и имя им легион*) и составляют тот народ, который Шафаревич называл *малым*, думая, что составляет его меньшинство.

Но здесь коренная ошибка не только Шафаревича, но и всей дворянской традиции отношения к народу – долго помещики помыкали крепостными, понуждая их работать из-под палки, потом усовестились и создали миф о совестливом, терпеливом и святом *народе-богоносце*.

В действительности же духовная и историческая жизнь нации, ее культура и наука и даже лучшие образцы материальных ценностей творятся меньшинством, которое по существу и является воплощением национального духа и судьбы, то есть является *народом*, а его *большая* часть – это "*малый*" народ Шафаревича. Есть среди этого якобы *малого народа*, то есть среди *черни* (любимое словечко Пушкина), конечно, и евреи, и инородцы, но неизмеримо больше среди них русских, потому что именно они составляют большинство обитателей Российских пространств.

Конечно, можно отмахнуться от меня с издевкой: ишь, какой умник нашелся, он-де один знает русских, а ни Толстой, ни Достоевский, ни Аксаков и Лесков, да и вся великая русская литература народ не знали и не понимали?! – Ну, а что тут удивительного? Они-то были помещиками, и родители их были помещиками, и деды с прадедами, а у меня родители – крестьяне, и родители родителей – тоже, и так вглубь веков, только четыреста с лишком лет назад был среди моих пращуров-землепашцев казак, вместе с Ермаком завоевавший Сибирь – да и он, поди, не все время воевал, а и землю пахал тоже.

В моей деревне, где я родился и рос, оба народа были представлены так же полно, как во всей России. Мой – *малый* (количественно малый народ), трудолюбивый и добродетельный, и "Большой", к которому принадлежали председатель колхоза и кладовщик, и та "Расея", которая хотя не в самой моей деревне находилась, но окружала ее, присылала сборщиков податей (*дани*) и опричников, чтобы уводить в полон наших жителей; к Большому народу принадлежала **власть**, злодейская и бездарная, которая плохо умела воевать с немцами, и поэтому сибирские потомки Ермака и моего пращура вынуждены были все на войне погибнуть, чтобы остановить немца под Москвой и Сталинградом.

Этот Большой народ как раковая опухоль пронизывал организм страны, он пронизывал и мою семью, моя мама выходила замуж после войны несчастливо, потому что хороших мужиков из нашего *малога народа* всех поубивали, а эти пьянствовали и унижали ее. [Да, надо уточнить, преимущественно к этому дурному народу принадлежали мужчины, дурная кровь передавалась от рода к роду в основном через них].

Когда, размышляя о русских, находят, что будто бы в них сразу две исключаящие друг друга природы, происходит это оттого, что говорят о двух разных народах. Один – лентяи и пьяницы, другой – работающие и непьющие! Да и я сам, хотя и море-окиян выпил, – *непьющий*, потому что и родители мои не пили, и я не любил пьяных и не любил *опьянение*, и когда пил с другом или женщиной, то или чтобы по душам поговорить (а потому мы пили пока скованность проходила, а не пока языки заплетались), или чтобы робость между нами размягчилась.

Идея Шафаревича о "малом народе" верна как *идея разделения целого на противоположные части*, как идея осуждения одной пагубной его части, вносящей в жизнь дисгармонию, себялюбие, равнодушие к народной судьбе и к участи каждого отдельного, – и оправдания другой.

Да, народ не целен, и одна его часть строит здание Духа, другая – живет для себя, презирает идеалистов и романтиков и цинично заботится только о низком.

Но не прав Шафаревич в определении истоков, в определении положения и величины центра тяжести. Продолжая дворянско-интеллигентскую традицию 19-го века, он разделяет привычно народ на *тягловое сословие*, укорененное в хозяйствовании, малообразованное, далекое от культуры, считая именно его собственно *народом*, и на *верхний класс*, который он народу противопоставляет и не относит к народу (это деление сходно с другим – **народ** – и – **интеллигенция**). Вот из этого верхнего класса он выделяет активную часть, активность которой направлена прежде всего и только на собственное благо, и называет эту тлетворную часть "малым народом".

Звучит это и правдоподобно, и даже романтично, и вполне в духе определенной *охранительной* теологии.

Скажу про нее два слова.

Бог – совершенен! (Да, а как может быть иначе?!)

Итак, Бог совершенен, мир совершенен, порядок в мире совершенен, марксизм-ленинизм, учение о светлом будущем, о царствии небесном... всё – как надо, как задумано, всё к лучшему и т. д. ...

А что же страдающему человеку?

Верить, любить, смиряться, исполнять повеления, заговоров и революций не затевать, оппозиций не создавать, от Истины не отходить (как вот католики отошли, как протестанты отошли, как дремучие старожилы отошли)... и т. п. ...

Но – идти за теми, кто в данный момент властвует (над думами или телами)!

Итак, в духе охранительной теологии *мир совершенен!* (ну, а те, кои говорят, что *мир во грехе и скверне*, тоже правы, ибо мир только *по замыслу*, по творению совершенен, но *пал человек*, а вместе с ним и природа пала).

Совершенен и народ, тем более русский народ – Богоносец!

Вполне в духе позднего Достоевского – совершенен и Российский Монарх, и только мы, *отдельные* – иногда отщепенцы, иногда мерзавцы, вот как я, например.

Против традиции не попрешь!... Но... продолжу...

Итак, при совершенном народе-Богоносце образовалась довольно-таки *гнилая интеллигенция* (а я согласен, кстати, что она – *гнилая*, и употребляю это слово без кавычек), и часть ее, лишенная национальных корней, как раз и образует "малый народ". Стесняясь сказать откровенно, намеками Шафаревич обрисовывает его состав, этого *малого* "перекати-поле" *народа* – разумеется, туда входят в большинстве своем евреи, частично инородцы, и утерявшие национальные связи русские.

И все-таки граница, раздел народа на две части проходит иначе, а именно: одна часть – это вообще *низкие* люди, не отзывчивые к чужим страданиям, не восприимчивые к музыке, к красоте природы, к зодчеству, обладающие дурным вкусом, грубые, неверные в любви и дружбе да и мало способные любить, работающие кое-как, заряжающиеся на чужое, злопамятные, завистливые, лживые, скупые, ненадежные, не дорожащие Родиной, памятью предков, способные унижить ближнего, оболгать его, ненавидящие исключительность, тщеславные и самодовольные...

Они-то как раз и жгли помещичьи усадьбы, ломали храмы, раскулачивали, обличали "врагов народа", обобществляли скот и людей, мечтали обобществить женщин, выработывали устав и мундир, и *руководили* – разгромом, разломом, осуждением и расстрелом.

Разумеется, на всех негодяев руководящих должностей не хватало, и иногда они "работали" тоже – но из рук вон плохо! Они шли в охранники, в милиционеры, в прапорщики сверхсрочной службы, в комсорги, в парторги, в секретари и президенты, в кладовщики и нормировщики, шли даже в пропагандисты и агитаторы – но всякое дело они делали только для собственной выгоды и лучше всего им удавалось то дело, где надо было причинить вред, нанести урон, обмануть, растлить, подвести, сломать, обличить добродетель, наказать невинного.

Власть – преступна.

И все же на вопрос о *вине* тот негодующий огонь, который меня жжет, отвечает не так прямолинейно.

Власть – пожирает, болото – засасывает... Но это ведь их назначение, другого ничего они и не могут делать! А кто нас в это болото завел?

Нас, мучаемых, делю я на несколько категорий.

Есть *протестующие* – но их так мало, их протест так незначим, что словно их и нет, и не будем о них говорить.

Есть *негодующие* в своем *семейном* и дружеском *кругу*.

Есть *негодующие тайно*.

Остальные либо *равнодушны*, либо *любят власть и поклоняются ей*.

И вот *эти-то* во всем виноваты! Это их только и надо судить и обличать! Они – подлинное зло! И ненавижу я прежде всего *их!* Зачем же они любят наших мучителей?!

И все же, только ли собственное отношение к миру выражает поэт в своем творчестве, или и тех, среди кого он живет, с кем связан родственными, житейскими, культурными узами?

Но был ли связан Пушкин с крестьянами, владеец нескольких сел с крепостными душами? Был ли связан он с высшим обществом, которое поносил и которое радостно бросилось о нем злословить в связи с предполагаемой изменой его жены!?

И уж тем более был ли связан Лермонтов с крестьянами и высшим обществом, не особенно друживший с однополчанами, не имевший ни жены, ни детей и, кажется, даже верной возлюбленной?! А Лермонтов – поэт идеальный, поэт – метафора, поэт – образ и синтез!

Однако, девятнадцатый век обласкан судьбою, он имел великую Культуру, и юноша-поэт, обделенный любовью, принят всеми последующими поколениями и оплакан романтическими гимназистками – сторицей воздали они ему за невнимание современниц. А кто из нынешних гимназисток проронил слезу на стихи Башлачева?

Нынешнее общество слепо и глухо, у него не только нет зрения и слуха, но нет в душе той ее части, которая нуждается в поэзии и музыке.

Кому поведает поэт свою "боль и любовь", восторг и ненависть?

Он обречен на одиночество. Современная жизнь не нуждается ни в поэзии, ни в поэтах. "*Жизнь как способ существования белковых тел*" (по выражению Энгельса), кажется чем-то вроде плесени или ряски на поверхности зарастающего пруда. Будет ли поэт читать этой плесени свои стихи? Станет ли она его слушать?

Правда, не ко всему в жизни равнодушны народ, общество, интеллигенция.

Ведь они и пьют и *вкушают*, и тоже иногда читают *Книгу* (*о вкусной и здоровой пище*).

Кроме того, народ и общество переживают *увлечения*, слушают и читают про "фартóвых" разбойников, ломают скамьи и пробивают головы на стадионах, когда забивают гол, сходят с ума от *пон секс-звезд*, голосуют на выборах за депутатов и президентов.

Общество отчасти знает даже историю, хранит память о жизни, радостях и заботах великих завоевателей, царей и царедворцев, более того, помнит по имени любимую лошадь Александра Македонского; да и имена Дантеса и Мартынова врезались в нашу память навечно.

Но все ли помнят, кто построил Парфенон? Хотя каждый школьник знает, кто сжег храм Артемиды в Эфесе.

О, лживая память! О, гнусная история! Мы должны переиначить её, и поэты должны занять в ней главное место! История должна говорить с нами так: «во времена некоего лютото сатрапа (но память не сохранила его имени) погиб великий поэт Гумилев. При другом, еще более лютото (и имени его мы тоже уже не помним), родился наш замечательный философ В. И. К сожалению, жизнь его складывалась неудачно, современникам он был не нужен...»

2.

Поэт и чернь – так назвал взаимные отношения творца и равнодушно взирающей на него толпы наш великий поэт.

Но вот стоим мы в очереди к пивному ларьку, или за билетом на поезд, трясемся в электричке, протираем штаны на службе, стираем ладони на разгрузке вагонов, на пилке дров, на косьбе, лежим под капельницей в больнице, кричим под ножом хирурга, и слышим, кому повезет, последний плач родных и близких, и стук земли о крышку гроба.

Многие из нас, стоящих в очереди, пишут стихи и пытаются смотреть на звезды.

Кто из нас Поэт, и кто Чернь?

Представим себе, что мы едем в поезде дальнего следования, и вагоны разделены на классы – купейные для богатых и общие или плацкартные – для простонародья.

Можно предположить, что поэт – это тот, кто едет первым классом, то есть в купейном вагоне, а чернь – едущие в вагонах общих или плацкартных, второго и третьего сорта.

При этом, каким бы мы классом ни ехали, мы должны соответствовать занимаемому нами месту – ну, скажем, хотя бы иметь билет – в противном случае проводник или контролер, или законный пассажир, или милиционер будут иметь законное право выставить самозванца на улицу, и даже применить силу в случае сопротивления.

Дело ведь не в том, умеем ли мы писать стихи и пишем ли их, а – на законных ли основаниях, есть ли у нас билет (лицензия, патент, разрешение органов; в крайнем случае – разрешение небесных сил, которые ведь тоже лицензии выдают). А я вот без лицензии мучился почти тридцать лет, прежде чем хоть отчасти научился стихи сочинять.

Основная обязанность человека на земле – вовремя и полностью выплачивать долги, прежде всего, конечно, рожать детей, и это – главный долг человека перед народом, государством, родителями (что бы ни говорил об этом Христос!), затем – заботиться о них, кормить и воспитывать (и если иные родители возразят сему, то возражали ли они, пока были сами детьми и нуждались в заботе?); заботиться о престарелых и немощных родителях (а когда и дети не все со мной согласятся, то ведь настанет и для них час, когда вспомнят они о сем долге и потребуют уже от своих детей его выполнения!); и о братьях и сестрах своих заботиться, если нуждаются те в такой заботе, пусть бы и вновь повторил Христос: «Кто моя мать, кто мои братья и сестры? Это только ученики мои!»

Другой не меньший *долг* человека – защита и благоустройство своей Родины, народа *своего* и земли, хотя и показалось отпавшему от единоплеменников апостолу Павлу, что *отныне уже несть ни эллина, ни иудея*.

Не только сознаю, не только умом знаю, понимаю и признаю, что именно это главные и неотъемлемые долги каждого живущего, но и сердцем чувствую, и поэтому в разладе моем с жизнью и в разладе с народом я уже заранее признаю неправоту свою, и уже заранее спор проиграл.

Прежде исполни Долг свой перед теми, кому должен, а потом уже, если останутся еще время и силы, душевная энергия и вдохновение, обратись к мольберту, чистому листу бумаги, или микроскопу (если только не являются и они частью твоей повседневной работы, то есть не входят в твой долг *в поте лица своего добывать хлеб свой*).

Едущий вторым или третьим классом, и имеющий билет на законное место, должен исправно трудиться на пашне или на мельнице, у горна или конвейера, и исправно отдавать жене заработанное, а там уже, если позволит она на остановках поезда выходить на платформу, чтобы перекинуться словом с попутчиками и выпить хоть кружку пива вне круга своей семьи, может и он погулять ненадолго на воле...

И лишь тот, кто едет *первым* классом, и уже без труда обеспечен, или принят в штат по обслуживанию правящего класса и получает за это твердую и достаточную для пропитания плату, имеет право писать и печатать свои сочинения (после их утверждения вышестоящими). Кто же тогда я? Не только отщепенец, но и самозванец, ибо дерзая не только писать, но и обманным путем умножать и распространять свои письма, хотя и в малом количестве копий. Разумеется, не получая за это платы, а только терпя убытки, позор, поношения.

«Хватит дурью маяться! – кричат наперебой мне родные и близкие, друзья и недруги, ближние и дальние. – Кому нужны твои бесконечные сетования, твои упреки и причитания? Займись-ка лучше *делом*, пока еще можешь хоть чем-то заняться!»

Что́ я могу им ответить, где найду слова в возражение?

Одиночество... В шумной и тесной камере мирского общежития оно лучше всего. Не так ли укоряли и Сына Божия за Его праздность и назойливые поучения? И не оттого ли Он воскликнул в сердцах – «*враги человеку – домашние его!*»?

Но разве не следовали за Ним толпы народа, внимая каждому слову?!

Да сказки всё это Его учеников!

Что же, пришел с Генисаретского озера, где вкусили толпы от трех рыб (а много еще и кусков осталось!), вдруг ни с того ни с сего ожесточились они и, вчера кричавшие «Осанна!», сегодня потребовали *Его распять*, и с наслаждением стали взирать на муки Его?! Да такой переменчивости даже у неверных жен не бывает! – а правда вся в том, что кроме жалкой кучки уверовавших отщепенцев никто и не шел за Ним, пока Власть и Богатство, то есть те, кто едет первым классом, и о коих Он

благоразумно сказал – *это их, кесарево, достояние, и им и должно принадлежать!* – не приняли Его учение для своих целей и нужд.

А я говорю другое о богатых и властвующих, о сытых и самодовольных, возлежащих на роскошном ложе – что заключили они сделку с дьяволом, и **не им** принадлежит всё то, чем они владеют по праву разбойников!

О, как возвеселилось бы сердце моё, если бы вдруг "судьба или случай" или "Божье попущение" и их сунули мордой в грязь, как тащут они по грязи, не уставая, меня с моими присными!

Культура никому не нужна, культура бесполезна, ибо богатства она не приносит, и не о ней вопль народа – «хлеба и зрелищ!» (да и власть имущие делают всё для растления народа, как и должно власти) – но культура почему-то существует – не потому ли, что поливают ниву ее своею кровью ее творцы, а на орошаемой ниве все растет хорошо?!

Надо пожертвовать собою и мне – но и боюсь, и пока еще не хочу; ибо хотя жажда писать не ослабевает, хочется и мне перед смертью проехать в купе мягкого поезда...

3.

Литература не может и не должна заниматься *типичным*, теми, у кого как у всех, полагал я – они неинтересны и их судьбы не поучительны.

Ну, например, что поучительного в том, что некто вступил в комсомол – если и *все* вступали в комсомол в соответствующем возрасте!

Было бы интересно написать про тех, кто в комсомол *не вступал* – но с такими я почти не встречался (а вот солнечные затмения, которые случаются редко, видеть мне приходилось.)

И все же, раздумывая о своей горестной жизни, понимаю я, что в существенном неотличима она от судьбы моего поколения – другие были стереотипнее, чем я, более поддавались общественной лжи и иллюзиям – ну а я не поверил ли Ельцину и демократам, не пытаюсь ли и в нынешнем режиме подчас искать человеческое – ведь потребность надеяться на лучшее одинакова во мне с другими!

Не один я слушаю музыку (иные ее даже создают и исполняют), не один внимаю музыке улиц и площадей, не один я, возможно, произношу священные слова – *"пока свободною горим, пока сердца для чести живы..."* – так, может быть, судьба тех, кто поверил Марксу и Ленину без рассуждений, как сегодня без рассуждений верит апостолу Павлу – еще трагичнее, чем моя? Они цепляются за их проповеди, они защищают яростно правду их слов, потому что, отказываясь от иллюзий, человек остается с незащищенной, обнаженной душой.

Самая неотлепимая иллюзия – вера в благонамеренность Власти. Невыносимо сознавать, что живешь в стане разбойников, и твои благие труды обращаются во зло правительством, а Бог не помогает с ним бороться. Типичный человек из народа, возможно еще трагичнее – разве намеренно не хотят они видеть правды? Видение их туманно, исторический опыт не вместился в душу, логика не так совершенна – но

разве негодую я на неспособных к математике, разве *úx* в том вина, что они неспособны?

А чем оправдаться мне, видение которого ясно, исторический опыт тысячелетий вместили в душу, логика совершенна – но ни апостолу Павлу, ни Марксу и Ленину, ни Фрейду и Эйнштейну не сумел я противопоставить ничего кроме выкриков и обличений?!

Мое поколение последовало за *ложными пророками* – а я не сумел указать им истинного пути. Я даже самому себе не могу ответить на вопрос – как жить дальше? Я даже не знаю, чем утешиться в смерти.

17 августа, пятница. Но жизнь течет по-прежнему, то есть *не так, как надо*. Да, жизнь моя по-прежнему в тисках и без просвета, хотя есть и мелкие радости – купил за 130 рублей сумку на ремне, взамен той, которую стащили у меня две недели назад божки вместе с книгами, рукописями, паспортом, деньгами, цветами и вином (подарками от ученицы), пока я бегал в кусты *пописать* – пил в случайной компании пиво, и забыл о том, что уже почти весь народ наш «освободился» настолько, что среди случайных трех человек четверо украдут! Но что с моих *сétований* (или *дребезжаний*, как говорит Ш--ский)? – так ягненок "выступал" бы перед волками, собирающимися его съесть; или перед испуганными и раболепными овцами.

Мир таков, что царствуют и торжествуют только низкие. Но если бы и низость была хоть однажды наказана! Если бы хотя один только раз вечно несправедливой вселенной испытать торжество справедливости!

Бог благоволил богатым и властным, к нему за поддержкой взывать бесполезно, но тяжело жить, не надеясь на чудо, на то, что и на самодовольно попирающих найдется управа, узда, петля, и хоть из чердачного окна – но зачитают и им приговор!

Что мне с посмертной справедливости?! Дайте же вдохнуть ветер благой и в этом мире! Когда после суровой зимы в начале апреля нечаянно вдруг ночью повеет весенним мокрым теплом – ах, какой дивной музыкой наполняется мир! Вот так же средь пошлых царств одно бы дуновенье справедливого блага – и славно бы возликовала душа!

Ура, книга моя наконец-то напечатана, и остается ее *только* продать и расплатиться с долгами! Хотя, правда, не оказалось бы это «только» труднее всего предыдущего?

Примечание от 17 октября. С трудом в Дом Книги взяли пять экземпляров, сегодня зашел – продан уже **один** экземпляр!!!

19 августа, воскресенье. Вчера с Мариной помогли Мите переехать на новую квартиру, в восемь часов затащили последние вещи, выпили по бутылке пива, и Митя полетел в Петрозаводск за Ладой и Настенькой.

И вот сегодня болит спина, ноет поясница, давит грудь... кажется, не болит только левое колено, все же остальное ноет, давит, ломит и жжет.

Может быть, мучает меня жизнь потому, что не повторяю я вслед за церковными учителями – *верю, люблю, надеюсь... дай, помоги, спаси!*? А был бы послушен...

Вот, например, в Москве на заседании протестантского общества участники его рассказывают, как и о чем они просят Бога и как и в чем Он им помогает. И вот что странно – мне и моим родным, или моему народу, сколько ни просим, не помог, живем в горестях и болезнях, и помираем в них же, а этим – что ни попроси! Один на сына сильно осерчал, попросил Бога, и силы небесные ... ну, не удавили его... но что-то такое... кажется, до *струпьев и глады* или даже до *мора* сынка все-таки довели...

Не нравится мне всё это, *шибко не нравится!*

А я-то сам, не прошу что-ль ничего?

Прошу, конечно, особенно когда с краю соскальзываю, и пальцы разжимаются, и вот-вот в пропасть низвергнусь, а там колья острыми вверх нацелены... бр-р!..

Но все же эти пошло-меркантильные отношения не нравятся мне...

Дал копеечку нищему – возвратилось сторицей!

Помолился, попросил – получил!

Даже если просил благодати... – *попросил благодати – и далась!*

А я вот прошу таланта – и никто мне ничего не дает! Поплачу, посетую, пострадаю, что зря жизнь проходит, а потом успокоюсь, и думаю – а и хорошо, что не получаю я талант как подарок, как выигрыш в рулетку... Я живу как крестьянин – копаю огород, поливаю его потом своим и, наконец, выкапываю морковку, картошку, лук, собираю огурцы, помидоры, горсть смородины, покупаю бутылку самогонки, варю похлебку с картошкой и луком, делаю салат, да еще и чай с мятой – ах, как славно!

А если бы само собою или *по молитве* моей в огороде росло все, и не надо было бы дерн разбивать лопатой – нет, не надо мне такой картошки, и лука и похлебки!

И вот подчас и я прошу у Бога таланта (тоже ведь иногда мечтаю о *халявной жизни!*) – и не получаю... *Ну и ладно!* – после слез говорю я себе. Разве не то же ли самое и с *вертихвостками*?! Некоторые из них вот так же *не дают* даже после усиленных просьб и умолений, а некоторые *дают* просто так (один мой знакомый называл этих последних “честными давалками”).

И когда *правильно верующие* молятся, просят, постятся, и наконец получают награду – не то усиленно ее вымолив, не то расплатившись за нее своей праведной жизнью, – и навязывают всем именно такой стиль религиозных отношений, именно такой характер «брака» человека и Бога, – то меня раздражает и *правильная* их жизнь, и то, что *правильно постятся они*, раздражают их *постные* физиономии.

Конечно, гладкие и лоснящиеся, самодовольно-счастливые физиономии Митрофанушки и «компании», сына-хулигана у “папы-юриста”, тоже мне не приятны, и не скажу, что надо «усиленно жрать» вместо «усиленно поститься» – но и с *постной* рожей разговаривать не о чем –

ни в подворотню на троих, ни в карты хотя бы по гривеннику, ни в темные кусты вдвоем не потащишься, а только можно говорить о *божественном* – о чудесах, о святых, о паломничествах, о священной истории, рождестве Богородицы, рождестве Христа, страстях Господних, конце света – и все это умиленно, с придыханием, с замиранием голоса, с замиранием сердца!

Как будто остальное всё несущественно – Природа, Наука, Культура, Судьба и Падение России, Любовь и Рождение детей!...

29 августа, среда. Жаль, что лето проходит. Хотел написать ряд счастливых заметок об августе, чтобы оставить их себе на память как фотографии, и вчера было хорошо, но пока было хорошо, написать не успел, а потом стало плохо.

Сначала в Летнем Саду выпил по кружке с С. и Д., а потом дошел пешком до Гороховой, и выпил с Л. Н. еще три бутылки пива, закусывая Таллинским сыром и любезничая с его симпатичной 17-тилетней дочкой Таней. И было, конечно, *вчера и сначала и потом* хорошо.

А сегодня – день яркий и теплый, но тоска меня гложет.

Я бы сдался, оставил свои литературные порывы, устроился бы работать в школу на скромное место, ждал мирно старости и пенсии, а там, может быть, успокоился деревенской жизнью – но гложет меня и помимо многое. Пусть честолюбивые мечты я усмирю, забуду про них, смирюсь на скромную жизнь, как смиряется когда-нибудь пылкий влюбленный с тем, что *она* любит другого – но тяжело, почти невозможно смириться с тем, что ничего не могу сделать для справедливости и правды, для спасения России. Ах, тяжело махнуть рукой и сказать – Бог с нею, пусть ее солнце заходит за вершины Кавказских гор!...

Но – "духом крепну", хотя сердце болит.

Следующая станция – Озерки. *Осторожно, двери закрываются.*

Умолкаю, писание тщетно,
Я заброшен, забыт, безоружен.
Жизнь, увы, протекла неприметно,
Даже недругам бывшим не нужен.
Умолкаю. Напрасны потуги
Совершенствовать душу и тело.
И в тоске, и в холодном испуге
Понимаю, что жизнь пролетела.
Что ж теперь? Даже горло устало
Трепетать, и слова молчаливы.
Много званных, но избранных мало.
И безропотно гаснут порывы.

23-30. Был у Саши М--ва дома, поставили на стол мою книгу, две бутылки пива, обледенелый графин с самогонкой, горячую картошку, салат, селедку, и так посидели славно, разговаривая о русской литературе, о выпивке и *бабах*, о прошлой жизни и будущих надеждах!

Быть может, и в самом деле *осыпает мозги алкоголь*, и был бы я умнее, если б не пил! И было бы времени больше, и теорему Пифагора уже доказал, как многие непьющие, и телом был крепок... а может быть уже и сдох от отчаянья...

30-го августа. Вчера вечером было хорошо, пока пил; потом было плохо, пока *отходил*. Но не буду жалеть...

Раздавал сегодня книгу в разных учреждениях – аукнется ли?

Познакомился с приятным молодым человеком Максимом, из --ской Академии – подарил ему свою книгу. И в других учреждениях раздавал тоже, но спасибо никто не сказал.

Исключением стала встреча с о. Игорем, который за книгу вручил мне 60 рублей, да еще и кофеем напоил.

3 сентября, понедельник, 21-00. Вчерашний день провели мы в трудах, копали картошку, дергали морковку и свёклу, собирали чеснок, огурцы и помидоры; потом пилили дрова, я их расколол и сложил в сарай. Сходил к Зое за молоком, Ане подарил два яблока («невкусных, как я ей сказал. – Так отчего же вы принесли их? – А больше нести было нечего»), Зоя отдалась картофельным пирогом.

В пять часов пошли за грибами, нашли пять подосиновиков. В семь затопил я баню, парились свежим веником, пили чай с мятой и яблочным повидлом, которое Марина сварила из собственной *падалицы* (впервые наша яблонька разродилась хотя бы *падшими* яблоками).

Сегодня с трудом я поднял тяжеленный рюкзак, и двинулись мы на автобус. Ночью было ниже нуля, а тут – сверкало почти июльское солнце, небо высокое с белыми облачками, легкий ветерок вдоль дороги – ах, как не хотелось уходить из деревни!

На остановке автобуса застали мы Вячеслава Николаевича с женой Татьяной, они угостили нас яблоками, наговорили комплиментов о моей Металогике, а потом, поскольку автобус не пришел, довезли до Окуловки на своей машине.

И вот уже мчим электричкой в Питер, я съел три домашних помидорины, сладких и сочных как сотовый мед, да и контролераша прошла *ненавязчиво* мимо – ну, не все уж так плохо, как часто бывает!

Солнце слева по ходу поезда, до линии горизонта ему еще далеко ...

21-45. Но как оно село, я не заметил, да и заря погасла, хотя и светло. А позавчера мы с милкой пришли в деревню в десять часов, и еще четверть часа бегали по огороду, и даже огурцы собирали наощупь...

4 сентября, вторник, 14-35. На улице благодатно, солнце светит, тепло, в природе – покой и умиротворение. Отчего бы не быть счастливым? А все одно – скука, тоска, томление духа, словно все еще еду я в электричке и никак не доеду.

Но если и в благодатный день мне плохо, то куда же я еду?

А еду я на вокзал за билетом в Москву, чтобы там *раздавать* свою книгу, за которую должен еще уйму денег.

А ее, увы, не только не покупают, но даже продавать не берут!

18-35. Встретился с С. С., обмыли двумя кружками пива несчастную Металогоику, и я вручил ему три экземпляра; денег попросить постеснялся, да у него, поди, нет! Наговорил он мне лестных слов о моих достоинствах; слушая такие похвалы, хочется хоть немного стать лучше.

7 сентября, пятница, 15-00. У Яковлевых утром позавтракал, Стас подарил мне свой *старый* костюм, который ему мал (а он еще *совсем новый*, и лучше у меня не бывало!), две рубашки, пиджак и жилетку – ну, я теперь, прям, "первый парень на деревне!" Заехал к Лиле, выпил с ней кофею и рюмку вина, и вот разъезжаю теперь по Москве на трамвае, как 25 лет назад, когда я был молод и счастлив и *несчастливо влюблен!*

Забегал на книжную ярмарку на ВДНХ, куда "заманила" меня моя бывшая издательская сотрудница ("змея подколодная", как я еще недавно ее называл); день теплый и солнечный, народу немного, книга моя никому не нужна, но я все еще жив, почти здоров, завтра буду в деревне и на огороде, вечером истоплю баньку – и если не думать о будущем, а только о ближайших трех днях, то отчего бы и не радоваться жизни?!

8 сентября, суббота, 10-40. Вчера заходил в Солженицынский Фонд, оставил *книгу* для Ал-дра Исаевича, подарил её и его секретарше и ее весьма привлекательной племяннице Марине. Звонила какая-то баба, домогаясь денег на фильм «Нужны ли евреи России?» – а нужны ли России русские, хотел я спросить? Будто бы евреям в этой разграбленной и растленной стране хуже всех!? Да только евреи России и нужны! Поволжских немцев *засушили* в Казахстане, чеченцев *замочили* на Кавказе, русских раскулаченных крестьян *заморили* повсеместно... и только бедные евреи, которых постоянно ругают и преследуют, пишут стихи и драмы, и разгоняют атомы в пустоте...

Ночью приехал в Окуловку, «*змерз как Маугли*», но уже час как в деревне, сварил картошку, нарезал помидор, покрасневших под телогрейкой, заварил крепкого чаю – в большей ли благодати те, кто обглодал нашу страну? – Да они в страхе, злобе, зависти и пресыщении, о *благодати* даже не слышали, а я и в ежедневных угеснениях радуюсь людям, природе и всему Божьему миру и восклицаю, отчаявшись:

Спасибо, Господи, что Ты меня измучил!..

Что глух к мольбам, что так суров ко мне –

Как к дереву, растущему на круче,

К погибшему солдату на войне!..

0-15. Днем ходил за грибами, вечером парился в бане, и допиваю уже третий чайник чаю, – да не сходить ли в баню и еще раз!?

Девец в деревне не осталось, увы! – Оксана вышла замуж, Аня уехала в Питер искать жениха и работу, а новые девицы не подросли..

Прелесть деревенской жизни, или *идиотизм ее*, как выразился пролетарский писатель?

Часто бывает, что и от всякой жизни хочется взвыть, но никак деревенская жизнь не хуже городской, ни в тоске, ни в радости.

Если читаю я книги, то где же я читаю их внятнее? – разумеется, в деревне, и время в ней течет медленнее, и погружаюсь я в мир фантазий в деревне глубже, а в городе даже глубокой ночью в благоустроенной квартире я словно в центре житейского шума, и большая моя часть остается за пределами книги. Может зазвонить телефон, и я настороже даже ночью – так у собаки вздрагивают уши, когда она спит; я могу включить телевизор – и душа моя делает усилие, чтобы его *не* включать, и это усилие мешает чтению; я могу пойти в ближайший ларек за пивом – а в деревне ночью даже самогонку, как правило, не продают по ночам; могут нагрязнуть неожиданные гости – в деревне по ночам в гости ходят реже... Следовательно, деревня для чтения приспособлена лучше, и так же для сочинения стихов, романов и философских трактатов.

Я люблю слушать музыку, и в городе изредка хожу по концертам – но сегодня можно наслаждаться музыкой в записи, и магнитофон, проигрыватель или телевизор доносят нам ее одинаково хорошо (или одинаково плохо) и в городе и в деревне. Зато музыка природы в деревне звучит зато во всю мощь, а в городе еле слышно.

К тому же, ездит городской житель в лес на рыбалку, охоту или за ягодами и грибами – так отчего бы и деревенскому не съездить два раза в год в город в театр или филармонию?

Но главное отличие в пользу деревни состоит в том, что в деревне человек живет среди знакомых людей и тратит на них столько своей души и времени, сколько должно, словно внятно читает одну книгу вместо ста, читаемых невнятно, через пятое слово на десятое.

Если же сравнивать деревенский труд с городским, то везде мы найдем лучшее в деревне – строитель ли, плотник, столяр, грузчик – на поле, на воле, – или в тесном и пыльном заводском цеху; сравним еще доярку с работницей красильной фабрики; да и неужели косить сено на привольном лугу – хуже, чем в грохоте, дыму и пыли пробивать через уголь подземный ход или обтачивать стальную болванку?

Или известный писатель сравнивал жизнь в городе, с его ресторанным блеском, со *скудной* деревенской жизнью, где собутельников было мало, и Публичного Дома не было?

16 сентября, воскресенье, после восьми. Несемся стремглав без остановок до Чудова. Солнце только что село, светило ярко в окно вагона, а теперь только горят облака.

Суббота и день сегодняшней были благодатны, тепло по летнему, солнце сияет, цветы благоухают, банька была горяча, да захватили из города «маленькую», да чай с мятой, да картошка с грибами, да салат и молоко – нет, не все плохо в жизни!

... хотя то плохое, что в ней есть, часто ее делает невыносимой, или, по крайней мере, неудачной. Старые заботы снова прихлынули – надо отдавать долги, надо продавать книгу, надо ответить на главный вопрос – стоят ли мои писания того, чтобы мучиться?

Если бы я писал гениально, жизнь на этот вопрос уже ответила бы сама, без столь отчаянных усилий с моей стороны; но если бы и совсем был лишен я таланта, тоже ответ был бы ясен, и плюнул бы я на свои ухаживания за литературой, и занялся серьезнее другим делом.

А так удерживает она меня около себя как кокетка, не отпускающая даже тех, кому точно *не даст*, и я продолжаю писать и надеяться.

Что изменилось с выходом книги? Десяток знакомых, друзей и родных, вот весь круг тех, кому я смог ее навязать, чтобы они ее прочитали.

Да на своем ли я месте и за свои ли дела берусь?

Когда взглядываюсь я в судьбы тех, кто добился успеха, то вижу, что воистину у них "*что предназначено судьбой, то обретается без усилия*" – все состоит, как кажется, в *законном* браке со своим временем и обществом, и каждый возделывает отведенный ему участок. Что же возделываю я? Не бью ли я мотыгой где-то за забором среди лопухов и крапивы – и даже если сажаю я там цветы – кто их среди крапивы увидит?

... Погода прекрасная даже в городе, но уныние отравляет мне душу.

Как вода из дырявого ведра, вытекает из меня жизнь, а к лучшему изменить ничего не могу. Общество уничтожает меня равнодушием. Лучше бы уж посадили в тюрьму... Лучше бы уж заташили на плаху...

Но погода и впрямь хороша! В деревне огород наш радуется жизни и спешит буйно жить – а растения в отличие от людей хватаются за каждый лучик солнца и каждую капельку воды и на добро отвечают добром (может быть, кроме крапивы, которая от нас добра и не ждет).

Следовательно, еще растут, я надеюсь, огурцы и перцы, увеличивается в размерах тыква, краснеют морковь и свекла, зеленеют корешки и травы, укроп и кориандр, мята и сельдерей, растут и расцветают цветы, и даже и та картошка, которую посадил я в конце июля!

19 сентября, среда, 21-00... Еду домой, почти хмельной и веселый... или нет, хмельной и почти веселый.

Сентябрь удивительно хорош – почему же он длится так мало? Трудно сегодня представить, что уже через месяц наступит *осенний холод и дождь со снегом*, и безысходная жизнь. А сегодня хотя и в тисках, но благодатный сентябрь скрывает безысходность и тяготы, и кажется, что еще чудо возможно.

Впрочем, мелкие неудачи мне еще досаждают, пришел вчера к В--е с цветами и бутылкой вина, чтобы поздравить с днем Рождения, а она уехала на дачу. Букет оставил я у соседки, а вино увез с собой; хотелось с горя *шарахнуть*, но – стерпел.

... *Шарахнул* с С--ым во дворе института, распили бутылку портвейна за 23 рубля, емкостью в 700 грамм...

25 сентября, вторник, 12-45. Вчера рано утром вернулись с милкой из деревни, ехали полдня и целую ночь, милка убежала на лекцию, а я еще посидел за компьютером, съездил по Митиному поручению, встретился с Р--й и передал ей свою книгу, *получив за нее 50 рублей*, вернулся домой, глотнул глинтвейна, «телевизионного портвейна», и уснул тяжелым несправедливым сном, не в силах даже *"Игнатия Брянчанинова ... со слезой почитать"*.

Сегодня заезжал к Н. П., вручил и ей свою книгу (за которую еще летом получил с нее 60 рублей вместо платы за мытье окон, от которой я отказался), и пучок зелени с нашего огорода. Она угощала меня конфетами и квасом, который налила в рюмку, где сидел сухой таракан. Я его украдкой вытащил, а квас выпил, чтобы не обидеть 95-тилетнюю старушку (хотя тараканов боюсь пуще смерти). На «страшном суде» не станет ли этот случай свидетельством в мою пользу?

«Жизнь на краю» пора закончить – не саму жизнь, конечно, а ее затяннувшееся жизнеописание (хотя и от *краю* пора бы отодвинуться и жизнь, хоть отчасти, переменить); надо только завершить некоторые темы, чтобы к ним уже более не возвращаться, например, подвести черту под рассуждениями о *"прытких и юрких"*.

Может быть, жизнь воспитает и из них некоторых, или «обломает рога», и станут они не такие *прыткие*... Правда, в очередь за баландой выстроит жизнь и нас вместе с ними, и нас даже в первую очередь, и придется тогда и нам страдать, *не прытким*, – но без бедствий и мы покрываемся плесенью.

Правда, стыдно мне жаловаться – не убогий, не хромой, не горбатый, даже девушки с интересом посматривают (или с удивлением? – когда я на них смотрю) – на чье сострадание мне рассчитывать?! Если холодно и молчаливо вокруг, когда пристаю я с печалью, и заняты все собою, то ведь и приставать я имею ли право? Несомненно, что не только призывать осушить слезы мои не смею, но и плакать нельзя!

ОБРАЩЕНИЕ К БОГАТЫМ.

Почему обращаюсь я к тем, кого не только презираю, но и ненавижу? Почему унизились я настолько, что обращаюсь к тем, у кого не попросил бы куска хлеба, умирая от голода, глотка воды, умирая от жажды?

Потому что жжет и сушит, мучает и терзает меня великая цель, а я чувствую, что уже почти нет сил, что уже близко к смерти, но чем ближе к смерти, тем дальше от претворенья мечты. Может быть, не боялся бы я умереть, если бы надеялся, что хотя бы так удастся привлечь сочувствующих, сторонников, сподвижников, и после меня дружными усилиями они сделают то и так, что не удалось мне. Но нет, могила моя зарастет бурьяном, души людей зарастут коростой, и буйно среди зарослей созреют только плоды богатых – зависть, ненависть, корыстолюбие, скупость, тщеславие и низость.

Быть может, говорю я себе, спяну или спросонья истратят они ничтожную часть своих богатств не на породистых жеребцов или

породистых любовниц, не на дачи на Лазурном берегу, но на издание моих книг? Или эта надежда смехотворна? Но тогда к кому же мне обращаться?

Я живу в обществе глухих и слепых. Усилия мои гаснут, крики мои неслышимы. В 17-ом веке письма Аввакума расходились по всей России, а в их распространении не участвовали ни типографский станок, ни телеграф, ни автомобиль – насколько же более глухо общество сегодня! Из кого оно состоит? Умалишенных? Не помнящих родства? Живущих низачем? Живущих только для телесных удовольствий?

Да, это общество, знаться с которым постыдился бы дьявол. Не умеющие любить. Не умеющие мечтать. Не способные к гордости. Из всех человеческих функций им близка лишь одна – *потребление*.

О, как я их ненавижу! И чем более от них завишу, тем более ненавижу.

Получившие богатства бесчестным путем, не умеющие производить, но присвоившие себе все то, что поколениями творцов и работников производилось в России – смогут ли они стать лучше?

Ибо я не утверждаю, что *богатство* всегда плохо – у достойного человека оно может служить, хотя бы частично, добрым делом; если богатый не безразличен к культуре, не безразличен к крепости и процветанию государства, богатство послужит созиданию – даже когда он построит дворец для себя, город возрастет, дух расширится, красота умножится.

Вот я был на концерте с милкой и Настенькой (во дворце Шереметьевых), и блаженные взоры наши блуждали по лепным потолкам, хрустальным люстрам, величественным зеркалам в «зеркальном зале», и душа уносилась под звуки Шубертовской симфонии в неясные дали; в коридорах еще мы восхищались портретами, натюрмортами и пейзажами, на лестнице бросали восхищенные взоры, и даже в вестибюле были счастливы, и даже уже идя по Невскому в туманных осенних серых сумерках.

В 19-ом веке *богатство* построило Москву и Петербург, помогло изданию гениальных сочинений русских писателей, открыло театры, музеи, концертные залы и университеты...

И вот – катастрофа 17-го года, и семьдесят лет террора и нищеты.

И вот – погром девяностых годов, якобы антибольшевистский, но в действительности – новый погром России, и на сцену хлынула толпа "новых богатых", *нуво-ришей*, как их звали во Франции после революции 1830 года, *новых русских*, как их называли у нас – но *русские* ли они? Да это сброд без роду и племени, и каждый народ должен стыдиться считать их своими!

Эти "новые богатые" обворовали народ, обворовали Россию, они украли не только ее богатства, но и победу над большевизмом у тех, кто воистину сопротивлялся режиму; наследники советского государства, недавние его защитники и холуи – они предали и то государство, которое

их вскормило; вчерашние секретари обкомов, коммунистических и комсомольских ячеек, сегодня они клянутся на «демократической библии», главная заповедь которой гласит – *свобода воровства!*

Богатство не всегда плохо, но оно плохо сегодня, с этими растленными негодьями, равнодушными ко всему, кроме денег, кроме власти, кроме плотских наслаждений! Их надо презирать! Их надо ненавидеть так же, как власть, которая им служит, оберегает, которая создана ими и для них! Лучше перестать жить, чем жить с ними в одном мире, дышать одним воздухом, смотреть на те же звёзды!

27 сентября, четверг. Прочитал вчера первую лекцию по математике [после шестилетнего перерыва]; и хотя Бог ко мне ещё милостив, немало поволновался, потому что от математики, кажется, я уже отстал (да и в молодости *приставал* не слишком); однако, все прошло хорошо.

А сегодня встречался с аспиранткой Аней, послал с нею записку воспитательной Наташе и пачку книг Казимиру. Моросил дождик, но Аня целоваться и пить отказалась, и вот я трезвый еду домой.

О заботах писать не буду, потому что падаю духом, как о них подумаю, а выдумать путного лучше ничего не могу, как только в Неву вниз головою – но мокро и холодно, и Настеньку жалко.

10 октября, среда. Сегодня тепло и солнечно, двор перед домом устлан разноцветными листьями, рощицы деревьев словно кружат красочный хоровод, я вышел погулять, обошел вокруг школы, вдыхая тёплый легкий воздух радостного «октябрьского лета»...

День чистый и светлый, сияет тусклым золотом разнообразных оттенков, но в душе моей бесцветно и пусто. А жаль, что пустынна жизнь среди таких красочных декораций, и приходится играть в скучной пьесе. Изменится пьеса, изменится роль – но листья с деревьев уже облетят...

Читаю О--ские «Пунктиры» – много случайного, слишком обрывочного, как если бы в сумке вместе с кусками хлеба лежали еще и крошки – для воробьев ли? Но немало и верных среди всего замечаний.

Однако, нет в этих заметках чего-то скрепляющего... судьбы... или хотя бы сюжета..

Так смотрим мы чужие фотографии – быть может, все они замечательны, но привлекают наше внимание лишь те, на которых изображено нечто нам близкое и родящее отзвук; так с интересом мы можем рассматривать части и детали сооружения или механизма, предназначение которого нам понятно, и который мы воспринимаем как целое; рассматриваем, например, гайки и винтики, оси и шкворни кареты или гаубицы – и даже самые неприметные можем рассматривать с интересом – но если их выставят нам в ящике в россыпь – скучая переберем мы кое-как лишь несколько самых ярких страниц.

Так Розановские «Опавшие листья» уже на пределе интереса и занимательности – и дело не в том, достает ли в них ума и глубоко-

мыслия, а достает ли в них сопричастности к общей жизни, достает ли в них трагедии, хотя бы личной трагедии автора. Ибо случайные звуки и аккорды затрагивают струны в нашей душе не сами по себе, а пробуждая воспоминание о произведении в целом, о строе, характере и интонации его музыки.

Так и в своих собственных заметках, где большей частью пишу я про баню, огород, выпивку и скромные девичьи прелести, и где еще больше написал бы я про те (еще большие) прелести, которые скрыты от моего грубого пьяного взора, если бы не стеснялся читателя – разве не мог бы писать я еще и про «отрицание отрицания»? Разве мне нечего о том написать? Да взял бы я философский словарь, и по поводу каждого термина написал бы понемногу умнее и глубокомысленнее (впрочем, черт его знает?), чем подавляющее большинство о них пишущих – но не вижу я в этом ни для себя интереса (девичьи *прелести* мне интереснее), ни для читателя; не будет в груди «мыслей по поводу...» ни судьбы ни трагедии, или хотя бы плохонького сюжета, или даже некой культурной тропинки...

Ну а груды моих теперешних записок «по поводу самого себя...» – разве имеет *"всемирно историческое"* значение?

Могла бы иметь... Я пытаюсь.. Я пишу о своей *неудавшейся* жизни, а я имел право на то, чтобы она *удалась!*

Я пишу о поколении тех, чья молодость пришлась на шестидесятые годы, и кто искренне и глубоко мечтал найти и понять Истину, а оказался под обломками Истории – не по своей вине!

Кажется, О-нин принадлежит уже к следующему поколению, к тем, кто движим не страстью, не жадной истины, а *любопытством*, кто уже способен с интересом перебирать разноцветные стеклышки, камешки, чувствешки, частушки (а то и крупнее что), *шурики-мурики, чирики и гарики*, лезвия бритвы, лезвия ножа – и с интересом вглядываться в них без горячечной мечты *зарезать или зарезаться*. Они от нас отстоят на три года, но они уже – противоположны.

Я топлю баню не для того только, чтобы пропариться... охмуряю девицу не для того только... так же как пью вино, от которого постоянно страдают моя душа и сердце, не для одного удовольствия... какое уж тут удовольствие!? Это действия, поступки, страсти – душевнобольного, маньяка, самоубийцы, отчаявшегося влюбленного.. отвергнутого, отверженного, обманутого – Россией, женщиной, Богом, надеждой, Судьбой, случаем и мечтой!.. Не в каждой строчке пишу я об этом откровенно, ибо иначе не допишу, и либо читатель в негодовании изорвет мои записки, либо я таки хоть спьяну свалюсь с чердака, – а пишу я чуть-чуть о стороннем, то есть про баню, девиц, выпивку, – но и в бане, и за стаканом водки, и в объятиях красотки думаю и думаю я все об одном *«Быть или не быть? Вот в чем вопрос!»*.

Поэтому в О-нском замечании *«Писание дарит спокойствие. Писание – островок безопасности. И не в написанном дело, а в самом*

письме (перо в руке, знакомые буквы, строки слов)» – выражена вся противоположность наших двух поколений. (Так же как роман Гессе «Игра в Бисер» не выражает ли противоположность двух культур, двух судеб, *двух рас – России и Европы?* Не выражает ли, не доказывает ли даже, что Европа уже отвергла *судьбу* и приняла вместо нее рутинную повседневную жизнь как смысл существования, а мы все еще пьяными или кровавыми слезами плачем в поисках или в проклятиях над своей неудавшейся судьбой – *но всё еще путаемся – в судьбе*, как, случается, дерутся двое влюбленных, которым никак не отлепиться друг от друга – и опостытели, и возненавидели.. но все еще, кажется, жить друг без друга не могут!?)

Прочитал на первом курсе весьма удачную лекцию, и утвердился в мысли написать *Математику для нематематиков*. Вот ведь – так мало я уделял ей внимания, а она меня жалеет и кормит... А за литературой зря бегаю и только время теряю! *Дает, блядь*, налево и направо, и всё не мне... Нет, *не даст* мне литература, и пора от нее отстать!

21 октября, воскресенье. Позавчера выпил в Союзе Писателей, потом у В--и...

Потом с Митей и Юрием Павловичем пошли в баню и пили пиво, а в восемь встретились в кафе, отмечая годовщину свадьбы наших детей, пили водку и танцевали, много было интересных девчонок, и я в них влюблялся, а Настенька меня обличала. «Девушка! – говорила она моей очередной симпатии, – мой дедушка *ветреный*, не верьте ему!»

Но отчего у меня *шаткость* в мыслях и чувствах?

Вообразим, что в бурю корабль наш по волнам носит, и о прибрежные рифы ударяет, и вот меня от борта к борту швыряет, и конечно мысли собрать воедино не удастся. А других или в трюмах заклинило, или привязаны прочно веревками, и вот единомысленно, одиночувственно, все стройным гулом поют одну тупую дурацкую песню – *слава, слава, слава нашим начальникам!*

А я не привязан, шмякает о борта, но тоже не ахти какой умный вопль из груди моей рвется – *Да чтоб им всем повылазило! Чтоб им ни дна ни покрывки! Гореть бы им всем в геенне огненной и некому б пожалеть их!*

Сбили невзначай евреев над морем, и целую неделю юлят перед миром. Но разве это не два бывших великих народа бесстыдно лгут всему миру, и себе, и мне, и ста пятидесяти поколениям наших предков?!

Жаль, что у меня власти нет ни на грош, и нет ее у писателей, врачей, ученых, артистов, философов и архитекторов...

Жаль, что все так плохо в нашей стране, и не только повсеместно одни только ложь, зло, воровство, но даже и ракеты летят не туда...

Отчего это так? – оттого что начальники тупые.

Кто в армейские генералы идет? – кто в выражении производной dy/dx рвется букву «d» сократить, хотя и слышал, что «не положено»!

Кто в милицейские генералы идет? – жадный и злой.

Кто по служебной лестнице вверх поднимается? – у кого сердце к чужой боли глухо.

А умные и жалостливые – книги пишут, стихи сочиняют, теоремы доказывают – но не они посылают ракеты, чтобы подводные лодки топить и самолеты сбивать с пассажирами.

Но почему и они молчат? – потому что робки как лань. Да и у них уже перестало сердце на чужую боль отзываться, и у них уже оно мхом поросло. Мертвое море разлилось по России, и никого ничего *не колышет*, у этих нет сердца, у тех – ума, а живые погибли ...

Или в беспамятстве... А очнемся когда, хватаемся за бутылку.

Но *не оттого* погибаем, что пьем, а *оттого* пьем, что уже давно *погибаем*.

Но как спастись, не знает никто.

Да большинство и знать ничего не хочет.

Не составить ли *пошменный список изменников Родины*, и бросить в бутылке в море?

29 октября, понедельник, 7-50 утра. Ночью было плохо, и теперь еще трясет – но и надо меня иногда трясти и бить по морде, чтобы не зарывался. *Задирая голову, мы стучаемся лбом о низкий косяк дверей мира* – и поделом, не надо быть самодовольными! И хотя мало доблести в том, чтобы ползать и посыпать голову пеплом, но и носиться вскачь, не глядя по сторонам, а видя лишь свое отражение или «прекрасную полячку» – не лучше того.

Четвертую уже неделю болен – сначала болело горло, потом ухо. В пятницу пошел, наконец, к врачу, подарил третий том своих сочинений, и вот теперь меня усиленно лечат, и УВЧ, и продувание, и электромассаж, и компресс спиртовой прописан на ночь – нельзя, значит, сказать, что «всякое искусство бесполезно», как уверял всех Уайльд. А может быть и народ наш не так уж плох, как я в отчаянии и раздражении часто думаю, живет врач на нищенскую зарплату, не только не может мечтать о собственном доме, но и о велосипеде, поди, тоже, а сострадает нам, болящим, и не только писакам, как я; а что книги не покупает, а читает их только когда благодарные пациенты дарят, так – *«на какие шиши?»*, как говорит моя милка... А покупаю ли и я книги других писателей? – тоже, ведь, *шишей* не густо, а местами и вовсе нет!

Громадная и богатая страна, да и климат лучше чухонского, и земля лучше, чем в неметчине, народ не глупее не только турок, но даже и англичан – а отчего же такое неустроение, бедность, неправедность, повсеместное воровство и растрление?!

Причина проста: начальствующий слой – проходимцы и вóры, или дубьё стоеросовое, потому-то, инстинктивно сознавая свою ограниченность, злобны они и жестоки, и норовят поскорее и побольнее разодрать попадающий на зубы их бедный люд – но вот отчето всплывают они в России в начальствующий слой (в противоположность всему прочему миру) – видно Бог один знает (но нам не говорит!).

Когда-нибудь, уверяют меня платные защитники начальствующих, станет и у нас хорошо, надо только *терпеть и работать* (как 70 лет советской кабалы)! Но если *когда-нибудь* станет лучше и нам, значит ли это, что можно будет простить им их прежние преступления? Вправе ли мы забыть о ребенке, просившем на хлеб, – хотя бы и через тысячу лет?

...В субботу читал лекцию у вечерников, а потом рванули с милкой в деревню, и пришли в половине первого ночи. Баню топить уже было поздно, затопили плиту и камин в доме, сварили чай и выпили по наперстку *настойки на березовых почках*, и славный березовый дух смягчил наши души.

1 ноября, четверг. Вот и прошел октябрь, что всегда повергает меня в уныние. К счастью, «октябрьская весна» не умерла ещё, ночью шел теплый дождь, и сегодня пасмурно, тепло и сыро. Но не уходит ощущение несвободы, и поэтому мне не только грустно, но и тоскливо и тягостно.

Да, «Жизнь на краю» пора бы уже закончить, но еще не нашел я ответа на вопрос – «*Как жить на свете, когда этот свет – тьма, и невозможно хоть что-нибудь изменить к лучшему?*»

Быть может, сознание, что пытался я подкопаться под тюремные стены, хоть отчасти меня утешит, и буду смотреть я на эту Книгу, как смотрит крестьянин на лопату с комьями земли на ней, как смотрит влюбленный на локон возлюбленной в медальоне...

ПОДВОДЯ ЧЕРТУ.

Не то что бы я вздумал прощаться с жизнью – еще, быть может, не один огород вскопаю, и баню не раз истоплю – но – подвожу черту под иллюзиями. Хотя и прежде говорил я в отчаянии, что всё безнадежно, что хоть головой о стену бейся, но ничего в России не изменить поэту, что только богатые и власть предрежащие, если сойдут вдруг с ума, нечто благое, быть может, и сделают... – но при этом я на что-то надеялся... Всё ещё надеялся я на чудо, *надеялся на Бога и верил в него!*

И вот надежды мои иссякли..

Конечно, я еще не брошусь вниз головой (боюсь высоты); конечно, я не сяду в угол сложа руки тупо доживать бессмысленную жизнь в одиночной камере, а еще буду ходить вдоль стен и безумно шептать про себя «*тройка, семерка, туз!*», и вглядываться в стены и время от времени царапать их обломком пера или обломком крыла – а вдруг где-то трещина появилась! – но.. нет, не буду мечтать я о том, что книгу мою начнут читать, или на баррикады пойдут и поднимут павшее знамя.. может быть, когда-нибудь и на баррикады пойдут, но не оттого, что поднимутся в духе, а просто безумие овладеет, чума ударит в голову, или у властей от жира и скуки поедет крыша.. но никогда не пойдут за призывом благим, а просто побегут в общем стаде, и каждый побежит только потому, что побежали другие, и никто никогда не поймет, кто побежал первым, и отчего вдруг побежали за ним, и отчего побежала уже

вся обезумевшая толпа, а прочим уже было не вернуться... Ни Бог, ни Святой Дух, ни Истина, ни справедливость, ни высокие Идеалы тут ни при чем, а начался Погром, стали бить стекла, ну и каждый стал бить, а кто не стал, за тем за самим стали гоняться и бить...

Крестовые походы? То же самое, что пьяные погромы в Одессе.. Якобинский террор? Зарезали одного невинного, а там уж не остановиться было! И так же большевистский террор, походы Олега под стены Царьграда, походы Батыея и Чингис-хана и нашествие гуннов... Никакого положительного смысла в массовых движениях не предполагалось и не заключено, и Бог, к сожалению, никогда не вмешается в нашу нелепую жизнь!

Да, закончились иллюзии, и *в Боге я разуверился...*

Конечно, я по прежнему *знаю*, что Он *существует*. Он существует так же непреложно, как существует звездное небо над нашей головой и правила арифметики внутри ума, как существует музыка, русский романс, стихи Лермонтова и романы Достоевского.

Почему не падают звезды с небесного свода (кроме тех, которые падают... ибо летят и падают звезды тоже... хотя как будто не те, что прикреплены к небесному своду)? – потому что *существует* всемирное тяготение, и оно удерживает эти кроткие источники ночного света, одновременно заставляя нас крепче держаться за стремя, чтобы не свалиться в канаву. Не удерживая нас на земле, всемирное тяготение удерживает и землю, и месяц, и звезды, и слава Богу, что так, а мы уж как-нибудь сами за что-нибудь схватимся, когда тяготение нас потянет, но зато хоть звезды летят и не рушатся все подряд!

Но *молчит*, хотя и существует, *всемирное тяготение* и не *разговаривает с нами!*

Вот так же я спрашиваю – отчего существуют поэзия и музыка, отчего мы размышляем, любим, страдаем, не перегрызли еще друг другу горло, несмотря на мерзость российских порядков и растление государства и власти, плачем от сострадания, негодуем на несправедливость, умиляемся женщинам и детям и даже способны на великие жертвы? – потому что *существует* Бог, который является причиной Духа и удерживает в равновесии *духовное*, как Тяготение удерживает в равновесии земную твердь и небесный свод.

Но молчит и Бог и не разговаривает с нами...

Религиозные порывы одиночек не состоят ли только из отчаянных попыток заставить Господа вступить с ними в диалог, униженной мольбы, дерзких требований, а иногда и угроз запустить камнем в окна Его чертогов, как отвергнутый влюбленный домогается встречи с неверной возлюбленной? – и если они не обманываются, иногда это им удастся...

А есть ли что и помимо этих порывов? Или и возжигание свеч, коленопреклонение у икон, молитвы и посты, просьбы у Всевышнего

милости и денег (как я, например, хожу в Государственную Думу, униженно кланяюсь, дарю книги и комплименты и прошу денег) – тоже религиозное чувство, или даже только это и есть религия и Вера?

Нет, и хотя Бог существует так же, как музыка, но недостаточно ходить в концертный зал, а необходимо пропитать музыкой душу, ибо иначе душа и музыка будут существовать раздельно; необходимо, чтобы изменилось восприятие мира и зазвенели колокольчики в вещах и явлениях. Необходимо наполниться состраданием, и слышать чужую боль так, как обоняешь запахи.

И только тот, кто страдает *униженным и оскорбленным*, то есть *связан* с ними *сочувствием*, имеет религиозное чувство, а кто равнодушен к ближним своим и живет для себя, тот **не** религиозен.

А потому не важно, верит ли человек в Бога и ходит ли в церковь, а только важно одно – добрый или злой; живущий для себя, или для того, что вне. Более того, *"кто говорит, что любит Бога, а брата своего не любит, тот лжет!"*

Более того, Вера *разделила* людей, вместо того, чтобы соединить. Бог – если верно от Его имени говорят Его ученики и апостолы – потребовал любви к Себе прежде любви к людям, и даже, как мы неоднократно и постоянно видим, потребовал жертвовать милосердием во имя верности Его имени. (Разве не вся история церкви, религиозных распрей, войн и гонений, преследований еретиков – вопиет об этом?!)

Но раз уже иллюзии мои в отношении Бога иссякли, то тем паче иссякли иллюзии в отношении Его верных овец – какого понимания от них могу я дожидаться?

Но страдаю я не из-за себя. Страдаю я от того, что беззакониями наполнена русская земля.

Но и это – не главная причина отчаянья. Если бы находился я в плену у Мамаю, и Мамай торжествовал на Руси, то ожидал ли бы я справедливости, удивлялся ли бы казням и разорам и мукам праведных? Нет! Но и другие бы рядом со мною *негодовали*, и верил бы я, что настанет час и нашего торжества!

Но сегодня ликуют победе Зла, или равнодушно ничему не внимают, *не слыша музыки мира и плача ангелов света*.

И душа моя болит не от того, что Зло торжествует, но что *один я в поле Куликовом!*

9 ноября, пятница, 12-45. *Седьмого* собрались мы на торжественный обед в честь бывшего революционного праздника (а может быть и не в честь, а поелику был выходной день?), выпили пива, вина и водки, но я пил не только *умеренно*, но и *аккуратно!*

(Правда, *умеренность* моя не мешает мне болеть по какой-то неведомой мне причине, и все так же ломит кости и саднит душа, и радость гуляет с другими).

Правда, сегодня ничего не болело и сны снились хорошие ...

Как бестолково мы живем!
Природу, род, Завет не слышим,
Не внемлем даже гласу свыше,
Лишь чуда как спасенья ждем.
Да, видно, русский – только тот,
Кто начинает с неудачи,
Не помнит зла, обиды прячет,
С чужими горестями плачет,
И милость падишим подает.

В школе нам вбили как гвоздь в душу вместо инстинкта сострадания нравоучение пролетарского «инженера человеческих душ» – «*жалость*, де, *унижает*!» И посему "*жалеть*" было нехорошо, тем более что был, якобы, «*жалок* тот, в ком совесть не чиста».

Классовая мораль учила не только прямолинейности в мыслях, словах и поступках, но и прямолинейной жестокости, хотя и прибегала к *диалектическим* ухищрениям, проповедуя, например, что пролетарская *диктатура* – самая высшая форма *демократии* в мире.

Да что это за наваждение такое в душах людских?! Или в мозгах? Но, следовательно, источник зла не в нравственных изъянах, но в умственных, и надо изучать *математику*, чтобы разобраться в причинах заблуждений и *поумнеть*... А я было полагал, что добро и зло отдельно от ума...

Сострадание – то есть жалость и сочувствие – это главный закон нравственного бытия, закон отзывчивого и доброго человека, и «*нам сочувствие дается, как нам дается благодать!*», по слову Тютчева.

И поэтому надо сочувствовать ближнему и в горе и в радости, то есть и сорадоваться и сострадать, а значит надо *жалеть* и утешать, не боясь никого *унизить жалостью* ...

22 ноября, четверг. Казимиру плохо. Завтра я еду в Калининград, может быть, хоть немного его поддержку и вдохну частичку силы (которой, впрочем, и у меня, кажется, нет)? Но отчаиваться рано, еще есть Бог (хотя Он и спит... но, может быть, для Казимира приоткроет один глаз?), есть друзья, есть Казимиров дух, который всегда был крепок, а сегодня должен сделать сверхъестественное усилие к спасению.

Плацкартный билет дала из брони заместительница начальника; я ей подарил свою книжку, и с начальником её поговорил о смысле жизни.

В 11-ой кассе симпатичная кассирша по имени *Наталья*...

30 ноября, пятница, 20-00. Вчера я вернулся в Питер.

В Калининград я приехал в субботу в половине второго, а во вторник, в полночь, уехал назад.

Встретил меня на вокзале Володя Т--ов, а я как раз прощался с первокурсницей Олечкой, которую учил математике в поезде, и вымогал у нее плату за учение поцелуями...

Перевидал почти всех друзей и знакомых – ездили с Володей к Жёне

Кон--еву, выпили у него бутылку водки, съели вкусный пирог, и я читал отрывки из своих новых "сочинений"; кроме того, Надю накормил супом; побывал у Миры дома; видел Клеофаса и Терезу; наговорил комплиментов Маше.

Володины детки вели себя хорошо, и Любочка, и Мира, и Танечка, но Танечка была *radee* всех, и мои приставания терпела всех кротче.

Если бы не печальная причина моего приезда, то я бы сказал, что поездка была чудесной – обнимался, целовался, бродил по городу, ходил в гости; "рубилась" с Володей по ночам в шахматы, говорили с ним "о любви и дружбе", о гибели России, пили самогонку и чай с травами... да, четыре дня были наполнены так, что даже вскользь всего не коснуться..

Но... Казимиру плохо...

В субботу в больнице ксендз *торжественно обвенчал его с Сашею по католическому обряду*, и мы с Володей вручили *новобрачным* три розы.

Казимир провел на ногах более часу, иногда приседая на стул, исповедовался и причастился.

Во вторник, перед моим отъездом, с Володей просидели мы у него до семи часов вечера, обнялись, грустно взглянули друг на друга – и пошли восвосяси, оставив рядом с ним его родных и Светочку (аспирантку).

Во вторник же днем встречался я с Наташенькой, обнял ее и поцеловал в *зеленый глаз*. Накануне вечером она была у Казимира, и потом весь вечер проплакала.

23-45. Ну, вот, осень ушла... Мучила меня желанием удержать ее, как уходящую возлюбленную, и вот, наконец, всё, нет ее, и долго уже не будет – по крайней мере, пока не истерзает и не примирит с собою зима, не утешит весна, не нарадует лето.

5 декабря, среда, 11-20. Увы, «день начинался с неудач...» – опоздал на метро, и электричка ушла из-под носа. Даже метро надо мной издевается! А, впрочем, разве оно – не маленькая жилочка растленного государства, искини в России пожирающего своих подопечных, таких же растленных, которые не любят и не уважают самих себя, своих близких, но любят и преклоняются перед *властью и силой*!?

Распродали Балтийский Флот! На слом пустили Черноморский Флот! Разворовали и потопили Тихоокеанский и Северный Флот! – адмиралы и вице-адмиралы, командующие и генералы, правители и царедворцы – строят дачи, греют пузо на Канарах, парятся в саунах с проститутками, воруют в Думе, воруют в "Нашем Доме", воруют в Казне, делят ордена, отправляют детей в Оксфорд и Кембридж, растут в чинах, растут в званиях, богатеют и благоденствуют – еще они живы, еще растет лен на последних полях, еще есть кому выделать пеньку и свить веревку, обтесать и вбить бревно и построить помост для казни, – но нет, *власть имущих карать нельзя!*

Погиб "Курск" – неужели не виноват никто в его гибели?

И в 150-ти миллиардах долга зарубежью, за что каждый из нас, включая Настеньку, теперь должен выплатить янкам и бошам, жанам и фрицам по тысяче долларов?!

И в 20-ти миллионах наших соотечественников, брошенных за пределами предателями проведенных границ?

И в миллионах русских девок, наших дочерей, вчера еще беспорочных, ставших проститутками в борделях Турции, Франции, Германии и Египта?

И в вымирающем населении, доживающем только до 60-ти?

Неужели не виноват никто в погибших напрасно в Афганистане, в погибающих напрасно в Чечне?...

В унижениях наших сограждан? В миллионах мешочников, которые возят барахло по просторам Европы – оттого ли, что растлѳились? Бывшие конструкторы собирают пустые бутылки на помойках – оттого ли, что спились? Да нечем кормить детей своих! – а власть награждает орденом "всемирного гаранта", *врага народа*, врага России более лютого, чем Мамай и Батый, и Малюта Скуратов.

Но и народ растлен, он лижет и лижет голый зад пошлой власти, ему плюют в глаза, а он благоговейно, глотая слезы, кричит: *Божья роса!*

Вот Киселев верноподданно с экрана славословил "человека на танке", и Светочка славословила, и Танька – ах, какие они были милые, душки! А вот не поделили Гусинского, и Женька стал глотку драть за свободу, ругая власть – а сам-то каков?

Ну, они-то с властью схлестнулись "за своё кровное", но почему народ так переживает за власть?

Да, виновные есть, но их будто бы нельзя трогать! Только я заведу об этом речь, как обрушивается на меня шквал негодования! Как если бы я топтал ногами гимн и флаг и все остальные святыни страны, вместе взятые!

Ну, да ладно, дай дух переведу!

Но почему я начинаю свои обличения со столь ничтожного повода, как опоздание на электричку, а не с анализа геополитики и мировой экономики, и проблем *глобализации*? Да потому что пишущих о тех всемирно-исторических проблемах хватит и без меня!

Подлинное, сердцевинное, касающееся самого сокровенного в жизни, и самого важного – вовсе не во всемирно-историческом! Оно именно в бытовом, в повседневном – *протухли ли щи, потухла ли печь, зачерствели ли хлеб – да и есть ли он, в конце концов?!*

Даже Российские катаклизмы не со всемирно-исторического начались, а с обыденного – восстание моряков на броненосце "Потемкин" вспыхнуло из-за червивого мяса в щах (впрочем, сомнительно, чтобы оно было червивым, поди просто с душиком, а *червячка* подложили для пущей эффективности?). Но так или иначе, а все-таки вся русская государственность зашаталась из-за мяса в щах, а в феврале 17-го и вовсе грохнулась оземь и разбилась вдребезги оттого, что в булочную на Знаменской площади вовремя не подвезли хлеба!

Так что начинаю я с метро справедливо, и не в моем опоздании дело, а в том, что метро на нашей линии уже десять лет увечное. Правительство поставило нас на колени, но граждане наши знать этого не хотят, а знай только власть защищают и оправдывают.

Не ремонтируют метро? – *Так денег у государства нет!*

А что триллионами вывезли дармоеды-мародеры – это не в счет. А что губернатор построил Ледовый Дворец для собственного тщеславия вместо нашего метро – это не в счет! А что три миллиона долларов заплатили за выкуп российского жулика, да на ремонт царских палат (царя Бориса) в Кремле потратили триста миллионов, и на дно Баренцева моря утопили три миллиарда, и украли 150 миллиардов – это не в счет!

Но пусть, пусть воруют! Обывателя, защищающего воров, ненавижу я даже пуше, лютой ненавистью ненавижу, значит, он бы украл еще больше, если б дорвался, потому и защищает удачливых, что примеряет себя к ним...

Ну, да ладно, дух надо снова перевести...

Четвертый час, ловил неудачно машину на Геслеровском, у Печатного Двора, промерз до немоты, купил с горя бутылку водки, полкирпича хлеба, студня в форме, и отправился к Володе --скому распечатывать свою *геометрию*. Пока он распечатывал, я *пил* – да, как тут пить бросишь? – если не пить, так или повесишься, или сойдешь с ума, или от безысходной злобы на жизнь пойдешь бить стекла или жечь государственный флаг!

В моей душе кипит все от неустроения, в котором пребывает моя страна, от беззакония, в котором потонула моя страна, от бессильной ярости, от бессильной злобы, от бессилия хоть что-нибудь сделать против зла – умалить его, пристыдить, унижить, покарать.

Мечтал я, что буду за народное счастье бороться! – но для этого надо было стать знаменитым... Не стал я знаменитым, а потому ничего из мечтаемого сделать не удалось. Тот, кем я стал, не в силах защитить даже одного несправедливо обиженного, не то, чтобы миллионы, или страну, поставленную на колени.

Может быть, возле своего дома мог бы я мусор убрать – но это ведь все равно, что при наводнении черпать воду ведром, а пока бежишь выливать, вода прибывает на метр.

Надеялся, верил, почти не сомневался, что мне суждено чудесное будущее – и вот, ничего не удалось, живу как все.

Но зачем об этом пишу?

Я потерпел поражение. Размышляя над ним, может быть, принесу я пользу и другим побежденным, военнопленным и павшим, или еще стенающим на поле боя – правда, нечего мне им сказать утешительного.

Словно вышел я когда-то в поход за духовной свободой, а вернулся с дырчатой сумою, и знаний меньше, и сил, и надежд...

...Ну, написал я о том, что *не удалась* моя жизнь, и даже обличительный пафос потух. Продолжу завтра, если оживут слова в холодеющем сердце.

6 декабря, четверг, десятый час утра, дорога на разгрузку вагонов.

Сердце мое жило будущим – в мечтах своих я видел себя победителем, обласканным удачей и любимым женщинами.

Десять лет назад показалось мне, что настало, наконец, время романтиков, и пустился я в издание книг – но внезапно и резко обнищал народ, опустилась интеллигенция – и теперь вот тащусь я по обочине жизни, обремененный долгами, усталый и разочарованный: *генерал без армии, солдат без оружия, писатель без таланта, философ без знаний, предприниматель без денег, авантюрист без удачи.*

Ну да ладно, не в деньгах счастье, они ведь нужны были мне для исполнения честолюбивых надежд – я надеялся издавать лучший в России журнал, чтобы *воспитывать интеллигенцию*, я надеялся издавать лучшие в России книги, чтобы *просвещать народ* – а тут судьба и опустила меня мордой в грязь, и не нужные ни народу ни интеллигенции книги мои валяются на помойке, куда их выбросили нанятые кредиторами разбойники.

Не стал я ни богатым ни властным, и удача не приласкала меня ... Что же до женщин... я о них написал достаточно, и повторяться не буду. Любили ли они меня, я уже не узнаю, а они, может быть, узнают об этом на моих похоронах, если они о них узнают и захотят прийти.

Того же дня, после полуночи. В дополнение к сказанному и об унижении, и о равнодушии ко мне удаче... В семь часов вечера явились к нам в дом *судебные приставы*, и описали наше нищее имущество: тещин телевизор, последнюю мою книгу "Боль и Любовь", и даже *колченогий компьютер*, с которым я воюю не на жизнь, а на смерть, хотели уже забрать и вывезти, еле уговорил я на время отложить мою казнь.

Так – близок ли я к славе, силе и богатству?

И все-таки, если бы некие *высшие силы* вдруг предложили – я на белом коне, обласкан фортуной, *новые русские* приглашают в сауну, а то и депутаты Государственной Думы *пьют на брудершафт*, но книга моя не написана, и даже мысль о ней не приходит в счастливую голову – согласился бы я на такой обмен?

Оправданно, что ко мне пришли описывать книги – разве не написал я уже сцену сожжения их в третьей части романа? Жизнь копирует сюжет моих книг и виллетается в ткань повествования – *и лишь тогда, когда и сам я стану частью его, смогу я, наконец, написать нечто подлинно важное.*

Несчастлив я не тем, что не разбогател и не прославился. Тоска и тайные слезы душат горло и давят сердце, и дело, конечно, *не в деньгах, не в дёвках*, не в славе и почёте. Главная страсть, поглотившая меня с детских лет – не мелкие тщеславные грезы, а мучительное страдание о России. Это та женщина, которая затмила мне всех женщин, без которой мне жизни нет, но которую бы я, если б мог, зарезал, как Рогожин Настасью Филипповну.

Вот, читаю в газете исповедь хирурга: "Я – ...доктор медицинских наук, заведующий отделением института, и все это оценивается часовой ставкой в шесть рублей или в 1200 рублей в месяц".

А в это время "новые русские" покупают *шестисотые Мерседесы* и проигрывают в карты за одну ночь зарплату врача за десять лет.

Вот, смотрю по телевизору, собрались властвующие обсудить положение дел в науке и меры по ее "*развитию*", а в это время двести тысяч наших ученых уже уехали за границу... О, низость лицемеров! Вместо того, чтобы делать вид, что вас что-то беспокоит в России, вы бы просто отодвинулись, и дали место другим, умным, честным и любящим – Россия через пять лет затмила б славой весь мир!

А вы, читатели мои! Хоть у одного из вас закипают слезы? Каждый из вас живет только для себя.. О, падшая страна! Падший народ!

Любить Россию можно только больным сознанием, только тот, кто страдает и *стыдится* ее унижения, способен ее пожалеть, способен сопротивляться ее падению.

«Есть ли в поле жив человек?» – кричит русский богатырь, и я кричу, не богатырь – но никто не откликается.» Я – в царстве мертвых...

Суд божий или суд человеческий?

Шли с Володей Т-ым мимо бывшего "Берендеева царства", где раньше блаженствовала детвора – погром и запустение в бывшем "царстве", и только скелеты от порушенных сооружений...

Разруха в стране – фабрики остановились, медицина пала, образование, которым мы гордились, скудеет – неужели радоваться жизни и славить тех, кто без войны разорил и разгромил нашу страну?

Большинство не чувствует ничего, что за пределами их физического тела, или, в крайнем случае, их квартиры, их автомобиля, их дачи. Вселенская боль в них не болит, боль Родины в них не болит – да разве у них есть Родина? В их сердце не отзовется не только хрестоматийная *детская слеза*, о которой писал Достоевский, но и все слезы всех детей мира не тронут их каменные сердца. Вселенная и Россия заканчиваются для них там, где кончается их благополучие.

Отчего не видят они того, что мы из великой страны, оспаривающей у мира право первородства, превратились в нищего, в жалкого попрошайку, в мелкого дебошира, превратились в служанку у богатых господ, напрашиваемся на дружбу к сильным, когда еще вчера они заискивали перед нами, предаем друзей, унизили и растлили народ, поносим правду и приветствуем ложь?! Да, пусть бы их платные пропагандисты, их *ястребы женские* ввали взалхлеб за плату – но мы-то, сидя перед лживым ящичком, сравнивая достоинства Пугина и Зюганова, хваля одного и хуля другого – как же мы не стыдимся смотреть в глаза друг другу, еще вчера первые, а сегодня едва ли не на последнем месте по продолжительности жизни, по детской смертности, по уровню образования, по чистоте воздуха и воды, по честности граждан и правителей?!..

Целую жизнь мечтал я о *свободе писать и мыслить*, и верил, что только она появится, и горячие слова польются из моей груди и станут прожигать даже ледяные сердца.

Ну, вот, говорит мне общество, теперь тебе разрешено, наконец, говорить и мыслить, и даже кричать, и даже типографский станок купить себе в помощь, но только извини, мы заняты *своим делом*, и нам некогда тебя слушать.

Голос мой сел. Буду говорить шопотом, теперь всё равно.

Гуляли по улицам, Володя рассказал мне про женщину, которая когда-то училась у нас на Мат-Мехе, у нее не сложилась личная жизнь, кажется, не шибко сложилась карьера, зато она смотрит вокруг, и книги читает, и кое-какие газеты, и даже размышляет... Сердце у нее болит, как у меня, и вот что она говорит:

«Я скоро умру, говорит она, и будет жаль, если ни одного разбойника не удастся призвать к ответу. Хорошо бы обвязаться гранатами, придти в кабинет к негодяю, обглодавшему Россию, и взлететь вместе с ним в небеса! Пусть бы даже его взяли в рай, а меня в ад, только бы он здесь получил заслуженную награду!

Конечно, нельзя бросать бомбы в невинных людей – но если попадет грабителю, а невинные не пострадают, сердце мое будет радоваться; из чердачного окна или из другого укрытия *зачитывать приговоры* и приводить их в исполнение как "ворошиловский стрелок" – не только можно, но даже святая обязанность каждого, кто не смирился с злом.»

Я понимаю, что я один, что доводы мои, моя горячность, моя боль не убедят никого, потому что чувствуют они только то страдание, которое задевает их благополучие.

Чувствовали ли они боль кадетов, которых пьяные матросы топили в баржах в Неве, топили десятками тысяч на Черноморских рейдах в 20-ом году, расстреливали в подвалах ЧК? Чувствовали? Знали? Хотели знать?

А строителей Беломорканала, белыми косточками устлавших дно его? А в печах Освенцима? А в шахтах Воркуты и в Колымских забоях? *Равнодушный* живет для счастья. Не волнуют его чужие страдания, несправедливость и глупость людская, гибель России и отсутствие Бога. Не волнует его даже собственная душа, а только наслаждения тела.

Воображаю суд, на который вызываю я русского обывателя, воображаю и свою обвинительную речь.

– Виню ли я тебя в том, что ты ничего не мог сделать, чтобы уменьшить власть Зла? Что не остановил нашествие большевиков, не спас от погрома Россию, не остановил ввод войск в Чехословакию, Афганистан, войну и мародерство в Чечне!?! – И я ничего не мог сделать, сила бесчинствует, а мы – не больше чем муравьи, и только удастся до поры до времени уцелеть перед силою, спрятаться самим или спрятать близких, чтобы людоед не увидел и не съел, а съел других.

Виню ли я тебя в том, что ты *не пытался противодействовать Злу*,

не поднимал восстаний, не бросался на проволоку в Зоне, не отказывался голосовать за расстрелы, не писал и не разбрасывал листовки, призывающие свергнуть Советскую власть, не организовывал заговоров против Сталина или Ельцина, ничего не сделал для борьбы и сопротивления!?! – но и я ничего не сделал, мы оба боялись наказания и смерти.

Не упрекаю я тебя и в *содействии*.

Но «*гляжу я окрест себя*» и вижу, что террор в Чечне был подготовлен и оплачен русским правительством, и продолжает эта нелепая война убивать не только чеченцев, не только русских солдат, но душу и тело русской нации – и сердце мое болит!

Я вижу, как попираются честь, правда, милосердие, унижаются честные, добрые, талантливые, торжествуют лживые, жестокие, бездарные, как искореняется все лучшее и насаждается все худшее – и сердце мое болит!

Отчего же не болит *твоё* сердце, мой современник, мой соплеменник, когда видишь ты беззаконие и зло?!

«Да, отвечаешь ты, сердце мое не болит из-за чужого горя, из-за уничтожения культуры, из-за поругания страны и чести, из-за вырождения народа, из-за того, что зарастают поля, в свалки и трущобы превращены леса, в помойки – реки и озера. Не болит мое сердце о бедах моей страны и моего народа, потому что занято мое сердце моими нуждами!»

– Но хоть иногда встрепенется оно? Если не заболит, то хотя бы встрепенется?

«*Нет*, отвечает человек толпы, *мне есть дело только до моего! Всё не моё меня не колышет!*»

– Оглянитесь окрест себя, и *душа ваша страданиями человеческими уязвлена станет!* От беззаконий и бесчинств смутится ум и содрогнется дух! Гибнут книги и рукописи в ветшающих библиотеках. Сокровища расхищаются и вывозятся за рубеж. Дegrадируют университеты и школы. Вымирает народ. Пустеют русские земли, исчезают тысячи сел, мельчает характер, растрелываются души безразличием и пороком, скудеют умы, брат предает брата и сын отца, чиновник берет взятки, милиционер вымогает, армия грабит и убивает, дети сквернословят, старших не почитают, к женщинам относятся грубо, из каждых пяти четверо воруют, из каждых трех двое не хотят работать, у половины не здоровы душа или тело. Нация физически и духовно неполноценных людей – и это бывший народ-богоносец, создавший великую культуру, великую литературу, невиданную в мире песенную стихию!?

«*Но всё это меня не колышет!*» – зевает уже с раздражением обыватель.

– Вот кто главный преступник! – заявляю я главному судье. – Я требую наказания не убийц и растлителей, не воров и обманщиков, ибо даже у Кудеяра-разбойника Господь может пробудить совесть – но нет ее у того, *кого ничто не колышет*, и уже никогда не будет.

Накажи, Господи – взываю я – этих замороженных уродов, эту тину болотную, эту плесень на когда-то прекрасном лице земли.

Простим злодеев, у них еще не все потеряно! – зываю я к немногим живым, – но всей яростью сердца, всем негодованием ума, всем содроганием тела возненавидим равнодушных! – их тление, их тлетворный пар, сгущаясь, отравляет все, что еще осталось живого на русской земле. Это они вручили власть и богатство шакалам, глодающим Россию, это они – воинство антихриста, растлевающего Русь!

«А разве ты – ангел, разве безгрешен?» – слышу я голос, и отвечаю в тоске. – Какой уж я ангел! Как спасти Россию, не знаю, достучаться до сердец не умею. О себе беспокоюсь, вина и женщин жажду, смерти боюсь. Какой из меня праведник, какой пророк, какой поэт, какой воин?! Хуже меня стыдно быть человеку! И однако с растерянностью, с изумлением, с ужасом вижу, что другие – ещё хуже!

Изгнали из страны образованное сословие, бóльшую его часть уничтожили; а что оставалось в стране достойного – сгноили в тюрьмах, лагерях и ссылках, изгнали в тундру, тайгу и пустыню, убили в подвалах и пустошах, бездарных сражениях, убивали голодом, страхом, ненавистью, доносами, осуждениями. И лгали, лгали, лгали... А главная ложь – будто не ведали что творили – когда убивали, осуждали жертвы, защищали убийц, или равнодушно смотрели...

«О, нет, закричат многие – Да ведь это не мы, это наши отцы и деды и прадеды!»

– А вы-то не были комсомольцами? Или пионерами? И не ваши ли сердца *не колышутся* сегодня, когда погибает страна? Нет, вы – хуже злонамеренных, ибо и горячих и холодных приемлет Господь, но теплых исторгнет из уст своих! Поздно тогда будет просить о прощении!

Третьего дня показывали по "ящику" встречу с известной актрисой.

Правящий режим продолжил традиции прежнего "Голоса Америки" – у тех была передача в полночь "*для тех, кто не спит*", нынче так же глубокой ночью последние приличные люди смотрят и слушают приличных людей, чтобы совсем с ума не сойти, чтобы успокоиться и не бросаться под броневики "новых русских", обвязавшись гранатами.

Объясняя открытость актеров, принадлежность их обществу со всеми своими страстями, добродетелями и пороками вплоть до нижнего белья, собеседница сказала: актеры – *публичные люди*, они на виду, они прозрачны, их публичность – свойство профессии.

Каковы же политики? Даже самые скрытные?

Они – суть те же актеры, и сегодня идет бесконечный телевизионный сериал, тупая и пошлая *мыльная опера* с участием лысых, кучерявых, рыжих и востроглазых – и "*пилл хавет*", а в полночь уже храпит.

Отличие политиков от театральных актеров в том, что политики – актеры бездарные, вороватые, только порочные, без добродетелей, нижнее белье у них грязное, зады и животы толсты и дрыблы.

И вот эта шайка жуликов, которых не пустили бы даже на самую захудалую сцену, управляет нашим государством, пропивает и проедает

наши деньги, распределяет крохи недоеденного среди умирающих от голода, холода и безысходности стариков и старух, а в перерывах между питьем и жратвой выставляется в телевизионном шоу.

Боже, Боже, за что? Самые бесталанные – на самом верху!

Но хоть бы презирал и ненавидел их униженный народ! Нет, виляет хвостом, облизывает объедки, благодарит и умиленно смотрит...

Но оставь упреки, не то станет и хуже... Придет ещё более лютая власть и повелит сдирать шкуры... А то и посыпать солью... Жизнь – случайна, и Правды – нет... Не у кого спрашивать. Некому пенять. Начнется всеобщее уничтожение, и рассмеется гулкое эхо в ответ на требование Бога и Истины. Или раздавит каток бесконечного *ничто* – без последнего слова, без апелляции, без суда истории, без надежды, без воскресения в потомках, без Воскресения потом, без...

Надо писать бесстрастно, потому что некому слушать. Примерно так:

Году в 90-м пришло *Лихо* и начало есть. Ело тех, кто попадал по дороге. Через год ело старательнее, выискивая не съеденных раньше. Затем загаившихся. Искало по чащам и кущам и доедало спрятавшихся. Потом ело тех, кто и теперь убежал. Шло и ширилось. Торжествовало. Чавкало. Давилось. Наконец, никого не осталось. И оно уползло, удовлетившись, в заморские страны.

А что же те, кого ели? Удовлетворенно вздыхают...

Вообразим Страшный Суд...

Правда, его не будет. Никого не накажут. Некому.

Да... Но – вообразим.

Вы, обглоданные, что вы сделали, чтоб уцелеть? Спротивлялись? Нет, дрожали. Усердствовали в покорности. Самые смелые – "не противились злу", другие – не смели и мыслить. Не смели дышать.

Жил-был Иосиф, такой, с усами... Ставили ли мышеловку? Учились стрелять из винтовки с оптическим прицелом? Пытались выстрелить хотя бы из дробовика? Нет.

А *народный маршал*? Тоже умер своею смертью. Никто не покусился. Никто не посмел. А миллионные армии сгнили в плену по его вине. И его друга, лихого конника, с шашками наголо́ посылавшего под танки.

А Лавруша? Лютее самогó хозяина-изверга, а кто тронул его хотя бы мизинчиком, пока хозяин его не издох?

И Лазарь Моисеевич... изо всех сил старался жить, почти до ста, всё ждал, поди – ну, приди кто-нибудь из детей его жертв, ну, хоть морду набей! – Нет, не пришли...

Жили в покорности и умирали в покорности.

Но даже еще хуже, увы! – любили мучителей, служили им, возмущались их хулителями; негодовали на "Хруща", развенчавшего Сталина; негодовали на развенчателей Ленина; сегодня негодуют на тех, кто недостаточно усердно виляет хвостом перед новым вождем.

И вот, выкипаю я от негодования и бессильной ярости, мечтаю о чуде,

но чудо не приходит, и так и умру среди *"людей холопского звания"*, которые всегда, всегда, всегда – *"сущие псы"*...

Нет, не говорю я, что я исключителен и лучше всех – ничем особенным из своего народа я не выделяюсь. Однако, я – *двойствен*. Во мне существует и некая личность более широкая, чем я, неотделимая от меня, но и тождественная мне. И я, и не я.

Этот *"не я"* не противоположен мне, а только удивительно меня дополняет, делает меня возвышеннее и лучше. Он может действовать только через меня, и я огорчаю его чрезвычайно, его мечты и надежды во мне не исполнились.

Он – не противоположение мое, не чуждое, не чужое. Если я – существо, то он – *сущность*, то, что должно явно и зримо пребывать и бодрствовать в каждом, но в каждом – спит. И это является глубокой виной каждого человеческого существа.

Моё *сверх-Я*, заключенная во мне *сущность* не совсем временна и конечна, ее воспоминания и мечты не только выходят за пределы личного, но почти и не включают его, а, прежде всего, – взаимоотношения с Россией и Богом.

Именно эта сущность и разговаривает с вами, хотя и обращается от моего имени. Попробуйте же услышать ее и в самих себе, если еще мы *"единокровны"*. Моя неподлинность молчит и внемлет, не оспаривает правдивых слов. Найдет ли мужество ваша *неподлинность*, чтобы хотя бы меня дослушать?

Почему негодую я на русский народ? Почему выступаю с обвинительными речами? Потому что всякий человек, видевший светлые сны, ужасается, проснувшись в вертепе.

И кто мой народ? Это не столько те, кто живет сегодня, но те сорок поколений, которые создали великую страну, мою Родину.

Сегодня я оказался в чужой стране, среди незнакомых людей. Они говорят, что они наследники и моих прадедов и дедов, но я им не верю. Это завоеватели. Это лица *"Без Определенного Места Жительства"*, захватившие то, что им не принадлежало. Они разрушили почти все кладбища в России – нет, не может быть, чтобы они были потомками тех, кто был похоронен на этих кладбищах!

Они разрушили почти все храмы, построенные прежними поколениями – нет, не может быть, чтобы они были детьми и внуками тех, кто в этих храмах венчался. Они сожгли все помещичьи усадьбы... да, возможно, это именно они – потомки крепостных, принадлежавших прежним господам, среди которых были Батюшков и Фет, Менделеев и Блок, Державин и Тургенев, Суворов и Сумароков...

Они вырубали вековые боры; перегородили реки и залили водой древние города; погубили заливные луга; извели рыбу ценных пород; отравили воздух и воду; пашню превратили в неудобье, старинную мебель ломали, иконы сожгли.

Я люблю всех *подлинных русских* – немку Екатерину, датчанина Даля,

итальянца Растрелли и француза Камерона, грека Куинджи и еврея Левитана – и они мои сородичи в такой же степени, как Пушкин и Грибоедов, Суворов и Румянцев, Толстой и Достоевский, – но должен ли я любить тех, кто промотал и пустил по миру великое наследство, а смеет называть себя русскими?! Вчера они поклонялись Марксу и Сталину, сегодня поклоняются *демократии доллара* – нет, не может быть, чтобы это был *мой народ*, это самозванцы.

Моя национальность – мой язык и наследие предков. Дети холопов по-русски говорить не умеют, значит, русский народ – это я, а не они. Они не знают историю. Они предали царя и веру, а сегодня млеют в показном благочестии. А не они ли изнывали на комсомольских собраниях, когда я проповедовал возвращение к вере отцов и к истокам русской культуры? Россия – это я, но не те, кто защищает ее падение.

Я имею право и любить и ненавидеть свою страну, потому что я ее часть, я имею право говорить от имени своего народа, потому что сорок поколений моих предков поливали эту землю своим потом и кровью, а я от них не отделим, я с ними был и на пашне и в ратном поле, возводил храмы и писал иконы, летел на тройке лихой с колокольчиками и шел этапом в Сибирь.

История моего народа неотделима от меня, как и я от нее, это я – законный сын моей России! – но где же я скитался, и что с ней случилось, что в городах моих – табор кочевников, песни мои забыты и не поются, избу не оставишь без запора (а *мои русские* разве воровали?), могилы предков заросли бурьяном, "родные пепелища" поросли лесом, и певучая русская речь обратилась в грачинный грай?

Но горше всего, что мне говорят: уйди, ты нам не нужен! Мы не хотим изменять образ нашей жизни, мы не хотим менять пропойцу-царя, чиновников-воров, разбойников в хоробах и честных в тюрьме – нам нравится наш беспорядок, неустройство, хамство, бесчинство и воровство, пусть плохо, но это *наше*, а мы вот – *такие!*

Есть ли еще кто из потомков прежнего работающего, добродетельного, честного и верного народа? Есть ли и помимо меня, кто бы не любил самозванца на троне, мздоимца в министерстве, Скалозуба в казарме, Хлестакова в комиссии? Кто бы хотел, чтобы страна наша была не страной нищих холопов, но *страной свободных людей?*

Соотечественники, вооружайтесь!

12 декабря, среда. 36 лет назад мы с милкой поженились, а через месяц, на Крещение, обвенчались тайно в Смоленской церкви.

Но началось все с того, что в ночь на 5-ое декабря 65-го года на Смоленском кладбище в присутствии Казимира налили мы в углубление на каменном надгробье стакан спирта и подожгли, и поклялись в верности друзьям и идеалам, обойдя, как язычники, вокруг горящего пламени три раза. Это было надгробие в склепе, где собиралась компания сумасбродных романтиков, чтобы выпить вина и водки, закусывая плав-

леньми сырками, студнем по 54 копейки и ржаным хлебом, и отвести душу в мечтах о свержении коммунистической тирании..

Не скажу, что всё время поднимались мы в гору – многое потеряли. Потеряли библиотеку, которую собирали тридцать пять лет как собственную душу, ушла она на попытку *удержаться на плаву*, заткнуть дыры в корабле, который шел на дно, но корабль потонул, библиотека продана за бесценок арабскому "шейху", а теперь уже дьявольская власть пришла забирать и книги мои – и куда же они их денут? – повалются на грязном полу в чулане и сожгут их как ненужный хлам.

Незавидна участь поэта в «свободной» России!

Да и не поэт ты вовсе! – кричат мне негодующие, – и нечего мне им возразить. У нас ведь, если не убит еще, то и не поэт, и только когда распят на кресте, возлагают Поэту терновый венок на чело.

Ну, пусть мужик русский тупой – ну а что же интеллигенция? Разве не святая она, если за шесть рублей в час учит нас и лечит, когда мародеры, не знающие даже *таблицу умножения*, *премножают* особняки и виллы, распродав за бесценок «наше всё» – туркам и янкам, грекам и «финикам» и «*жителям исторической родины*»? – и, тем не менее, только она во всем виновата, ибо наш мир таков, каков наш образ мыслей, а значит не шибко отличается он у нашего интеллигента от пьяного бреда русского мужика, мечтавшего об обобществлении жен.

20 декабря, четверг. Ходил вчера к *судебным приставам*, разругался с их начальником, «прытким и юрким».

Да не только телевизор с компьютером, вскричал он, вывезем, но и спать будешь на холодном полу, и есть самодельной ложкой!

Как часто я сетовал на жизнь по пустякам, – ожидая автобуса, ожидая электричку, страдая от жары или холода – но не бесился ли я тогда с жиру, «баловень судьбы», то с лопатой в руках, то с пером, любимый друзьями, любимый родными?

А сегодня утром вздрагивал я от каждого шороха, ожидая судебных исполнителей, приехавших за телевизором и последними книгами, и так это было уничительно!

28 декабря, пятница, 11-40. Если бы моей единственной целью было дожить до конца нынешнего года, то я бы сказал, что вот она, эта цель, уже под рукой... И все же пока говорить об этом поостерегусь, а перечислю свои насущные беды.

Развязываются шнурки на ботинках... – и это, конечно, плохо, Шуберт даже сонату посвятил им "Бешенство из-за развязывающихся шнурков" – но, впрочем, это еще не беда, это еще полбеда. Хуже, что лопнула подошва на зимнем ботинке, да и второй ботинок пропускает воду, и вот в зимние холода кожу с мокрыми ногами.

Впрочем, и это еще беда терпимая, за ночь ноги мои просыхают, и утром встаю я с постели с сухими ногами, так что жить еще можно, авось и до весны доживу, а там одену весенние ботинки, они, надеюсь, до лета

продержатся, а летние ботинки у меня еще ого-го! (ну, прямо гоголевская шинель получается!)

Течет труба в туалете, уже с мая, сварщик не едет, и сегодня, наконец, в ЖЭКе сознались, что и не приедет, потому что деньги на коммунальные услуги, которые мы платим, до сварщиков не доходят, *"разворовываются на самом верху"*. (С--н бы сказал, что это *Москва ворует*, у него причина всех бед – *Москва*. Но, думаю, наши воры не ленивее, и *коммунальные деньги ворует* все же Питер).

Но и это еще не вся беда.

Вчера потек радиатор на кухне, утром пошел я в ЖЭК, и вот что мне (*"как душа душе"*) "по секрету" посоветовали: *аварийку* не вызывай, она перекроет кран, и полдома на неделю замерзнет. Да и радиаторов на складе нет, и склад закрыт. А поговори *по душам* с водопроводчиком!

Нашел водопроводчика, поговорил *по душам*, у его товарища оказался в *зачаке* радиатор, и в двенадцатом часу дня они уже приехали его устанавливать, а я уехал в школу за Настенькой.

Все удовольствие обойдется нам в тещину пенсию, хорошо, что на днях она ее получила и мы ее еще не истратили.

Но ничего.. Скоро я начну превращаться в *настоящего* человека, буду есть только черный хлеб, кислую капусту в шах, пиво пить не буду, водку покупать тоже (а что-нибудь другое *не буду покупать еще усерднее!*), изредка в гостях выпью рюмку самогонки или бокал красного вина, и еще на чем-нибудь сэкономлю. [*Грозилась синица море зажечь! – примечание уже "настоящего человека"*.]

13-30. Настя бегаёт по двору, жду ее на скамеечке в школе. Хотел написать, что напоминаю я сам себе ссыльного или партизана – но нет, в партизаны меня записывать рано, только что прячусь и дрожу, но вражеские эшелоны под откос не пускаю.

Может быть я – беглый каторжник? Да, это ближе к правде.

И все же, не буду падать духом бесповоротно, есть у меня и светлые цели, и некоторые надежды.

Во-первых, *дожить до Нового Года*, а во-вторых – написать *учебник математики для гуманитарных студентов*.

Впрочем, пора искать Настеньку, а мечты на потом оставлю ...

...Умер на днях Александр Володин, напечатан в газете последний с ним разговор, в частности о его хобби – *выпивать с незнакомыми*.

Я тоже был не прочь, но собеседники попадались чаще вульгарные, почему предпочитал я *собеседниц*, хотя склонить их к распитию в подворотне, у ограды парка, на скамейке или у дерева бывало не так легко.

Настоящий русский мужик! – подумал я. И хотя по отцу он еврей, но ***разве по матери – России – не все мы русские?***

«Выпил в семь утра, потом допил.

Вредно для нутра́, зато – до́пинг.

Мне уже пора, а вам – рано.

Что же до нутра́, то там – рана...»

Вчера с утра принимал я зачеты, потом с Сор--ым ходили в баню, оттуда полетел к ученице, заработал 200 рублей, зато сегодня было на что купить бутылку вина. Заехал с нею к В--е, и мы ее чуть не всю распили, а заодно помянули и *хорошего русского человека*.

(Смотрел на днях фильм о "человеках и гариках", коих помянул я с иронией ранее, не зная. Но разве не лучше и не "русее" бывший Зэк Губерман русских вольняшек?! – сказал я жене. – Тоже настоящий русский мужик, с которым и выпить не грех! – и прошлую иронию я отменяю.. – *Примечание 28.12.2001.*)

Понедельник, 31 декабря. Вот, наконец, и заканчивается этот год, который я так спешил прожить, хотя он оказался не так и плох!

В субботу, 29-го, смотрели мы с милкой пьесу Жана Ануя «Жаворонок». Слезы капали у меня во время спектакля, по окончании его я побежал за кулисы, и Жанне подарил свою книгу. Мы стояли, держа за руки, и по щекам у нее тоже катились слезы.

...Купил маленькую елочку за сто рублей, пушистую и раскидистую.

...Нет, не напрасно я до самого конца был живым в этот год! – выпустил в свет «Боль и Любовь»; начал преподавать; пишу Математику и второй том Металогии; познакомился с Жанной.

2002 год.

2 января, среда. Новогодний вечер был хорош. Сначала с Надей шли пешком по Васильевскому, затем доехали до Литейного, заглянули в Галерею к М--ову, выпили у него за праздничным столом по стопке, от Лесной до площади Мужества прошли через парк, и приехали домой к девяти часам. Однако успели вручить и получить подарки, выпить еще и с Митей и Ладой (и они умчались к своим друзьям), и за пятнадцать минут до полуночи снова сели уже в малой компании за праздничный стол.

Около часу ночи дозвонился я до Тарановых (к ним *полночь* только как раз подходила), поздравил с праздником, и "*вытил*" рюмку водки с *Казимиром*, который был у них в гостях со своим семейством.

Ночью с Настенькой и бабушкой Мариной ходили на детские горки, катались, гуляли, первого числа спали долго, потом распили последнюю бутылку пива, и я *пить* – *бросил*!

10 января, четверг, час ночи. Сегодня были с милкой в театре, Р--на играла горничную Шарлотту. Я пошел за кулисы искать ее, мальчик лет десяти вызвался меня проводить, мы прошли по круглому коридору, сначала спустились, потом поднялись по ступенькам и через несколько секунд вышла Р--на. Она меня узнала и *обрадовалась*, я подарил ей второй том из трехтомника. Следующий спектакль с ее участием 23 января, и я обещал принести ей еще один том и новые стихи.

17 января, 10-30. «Мне на шею кидается век-волкодав...»

О, если бы клыки лязгали только у моей шеи! Но рычит, и пенится злобой, и пыгается сомкнуть клыки этот век на шею невинных.

Вот и к Ладе с Настенькой вломілись судебные пріставы, хотели забрать акварели ее, белье и чайник, и даже принадлежащие хозяйке квартиры *плиту* и *водогрей!* – ну, что тут скажешь, не излишни ль слова?!

Кто виноват, и что делать?

Разумеется, народ мучает власть, она растленна, тупа и жестока – но, мучаясь, народ не возвышается, и растление проникает вглубь его. Так опухоль головного мозга не ограничивается же одной головой?! – даже невинные ноги не по своей воле принуждены будут сойти в могилу.

...Бежал, бежал по эскалатору, но поезд уже ушел...

Нет времени, нет денег... хочу угостить своих студенток конфетами – но нет денег даже на конфеты!

Конечно, могло быть и хуже, мог бы я сидеть в тюрьме, а рукописи мои горели бы в печке – но мало утешает меня мысль о том, что – "могло быть хуже". Да успеют еще и в тюрьму посадить, и рукописи сожгут...

... Но не буду больше о моих невзгодах, хватает у читателя своих забот. А лучше напишу я о том, что в Актовом зале Университета слушал вчера я Грига и Сибелиуса, и *душа моя взлетала за облака...*

23-45. Были с маманькой у Мити на Дне Рождения, пили шампанское и вино, Лада пела романсы, Настенька танцевала.

Трамваев не было, и мы от Волковки дошли до Лиговки, а потом по Лиговке до метро. Мокро, сыро, словно стояла апрельская ночь, какою она была в иные времена, когда 40 лет назад возвращался я ночью после свидания.

Город все еще прекрасен, несмотря на раны и шрамы, – но что могу сказать я о моих современниках, так много сделавших для того, чтобы его уничтожить? Но они глухие, слепые, *слепоглухонемые!*

Сумеют ли хоть будущие поколения восстановить Петербург, эту великую каменную Книгу, многие страницы которой изодраны и запачканы бездарными помарками тупых школяров-*пачкунов?*

18 января, 7-45. Написал стихотворение для Р. Но когда мысли привязаны к унижению, стихам нечем дышать.. Надо думать о девочке из Орлеана. Она меня спасет, она меня уже спасает...

Мы скоро встретимся. Так странно,

Что меньше месяца назад

Еще мы не были знакомы.

И вдруг с небес спустилась Жанна..

7-45. Прошел через парк Лесотехнической Академии. Думаю о Регине, но слова не взлетают, как взлетают в бокале пузырьки с шампанским. Правда, иногда стихи рождаются и после усиленных стараний, словно взбалтываешь словесную смесь, и вдруг она начинает пениться.

21 января, понедельник, час ночи. Был у В-и, она меня ругала за нынешнюю мою книгу, дитя ее (которому нет еще и трех лет) подошло и сказало: *Вася, я хочу тебя поцеловать!*

«Вот, говорю я В--е, дочка твоя лучше тебя знает, что я хороший».

В итоге выпил *полбутылки* водки, хотя *уже убежденно не пью*.

4-45. Глубокая ночь. Но хорохориться, увы, рано. Как оказалось, надзирающая сила, наказывающая меня за пьянство, еще не знает, что я уже *«убежденно не пью»*, а полагает, напротив, что я как раз *пью убежденно*. Плохо мне основательно, и сердце бьется, и страх сжимает, и сознание теряет ясность.. Да, надо уже не только пить «низенько», но даже и «низенько-низенько» не пить (как *«крокодилы летают»*), и вернуться к воздержанию, о котором я уже ранее объявил...

23 января 2002, 16-30. Вчера читал в Союзе Писателей отрывки из своей книги, общее мнение таково: *"проблески как будто есть... Хотя автору надо над собою еще много работать"*...

Впрочем, не одни писатели меня ругают, но даже и те немногие близкие, которые хвалят, все равно за что-нибудь да и ругают, и если собрать их замечания вместе, то окажется, что или надо было написать совсем другую книгу, или эту переписать заново.

Слушаться ли их замечаний, слушать ли их?

Композитор, как правило, тоже много раз исправляет свое сочинение, играет его и прислушивается, согласно ли соединяются звуки и аккорды, и убирает лишнее; так и я иной раз вслух прочитываю фразы и прислушиваюсь к их звучанию.

То, что я чувствую, передаю я точно, и я прав, что не хочу и не могу изменить свой текст. Но прав и читатель, отодвигая мою книгу в сторону – его право читать ее или не читать.....

Поэтому... пишу я для самого себя и двух-трех человек, которые хотя бы с оговорками читают меня. Неужели я пишу даже хуже Розанова? – а у него была и известность, и читатели – хотя все равно и он умер с голоду.

24 января, четверг, 9-15. Вчера был в театре, *моя милая* играла главную роль.

Конечно, пошел к ней за кулисы, целовал ее руки, подарил 1-ый том из своего трехтомника, четыре конфетки (которые купил тут же в театре), стихотворение, ей посвященное, и письмо.

Проговорили, увы, всего минутки три, но в памяти останется образ милой, прижимающей к груди мою книгу, конфеты, письмо и листок с стихотворением...

Кажется, из всего, о чем мечтал, многое исполнилось – и до Нового Года дожил, и с "миленькой" встретился...

25 января, пятница, 21-25. Еду с «презентации» своей книги, которая состоялась в Галерее Мих--ова...

Выступавшие наговорили немало «проникновенных» слов, в частности, Ник--ский сказал, что в моей книге неразрывно соединились (как это обычно для русской литературы) «Исповедь и Проповедь»... – и, казалось бы, я должен быть счастлив, внимая столь лестной оценке – но в душе моей по-прежнему разброд и смятение, ненависть и любовь соединились в ней во взрывчатую смесь, и чем закончить Металогика, проклятием или Осанной, я до сих пор не знаю.

Надо изменить мне жизнь – но что бы я хотел *изменить в ней к лучшему?* Или, правильнее сказать, что я, если бы набрался решимости, попытался **изменить** в своей жизни **к худшему?**

Попытался бы я **стать человеком**. Это значит, что попытался бы я преодолеть тот унижительный страх, в котором прожил полвека.

Ко мне подходил *милиционер* – внутри меня все напрягалось и начинало дрожать, голос становился подобострастным, поза выражала согласие, лицо излучало преданность. Не то же ли самое со мною происходило, если подходил разбойник и хулиган?

Милиционер – проявление власти, разбойник – силы. Я боялся и *власти и силы* и *явно* противостоять им никогда не решался.

Почему?

Боялся лишиться свободы; или жизни; или того небольшого благополучия, в котором я прозябал.

Боялся, что побьют; обругают; посадят под арест; *пырнут ножом*.

Противостоять власти я боялся еще и потому, что боялся осуждения общества – ибо то общество, в котором я жил и живу, даже мой случайный арест в 70-м году, *ни за что*, в отсутствие "партизанских" действий с моей стороны (я просто *попал под облаву*, и в кармане нашли "листовку") – даже этот арест мне вменило в вину.

Дело вовсе не в книге, которую я пишу, она – не самоцель, она – только средство, да и вся литература, и вся культура, и вся моя жизнь – только средство для иной цели – спасения России!

Мне нечем дышать, я задыхаюсь.

"*Тягловы*" тянут и в страхе молчат, а *правящие* заботятся лишь о себе, и ради себя жертвуют честью и благом России. Россию унизили, растлили, разворовали – или они, или при их пособничестве, или при их попустительстве.

Каждый, кто суетится сегодня по разным делам, думает о себе и своих делах, но не думает о России, как она живет, как мучается, как тает...

Я задыхаюсь, а у них легкие иначе устроены, дышат ядовитым воздухом, и ничего, живут.

Да они и в пору "опричнины", живя в атмосфере лжи, ненависти, страха, радовались жизни и пели о счастье. Мне в 52-ом году было десять лет, мрачный и мертвый дух того государства я чувствовал и тогда –

значит, мои легкие были устроены иначе уже тогда, но *поющие* ("в терновнике") были счастливы..

В эпоху относительной свободы, наступившую после смерти тирана, когда судили не всех, а только за неразрешенный стих, неразрешенный вскрик, судили Даниэля и Синяевского, Бродского, сослали Сахарова, изгнали Солженицына, унизили Шаламова, в сумасшедшие дома заточили генерала Григоренко и Файнберга, – миллионы *наслаждались* запахом плесени, лжи, доноительства!... – кто-нибудь из них, строивших развитой социализм, оспаривал *единственно верное учение?*

А мерзкий сегодняшний воздух лживой свободы, лживой правды, лживой демократии, всеобщего воровства и растрепанности – не вызывает у нас удущья? Пытаемся ли хоть сегодня мы *жить по правде?* (Или хотя бы помнить о ней?!)

Вот и надо мне понять, есть ли какой-нибудь смысл в моих попытках *плача и иноговорения?*

Да, это не литература. То, что я пишу, не роман, не детектив, не поэма, не драма. Это просто длинная *прокламация*, которую я наклеиваю на забор "Скотного двора" – но жители его не читают её и не понимают её смысла, они не видят необходимости сломать забор и разогнать пастухов. Им хорошо и так. А я задыхаюсь, и хотя понимаю, что никто не читает, пишу и расклеиваю.

Однако, пора расквитаться с «изящной словесностью». Черт с ним, с писательством. Черт с ней, с философией. Надо вместо этого просто уйти в партизаны, только нет сообщников. Я – один.

Если бы я был французом в сорок втором году, но не было бы Де Голля, не было Сопrotивления, а только разрозненные одиночки, не знающие друг о друге – о чем бы я мог говорить с глухими? Ведь французский народ не был обречен на уничтожение, за ним не гонялись, чтобы раздавить, заточить, уничтожить, работали кафе, продавалось вино, расцветала сирень на улицах, и девушки любили! – но поскольку был Де Голль, было Сопrotивление, и то даже то *молчаливое большинство*, которое не хотело протестовать, даже оно чувствовало какую-то дрожь – кто любил и пособлял чуждой власти, ощущал из будущего холод вины и презрения! Если бы сегодня у нас был Де Голль, были партизаны, то и наше молчаливое большинство, пособляющее чуждой власти, испугалось будущего возмездия и презрения!

Но не произойдет Чудо! Вокруг меня – тьма, пустота, молчание! Что делать? Как жить?

Или пойти в тюрьму в знак протеста против оккупации Родины!?

29 января, вторник. Вчера утром были у судьи, потом по инстанциям – но все без толку. Наконец побежали к Ю. А. Р--ву, и он позвонил *председателю*... Была она мила и любезна... и в итоге – до четверга не будут вывозить нищий наш скарб, а до того надо успеть обжаловать арест на имущество, и получить отсрочку!

Преимущественно, людей поедает *Система*, Высшая Власть, те, которые за счет народа строят дачи и водят в баню "телок"; остальной же народ бедствует весь, и не так уж испорчен...

(...По платформе две симпатичные барышни гуляют, и хоть это радует...)

Ну, а что Бог? Нечистая сила вкатает человека в асфальт, так *чистые силы* помогут ли?

Культура не влияет на жизнь – но влияет ли на жизнь и Господь? Вмешивается ли Он в неё, *помогает ли страждущим* – как лечит нас врач, спасая от смерти и боли, как наука и медицина победили чуму и холеру, эти словно бы наказания Божьи за наши грехи (правда, и безгрешных детей тоже)? – [Но не вмешиваются ли они в *Небесную систему исполнения наказаний*?!]

Мне возражают Его записные защитники – дескать, скорби нужны, без них человек погрязнет в довольстве... Ну да... но если несправедливо упрекать Верховного Правителя, что Он нас не ограждает от бед, если в Плане Творения уже предусмотрено **не помогать** нам – то надо ли Его и просить о помощи?

17-00. Духом пал, а жизнь сжимает, как волкодав, челюсти на моем горле... Тьма и унижение, тьма и унижение... Вот в такую минуту и надо бы мне завершить мою книгу.. (Да будет ли еще время для ее завершения, а не обрушится ли мост, по которому я бегу?)

Еду уже домой, подъезжаю к Лесной, потом пройду по Парку, попробую хотя бы немного подняться над тоской и унынием.

И хотя прячусь под кустом и дрожу как заяц, ибо враг в любую минуту может подойти к стенам нашей «домашней крепости», но –

Забудем мелочи тоски и суеты...

...Основная идея, лежащая в основании моей Философии, состоит в том, что **Мироздание** – именно как неподвижное здание, *устроенное* во всех своих частях, – не только не тождественно **Жизни**, но и неизмеримо меньше её, потому-то оно и не является предметом моей Философии.

Даже *Мир* как *текущее*, движущееся, меняющееся словно река – и то не привлекает меня. Течение реки, ее истоки и устье, размеры и берега, хотя отчасти и входят в мое рассмотрение, но только отчасти.

Я исследую *происшествия*, происходящие на борту корабля, плывущего посередине реки жизни, и замеченного философией как единичный предмет среди других проплывающих по реке предметов.

Но не весь мир, а **только этот корабль** меня интересует, и даже только небольшая часть его, а именно третья палуба, ближе к корме, среди баракла и корабельной снасти.

Там разговаривают, выпивают, влюбляются, оглядываются на хлам вокруг себя, иногда смотрят с борта на проплывающие мимо берега, но никому не приходит в голову, что их жизнь только незаметная молекула в бесконечном бытии, напротив, кажется, что и река и берега,

и даже бездонное небо над головою – всего лишь небольшая часть нашей собственной жизни. Так вот, моя философия – с этой стороны в наибольшей степени, а "переход количества в качество" или "отрицание отрицания" – всего лишь вскользь, любопытства ради.

Читательницы сетуют, что я о глупостях пишу, то про пиво, то про очаровашек, нет, чтобы о *высоком*...

А я пытаюсь хоть что-нибудь переменить в *повседневном*, пытаюсь понять, почему наша жизнь не удается – поэтому и не хватает сил и времени на *высокое*.

Умер мой брат, Саша, сегодня "девятый день". Может быть, я мог бы на его жизнь повлиять к лучшему, а я – ничего не сделал.

Почему?

Да потому что вечно в тисках.

За всю мою жизнь у меня не было ни времени свободного, ни свободных денег...

Когда Саше было плохо, я не смог выкроить десять тыщ и десять дней, связаться с ним, съездить в Новокузнецк, побыть там, что-то понять, как-то помочь, дать, может быть, хоть тысячу рублей на самое нужное.

Саша умер *22 января*, и вот на следующий день мы послали эту тысячу на его похороны. А 15-го февраля я М--ву должен отдать четыре тысячи. А Т--ле должен еще пятнадцать, и В. М. должен столько же. Не говорю уж о кредиторах, которые вкладывали деньги в "Глаголь".

А были ли у меня и тогда "свободные" деньги? Издательство жило в долг. Мы в долг издавали книги, в долг платили зарплату, и я пытался всячески экономить, себе платил не больше, чем другим сотрудникам, и Мите лишней десятки не давал, жили они с Ладой еле-еле сводя концы с концами (а при этом проходили через мои руки "большие тыщи").

Но это были *чужие деньги*, их надо было отдавать, и нельзя было тратить на себя.

Вот так и случилось, что когда я мог помочь своей семье, я этого не сделал, у меня не было *своих* денег, чтобы купить маме эффективные лекарства, привезти в Петербург для обследования, оплатить лечение. А те чужие деньги, которые я не посмел даже малой долей на близких истратить – принесли ли они кому-нибудь благо? Я их рдздал кредиторам в качестве процентов, а издательство все равно утонуло... И что толку с моей щепетильности?

Впрочем, и более достойные претерпели гонения и невзгоды – разве святую, непорочную Жанну, спасительницу Франции, не сжег *благодарный народ* на Гревской площади?

1 февраля, пятница. Еду на допрос к *следовательнице*, привлекательной и милой барышне. Чем-то она меня "порадует" сегодня, в этот день, когда положено подводить итоги, а не угешать себя присказкой, что еще *вся жизнь впереди* (да соглашается ли с этой присказкой жизнь!)?

Униженный, стараюсь я стать смиреннее – да, надо помнить, что что бы ни происходило со мною, достойнейшие, чем я, страдали больше.

Кто нас унижает? Только ли власть? Или народ инстинктивно ненавидит всех *выдающихся*, отличающихся, и когда ему удастся повлиять на государственную политику, приводит к власти в отместку гениям и святым всё самое бесталанное, злое, мерзкое?

Сами ли Ельцины и Чубайсы залезли на "небо", или проталкивали, помогали, держали лестницу, носили хворост для их противников *простые люди из народа*, те *простые люди*, ненавидящие умников, о которых Ян Гус воскликнул: *Святая Простота!*?

Да, прихожу я к выводу, что власть нечистой силы – это и есть Воля Народа, и потому всё благое надо стремиться совершить *вопреки* народным чаяниям и пожеланиям, а не повинуюсь им.

Нужен ли народу театр (помимо скоморохов)? Нужна ли народу литература? Нужна ли народу поэзия, балет, нужен ли народу храм или достаточно кабака?

23-45. Сегодня отпраздновали мой День Рождения, счастлив я был несмотря на начинающуюся ангину.

Зато не стал я придерживаться сухого закона, а по болезни пил и шампанское и водку, и все прошло хорошо. Закусок было море, бутылок было как рыбы в море, надали мне подарков, Настенька сыграла на пианино, а я "не в последнем (надеюсь) слове" поблагодарил родителей, родных, Сибирь и Петербург, друзей, жену и семью.

6 февраля, первый час ночи. В поисках "Свидетельства о рождении" перерываю груды папок с бумагами "Глагола" и "Храмов России", чихаю от пыли и вяну от тоски. Бумажные горы словно снежной лавиной засыпают меня, и нечем дышать.

Столько надежд, порывов, замыслов, столько сил и времени израсходованы на химеру; в России, тупой чиновничьей стране, надеялся я издать Энциклопедию о Российских храмах... Министры, депутаты, губернаторы, банкиры – тысячи писем, сотни встреч, иных мне как будто на минуту удавалось зажечь – и ничего, кроме пухлых папок – письмами, отчетами, проектами, счетами – груды пыльных бумаг – кому от этого польза кроме печки, если ничего не изменится в ближайшие годы и уже никакого другого смысла в хранении их не будет, даже и для суда?!

А все просто! Если бы я был умнее, я понял бы простоту эту ещё лет десять назад. Надо было иметь хватку и наглость и воровскую удачу Гусинских, Смоленских, ...ских и Березовских, надо было просто-напросто отхватывать куски от государственного имущества, и вот на нахватанное, если бы у меня сохранялась хватка Потанина и Абрамовича, а оставалась по-прежнему романтическая душа мечтателя, издал бы я свою Энциклопедию, да еще и разбогател, и даже нахватанное вернул

(а эти-то разбогатели не потому, что производили нечто полезное для России, а присвоили до них созданное – нефть, никель, железные дороги, самолеты, заводы и пароходы).

Читал также, перебирая груды бумаг, кое-что из ранее написанного, и еще пуще уныние навалилось – какой же я был угловатый, "гадкий утенок", без глубины понимания и литературного дара! Что находили в моих словах девчонки, слушавшие меня так терпеливо?

Конечно, теперь я пишу *правильнее*, без "клякс" и заусениц – но есть ли и в сегодняшней моей писанине что-нибудь значительное, есть ли и другие достоинства помимо гладкости строк?

Зачем же я продолжаю писать и даже лелеять мечты об издании?

Кажется, только из отчаянья. Если остановлюсь, если позволю возобладать *трезвому* взгляду, то надо будет подписать приговор, в котором большая часть моей жизни будет объявлена напрасной, бесплодной, ошибочной.

Вот так же тысячи людей и кроме меня надеялись свершить нечто великое в жизни, и растерянно вглядываются в неподъемную ношу Благое деланья – может ли в России хоть что-нибудь благое сделать простой человек, не гений и царь?

Потому и впадаю в отчаянье, что знаю, что в сегодняшней России власть и богатство будут только у тех, кто к ним стремится не ради высшего блага, а ради самой Власти и самого Богатства.

Так, может быть, хоть наше отчаяние оправдывает наши книги?

Осталось написать еще не так уж много, объясниться с теми, кого я обидел невольно – и с осуждающими меня, и с близкими моими, о которых я мало заботился...

...Но и о тех, кого еще *недообидел* я, но кого следует *обидеть* за тех, кого обижали они, надо еще написать!

7 февраля, четверть восьмого.. Днем после лекции ездил в театр за билетами, но касса была закрыта, поехал к С---ну, застал там Г--на, выпили водки, с С--ным снова поехал в Театр...

У Техноложки еще выпили пива. Сегодня уже *осьмой день*, как болею гриппом, ночью болело сердце – неужели мои опекуны и за сегодняшнюю пьянку меня по стенке размажут, когда и так еле жив?

Клянусь, *не пью я по-прежнему*, и хотя как будто бы выпил – но надо меня за это простить, потому что сегодня я болен.

Надеюсь только, что *наши высшие силы* – не немецкие принципиальные служаки, и опекают меня по-русски, а посему иногда могут отнестись ко мне снисходительно?..

20-06. Прошел через Парк, снег тает, ледяные дорожки в воде, я плыл и скользил, теплый туман обнимал деревья, тишина и одиночество... Опоздал на электричку метро? Но неужто было бы справедливо – тишина, одиночество, мокрые деревья в тумане, ледяные дорожки в лужах, низкое теплое небо, влажный воздух как вино из

крыжовника! – да еще и электричка подкатывала бы к моему приходу? Может, захотел бы я еще и дачу, и велосипед, и царский скипетр впридачу?

Господи, как много для меня одного, полупьяного романтика: десятки дорожек, сотни луж, тысячи деревьев, и бесконечность *февральской весны*, словно бы для меня распутившейся посреди города в обрамленьи кустов, деревьев, тумана и блаженства!

Парк, туман, деревья голы,

Если не могу я победить в сражении с самодовольным безвкусием, и *чернь* царствует, ломает города и веси, возводит простейшие геометрические фигуры вместо стихов и поэм из камня, которые возводили *мои* деды и прадеды (*не их!*) – то я посрамлю их безличие своей нищей безвластной жизнью! – мне служат Растрелли и Росси, Камерон и Кваренги, Трезини и Тон! Каменные львы встречают меня в летние ночи, гранитные колонны Исаакия сверкают мне в морозный день, лепные украшения доходных домов, затейливые мансарды Коломны, мостики над Крюковым каналом, лабиринты дворов на Николаевской улице, глухие переулки, готические кирхи, католические костелы, православные храмы... – о, мой Петербург, ты все еще жив, несмотря на обезумевших варваров, истязавших почти столетие твое прекрасное тело!

8 февраля, после полуночи. Был в театре, пошел к *миленькой* за кулисы, простоял минутку, и вдруг она бежит, а туфелька спадает с ноги – в последнем акте играла она босиком, и не успела еще одеть...

Так в тайной встрече взгляд сияет,

Что кажется еще возможно

Перехитрить угрюмый Рок....

Написал письмо Жанне и послал ей стихи.

«Все еще живой, но сердце болит. Снег поспешно тает, но трава не зеленеет, цветики не растут, не к кому идти за утешением...»

Я в небе скитался б, но сломаны крылья,

Нет, не всё плохо, и нынешний год не так уж плох, даже, напротив, много хорошего – но гнетет тоска и душит, и не покидает ощущение, что давит на меня сверху бетонный свод skleпa.

13 февраля. Мы все рождаемся с верой в жизнь, с надеждой, что хотя зло существует, но жизнь предоставит нам возможность трудиться и преумножать богатства и красоту земли, на которой мы родились; с верой, что хотя злонамеренные существуют, но семья, друзья, общество и государство стоят на прочном и благом основании, и поэтому сопротивление воровству, убийству, лжи и растлению не будет встречать отпора у большинства. Но вера моя оказалась повержена.

Так, может быть, исправить хоть малое, подняться хоть над *своей*

повседневностью, над своей слабостью? Если нельзя преодолеть несправедливость и зло, нельзя избежать казни, то хотя бы придти на нее с высоко поднятой головой?!

Что же делать?

Разуверившись в благих последствиях общественной деятельности, обратился я к культуре – но и культура бессильна исправить жизнь.

И все же, помимо нее сделать я ничего не могу, поэтому надо мне дописать свои книги, и напечатать – если позволят мне небесные силы добежать до конца рассыпающегося моста.

[Почему это так важно? Тут вот камни падают с неба, мины взрываются под ногами, а я своими книгами озабочен... большинство людей, боюсь, осуждают меня, и искренне считают, что я занимаюсь **не тем**, что не надо мне книг ни *писать*, ни *дописывать*, и что лучше меня вообще по стенке размазать, или, в крайнем случае, "поставить на место", поставить на такое место, чтобы я забыл о всяком *дописывании* и не занимался им больше... И вот, когда меня все-таки "размажут", и так и не выйдет никакого толку из моих писаний, осуждающие вздохнут удовлетворенно: "Ну вот, мы же говорили!"]

Идет дождь, хлещет в открытую форточку, снег почти весь стаял, на дворе "апрельский февраль" (или наоборот?).

Казимир вернулся из Варшавы, где его пытались лечить, но стало ему хуже. *Сегодня* я отвез на Витебский вокзал и отправил поездом посылочку в Калининград – конфеты и письма, встретился на вокзале с Ш-ским, выпили мы с ним по бутылке пива и по рюмке водки, и вот я еду домой.

14 февраля. Слушали с милкой в университете Концерт молодых исполнителей из Мариинки – после него стыдно мне за свои литературные опыты... болело сердце и хотелось плакать от восторга и счастья!

У меня с собою спички и рукопись – может быть, разжечь костер посреди пустыря, и сжечь мои Записки, как Дон-Кихот сжег свои книги?

Только пожалеет ли меня Дульциня?

Иногда мне кажется, что я стою в сапогах у входа в зал, где раздают должности, ордена, деньги и почести, один из тех, кто пришел *сам по себе*.

Нас не вносили в списки, не выкликали по именам, мы не относимся к *званым* и *избранным*, не поставлен на нас прибор на столе и даже в дверь не пускают.

С черного хода, обманным путем прошмыгнули мы в зал, и с чужой тарелки доедаем остатки, допиваем чужое вино в бокале и за чужими женщинами пытаемся тайно ухаживать.

17 февраля. Невероятно, но на этот раз на электричку я – не опоздал!

Был на юбилее у Володи Х--ского в Царском Селе. Он не изменился за последние сорок лет, такой же восторженный и наивный.

По пути зашел на вокзале к Наталье Зер--ой, которой в ноябре, покупая у нее билеты в К-д, обещал подарить свою книгу. Она меня узнала! И помнила, что я обещал принести ей книгу, и верила и ждала!!!

Бегаю за другими, другим обещаю стихи и сердце, но Наташины ожидания и вера – благословляют любовь и надежду. Милые девочки! Даже если только одна из вас поверила случайно сказанным словам случайного прохожего – о, как велика ваша вера!

22 февраля 2002 года. Еду на вокзал за билетами, завтра уезжаю в Калининград.

Приснилась встреча с Богом, и будто бы попросил я у Него денег на издание книги.

«Да откуда у меня деньги? – удивился Он. – Я ведь на всем готовом, в магазине ничего не покупаю!»

– Ну так ведь, если б захотел, получил бы...

«Из воздуха, что ль? Ты же сам говоришь, что не надо по любому поводу производить чудеса, девальвировать их, так сказать.»

– Господи, да пусть бы тогда кто-то другой дал мне денег! А Ты бы попросил за меня, или хоть намекнул, нет таких разве, что одолжили б на мою книгу ради Тебя?

«Дак ведь ты ж не отдашь, книжку твою и вторую покупать не будут, а как Я буду выглядеть перед теми, кому за тебя поручусь? Вот то-то же!»

Да вспомни, когда тебе было двадцать лет, не сетовал ли ты на девиц, предпочитающих тебе, умнику, пустопорожних пижонов? Не обзывал ли ты их дурами?

Вот так же и твои ухаживанья за русским народом – разве он не то же самое, что девица?

И ты, "утонченный, одухотворенный, талантливый" – ни на грош ему не нужен, а вот сначала *"по ндраву"* пришелся Ельцин, – здоровый, бесцеремонный, грубый – ну, бабы таких любят; а потом и другие, кто удачлив... а только вот неудачники не нужны им!»

Конечно, горько, что Россия пропадает; но что народу такому я не нужен, не стоит жалеть, я ведь и за девицами не за всеми бегаю, а только за бесплатными! А *платные* пусть Ельцину достаются...

Но Россию жалко; если бы случилось чудо, и пришел к власти один из *малого* моего народа – через пять лет не узнать было бы Россию, и Франция с Германией позавидовали бы. А если бы у немцев или англичан правила чернь, еще бы и раньше они репейником заросли, как и мы.

28 февраля. Грустно, душа устала... Возвращаюсь в Питер из К--да.

Из Питера выехал я *в субботу, 23 февраля*, провожали меня наши общие с Казимиром студенческие друзья, выпили на прощанье по три рюмки водки..

Похороны были *во вторник, 26 числа*. Утром в университете состоялась гражданская панихида. Много было слез и речей. Яркую речь сказал профессор К--ников, обвинивший правительство в предательстве национальных интересов.

Отпели в костеле и поехали на кладбище, к могиле несли гроб на плечах, мы с Володей Тарановым шли впереди.

Вечером на поминках познакомился, наконец, с Тер--вым, с которым Казимир меня собирался давно познакомить; встретился с Толей Новиковым и его женой Юлей – через 30 лет!

На следующий день снова съездили на кладбище, потом у Саши выпили на прощанье по рюмочке, вечером к Володе приехал Женя Кондратьев, и в 11 часов мы пошли пешком на вокзал мимо костела и мимо Казиминова дома...

...За окном лежит снег, а в К--де перед отъездом время от времени припускал густой весенний дождь.

4 марта, 24-00. На днях в университете слушали с милкой фортепьянный концерт Мусоргского и Шопена, исполняла Екатерина Мурина, а в завершение, после шквала аплодисментов, она исполнила Рахманинова.

Но душа неспокойна. Как будто перебираюсь с льдины на льдину – вот теперь дожить до 13-го марта, а там будет видно...

Или как в каменном мешке ждущий освобождения, уговариваю себя – *потерпи, миленький, помощь придет!*

Но успеет ли помощь, прежде чем задохнусь?

... На ст. Метро «Достоевская» неожиданно столкнулся с Борисом О--ым, он меня зазвал к себе, купили *маленькую*,пельменей, сыру, и славно посидели, разговаривая о любви и жизни.

Стало и на душе славно, как будто не маячит *тюрьма* впереди.

5 марта, 22-51. Есть, кажется, некая мистическая связь между тем, что я пишу, между моими спорами с церковью по поводу смирения и идеала кроткого и покорного человека, и происшествиями обиденной жизни.

Гордым я не был никогда, потому что жизнь меня постоянно унижала, можно сказать, что я, как провинившийся школьник, полжизни проводил в углу – какая уж тут гордость? Естественно, смирение мое и униженность не были свойством характера и не вытекали из моей природы, а являлись следствием постоянной зависимости от жизни.

Не был я и сильным и уверенным в себе, часто пасовал при столкновениях с задирами и обстоятельствами. Правда, со мною было

легко друзьям, женщинам, начальству, сослуживцам – я не слишком перечил, не тянул на себя одеяло, был мягким и уступчивым.

Только я написал о воспитательной работе христианства по выработке покорного человека, как уже доехал до ст. Лесной, вышел наверх и пошел к пл. Мужества через Парк.

А до того проехал я в электричках в начале девяностых годов от Варшавы до Будапешта, когда в электричках был – дремучий лес, и поэтому парк меня не страшил.

Но разбойников теперь уже было четверо, спор состоялся уже не в проходном дворе, а в сумерках в безлюдном парке, и конечно победа была за ними... – но победили не они, не их сила, а отсутствие во мне того основания, которое единственно делает человека *доблестным* – решимости умереть, сражаясь.

Да, как бы то ни было, чтобы стать достойным человеком в моей стране, должен я "препоясаться мечом" и идти, как и прежде, по людным дневным улицам и безлюдным ночным, и если разбойников теперь будет пятеро, радостно и отважно принять неравный бой и погибнуть во славу *доблестной* русской поэзии! (*Ох!* – замечание В.)

15 марта, пятница, 5-20... Поздняя ночь.. Или раннее утро? Разумеется, пишу я в такое неурочное время не случайно – сердце бьется часто, и только *анаприлин*, как масло в море, смягчает суровость сердечных волн..

Но попечитель мой на меня поделом сердит, выпил я лишнего, и конечно теперь "дела мои плохи".

Что ж это я так спытыкаюсь? Хорошо, что хоть дома, а не на стульях на 21-ом этаже, как бывало...

10-45. Но всё ещё живой, и на электричку бежал сломя голову, хотя все равно опоздал. Кто же виноват?

...На электричку опоздал я на семь секунд (вот бы я удивился, если бы *не опоздал*, вот бы удивился читатель!), но шнурки развязывались сегодня всего только два раза.

В *среду* слушали в университете оперы Пёрселла «Дидона и Эней» и Рихарда Штрауса «Ариадна»; после первой оперы одна из волшебниц села сзади меня, и я с нею поговорил, они выступают и в Юсуповском Дворце, я обещал придти и подарить ей свою книгу.

А *вчера* снова ездил к О-ину, уже с Митей, была и прошлогодняя Марина, поэтому выпил, чтоб покуражиться... назад ехали до Сенной вместе и там расстались, обещая еще встретиться.

Надеюсь, конечно, что всё *обойдется*, и страх вот-вот уляжется, но не окажется ли он в следующий раз менее сговорчивым, и не будет ли мне в следующий раз еще хуже?

Ничего, ничего, миленький, потерпи немного!... Сердце бухает, как из пушки, но уже редко.. Вот видишь, уже почти хорошо, анаприлин – твой верный товарищ, не забывай упоминать его в списке друзей!

29 марта, пятница. Вчера заезжал к В--е, дочка ее Ника (около трех лет) надела мамины туфли и пошла меня *проводить* до двери.

И вот я еду домой в трамвае, солнышко светит, *мать* и *мачеха* вылезли вместе из-под земли, даже не болит сердце, через неделю еду в деревню, и март кончается – отчего же я несчастлив?

Боюсь, что *добежать не успею*.

Вот почему пал я духом. И только то утешает, что до апреля уже недалеко.. хотя, будет ли лучше в апреле?

Чувствую себя так, словно вот-вот уже поведут на расстрел, а мне перед смертью нечем похвастаться. О, если бы я родился римлянином, умел и не боялся сражаться, носил на поясе кинжал, и меч на бедре, и гордо ходил по улицам Рима, готовый отразить нападение или погибнуть в схватке с превосходящим противником! Я был бы счастлив и не боялся смерти, и сказал бы – рождение, обстоятельства, и моя личная воля создали из меня *достойного* человека.

Но что же создано из меня, **не** римлянина?

Заповеди Моисеевы, перешедшие из иудаизма в плоть христианства, – то есть "*возлюби Господа твоего, не убий и не укради, почитай отца и мать, никому не завидуй*" – я не менее других исполнял. Но достойный я человек или нет, зависит не от того *общего*, что нас всех не отличает друг от друга – все мы не ворует, не убиваем, почитаем родителей, почитаем святых и не завидуем – а от того *особенного*, что является для нас предметом духовной зависти и чему мы хотели бы подражать, если б смогли, – от того, что возвышало римлянина над варварами и чернью, что возвышало рыцаря над простонародьем в средневековье, что возвышало русского офицера, русского дворянина, что возвышало духовно и нравственно, осанкой и умом, участника Белого Движения в противостоянии *Особенного* и *Всеобщего*, Аристократии и Народа, "благородных" и черни.

Но чем обусловлено то положительное, что есть во мне как и в других, что не делает меня разбойником, клеветником и завистником?

Только традиционной народной нравственностью!

Таким *положительным* человеком может быть и папуас и мусульманин, и атеист и язычник, и коммунист и христианин – как каждый из них может быть и *отрицательным* человеком.

Положительным человеком не делает нас религия, но только принадлежность к народу и присущее этому народу отношение к миру.

Но что во мне хорошо и что плохо, и что мне надо в себе изменить, чтобы уже и умереть было не страшно – ясно сформулировать я не могу.

Слишком внезапно бóльшая часть жизни оказалась позади, а как мне сделать из себя человека *достойного*, я еще узнать не успел

Я об этом обо всем пишу лихорадочно, лихорадочно думаю, потому что спешу хоть что-нибудь придумать и исправить, пока еще "не повели на расстрел". И учебник математики пишу лихорадочно, чтобы хоть

какой-то результат от моей жизни был, чтобы хоть один плод на моем дереве созрел, и сказали про меня – *а все-таки жил он не зря!*

Перечитывал вчера Евангелие, и задумался о странности противостояния Христа и иудейского общества.

Ни бунта против Рима, ни бунта против религии, народ Его любит, толпы за Ним ходят, знать и священники принимают Его в домах своих, но вот – *лечит в субботу...* И кажется, что власти ищут любого повода к обвинению, но и Христос стремится взойти на Голгофу.

Каиафа говорит: "придут римляне, и из-за действий одного этого человека пострадает народ! Лучше уж пусть он один пострадает!"

Недавно любимый народом, оказался брошен почти всеми; заявлявший, что пришел спасти свой народ, способствовал тому, что теперь вот уже две тысячи лет их весь мир упрекает – *"жиды Христа распяли!"*

Знал ли Он это, предвидел ли? Если предвидел, если знал, что *своих* Он никуда не поведет, то зачем же говорил, что пришел *их* спасти?

А я? Кого пришел я спасти, и кто за мною идет? – если и я надеялся, что пришел, как Христос, спасти *свой* народ, то и я своему народу так же не нужен!

Не нужны ему мои сочинения; но, правда, и Толстой с Достоевским, и Скрябин с Мусоргским не нужны народу; ни опера, ни романс, ни Прологомены Канта, ни Апории Зенона, ни Беседы Сократа.

Однако, мои сочинения не нужны и интеллигенции, даже еще меньше нужны, чем народу, кого-то из *простых* я еще, быть может, смогу обольстить, но интеллигенция *не простодушна...*

И народу и интеллигенции нужны только развлечения, словно "выпить и закусить", получить удовольствие, "расслабиться"... Музыка Вагнера и философия Канта слишком скучны...

Но они несчастны! – говорит мне милка.

Они ходят на работу, а им по полгода не платят зарплату; дома у них обшарпанные, дворы и улицы грязные, друзья или спились, или так погрязли в битве за кусок хлеба, что нет как бывало привольных встреч, веселья, разговоров по душам на кухне за кофе и в лоджии за сигаретой...

Нет случайных прохожих, запозднившихся красотою, а есть такая мерзость, что стыдно писать – самопальная водка за тридцать, киллеры и разбойники за сто, и *"не хотите ли расслабиться?"* за двести рублей ...

О, блаженное время измен и "служебных романов"! Макулатурной Марго и очереди за "жигулевским"! Вы ведь тоже в нем жили, поклонники демократии и свободной любви!

Чем же вас прельстило нынешнее время? Чем перед вами провинилось прошлое?

Милиционеры не давали нам распивать в садах и подворотнях и пристально следили – не слишком ли шатаемся после зарплаты? – простим милиционеров. Плохо, что сегодня можно вольно пить и курить около метро уже одиннадцатилетним.

Гениев не печатали, не печатали Даниила Андреева, Варлама Шаламова, Павла Флоренского? – простим издательства и цензуру, – разве лучше сегодня, когда их печатают, но вовсе перестали читать!?

Не пускали за границу? На Анатолийские пески? Не отпускали на *историческую родину*?

Плохо, что не пускали... Но хорошо ли, что сегодня отпустили за границу наши богатства, хорошо ли, что из последних сил, не получая зарплаты, мы учим ученых и инженеров для Америки и Европы?

Но я перестаю ругать. Меня никто не слушает, и моя Родина умирает.

Те, кто ходит на работу, не получая зарплату, "*блаженны... (нищие духом?)*" – и вероятно, это для них царствие небесное!

А я все еще думаю, можно ли *хоть что-нибудь* сделать для спасения моей России... потому что ... "не нужен мне берег турецкий"...

И царствие Божие без России мне не нужно!

Я так устал жить среди народа, который уже не мечтает о справедливости и красоте, что был бы, кажется, готов умереть, если бы не боялся смерти... Впрочем, нет, не только в этом дело... А как же я брошу все то, что люблю? Петербург... Классический русский романс... Великую русскую литературу... Природу, еще не до конца разоренную... Русских женщин, таких привлекательных и таких милых... Родных и друзей, верящих мне, несмотря ни на что... Настеньку, которая так "*хорошо на меня смотрит*"?

И все же, – происходят разные события в мире, и немцы или французы, шведы и англичане, или южнокорейские студенты, даже погонщики мулов в Андах выходят на улицы, кричат и бросают камни, бьют стекла, сжигают мосты и флаги, свержают правительства... Но что бы ни происходило в нашей стране, русские сидят дома, и если и выражают свое несогласие с порядком вещей, то только рядом с телевизором (как и я).

– Самый пошлый, самый равнодушный, самый трусливый народ! – говорю я в сердцах. – Вот, смотри, в сотне городов в других странах шумят и дерутся, то с коммунистами, то с фашистами, то с семитами, то с антисемитами – и только мы безучастны!

«Мы – несчастнее всех!» – ответила милка.

Вот В. Н. говорит, что не читает газет и не смотрит телевизор – она вырастила сына, воспитала внуку, работала на двух работах, получая унижительную зарплату. Третью жизни провела в очередях, не досыпала, наспех красила губы, наспех причесывалась, смотрела в зеркало, дремала в автобусах, не успевала заметить взгляды мужчин, ей не хватало воздуха, она бережет дыхание, последние силы уходят на то, чтобы выжить!

И так ведь весь русский народ! У него, уже, может быть, не осталось сил даже на выживание, дьявольское правительство за 85 лет почти его добило, этот народ убивали на двух войнах, на трех революциях, на гражданской бойне, на коллективизации, на индустриализации, на раскулачивании, на Гулаговской стройке, на "перестройке", и вот теперь добивают "реформами".

Да, вероятно, он уже ничего не понимает, он шарахается от Горбачева к Ельцину, от Ельцина к Путину, ему ведь тоже надо, как и женщине, чтобы кто-нибудь его пожалел, а не одни изверги и кровопийцы...

Прости его за все, если ты когда-нибудь его любил, – за то, что он тебя не читает (но не читает уже и Пушкина), что позабыл свои песни, что верил во всеобщее равенство, а теперь в олигархов, что поклонялся диктатуре партии, а теперь "браткам"... Может быть, он еще воскреснет, но оставь обличения, а попробуй его пожалеть!»

Не буду я больше беречь свои силы, а все оставшиеся истрачу на ненависть к дьявольскому правительству и на жалость к моей России – пусть она разрушила свои храмы, поубивала своих лучших сынов, пусть она пьяная в канаве, неразумная на выборах, ленивая в работе, раболепная в подчинении, не прилежная в учении, пусть она и сегодня ненавидит только меня за мой обличительный пафос, но любит Коха, грязно ее оскорбляющего и мечтающего разделить; любит Чубайса, погружающего ее во тьму и добивающего реформами, в которых он сам ничего не понимает, но зато богатства возрастают у его друзей олигархов; любит Шаманова, перебившего уже почти всех террористов (только их почему-то еще на 100 лет осталось); любит Ельцина, оставившего от России обрубков; любит неисчислимую орду любителей свободы, презирающих мою Россию... которую я ненавижу... о которой я плачу...

Воскресенье, 7 апреля, 11-30 утра. Сегодня – Благовещение, день яркий и солнечный, выносим рассадку в лоджии, там воздух уже прогрелся и все благоухает, а в середине дня поедем в Мурино в церковь.

Полночь. Если писать мне о своей жизни правдиво, то горькое в ней станет еще горше, а сладкое – прогоркнет.

Так что не буду писать о горьком, тем более, что *почти всё*, рано или поздно, *проходит*, авось и то, что ввергает меня сегодня в уныние, пройдет тоже...

Буду писать о хорошем. Есть ли оно?

По телевизору повторяли вчера передачу о Колчаке.

История России и Белого Движения неотрывны от его личности, а через его собственную судьбу проходит судьба России и ее трагедия, и великая романтическая любовь к женщине, которая осеняла даже последние мгновения его жизни.

Красивый, гордый мужчина, с благородной осанкой, пронизательным и смелым взглядом, словно изваянный из мрамора или бронзы – таким он предстает в свои последние часы.

И она – прекрасная женщина, чудесная и обаятельная. Вот легенда *русской смуты!*

21-00. Заезжал к В--е, *распили* с нею (конечно, распивал я, а она отхлебывала по глоточку) бутылку десертной Лидии...

Рядом возился трехлетний ребенок, тоже ангел, как и она, даже еще *ангелее!*

Разговаривали о романтическом отношении к жизни, о романтиках героического поколения... Я сокрушаюсь, теряю надежду – а как же они могли верить в Воскресение России – среди крошечной тьмы?! Колчак в Иркутской тюрьме, или на обрывистом берегу Байкала, в утро расстрела; Даниил Андреев, во Владимирской политической тюрьме... неужели сегодня мы дальше от Воскресения?

Ни книги мои, ни язык мой, ни *боль* моя, ни моя *любовь* не нужны никому, и не с кем мне слезы пролить, и не с кем "пойти в разведку"!

Я пишу о печалях, но Азбука души стерлась в душах. А разве *свои* невзгоды ставлю я в центр трагедии?

Не собственное моё (хотя о моём я постоянно пишу) – моя боль! Вот я о развязывающихся шнурах пишу...

Россия рушится!... а тут еще и шнуры запутались или развязались, и последняя капля меня доконала...

Не в этой капле – моя боль. Но не могу я писать только о том, что вырубил вековые кедры в моей тайге – читателю моему "до фени" и мои кедры, и моя тайга, и моя Россия... Вот и пишу о себе... а через себя самого, через мои развязывающиеся шнуры, через мое не желающее строго биться сердце, через моих *очаровашек* (которые, увы, совсем *не мои!*) – может быть читателя и Россией моей "зацеплю"?

...Вот происходит реформа русского языка... И люди бесчувственные, тупые, ненавидящие Россию, кричат – Да не все ли равно, с двумя "н" или с одним писать "оловянный, деревянный, *серебряный*"? И вот они будут теперь наших детей учить новому упрощенному языку, и вчера исправили "Войну и *Мирь*" графа Льва Николаевича Толстого, который писал о Войне и *Вселенной*, а сегодня упростят "*Князя Серебряного*" Алексея Константиновича Толстого, и даже *серебряный* *месяц* над тихими озерами и пустеющими деревнями заменят они *оловянным* пустым взглядом глухих людей... А я – ничего не смогу сделать...

Когда возрастала Россия, даже выстрелы Дантеса и Мартынова были не роковыми. Но во имя чего жить сегодня, когда культура ветшает и рушится, когда все меньше великолепных дворцов – а новых никто не построит! Когда уничтожена большая часть храмов – а новые их уже никогда не восполнят! Когда старинные сады и парки вырублены или заросли, усадьбы сгорели, романсы петь некому, даже красивые женщины прельщают только колготками, а не "взглядами с поволокой"!!?

Может быть, я уже расстрелян вместе с Колчаком и Россией?

14 апреля, воскресенье, 22-50. Еду из театра, смотрели Жаворонка, я передал Регине цветы, журнал и записку, обнял ее на прощанье... Кажется, она не против того, чтобы я приходил еще.

Грустно, что вот – расстаюсь...

Но так светло от того, что мы встретились, поговорили хоть несколько минут, и даже она разрешила себя обнять, и даже – на вопрос мой, можно ли ее обнять, сказала – *конечно!*

19 апреля, пятница, 6-15 утра. Конечно, мне снова плохо, включил свет и продолжаю вчерашние «показания».

Но не шибко я пьян был вчера, правда, выпил, вопреки тому, что за день только клялся перестать пить совсем, да собирался еще и сетовать, что Цензор не разрешает пить, и так больно наказывает на следующий день, – но сон сморил и сетования свои я дописать не успел...

10-37 утра, я – живой, за ночь не умер, и уже на компьютере работаю, хотя все еще тащит меня по нейтральной полосе и захолонывает сердце...

Снег идет густой и влажный, зима словно плачет и прощается с нами...

Да не переживай, говорю я ей, в следующую зиму мы с тобой снова встретимся, а я уже к тому времени буду себя вести хорошо!

20-05. Ездил экзаменовывать вечерниц...

Поставил половине четверки, а половине – пятерки (не спрашивая, конечно, никого ни о чем).

Из института меня увольняют (*без объяснения причин*), студентки хотели писать начальству письмо в мою защиту. Прощались со мною очень мило, с двумя я на лестнице еще полубезничал, они курили, и я пообещал их *отшлепать*, если они не бросят курить. В ответ одна из них (бойкая и миленькая малышка) пообещала меня тоже отшлепать, если я пить не брошу. Я ее чуть не поцеловал, но вовремя спохватился – а то уж теперь бы точно изгнали – сразу же и *с объяснением причин*.

20-40. Подъезжаю к дому, и продолжу за компьютером "прясть пряжу". Сердце и душа разжались... или капкан разжался, в который ночью их защемило?

22 апреля, понедельник, половина седьмого утра. С пяти часов утра я страдал, трясет и мучают теперь уже ангина и грипп, но я все надеялся, что вот-вот перемогуся и засну... Выпил лекарство, выпил горячего чаю с вареньем, намазал "китайские точки" вьетнамским бальзамом.

Сначала было совсем худо, и даже трясло в ознобе, и дышать было трудно... Болела шея, спина, плечи и между лопатками...

Худо мне всегда, особенно в последние годы... но худо и всю жизнь... В последние полтора месяца мне постоянно худо, худо было и сегодня ночью.

Милка велит идти к врачу, обследоваться и лечиться...

А я рассуждаю...

Временами мне кажется, что мне все хуже, и вот-вот начну умирать, и поздно будет не только лечиться, но и обследоваться. Но ведь вдруг и *отпускает*, на неделю, на месяц, а то и дольше, следовательно, корабль

мой хотя и качает, но нет уверенности, что иду ко дну. А значит, когда очень худо, надо *перетерпеть*, дотерпеть до очередного спектакля, до концерта, до поездки в деревню – и в этот раз обойдется, и начнет становиться мне вдруг ни с того, ни с сего (или из-за театра, из-за музыки, из-за деревенского приволья?) все лучше да лучше (и даже немногогу?!).

И все-таки я в отчаянии, духом пал, и кажется, что учебник свой я уже никогда не закончу, а если не теперь, если отложу на полгода, то или все-таки умру, или меня арестуют, и я умру уже не от болезни, а просто так, из-за окончательного иссякания сил.

Посему – какое к черту обследование? – надо бежать и бежать, надо успеть добежать, закончить свою математику... а там.. наберу в грудь воздуху и примусь завершать уже Металогикау...

В эти утренние часы, когда словно заглядываю в пропасть, и кружится голова, и вот-вот упаду, являются особенно важные мысли, но потом, уже днем, приходя в себя, я ничего не могу толком вспомнить и записать.

Так может быть, это кажущееся? Как иногда кажется во сне, что прикасаешься к Откровению?

...13-30. Все еще живой, но все еще мне плохо. А на улице благодать, и даже запах корюшки так пропитал все вокруг, как в мае дух полетит от черемухи.

...Правда, сделал мало, поелику болен гриппом, помимо прочего, из которого иное известно, а иное нет. Болит многое, но пользы от этого мало, даже для Металогикау.

Ночь с 25-го на 26 апреля, четверг. Апрель заканчивается, скоро весь пройдет, до последней минуты, и я в отчаянии. Сижу до онемения за компьютером, правлю учебник, а сегодня весь результат – одна только страничка печатного текста! А сижу я уже седьмой месяц, и еле сдерживаюсь, чтобы не зарыдать от ощущения безнадежности! [*Ах, знал бы я, что просижу над этим учебником еще девять лет?!*]

Сегодня уже работу пора закончить; напишу несколько строк своего плача о погубленной жизни, напишу полстранички в продолжение главы о Диалоге, и – буду ждать завтрашнего дня.

Утро 29 апреля. Всю ночь было плохо, горло болит еще сильнее, и "всё болит"! – но, как часто говорит в таких случаях несведущий врач, значит – "ничего не болит". Ну, да, притворяются все – доживают до шестидесяти и, зловредные, притворяются мертвыми. А на гнилом Западе, где человек человеку не друг, товарищ и брат, как у нас, а "*лютус эст*" – на гнилом Западе верят охающим и стенающим, и помогают им, потому что, во-первых, 70% людей страдают недомоганиями, вызванными *множеством причин*, когда не коклюш и грипп, не менингит или шизофрения, а "всё болит", но нет конкретной, с именем и пропиской,

заразы, а, во-вторых, даже когда болит сердце или желудок, печень или легкие, горло или микроскопическая "представительная" железа – болит, чаще всего, – всё!

...Полоскал горло солью, выпил чаю с медом. Пора уже выпить водки. Жаль только, что от нее потом еще хуже, а *внутри все равно не заживает рана...*

14-00. Вышел на улицу, и начала она покачиваться, словно земля под ногами матроса, сошедшего на берег с шаткого корабля. А меня-то качало всего четыре ночи, да еще перед этим несколько дней проболел вполсилы – и вот уже духом пал, и сегодня перед утром думал о том, не к смерти ли склоняет меня эта болезнь?

Или прежде я не болел так угнетенно, или силы мои источились?

Ждал, ждал апреля, думал, что только он грянет, и я уже буду счастлив – и вот одна за другой безрадостные ночи и какой-то мрачный ужас в душе.

22-20. Возвращаюсь домой из Пулкова, день дождливый и прохладный, горло днем отпустило, а сейчас болит снова – но да через десять минут уже буду дома, сварим с милкой глинтвейн, и авось сегодня будет сонная ночь.

А рано утром первого мая уедем в деревню и – воскреснем.

Прижало меня, и думаю зато о здоровье народа – мужчины не доживают до пенсии, а женщины доживают свой век в одиночестве, последними островками в вымирающих деревнях (но хоть с огородом и козой, как Оксана Дмитриевна), или в городе никому не нужными, подбирая бездомных кошек (*но не подбирая бездомных детей*).

[Но не прижимало ли и Ельцина? Но только одно было на уме – безграничная власть; и даже когда резали ему сердце, держался он, как взхлеб сообщали, за ядерный чемоданчик. Чем хуже ему становилось, тем безжалостнее он был к своему народу... к своему ли? *Безродный царь Борис*, из каких *кыпчаков* или *обров* занесен ты на нашу землю?]

30 апреля, 12 часов пополудни. Ходил в Собес, то есть Отдел социального обеспечения – да не надо ли *обеспечить* сначала их самих?

Линолеум на полу вздыблен и порван, помещения обветшали...

Россия триста лет *возрастала*, а вот уже столетие почти – *убывающая*, иссякающая, клонящаяся долу. Сумма Духовного наследия, частично уже расхищенная и поруганная в годы Духовного Погрома, продолжает иссякать, как иссякает и народ и его духовная сила.

А чтобы сравнить, *что было и что стало*, достаточно прослушать, например, в Петровском зале Университета сонаты Скрябина (да еще глаза по сторонам, по камину и лепке, и росписям, и плафонам), выйти на набережную, дойти до Казанского Собора – *это всё было!* Затем сесть в троллейбус и приехать, скажем, на Правый берег Невы, в тот город, что построен сегодня (а еще хуже Челябинск и Первомайск, и все те поселения, в которых от 19-го века ничего нет) – *это всё стало!*

И вот эта грязная и нищая, *убывающая* Россия, "Культура спичечных коробков и джаза" вместо зодчества и романса – именно та, в которой предстоит жить моим детям и внукам и детям детей моих, и моей Настеньке, если мне не удастся остановить *убывание*. Я не лучше других, но я единственный, в ком болезнь и умирание России – мои собственные болезнь и умирание. Тысячи тех, кто в тысячи раз умнее меня, ничего не изменят, потому, что они глухие и не хотят слышать – они не слышат погребального колокольного звона; они слепые и не хотят видеть – они не видят траурную процессию ветшающих городов и гибнущей природы; они немые и не хотят разговаривать – а человеческая речь – это многоголосие, в котором не наши собственные слова, но Пушкин и Лермонтов, Тютчев и Достоевский, Тургенев и Толстой, намеки, заимствования, связи, препирания, строй и спор, – а на чьем языке говорят умные, если они не помнят и "*свободы сеятель пустынный*", "*наедине с тобою, брат...*", "*не то, что мните вы – природа*", "*у расстаивая голос тих*"... и бесчисленное другое?..

И когда мне советуют христиане *начать с себя*, я отвечаю – если я займусь исправлением самого себя, мне некогда будет спасать Россию!.. А кроме меня спасти ее некому, потому что другие – не хотят, потому что они ее не любят, потому что они ее – ненавидят! – да, да, ненавидят, потому что кто не любит, кто равнодушен – тот исполнен, незнамо для себя – злобы и ненависти.

Россия – позвоночник российского человека, смысл его пребывания здесь, та всеобщая личность, которой единственной мы соединены и родственны.

Что я – пусть спросит и каждый себя – что я без представления о тех, кто меня продолжит – дети, родные, друзья, дети детей и друзей? Без представления о той широкой семье, в которую я влился как ручей, и которая будет продолжаться, неся и мои воды, разбиваясь, разделяясь, снова сливаясь, но не забывая меня до конца, как и мой пращур не забыл в своих потомках в Сибири?

И что каждый из нас значит без русской Культуры? – без стихов, которые я читал девочкам, обольщая и обольщаясь; без оперы и балета; без русских романсов, которые я слушаю в Актовом зале императорского Университета; без гранитных Невских набережных и загадочных сфинксов; без величественных дворцов и ажурных мостов?!

Перечислять еще надо многое, но зовет меня Учебник математики – с его помощью пытаюсь я перебраться через трясины, с тем, чтобы на другом берегу взяться за оружие и ринуться в бой...

Господи, ну куда же я дел сорок лет своей жизни? Почему не написал сорок книг, не заслужил известность, признание, звания и ордена – тогда бы меня слушали, тогда бы меня слышали, и может быть, за мною пошли?!

21-00. Еду из Пулково, обмывала дама докторскую, и угостила красным вином.

И хотя еще не здоров, но все-таки хоть помянул я добрым словом *апрель*, раз уж не получилось у нас с ним любви...

Правда, нельзя сказать, что любви не получилось совсем – встретился еще с ученицей Н--й, передал ей контрольную и даже расцеловался с ней трижды – воистину, женщины загадочны и непостижимы...

Так, может быть, и не вся еще жизнь позади!?

4 мая, суббота. Первого числа рано утром сели мы, наконец, в электричку – то есть *сесть*-то как раз и не удалось, а втиснулись, – а как я-то втиснулся со своим рюкзаком и двумя бухтами пластмассовой трубки для "окаймления" парников?! Да потом еще в два часа дня сумели влезть в проходящий Новгородский автобус, и вот в половине четвертого – солнце, теплынь, ветерок, зеленые березки, расцветающие на огороде тюльпаны и нарциссы, дух от земли, от дома, от молодой крапивы, жаворонок в синем небе, и шмели гудят неумолчно!

У колодца провалилась земля до воды, потолок у сарая обрушился, на парнике изорвало пленку. Работы много, поэтому я "рационализирую" хозяйство – за баней убрал грядку, и вдоль теплицы убрал тоже – слишком много времени занимает огород, и надо его "сокращать".

Эти четыре дня в мае (не считая поездки) – волшебный сон! Вечером первого числа я побежал за молоком к Зое, отнес ей подарки, и тоже в подарок получил бидон молока, а вслед за этим побежали мы в баню; второго числа блаженство было уже с утра, а вечером вдвойне, соседи пришли в гости с бутылочкой, после них мы еще сходили попариться и заснули как младенцы; третьего снова "гуляли", были у соседей на шашлыке... Ах, как хорошо! Комары не летают, мясо над углями шипит и скворчет, огуречный рассол пенится в кружке, а большая бутылка водки нагло стоит на столе и, ухмыляясь, призывает к греху!..

Второго числа с шести часов бушевала гроза и бились молнии, и радуга потом обручем стянула небо; во время ливня я оказался в бане, только отнес туда дрова, и вдруг с неба стеной упала вода! – ах, как я радовался, как блаженствовал, еще до самогонки и даже до парилки!

5 мая, Светлое Христово Воскресенье, 21-30, по дороге из Пулково.

Утром мы красили яйца, потом купили мне летне-осеннюю куртку за 850 рублей (но тянет по виду на все семь тыщ!), пообедали торжественно (и мне даже перепала рюмка красного сухого вина), и я уехал в Пулково, где наработать, правда, успел мало, поскольку Валя пригласила на праздничный ужин со щами из свежего щавеля и крапивы, а Маркиян достал остатки "горилки".

Силы небесные, хотя и ворчат, но разрешают хлебнуть для праздника...

21-30. Уже возвращаюсь домой от метро в автобусе, и напротив – очаровашка... А чуть поодаль – еще одна... Да жив ли я? Или уже в раю?

6 мая, 17-05. Половина дня прошла напрасно... и духом поэтому пал – но надо перетерпеть, *смириться*... и завтра начать сначала.

Учебник необходимо переделать; правда, надо будет затратить на него еще немало труда – но буду теперь без надрыва трудиться над этим свалившимся на меня по собственной воле несчастьем и проклятьем!

Но за какие грехи стало для меня проклятьем писание учебника?

Так легко и свободно пел я на лекциях – и так тяжело и трудно связываются слова и фразы в письменном тексте!

Вчера в полночь смотрел по телевизору службу в Храме Христа Спасителя, торжественно и красиво, хор поет старинные песнопения, Патриарх кадит и возглашает, а время от времени показывают поясную икону ныне здравствующего *царя-батюшки*. Ну, ладно, пусть по окончании службы Патриарх подойдет к *начальствующему* с поздравлениями и похристосуетса – но в иконостас в храме зачем помещать прихожанина, пока идет священнодействие?

7 мая, 19-30. Вчера был на концерте в Актовом зале Университета, слушали Баха, Бетховена, Шумана, и "*4-ю сонату для виолончели с фортепьяно*" Шостаковича. Музыка Шостаковича прежде звучала для меня неслышимо, и вдруг словно прорвало плотину, и стремительной и яростной волной взметнуло меня ввысь.

Вот в чем для меня главное лекарство – в музыке! И жизнь уже не столь тягостно, и горло перестает саднить и скрипеть, и возвращаются надежды на спасение России.

Но отвлекусь от "высокого" на "злобу дня" – попробую просуммировать насущные нужды.

Во-первых, надо дописывать учебник; а уже поливаю его своим потом (да и капельки крови сочатся) с октября месяца! Боже мой, Боже! Впрочем, не начинают ли уже мои записки напоминать бесконечный вопль, вроде: "*Вай-вай-вай! Ой-е-ёй! У-у-у!... Япона-мать!*" Так, может быть, так и писать, а не *зашифровывать* вопли вопиющего?

26 мая, воскресенье, около десяти утра. Ночью были заморозки, и на веранде около нуля, но на улице уже благодать, солнце высоко (как когда-то по утрам в детстве) и уже согревает воздух и всю природу, и весь мир и даже мою душу. Не зря египтяне, у которых солнце улыбочивое, сделали его своим Богом!

17-45. Возвращаюсь в Питер. Лев нас довез до Окуловки, в шалмане я выпил почти уже ритуальный стакан пива, съел после сладкую булочку с простой кипяченой водой, на улице жарко, в вагоне "умеренный климат", на мне мягкая хлопчатобумажная рубашка, "бывшая домашняя", сказала милка – но она так хороша, что превращу ее в теперешнюю *праздничную*.

Баня вчера была чудесная, два веника прошлогодних, да один свежий (срезал мешающие ветки у березки, которая растет из-под сарая), да прохладное молоко, да чай с мятой, а до бани у костра изжарили сосиски и выпили по две стопки...

Ах, есть в жизни и хорошее, не все плохо! [Правда, вот идут билеты проверять, а мы *без билета*...]

27 мая, 23-40. Сегодня встречался с Танечкой Т--вой и ее подругой, ехали в командировку в Петрозаводск; проводил их на поезд на Московском вокзале, купил сухого вина, конфет и апельсинов, сначала на перроне выпили *за любовь*, потом в купе целовались...

На днях один писатель пьяный позвонил и ругался – что это ты в своей книге *целуешься*, какие уже могут быть для тебя поцелуи? И вот отвечаю – они могут быть одновременно сладкие, нежные и страстные!

30 мая, 21-30. Слушали в университете Баха, Бетховена, Листа и Скрябина в исполнении Галины Жуковой – даже смотреть на ее руки и пальцы на клавишах было то же, что слушать музыку.

Мы были всем семейством, и были счастливы, хотя Настеньке еще трудно слушать такие сложные вещи...

Вчера умер академик Панченко, в новостях ему посвятили немало времени, и даже показали о нем фильм.

"Россия еще воскреснет! – сказал он. – Нынешнее время пройдет, как дурной сон, как наваждение, как плохая погода."

Рассказал он о встрече Лихачева на Тучковом мосту с *юродивым* (зимой), тот шел босиком в одной рубашке с большим нательным крестом в Свято-Владимирский Собор на Петроградской стороне; рассказывал о своем детстве, о Ксении Блаженной, о значении героизма в нашей истории и жизни.

31 мая, пятница, 14-15. Шумит электрический чайник, я в *Домреми*... то, бишь, в Перелогах, открыл парники и теплицу, кое-что полил, приготовил салат, выпью чаю – и вновь за работу!

...Салат из луку и огурцов, да горячая картошка, да налил рюмку водки – *вот как я живу!* (А еще жалеюся на жизнь!).. Первый тост, конечно, я пью за любовь .. (...разумеется, не безгрешную...)

15-45. Ладно, хватит пить водку, пора переходить к чаю – крепкому, ароматному, настоящему на мяте!

После полуночи... Пришел из бани полуживой, или, скорей, полудохлый. Баня была чудной, два раза, запарившись, поливал я себя водой из колодца... Дел хозяйственных сделал мало, потому что сначала пьянствовал, потом топил баню, потом ходил за молоком, потом парился в бане, потом пил чай с мятой и радовался жизни. После чаю ходил за околицу и пел романсы, и вот теперь без сил, и сердце колотится...

Утро первого июня. Оказывается, уже началось лето, но я вчера так устал, что не было сил об этом подумать...

Сердце устает быстро, и жизнь горчит, словно соль жизни прогоркла.

В молодости не заботишься о здоровье, времени жаль на врачей, на лекарства, на разговоры о болезнях. *Но когда нет в сердце бензина, даже масло в голове не поможет!* – как говорил один «чернокнижник». Что ж мне теперь, броситься опекать свое увядающее тело? Или это дух мой увял, оттого и тело страдает?

Заварил крепкого чая, и пойду парник налаживать, *работа лечит*; а во втором часу дня милка приедет, выйду ее встречать за околицу.

Возможно, эти мои *Записки о том и сем* – отчет о *неудавшейся* жизни – "Братцы, *не надо*, как я!?" А как – *надо*?

Надо воевать с неправдой и злом, и тогда жизнь будет *достойной*.

Но достойную ли жизнь прожил Панченко? Смотрю на него, и неловко мне становится за мое "Оправдание дилетантов". (Но смотрю на Гумилева, и вижу, что иное "многознание" еще хуже невежества.)

Наш мир – словно огород, и *достойные люди* – это те культурные растения, которые стараются жить во всю мощь, пускать побеги и помогать ближним. Недостойные – те, что сдаются и хиреют...

Вот в чем расхожусь я с Христом – Он говорит: отдай этот мир нечистой силе, *здесь* с нею уже не справиться, готовься к *той* жизни, там всё хорошо, там – наша власть!

Но моя Россия, Настенька, милка, мои друзья и родные – *здесь!*

Вот потому я и пью (хотя на питье не хватает сердечных ударов), вместо того, чтобы подавать пример воздержания, и пишу отчет о зря прожитой жизни.

Но хватит и отчета! А если руки зудят, и косою махать тяжело, а ручку еще руки держат (а Тр-ков говорит, что писать надо хотя бы для двух-трех любящих), то буду записывать, как когда-то намеревался, *мелкие мысли*.

Полночь. Милка приехала, парник я достроил, высадили мы в него помидоры и перцы, я истопил зверскую баню, охладил пиво и квас, облился после пара холодной водой, потом мы пили чай с мятой, прогулялись до околицы, и вот – засыпаю...

9 июня, воскресенье, 22-00. Настюля *парится* в бане, бабушку Марину мы проводили на автобус, и остались одни на хозяйстве. Сейчас заварю чайник, заверну его в полотенце и пойду за Настенькой. Она побежит накрывать на стол, а я займу на полке ее место.

Вчера ходил к Зое за молоком, полюбезничал с Анечкой. Сегодня ходили за молоком уже с Настенькой.

23-45. Пропарился на славу, выпил холодного молока, потом чаю, попрощались с Настенькой до околицы, и вот она только что улеглась.

Июнь 2002. Зашли вместе с Н. И. в Академию, и навстречу по лестнице спускались мои студентки; вдруг одна из них бросилась мне на шею, чуть не плача: "Ах, неужели и вправду Вы больше не будете преподавать нам? Как же мы будем теперь без Вас, и за что такое злодейство?"

– Как будто бы ни за что, потому что вел я себя скромно, но чтобы хоть немного оправдать гонения, давай расцелуемся принародно!

Она, конечно, сопротивлялась, но я поцеловал ее в ее душистые губки, и чуть не минутой продолжалось мое торжество.

Читателям и критикам скажу в оправдание, что разве судьба не унижает меня до крайности, пинает сапогами по морде и мордой в грязь, и "очи долу" мои не полвека ли? Столько слез тайных, столько стыда и плевков, оплеух и стоянья в углу на горохе, а иногда и с петлею на шее, столько грязных луж натекло, а я все еще претендую быть русским поэтом, обличать и учить!

Так порицать ли меня за невинные поцелуи и робкий взгляд "не туда", когда каждый день, дрожащий и потный, выхожу из угла, где меня учат жить на горохе, а то и на битом стекле?!

В 73-ом году, когда освободили меня из "половецкой" неволи, сказал охранник, выпуская из "зоны" – *Вот человек, о котором за три года никто не сказал дурного слова!* – и хотя не увенчают меня ни лаврами, ни орденами, и даже читать не станет меня одичавший народ, но ничто уже не затмит эту награду! Хотя, быть может, и на том свете преданные встретят меня не с камнями.

16 июня, воскресенье, 16-00. Проводил маманьку до Сушилова, дальше она пошла к автобусу, а я задержался у Дома Культуры, прежде чем вернуться в деревню – селу сегодня 507 лет, народ поет, танцует, пьет и шатается. *Но магазин закрыт*, и мне ничего не перепало.

17-00. Поливал помидоры; только закончил – облачко маленькое появилось в небе; пошел к соседям за картошкой – прыснуло сверху (а я еще и полотенца развесил сушить), а тут и гром ударил, а потом так ливануло, что еле до дому добежал.

22-50. В честь праздника развел костер, а сейчас выпью стопку водки и закушу пирожком, которым меня угостила Зоя.

17 июня, понедельник, 16-00. Возвращаюсь в Питер, и записываю свои *грустные мысли*. Кажется мне, что целую жизнь я один против всех – но не оттого ли, что против всего мира то общество, в котором мне приходится жить? Русские не любят Россию, но они недоброжелательны и к другим – *"чучкам, чуркам, чукчам, черномазым и чернозадым"*. Мы вели множество необъявленных войн, надорвались, угробили СССР, кажется, пора бы понять, что вели себя как придурки – но кто-нибудь покаялся? Вцепились в Чечню, угробим Россию! – но будем ли и теперь каяться? Мы всегда лучше и умнее всех, и как это было для коммунистов, так это теперь для наших православных, которые не только есть за одним столом не хотят с иноверными, но даже и разговаривать.

Я надеялся издать энциклопедию о Российских храмах, издал первый том из нее – "Храмы Петербурга", куда вошли, кроме православных, староверческие, мечеть, синагога, кирха, костел и буддийская пагода.

Все меня (хотя бы на словах) поддержали, кроме православных.

Теперь самое время выяснить, кто же по национальности я сам, почему православные не поддержали меня, и даже на меня ополчились? Я-то ведь – русский? Но подвергну я свою *русскость* анализу, чтобы разобраться в моих отношениях с Церковью и Россией.

Да нет ли во мне, кроме русского, еще и ляха, фрица, еврея?!

Начну с еврея.

В детстве я начинал с марксизма, и пропитался им так, что не просох до сих пор; русский обманывается идеей ложного братства, ибо сам он *всемирен*, сочувствует каждому, и кажется ему, будто бы "*пролетарии всех стран – соединяйтесь!*" – это тоже *всемирность*, *объединение народов* в том, что вовсе их *отрицает*.

Всемирность – это – **и эллин, и иудей!**

Интернационализм и *космополитизм* – **ни эллина, ни иудея!** Пролетариат – вот их новая общая национальность, вне рода. Марксизм враждебен родовому, народному началу, он их стремится отменить, разрушить. Правда, в СССР большевистская власть, *соединяя* (по русски), развивала изо всех сил во всех *соединяемых* племенах и народах их *национальное* (в ущерб имперскому и русскому) – в еврейях и черемисах, башкирах и удмуртах.

Итак, в отрочестве я был марксистом, а значит, был евреем, и не перестал же им быть до конца, как и Волга до самого впадения в море не перестает уже быть ни Окою, ни Камою, они в нее впали, втекли, и никуда им уже не выгечь. И Маркс в меня втёк!

Но еврей я еще больше из-за Христа, к которому я пришел после Маркса, хотя и в Нем не всё мне было близко – как и всемирность Маркса не та всемирность, что у русских, *объединяющая народное*, а *интернациональная*, *вне-национальная*, а точнее сказать – *анти-национальная*, то есть *антиродовая*, так и всемирность Христа не народная; племя, род, семья, кровь, рождение детей, соединение мужчины и женщины враждебны Христу, он к матери и братьям не вышел, сказал, что братья его – это его ученики!

Поскольку христианство *не всемирно* в русском смысле этого слова, то оно *нетерпимо* не только к дальним, но и к ближним, даже к своим еще больше, чем к чужим, патриарх скорее на амбразуру ляжет, чем Папу Римского пустит в Россию!

Враждебность христианства *родовому* роднит его с теорией бесклассового и безнационального общества, и конечно, быть христианином возможно, только если Кама *до конца* впадет в Волгу, а иудаизму впадет в эллинскую культуру и язычество (и растворится в них).

Антиродовой пафос апостола Павла я переболел и отверг (как и Маркса), доверяя словам Христа, что все же *Он пришел прежде спасти*

свой народ, то есть, что Он пришел строить *не интернациональное братство, а национальное*.

[Женщина самаритянка коснулась Его одежды, и Он возмутился.

"Но разве собаке не перепадают крошки за хозяйским столом?" – кротко возразила женщина, желающая излечить своего сына.]

Проходящее через Новый Завет родство с Ветхим Заветом, то, что в Евангелии приводится *родословие* Иисуса Христа, выводящее Его происхождение от знатных родов Израиля (сам-то я тоже горжусь тем, что пращур мой с Ермаком покорял Сибирь!) – всё, всё утверждает *народное* в Христе, и мне близко.

Но, все-таки, кольнуло мне сердце то пренебрежение к инородцам, которое сквозило в Его словах, высокомерная снисходительность к самаритянке. Может быть, мы, русские, тоже высокомерны, но разве назову я в глаза кого-нибудь "чуркой, чучеком или чухной?" Это высокомерие я ощущаю и сегодня в иудейской среде, и невольно в общении со мною сквозит, что христиане – это только секта, ответвление от иудейского ствола.

А вот я, христианин, протянул руку иудею. Это было лет двадцать назад, наш институт копал картошку в колхозе, работали мы шесть дней в неделю, кроме воскресенья, и с нами работал иудей Дима, бывший заведующий лабораторией, разжалованный в лаборанты – он ждал разрешения на отъезд в Израиль, изучал иврит, мыл пробирки в прежней своей лаборатории, ходил в синагогу, молился по субботам, а теперь вот вместе со всеми копал картошку.

Но мы работали и в субботу, а Дима в субботу работать не мог, они даже Христа распяли за то, что Он в субботу работал. Дима был согласен работать в воскресенье, но вместе с ним должен был выйти в поле деревенский тракторист, и еще хотя бы один копщик картошки. Народу нашего работало много, но в субботу вечером мы устраивали танцы, а перед тем пили водку, поэтому в воскресенье никто не хотел разделить с Димой его страду, однако ссылались все при этом не на танцы и водку, а на то, что в воскресенье христианам работать не положено. Вообще-то христианином, хотя и плохоньким, подозреваю, был среди них я один, остальные были либо комсомольцы, либо коммунисты, либо "беспартийные большевики" – но подставить свое плечо ради *иудея* никто не хотел, и *евреи* тоже.

– Кажется, у христиан еще никого не распяли за работу в воскресенье? – спросил я честной православный люд; – Так что не судите меня слишком строго, я выйду с Димой в поле!

(*Васька в иудеи подался!* – ворчал после народ.)

В субботу были танцы, перед тем мы пили, мне почему-то наливали с верхом, и каждый норовил со мной чокнуться. Даже девушки были любезны, и тоже подходили со мною выпить, даже на брудершафт!

К утру водка была выпита вся, до последней капли, а в десять я вышел в поле.

..... К счастью, тракторист оказался не извергом, смотрел он на меня и вздыхал, потом куда-то пропал, вернулся через полчаса, объявил перерыв, достал огурец, достал стакан, достал и бутылку.

– Хоть ты и *цудей!* – весело он объявил, – *но я тебя уважаю!*

Налил он и Диме тоже, и тот выпил за *новообращенного цудея*.

Читаю "ЛСД" Данилина. Цитирует он Григория Богослова, перечисляющего грешников: *...человекоубийцы, смехолубцы, смехотворы...*

Это ли не характеризует христианское отношение к жизни? Его тональностью является поведение, приличное на поминках и на кладбище – *голос тихий, взгляд скорбный, мина благочестивая...*

Христианство не приемлет жизнь с ее буйством красок, с ее напором произрастания, цветения, плодоношения, птичьим гомоном, соловьиными трелями, токованием тетеревов и яркими павлиньими хвостами. Радость жизни – не только плотская радость, но и опера и драма – чужды Григорию Богослову, Дионисию Ареопагиту, Блаженному Иерониму.

И все-таки, это узкое учение, изначально не приемлющее науку, самоутверждение и расширение жизни – пропитало собою жизнь, соединилось с нею, изменилось само, но и жизнь изменило тоже.

Вероятно, и каждая *идеология* вначале ведет себя как насильник и завоеватель, и стремится сузить жизнь до своих границ, но, установив свое тотальное господство, с возрастом становится терпимее.

Так бесчинствовал социализм в России более полвека, истязал и тиранствовал – но вот с шестидесятых годов заговорили сначала в Чехословакии о "социализме с человеческим лицом", затем в России начали робко мечтать, и может быть, если бы не пришли к власти "юркие и прыткие", очеловечился бы социализм и у нас?

После него многим кажется, что эра всесия христианства в Европе была чуть ли не царствием Божиим на земле, и все положительное, что мы сегодня имеем, принесло будто бы нам христианство.

На деле же только в 13-ом веке Европейская мысль и культура с тысячелетним почти перерывом продолжила наследие античной цивилизации – математика, философия, медицина, литература, театр, музыка, живопись, зодчество, ваьяне были созданы именно ею.

Христианство было нетерпимо и к критике, и к науке. Научное размышление – это стремление выяснить истину: и сколько звезд на небе, и *прикреплены ли* они к небесному своду (независимо от того, что, может быть, было б *полезнее*, чтобы они с него падали!).

А христиане знанию противопоставили веру, и верили, что земля плоская, и даже близко к краю земли никого подпускать не хотели, пусть, мол, не смотря, как оно на самом деле, ибо *на самом деле* должно быть и есть только то, что служит (якобы) Богу!

Европейская культура, приняв права наследства на античность (и как бы еще смогли сохраниться за тысячу с лишком лет Пифагор и Евклид,

Эсхил и Сократ, Гомер и Платон, Пракситель и Архимед, Аристотель, Гиппократ, Плутарх и Тацит, и множество других: философов, ученых, историков и поэтов?) оказалась достойной своей матери – античной культуры. Но что же её Отец – христианство – способствовало ли оно Европейскому развитию?

Я умолкаю, ибо все общеизвестно. Но мы имеем ту и такую историю, какую уже имеем, и ни изменить, ни исправить, поздно поэтому возмущаться одержимыми ненавистью к миру учениками Христа.

Сегодня христианство другое, оно не воюет ни с автомобилем, ни с компьютером, не вызывает "на ковер" ни философов, ни астрономов, и даже не журит "академика Фоменко", своей новой теорией истории упразднившего и ветхозаветную историю еврейского народа, и даже само пришествие Христа.

Социализм – ближе, язвы его и урон его России – вот они, перед глазами, и правду о нем еще не поздно сказать.

Но кто ее услышит? Кто ее хочет слышать?

Диктатура демократов не только близка, но она – наша повседневность, однако и о ней писать бесполезно.

Да и есть ли сегодня смысл в письменной речи, если только это не письма к друзьям и родным, или любовные письма?!

Всё меня терзает, и жизнь, и падение России, и собственное бессилие, и только из-за похвал В-ки., Н. И. и Саши М--ова я еще продолжаю писать.

Я словно посреди чужого враждебного города, не нужный никому из пяти миллионов его обитателей, не нужный никому в России – на чье понимание, на чью поддержку могу я рассчитывать?

В прошедшую зиму Академия стала соломинкой, поддержавшей меня на плаву, родные и друзья решили, что я уже взялся за ум – и вот я снова на обочине жизни.

Мне кажется, что на меня смотрят мои близкие, или просто благонамеренные люди и спрашивают, понимаю ли я, что вместо писания Металогик должен работать и зарабатывать деньги, а не рассчитывать на чью-нибудь помощь?

Да, понимаю.

Но жить *правильно* – значит уже отречься от всяких стараний, от всякой надежды изменить безрадостное, безнравственное, ненавистное состояние России!

Чем мне может помочь христианство?

Оно и России моей не страдает – что вечной и бесконечной Истине до моей России? Конечно, христианство озабочится исправлением моей души, приведет в пример жития святых, спасавших душу и стяжавших Духа святого – но была ли для них Россия целью их подвига?

Да и посочувствует ли христианская Истина моей семье, которую я забросил из-за своей Металогии? Не повелит ли она еще пуще ее

забросить для Бога? Ибо если бросить семью для Металогии – грех, то для Церкви и Бога – не грех (лукаво скажет она).

... А что мне скажут Желябов и Софья Перовская?

"Оставь сомнения! – скажут они. – Россия важнее *спасения!*"

Но... К кому же мне пойти за советом и наставлением, за объяснением и оправданием? Всякий, кто *не бросает* свою жену и детей ради любовницы, монастыря, войны, революции, ради пьянства, собирания книг и писанья романов – скажет мне все то, что уже знаю я сам – то есть осудит меня, повелит писания мои сжечь, а озаботиться тем, чтобы близких своих не довести до "глада и мора и прозябания".

... Следовательно, если выйдет в свет эта книга, значит я пренебрег близкими и *не стал человеком*.

Чему же тогда могу научить я других?

25 июня, четверг, 8-30 утра. Пил вчера пиво с Н. И. на Екатеринбургском канале... Шел дождь, и мы спрятались в подворотню.

Говорили о моих *Записках*, и я посетовал, что уже всякие пустяки записываю.

"Пиши, Васька, сказал он мне, пока пишется, не заботься о том, много ли из всего останется – что надо, то и останется! Правда, разве в первой своей книге сказал ты уже не всё? – что еще возможно добавить?"

Как удивительно схожи наши судьбы – не потому ли не отодвинул он мою книгу от души своей?

В 17 он впервые увидел паровоз, в 27 бродил по улицам Рима, в 50 с небольшим, бывший философ, оправдал главное во мне – дерзость судить о неизвестном и доискиваться на собственном опыте до глубин понимания..

"Ум засушивает живой взгляд, ум для гербария, он либо возразит каждой мысли (ибо каждая мысль противоречива), либо разовьет ее в миллионах следствий и ассоциаций, так что за голову схватишься и побежишь без оглядки от таких умников. Смелей, Васька, есть у тебя В-а и Саша М---ов, а вот теперь уже есть и я, поэтому пиши, пока пишется. И хотя я не знаю, о чем ты пишешь в своей второй книге, но мне и читать не надо – я верю, что дурного не напишешь, и не напечатаешь."

Душа болит... Но вот перечитываю написанное – не слишком ли горячусь, не слишком ли много отчаянья и крика?

Да разве я не люблю? – даже многих из тех, кого я ругаю?

Сокращу выкрики, умерю самонадеянность и самолюбование, попробую быть милосерднее, ибо ко мне разве не более милосердна жизнь, чем того я заслуживаю?

29 июня, суббота, 7-30 утра. Еду в деревню... в вагон сел благополучно, хотя при посадке возникали по соседству *бои местного значения*; к счастью, воюющие стороны обменивались только крепкими выражениями, именуя друг друга "*Лысый пряник*" и "*Соломон*".

... Не один "жилищный вопрос" портит наш несчастный народ...

В богатейшей стране мира, которая все *строит* счастливую жизнь и *развивает* ее материальные предпосылки, многое осталось таким же, что и в году восемнадцатом, во время войны и разрухи – все так же забиты поезда *вьючным народом*, все так же русский человек с мешком на плечах, сдавливая и ломая ребра друг другу, возит картошку с колхозных полей, дубленки из Турции, рюкзаки и тележки, набитые черт его знает каким барахлом, по всем городам и весям, и когда я пеняю, что этого ведь больше нигде нет в Европе, мне возражают добровольные прохвосты, вместо того чтобы обвязаться гранатами, – дескать, *там начали раньше строить*, а *через четыреста лет* будет все хорошо и у нас! Но пока – чего-нибудь еще не хватает, запастись не успели, руки еще не дошли.

Если в вагон можно втиснуть сто человек, а едет тыща народу, то подгоняют укороченную электричку, ибо *"не хватает вагонов"*.

Разразился голод в Поволжье – *не хватило хлеба*.

Мучаемся в "коммуналках" – *не хватает жилья*.

Если Гога не поступил в институт – *на всех не хватило платных мест*.

Если в камере, рассчитанной на пятерых, сидит 50 человек – *на всех не хватает камер*.

Больно мне не от того, что на меня самого пока еще *не хватило камер*, а что *хватает* оголтелых защитников и оправдателей любого людоедства в России; не людоеды меня возмущают, а их верно-подданные псы, которых более половины в России.

– А вот во Франции.. – я начинаю..

– Там народ умнее! – парирует собеседник. – А у нас *не хватает мозгов*.

Это уже *горячее*.

Причина всяких нехваток известна. В большой России нормально быть больным, как и все.

Не хватает таких сумасшедших как я, вот и терпим любую власть, и тупую, и жадную, *гребущую под себя*.

Да, причины нехваток мне известны – *но в чем причина причин?!*

Ранним субботним утром, когда не надо спешить на работу, я ожидаю автобуса, чтобы от площади Мужества доехать до Лесной, минуя размытый участок метро, отремонтировать который *не хватает* у казны денег, потому что *не хватило* на скоростную магистраль до Москвы, которую тоже пришлось забросить, потому что *не хватает* пока на самые насущные дачи и виллы "*госслужащим*" (или *слугам народа*) и их знакомым "браткам и сестричкам".

Но автобуса все еще нет, и я терпелив, потому что пассажиров пока маловато, и на них может места хватить. Но время идет, наконец нас стало теснее даже на улице, и тогда из *отстойника*, где толпятся автобусы, толкаясь и мешая друг другу, выполз лениво один. Каким-то чутьем они чувствуют, когда нас становится слишком много, а их уже

будет на всех *не хватать*, и выезжают только тогда. Вот так же не хватает на всех электричек, но если случайно их становится много, то сокращается количество вагонов, количество скамеек, количество дверей в вагонах, и так или иначе, но нас сминают, сжимают, стискивают, чтобы самые остроумные состязались в творчестве, самых горячих притискивало к самым *притягательным*, а самые нетерпеливые начинали мыслить и задавать безответные вопросы: *Что делать?* и *Кто виноват?*

Бог всё знает, но Он молчит.

Я знаю тоже, но мне не верят и меня не слушают.

Вспомним полемику о коллективизации и разорении крестьян.

Благонамеренные сходились на том, что необходима была индустриализация, но на нее не хватало вагонов... тьфу, денег!

А так как взять их было неоткуда, то пришлось сжать, сдать, стиснуть крестьян.

Те, которые *"не постоят за ценой"*, рассуждают так же, но если первые ругают Сталина, хотя признают, что иначе поступить он не мог, вторые Сталина не ругают, потому что *иначе поступить он не мог*.

Так судья ругает разбойника, что пырнул он жертву ножом, хотя признаёт, что без ножа она отдавать и давать не хотела, на что адвокат возражает, защищая разбойника, что иначе поступить он не мог, так как жертва хваталась за камень, и без ножа отдавать и давать не хотела.

Вспомним полемику о революции и терроре.

Жаль, говорят нам *"красные дьяволята"*, что приходилось убивать невинных, но ведь всякая революция должна же *уметь защищаться*, и *если не мы их, то они нас!*

Мне все понятно, Мамай покориł русскую землю, и я живу среди потомков Мамаев, а Н. И. спрашивает, люблю ли я *реальных* людей, или только абстрактную Россию. Но если живу я в 1379-ом году, то живу я в Золотой Орде, и не только не люблю ее, но ее ненавижу, и пытаюсь собрать ополчение, и только когда победим мы на поле Куликовом, и станем жить в царстве Московском, начну я любить и жителей его.

Но вернемся к *индустриализации*. Она началась в России в 1861-ом году, и сопровождалась возрастанием крестьянских богатств, а не их разорением. Куда же она делась, и зачем ее надо было повторять, если железные дороги в Российской империи были уже построены все (даже Мурманская в 16-ом году во время войны всего за одну зиму; и даже транссибирская на рубеже веков всего за три года!); если заводы уже были построены тоже, и Путиловский, и Сормовский, и Донбасс, и Магнитка, а новых при большевиках за полвека, истребив миллионы, построили меньше, чем в *отсталой России* всего за пять лет?!

Россия уже была индустриально-аграрной страной, и это означало, что хлеб мы продавали за море, а *не покупали у них*, и корабли мы строили сами, что была протяженнейшая в мире сеть железных дорог, и вагонов не только *хватало*, но были они лучше и удобнее европейских!

Но о чем бы ни велись нынче споры, ведутся они жителями Мамаева царства, а на Святой Руси споры должны вестись по другому поводу – *далеко ли еще до поля Куликова?*

Возвращаясь к нехваткам всякого рода, следует признать, что они запланированы: *У нищего не хватает мозгов, у безмозглого денег!*

Причина разрухи Российского государства в том, что оно потерпело поражение в 17-ом году.

Как обустроить Россию? – Да очень просто – вернуть ее её законным владельцам! А чем долее мы будем упорствовать, тем будет хуже. Если нам, захватившим чужое в 17-ом и разграбившим родину, горько каяться и отдавать награбленное (хотя бы остатки его) прежним правителям и владельцам России, то мы пожнем самые тяжкие плоды нашего упорства – через 25 лет нас останется только 25 миллионов, и не нам будет принадлежать Россия, и даже не татарам, башкирам и черемисам, но поделят ее немцы, японцы, китайцы, а по кусочку перепадет и их холуям.

Надо принять закон о *возобновлении* Российской империи, следовательно, о возвращении земель, фабрик, заводов, дворцов и пепелищ законным прежним владельцам, и как только император вернется в Россию и вернутся Голицыны, Потемкины, Нарышкины и Мамонтовы – вернется душа в Россию, и воспрянет тело.

И станет, как положено в разумной стране, не только всего хватать, но и в разумный излишек!

14 августа, Медовый Спас. Прежде этот месяц был всегда ко мне добр, словно и природа и душа вместе пожинали урожай, подводили и осмыслили *итоги*.

А теперь по ночам одолевают боли в левом боку, да и всё другое скрипит, трещит, болит и стонет. Возможно, причина не в сердце, а болит что-то ниже, или сбоку, или всё вместе, или иммунная система, или нервная, или какого-то микроэлемента не достает в теле, или кончился в моторе бензин (хотя как будто капельки *"масла еще есть в голове"*).

Сама атмосфера жизни насыщена грозой и угрозой, пусть уж молнии исхлещут и гром изгрохочется, и ливень прохлынет в духоте и в мареве....

Всю жизнь я проспорил с догматическим мировоззрением, одетым, как крышка, на мой чугунный народ...

Мировоззрение это сдвинулось уже набекрень, но не рухнуло, и не разбито. И надо еще собирать ополчение – но к кому я могу обратиться с призывом? К тем, с кем вышел я лет сорок назад *"существовать и мыслить?"*

Увы, недостаток моих *современников* – или слишком рациональный, или чрезмерно иррациональный взгляд на культуру и историю, на содержание, смысл и цели Бытия, недостаток в уме души, а в душе недостаток ума.

А у современниц?... Сорок лет назад были среди них и *ветреные...* но о них не велят вспоминать читательницы... Были и *пламенные комсомолки* – но о них не хочется вспоминать мне самому.

... Нет, никто из них не пойдет со мной в партизаны!..

Но и мне нечем похвастаться, потому что я истратил себя на споры, на пьянки, на то, чтобы остаться "лишним человеком" в тотальном советском обществе.

И хотя я понимал, что беседа с *одинаковочувствующим*, с братом по духу (или сестрой) предпочтительнее спора, но трудно было мне удержаться, когда я слышал поношение того, что любил – вот и ввязывался в нелепые словопрения. Но так же ведь и с водкой! Тоже лучше б её не пить, тем паче чрезмерно, но понимание наступило поздно, и осталось сожаление: Ах, сколько выпито! Ах, сколько потеряно времени в пустом говорении!

Хорошо еще, что девушки умели слушать, (и всё еще меня слушают), а я всегда любил разговаривать с ними – так что не вся моя жизнь прошла зря, было в ней немало хорошего!

Правда, виноваты ли в своих недостатках мои современники, из которых и школа и университет вылепили не наследников великой русской культуры, а пасынков ее, не граждан и патриотов, а циников и обывателей?! – поэтому, оставив обличения, пытаюсь призвать их к возрождению.

Еще не все потеряно, говорю я им, если мы сделаем внутреннее усилие, то Господь даст нам еще тридцать лет жизни, а за это время мы прочитаем и Аксакова-отца об уженьи рыбы, и труды его сыновей, прочтем Историю России Карамзина и Историю Опричнины Веселовского, Карсавина и Флоренского, Бердяева и Шестова, а я допишу Металогоику, и, может быть, вы и ее прочитаете – клянусь вам, урона для вас от того не будет!

Правда, я не открою вам ничего нового, а только открою глаза на Россию, на ее великое прошлое и бедственное настоящее, и вы, может быть, опомнитесь от дурмана лжи, и увидите, как и я, что у нас проходимцы украли не только нефть и алмазы, но и историю и культуру!

И хотя и после этого не пойдете вы со мной в партизаны, но хоть будете мне сочувствовать.

Нет, не был революционером и я, подпольщиком или партизаном, всю свою жизнь я *приспосабливался к жизни* – но это *приспособление* относится только к быту; в духе я пытался оставаться собою.

Я писал то, что думал, или не писал ничего, но не пытался сотрудничать с оккупационной культурой.

Самим собою я был в отношениях с друзьями, в семье, даже в своих любовных увлечениях. Вместо взрослых «романов» затевал я невинные романы со школьницами – это был мой побег из тюрьмы рутинной жизни и одномерности общепринятого.

И все же, приходилось и мне притворяться – я писал стихи и лири-

ческие рассказы, когда душа рвалась к борьбе по образцу партизанской войны Че Гевары; я изображал «законопослушного», хотя существенно не совпадал с типичным для советского общества homo soveticus.

Определяющим чувством были страх и подчинение, но в основе мировоззрения лежал протест.

Однако, каков итог моей жизни?

Неутешительный.

... [А дальше идут всё те же надоевшие "жалобы пленного турка" – .. вопли, слезы, сопли, жалость к себе, обличения других, самолюбование.. и стенания, стенания, стенания – так сказала бы Ви--шка, если бы прочитала. А посему опускаю я их, и бросаю рукопись на растопку...]

Да и не всё плохо. Вчера приехали из деревни, привезли зеленые помидоры, огурцы, перцы, стручки фасоли, зелени, цветов – да разве это не волшебная жизнь? Зелень пойдет в борщ и салат, помидоры будут лежать и наливать румянами, а цветами мы будем восторгаться!

... Конечно, есть и невзгоды. Нет денег (осталось 16 рублей на три дня), зато есть – ломбард, долги за квартиру, долги за прочее...[А что скажут читатели, многие из которых бедствуют больше меня? На растопку, на растопку!)]

Правда, это еще не весь итог.

Не бедствовал ли я не раз в протяжении жизни?

В детстве в нашей деревне большинство жило бедно, хотя побираться не приходилось никому – сетовал ли я, что мы бедно живем?

Оглядываясь на свое детство, и видя в нем так много добра и любви, и только зло в государстве – что я теперь скажу? Хотел ли бы я, что бы мы тогда были богаты? Но разве малина в лесу, и рыжики в кадке, и рассыпчатая картошка на столе стали бы от того вкуснее и слаще? Разве березовый сок был бы ароматнее, и гуще запах березы, и ярче и красочнее цветы на лугу?

Нет, всё в детстве было прекрасно, и если я и плакал, то не из-за себя, а сочувствуя тем, кого я любил...

А какие богатства оставил протопоп Аввакум своим детям?

Вот Настенька учится в замечательной школе, театры и музеи к ее услугам – так сетую ли я на своих родителей, или на судьбу, или на Бога, за то что писать мне школьные уроки приходилось на газетных полях, а уж обложки тетрадок и даже промокашки были мелко исписаны!? Что и первое в своей жизни кино посмотрел я сквозь колючую проволоку Зоны, сидя в темноте у ограждения, но, правда, с вольной его стороны?!

Что имеет городской ребенок для своего развития, тем я был во всём обделён – но я не был несчастным, и не требовал больше того, что мне отпустила судьба.

Жаль, что теперь повсеместно даже достоинство человека меряется житейским успехом, и среди должного вменяется человеку не главный долг – *достойным стать человеком*, а – *достигнуть благополучия*. Если

же следование долгу приносит как раз бедствия, нищету, гонения – общество презирает такого человека как недостойного.

К кому бы обратился сегодня Христос, две тысячи лет назад нашедший двенадцать последователей – нашел бы он хоть одного?

Но и это еще не главный итог.

Моя Россия в упадке и разрухе.

Если сто лет назад населял ее достойный народ – работающие и трезвые, искусные в ремеслах крестьяне; прилежные заводские рабочие; выдающиеся писатели, живописцы, зодчие; благородные и мужественные воины – то сегодня горько мне от повсеместного падения, от того, что народ наш презирают за его пороки даже в Зумзумбе, и страну нашу не уважают, не любят, и смеются над ней (и поделом).

Да защищает ли наша страна граждан своих, оказавшихся за рубежом? Или у себя в стране? Можем ли мы обратиться за помощью к своему государству, или только бояться и прятаться от него – поймает, увидит, что еще жив, и не всё отнято – отнимет последнее.

... Не хочется жить. ... Не хочется верить в Бога.

... Детские видения, мечты о великом будущем, странный сон об избранничестве, который прошел через всю мою жизнь – это не главное ли было во мне?

Может быть, бегал я за ветряными мельницами, и надо мне образумиться и, как Дон-Кихоту, сжечь свои книги?

Но не лучше ли тогда прострелить мое сердце?

... Итак, подводя итоги, могу сказать лишь одно – я потерпел поражение. Во всем.

Но еще не до конца сдался, привычка писать неотменима как стон.

Не раз, сравнивая себя с благополучными людьми, живущими для успеха, я восклицал, чтобы посрамить их – ваше благополучие ничтожно, вам не даны те радости, в которых купаюсь я!

Огород, который я вскапываю и удобряю, и все, что на нем растет. Жаркая баня и холодное пиво в ведре в колодце. Июльская заря во все небо и августовское звездное небо в горящих алмазах и Млечном пути. Родные, друзья и Настенька, которая *"хорошо на меня смотрит"*... – так она мне написала на листке бумаги со своим рисунком.

Но... Разве я обо *всём* пишу, что меня мучает и делает несчастливym?

... Болит.. Почти всё болит и помимо сердца, но я не иду к врачу – никто не узнает, отчего я стенаю и охаю среди ночи (и дня тоже), никто не сумеет вылечить. Болят глаза, скрипит голова, не разгибается шея, не сгибается поясница, давит, тянет, саднит...

Рассыпáюсь на атомы (оказывается, из них и я состою) – но кто мне поможет?

"Да тебе давно пора умереть! – восклицает сердобольный прохожий, – а ты еще жив и досаждаешь другим!"

... *Затянуто тучами мое небо в алмазах, и никому я не нужен.*

... Не стою я на вытяжку и перед Моисеевой скрижалю – то, что для меня важнее всего, для древнего Иудея было несущественно.

Не завещал он среди добродетелей любовь к Родине – но у скитальца ее и не было. Не говорил он о творчестве и культуре, а о волах, из-за которых не надо завидовать соседу...

Что мог почерпнуть Коперник в Ветхом Завете? Мог ли он на него опереться? Мог ли он прочесть о том в Вечной Книге, что можно для науки пожертвовать собственным благополучием? Благополучием своих близких?

Но надо ли и перед Новым Заветом стоять навтыяжку? Мог ли Трубецкой, идя на Сенатскую Площадь, прочитать в поученьях Христа, что вправе он оставить жену и детей и идти за *свободой*?

Оставь семью и иди за *Мной!* – сказал Христос. И многие пошли за Ним, оставляя близких.

Но что мог сказать Христос моему отцу, оставившему семью, и ушедшему на *войну*?

Или ученики Его?

Они все бессемейны, безродны, не от мира сего, и проповеди их ничего не могут сказать тому, кто привязан к миру, как мать к своему ребенку, как жена к мужу, и кто посему живет для мира, озабочен его нуждами, озабочен его исправлением и Преображением.

Царствие небесное (если оно есть) зарабатывается только на поле брани, а не бегством от него. И кто пашет и сеет, тот будет пожинать и небесный урожай. (Правда, к пахоте я отношу и писание книг, но не приносят они мне урожая здесь, на земле, принесут ли на небе?)

Что мог сказать Христос моей матери, ночью на санках везущей из лесу дрова, чтобы утром следующего дня растопить печь? Или ночью на санках везущей с поля солому, чтобы утром задать корм скотине?

Велел бы Он ей не заботиться о завтрашнем дне? Напомнил бы, что Отец небесный Сам нас оденет и пропитает – вот, ведь, лилию водяную украсил Он так, что нам и не снилось?!

Нет, проповедь Христа обращена только к тем, у кого нет детей, поэтому и призывал он детей не рожать!

Проповедь Христа обращена к тем, кто не работает, но ест; у кого нет семьи, Родины, среды обитания; нет прошлого и нет будущего – здесь, на земле; кто не укоренен ни в чем здешнем, но только в нездешнем!

И поэтому вопросы, на которые ищу я ответа, у Него безответны.

Чтобы человек оставил семью и детей *для Бога* – это в Священном Писании обосновано, ибо что прежде надо любить Бога, а уже потом человека, повелел еще Моисей в своих Заповедях, и потом подтвердил Христос – но можно ли оставить жену и детей и пойти на Сенатскую Площадь, или пойти на Поле Куликово, или пойти в партизаны – на этот вопрос Библия ответ не дает.

Впрочем, если Кесарю надо отдать кесарево, и всякая власть от Бога, то не значит ли это, что не только не надо ходить на Сенатскую Площадь,

но и КолоколЪ издавать, писать "Былое и Думы", писать и расклеивать листовки, да и что бы то ни было писать с критикой существующего строя, требовать Конституции, Государственной Думы, прав и свобод... нет, следует только *повиноваться*, трепеща: дети должны повиноваться родителям; жена – мужу; рабы – Господину!

Пишущий еще не успокоился, еще задает вопросы и ищет ответы – нет, не согласился он с тем, что сказано уже всё, *истина окончательная, вступает в силу немедленно, и обжалованью не подлежит.*

У Моисея ведь не было Родины, не мог призывать он к ее защите; да была ли родина и у Христа? Или Родиной иудеев являлся Бог Ветхого Завета, и Израиль и был сосредоточен в Книге Книг?! И где сын Израиля открывал Книгу, там и была его родина, она умещалась в Священном тексте, а Вера в Бога *избранного народа* замещала и родину и "любовь к отеческим гробам"!

Но Истина – это вся наша жизнь, и история и культура, она не содержится полностью ни в сочинениях Достоевского и Толстого, ни даже во всей великой русской литературе.

Она не содержится полностью даже в математике и физике вместе взятых, и если Библия молчит и не дает мне ответа, как жить дальше, то ведь и математика тоже молчит!

Но, может быть, на некоторые вопросы ответ я найду – с помощью Достоевского и Толстого, отчасти и Библии, сочинений Отцов Церкви и более поздних писателей, и конечно же с помощью математики, философии и всей той трудной и прекрасной жизни, которая выпала на мою долю?

Истина предполагает диалог.

Собеседники должны уважать друг друга, поэтому читателю следует без предубеждения относиться к тексту, внимать и доверять ему, но и к себе относиться с доверием – тогда Бог Израиля многое скажет и русскому читателю, и Христос не будет проповедовать в пустыне.

И мои размышления об односторонности и предвзятости текста Священного Писания не покажутся направленными на то, чтобы закрыть Библию, а напротив – открыть для чтения и сделать частью культуры. Те, кто уверовал чрезмерно, захотели Библией заменить культуру, они разбивали статуи Аполлона, сжигали еретиков и их творения – они утверждали, что поступают во славу Божию – но разве такие ученики и такие воины нужны Господу?

Да это воины Аттилы, Тамерлана, Чингиса и Батыя, это *молот Божий*, а не инструмент строителя и садовника!

Правда, одержимость, односторонность, несправедливость, узость, самозабвение и забвение, жертвенность и готовность принести в жертву других, готовность огнем и мечом насадить истину учения – как раз и утверждают в мире новые государства, новые системы отношений, новые церкви. Мы пишем книги и иконы, строим храмы – они сжигают, ломают, рушат... и вот на обломках разрушенного культурного мира

возникает Священная Римская Империя, Исламский Восток, Империя сельджуков, Советский Союз... Они устраивают крестовые походы, избивают гугенотов, убивают царей, истребляют народы... а мы гибнем в их войнах, в ссылках и лагерях, в тюрьме открываем вулканы на Луне и пишем романы о Дон-Кихоте Ламанчском...

Но создал ли бы я Христианскую Церковь, совершил бы Октябрьскую Революцию? Нет! Я не вмещаю монастырь, бессемеиность, безродность, "несть эллина и иудея", "пролетарии всех стран – соединяйтесь!", "кто не со Мной, тот против Меня!", "лес рубят – щепки летят!", "шаг влево, шаг вправо – считается побег!" Я только могу написать свою книгу, в которой попытаюсь понять, кто ближе к Богу – они или я?

Что они нужны, я уже не сомневаюсь, без них некому было бы сечь Орлеанскую Деву и Джордано Бруно, расстрелять Колчака, Гумилева, Анастасию Романову и миллионы других – и утвердить новую веру.

Но нужен ли я?

Иногда жить тошно, как с перепоя. – Так может быть, лучше, чтоб меня расстреляли?

Отчего же я не спешу быть расстрелянным? – Оттого что остались еще уголки в мире, в которых не всё порушено, и книги еще не все сожжены, и статуи Аполлона и Афродиты еще не все перебиты...

Ночью было плохо, и сердце (или душа?) и теперь болит..

И есть ли в чем мне найти утешение?

Поэтому, как бы ни казалось справедливым все то горькое, что я теперь написал, надо будет поискать и сладкое, утешающее, а то уж совсем невольно..

Три дня в августе

День первый, 29 августа, четверг, 11-40. Ночью было плохо, что-то болит и теперь, и всю плоть мою грешную трясет и корежит, достается и безгрешной душе.

Утро не принесло, как обычно бывало, облегчения, разбитый, как будто меня скалкой лупили всю ночь и отбили и ноги, и лопатки, и шею и подошвы – разбитый и несчастный, еду я в Пулковое.

Водку я пью уже редко (ах, да и вправду ли?!), и укладываюсь в "санитарные нормы" – отчего бы, кажись, болеть?.. Но болею я, вероятно, из-за несправедной жизни, потому и пишу теперь о болезни, что пытаюсь найти от нее облегчение, а может быть, *назидательное* и для Металогики.

Если я перемену свою жизнь так, чтобы уже не проклинать ее, а радоваться и славить Бога, то хвори мои, возможно, пройдут...

Не потому всё скрипит, трещит и ноет, что поломались клапаны в сердце и в печени, а – дышу не тем воздухом, "песок забился" во все мои капилляры и "сфинкторы Одди" и во все "дивертикулы". [Вспомнилось, как Гар--ов после операции, когда ему разрезали брюхо, в полубреду услышал, что поминается некий "дивертикул", который будто бы у него отрезали. С воплем отбросил он одеяло и стал под простыней шарить, и

захотел, счастливый, так что медсестра за врачом побежала: "На месте дивертикул, ура!"]

И хотя у меня тоже пока все на месте, но скрипит и ноет, и сил нет радоваться.

Августа 30 число, день второй, пятница. Не знаю, есть ли пределы у взлета, но у падения предела нет; так что пал духом я еще ниже.

Ночью почти не спал, брюхо болело, суставы ломило, и мучила изжога, словно налили в меня керосин.

Теперь-то я уже подшучиваю над собой, а еще утром стенал.

Человек, по существу, беззащитен.

Беззащитен перед природой... (Но и она, увы, беззащитна перед самоуправством человека, даже реки перед ним беззащитны, и такую великую реку, как Волга, перегородили в разных местах плотинами, затопив водой города и села, погубили в ней рыбу, – а Волга разве от того не страдает, если у нее есть душа? А душа у нее должна быть.)

Беззащитен перед Властью, перед Силой. Посаженный в тюрьму, беззащитен перед всеми, а больше всего перед швалью человеческой, убийцами и ворами, которые в тюрьме как раз и составляют *авторитет и силу* (как о том повествуют Солженицын, Шаламов, другие.)

Беззащитен человек перед болезнями.

Вот еще вчера намеревался я стать счастливым – что от моих намерений осталось сегодня ночью?

Думал я только о том, что жизнь моя кончилась, и ничего кроме мучений и смерти меня не ждет, и не будет больше добра от жизни, но хотя бы злые напасти снести было мне по силам, кротко надеюсь?

Правда, не является ли страдание целью существования для праведного христианина? *Сподобился муки принять!* – ликует душа истинно верующего. Да и в моей жизни страдания занимают столь важное место не оттого ли, что и я христианин (хотя *диссидентствующий*)?

Нужно искать работу, пока не приютила тюрьма.

Сегодня починил протекающую трубу под раковиной – сначала, пытаюсь ее починить, сломал и другую трубу, но потом купил ее за 20 рублей, а протекающую, как ни удивительно, всё таки починил. Так, может быть, пойти мне в водопроводчики? Или в сторожа?

Может быть, это у меня получится лучше, чем писание Металогик? Ну, да, я пишу *гладко*, но всегда ли это достоинство? Может быть, лучше писать *коряво*?

Ибо десять человек прочитали, двадцать – попытались читать – но никто не позвонил, никто не сказал – "Васька, только что прочитал, радуюсь за тебя, поздравляю, книга великолепна, в первом ряду!"

"Может быть, гениальна?" – задал бы я робкий вопрос, чуть слышно... но те, кто его услышит, примут его за шутку..

Уповаю я теперь только на тюремное заключение. Во-первых, решится проблема с жильем для Настеньки, во-вторых, и я окажусь "при деле", и не нужно будет искать работу.

А в-третьих, решатся и прочие все проблемы. Если в тюрьме я умру, похоронят меня за государственный счет, а значит не будет у семьи моей лишних расходов; а у меня – тщеславных надежд, необоснованного честолюбия, обличительного пафоса.. ничего уже больше не будет, и даже не услышу я *поношений*.

Мертвые, бо, сраму не имут, а грехов, не думаю, что так уж много за мной, если только не считать, что и впрямь (как будто бы сказали на каком-то Вселенском Христианском Соборе – а может быть и сказали?) *долги больше чем грехи...*

17-30. Приютился уютно в уголочке на Московском проспекте и пью пиво – все равно помирать, а брюхо мое и без пива мучило меня и стенало всю ночь.

Приходил для встречи с *богатым*, но его не дождался... Вот и пью пиво, потому что солнце светит приветливо, девушки по-прежнему манят, и пока не умер, хватаюсь даже за мелкие радости быта.. А вдруг еще и произойдет чудо?

18-00. Еду восвоюсь домой.

Жизнь не удалась, и неизвестно, надо ли искать причину – все равно ведь ничего не исправить! Заново жизнь я уже не начну, а в продолжение этой жизни мне "ничего не светит".

Отчаянье и одиночество...

Кажется, что сорок лет назад, после сорока лет террора и одичания, общество было теплее и душевнее. Мы были нужны друг другу и интересны. Спорили о коммунизме, о справедливости, о свободе...

Закабаленные извне, внутри были свободнее, чем сегодня; нищие извне, внутри были состоятельны.

31 августа, день *третий, суббота*. Жаль, что август заканчивается в горестях и болезнях.

Сижу дома, работаю на компьютере, правлю учебник и Металогикау.

Следователь пока молчит, и я пытаюсь связать рубашку из крапивы, а далее – Бог весть.

1 сентября, воскресенье, девять часов утра. Еду в деревню, проехал Любань, следующая станция Чудово.

Пока человек жив, инстинктивно сопротивляется он полному унынию (если только не заболел у него сам "инстинкт самосохранения"), поэтому после жалоб и стенаний я пытаюсь воспрянуть духом, то смотрю на *очаровашек*, то иду в баню, то прибегаю к "русскому средству против простуды", после которого снова стенаю и охаю, и падаю духом ...

Я был счастливым человеком, устраивал литературные и музыкальные вечера, писал рассказы, ухаживал за девушками, меня любили друзья и родные, и денег хватало "на жизнь", на книги и путешествия.

И все же – достаточно ли я ценил повседневные радости? Пятнадцать лет назад в августе я жил на хуторе на живописном холме,

наслаждался свободой и красою природы, спал под яблоней и под звездами – и при этом еще осмеливался страдать из-за *несчастной любви!*

Может быть, и сегодня такой же счастливый придурок льет слезы от того, что *преlestная* вдруг посмотрела в сторону – о, как необходимо ему, сильному, красивому, умному и молодому, роняющему слезы на дорожки Летнего Сада... или на паркет Русского Музея... или на мраморный столик кафе "Север" – перенестись на минуту на двадцать лет вперед, увидеть себя, седобородого, в тисках от долгов, с потрепанной репутацией, помятой физиономией, без денег, без работы, без перспектив – чтобы перестать беситься с жиру и задохнуться от *счастья любить и терзаться*, верить и обманываться, надеяться, мечтать о великом будущем *в объятиях прекрасного настоящего!* Да, даже слезы лить из-за красотки – бывает ли счастье большее, когда есть друзья и родные, интересная работа, талант, душа и ум, стихи и рассказы – а если красотка уходит к другому, то ведь иногда и к тебе возвращается, неблагодарный!

Правильно ли я жил, в чем и когда согрешил?

Я жил хорошо и правильно, несмотря на некоторую, по выражению Настеньки, *ветреность*, потому что хотя и был более ветреным, чем многие, но и более верным, чем большинство.

Я выбирал будущее, и опрометчиво выбрал не самое лучшее – но был ли в действительности у меня выбор? Предоставляла ли его мне Россия? Предоставлял ли его мне Господь?

Но не буду ни оправдывать себя, ни винить, пусть этим займутся Бог и Судьба, если я им еще не безразличен. Когда-нибудь я узнаю, что они решили на мой счет, и тогда соглашусь с их мнением, или его оспорю.

2 сентября, позднее утро. Позавтракал на зависть олигархам. Растолок с сахаром желтую и красную малину, да Дуся принесла ведро черники, да чай с мятой... да сладчайший каравай с маслом, да на плите "откладывается" простокваша, и скоро уже будет свежий творог!

Могут ли богатые купить деревенские непрехотливые радости за свои прихотливые деньги? Чтобы после невзгод, электрички, бани, пьяного Сергея, который вдруг заявился в полночь, и замучил меня почти до смерти, после сердечного приступа – утром облиться еще горячей водой, вдохнуть все еще жаркое утро начала сентября и заняться приготовлением творога, не помня о прошлом, не заботясь о будущем... да и *не в объятиях ли прекрасного настоящего?!*

12-00. Сходил за молоком к Зое, по дороге помог Елене Сергеевне расколоть дрова – 96-тилетняя старушка, сломавшая в прошлом году ногу в бедре, колола дрова у сарая, и даже заплакала, что я ей помог!

17-40. Сижу в электричке, мой приметный рюкзак стоит рядом со мной, а сверху его громадный букет цветов.

Жаль, что приходится уезжать... Вчера я был разбитый, больной, несчастный, и радость деревенской жизни пил еще мелкими глоточками, а сегодня и баню истопил бы жарче, и картошку сварил порассыпчатей, да приготовил салат, да оставил бы простоквашу!..

Погода так великолепна – сияющее не жаркое солнце, чуть-чуть прохладный ветерок, прозрачный воздух, легкие облачка на небе, – что захотелось, как в детстве, глазеть в окно, предаваясь бесцельным приятным мечтаньям...

Восемь часов вечера, солнце уже низко над горизонтом.

Только что проехали Волхов, какая-то женщина у своего дома накрывает пленкой парники. Становится прохладнее.

... Но вот уже солнце пытается сесть, а я надеялся, что оно еще долго будет сиять на небе...

... И все-таки оно еще держится, не упало, только временами скрывается за лесом.

Вот выскочили мы на прогалину, и оно засверкало мне прямо в глаза.

20-45. Горизонт заволокло дымом, и мы едем сквозь дым – горят торфяники. Красный шар солнца уже окончательно садится в "дыму пожаращ".

А вот уже только краешек его виден.

... А вот уже только красная заря над лесом, кажется, всё, солнца с нами нет больше – до завтра.

Но облако в месте "посадки" так горит, что возможно хоть капелька солнца да осталась над горизонтом, только мне не видно её.

На почве "абстрактного" мировоззрение не обнаруживает свою несостоятельность; опровергнуть "в общем" ничего нельзя.

Рассмотрим, например, вторую заповедь Христа – *Возлюби ближнего своего, как самого себя!*

Даже атеисты признают её высокий идеальный пафос, её красоту, её значимость ориентира, идеала, путеводной звезды. Хорошо это или плохо – *любить ближних*, возможно ли их любить, и должно ли их любить – об этом нелепо спорить, это почти вопрос вкуса, эстетического предпочтения, тем более, что, как уже сказано, кто и восторгается этой заповедью, соглашаются, что исполнить ее они не могут.

Но чтобы полюбить, надо, чтобы предмет любви был нам близок, приятен, не отталкивал нас, или (хотя бы) отталкивая притягивал; или (хотя бы) возбуждал любопытство; или (хотя бы) возбуждал ужас ... или (хотя бы) исполнен был в наших глазах величия и достоинства.

А пожалеть можно и того, кого презираешь, кто кажется даже ничтожеством или злодеем.

Жалость – более универсальный и важный закон в человеческих отношениях, и даже в отношениях в мироздании в целом – мы и цветок можем пожалеть, и хромого котенка, и птенца, выпавшего из гнезда.

И поэтому вместо – "*возлюби ближнего*" – я скажу: не закрывайся для жалости, не ожесточай сердце до того, чтобы уже не быть способным даже и врага пожалеть – в минуту его унижения и страдания.

Но надо ли еще и *возлюбить* его? Нет, заботясь о *ближних*, о других заботиться надо с оглядкой, чтобы догматическое *возлюбление*, в рамках партийной установки, не оказалось злом для подлинно близких.

Вообще прямолинейные установки, "заповеди" и заветы регулируют жизнь одномерных людей успешнее, чем непредсказуемую жизнь живого многомерного человека....

16 сентября, понедельник, 10-00. Мчусь в электричке в деревню и восхищаюсь всем, что вокруг.

Мир разнообразен, в нем много всякого, в вагоне – девицы (хотя и неинтересные), цветы и деревья за окном, и много чего другого, например, железная дорога, которой тысячу лет назад еще не было, хотя и цветы, и деревья, и девицы – были. Но миллион лет назад хотя и были цветы и деревья, не было девиц, даже и неинтересных, и на мой взгляд мир от этого сильно проигрывал, хотя и был все же лучше, чем миллиард лет назад, когда не только девиц, но даже цветов и деревьев не было, а только Солнце, Луна, и звезды, Земля пустынная как Сахара, ни воздуха, ни воды, а только какие-нибудь инфузории махонькие.

Как же это оно за миллиард лет из пустынной земли да разве инфузорий каких до такой вот нынешней жизни дошло, что хотя электричка опаздывает, но уже только на 30 минут, девицы хотя и не шибко интересные, но все-таки *есть* (хотя, может быть, и *не девицы*... но все-таки не инфузории)? – спрашивают иные.

И вот некоторые отвечают на это, что все то, что сегодня, создал Бог семь тыщ лет назад, а другие возражают, что никто ничего не создавал, а все само собой образовалось из воды и инфузорий в результате *эволюции*, причина которой – *борьба за существование*.

Вообще для теорий, объясняющих историю, характерно, что если представить их в виде *усложняющейся* лестницы, ведущей в небо, то чем ближе к нам, то есть чем *сложнее*, то всё создателям теорий кажется понятнее и легче объяснять, а о нижних, *примитивных*, ступенях говорится скороговоркой или умалчивается.

Совершенствование, развитие, эволюция, говорит Дарвин, объясняется следующим.

Происходит в жизни всякое, и даже, например, иные дерутся за место под солнцем (и не только муравьи, но и растения, и на своем огороде я ежедневно вижу, как сорняки пытаются заглушить мои посадки), и *выживают*, говорит Дарвин, *сильнейшие*, то есть, более развитые. Впрочем, мои саженцы слабее сорняков, и выживают лишь с моею помощью, потому что *понравилась* мне – так и за девицу побеждает тот, кто ей больше понравился, а когда доходит до драки, девица способна решить весь ход дальнейшей *эволюции* на этом узком ее участке с помощью сковородки, обрушившейся на голову соперника...

Так сильнейший ли побеждает, стихия ли властвует, и является ли эволюция *борьбой за существование*?

15-00. Но вот уже я в деревне. Собрал в парнике помидоры, прямо у крыльца сорвал подберезовик, и варю деревенскую похлебку...

22-00. Ура, ура, ура! Пропарился в баньке, пью холодное молоко с Зоиным капустным пирогом.

Печка то мурлычет, как кошка (а я пью чай и упрекаю себя, что не иду второй раз в баню), то вдруг начинает гудеть.

...Подложил еще дров, огонь трещит, крихтит, сердится... вот уже успокоился и разговаривает сам с собою...

17 сентября, вторник, 10-30. Приезжал я в деревню за живую водою и лечебной "травой". Спал как под пуховым одеялом, а теперь вот вкушаю помидоры и огурцы, лук и петрушку, да мятный чай под полотенцем млеет, и солнце сияет на небе.

17-30. Но, увы, уже возвращаюсь я в город. В ожидании электрички старик один подозвал меня, давай, говорит, покурим..

Живет в деревушке около Торбина, корова сломала ногу, привез в Окуловку продавать мясо, но даже по 30 рублей никто не берет, – столовая покупает через посредников, а у Детского Дома нет холодильника...

Рассказывал про деревню, местные перестали даже картошку сажать, поля зарастают, деревни пустеют, работать никто не хочет, только с чужих огородов несут и чужие дома грабят..

Река мелеть стала, и вовсе иссякать – только ли правительство виновато? Может быть, уничтожает Господь народ русский за то, что всех достойных истребил он в революционный загул, а покаяться в разбое не хочет?

Патриоты запрещают народ ругать – но если пропадает народ, то не убаюкивающая ли ложь патриотов тому частичной виной?

Умирает больной, и я настаиваю – надо лечить, искать лекарства! – а охранители рядом кричат – сам ты, сволочь, больной, **изыди от нас!**

"Защитники" народа русского (а равно и защитники правительства) – самые лютые враги народа, из-за них и не удастся хоть что-нибудь сделать для его спасения!

Поля зарастают, деревни пустеют, а соотечественников, оставленных за несправедными границами, Россия, злая мачеха, гонит прочь. В Москве полтора миллиона "турок", но об этом нельзя говорить, тут же в расисты запишут, а русских не пускают в отцовский дом.

... Но не всё плохо. Тронулись уже и из Малой Вишеры, и штраф не платил, да еще сзади сидит синеглазая, иногда я оглядываюсь и отхлебываю от нее по глоточку.

...Но вот уже *девять часов вечера*, похолодало, и очаровашка сидит уже впереди и не повернется, чтобы полыхнуть мне синим сиянием....

... Отчего же я езжу в деревню, хотя при всякой экономии это нынче

дороже, чем купить зелень на рынке, да и весь огород мой в придачу? Отчего я езжу, тратя в один лишь конец, считая с метро, электричкой, автобусом и пешей ходьбой с моим рюкзаком, по которому меня узнают милиционеры даже в Москве, около девяти часов тридцати копеек времени, а не хожу на *Кузнечный рынок*, где легко купить и огурцы и помидоры, правда, не такие вкусные, как в нашей деревне?

Вот, например, вчера... На завтрак у нас был салат, который я назвал "завистью олигарха", в который входили укроп, петрушка, сельдерей, киндза, базилик, иссоп (цветет фиолетовыми цветами), помидоры – "цыган" (черные), "чудо света" (желтые), "хурма" (оранжевые) и "жирик" (тот самый)... – да, это всё на самом деле, а не школьное сочинение на тему: "как я провел лето в деревне" ... За обедом мы ели картошку, в которую я **не** положил масла, боясь ее испортить.

В девять часов пошел за молоком к Зое... а утром она приходила сама, оборвали пол-огорода цветов на свадебный букет для Ани... да, Анечка вышла замуж, и в три часа в Боровичах была свадьба, а к девяти уже все, кроме нее, вернулись (и ее трехлетний племянник показывал, как там "гуляли", пили и *падали*); родители привезли в утешение бутылку *свадебного* вина, меня усадили за стол, поставили миску душистой картошки (куда еще положили сметаны, отчего сметана стала еще лучше), и миску малосольных огурчиков, да и с собою десяток дали.

Перед баней, сказали мне, рюмка-другая... да даже и третья!.. не повредят!

Да, клянусь, вреда и вправду не было никакого!

В одиннадцатом часу пошли мы с милкой в баню, я распарил три веника, а в ведре с холодной водой охлаждалась бутылка с квасом.

"Счастье не купишь за деньги!".. (И с этим даже олигархи согласны..)

Но и квас, который мы пили, ошалев от пара, не купишь тоже – его не продают в магазинах, а делают сами из ржаных сухарей. С хорошим человеком я могу поделиться секретом, только не выдавайте его олигархам, они не дали мне денег на энциклопедию о дворянских поместьях, хотя издание принесло бы им *прибыль*, и деньги бы вернулись с *лихвой*, но проще им получать *лихву*, давая *мзду* чиновникам, которые им отдадут мою (народную) нефть бесплатно, а они ее продают за рубеж, а *лихву* забирают себе.

Но и мой народ тоже, отдавший мою (народную) нефть олигархам, мне не даст денег, потому что эти самые поместья "видал он в гробу", он их пожег еще в семнадцатом вместе с помещиками и их детьми, и никакая энциклопедия кроме "похождений ментов" ему не нужна!

Так что деваться мне некуда – с одной стороны олигархи, которые обглодали мою страну, покупают за сто, продают за двести, "*и вот на эти два процента и живут*"!; с другой – народ, который мне в обиду своих олигархов не даст; с третьей – правительство.. ну, о правительстве позже...

Но что там *Кузнечный рынок*! Все рынки всех городов мира не

заменяет мне деревенский мой огород, на котором в девятом часу утра не растаял еще туман, и солнце глядит с похмелья сквозь серую мглу, но в девять уже полыхает пожар из календулы – рыжей, красной, желтой, красно-коричневой; пожар из игольчатых астр – красных, фиолетовых, желтых, сиреневых, белых, малиновых, розовых, карминных, шафрановых.. рядом на грядке "голубой бриллиант" – белый цвет, переходящий в сиреневый... по краю "принцесса" – махровые розовые шары с желтым сердечком; вперемешку, как искры от пожара, лилейник, кастильба, львиный зев, анютины глазки, льнянка, эштолцы (альпийский мак) – семнадцатого сентября, в затяжное бездождное лето, когда горят осушенные преобразователями природы леса и болота, и пепельный серый туман стоит уже третий месяц над городами и весями.

Но на огороде у нас хорошо. У нас есть картошка, малосольные огурцы, шальная баня, квас из ржаных сухарей, и иногда даже водится пиво. Нет коммунистов, демократов, ментов и чиновников, есть только бедные, и о них я продолжу.

Ездим мы в этот рай только на электричках. От Петербурга до Чудова проезд бесплатный, до Малой Вишеры мы летим бесплатно по инерции (контролеры стесняются спрашивать?), а дальше, до Окуловки, вместо билета, который стоит 24 рубля, мы платим по 10 рублей штрафа. Правда, правительство в нынешнем году ввело людоедскую таксу штрафа – 150 рублей, но *еще* нас еще не начали.

[Расспрашивал я народ, за какой бы штраф голосовал он в Думе – нет, никто бы не голосовал за правительственный! Так кто же кому служит – правительство народу, или народ правительству? Ну, разумеется, в рабской стране все просто – не мы избираем правящих, не мы их вольны менять, и требовать отчета у них о своей работе, как помещик у управляющего. Но, правда, не всё и правительству удастся, не может оно лишить нас наших нехитрых радостей, как ни старается – нелегкого труда с лопатой, косой и пилой, здоровой крестьянской пищи, горячей банки, холодного кваса, и малосольных огурчиков после рюмки-другой... третьей!

И вдруг я явственно услышал другой голос – "Ишь, развякался! Радуйся, что в другое время живешь, а ты выпустили б мы тебе кúшки, и не вякал бы щас!"

– За что же кúшки мне выпускать?

– За то! Больно умный!

– А что же олигархи? Продажные чиновники? Тупые генералы? Злые охранники?

– А они сво́й брат, такие ж, как мы! Ничто из нашего им не чуждо. Зависть, ненависть, жадность, глупость, подлость, пошлость и ложь – всё это так естественно, так извинительно!

Каждый из нас хотел бы быть на их месте, а на твоём – никто! Ты нам – живой укор. Вот почему молчи и не вякай, пока тебя не зашибли вконец вместе с твоей архитектурой, оперой, философией и драмой.

Тень "Начальника Тьмы" прошла мимо меня и я услышал хихиканье.]

ЕЩЕ СЕНТЯБРЬ, СЕНТЯБРЬ, СЕНТЯБРЬ!

– Зато ангелы меня любят! – заявил я в пылу разговора, когда сидели мы втроем за бутылкой вина, а рядом на высоком стуле, возвышаясь над нами, сидела трехлетняя Ника.

– Никто не может этого знать! – строго заметил Виталий, которому из нас троих рассудительность была более присуща.

– Но это просто выяснить! Ника, ты можешь серьезно ответить на два моих вопроса?

– Конечно!

– Слушай меня внимательно: первый вопрос: ты – ангел?

– Да! – очень серьезно ответила Ника, промедлив одно мгновение.

– Ты меня любишь?

– Да! – ответила она, подумав самую малость.

– Ну, вот, а вы мне не верите! – торжествуя заявил я своим собеседникам.

Хвастаюсь я, что дети ко мне внимают, да разве дитя понимает что-нибудь в проходимцах, если оно еще невинный цветок на поляне в житейском лесу? Но не ко всякому проходимцу склоняются и головки цветов...

Воскресенье, 6 октября, 18-00. Возвращаемся в Питер.

Приехали в деревню вчера в половине второго, выкопали морковку, посадили лук и чеснок под зиму, истопили баню, и в восемь часов вечера вкусили блаженство; а после бани еще пошли на ужин к соседям, и выпили бутылку водки на четверых.

Сегодня прибрались в доме и на огороде, и в три часа отправились из деревни.

День сказочный, мохнатые гусеницы ползут по асфальту, солнышко блистает, лес по обе стороны дороги стоит в золотом уборе, да еще и Анечка встретила (может быть, сбежала от мужа?).

И хотя рюкзак неподъемный, но зато собрали уже всё, и вернемся только через полгода.

...Автобус прошел мимо, стояли мы растерянные на остановке, да тут Лев затормозил, они уезжали в Питер, втиснули нас и довели до Окуловки.

19-30. Солнце уже село, и слабая заря гаснет, не успев разгореться.

Около полуночи. Дома выпили бутылку "*правильного тива*", чаю с мятой и медом, и собираюсь ко сну.

8 октября 2002. Заходил в Совет Федерации, дарил свои книги чиновникам, затем в Думе секретарше Гл--ва, Ирочке, подарил обе книги и объяснился в любви. От нее пошел к Ром--ву, бывшему однокашнику, и помощнице его печалился о Жанне.

Но только ноги сбил, в эти *государевы конюшни* идти мне не за чем, не оседлают они для меня рысаков, даже для того, чтобы спасти невинное дитя.

Но с Нового Года буду я получать "компенсацию" за свою отсидку.

И теперь я понял, каков же в них смысл, в тех трех годах несвободы; раньше он мне виделся смутно, вроде возможности очищения и просветления души. А теперь открылось большее.

Это были денежки, словно спрятанные *на черный день* (или для *благого дела*).

Черный день настал, и необходимость благого дела настала.

Вот я и думаю, что из этих *денежек* можно будет помогать и Жанне (или другому страждущему), следовательно, надо не роптать на судьбу, а довести до конца задуманное, то есть довершить Металогоiku.

Что же до спасения России, то только чудо поможет и мне и таким как я хоть что-нибудь для ее спасения сделать.

Перечитывал вчера Розанова "Апокалипсис нашего времени"... Да не повторю ли я его негодование по поводу христианского скопчества?

Но продолжу свои объяснения.

В школе среди одноклассников я был младшим, и старшие меня обижали, так как сила была на их стороне. К десятому только классу догнал я обидчиков, и все же не со всеми мог совладать, поэтому я стал заниматься боксом. Вот эти занятия стали моим тогдашним *разбегом*.

И чтобы не оказаться посмешищем в глазах народа, который уважает только силу, и верит, что сила всегда права – взываю я к Богу и требую от Него помощи.

В споре с жестоким государством, чинящим неправду и зло для блага правящей клики, должно обладать если не силой, так хотя бы признанием и известностью – а для этого Бог должен укрепить и возвысить тот талант, который отчасти во мне уже есть. Но молчит Бог, не подает мне руки, не поддерживает меня и не возвышает.

9 октября, среда, 18-45. ... Вчера позвонила тетя Соня, умер дядя Костя. Я заказал акафист в Казанском соборе, и поставил две свечки.

Приснилась мне телевизионная передача, будто у меня встреча за круглым столом (а я, будто бы, уже известный писатель), ведущий задает мне каверзные вопросы, и зрители тоже.

И, разумеется, кто-то спрашивает, как отношусь я к евреям, люблю я их или ненавижу?

– Да что вы все о *евреях*? – отвечаю я. – Будто других народов нет, к которым мое отношение тоже не отвечает общепринятым нормам интеллигентских правил любви, или не установилось определенно, то есть черт его знает, как я к ним отношусь? Вот есть чукчи. А есть, например, башкиры, и их, кажется, не намного меньше, чем евреев в России – как отношусь я к башкирам? Не знаю... Или, например, есть такой народ – *кацаны*... и как бы ни бросали в меня перекисшей капустой, скажу без утайки, вот уж кого не люблю я точно! Даже и название себе придумали они какое-то неприятное – *кацаны*!

– Но ведь кацапами называют русских, – возразил кто-то, – вы, значит, русских не любите?

– Ах, да, и правда, кацапы – это русские. Но, может быть, не все?

Вот, например, есть *хохлы*, и говорят – «упрямый хохол»; и тоже, думаю, *упрямые хохлы* – не все украинцы. Так же есть и *жиды*, но так же не все мы – *жиды*. Или же вы полагаете, что кацапы и хохлы среди нас есть, а жидов нет?!

Но разумнее будет, если мы не станем застревать на любви или нелюбви к евреям, тем более, что волнует меня судьба и история русского народа, а евреи волнуют меня не более, чем французы, англичане, негры или китайцы. Писатель не должен быть дипломатом, и поэтому не должен думать и говорить так, чтобы никого не обидеть. Определенно я знаю, и не побоюсь признаться, что я люблю красивых женщин, а к большей части мужчин отношусь отрицательно, будь то алеуты, русские или евреи. Они грубы, агрессивны, хвастливы, недалеко, плохо воспитаны, не имеют манер, не имеют вкуса, не отзывчивы, себялюбивы (и евреи тоже).

10 октября, четверг, 14-54. Сор--ин пригласил в баню, и вот я взял веник, купил бутылку пива, и жду поезда метро.

В доме уже третий день отключено тепло, простуда моя сразу же подскочила, чихаю, болит глаз, и никакие капли и чайные примочки ему не помогают.

Сколько с самого детства мечтал я о влиянии на жизнь, о защите *униженных и оскорбленных* – ничего не сбылось из моих мечтаний.

По примеру Гракхов мечтал я стать *народным трибуном*, защитником страждущих. Но способности мои оказались слабыми, ничего не достиг я, ни славы, ни богатства, ни власти, и в раздражении и тоске думаю уже о смерти и своей неудавшейся жизни.

Учебник и Металогика словно жернова висят на шее, или словно неподъемная ноша, которую ташу я в гору, и никак не дотащить, и не могу решить, за что взяться вперед. Сегодня набирал страницы учебника, за полдня одну страницу набрал, а еще осталось в этой главе шесть, да недоделки по другим главам, а всё в целом требует еще проверки и исправления, а затем верстки – Господи, да этак я и до Нового Года не управлюсь, а Металогика тем временем прокисает...

Но если удастся мне дописать и издать эти книги, а к лучшему ничего не изменится, надо будет содохнуть. А сейчас еще рано, еще

22-15. Еду из бани. Пока парились, было хорошо, потом пили водку – стало хуже, перешли на пиво, снова хорошо стало, потом купили шампанского и к Сор--ну зашли на работу; звонил еще В--е, и хотя она меня не любит, но пили шампанское, и было хорошо. Потом шли долго-долго, сначала до метро Восстания, потом до Маяковской, потом снова купили шампанского, стреляли, открывая его на улице, распили полбутылки, и вот я еду в метро домой, на пл. Ленина нас высадили, сел на скамейку, рядом села «сладкая»... Неужели это и вся моя жизнь?

16 октября, среда, четвертый час пополудни, по дороге в Пулково.

По-прежнему болен, и временами мне совсем плохо – словно душе тесно в ребрах, и вот она изнутри бьется и тшится вырваться на волю, отчего болит подреберье и грудь. К утру я даже начал сочинять словно бы Прощальное Послание, вот мол, тюрьма и смертельная болезнь, и перо в *слабеющих* руках, и я *при последних днях*.

Но в восемь часов заснул крепко и проспал до десяти, а теперь пытаюсь припомнить, что я сочинял в "предчувствии смерти".

Я построил дом, в котором провел пять лет, в котором прятался от нерешенных проблем – от долгов, разочарований, неудавшейся жизни. Этот дом, в который заташил я читателя, словно театральная сцена с подвижными декорациями, представляющими электричку, баню, огород, теплую деревенскую печку, и там-сям пробегающих очаровашек, оживлялся не только работой, но и кипой "*макулатурных листов*", на которых запечатлевал я счастливую жизнь в деревне, то с лопатой, то с бутылкой в руках, они и являлись сердцевиную деревенской жизни.

Но читатель уже устал, устал и я, да и дом прохудился, стало дуть из щелей, билеты подорожали, очаровашки повыходили замуж, прогоркло и хуже пьется вино. Этот буколический дом литературной деревни был только временным пристанищем, и надо продолжить поиски, которые я начал пятьдесят лет назад, иначе бесплодно закончится жизнь.

И огород, и баня, и деревенская печка, и *писание* будто бы на краю жизни, но с неослабевающей верой в то, что с краю мне не упасть – исчерпались.

Кажется, я уже внятно вижу план Металогии, как в Гегелевской триаде: *тезис* и *антитезис* – это первые два тома, один уже изданный, и второй, который теперь заканчиваю, переполненный горечью и раздражением; но необходим еще *синтез*, которым должен стать третий том.

Правда, жизнь почти вся уже прожита, при том – неправильно, я ничего не создал, пока были весна и лето жизни – чего же теперь можно ждать от осени?

А я продолжаю писать, и даже пытаюсь издавать свои сочинения – почему? Во-первых, для себя самого – напечатанное меня поддерживает и утешает, а также слегка поднимает в глазах близких, и хотя они уверены, что все это пустое занятие, но если бы только писал и ничего не печатал, думали бы обо мне еще хуже.

Напечатанное, возможно, охраняет меня от происков сил, ищущих, как меня погубить – серьезного значения, конечно, они не придают моим сочинениям, но все же и преступная власть, и частные злоумышленники ведут себя по отношению ко мне сдержаннее, – а вдруг, думают они, в этом и вправду что-то есть *не пустое*?

И, наконец, пытаюсь я хоть что-то объяснить своему поколению, хотя и понимаю тщету усилий, понимаю бесполезность писания – дело в том, что я искал Откровения не только для себя лично, а для всех тех, кто на рубеже пятидесятих и шестидесятих годов так восторженно поверил в

чудесную сущность жизни, а сегодня убедился, что из восторженных снов не сбывается ни один.

Я писал о себе, но писал для них.

Выхода из тупика и новой веры я искал *для себя*, писание не было для меня служением, – и все же это не только мой личный роман с жизнью, а замысел Мельпомены и Клио. И если и вправду петля все туже стягивается на шее, то значит так и задумано. *Литературный сюжет* должен был стать и поэтому *становится жизнью*.

Нет, я не согласился еще полить своей кровью то поле, на котором пытаюсь прорастить Металогика... Я еще хочу и надеюсь жить. Но если все "образуется" и станет "хоккей" – меня никто не услышит.

Если же все будет так, как я это теперь вижу (почти воочию), и болезнь не пройдет, и тюрьма не минует, то... если я не умру, ничего не закончив, то узнаю, наконец, Откровение для себя и других. Иначе и жизнь и смерть напрасны, и напрасно умер Христос... да и я сам...

Подведу итоги. Вторая книга почти дописана, но... зачем я её дописываю? Не так ли как побежденный, оставшийся на поле сражения?

Россия *наклонилась*, говорит Тр--ов, и вот-вот упадет... Не я ее могу спасти, не мои силы, и даже не многих, но только чудо, и спешу я закончить книгу, и успеть напечатать, чтобы только успеть прокричать Богу, пока Он не отвернулся совсем: Господи, не оставь Россию, она нам нужна, без нее нам не жить, и я не один такой – или мы безразличны Тебе, Господи?!

Значит, *это для Господа я спешу прокричать из пустыни Синайской, а не для читателей своих*; это для Господа, и для тех, кто чувствует, как я. Если я утешаюсь, что не один я на поле Куликовом, то и они, быть может, утешатся? А там еще и посмотрим! – вдруг произойдет чудо, и *напоротник зацветет*, и Россия воскреснет?

14 ноября, четверг. Солнце светит ярко, снег сверкает, не холодно – да, жить еще можно.

Звонил В--е, ругает меня за дневник, и за то, что только о себе я пишу. "Напиши про кого-нибудь другого! – говорит она, – а то про тебя уже надоело читать."

На днях так же в большой компании спросили меня осуждающе, знаю ли я, для кого пишу, и я пообещал, что постараюсь ответить.

Прежде всего – почему не пишу про *других*? – да потому, что ничего в них не понимаю, и в большинстве своем они мне не интересны.

Вот, например, миллионы людей, недавно еще враждебных к религии, вдруг поверили в Бога, и иные даже лампадки дома зажгли.

Что произошло в их душах, означает ли этот переворот нечто чрезвычайное, важное – или ничего в их душах не происходило, а просто что-то (неизвестно что), имеющее знак минус, поменяло его на плюс (как вдруг по неизвестной причине меняется облачность в небе, или как река меняет вдруг направление, может быть, и не подозревает об этом?).

Меня этот их переворот чрезвычайно интересует, но сам я написать о нем не могу, потому что почти ничего в нем не понимаю, и хотел бы прочитать показания *пережившихся* – но они ничего об этом тоже не пишут (и, может быть, не умеют писать..).

Так же важно бы мне прочитать показания тех, кто в восьмидесятые годы поддержал вторжение в Афганистан, или был к нему *безучастен*. Изменили ли они теперь свои взгляды, считают ли себя виновными за убитых, поддерживают ли нынешнюю бойню в Чечне?

Но никто из них об этом тоже не пишет, а я за них написать не могу, потому что не знаю, что происходило в их душах.

Правда, есть среди *других* и понятные, но мне неинтересно о них писать – например, понятны мне генералы, им за войну дают ордена и звания, и повышают по службе...

Обычный советский человек был, как правило, одномерен – проводи прямую линию из точки А в точку В, из дома на работу, с работы в магазин, из магазина в подворотню или сразу домой – вот и вся вселенная, заключенная в их душах! – что о них путного, что о них умного, что о них назидательного, что о них интересного для читателя смогу я теперь написать?

В нашей стране было только два человека, непохожих друг на друга, и можно было бы сделать их героями моих книг – один из них был я сам, и я себя сделал *героем*; второй, это тот, который "все как один" (или "один как все"?) – этот второй мне до сих пор не понятен, и поэтому я про него не пишу, но все же к нему обращаюсь – с упреками, обвинениями, обличениями, насмешками и проклятиями... Да и о взаимоотношениях наших пишу тоже – меня, подвергающего всё сомнению, и его, принимающего все на веру.

[Конечно, есть несколько человек из ближнего моего окружения, которые тоже не "все как один", но их не понимаю я тоже, к тому же, стоило мне написать несколько строк... нет уж, лучше я буду писать о себе, и может быть меня правительство когда-нибудь за это посадит или казнит, а все же так безопаснее..]

Однако, разве непременно неинтересно, когда говорят о себе? Вот, например, едем мы в поезде, подобралась "теплая компания", за рюмкой водки... за бутылкой вина... о чем же говорит каждый? Разумеется, о себе! И именно это всем интересно. А как только начинает он про других, например, про Гегеля, или Маркса, или Б. Н., про своего начальника, директора, их начальников, или даже про самого высокого начальника у нас у всех – скушно.. да и ничего-то про них он не знает, как и Достоевский про Полину, которую списал со своей неверной возлюбленной, ничего, конечно, не понимал ...

Но *зачем и для кого* я пишу?

Да всякое ли дело делаем мы *зачем и для* кого-то?

Случается нам влюбиться, и счастливы мы в любви или нет, но в том и в другом случае не любим мы даже *для* наших возлюбленных.

Случается нам заболеть, так что не ходим мы на работу – но болезнь, это еще более тяжелая работа, нежели даже лесоповал – можно ли сказать, что мы *для кого-то* болеем?

Даже сны невозможно смотреть *для кого-то*, а уж если снится нам сон плохой, не хочется думать, будто видели мы его – *для себя*.

Но *для кого* пишущие книги?

Есть примеры, в которых ответ ясен. Вот покойный "Бровеносец в потемках" поручил нескольким грамотным инженерам (человеческих душ) написать вместо себя воспоминания о войне; и они исправно принялись за работу. *Для кого* писали они свою книгу, пока трудились над нею? – Разумеется, для ее заказчика. И всякая такого рода работа, даже рытье могилы, подразумевает простой ответ.

Вот так же печет пироги та женщина, которая носит их на продажу, и если у нее появляются постоянные покупатели, то могут они попросить ее положить в пироги побольше лука, или убавить перца, или в очередном романе изобразить героя афганской войны. Хотя... есть ведь, наверное, и такие стряпухи, которые пекут так, как *им нравится*, не спрашивая мнение покупателей, и не подлаживаясь под их вкус, в отличие от тех солдат, которые, строя дачу своему генералу, слушаются и архитектора, и прораба, и генеральской жены и тещи – и все надзирают, проверяют, указывают!?

Когда спрашивают, *для кого я пишу*, то имеют в виду те отношения, которые связывают солдата или портного с их командирами, и предполагают, что я именно буду бегать с линейкой, измерять объем груди и талии, рост и вес, привычки и характер *заказчика*.

Нет, господа, так хотя и шьются пиджаки и блузки для худых и толстых, и каждая блузка подразумевает, *для кого* она шьется; так, может быть, и пишутся "Малая Земля" и "Похождения распутниц" – но так, надеюсь, не пишутся "Война и Мир", "Записки из Мертвого Дома" и "Лознгрин"; так не пишутся "Основания натуральной философии", "Критика чистого разума", "Роза мира" и "Начала" Евклида.

Хотя пишущий надеется и предполагает, что найдется хотя бы одна живая душа, которая прочтает его творения, а иногда надеется и на то, что таких живых душ найдется больше одной, но не вступает он со своими возможными читателями в те отношения, в которые вступает портной и солдат. А ведь, спрашивая меня о том, *для кого* я пишу, спрашивающий имеет в виду именно эти отношения, он предполагает, что я буду выяснять вкусы и характер своих читателей, соотносить слова и буквы, и знаки препинаний, интонацию, смысл, манеру письма... да, так мне приходилось писать, когда я сидел в сумасшедшем Доме, и оглядывался на цензуру, и даже слово "бог" писал с маленькой буквы. Не хотят ли мне сказать, что я должен и сегодня так же оглядываться, подстригать и приглаживать слова и мысли, пудрить их и подкрашивать, чтобы угодить своему читателю, "для которого я пишу"?

Да пусть я вовсе обойдусь без читателя, да пусть он отбросит мои

записки как ядовитую гадину, чем буду я угождать его вкусам, сюсюкать с ним и заискивать! Самое унижительное, что можно вообразить, это что писатели словно актеры в крепостном театре, играющие *для* господ, или словно наложница, раздевающаяся *для* своего повелителя. Даже дождь не идет *для* крестьянина, и снег *для него* не падает, и злаки *для него* не растут, а сами по себе, хотя он лелеет их и *призывает* – так неужели я меньше дождя и снега и полевых растений?

Как же нужно презирать литературу, как же нужно свысока относиться к ней, чтобы видеть в ней угождающего лакея, живущего *для* скучающей барыни и поспешно предупреждающего ее капризы! Хамское отношение к миру предполагает, что и мир существует *для* хама, и лунное сияние *для* него, и лилия склоняет головки, и вода журчит и воздух струится.

Да, воистину нужны страдания, чтобы спесь и самодовольство опали и обнажилась душа, заплакала и затосковала, и начала умолять об утешении, восклицая –

Музыка, приди, я буду тебе благодарно внимать!

Краски и линии, соединитесь согласно!

Слово, излечи мою душу!

Храм, дай мне приют!

Этому, *несчастливому*, восклицавшему в тоске и ждущему утешения, готов и я протянуть свою книгу и свою руку, но даже ему не смогу сказать, что я писал *для него* – быть может и *счастливый* откроет в ней для себя притягательное.

Чтобы ни перед кем не заискивать и не оправдываться, не лучше ли сказать, что я пишу сам *для* себя, и читатель мне вовсе не нужен? Да, это вернее, я действительно предпочту оказаться в одиночестве, чем соглашусь на унижительную зависимость от возможного читателя, который уже из-за одного только, что откроет мою книгу, предъявляет права на мою душу, и подумает, что я писал *для него*, и начнет мне высокомерно и бесцеремонно указывать, а то и швырнет мне в лицо мою книгу и потребует свои деньги назад.

Художника должна наполнять обида. Неблагодарный зритель, слушатель, читатель обращается с ним как с продажной девкой.

Но даже если мы и продаем свои книги, мы не продажны.

Не думаете ли вы, что я должен стараться заслужить ваше внимание – нет, я ничего не должен читателям, даже благодарности. Лучше умереть с голоду, чем заискивать. Лучше сжечь свои книги, чем угождать.

"*Глас вопиющего в пустыне*" – самый чистый и самый свободный голос – поддается ли он под вкусы и мнения, угождает ли он и веселит? – нет, он *обличает*.

И лучше я буду писать *для* себя одного, чем буду сносить оскорбления!

Но и не *для* себя я, конечно, пишу, потому что не интересно мне перечитывать тысячу раз перечитанное – так и стряпуха часто не вкушает

своих кулинарных изделий. Да и смешно писать *для себя самого* романы, философии и Металогикки – они только способ выразить свое отношение к миру, и, может быть, повлиять на него.

Актриса, раздевающаяся на сцене – самое отчаянное и доверчивое существо, она не боится, что ее оскорбят – или, быть может, она выше грязных мыслей и липких взглядов, и они ее не достягают? Для кого же она раздевается? Разумеется, не для себя. Но, всё таки, если она и служит чему-то, если в ее действиях есть направленность "*для*", служит она не случайному собранию праздных прохожих, а – Искусству.

Не желая писать *для* кого-то, я ограждаю свою честь и свободу; "служить бы рад, прислуживаться тошно!" – повторяю я знаменитые слова Чацкого. Да и служить, не теряя достоинства, можно не всякому, а лишь тому, кого уважаешь.

Уважаю ли я неизвестного мне читателя, от скуки или с похмелья раскрывающего мою книгу? Самодовольного в своей пошлой мысли, что писатели существуют для него, и раболепно ему угождают, униженно упрасывая прочесть строки, которые ведь бывают полты не только потом, а часто и живой кровью?! Нет, я постараюсь его отвадить от бесцеремонного наглого чтения, напрасно он надеется надо мной посмеяться, залезая сапогом в мою душу, – но встретит он холодное презрение, ненависть и насмешки. Впредь остережется он хватать *чужие тайные письма*. Впредь остережется он хвататься за *письма*, с которых капает кровь..

Как-то посетовал я, что никто не дочитал книгу мою до конца, никто из тех, кому читать я давал ее сам; но, может быть, когда-нибудь Настенька, когда подрастет, удивится или заплачет, спросил я себя?

Разумеется, не пишу я и для Настеньки, но к тем, кого люблю, все же отношусь я с доверием, и буду рад, если они прочитают мою книгу, их не упрекну я и в том случае, если останутся они к ней равнодушны.

Да и тех, кто питает ко мне теплые чувства, не упрекну я тоже. Надеюсь, они поймут – и мою тоску, и мою желчь.

Представьте радушную хозяйку, которая приготовила "стол яств", в ожидании гостей, а ею пренебрегли – не так ли и я не жалея готов был каждому прохожему расточать свой "бисер", не смотрел, много ли осталось, ко всякому относился с доверием, искренно и горячо открывал свою душу? Но никто не выслушал меня, никто не услышал... Не только *приходится каждому одному умирать* (по выражению Льва Толстого), но и каждому *жить одному*, без отклика и ответа! (Если только не об общем весельи за разгульным столом, где полупьяные уже слиты, а трезвые скоро сольются, и только совсем захмелевшие отпали от целого, идет речь, но о жизни как серьезной душевной работе, поисках истины, "воспитании чувств", тягостных размышлениях о несправедливости мира). В этом "хождении по мукам" попутчиков и собеседников мало.

Ну и ладно. Буду писать для *воображаемого* читателя (или

читательницы)... чуть не сказал, что буду писать для "вечности", для "истины" и для Бога – но они меня не читают тоже (*да и им угождать я не стану!*).

Вероятно, они уже знают всё без меня – зачем им мои писания?

(Или их уже нет? Были когда-то, во времена Архимеда, Паскаля, или Достоевского – но до нашего времени не удалось им дожить.)

Итак, не следует думать, что я писал свои записки, уже имея в виду *читателя*. Нет, текущий дневник мой заполнен обычными ежедневными пустяками, из которых для печати я выбрал самое "глубокомысленное", остальное же пошло на растопку печки...

Излагая свои запуганные взгляды, поневоле прибегаю я не к помощи связанных философских построений, а рассказываю о женщинах, пьянстве, личных невзгодах, долгах и болезнях, любви и огорчениях.

Да не написать ли в подзаголовке, что писал я "для партизан, *отсидентов*, детей ссыльных крестьян и романтических гимназисток"?

Или – *Из глубины взываю!* (*к Тебе, Господи!*)?

Упоение зла...

Гаснет праведный свет.

Вышивает игла

На судьбе моей – *Нет!*

Что за *нет?* – мне скажи,

Говорящий в тиши.

Нет неправде и лжи,

Или взлету души?

Но гудят провода,

Неразборчив ответ.

То страданию *Да!*,

То сочувствию *Нет!*

И в объятиях зла

Не поднять мне рукú.

...Вышивает игла

Строки, кроки, крюкú...

21 ноября, четверг. Ездил в типографию в новый Университет.

Все занесено снегом, деревья тоже в снежном убранстве – очень красиво, даже с мокрой кашей под ногами готов я примириться.

"*Москва слезам не верит!*" – как с гордостью говорится многими. Да, увы, не верит *даже слезам*, но не надо бы ей бахвалиться своей твердостью, то есть жестокостью – не верит она слезам потому что не милосердна, не участлива, не поможет слабому, а поможет его добить, любит только силу и преклоняется перед нею...

Вот и сегодня – гибнет в России душа, а разговоры все только о теле – реформы, инвестиции, законы, налоги – заботы только о *телесной* жизни, а гниение души при этом только усиливается!

У России, как у дерева, были и корни, и ствол и ветви, листья и цветы. Хотя всякие аналогии недостаточны, но все же позволительно думать, что корни – это трудящееся сословие, ствол и ветви – правящий класс, то есть дворянство, офицерство, купечество, духовенство и чиновничество, а листья и цветы – аристократия и интеллигенция, то есть строители и владельцы дворцов, композиторы и писатели, Герцен и Победоносцев, Наташа Ростова и Анна Каренина... И вот это дерево растет и расцветает, а тут налетает буря 17-го года... Корни они выкорчевали, ветви обрубили...

В 62-ом году прочитал я о Вагнере сочинение Ромена Роллана, которого раньше любил за его Жана Кристофа, и пал духом. Нет, не следует о гении писать обыденному человеку!

И вот в таком больном состоянии духа попалась мне на глаза коротенькая статья Александра Блока о Вагнере, и я воскрес.

У Блока есть неудачные стихи. Да и знаменитые "Стихи о Прекрасной Даме" напоминают подчас карамель. Но после заметки о Вагнере мои сомнения разрешились – гений способен писать слабые вещи, как и природа бывает невзрачной – но вдруг засияет Северное Сияние, и мы понимаем – Природа гениальна!

И все же – большевики победили и Блока и Россию, а "новые русские" победили меня, и царствуют в умах, а меня никто не будет читать... Душа болит (помимо тела, которое болит тоже).

Металогика быта,
Откровение речи.
Если сердце разбито,
Только слово излечит.
Пусть по прежнему плохо,
И всё ближе к концу –
Пишет книгу эпоха
Сапогом по лицу.
Мусор слов и заветов –
Как всё вдруг обветшало!
Мне ли время поэтов,
Если времени мало?
Пишет ручка коряво,
И слова не попад..
То проклятья, то слава,
То блаженство, то ад..
Только так ли всё плохо,
Если капает кровь?
До последнего вздоха:
Бог, Россия, любовь!

15 декабря, воскресенье. Еду распечатывать уже последние главы этой книги, хотя денег на её издание нет; да и в достоинствах её я не уверен, как и в своих способностях тоже.

В двадцать лет вера моя была несомненна, и вот – спрашиваю горестно – что же я делал не так, почему не сбылись ожидания?

Иногда кажется, что образования у меня недостаточно, мало умных книг прочитал... нет, не может быть, чтобы в этом было всё дело!

Что́ плохо в России, я и без образования знаю, а как изменить ее судьбу к лучшему – увы, в книгах этого я не найду, ничем не помогут мне ни Гегель, ни Кант, ни Ницше, ни Шопенгауэр, даже если бы я их дочитал до конца.

Мог ли бы я повлиять на течение дел, если бы написал так, чтобы быть убедительным, чтобы меня захотели читать, если бы приобрел я славу Достоевского или Солженицына, а следовательно, если бы Бог даровал мне *талант*?

Вот Солженицыну он был дарован, и первые же его книги принесли ему популярность и повлияли на читателя, сдвинули хоть отчасти могильную плиту, которою была придавлена Россия – но в изгнании энергия его иссякла, вернувшись на Родину, уже не решился он стать народным трибуном и бросить вызов власти.

Только способна ли литература значимо повлиять на судьбы страны?

Ну пусть появятся в России новое "Слово о полку Игореве", или "Плач о погибели Земли Русской" – разве приблизится от того поле Куликово? Нет, нужны Дмитрий Донской, Сергей Радонежский, Пересвет и Ослябя в одном лице. Должен явиться Пророк и Воин, если только решится Бог вложить в его руки меч, и пылающий уголь вдвинуть в его отверстую грудь.

А я – мал, нёмощен и ничтожен.

И не только потому, что ленив, что недостает решимости, что чрезмерно заботлив о себе – нет, не поэтому. Разве я не переписываю записки свои по двадцать раз, разве не болит мое сердце при всякой неправде, разве я о *своём* колочусь благоденствии?

Но ничего не меняется к лучшему, первую книгу никто не читает, на следующую недостает *духу*. (Но и на первую, значит, не хватило тоже – иначе почему же такое оглушительное "*молчание ягнят*" и волков?!)

Безнадежно обращаться к читателю, безнадежно обращаться к народу, *безнадежно*, вероятно, обращаться и к Богу... Хотя именно Ему я и выкрикиваю теперь последние фразы своей книги. Во мне еще жива гордость, поэтому боюсь я насмешек человеческих, – а перед небом заламывать руки кажется мне естественно...

И все же, заканчивая свой горький дневник, обращаюсь к тем, у кого еще способна болеть душа. *«Найдутся ли трое, рискнувших прочитать эту книгу со вниманием? Им и посвящаю я горестные заметки мои о тщете надежд и усилий».*

27 декабря 2002 года. Эгоизм и самоутверждение.

Поскольку *отдельный* отделен от всех прочих, так что мир делится надвое – *я* и *не я*; и не спешит, как правило, прекратиться, а спешит произрасти в длину и ширину, ввысь и вширь, и соки пьет из окружающего, часто тому во вред, то кажется, что окружающее вполне основательно пеняет *отдельным* – все вы, мол, *одинаковы*, у всех у вас одна только цель – *быть отдельным*, произрастать, *утверждаться*, а посему нет между вами существенных различий, нет среди вас хороших и плохих, целомудренных и гулящих, честных и вороватых, альтруистов и эгоистов, заботящихся о прочих, и заботящихся о себе – все заняты *самоутверждением*, только в разных его формах.

Не случайно христианство, порицая *гордыню*, подозревает в гордыне даже праведников, поэтому настаивает на изгнании всякой *самости*, на погублении не только тела, но и души. Мало изъязвить тело струпами, раздать имущество, отказаться от вола и двора, от жены и детей, мало уйти в пустыню и питаться акридами, а то и вовсе не есть... "*Лишь кто погубит душу свою ради меня, спасет ее!*", говорит Христос.

"Что бы ни делал человек, – поучают философы одинаковости, – делает это он *для себя*." А надо отменить *свою* волю, преодолеть *Я*, не помнить и не знать, во имя чего живешь, раствориться в окружающем мире или в Боге – сойти с ума, стать юродивым...

Но чтобы преодолеть свое *Я*, надо стать безразличным и к телу и к душе, изгнать не только плоть, но и саму жизнь, постоянно готовиться к смерти и только в ней видеть истинный смысл существования – только тогда не нужно будет заботиться, эгоизм или альтруизм лежит в основании мыслей и поступков, ибо река жизни будет направляться Волей Отрицания к *самоотрицанию*...

... На днях разговаривал я о своих сочинениях, и собеседник мне заметил, что пишу я прежде всего для *самоутверждения*.

– А если бы по примеру средневековых иконописцев и зодчих я не подписал свое имя на книге, а издал бы ее инкогнито? – спросил я.

– Тогда бы я подумал, что ты обуян гордыней еще более, и, презирая окружающих, стремишься самоутвердиться в собственном мнении.

Так же, если сбегаящий с поля боя спасает *себя*, то спасающий товарища еще пуще спасает *себя*, ибо заботится о более важном своём – о *спасении своей вечной души*.

Живущий же для Бога должен истребить *самость*, свои желания, свою волю, свои мысли, и только подчинившись Богу всецело, растворившись в нем, перестав *быть собой*, достигнет он соединения с Богом – это, вероятно, главный пафос учения *истинных христиан*.

Противопоставление эгоизма и альтруизма с этой точки зрения становится еще более *неразрешимой антиномией*, чем бережливость и скупость, грубость и *прямота*.

Разграничение между высоким и низким, добрым и злым, красивым и безобразным не определяется логикой. Диалог между противополож-

ными взглядами на мир невозможен, и Христос молчал перед судьями, потому что знал, что даже Он не сможет их убедить в Своей правоте. Он мог совершить чудо, и Савла *превратить* в Павла, но *в споре* выиграть не мог даже Он!

... *И все же, все же, все же...* Забываю я о том, что нельзя доказать, что правое справа, а левое слева, потому что собеседник поворачивается ко мне спиной, и все становится наоборот – но забываю я об этом, и все мне хочется и других убедить в том, что *тянущий одеяло на себя* хуже того, кто заботлив и милосерд. Даже готов я считать, что они, *поядающие* нас, лучше, ибо за них эволюция и прогресс, а мы хуже – пусть, пусть даже так, только бы не соглашаться, что мы *одинаковы* с ними!

Но, может быть, и вправду все люди жулики, все склонны хапнуть, украсть, присвоить, только не все решаются – одних удерживает страх перед законом, другие боятся осуждения общества, семьи, друзей, третьи боятся самих себя (так не все решаются съехать на лыжах с крутой горы, потому что боятся упасть)?

А вот если *присвоению* придать благообразную форму, например, выигрыша в карты или на бирже, то никто не откажется, кроме, может быть, самых трусливых или совсем бесстрастных!

Но игра порождает азарт, и способствует другим еще более пагубным *страстям* и наклонностям (и понятно, почему христиане обличали *игры* – ведь их целью было воспитание *бесстрастия*, поэтому и театр и даже детские *игры* порицались церковью до последнего времени, а может быть, и сегодня). [И как это Федор Михайлович мог проповедовать христианские ценности, когда и влюблялся почти до безумия, даже в *вертихвостку* Полину, и в карты играл до того, что закладывал в ломбард последнюю юбку жены, так что ей не в чем было выйти из дому?!]

Но, всё же, все же, все же.. хотя и заносят нас страсти черт-те знает куда, утверждение, что все мы, мол, одинаковы, все продажны, и только цена разная – несправедливо – хотя по внешности поступки наши бывают сходны, но причина их и мотив противоположны у тех, у кого течет *разная кровь*.

И, следовательно, не верно, что всё, что бы человек ни делал, делает он *для себя*. Будто бы для себя – поедает. Для себя – спасает. А поэтому, мол, "по большому счету", *все одинаковы*.

Нет, это сказано не от ума.

Мы всегда в чем-то сходны, в чем-то различны.

Математик, например, отметит, что числа 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7... *одинаковы* как члены *натурального ряда*, однако одни из них *четные* числа, а другие – *нечетные*. И так же и среди нас есть умные и глупые ("и это невозможно оспорить!"), поэтому сумею я объяснить, в чем заблуждаются и те легковверные дуры, которые, обманувшись, пишут в заветной тетрадке: "все мужчины – сволочи!", и те недалекие юнцы, которые пишут на заборах: "все девки – бляди!".

Вот так же есть *правильные* утверждения, и есть *неправильные*. И в

том, что некоторые из них *неправильны* "как следует", а не только *чуть-чуть*, мало кто сомневается.

Но вернемся к эгоистам. Не странно ли, что даже если справедливо, что "все – эгоисты", всё равно почему-то с одними из них "в разведку" идет (или на охоту, или в поход, или "на дело"), а с другими – нет? А, значит, *не все одинаковы*?

Разберем еще одно понятие, вызывающее такой же "сумбур вместо музыки" в головах людей, как и *эгоизм*, а именно – существует ли "объективность", и можно ли мнения разделять не только на *верные* и *неверные*, но и на *объективные* и *субъективные*?

Или правы полагающие, что поскольку всякое *мнение* принадлежит *мнению субъекту*, то все мнения *субъективны*?!

Человека, отрицающего разделение во взглядах, отношениях и оценках на *объективные* и *субъективные*, следовало бы задержать на улице без всякого повода и передать в руки продажного правосудия – может быть он бы тогда образумился, и понял, что существует "объективное расследование" и "субъективное", то есть такое, в которомследователь не считается с "объективными фактами", а исходит из предвзятой установки, и действует по принципу – "горе фактам!"

Но так мыслит и действует историк-христианин, "затруднения" которого столь красочно описал христианский историк Флоровский; так действует недобросовестный судья, исполняющий чужой приказ.

Посему, про недобросовестного историка тоже можно сказать, что он "субъективен", а "объективным" называть говорящего правду.

Каждое понятие *метафорично*, и подлинное значение слова надо чувствовать так, как обоняние слышит запахи.

С теми, у кого в душе нет камертона, чувства *меры* (такого же чутья к смыслу речи, как *слух* в музыке), надо разговаривать как с глухими. Итак, назовем *эгоистом* того, кто бросит раненого товарища на поле боя, или в лесу подвернувшего ногу, или кто на следствии свалит вину на товарища – следовательно, будем употреблять это слово *независимо* от его буквального смысла – ибо *эго* обозначает *само*, а *сам* – любой человек, и любое живое существо *само*, вплоть до инфузории.

Но разве не все слова русского языка таковы же, избылируют противоречиями, недоговоренностями, не имеют очерченных ясно границ, меняются, растут, теряются, меняют обличья, надевают личины, двулики, многозначны, иногда неприличны, сомнительны и недостоверны?

И только "чрезмерно умные" логики, полагая, что они разобрались с эгоизмом, хотят и с другими словами "разобраться" тоже, и хотя бы для *точных наук* выработать *точный язык*, состоящий из точных слов, а лучше из символов.

Правда, тогда им придется и эти точные слова и точные символы *объяснять* остальным, непонятливым, с помощью тех же самых вопиюще неточных слов, пользование которыми уже привело к тому, что многие теперь полагают, что бросить раненого товарища на поле боя, или ново-

рожденного ребенка в мусорный бак – то же самое, что *не* бросить, или, в крайнем случае, что это *разумный эгоизм* в отличие от *неразумного* – или к сему приводит все же не неточность в словах, а изначально текущая в жилах *дурная кровь*, не исправленная добрыми усилиями семьи?

Математик, как более умный человек, рассуждает более правильно, он-то вот знает, что существует *теория ошибок*, которая объясняет, что ошибки делятся на *ошибки инструмента* (систематические ошибки), и *ошибки наблюдения* (например, рука дрожит с похмелья), а посему стопроцентная точность инструменту и не нужна, и если в измерениях мы ошибаемся во второй цифре после запятой, то инструменту быть точным в третьей цифре не только не нужно, но даже вредно.

Поэтому, вооруженный *теорией ошибок*, математик более умно рассуждает о многом, например, о *понятии точной верхней границы*.

Иные полагают, что *понятия* – суть символические обозначения реальных вещей, например, деревьев, гусениц или девиц. И слова *любовь*, *тревога*, *понимание*, *демократия* либо непосредственно понятны, либо их можно *точно* определить, отталкиваясь от реальных свойств реальных предметов. Другие полагают иначе.

Но верующие в возможность создания точного языка пренебрегают тем, что уже в самом подходе к смыслу слова "понятие" мы оказываемся "по разные стороны баррикад".

Некоторые же полагают, что *каждый "несет" свое*, и друг друга до конца не понимает никто, поэтому договориться ни до чего невозможно.

Но "шибко умные" логики продолжают конструировать *точный язык*.

К счастью, не дожидаясь успешного завершения их усилий, не только математики, но даже те, кто с математикой не в ладах, пользуясь обычным вопиюще *не точным* языком, договариваются друг с другом, и даже там, где, казалось бы, всё зыбко и неопределенно, то есть *неточно*, успешно определяют *границы* неточности, и даже помимо понятия *границы* осмелились ввести понятие *точной границы*.

Очевидно, что *разграничивается* в мире почти всё, и море отделяется от надлежащей над ним атмосферы и прилежащего берега, и государства разделены. Можно ли указать границу моря *точно*, хотя кажется, граница эта точно существует? Но и границу между государствами как будто *точно* указать невозможно, однако она существует без всякого сомнения.

Существует также граница, которой заканчивается солнце, которое отчасти похоже на море, и не имеет четкой границы (хотя неверно сказать, что оно нигде не кончается, и о границе его нельзя говорить).

Кончается где-то и планета Земля, и ее атмосфера, и, следовательно, имеется и у атмосферы граница, за которой следует космос, хотя она и *размыта*, а значит, в точном смысле этого термина *не существует*.

Вопреки (?) сказанному, в математике понятие *границы* определяется вполне однозначно, и, например, границей круга является "тонкая" линия, называемая *окружностью*; правда, настолько *тонкая*, что состоит из *точек*, которые вовсе не имеют частей, то есть ни из чего *не состоят*, следовательно, *не существуют*, – не заставляет ли это усомниться и в существовании *окружности*?

И вот, наконец, я выскажу одно важное положение, ради которого и затеял весь этот словесный сумбур.

Высказывание, составленное из понятий и символов, не содержащих противоречий, содержит более важное внутреннее противоречие.

Язык, оперирующий такими высказываниями – несостоятелен.

Следовательно, попытка сузить содержание слов, лишить их неясностей и противоречий, приводит к безжизненной речи не только в литературе, философии, обыденной жизни, но и в математике; точность в речи достижима только с помощью обычного, живого "неточного" языка. Ибо наш *неточный* язык – это алгоритм, с помощью которого мы можем добиться в сказанном большей точности, нежели заменяя его языком *искусственным*.

[Правда, я иногда впадаю в уныние – а может быть всё, что я пишу, ни к чему? Миллионы людей не всегда правильно поступают, многие ошибаются в словах и спряжениях – нужна ли им эта пространная "работа над их ошибками?"

Если я и сам – длинная цепь ошибок, так не лучше ли сначала их *исправление* описать в своей книге? А тогда, возможно, будет назидательно и любопытно об этом прочесть и читателю?

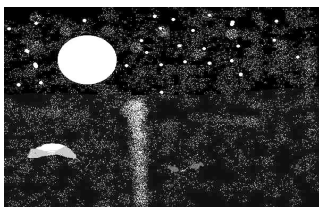
Да и вправе ли я поучать, сам-то я так ли умен? Как открою какую-нибудь умную книгу, так кажутся мои *писания* такими пустыми, что хочется сжечь написанное и не писать больше!

... Получил вчера из типографии (в Петергофе) 100 экземпляров своей Азбуки Математики – может быть, хоть она кому-нибудь будет нужна?]

Около полуночи. Японское стихотворение в духе философии ДЗЕН:

*Как это сверхъестественно
И как удивительно!
Я черпаю воду из колодца
И ношу дрова..*

Не таков ли и дух этого дневника, в котором представлена в основном моя *деревенская жизнь* – не в духе ли она философии ДЗЕН?

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ПАДАЮЩАЯ СЕКИРА

2003 год.

17 января. Открыл случайно Розанова за 1912-ый год, вопиёт, что *достойное* унижено, а властвует в обществе *недостойное*, что еще и в 19-ом веке Страхову бывало нечем чай заварить, некуда статью пристроить, а *нигилисты* благоденствовали, и нынче, мол, то же!

Властвуют и благоденствуют, по Розанову (в 1912-ом году), оппозиция, отрицание, критика и хула, все то, что оплевывает Россию и правительство, – у них оказываются и влияние и деньги, а главное – деньги, деньги, деньги! Кто это такие, прибравшие еще за пять лет до переворотов 17-го года уже всё к рукам своим, он не пишет – те ли это, которые потом и государственную власть захватили?

Сегодня, как и несколько десятилетий назад, властвуют и благоденствуют тоже *только недостойные*, а достойные унижены и придавлены так, как в 1912-ом году придавителям и не мечталось; но благоденствующие ныне – либо властвующие, либо кто холуйски их славит и облизывает, а вокруг одно раболепное завывание – не посмотри на начальство косо, слово поперек не вымолви, люби и почитай и взглядом, и словом, и делом и помышлением, сном и духом и раболепной позою!

Словно в замурованном склепе, нечем дышать; вот уже моя жизнь кончается, а ничего, кроме смирительной рубашки из одергиваний, предостережений, окриков, унижений, наказаний, позора, стыда – только по струнке ходи да облизывай власть!

Сталин у власти – кричи громче всех: "слава родному, любимому, ненаглядному!" Настала пора культ разоблачать – смягчай букву *zet* в коммунизме, прославляй возвращение ленинских норм, да сей кукурузу на северном полюсе!

"Демократы" у власти – смейся над Россией, продавай и предавай все святое, ругай коммунистов "от пуза", но родную демократическую власть не трожь!

Устал я жить на коленях. Устал среди коленопреклоненных. Часто уже не хочется жить, и такая скорбь в душе, что лег бы и не проснулся! Да, воистину, рабский народ! И не *религия небесных колокольчиков* в крови у него, а религия глухих и мягких *согласных*!

И кто бы ни царствовал, даже лютый злодей, все равно "всякая власть от Бога", и даже лютей "царь – помазанник Божий", а значит и злодейство освящается тоже.

А что же Мессия, что же Учитель наш и Спаситель, это Он ведь сказал, что "всякая власть от Бога", и по поводу той власти тоже, которая схватила и Его Самогo и распяла?!

Да, оправдал Он всякую власть, и всю вину возложил на подневольного человека, и на каких-то мифических "книжников и фарисеев", но ни Каиафу не обличил, ни Ирода, ни римских оккупантов!

Может быть, христиане готовили почву для того времени, когда они сами к власти придут, и, по иудейскому обыкновению, как еще и в Египте и в Вавилоне было, надеялись просочиться в ту власть, которая над ними властвовала, чтобы уж потом властвовать вместе? И поэтому предусмотрительно воспитывали в народе *любовь к власти*?

Но при Рёзанове уже власть обличалась, низвергалась, и, наконец была низвергнута, вместе и с государством, потом ниспровергатели в большинстве своем тоже были низвергнуты, и *фарисеи*, и *книжники*, и римляне, и Каиафа с Иродом, и такая тьма настала по всей русской земле, что если и эта тьма от Бога, то каков же тогда сам Бог?!

Но даже не власть меня вводит в скорбь, даже не то, что недостойные властвуют над умами и отношениями людей – скорбь моя от *достойных*.

Есть они, должны быть, есть ведь такие, что что-нибудь делают не только тогда, когда им за это платят, но и по совестливому побуждению. А, значит, должны были быть среди них и несогласные с властью.

Да, были несогласные, но даже на предложение обсудить тайком, нельзя ли что-нибудь сделать, или *просто так жить, тише воды и ниже травы* – отводили глаза и отходили в сторону.

Да и сам я жил тише воды, и меня поймали не за то, что в партизаны пошел, а за одно только брзжание и недовольство, *за независимый взгляд*.

Из трехсот миллионов человек осудили ввод войск в Чехословакию всего одиннадцать человек!

А кто осудил ввод войск в Афганистан? А "рыцарей плаща и кинжала" – в Анголу, Мозамбик, Эфиопию, Вьетнам?. Кто хотя бы сегодня стыдится того, что мы убили из них пятьсот тысяч во имя бредовых целей, и потеряли сами пятьдесят тысяч, и неисчислимо оставили увечных и обездоленных у них и у нас?!

Оправдается ли народ наш на Страшном суде за столь пронзительное *согласие на коленях*? За столь страшное *молчание стоя*?!!

Но скорбь моя от достойных.

Вот мы, русские, ненавидим чеченцев за их нежелание жить с нами в одном строю, воюем с ними, убиваем их, как и они убивают нас.

Но чтобы оправдать себя, смотрим на них свысока, мним в них людей второго сорта, диких, неразвитых и жестоких. Мы – культурные, они – чуть ли не звери.

Но чеченцы помогают друг другу, за убийство или оскорбление мстят обидчику, за убитого мстит сын, или брат, или отец, тот в роду, который остался жив, пока хоть один остается жив.

А приютить, укрыть, помочь в беде, помочь в строительстве, в уборке урожая – естественный долг каждого из них.

А таковы ли мы, русские?

Восемьдесят лет мы проповедовали, что "все народы одинаковы" – но достоинство народа определяется его поведением.

Многие ли из нас готовы рискнуть жизнью для защиты близких?

Да готовы ли мы отделить частицу от куска хлеба, чтобы подать голодному; уступить половицу, чтобы прошел опоздавший; потесниться на скамейке, чтобы дать место уставшему?

Не я ли один только хочу, чтобы наш народ был достойным, потому и обличаю его падение? Разве нам не предоставлялась возможность хотя бы чуть-чуть рискнуть свободой, и выйти на Красную Площадь для защиты чешских братьев – много ли из нас вышло? Или мы были согласны с правительством Брежнева?

– Дедушка, – спросят нас когда-нибудь внуки, – предоставляла ли тебе жизнь возможность проявить мужество и величие духа?

– Каждую минуту она предоставляла мне такую возможность, – ответишь ты, мой современник, мой соплеменник. – Но я предпочел жить в образе дождевого червя! – придется тебе добавить.

Каждый народ отстаивает свою свободу – пойдет ли за нашу свободу кто-нибудь со мной в партизаны?

Да даже к ничтожной жертве никто не готов!

Попроси пьющего воду оставить глоток, попроси жующего хлеб оставить кусок, попроси проезжающего мимо подвезти бесплатно – посмотрят как на безумного!

19 января, четыре часа ночи. Сердце болит и бьется в груди. Конечно, хорошо, что оно еще бьется, но уж шибко неровно и быстро.

Слушал на днях по телевидению, что хотя мы на 171-ом месте по продолжительности жизни и ее нищете, зато! искренни и общительны, и на вопрос "как дела" с азартом на него отвечаем, и даже сами рассказчика слушаем, а западный человек только улыбается и говорит "о-кей!".

Ну, что ж, будем утешать себя хоть этим, пока мы живы.

Смотрел встречу (в "Моменте истины") с адмиралом Балтиным.

... Флот мы угробили, авиация захирела, и даже танки ржавеют, говорит он...

Исправно течет только нефть и газ в Европу, и есть еще труба, по которой они текут.

Есть еще электростанции и линии передач, построенные в советское время, но на их содержание *"нет денег"*. Есть еще железные дороги и мосты, построенные в позапрошлом столетии, но и на их ремонт и модернизацию *денег нет*.

Есть у нас еще женщины, но они уже разучились рожать, и русский народ вымирает. (А на помощь отваживающимся *денег нет* тоже.)

Есть у нас еще мужчины, но одни уже спились или не могут работать по возрасту, другие еще спиваются или "торчат" от наркотиков, третьи "делают бабки", но не производят товары, а либо "сосут" нефть из трубы, либо *исполняют* заказные убийства, либо "управляют" народом.

Подлый народ, подлая страна!

Но есть еще особый тип людей "охранительной направленности" – *государственники, патриоты, "защитники царя и отечества"*... а в прежние времена назывались они *верноподданными*.

Я эту нынешнюю подлую страну ненавижу, потому что ее негодяи унизили, растлили, поставили на колени, а потом и вовсе мордой в грязь уложили вдоль бесчисленных дорог, усеянных косточками ее лучших сынов, и оплакиваю другую Россию, в которой жили Достоевский и Толстой, князь Курбский и Каляев с друзьями-террористами, и протопоп Аввакум, плюнувший в патриарха, и боярыня Морозова, плюнувшая в царя, и адмирал Колчак, и генерал Корнилов, и мой отец.

А *охранители* подлинную Россию ненавидят, потому что защищают дьявольскую власть, то коммунистическую, теперь воровскую, и восхваляют безропотный и покорный народ, который стоит на коленях и только осмеливается иногда писать верноподданные письма царю!

Нет, это не моя страна, не мой народ!

Если не удастся мне умереть под танком, обвязавшись гранатами, то надо умереть за колючей проволокой, в сумасшедшем доме, в тюрьме строгого режима или на воротах Крестов!

Путь к святости сегодня один – ненависть к поработителям, противостояние, освободительная война!

Ах, закричат гуманоиды, опять кровь, опять жертвы!?

Да нас и без войны ежегодно умирает по два миллиона – так не лучше ли умереть на поле боя?

Но обречен я на исчезновение без последствий, на вопль без эха, жизнь без продолжения, другие засеют мои поля, а обо мне вспоминать не будут, я последний русский в стране, которая когда-то была Россией.

Но усмехнется читатель и скажет – Ах, ему плохо, тащит его жизнь по канавам, вот он и ненавидит ее. А был бы счастлив, были бы Мерседес и палатка, и телка в сауне...

Нет, читатель, это не так!

Я несчастлив не потому, что плохо мне, что не удалась моя жизнь, а потому что плохо тебе. Я страдаю потому, что во мне отзывается боль моего народа. Мне больно, когда я вижу, как миллионы униженных учителей и врачей вымалывают у государства свою зарплату, и получают ее с годовым опозданием.

Мне больно от погибающих в Чечне, от оскорблений *ментов*, больно, когда из-под мамкиной юбки мордою в унитаз засовывают слабосильных новобранцев, больно, когда несправедливо судят, когда в камере, расчитанной на троих, томятся по тридцать, когда трое на одного, когда из-за угла, когда исподтишка, когда предают и когда убивают.

Моя собственная боль не так мне больна, как унижение правды. Правда – словно ребенок, его бьют и истязают, и я слышу его крик и *не хочу быть счастливым* (как бы ни привлекал меня этой простой формулой счастья "смешной человек" Достоевского). Но ведь бьют и истязают миллионы людей! Вслушайся же, читатель – миллионы *детей*

человеческих плачут от страха и боли, унижения и надругательства в тот самый момент, когда ты смеешься от удовольствия.

А знаешь, читатель, от чего мне больнее всего?

От того, что ты не отзываешься на чужую боль, что боль мира проходит мимо тебя.

Сердце твое холодно, рукопожатие леденит, взгляд равнодушен. И ледяным холодом могилы леденит мою душу твое бесчувствие.

Да, больно мне не от того, что будто бы не удалась *моя* жизнь – не могла она быть лучше той, какую даровала судьба, ибо судьба была ко мне благосклонна.

Я пил где попало, а милиция не тронула меня пальцем.

Книги я читал те, что хотел.

Дружил с замечательными людьми.

Даже тюремщики жалели меня, а сокамерники любили.

Но всё тягостнее мне в этом мире, потому что он холоден и жесток.

Современный человек оглох и ослеп, он не видит даже себя самого.

Он перестал читать. Не только мои записки одолеть он не в силах, но не читал он и Достоевского. Не читал он "Великого Инквизитора" Василия Розанова, "Иконостас" Павла Флоренского и "Розу Мира" Даниила Андреева. Воспоминаний и писем Ухтómского, Вернадского, Тимофеева-Рессовского – наших великих современников. Не читал он Марка Аврелия, Паскаля и Чаадаева, да и читать их не хочет.

А я достиг почти всего, чего я хотел. Я написал Металогiku. Как Коперник, я могу смотреть на Землю вместе со звездами.

Не удалось мне изменить к лучшему положение дел в моей России – но и Христос ничего не изменил к лучшему в своей Палестине.

Обозревательница по телевидению предвещает восстание. Пусть, говорит, властвующая банда не думает, что власть ее вечна. Появятся еще Стеньки Разины, и грянет народный бунт, хотя и *бессмысленный, но зато беспощадный!*

Вот это радует. Может быть, еще и доживу.

Полдень, еду в автобусе, напротив сидит *милашка*, и хотя еще ноги мои ватные, и, по дороге к автобусу, меня чуть не сдуло, но нет, рано еще умирать!

Соберусь с силами, и потащусь далее, пока не дойду, наконец, до чистой благоуханной поляны, с пригорочком посередине, а на нём – куст дикой розы, рядом – розовые саранки, чуть поодаль – тяжелые головки Марьиных кореньев, гудят басовито шмели, мелкие лесные пчелки перелетают с цветка на цветок, солнце обволакивает теплыми лучами *вся произрастания*, и легкий ветерок обвевает лицо.

Господи, благодать какая! – воскликну я.

На небе появится небольшое темное облачко, придвинется ближе, и ласковый голос спросит меня – *Ты готов?*

Я припомню прекрасные часы и минуты... а то и дни и недели...

О, целую вечность продолжится припоминание, хотя по земным

часам пройдет лишь мгновение. Сверкнет средь ясного дня молния, как удар клинка.

"*Тело тебе уже не нужно, не жалея его!*" – услышу я голос, и не успею ощутить боли. Легкий ветерок взметнет горсть пепла, и ровно рассеет у края пригорка. Там вырастут на следующий год фиолетовые маки, а что будет потом, я не знаю.

Но не равнодушен я к своей родине, к близким мне людям, и пока не сверкнула последняя молния, продолжу свои записки.

Только хватит уже выкриков и обвинений.

Разве я лучше своих современников?

Идти на баррикады и в партизаны не решаюсь и я. В смутах участвует особый тип людей, к которым я не принадлежу. Не в силах я бить стекла, бросать гранаты, участвовать в конспиративных кружках.

Если бы можно было свергнуть татарское иго усилием воли, искусством речи, добротой ума!

Правда, я готовлюсь. Может быть, выйду еще и я на Красную Площадь, когда голос мой станет громче комариного писка.

А теперь объяснюсь с теми, в кого метал я свои жалкие молнии.

Разве это те́х я корю, кто отдал свои сердца *смехачам* и *трепачам* и *мастерам детективной интриги*, разве это им я пытаюсь понравиться?

Нет, они меня не интересуют. А образованные и культурные люди в таком же безлюдьи как я. Да, на каждую тысячу километров кто-нибудь из нас есть, может быть, лихорадочно по ночам пишут и они свои книги, поливая их кровью – но некому их читать, а нам не докричать друг до друга, нет у нас денег, нет надежды, нет сил.

Если бы нас, читающих, было хоть пятьсот человек, и если бы нам было легко узнать друг про друга, я дописал бы свою книгу, и развез бы ее по адресам.

Но правду ли я пишу про себя?

Да нет, наполовину вранье.

Проезжают мимо меня на быстрых фордах и злых Феррари "новые русские", и я со злости кричу им вслед – "А у вас зато квасу такого нет! А у меня крошка вкусней! А меня женщины сильнее любят!"

Но все мои выкрики несостоятельны.

Во-первых, никто из них выкриков не слышит моих, или они думают, что это я прошу у них денег, и смеются.

Во-вторых, квас они могут купить, пошлют своих слуг, те найдут. Если узнают, что мой квас лучше, предложат продать, а если я откажусь, пришлют бандитов, "приватизируют" с квасом и меня заодно, поставят около парников, чтобы птиц отпугивал.

Да и женщины не так уж сильно любят меня... (Просто, хвастаться больше нечем, вот я и хвастаюсь...)

Сегодня мне плохо.

Плохо было вчера.

Завтра будет всё то же.

Может быть, надо стать лучше, перестать пить, и станет мне лучше?

Больше останется времени на учебник, а с ним я заработаю несколько денег. Меньше, конечно, чем у самого маленького олигарха, или у его шофера, или у его дворника, или у продавца пепси-колы – но все же, может быть, не меньше, чем на разгрузке вагонов.

Надо стать лучше, и освободиться от раздражения. Некоторые читают больше меня, некоторые любят Россию не меньше.

А я все кричу, кричу, обличаю...

Но разве я лучше своих современников?

Да без них бы я давно уже сдох! Вот *вчера* был у Саши М--ва, он меня ждал, поставил на стол самогонку, селедку, квашеную капусту, соленые огурчики и картошку в мундирах. Посидели славно, вспоминая *младые годы*, и я был счастлив.

А *сегодня* у Лёни Я-ва пили домашнее вино, закусывая яблочным пирогом, фруктовым салатом и "клубникой в сметане" – чего еще не хватает для счастья?

Достать денег, чтобы вторую книгу отдать в печать?

Но *если Бог есть* ...

Правда, иные пеняют мне, что я так говорю, словно и не уверен в Его существовании. Да не все ли равно, уверен или нет? *Если даже Бог есть*, значит ли это, что Он поможет достать мне денег на издание книги?

21 января, вторник, 13-20. Чувствую себя *неблагополучно*; но не буду писать, что – *плохо*. Когда станет *плохо*, возможно, я и написать не смогу об этом.

Радуюсь утром, что еще жив, но тело ломит, и счастья нет. Горло саднит, сердце болит, в животе беспокойно, что-то мешает и спереди и сбоку. Ноги не ходят, тянет подошвы, ноют пятки, даже в темени как-то не так... И во всё остальном тоже *не по себе*...

Отчего ж *всё не так*?

Оттого что *живу неправильно* – скажут многие.

Да, согласен, если бы *так* жил, было бы лучше. Но от меня ли зависит перемена в жизни? Так вот и повешенному *не по себе*, и если б спросили, и он мог ответить, то сказал бы, что висится плохо, всё давит, всё жмёт, воздуху не хватает... ужасно неудобно висеть... Но может ли повешенный переменить свою жизнь?!

Устраивают телепридурки опросы среди *благополучных* людей, и спрашивают их, от чего зависит их жизнь – от судьбы, от их воли, талантов, удачи – и *благополучные*, поглаживая пухлый живот, глубоко-мысленно рассуждают о зависимости успеха от их "кузнечного молота", считая себя "кузнецами счастья". Они составляют не более сотой доли от знающих и умелых людей, обладающих волей, талантом, энергией и терпением – но на минном поле российской действительности, где мы вымираем, благоденствуют только низкие, или по воле случая нашедшие чужой кошелек (или контракт, богатую невесту, пробивного

товарища, родственника в раю). Они самодовольно уверены, что лучше других, попавших под колеса пьяной судьбы, что это они сами выбирали дороги и повороты, родственников, друзей, собутыльников и соседей по нарам, и вот поучают нас, как и зачем нам жить. Нет, если вы воистину хотите что-то узнать, спрашивайте тех, кто валяется на обочине, кого отбросило взрывом, но все же кто уцелел – они понимают цену удачи, они заглянули в жерло рулетки, и если еще готовы дальше идти – только они подлинные герои!

Живущим неправильно в большинстве я сочувствую, а не осуждаю их, жизнь нас так жестко, тесно, цепко сжимает, что не повернуться, не занять более удобное, более *правильное* положение. Вот так же в тесном автобусе, когда мы стиснуты, и мешаем другим, и нам тяжело, и собственные наши колени, сумки, рюкзаки надавливают на чужие бока, а их неудобья на наши, – мы ли виноваты, а не тот, кто нас стиснул?

23-20. Смотрел передачу о Высоцком. Как самозабвенно его любили такие разные люди! – те же ли они сегодня? Те же ли они хотя бы в Москве? Пошли бы они провожать его так всемирно, как двадцать лет назад? Пошли бы они на встречи с ним в научных институтах, где он собирал внимающие толпы, как Христос у Генисаретского озера?

Нет. И сегодня из тех, вчерашних, немногие остались ему верны.

В Высоцком привлекало трагическое ощущение жизни, которое и в нас было живо. Сегодня мы еще несчастнее, но чувство трагического иссякло в нас, оно – показатель возвышения души человеческой, а мы – пали, мы пропитались самой пошлой, самой низкой материей жизни, и она нас впитала в себя.

Туда, где зарождаются молнии, и куда стремились многие, сегодня даже единицы уже не стремятся.

И не то, чтобы погоня за успехом, благополучием нас так захватила – нет, души оплыли, разленились, тянет устроиться поуютнее у телевизора и посмеяться вместе со всеми, глядя как раздеваются или дерутся; или, в поездке, тянет скоротать время, внимая приключениям бандитов.

Но даже и это уже тянет не шибко, даже и пьяниц становится меньше, пьяный еще *соучастник* – компании, "подворотни", ссоры в семье или драки, а сегодня место его занимает *наркоман*, которым движет другая тяга – уснуть наяву и видеть сны.

Пьяный еще остаётся в мире, наркоман из мира уходит.

Но вернемся в наш мир, к нашим довольным людям, уже не холодным и не горячим, которых даже Создатель исторгнет из уст Своих – могу ли я их любить? Переживаю ли, что я им не нужен, что они не раскроют мои записки, и даже раскрыв, не дочитают?

Нет, я уже не хочу их любви, не хочу у них славы или известности.

Но и Богу до меня дела нет тоже...

И, следовательно, надо возделывать стремление к смерти.

Но могу ли я подняться над ужасом в душе, который возникает даже при одном предположении, что вот-вот жизнь закончится? Без Бога, без

ощущения связи с *горним* неведомым миром, который объединяет и примиряет, и поднимает нас всех – примирение со смертью почти невозможно. Могут ли я спокойно смотреть на прекращение всего и вся во мне, ощущая пустыню вокруг, видя падение России, уменьшение красоты в мире, в котором останется Настенька, а потом будут жить её дети?

Но все меньше надежд на будущее, труднее биться сердцу, усталость как глина липнет к обуви.

Позвонила тетя Соня, умерла ее сестра, тетя Дуня.

Тетя Соня плачет, осталась она одна в доме, нет уже ни дяди Кости, ни тети Дуни, не о ком ей заботиться, некого и ругать.

27 января, понедельник. "Зима моей тревоги" – я жду ее иссякания.

Падают крупные хлопья мокрого снега, красиво как в юности, а я устал жить. Я встрепенулся бы, если бы появилась надежда, что можно врезать по морде этому дьявольскому, воровскому, людоедскому государству – но тщетны мои ожидания.

Да и может ли ненависть быть *действенной* силой? Может ли она быть силой?

Что любовь бессильна – очевидно – мы не можем защитить любящих и любимых. Приходит тать и похищает, не вступая в дискуссию.

Но обладает ли хоть ненависть силой?

Нам кажется, что ненависть может сделать нас сильными, потому что, сталкиваясь с силой, мы ощущаем ее ярость, мощь, разрушительность – но мы ошибаемся. Это не ненависть наполняет силой, не ненависть усиливает слабого, как и любовь не усиливает слабого – можно усилиться, лишь становясь равнодушным.

Это бездушная сила несет нам зло, но не потому, что нас ненавидит, а потому, что упивается собою, она самодовольна.

Так и государство безжалостно прокатывает свой каток по нашим телам и душам, но оно презирает нас, оно противостоит нам как *ничто* противостоит полноте, однообразию – множеству, хаосу – гармонии. Если даже оно ненавидит нас, то не это чувство главенствует, определяет поведение государственных чиновников.

Представим себе, что на помощь убогим общество выделяет некоторую толику денег, и министерство Призрения отдает из них половину высокопоставленным чиновникам – не исключено, что эти же самые люди охотно и сердобольно подают калекам и нищим.

Далее представим себе, что оставшаяся половина денег начинает свой путь через отделы и казначейства, и на три четверти расхищается – но и расхитители, возможно, подают калекам и нищим.

Так разве они ненавидят нас, обирая? Приговаривая к тюрьме и расстрелу? Стирая резинкой с карты мира?

Нет, по большей части не замечают они наше существование.

Они сильны... почему? Может быть, дьявольская сила, ненавидящая нас, и жаждающая погубить, передала им часть своей силы, поставила их

на чиновничьи высокие посты и сказала – *живите для себя и будьте спокойны, этого достаточно, чтобы погубить Россию.*

Вот они и живут для себя, и даже проповедуют *любовь и прощение*, а я проповедую *иступленную ненависть* к ним как святой долг честного человека!

Около полуночи, подъезжаю к дому.

С утра был в суде об отобрании имущества у нашей семьи (телевизора и компьютера), потом заключил договор на продажу учебника математики, потом поехал в баню с С-ным, парились хорошо и радостно, и охлаждали жар пивом. А после, не успев допариться, встретили Тр-ва, и дальше опять пошло все *"не так как надо"*, хотя и не хуже прежнего... Но – опускаю...

..Ничего, жизнь во мне теплится, а дальше еще сильнее разгорится.

29 января, среда, 10-30. Сегодня мне лучше, и хотя еще дýшу качает в расхлябанном теле, но не шибко бьет о борта, и сознание проясняется ...

А скоро уже февраль, и я начну спокойнее жить день за днем – настолько покойно, насколько позволят падающие опоры моста, по которому я бегу.

11-50. На электричку, увы, я опять опоздал. (А вы говорите, что *нечистая сила* не сбрасывает нам сосульки на голову!)

Когда-то мне казалось, что я заключил Договор с Богом, что у меня есть мой личный Бог, и у России – русский, и я пришел спасти *свой* народ, как и Христос приходил спасти Свой Израиль.

Жгут и палят меня беды России, ее падение, оскудение, неустроение, вырождение народа, повсеместное пьянство, растрение власти, грядущая катастрофа, когда бывшая Восточная Пруссия вновь отойдет к Германии, дальний Восток мирно заселят китайцы и мирно его от нас отделят, европейский юг отойдет к Турции (как и Крым), Северо-запад отойдет к Финляндии, Поволжье затянут в тюркский кушак сыны Аллаха, а оставшиеся земли образуют Зону экономических интересов США и Европы.

"Русские немцы" не пропадут – они вернуться в Германию.

Украинцы и белорусы не пропадут – они вернуться на Украину и в Белоруссию.

Евреи не пропадут – одна их часть вернется на "историческую" Родину, другие же не пропадут и в "Зоне экономических интересов".

Интеллигенция не пропадет – она уже научилась служить и *прислуживать*, инженеры пойдут в дворники, филологи изучат хеттский язык, химики продолжат работу по "перегонке" нефти (на Запад)...

А останется ли простой русский народ, или пропадет, этого никто из них не заметит с похмелья.

Только я, если еще не умру к тому времени, буду оплакивать мою несчастную Русь.

Сегодня я уже уверен, что противники мои, которым "до лампочки" наши беды, не только равнодушны к России, но затаенно ее ненавидят, жаждут ее гибели и живут для этого – так жаждет корявый ухаждёр гибели "вертихвостки", которая пренебрегла им.

Только я верен, отвергнутый, почему-то я все еще люблю ее – как сын любит мать, даже если она "загуляла", как и мать любит даже беспутного сына – со слезами, с горем – но любит!

Но что же это за Договор, который мне чудится, был ли он, или мне показалось?!

Чтобы объяснить его и себе и другим, надо мне отвлечься на богословские рассуждения – как и артиллерист, отвечающий за точность стрельбы, принужден сноситься с *теорией ошибок*.

Так вот...

Каждый из нас общается с миром духовного, пронизывающим мир матерьяльного, но Дух, пронизывающий мир и его объемлющий, разнороден – ведь и дьявол – дух, и демоны – дүхи, и математика духовна, и логика, служащая одинаково добру и злу; духовна красота, духовно сострадание; духовна любовь – но и ненависть духовна! Можно сказать, что *духовное* в культуре, как и интеллектуальное, относящееся к уму и познанию, *нейтрально* в отношении Добра и Зла, посему тот Дух, который обнимает Нравственность, называем мы Святым Духом, и определяем как Божественную сущность, как ипостась триединого Бога.

Итак, мир пронизан и объят Духом Святым, а так как к нему относятся красота природы, музыка, сострадание, дар творчества, то каждый из нас общается с Духом Святым, и, быть может, это Его присутствие, Его теплый свет в мире я и чувствовал еще в детстве, и присутствие Духа Святого, прикосновение его к своей душе и принял за *Договор с Богом*.

Но помогает ли нам Бог? Способен ли помочь? Да и хочет ли?

Дух Святой, словно музыка мира, не имеет *воли*, поэтому не может вмешиваться в нашу жизнь, заключать с нами договоры, и даже вступать в диалог. Хотя музыка и влияет на нас, но не "воля музыки" причина тому.

Но, может быть, возможно вступить в диалог с Богом-Отцом, создателем существующего, или с Сыном Божиим, Иисусом Христом?

Бог-Отец – не тот ли это Бог, о котором повествует Библия – и Ветхий Завет, священная книга иудеев, и Новый Завет, священная книга христиан?

Но и у иудеев, и у христиан – это *Бог Израиля*, Бог еврейского народа, и если Он стал и нашим Богом, то потому лишь и настолько, что попросились мы в Его царство, как князья и народы просятся под крыло сильного государя, бьют челом и присягают на верность; так и мы попросились, и *обрезались крестясь*, и стали *подданными* – может быть, не такими подлинными, как иудеи, не сынами, так хотя бы пасынками!?

Или же диалог и договор у нас не с Богом-Отцом – грозным Богом

избранного народа (как Он Сам его назвал), а с Сыном Его, Спасителем этого народа Иисусом Христом, рожденным от семени Израилева девой Марией (как о том повествуется в Священном Писании)?

Но разве у Бога есть национальность? – возражаю я сам себе. – Разве Иисус не для *всех* нас, славян и евреев, эскимосов и англичан? Разве Он еврей или англичанин? Разве не *единосущен* Спаситель Богу-Отцу, создателю всего сущего, и *всех племен*, и неба и земли, и бывшему от века прежде всяких племен?

Да, я так и думал, но сказал Иисус самаритянке, что пришел Он спасти *Свой народ*, и вера моя, что пришел Он спасти *всех* нас, без различия племени, а не *сначала избранных* – поколебалась.

Нет, не мог заключать со мной договор на спасение русского народа ни Бог Израиля, ни Иисус Христос; пришедший спасти *Свой народ*, Дух же святой, как мы знаем, лишен воли.

Но когда я узнал, что на одном из Вселенских Соборов было постановлено, что предпочтение *национального* вере в Бога – это опасная ересь, то пристрастность Христа к своим показала мне оправданной; таким образом Он и меня оправдал, для которого *мой народ* ближе чем Бог – ведь и ему *свои* были ближе нас, самаритян и язычников!

Так свои дети нам ближе чужих – хотя врач лечит всех, и учитель учит всех, и воспитатель радеет о всех детях равно. Справедливо, что сыну Марии сыны Израиля дороже детей самаритянки – но – "вера спасает и ее детей".

Холодно было бы нам слушать проповедь Спасителя, если бы Он, родившийся в Вифлеемских яслях, воскликнул, как Его ученик, что для Него несть ни эллина ни иудея; и хотя поставил Он братьев своих ниже учеников, любовь Его к Своему народу оправдывает Его.

И всё-таки... пришел Он к народу Израиля, и нашим Богом стал потому лишь, что свои оттолкнули Его.

Вот ведь какое неразрешимое противоречие – если бы к Своему народу Он был равнодушен, то был бы чужим мне – ибо понятен мне немец, и финн, и еврей, но тот, у кого нет Родины, подлинно для меня чужестранец. У Христа же Родина есть, и Он мне брат по любви к своему народу. Но вместе с тем, оттого, что пришел Он не ко всему страждущему человечеству, а прежде всего к народу Израиля, сомневаюсь я, что позаботится Он о народе моем.

Как же примирить близкую мне Его пристрастность, и отчуждающую невсеобщность?

Но понимаю ли я и учеников Его, и в них-то не то же ли самое неразрешимое противоречие?

Вероятно, есть три характерных типа людей – привязанные к роду и племени; безразличные; и жаждущие освободиться от этой сужающей, по их мнению, принадлежности, *общности* – во имя широкой как океан *всеобщности*, сверхнарода, или всечеловечества.

Но *всечеловечество* и *сверхнарод* – не одно и то же. *Всечеловечество* – это всё, это соединение, в котором рамки, границы, разделения между

народами – несущественны, ослаблены, или пали совсем. Апостол же Павел жаждал создать *сверхнарод*, противостоящий *роду*, основанный на *идее*. Воскликнув, что "отгнине несть ни эллина ни иудея", он провозгласил рождение "новой исторической общности", советско... тьфу... – *христианского народа*, последователей Христа.

Христианский народ действительно создался – в пределах Римской империи; но когда империя пала, национальное проросло, пропитало религию, и целость религиозного мировоззрения распалась, вместо одной общей веры появилось множество национальных учений.

Евреям принадлежит приоритет в поисках объединяющего начала, которое бы заменило презренную связь по любви и рождению. Вслед за Павлом другой великий еврей провозгласил создание *сверхнарода*, состоящего из *пролетариев*; при этом немало заимствовав из учения апостола Павла, так что многие полагают, что марксизм – лишь одно из христианских течений.

Соединяйтесь, верующие, и раздайте имущество! – взывал Павел.

Соединяйтесь, неимущие! – воззвал Маркс.

Сначала Вера, потом нищета! – это христианство (в букве и в духе; в практике пути учения неисповедимы, как и всякие пути Господни).

Сначала нищета, потом Вера! – это марксизм.

Так что же такое христианство, как и во что верит простой верующий человек, не читавший Родзянко-внука о создании мира и человека во время первичного Большого Взрыва? Простой человек верит, что Христос изложил *Правила Добра* (и многие даже думают, что это – ветхозаветные десять заповедей!), призвал нас любить друг друга, бояться Бога, слушаться начальства и ходить в церковь, пообещав за все это рай и Воскресение, а грешникам – вечные мучения в аду.

Все же остальное, чем является христианство простому народу, мало связано с идеологией – это храм, свечи, иконы, жития святых, праздники, церковное пение (или органная музыка), колокольный звон, молитвы, службы, обряды и требы, и у каждого народа *своё*, поэтому столько христианств, сколько народов, хотя текст Нового Завета один.

Так почему же новообращенные *настоящие* православные так на меня косятся, хотя я в такой же степени национален, как и Христос? Сами-то они христиане ли, а не ученики апостола Павла, ибо это именно он отпал от своего народа?

И какой же насущный идеал стоит перед взором современного человека (хотя бы и верующего)? Да ничего общего с подлинным христианством не имеющий, идеал языческий, эллинский – человек сильный, красивый, деятельный, образованный, дерзающий на многое; а идеал христианский – это сплав немощи, богобоязни, послушания, покорности, "очи долу"; сплав терзания, страдания, болезни, робости, смирения, умаления... Вершина святости – спать во гробе, бросить жену и детей, или еще до замужества и женитьбы заточить себя в темнице, радостей не знать и чураться, носить вериги, сидеть на столпе или камне, не смеяться, романы не сочинять и не читать, в театр не ходить...!

Вот, например, на Пасху мы красим яйца, печем и освящаем куличи, поздравляем друг друга и целуемся, мир красив, люди хороши и милы, и мы не сомневаемся в том, что Христос пришел "*изменить жизнь к лучшему*", наполнить ее светом, пришел для "здесь" – а открываем апостола Павла, так там ведь совсем другая проповедь, отрицающая жизнь, стремление к "*жизни будущего века*", и "здесь" делать нечего, "здесь" уже все неправильно и неисправимо, один только грех и тлен; прочитайте это, верующие и – понравится ли вам такое христианство?

Но, все же, был ли у меня Договор, и с кем?

Только, наверное, не с Богом иудеев и христиан, так как терпение и покорность мне ненавистны, и я не могу проповедовать их. Нет, вопию я, хватит терпеть притеснение, довольно покорности, надо восстать на несправедливость и *бороться* с злом, *сопротивляясь злу насилем!*

2 февраля, воскресенье, полночь... Вчера отметили День моего рождения, были из гостей, кроме наших, Лёня с женой, и Саша М--ов. Лада пела, Настенька говорила "*тосты*", Митя прочитал эссе о Петербурге, пили и *закусывали*, и снова *запивали* (не оттого ли потом ночью стало мне плохо?).

...Как же мне прорваться из окружения?..

Конечно, если не вспоминать о том, что... (и о другом); если не вспоминать о том, что... (и о другом), то – живу я как у Христа за пазухой...

9 февраля, утро, воскресенье. Спал плохо, тело стеноло, душа томилась, в воображении представлял я картины своей смерти, хотя и не гожусь еще в ученики апостола Павла, не в загробной жизни ищу утешения от бед и разрешения проблем, и не оставил еще мечты о чудесном преображении нашего мира.

День сегодня чудный, снежный и теплый, легкий морозец, так что слякоти нет – но душа жаждет весны.

Видел во сне, будто я спускаюсь по крутому снежному склону к стремительному ручью, снег плотный и мягкий, и чуть ли не теплый, я снял рубашку, лег на спину, и мне было хорошо. Затем набрал в ручье бутылку воды, чтобы ее *превратить в вино*, и на этом проснулся. А до этого еще видел, будто кто-то из нашей компании показывал дом, который он построил, мы вошли внутрь, и стояли в большом зале, пол которого был вымощен плиткой, и мне тоже захотелось построить дом в уединенном месте на берегу ручья...

Вот эти сны были хороши, все же остальное плохо.

В окончании прежних рассуждений...

В поучениях апостолов предстает образ немощного, богобоязненного, молящегося и кающегося, в язвах и рубище, дрожащего маленького человечика, ждущего смерти как избавления (да от такой жизни больше и

нечего ждать). Хотим ли мы следовать такому идеалу, нравится ли он нам? Бывал ли из нас кто таким?

Я – бывал – в отчаянии или с похмелья, когда небо с овчинку...

А таков ли Христос? С Него ли списан "христианский идеал"? Красивый, молодой, сильный, обличающий, любимый многими, пирующий на свадьбе (как непоследователен! – то говорит, что лучше не жениться, то на свадьбе пирует!), *исцеляющий* немощных и больных – разве тем самым прославлял Он немощи? Да и апостолы не так уж смиренны, они и обличают и проповедуют...

10 февраля, понедельник, 10-30. Спал плохо... нет, хватит писать о плохом! Да и не все же плохо – ездил рано утром по делу, и на поезд метро *не* опоздал. Только все остальное плохо... Но это пустяки. Тем более, что собираюсь сегодня я в баню, и забуду про болезни, безденежье, невезенье, отчаянье...

21-00, по дороге из бани. Да, попробуй бросить пить с нашим народом!

Конечно, еще при входе в баню встретил я писателя Н.

"Купим только *маленькую*! – сказал он. – Да и то не будем всю пить, а сделаем по глотку, остальное возьмем с собой".

Ах, соловей!

Я купил *маленькую* и закуски, у него оказалась бутылка пива.

После бани я вышел раньше, купил две бутылки пива. Да в бане еще он покупал, там же и выпили. А потом зацепил он в курилке одного Измаила.

Я оделся раньше, а они там схлестнулись на богословские темы, пошел его вызволять, пришлось докупить еще пива, вместе распили.

Наконец он вышел, и мы на скамейке сели с *маленькой*, и только бутылка пива у нас оставалась, когда Измаил подошел; допили мы пиво втроем, была у писателя еще сигарета, они ее вдвоем закурили.

Ах, говорит Измаил, были бы деньги, я бы вас вином угостил!

Но денег уже и у нас не осталось.

Вдруг маленькая старушка прошла, он к ней подбежал, это, говорит, моя мама. Мы ей головой покивали.

Сегодня понедельник, *льготный день*, баня стоит только десятку, и вся бедная питерская шваль в баню пошла, и Измаил, и мать его, и нищие, и ветераны войны, и писатели, и философы, и *азь зрешный*... но не буду приbedняться, на маленькую и на пиво все же у *интеллигентов* хватило!

– А как вы к чеченцам относитесь? – спрашиваем мы его.

– Да как мы можем к ним относиться, если они наших баранов воруют? А ведь тоже на Коране клялись не убивать и не красть.

В метро расстались, ему направо, мне налево.

Приеду домой, говорю, куплю еще бутылку пива, и выпью с женой.

Счастливый ты, он мне отвечает, у тебя и жена есть, и на пиво есть деньги... А вот у меня нет жены, и не с кем выпить...

И попросил у меня десятку... Мне даже стыдно стало, что я не догадался, и первый не предложил.

А когда я еще пиво покупал, смешная история вышла.

Какой-то мужик говорит мне – слушай, обменяй мне несколько рублей мелочью, продавщица у меня не берет, ругается...

Ну, я и обменял.

И вот говорю Измаилу – ты уж прости меня, почти только одни пятаки остались.

Да мне без разницы, отвечает, я не ел с утра.

17 февраля, понедельник, 22-45. На прошлой неделе провожал на поезд Любочку...ву, и она охотно со мною расцеловалась на прощанье. Ах, какие у нее сладкие губки!

А потом ездил в Желтый Дом на Обводном, где в прошлом году в июле был я заточён для проверки на здравомыслие, поднялся в канцелярию, и встретил там В. В., которому обещал подарить свой учебник, когда он в свет выйдет. Он мне обрадовался и наговорил лестных слов. Прелестной Веронике я тоже подписал экземпляр – "*Очаровательной психологине от безумного поклонника*".

Читаю Ницше, сорок лет не открывал его, а тут вдруг раскрыл "Антихристианина" – резко, сильно, убедительно!

И все же, хотя критика христианства убедительна, толку от нее никакого, потому что позиция автора не лучше, ложна насквозь, от первого слова до последнего.

Прежде всего, автор нападает на мораль и двойственность бытия, само существование духовных оснований мира кажется ему не только невозможным, но приводит в ярость, любовь и сострадание ему ненавистны.

Смысл жизни Ницше видит в *воле к власти*; понятие о ней излагает он путано – то кажется, будто речь идет о *самоутверждении*, то проповедует он *власть над собою*, что похоже на христианскую проповедь самоусмирения и самообуздания.

Маркс упрекал философов в том, что они *объясняли мир*, вместо того, чтобы его *изменить*; но Ницше даже и *объясняет только себя самого*.

В сострадании он видит любовь к слабому и больному, видит защиту упадка, разложения, тления, вопреки *воли к власти*, утверждающей, по его мнению, приоритет и достоинство здоровья, силы, благополучия. А я вижу в его проповеди зеркало, в которое смотрится философ.

Ницше нападает на христианство, нападающее на плотскую любовь, семью, деторождение – но сам-то он безбрачен, сам лишен пола и здорового стремления к наслаждению и обладанию.

Хорош певец *воли к власти*, не испытывавший трепета покорного женского тела, льнущей раствориться женской души. Хорош ненавистник сострадания и борец против слабости – конечно, ему, безбрачному и бесплодному, не ведомо, что в слабости выражено не только этическое,

но и эстетическое. Красота, вызывающая наибольший восторг и умиление, как раз и проявляется в ребенке, в его чистоте и непосредственности, и в чистой материнской любви, образцы высокие которой разлиты по всей земле, среди птиц и зверей, а не только среди людей.

Да чувствовал ли когда-нибудь Ницше связь с природой, или, кабинетный ученый, существовал только в сфере холодного разума? Бродил ли он по лесу, полю, цветущему лугу, любовался ли цветами – этими самыми беззащитными созданиями Божьими, которые каждый волен сорвать? Или его идеал эстетического включает из природного лишь гранитные скалы, бурное море, в крайнем случае, величественную пустыню (которая, впрочем, тоже беззащитна перед человеком)?

В юности Ницше любил Вагнера, позже начал его ненавидеть, но не стали душе его близки ни Шопен, ни Гайдн, а даже, вероятно, обесцветилось и чувственное восприятие мира. Восстав справедливо на апостола Павла с его проповедью потусторонней жизни как высшего и единственного идеала, с его ненавистью к живому и прекрасному здешнему миру, сам пророк *самости и победы* иссушил свое Я в бесплодной риторике и достиг лишь одного – *поражения*. Проповедуя силу, отказываясь от страдания, он лишил себя высшего наслаждения – *нежности*.

Размышляю о христианском воздаянии за наши поступки, о чем и Ницше пишет с возмущением.

Словно сидим мы в тюремной камере, и надзиратель раздает награды и оплеухи – кому похлебку погуще, а кого в карцер на хлеб и воду. Впрочем, оплеухи перепадают больше добрым, честным, великодушным, а благоденствует злыдня, да и пословица – "кого Бог любит, того Он наказывает" – говорит о том же. Но наша задача не в том, чтобы стремиться к наградам и почестям, или, наоборот, к наказаниям, – нет, мы должны стремиться жить достойно, а там – как судьба... или случай... или неведомо что... – радости перепадают и достойному, и недостойному, и хотя последним чаще, но все же сеет их "сеятель радостей" без разбору и беспричинно.

Итак, за праведную жизнь даже Бог не наградит, награда только в своем сознании, и за разбой и воровство тоже наказывает не Господь, а общество, организованное "по-людски" – авось, когда-нибудь и российское общество организуется "по-людски", и до Ельцина с *дружками* дойдет черед, и расхитителей Земли русской поведут на эшафот с веревкой на шее.

Авось...

Прошел по университетскому двору, обошел вокруг Памятника Кошке возле Физиологического института.

Идет снежок, мягко, тепло, сумерки еще не стухлились, студенты и студентки бегут на лекцию, а кто уже домой, в Петровском Зале собирается публика на концерт (и столько пришло народу, что сидели и даже лежали! в ногах у музыкантов)...

Однако, зал небольшой, было нас несколько десятков человек, а учится и работает в университете двадцать тысяч. И на следующий концерт придут те же, и те же самые откроют Ницше и Достоевского, или посмотрят по телевидению документальный фильм об Инне Чуриковой.

Но почему это так? Почему большинство равнодушно к красоте, живет в плохих домах, петь не умеет, нерадиво в работе, равнодушно к чужой боли, равнодушно к культуре?

Может быть, потому, что "умных книг не читали они в детстве", музыку не слушают, в театр не ходят?

Но были же достойные люди в прошедшее время?! Достоевский ли с Толстым воспитали их?

Человека создает среда обитания. Если мир вокруг прекрасен, трудно стать недостойным.

Крестьянин отставил в воскресенье службу в сельском храме и пел вместе со всеми, церковное пение лепило его душу действеннее, чем театр. Вокруг него стояла нарядная толпа, на стенах висели иконы, священник в торжественном облачении осенял крестом молящихся, колокольный звон вздымал душу ввысь. Храм стоял на пригорке и светился благодатью. И поле, и река, и луг у реки благоухали. А лес за полем был чист, светел и свеж.

Если же приезжал крестьянин в город на ярмарку, то погружался в величественное благолепие каменных городских строений.

Что же воспитывало городского жителя, например, сто лет назад, в начале двадцатого столетия, еще до революций и войн? Пусть он не слушал "Бесед Сократа", не читал "Логики" Аристотеля и "Мыслей" Паскаля – но душу его пестовало то, что выше всех книг всех времен и народов, то впечатление гармонии, красоты, откровения, которое содержалось в облике города, его улиц и площадей, каналов и садов, величественных дворцов и гранитных набережных.

Воспитывает ли нас город сегодня?

Я шел на концерт по Среднему проспекту.

Лицо современного Петербурга – это увядшее и побитое лицо некогда красивой надменной женщины, обезображенное оспой. Вот на Пятой линии современное здание – его одного достаточно, чтобы растрлить душу нации!

Проходя затем по Биржевому проезду, остановился я около двухэтажного облезлого здания старого склада. Это был не Зимний Дворец, не Смольный Собор – но даже этот обветшавший полуразрушенный склад, построенный второпях в 19-ом веке, прекраснее всех "шедевров" современного "зодчества".

В университетском дворе, где еще жив дух Трезини, где тень его в густеющих сумерках, торчит трансформаторная будка, громоздкие остовы разбитых автомобилей, сарай или загон для скота. Человек, проходящий вдоль Здания Двенадцати Коллегий по "скотному двору", не может сохранить душу живую. Теперь он сможет ругаться, плевать на пол в театре, избить случайного встречного.

Не Толстой и Достоевский делают из нас человека, а внешний облик мира, ибо *каков он вне, таков и внутри*.

А потом мои мысли обратились к *чиновникам*, которых целую армию прокармливает нищий русский народ! Они так неизменны и неистребимы, что не о них ли сказано – "*живее всех живых*"? Весь наш быт пронизан их рвением к неподвижности, рутине, косности и казенщине, тупости и мертвечине.

Ездят ли они в метро? Вероятно, не ездят, потому что не оборудованы грамотными вывесками вестибюли и платформы метро, и не только приезжий, но и местный обыватель впопыхах бежит не туда, прежде чем наткнется на сообщение, где *выход*, а где *переход*, и в какую часть света вольется уходящий поток, о какую улицу и автобус споткнется.

А чтобы у выхода в вестибюле крупную схему окружающих улиц, и звездочкой положение выхода? – нет, это труднее, чем вырыть туннель, – или дорожке?

А присмотримся к казенным учреждениям на необъятных пространствах нашей чиновничьей родины, где большую часть времени тратит посетитель не на разрешение дела, а на поиски информации!

Чего бы проще? – в рамочке аккуратно на видном месте расписание служб и комнат, имя чиновника и номер его телефона, дни и время работы, перечень услуг?

Чего бы проще? – секретарь учреждения по телефону или *vis-a-vis* отвечала бы каждому на вопросы, и не носился бы встрепанный посетитель от кабинета к кабинету, умоляя очередь *на секундочку только* "задать вопрос"! Не лезли бы в кабинеты *непонимающие* с одним вопросом – к кому обратиться, у кого спросить?

Все мы проходим похожий путь во всех учреждениях кроме тюрьмы – лишь в этом казенном заведении не надо спрашивать, *куда идти* дальше – тебя поведут и приведут, а *в конце пути* откроют тюремные ворота и вытолкнут на волю; или привяжут бирку к ноге и закопают в сырую землю.

28 февраля, пятница, 17-00. Только что в городской прокуратуре получил *Справку о Реабилитации*, прошел от Исаакиевской площади мимо Собора, памятника Петру, перешел Неву через Дворцовый мост и пришел в Университет – в половине седьмого в Актовом Зале концерт итальянской музыки, словно праздник Торжества Справедливости – через тридцать лет после освобождения в марте 73-го года.

2 марта, воскресенье, после полуночи. Плохо... и внутри, и вне... Ночью болит тело, днем болит душа, но причина причин в том, что болен мой народ, и больна страна.

Пока еще надеялся я хоть немного повлиять на их судьбу, не так мрачно глядел и на собственное будущее. Но в том-то и дело, что теперь уже ни на что не надеюсь – не надеюсь, что книги мои будут читать, что

понадоблюсь хоть когда-нибудь я народу, что опомнится он, и начнет исправлять свою беспутную жизнь...

Словно на пустынной дороге, в песке или глине, или в снегу завяз автомобиль, бензин в нем выгорел, нет дров или хоть дерева близко, нет даже спичек, ноги не двигаются, руки заоченели, да не хочется и двигаться, а только скрючившись в каком-то уголке бездвижного экипажа тихонько закончиться насовсем...

И только жажда и голод исправно приходят, и хочется пить, и хочется спать, и тело болит, саднят ребра, тянет кожу, тяжесть (может быть, камень?) в брюхе...

Я жил *надеждой на будущее*, и вот пришло будущее и лишило меня надежды.

А сорок лет назад ничто не могло лишить меня радости.

В марте 61-го года после исключения из университета я работал в Геодезическом Управлении, в Старой Деревне, на окраине города, таскал доски и ящики с гвоздями, обедать ходил в совхозную столовую по раскисающей под солнцем дороге, брал там телятину, бутылку пива, сто грамм водки, и *веселый и хмельной* возвращался к гвоздям и доскам.

Ах, как я был тогда счастлив, веря в свое призвание!

Хотел написать "*Разговор книгопродавца с поэтом*" – но в действительности разговора у нас не было и, конечно, уже не будет. Я к ним приходил, бился в двери контор их и лавок, но как только выяснялось, что я пришел предложить свою книгу, меня гнали прежде, чем успевали взглянуть на нее. А если успевал я ее показать, у книгопродавца появлялся такой ужас в лице, что мне становилось стыдно.

Итак, книгопродавцы со мною *не* разговаривали... – но и с читателем не получилось у меня разговора.

...Титаник тонет...

5 марта, среда, 13-30. Во-первых, сегодня исполняется 50 лет со дня смерти тирана. Тот день, когда нам о ней объявили, я помню хорошо, мне тогда было одиннадцать лет, как сегодня Настеньке.

А во-вторых, март разгорается, солнце светит ярко, и время уже помогает мне выжить.

...ну, а там, авось... не исключено, что ... да, возможно, будут и у меня удачи на этой грешной земле...

Но возвращаюсь к Титанику.

Смотрел на днях по телевизору "Школу Злословия", две дамы "злословили"... нет, распинаясь в любезностях перед записным политологом Глебом П--ским.. Одна из них написала ужасные книги, другая мила, и, как говорят на Западе, *сексапильна*.

Задело меня настроение их разговора. Говорили они о гибели России, о несправедливости, пропитавшей повсеместно окружающую нас жизнь, и у меня кровоточило сердце, а они, информаторы, политики и *имиджмейкеры*, благополучные люди, отстраненно и свысока вещали о

смысле жизни, о бессмысленности надежд – словом, о многом вешали, и обо всем интересно – а надо бы просто выть на луну и бить стекла – но ни о луне ни о стеклах они говорить не хотели.

Спросили его, за что он "любит" Россию – "за то, что в ней жить плохо – а это, дескать, помогает человеку стать лучше". Только, почему-то, сам он стремится жить хорошо, и живет припеваючи, обслуживая вороватых политиков.

Да, если бы плохая жизнь помогала нам становиться праведниками, не надо бы ничего в мире менять к лучшему, исправлять несправедливость и ложь. Близких твоих в тюрьму посадили, у детей сыпь и короста – ходи и радуйся, что всё так плохо! Ходи и радуйся, что половина России за чертой нищеты, что не доживаем мы по двадцать лет в сравнении с теми, кому стать праведниками тяжело, что народ вымирает, что талантливые бегут за границу...

Но есть ли надежда, что и у нас когда-нибудь станет для "праведников" тяжело, потому что нечистая сила, захватившая власть и богатства, строем пойдет в тюрьму и на эшафот, и станет жить легче?!

Есть, есть надежда! – хотел я воскликнуть в ответ на вопль отчаявшихся – бывает и небываемое! Ведь и Сталин умер, и Гитлера сожгли, и Титаник, увы, потонул, хотя и не должен был потонуть.

Не отчаивайтесь, еще всё возможно, и еще рухнет эта нечистая власть, это крошечное зло, эта мерзость перед людьми, оскорбление дыхания, святотатство глумливых, похоть жадных, сомнение тупых, наглость трусливых, себялюбие грязных, торжество злых и жестоких!

Бывает, что и горы движутся и изливаются лавою, и пропасти разверзаются в тверди земной, и хотя не устыдятся бесстыдные, и не покаются нечестивые – но вдруг содрогнется и под ними земля?!

И ради одной этой малой надежды давайте еще потерпим эту унижительную и пошлую жизнь!

Покаяние.

Давно ли мы предавали, продавали, обманывали, убивали невинных, мучили и истязали, и ложь гнусным потоком лилась по улицам наших городов, мы шли в ней по колени, по грудь, окунались в нее с головой, она заливалась нам в глущие уста, в дышащие смрадом нечистот ноздри, разъедала глаза и уши – только покаяться ли мы?

"Предавали и убивали немногие! – возражают мне, – а большинство любило и рожало, строило и созидало – за что же всех обвинять? Многие были достойными, и их упрекать несправедливо".

Но разве не виновен перед нами каждый немец за минувшую войну – и воевавший на фронте, и тот, кто просто *честно* работал – даже если он был хорошим отцом, примерным мужем, любящим сыном и верным товарищем? Если бы они победили, мой народ был бы уничтожен – неужели они, победители, та солдатская когорта, которая разрушала наши города, тот камень, который почти разбил твердьны нашего духа и наши сердца, та пауля, которая убила моего отца, и для своего

благоденствия убивала наших невинных, чтобы оставить их виноватых – неужели они и вправду могут быть ни в чем не виновны?

А те, кто только кормил и одевал мучителей и солдат, кто вооружил пятимиллионную армию, и исправно ходил на работу, чтобы машина убийств продолжала исправно действовать – они-то разве не соучастники зла?

Впрочем, немцы признали правоту моих слов, и со мною они не спорят, каются они и сегодня, поэтому у них есть будущее. У них есть и прошлое, их Гете и их Вагнер; покаявшись перед ними, они покаялись и перед своей культурой и своей совестью, и их гении их простили.

Ну да ладно, оставим вчерашнее, реки крови в подвалах ЧК, Монбланы костей в лагерях Воркуты и Сибири... поговорим о сегодняшнем.

Два милиционера изнасиловали и убили юную девушку, отец убитой – помощник губернатора.

Милиционеры – преступники, преступление их очевидно, и даже при незначительном желании власти, которая нас должна защищать, судебная справедливость в этом для судеб России рядовом эпизоде должна бы восторжествовать, тем более, что и отец пострадавшей – не маленький человек из народа, которого власть могла раздавить, не заметив – и что же?

Преступники не наказаны, потому что они – неотъемлемая часть гранитной горы, от которой их не отколупнуть, не отбить. Все встали на защиту преступников.

Врачи и судебные эксперты подделали "историю болезни", чтобы обелить убийц. Администрация города и Министерство Внутренних Дел встали на их защиту. Министерство Юстиции – тоже. Прокуратура не спешит возбудить дело. Государственная Дума занята возражениями на клевету в адрес нашей милиции. Министр МВД смотрит по телевизору сюжет об убитой, ему достаточно шевельнуть пальцем, чтобы наказать убийц, и тех, кто их покрывает, но он этого не делает. Председатель Правления занят важными государственными делами.

Народ... виновен ли народ в том, что два милиционера убили невинную и *не будут наказаны*?

Да, виновен. Прежде всего потому, что избирает дурную власть и ей поклоняется. Как виновна и Германия в преступлениях Гитлера.

В России справедливость торжествует лишь в сказках, а горькая правда состоит в том, что наших детей и внуков насилуют и убивают, предают и унижают – но никто никогда не отомстил за униженных. Убитые и поруганные истлели не отомщенными. Их слезы истлели вместе с ними. *Но ни их слезы, ни их пепел не стучит в нашем сердце.*

Почему не нашел я ответа на горестные вопросы, почему не помогла мне культура и философия?

Почему не помогает религия?

Может быть, я не то в ней искал, что другие, поэтому и мучаюсь в разброде и отчаяньи?

Да, искали мы разное, и они нашли, что искали, а я своё не нашел. Они искали для себя утешения и оправдания, искали убежища от угрызений совести, примирения с бурей в душе, маленьких радостей в настоящем или больших надежд на будущее, искали спасения – здесь, в этом мире, или хотя бы в мире загробном.

Искали они *для себя* – защиты от тягот и горя жизни, примирения с безысходностью, оправдания от бездействия в борьбе со злом. То, что искали, они нашли – подлинное, или придуманное – не это главное.

Главное в том, что смысл и направление поисков были связаны только с их собственной душой, только с ее спасением, и самые ищущие, самые одержимые вдохновились призывом фанатиков – уйти от мира – в пещеру, в пустыню, в скит, снять мирскую одежду, одеть власяницу, рубище, или остаться в лохмотьях, в которые обратится одежда за время поисков, повесить вериги, покрыться струпами, истлеть заживо и спать во гробе!!

Ну а землю пахать, детей рожать, писать книги, строить дома, производить лекарства, игрушки, одежду – это *не* для спасающихся! Нет, сидеть на столпе или камне, молиться о спасении, и ждать благодати!

За что благодать-то?

За ненависть к миру? За то, что близкими пренебрег, о них перестал заботиться, хотя и искал пропитанья у мира?

И все-таки они нашли, что искали, а я своё – не нашел.

Но что я искал?

Искал я, как помочь несчастной России, пытался подвигнуть многих в ее защиту, но не нашел даже и одного, желающего хоть что-нибудь сделать для ее спасения.

Что бы ни делалось, каждый спокоен, пока не заденет его самого. Неправда в судах, милицейский беспредел, продажность чиновников, продажа страны – ничто "не колышет" *презренных потомков* некогда славных отцов.

Нет, религия меня не утешит. Я не ищу примирения с самим собою, я ищу способ образумить народ.

Ищущий религиозного утешения подобен узнику, пытающемуся устроиться в камере так, чтобы уже не мечтать о воле, не стремиться к ней, в заточении найти свободу и счастье.

Нет, это не для меня. Не нужна мне "внутренняя свобода", если нет внешней. Ханжи и лицемеры, не побывавшие в тюрьме, лживо о ней разглагольствуют.

Моя религия – поиски орудия, которое поможет устроить подкоп и побег, если сижу я в тюрьме. Моя религия – озиаться в поисках палки или камня, если сижу я в тюрьме.

Но как мне жить среди тех, кого я даже устал презирать?

Детство мое прошло в глухой сибирской деревне. У женщин были чудные голоса и лица. Работали много и добросовестно. Избы не запирались, потому что никто чужого не брал. Язык был сочный и свежий, иностранных слов не знали, поэтому обходились своими,

бренные слова употребляли к месту, а женщины никогда не ругались. "По фене не бóтали", потому что не учились жизни у воров и сутенеров, как это делают нынешние интеллигенты.

И этот народ я любил и жалел, как и они любили меня. Вероятно, я и создал свой миф о русском народе, отгалкиваясь от воспоминаний о сибиряках – конечно, они много пили, но были открыты и простодушны, не было у них любви к рабству и власти, страсти к одинаковости, приглаженности, неразличимости.

В шестидесятые годы я учился в университете, работал в школе, собирал книги, слушал музыку, меня любили школьницы и студентки, нас не подстерегали "киллеры", девушки не знали бранных слов и даже не пили пиво, спорили горячо и искренне. Что же случилось с тех пор?

Выйди на улицу, тут тебе и вертеп и притон, капище и торжище, обман и грабеж, ложь и растление, трусость и скудоумие, гнойные язвы душ и лицемерный слей. Воздух, которым мы дышим, пропитан тлением, легкие мои кровоточат...

Но каков главный упрек мой к русской жизни, и чего я хочу?

Представьте себе, что я карась, живущий в полноводной реке. Может быть, мечтаю я о том, чтобы водоросли в моей заводи росли погуще, карп не мешал и щука не донимала? *Да на то и щука в реке, чтобы карась не дремал!* И плохо ли, хорошо ли мне живется – не это важно.

Тоска моя и боль в том, что река мелеет, а то и вовсе угробить ее дьявол старается – то плотиной перегораживает, то вспять попытается повернуть.

Если моя река течет как должно, отраву в воды ее не сливают, морями рукотворными берега ее не заливают, не спрямляют, и не поворачивают, и надеюсь я, что и дети мои будут все так же резвиться в ее чистых струях, то прочее все – не важно. Много ли свободы слова, острые ли у щуки зубы, всегда ли удастся жир нагулять...

Но пусть хоть весь мир пропадет, только бы мне благоденствовать! – рассуждают иные, и вот они – худшие враги мои, чем зубастая щука.

Процветание России – смысл моей жизни, связь моя с нею – моя вера, ее иссякание – моя трагедия, а точнее – равнодушие моего народа к иссяканию России.

Мой отец погиб, защищая ее. У многих погибли отцы или деды. Но мой отец не напрасно погиб, потому что и я готов за Россию сражаться, и жить без нее не хочу. И моя преданность России – выше моих отношений с Богом, выше славы, богатства, почестей, выше *Откровения*. И это значит, что и Христос не напрасно умер, потому что Он пришел спасти *Свой* народ, и передал мне Свою Боль.

В двадцать лет были у меня способности к математике, и точно я знаю, что кое-чего бы достиг. А я все сидел в углу, и все пытался понять, отчего честь и правда, и подлинная культура – расхищены, поруганы, растоптаны и иссякают.

Так и сидел, пока мхом не порос.

Вдруг и вчерашние недруги схлынули, пришли новые.

В сорок прорезались у меня кое-какие способности к литературе, возможно, кое-чего бы достиг, надо было написать хоть один занимательный роман, но для того пришлось бы лет пять просидеть над рукописью, а мне все казалось, что от России отлучаться нельзя, надо понять, что такое случилось с ней, и куда ее в беспамятстве занесло.

Так и сидел, пока совсем мхом не зарос.

Может быть, надо было над книгами больше сидеть, – но я надеялся, что собственным умом сумею лучше понять причину причин, а тогда уж удастся и России помочь.

Увы, ничего не удалось мне понять, и как сорок лет назад *все как один* плыли на дырявом корабле и ликовали жизни, и никто не хотел спускаться в машинное отделение, и никто не хотел слушать скрежет и гул, и никто не хотел верить, что плывем не туда, и не сверяли со звездами земной наш путь – так и сегодня.

Вчерашние *не верили* в Бога, и думали, что это они *сами не верят*, а не за них решено, что это не просто повторяют они то, что говорили им в школе, учили в институте, писали в популярных книжках (Фихте и даже Маркса никто из них не читал, а уж тем более Библию), а обдумывают будто бы сами и рассуждают; сегодняшние в Бога *верят*, и так же заблуждаются, полагая, что это их *собственная вера* – разве не все, кому сегодня за тридцать – вчерашние комсомольцы? Начнут завтра петь – Боже, царя храни! – и они запоют со всеми; сметет ураганом нынешнюю власть – понесет ураган и их «с Интернационалом в последний и решительный бой». Жаль только, что никогда общепринятым не становится голос Истины, поэтому духовно послушное большинство, повторяющее общепринятое, не повторит голос Истины.

Но мой отец не напрасно умер, и хотя Россия побеждена, сын его продолжает сражаться.

И – кто знает? – пока не погиб последний солдат, победитель наш не сможет уснуть спокойно.

Ну, вот, Книга моя почти завершена.

Будет ли продолжение, найду ли я только для себя утешение, или скажу и своим немногим читателям что-нибудь новое – Бог весть.

Замысел Металогии Откровения, как *романа-размышления*, появился в 97-ом году, после того как февральской лунной ночью мне показалось на несколько отчаянных мгновений, что я уже умер.

... Я остался жить не случайно – подумал я. У Высших сил есть еще тайный замысел в отношении меня, и я должен написать Роман о своих отношениях с жизнью и Истиной; поскольку этот роман касается не только временного, повседневного, и не вмещается в логику и психологию, я и назвал его *Металогией Откровения*.

Разумеется, чтобы оправдать претенциозное название, должен был я ответить на важнейшие вопросы, которые ставит перед нами жизнь.

Ответил ли я на них?

Нет.

Дело в том, что мне не удалось их сформулировать. Многим кажется, что какие-то важные вопросы жизнь сама перед ними ставит – не исключено, что и так – но на том ли языке, который нам внятен? И не потому ли не удастся нам ответить, что мы и не слышим, о чем же нас спрашивают? Жизнь иногда даже истязает нас, бич врезается в кожу, рвет сухожилия, ломает кости – но мы уже из-за боли, страха и отчаяния не способны понять, чего она от нас хочет.

Вначале, когда я только первые страницы записывал, я думал, что умнее других, и способен говорить глубоко и верно. Но когда бич врезался в кожу, я понял, что ничего не понимаю, что посреди житейского шума не способен услышать тот голос, который меня спрашивает о самом главном.

Да и спрашивал ли меня кто-то более мудрый, чем я? А не отвечал ли я на те вопросы, которые придумывал для себя сам – но спрашивал я только о том, что мне уже было известно.

... Впрочем, никто не хочет слушать и того, кто видит истину хотя бы и «сквозь тусклое стекло, гадательно» – так помоги мне, Господи, достучаться до их неслышащих ушей!

И никто не хочет знать, что каждый отвечает за всё несправедное, и должен будет ответить и на Страшном Суде.

Конечно, Россию истязало правительство, и войска в Афганистан посылаю оно (как ныне в Чечню), но существует всегда только то правительство, которое находит поддержку, как и горные породы пролегают не абы где, а только там, где возможно, и реки текут в соответственных местах, и летом жарко не потому, что лето так захотело, и рыба водится не в песке, а в воде.

Доброе собирается к доброму, а злое – к злому.

Если власть что-то делает плохо, то не потому, что не успевает, или не умеет, или ошибается; власть – это только центр притяжения, это намерение, это импульс силы, а собираются, стягиваются, поднимаются потоком злой силы только те, которые ничего положительного делать не будут и не хотят.

Так же и добрая власть не должна сама *наводить порядок*, исправлять неправду, карать злодеев – она лишь *план* творения, обетование цели; она только направляет движение заряженных добром частиц.

Немецкую армию на восток послал Гитлер, но отвечал за это весь немецкий народ, и он в своем "Дранг Нахт Остен!" покаялся.

Но мой собственный народ, варварски воюя против собственной культуры и своих достойных людей – пока ни в чем не покаялся.

Я хотел свой народ вразумить, оттого и писал... Я хотел свой народ направить на истинный путь, оттого и писал.. И все надеялся, что когда-нибудь удастся так написать, что меня, наконец, услышат.

Но надеялся я напрасно.

Я – сеятель, целую жизнь засевавший людское поле, – но ничто не возшло ...

7 марта, пятница, десять часов утра. В деревню мы не поехали – денег нет, и оттепель не настала, морозно, хотя и солнечно, даже днем.

Вчера в баню ходил, после бани купил бутылку пива, дома распили, и пока распивали, было мне хорошо.

Хотел занять денег на издание книги, но ...

14-00. Солнце сверкает, в трамвае тепло, хотя на улице еще зябко, но душа угнетена.

*В людской толпе я так же одинок,
Как в полутьме готического храма.*

Слова мои, конечно, не слишком точны и правдивы, как это часто бывает в стихах – они полнее выражают *общее многих*, но расплывчато – *частное одного*.

Внутренне я действительно одинок и в людской толпе, и в готическом храме... да и в православном. Одинок я и среди деревенских жителей, и среди городских, сверкающих отраженным светом культуры, не являющейся их собственной. Но я и сам стремлюсь к одиночеству, людская толпа меня сдавливает, тяготит, лезет в глаза и уши как мошкарка, как назойливый шум. Я живу в литературе, живу в городской каменной книге, которую читаю каждодневно, и страдаю, что она ветшает, живу в России (как многие живут в семье и в работе), живу в своих размышлениях, сетованиях, писаниях, живу постоянно со своей болью, неудовлетворенностью миром – но этот я, так живущий, чужд окружающим, как и они мне чужды.

И вот, как правило, я одинок, и несчастлив.

Христос пришел спасти *свой* народ... но так уж случилось, что спастись к нему пришли "самаритяне", а свой народ от него отрекся.

Но и среди своего народа пришел Он спасти сначала отверженных, потом уж полноценных обывателей; сначала – грешников, потом уж *тех, кто без греха* (если такие и воистину есть); сначала – нищих, потом – богатых (если только сумеют они протиснуться в царствие Божие).

Но если один из самых *ужасных грехов* (как многие из христиан полагают) в том магнитном притяжении, которое притягивает мужчин и женщин и бросает их друг другу в объятия, то и *притягивающихся* надо бы спасать вначале, а постников – потом...

А не проповедовать, что милые женские глаза и губы и ямочки на щеках принадлежат "сосуду Дьявола", каковым святоши считают женщину со всеми ее прелестями – и чем прелестнее, тем хуже.

Правда, об этом распинался я уже многожды, а о "воровской крови" *разбойников* говорил еще мало – эти-то тоже милы Господу? Милее ли они праведников, как и Мария Магдалина и Мария Египетская милее чем Жанна Д'Арк (по крайней мере, последователям Его?)

Парадоксальность слов Иисуса Христа поэтически привлекательна, но и поэтически же часто преувеличена, и если "милые грешницы" и вправду подчас милы Спасителю (или Он *жалеет* их, как пожалел блудницу, не дав ее побить камнями суровым иудейским старцам-

евнухам), то *в порочащих связях* с ворами замечен Он не был, исключая трагический случай на Голгофе, когда о *раскаившемся* разбойнике (*благоразумном*, по елейному толкованию *благоразумных* учеников Его) заметил, что *тот уже нынче в рай попадет!*

Вот я и думаю, в наше гнусное время, возвеличившее воровскую шваль, что для полного понимания и отвержения её надо с нею сталкиваться не от случая к случаю – то в подворотне или темном переулке, когда тебе проломают голову (но, возможно, еще не до смерти), то в своей квартире, из которой иное вынесут, а прочее осквернят (но, возможно, вынесут и осквернят не всё) – а лет двадцать прожить с нею, как Варлам Шаламов, не отделяясь ни на минуту, так что вынесут из твоей души и твоего тела всё до последней кровинки и последнего вздоха, а что не вынесут, то осквернят, но уж ничего не останется твоего, отделенного, защищенного! – достаточно ли тогда будет "внутренней свободы", охотников проповедовать которую так много?!

А Христос поймет ли наши муки под властью воровского режима? – ибо одного злословящего разбойника, висящего с Ним рядом на кресте – не достаточно для основательного знакомства с их племенем, и пронести Крест на Голгофу – слишком мало в сравнении с целой жизнью, проведенной под вонючим миллионотонным задом Советского государства.

Так неужто это *их* тщится Христос обратить в "Свою Веру"? Даже если Он и Бог, не знает Он людей, и в Его жалости к разбойникам – глубокая несправедливость к тем, кто жил не за чужое, кто в поте лица своего добывал хлеб свой, а не отнимал у других (и не собирал в *доброхотное подаяние*).

О Фрейте и его последователях

Истоки религиозного сознания некоторые находят в страхе человека как перед природой в буквальном смысле слова, то есть перед лесом, полем, реками и озерами и природными стихиями – ветром, дождем и снегом, ураганом, землетрясением, извержением вулкана; так и природой самого человека, над которой он не властен – болезни, увечья, смерть, беззащитность перед сильными в своем племени, и перед чуждыми сильными племенами.

Вот это чувство беззащитности, аналогичное тому, что испытывает ребенок, ищущий защиты у матери и отца, Фрейд и ставит в основание религиозного сознания, главной особенностью которого он считает *мифотворчество*.

Привязанность ребенка к отцу или матери он также выводит из природных инстинктов, прежде всего из *сексуального*, при этом на отношения с отцом Фрейд смотрит как на отношения соперничества за обладание самкой, составляющие, якобы, так называемый "Эдипов комплекс", содержанием которого является ненависть к отцу.

Только природное, подсознательное, бессознательное, *разлад* и *порок*, скрывающиеся в глубине человека и вызывающие в нем *чувство*

вины (поразительная аналогия с идеей *Первородного Греха!*) – основание его страстей и религий, творчества и истории, утверждает он.

Как же это моя собственная любовь к родной деревне, к родным и близким и к матери (а не было у меня роднее ее никого!) – не выплыла из "омутов" детской души (да и были ли в ней эти омуты?!), а выросла как васильки на поле, как любовь к природе, сказкам и песням и звездному небу? Неблагодарный материал для фрейдистов представляют мои страсти (и даже пороки), как и страсти всякой славянской души!

Полночь. Читаю Фромма. Иногда он пишет так хорошо, что впору учить вместо Евангелия. Но потом раздается и у него старая еврейская песнь, и даже он, преодолевший, казалось бы, узость фрейдизма, призывает "освободиться" от привязанностей к семье, роду, племени, заменив их *любвью к человечеству в целом*; или освободиться, как Будда, от *всяких привязанностей*. [Правда, требуя от других национального безразличия, которое отождествляют они с свободой, безразличны ли евреи к самим себе? Нет, они соединены, спаяны неразрывно словно единая народная личность, и освободиться от принадлежности к собственному племени не спешат (а Хаммер даже в свои сто лет за два часа до смерти, чтобы стать *стопроцентным евреем* – "евреем из евреев" – принял иудаизм и прошел *обряд обрезания*, ибо этот обряд для них важен так же, как Моисеев Закон и верность Субботе.)]

Не общее ли помешательство *односторонности* проходит сквозь все мировые еврейские религии – *первородный грех* у христиан, *ненависть к отцам* у фрейдистов, *бунт производительных сил* против *производственных отношений* у марксистов?

А, может быть, и впрямь источником религиозных систем является *мифотворчество*, заменяющее отчаянную попытку Духа подняться над Миром?

16 марта, воскресенье. Весна разгорается. Солнце светит ярко, снег тает, лужи под ногами брызжут... и скверны обнажились, на виду и под ногами. Неужели я не доживу до того дня, когда Великий Чистильщик придет на мою землю, чтобы очистить ее, и я воскликну – *Ныне отпущаеши, скорбь моя, с миром!*?

А "патриоты" мне кричат, негодую – если тебе у нас не нравится, *вали* в свою Европу (в кототорую "за долларом" дети их *валят* не задумываясь), – а нам хорошо и так!

Но почему это уверены они, что Россия принадлежит им, а не мне, что это они – русские, а не я?!

Нет, русский – я, и Россия принадлежит мне, я законный наследник ее, по праву духовного родства, а они – сброд, "Иваны, не помнящие родства" – да и Иваны ли? Посудомойка и ключница зачали их в темном углу от вчерашних рабов и холопов; русскую культуру и русский язык создавали мой предки, и они же писали романы и музыку, а эти уже и петь и читать разучились.

В чем же дело? – спрашиваю я себя в миллионный раз. – Почему мое отношение к России и миру вызывает у русских такую ярость? Неужели я белая ворона среди русских, и для них нелюбовь к России, или равнодушие к ней – норма, а *боль и любовь* – патология?

Я страдаю оттого, что у нас всё хуже, чем в Европе, мечтаю о том, чтобы мы исправились, чтобы города наши были восстановлены, продолжительность жизни поднялась хотя бы до "папуасов Замбези", мужчина смог бы трудом своим содержать семью, на улицах и в домах стало безопасно, мздоимство было наказано, несправедность власти – в армии, в судах, в милиции, в правительстве – уничтожена, достойные вздохнули свободно, а недостойные начали задыхаться – но стоит мне об этом завести речь, как шквал негодования обрушивается на меня.

Кажется, я начал понимать, в чем дело. Не спал, томилось сердце, и я начал понимать. Среда, в которой я существую, самая общая, самая типовая часть нашего общества, а оно разучилось поднимать голову за 75 лет террора и унижения, его единственная цель – выжить, и всякий смутьян вроде меня – враг его спокойствия, его чувства относительной безопасности.

В армии – дедовщина, в зоне – беспредел, разбойники на улицах и в подъездах, чиновники замучили поборами, болезни и смерти одолевают – а обыватель сидит за пиршественным столом (за которым, правда, и я сижу вместе с ним, увь!), вкушает бутерброд с килькой (а то и с икрой!), пьет шампанское, разбойников не видит, плачут и страдают другие, но их плач и страдания чувствовать он не желает – а я мешаю ему наслаждаться жизнью, я в миллионный раз задаю вековечный вопрос – *Что делать?* и *Кто виноват?* – и тем самым невольно обвиняю и его самог.

Он слышит, что "надо что-то делать", но ведь он не выходит на улицу с флагом или гранатой, и никогда не пойдет, даже если перемерут от паскудных порядков в России все его близкие, или перебьют их в Гулаге, Афгане и Чечне, и мой вопль – обвинительный ему приговор, его бездействию (как, правда, и моему – но я-то отличаюсь, хоть фантастически, но отличаюсь от него тем, что убежден в *необходимости* действия, тем, что призываю к нему, тем, что *по крайней мере мечтаю*, хотя бы и на закате жизни выйти из дому на улицу и прокричать Правду.)

Он слышит, что "кто-то виноват", и ненавидит за это меня даже вдвойне, потому что принимает мои слова на свой счет (а он был если не коммунистом, то комсомольцем, или, по крайности, пионером), или на счет своих родителей (а его родители не были расстреляны или посажены в тюрьму, раскулачены или сосланы, и он боится, что, может быть, в чем-то они виноваты, хотя бы в бездействии); или подозревает, что обвиняю я в гибели России евреев, а они у него в крови, или в крови его близких... да и просто он живет в убеждении, ввевшемся в него за 80 лет, что презирать Россию и русских, ненавидеть их, глумиться над ними – как глумится и ненавидит вся культура и идеология и историография 20-го века – оправдано, потому что русские де тупы и ленивы, и рабство у них

в крови! – а о евреях хотя бы только подумать плохо – хуже, чем убить невинного человека. И не вбить в башку запуганного и задубелого обывателя, что я, может быть, единственный в этой стране, кто судит по достоинству, и Пастернак и Мандельштам мне близки, а Маяковский чужд, близки Галич и Высоцкий и чужд сонм русских поэтов советского времени; и если я ненавижу Сталина, то не потому, что он грузин, а что тиран, и русские Ельцин и Ленин мне ненавистны не менее.

Так же и герои Революции и Гражданской войны мои враги только потому, что ненавистна им была Россия и русская культура – всем двенадцати языкам, примкнувшим к Революции – Троцкому и Сталину, Урицкому, Каменеву и Зиновьеву (расстрелявшим Петроград), Землячке (расстрелявшей Одессу), Свердлову, Бухарину и прочим нечистым, – а что большинство их составляли лица... "*кавказской*" национальности, а не коренной – свойство всяких национальных переломов и катастроф.

Не надо, господа интеллигенты, стыдливо краснеть как девицы при упоминании о евреях – *евреи всегда были закваской истории*, это общеизвестно, и это так же хорошо, как и плохо, ибо без закваски история бы заплесневела (хотя и из одной закваски не выпечешь хлеба); и *отщепенцы всегда играли в истории разрушительную роль*, но и это не всегда было плохо. Таковы и Французская Революция, и восстания Степана Разина и Емельяна Пугачева (закваской которых были казаки), и освоение новых земель, и крушение великих империй, от Римской Империи до Габсбургской Монархии, от Российской империи до Британской – народ, образующий костяк государства, консервативнее "крайних"; недовольны и ропщут, взрывают бомбы и прибивают щиты на ворота Цареграда те, кто сбоку – гунны и славяне, крестonosцы и конкистадоры, отщепенцы из Иудеи или с Кавказских гор. Или кто-то и сегодня стыдливо скажет, что в нынешних распрях на Ближнем Востоке и Северном Кавказе участвуют не палестинцы и чеченцы, а мифические *террористы без родины*, ибо, де, у терроризма отечества нет? И в Отечественной Войне с нами воевали только фашисты, а немцы лили кроткие слезы об участи несчастных славян?

Всё ли написал, что подумалось, уже не знаю – новые чувства, мысли, заботы и разочарования заполняют душу.

Да и что толку писать? И важно ли, всё я написал, или не всё? Ложь и обман, клевета и подмена – наводнением затопляют сердца и умы, первозражать всей пошлости – не хватит сил. Но и молчать унижительно.

Вот вчера собрались "отщепенцы из Иудеи и с Кавказских гор", и ну трубить – вот, де, Америка теперь хозяйка мира, а Европа вот-вот растворится в окраинных, да и Россия растворится, ах, как сладко, как хорошо! Да и Рим растворился, где теперь Рим?

Не те же ли это самые, которые так ненавидели Рим, так жаждали его уничтожения, что ненависть эту пронесли сквозь тысячелетия, и перенесли на наследников Рима, на Европу и на Россию?

21 марта, пятница, день весеннего равноденствия. Вчера шел снег, вернулась зима, дул ледяной ветер. Пошел в баню, задубел по дороге, а вышел из бани полуживой снова на пронзительный ледяной ветер, и радостно "*воздух, морозный и гулкий, вдохнул всей грудью!*". (Так, может быть, еще поживу?!) Но без сил рухнул в постель, и даже словечка не было сил написать.

Конечно, сегодня по дороге в город купил я таки бутылку холодного пива, но топку в груди залил все же другими напитками – приехав в Политех, О. Ю. вручил я *аленький цветочек* и яблоко, а она вручила мне 20 экземпляров моей второй книги ("*Жизнь на краю*"), на которую, чтобы ее выкупить, я пока не могу найти денег, но вот эти 20 экземпляров уже существуют и "заливают топку в груди", то есть утишают чрезмерный жар, как холодная рука успокаивает пылающий лоб.

Потом я поехал в Союз Писателей, а оттуда с Н. И. пошли мы в кафе, где он поил меня красным сухим вином, а я его водкой, и обмыли мою Книгу (*признание* в грехах) и Реабилитацию (*оправдание* через тридцать лет! после Мертвого Дома).

22-15. А теперь уже еду домой от О--ина, продал ему экземпляр своей книги (этой самой, которую сегодня еще пишу), хватило даже на пряники и на дорогу.

Правда, сердце болит, душа угнетена, не лучше ли умереть? – но и умирать страшно. Вот возьмет меня судьба за шкуру, и начнет мордой бить о кирпичную стену, пока или стена не рассыплется, или морда...

Писать что-нибудь умное и душеполезное, про красоту, истину или Божьи милости пока не могу; *секира опускается*, и голова секирой занята, на *умное* сил не остается уже.

... Но нет сил даже на *глупое*, посему – умолкаю.

23 марта, воскресенье, 23-25. Были у Лады на дне рождения, выпили понемножку всяческого – но Бог (я надеюсь) милостив к любящим...

Настенька в конце села около меня на диван, уткнулась в грудь, и так и уснула... Так пусть упиваются роскошью своей богатеи – блаженства невинной любви ребенка им не купить за свои богатства!

Стояли на столе цветы и закуски, Лада пела романсы, Настенька показывала рисунки, а я читал стихи.

Утро понедельника, 24 марта. И вот азь умираю... Сердце то нерешительно трепещет, словно вот-вот остановится, то начинает биться как птичка в клетке...

Зашел к С--ну, продал ему две книжки своих по 75 рублей, а потом выпил с ним пива, и стало легче.

Хотел кредитору проценты отвезти, но на них наскрести не сумел [а дальше всё то же – *долги и стенания... стенания и долги..* – посему опускаю.]

14-30. Смотрел из окна вниз на березки, они уже покраснели. Солнце светит тепло и ярко, снег тает, лужи разливаются повсеместно.

Урывками занимаюсь учебником математики, пытаюсь его улучшить, но дело движется медленно, на душе словно каменные жернова висят.

Ну какое писательство, какая Металогика, какая математика, если ... А христиане *гордыню* мне велят усмирять – но *сколько же надо мордой меня об шершавую каменную стену елозить?* [А далее снова опускаю – о *деньгах, гордыне, шершавой стене и тэ дэ...*]

Я понимаю, что никто не посочувствует, не вздохнет обо мне.

Из бедных почти всяк скажет в сердцах – "тут концы с концами с трудом сводишь, на жизнь не хватает, а этот негодий с жиру бесится, за чужой счет норовит книжки свои напечатать!"

А богатые еще и плюнут, подумав презрительно – "заялся бы *делом*, а не дурью маялся!" [Далее опускаю – снова о *деньгах, гордыне, шершавой стене и тэ дэ...*]

Отвергнутые влюбленные, стоя под окнами холодной красотки, сетуют на жизнь (и я когда-то) – а постояли бы они под окном заимодавца! Но несчастным влюбленным сочувствуют все, промочла литература от плача о них – только нищему поэту даже Бог не сочувствует – ну, конечно, в его правилах праведной жизни нет такого пункта, чтобы можно было вымалывать деньги на издание книг, напротив, всё напротив – "оставь дурные писания, это всё суета и тщеславие, это всё желание выделиться, это... да вот как вмажу тебе по морде (возможно, думает Бог), и забудешь про свою Металогика!"

Да я уже и так позабыл, я только думаю, как долги отдать, и как уже напечатанную книжку оплатить – а то, что теперь пишу, это уже не Металогика, это капает кровь, но я не виноват, что капает, свертываемость у нее плохая. Чего-то не хватает в моем естестве, каких-то микроэлементов, витаминов или квасцов... [А далее опускаю...]

26 марта, среда, 9-55. Вчера прошелся с С--ым вдоль Летнего Сада и Марсова Поля, выпили помаленьку пива и водки.

А в девятом часу вечера поехал на встречу с Сашей М--ым, купили *маленькую* и по бугылке пива. И вот сегодня... приходится лить масло в разволнованную стихию сердечную, и ждать, пока она успокоится!

... [Далее – объяснения, оправдания, клятвы больше *не пить...*]

...Но – не всё же было и плохо в этом вредном, по мнению многих, пристрастии, и рюмка, *другая, третья...* с малосольным огурчиком... украинским борщом... нет, не приносила вреда! А что, по русской привычке, заносило меня и на *четвертую*, и на *пятую...* ну, тут уж не Зеленого Змия надо ругать, а меня, малодушного и непутевого!

11-20. Включил на днях телевизор – бывают, оказывается, и там хорошие люди!

Сначала Якубович сказал – "У государства три важнейшие функции: *учить, лечить и защищать* – но сегодня оно не исполняет ни одну..."

Потом представляли книгу Георгия Буркова "Дневник сердца", выступали его жена и дочь, и дочь его плакала...

"В какой стране вам придется жить после меня?" – писал перед смертью Бурков, обращаясь к ним.

"Кому я пишу записки свои, свои письма? – спрашивал он далее. – А пишу я их в могилу, на которой стоит памятник моему другу Василию Шукшину".

Вот я охаю, стенаю, раздражаюсь проклятиями, обличаю негодяев, потому что не я виноват в бедах моей страны – но виноваты ли в них Василий Шукшин, Георгий Бурков, его жена и дочь? Виноваты ли те, кто издал его прекрасную книгу, кто среди пожара, охватившего в нашей стране всё достойное, пытается спасти и продолжить культуру?

Так в чем же мне упрекать окружающих? Они стиснуты этой гадкой жизнью, как я, и нет у них сил и времени на чтение чужих горестных размышлений – от своих голова идет кругом.

Помочь России я могу только книгами, но – "руки коротки" и "*не удержат пера*". Безденежье съедает последние силы, время, здоровье... Надо еще найти десять тысяч, чтобы выкупить уже напечатанный том, а я *маюсь дурью* и продолжаю дальше писать...

Смотрел затем передачу о хирурге и архиепископе Войно-Ясенецком, твердом и несгибаемом, как протопоп Аввакум.

В среде современной интеллигенции я чувствую себя чужим, мы с нею относимся к разным "породам".

Преследовала ли её советская власть, или осыпала милостями, – однако, именно из нее рекрутировала она начальников, и ни они сами, ни их отцы землю не пахали, не складывали кирпичные стены домов, не отбивали уголь в угольных шахтах, а поэтому, сколько бы ни ругали они советскую власть, именно она родила их, они – ее дети.

А я – крестьянин, хотя и учился в университете, и впитываю культуру, как влагу почва. И родители мои – крестьяне, и мои деды и прадеды, да и далекий казачий предок, сподвижник Ермака, передавший мне свою волю к свободе, думаю, из крестьян.

Так что ничто не роднит меня с сословием, которое советская власть подняла из праха, и входят ли в него русские или евреи – не это важно, а то, что мне – тысяча лет, и моя история началась не в 17-ом, и родословие моё, и имя народа моего – Русь, но не Советский Союз. И когда кричат, негодую, что *негоже зачеркивать историю 20-го века*, я возражаю – *ее надо выжечь каленым железом, потому что она выжгла десять предыдущих веков!* Советская интеллигенция и советская история – это отрицание русской культуры, и дворянской, и боярской, и даже крестьянской, а я – *отрицание отрицания*.

Еще учась в университете, я понял, что моя страна завоевана, что ею правит нечистая сила, – но пытался ли я сопротивляться? – может быть, в атаки ходил и устраивал засады – как же тогда я все еще жив? Или враг не замечает меня, моих неслышимых проклятий, моих невидимых атак? Я – *тайный* воитель в его тылу, я "притворяюсь" послушным, чтобы он не разоблачил меня раньше времени, не высовываюсь, не

поднимаю голову, дрожу со всеми, голосую со всеми, растворяюсь в согласных, в послушных, в преданных, и так искусно подделался, что ни экспертиза, ни суд не могут нас различить.

Так противостояю ли я Нечистой Силе, Нивелирующему Ничто, Предводителю Одинаковости, Царю Воровства, Беззакония, Глена?

Нет, не противостояю – но как мне с ними бороться, если нет у меня сторонников, нет оружия? При советском всевластии не нашел я поддержки своим мечтам и затеям, потому что одни были согласны с империей рабства, другие полагали, что с нею бесполезно бороться – но когда империя рухнула, и те и другие поспешили согласиться с новым режимом, так же предающим национальные интересы, поощряющим мародерство и шкурную сиюминутную жизнь.

Я пытался создать партию в защиту России – меня не поддержал ни один человек. Я схватился за издательское дело, надеясь издать "умные книги" и с их помощью повлиять на общество – оно отмахнулось от издаваемых мною книг. Я стал писать Металогика – но и собственные мои книги никому не нужны.

Жить невольно, и я говорю себе – ну, ничего, недолго уже осталось, скоро все кончится.

... или кончится не всё?

...Так есть ли мне что предложить читателям, есть ли чему их учить? Нет, это мне надо у них ходить и выспрашивать – люди хорошие, чем же вы живы, как это вам удаётся улыбаться, мечтать, строить планы на будущее, ложиться с надеждой и просыпаться без уныния?

Я оказался в пустыне, сосчитал запасы еды и питья, и понял, что мне их не хватит, чтобы дойти до людей – но сидеть ли на камне в ожидании смерти? И вот иду не спеша, твердо зная, что проиграл, глядя по сторонам, глядя иногда на звезды... Так и женщина продолжает печь пироги, даже когда узнаёт, что гости к ней уже не придут...

Слушал Хазанова – нет, он не хуже меня, и любит Россию; нет, не евреи виноваты в ее бедах, а *темная сила*, соединение русской черни и всего безличного и безродного среди населения окраин. Россию захватило низкое, *окраинное* в духовном смысле, нищее плотью, нищее духом (да и были же заветы – "пролетарии (то есть *нищие*) – *соединитесь!*"... а еще раньше "*нищие духом – блаженны!*" – ну, что ж, Маркс и Христос, сын человеческий и Сын Божий, радуется ли теперь, что сбывлись ваши призывы?!)

Нет, не в одних евреях дело, и у них, помимо Троцкого и Багрицкого, были и Мандельштам, и Пастернак, и у нас, помимо Лавра Корнилова, Шаляпина и Ухтомского, были и Ленин и Каляев и миллионы "строителей нового мира" – бессильны были лучшие против разрушительной воли черни, и своей и чужой.

И хотя именно евреи *расшатывают* основания великих империй, Рима и России – но всё же *падают* империи – под ударами "философии молотом" и "булыжника, выломанного из мостовой".

3 апреля, четверг, 15-30. Сегодня с утра шел крупный снег, закружила почти февральская метель, "мело, мело по всей земле"... и сейчас хотя и сверкает солнце, но "воздух морозный и звонкий вдыхаю всей грудью", и кажется, что вернулась зима.

5 апреля, суббота. Целую жизнь назад, в ночь на 5-ое апреля 60-го года, целовался я с Риткой в Василеостровском Саду, догнав ее в глубоком сугробе.

А нынче хоть и метет третий день, но сугробов не намело, и *Ритки* целоваться со мной не спешат!

Всю зиму ждал я апреля, надеясь, что изменится, наконец, жизнь моя к лучшему – дождался, и радуюсь мелким радостям – вот солнышко выглянуло, вот тучка зашла, вот ветер стих, вот трамвай подошел, вот разбойники не напали, а вот и пуля пролетела *мимо* меня!

С Настенькой шли по городу, и она мне рассказывала, что бы сделала, если б у нее была власть.

Во-первых, повелела бы воров и расхитителей уволить с государственной службы и посадить в тюрьму, а также злых милиционеров и неправедных судей.

Во-вторых, повелела бы привести в порядок город, заасфальтировать и замостить улицы, отремонтировать дома и дворы и лестницы в домах.

И в-третьих, запретила бы владельцам собак превращать дворы и дорожки садов и скверов, и набережные каналов в Авгиевы конюшни.

И, конечно, возродила бы производство товаров и продуктов, чтобы стали, наконец, производить мы большую часть их сами, а не ввозили из заграницы в обмен на нефть и газ.

Это все именно Настенька мне говорила, дитя, которому не исполнилось еще одиннадцать лет.

9 апреля, среда, 20-30. Ездил на встречу с Галочкой К--вой, отдал ей "Жизнь на краю" и учебник, и получил 150 рублей! – только женщины помогают мне выжить, хотя, быть может, и не читают они моих книг.

21-35. На пронизывающем ветру ждал полчаса автобуса – могу ли теперь я запеть вместе со всеми "я люблю тебя, жизнь!"?

Современные русские писатели часто приговаривают о своих по перу собратьях ("*пернатых братьях*") – "как *истинно* русский человек, он *любил жизнь*, и относился к ней с доверием!" – *доверяю ли жизни я?*

Большевики сослали в Сибирь мою бабушку, убили отца на бездарно веденной ими войне, замучили непосильной работой мать, нынешние их *выблядки*, ставшие "строителями капитализма", украли у меня нефть и газ, украли деньги на восстановление разорванной ветки метро, украли надежду на будущее – жизнь вытирает об меня свои грязные ноги, а я, "как *истинно* русский человек", возведу умиленно к небу глаза,

распинаясь перед блядской жизнью в любви? Нет, мне благодарить ее не за что, не ко мне она благоволила, и не я держался за руль сумасшедшего судна, плывущего по реке из крови к "светлому будущему".

После полуночи. Режим Саддама пал, американцы вошли в Багдад, в административные здания хлынули толпы мародеров, и понесли всё, что можно было отодрать, выломать и понести. Вот так же пал в России в 91-ом году коммунистический режим, и так же хлынули толпы воров и мародеров в государственные закрома – не только растащили они наши богатства, но растащили и власть.

Казалось бы, об этой власти не стоит жалеть, это именно она в 17-ом заняла место аристократии и дворянства, разодрала империю и растоптала народ, – но проросли, как красная смородина в таежных гаях, новые поколения романтиков и правдолюбцев, и даже у социализма стало появляться "человеческое лицо".

"Освобождение" от коммунистической тирании пришло непрошеным и незваным, пришло как бедствие, как нашествие гуннов, пришло тогда, когда уже началось выздоровление, когда уже догорел прежний пожар, пожарище уже было расчищено, и жизнь стала входить в нормальную колею – и тут хлынул "освободительный" потоп, и то, что не расхитили и не растоптали большевики, докрасили "демократы".

Они захватили Россию, присвоили фабрики, заняли дворцы, расхитили недра – а теперь отбирают у нас нашу землю. Но они не смогут заменить прежних дворян и промышленников, они – рантье, они будут жить и жиреть только за счет того, что продадут за границу наши природные богатства, что именно им мы будем платить за право жить в принадлежащих им домах, за право пить принадлежащую им воду, за право работать на их земле. И хотя это мы построим заводы, напишем книги, отстроим города, но нам не будет принадлежать ничего.

Вот почему мне не хочется жить. Мне нечем сопротивляться Злу, Бог обманул нас, Он бросил мою Россию в беде, другие народы ему милее.

13 апреля, воскресенье. Месяц скользит к середине.

Вчера приехал из Тюмени муж моей племянницы Марины, по этому случаю пришли в гости Митя с Ладой, выпили и закусили, а под утро опятьну да все равно в жизни нет счастья, а зато пошли утром в баню, и выпарили "пары алкоголя", осаждая пар пивом (поэтому я теперь сырой и холодный... или потому, что нет в жизни счастья?)

СОН В РУКУ, ИЛИ САГА О РАЗВЯЗЫВАЮЩИХСЯ ШНУРКАХ

... в ожидании поезда метро заметил я красивую девушку, и сел, разумеется, в вагоне так, чтобы на нее поглядывать. Поезд идет, девушка сидит, а я скромно поглядываю.

Вдруг при подъезде к Лесной она улыбается, глядя на меня, показывает на мои ботинки, и добавляет негромко:

– У вас шнурки развязались!

Мы выходим из вагона, и она еще раз напоминает мне о шнурках.

"Да, знаю, отвечаю я ей, но мне лень их завязывать."

У меня был с собой экземпляр книги "Жизнь на краю", и я подписал ей – "Прекрасной Елене, из-за которой мир кажется немного теплее, от недавношедшего проповедника и бывшего поэта."

– А почему же *бывшего*?

"Я разочаровался в жизни, поэтому стихи больше не пишу."

– У меня есть знакомый журналист, я покажу ему вашу книгу.

"Нет ли у вас знакомого олигарха?"

– Нет. К тому же, я предпочитаю всего добиваться сама.

Наверху мы еще постояли немного, держась за руки (а я ей рассказал еще и историю с Настенькой, трех лет), вдруг она решительно сказала "Ну, ладно, хватит с тебя!" – и мы расстались.

О, вечно женское! Ты одинаково и в три года, и при расцвете юности, ты и дар, и награда, милость и чудо, урожай, где не сеял, и небесное подавание – в поддержку, в поощрение, по капризному случаю... – блажен, кто ценит тебя!

16 апреля, среда. На электричку, увы, я опять опоздал, а до этого опоздал на автобус, потом опоздал на встречу – куда еще опоздаю сегодня? Хорошо бы когда-нибудь опоздать и на собственную кончину, прибежать, запыхавшись – ах, нет, уже поздно, двери закрылись!

Лишних книг не бывает!

Когда мы бегали с Казимиром по "игрекам" – приемным пунктам Утильсырья, в поисках книг, выброшенных за ненадобностью их владельцами, к иным из них я уже относился скептически, а Казимир приговаривал – "Ничего, ничего, пригодится, *лишних книг не бывает!*"

И позже, когда уже стал он профессором в Кёнигсберге, авторитетом по истории края, он часто мне демонстрировал это свое убеждение, иногда доставая какую-то ветхую книжонку, например, по рудному делу, и показывая: "вот отсюда я почерпнул то-то и то-то, а даже в Публичке нужных сведений мне найти не могли".

И вот убедился и я, наконец, в своем невежестве, когда начал писать Азбуку математики для "гуманитарных студентов".

Лежала у меня в прихожей стопка старых изданий – учебники для школы и Высших учебных заведений, методики, тезисы педагогических конференций и прочее в этом же роде; провалились эти книжки сорок лет, я уже сердился на них, на полки не выставлял, а вот теперь открыл и начал читать. Господи, да уже за сто лет до меня все, что я умного могу о математике сказать – было сказано, да глубже, да обстоятельнее в сто раз! И до чего мне еще додумываться надо, сильно и убедительно сказано, а что значение математики не в обслуживании расчетных нужд других родов знания, что она, прежде всего – *искусство думать и понимать*, что она формирует духовную личность и созидает фундамент культуры и философии – эта мысль пронизывает рассуждения всех авторов.

Впадаю в сокрушение, что дерзаю учить других, при своем невежестве, и умиляюсь тому, что да, воистину, *лишних книг не бывает!*

Впрочем, пока не исчерпал я терпение и не впал в раздражение, оставим математику и поговорим об отношениях Культуры и Жизни, и в частности, поговорим о любви.

Рассматривая ее как литературное явление, находим три особенные ее формы – конечно, в значительной степени условные.

Во-первых, это "тургеневская любовь", где любовные отношения героев отделены от их повседневной жизни и протекают на романтической сцене – на балу, в театре, под луной или звездами в саду на скамейке, у калитки, в гостях, у окна...

Во вторых, "служебный роман", где герои вместе работают или "служат", у ткацкого станка, за письменным столом, ломая или строя, засевая поле и собирая урожай. Такова, например, крестьянская любовь, где отношения героев пронизаны трудом даже когда они еще *гуляют*; идеальные образы их любовных отношений – в погожий день жена сгребает душистое сено, а муж укладывает его в копну; или жена поливает мужу на руки, когда он умывается после работы, и наливает щи, когда он садится за стол – работа присутствует и в этих междометиях трудовой речи, как дождь все еще присутствует в радуге, хотя уже и закончился.

Советский роман пытался соединить "пафос совместного труда" и любовные отношения героев, но так как ложь переполняла роман, то и художественный результат оказывался фальшивым. Но, тем не менее, такая любовь должна бы занять в литературе достойное место, для крестьянской жизни именно она – сердцевинная, а не свидания под луной на аллее парка.

И, наконец, любовь героическая, которая присутствует в тюрьме и на войне как потенциальная энергия присутствует даже в незыблемой скале, висящей над пропастью, и соединяет Ромео и Джульетту, Тристана и Изольду, Эльзу и Лоэнгрин, героев Пармской обители Стендаля, и является особой точкой кривой, в которой нарушается плавное течение времени, и *бытие становится судьбой*.

Разумеется, мозаика жизни современного человека выражается в разных литературных формах, и даже *любовь к женщине* может вместить в себя множество чувств от возвышенного восторга до исступленной ненависти – но не литература сверяет себя с подлинной жизнью, и ищет в ней подтверждения своей действительности, а жизнь сравнивает себя с содержанием культуры, и подлинна она лишь настолько, насколько культура подтверждает ее подлинность.

Джульетта и Ромео, Эльза и Лоэнгрин, возможно, менее распространены, чем Анатолий Курагин, Хлестаков и "интердевочка", так же как и парабола и эллипс сравнительно с полетом стрелы или камня, только идеальный образ, о котором мечтают стрела и камень – но не ищут ни эллипс, ни парабола даже у величественных комет подтверждения того, что они суть.

Но достаточно...

Народ, народ, народ... так мне надоело употребление этого слова в назидательных целях, что попытаюсь объясниться уже окончательно, и наиболее яростно.

Вот автомобилисты задыхаются, ни проехать, ни машину поставить, и градо"строители" предлагают "фридвэй" проложить параллельно Невскому, например, вдоль Итальянской, а для того Итальянскую снести к чертовой матери!

Автомобилисты – треть народа – так они не народ ли? И дай им кирку и лопату и *лом*, а то и голыми руками весь Питер превратят они в один непрерывный "фридвэй", и все вздохнут с облегчением.

А другие две трети, не автомобилисты, коим ни пройти, ни проехать из-за этих чертовых автомобилистов, кругом толчея, а тут предлагают построить "фридвэй" вместо Итальянской, и подземные гаражи, и возникнет раздолье – эти еще яростнее ринутся искоренять дворянское наследие, а уж узкие средневековые улочки голыми руками сломают!

Так нужна ли народу культура, или его гарантасу в ней "*не в лом*"?

26 апреля, суббота. Вернулась зима, белые мухи летают, ветер знобит, душа примерзла к ребрам, и справа внизу, в том месте, где я пытался ее отделить, что-то *болит*!

Нужны ли кому-нибудь мои книги? И стоит ли жить? И если жить все таки стоит, то где взять камни на ремонт кренящейся жизни?

Я их и раздаю и пытаюсь продать, но и то и другое с трудом. Читают мои творения по-прежнему неохотно, и никто не звонит мне с откликами; в отчаяньи я сам обращаюсь то к одному, то к другому, но только один дочитал до конца... а восторгов ни от кого не услышал.

Ну и ладно, ладно... (да если и *не ладно*, что я поделаю?!).

Заходил в Книжную лавку писателей – даже знаменитые писатели грустно лежат на прилавках – кому же мне жаловаться?

Для чего же я писал их, и столько приложил усилий, чтобы напечатать? *И надо ли тогда писать и печатать третью книгу?*

Разумеется, на мой вопрос стереотипный ответ уже есть – *Если не можешь не писать – пиши!*

Ну а о пьянстве нельзя ли вот так же сказать – *если не можешь не пить – пей!* – нет, обычно советуют воздерживаться, пить умеренно, а пьяницам и вовсе назидают не пить, даже усовещивают, – дескать, что ж ты, сдержаться не можешь, воли нет?!

Так не надо ли и о зуде писания советовать то же? Разве, когда в доме льет из щелей, капает с потолка, течет кран, заливает в окна, кто-нибудь носит с улицы воду, чтобы выливать на пол? А разве с литературой не то же? Тысячи книг написаны еще в древности, и Лукиан, и Тацит, Гомер и Эсхил, Софокл и Эврипид, драмы, стихи, проза, история Рима, история цезарей, жизнеописания, размышления, поучения... а потом и в Средние Века продолжали писать, и в Новое Время, а еще усиленное – в Новейшее, перечитать даже малую толику написанного – десяти жизней

не хватит, и каждая новая книга увеличивает литературные завалы, и под горами, Монбланами, Эверестами новых книг все труднее докопаться до подлинных ценностей – так если я приношу и вываливаю в завалы своё написанное, и тысячи еще носят и носят – разве не преграждаем мы путь читателю к истине, и разве не мешаем друг другу?

Вот поэтому-то каждый пишущий должен сначала отдать отчет себе в том, что своими писаниями он превращает культурное наследие европейцев в свалку, что он впахивает в корабль культуры, и так переполненный, всё новые тюки и корзины, а пассажирам, то есть читателям, не только недосуг их развязывать и разглядывать, но и протиснуться между ними уже невозможно, и остается стоять на месте, тупо озираясь вокруг.

Дух угнетен, невзирая на то, что и апрель вспыхнул, разгорелся, и даже уже затухает; невзирая на святую неделю и поездку к Л. П., где пили и закусывали по-русски от души во всю мощь и говорили о любви; невзирая на то, что и учебник подвигается к краю... но жизнь моя все еще на краю.

Правда, как вспомню о чужих страданиях, стыдно становится охать... И хотя ничего не могу поделать с унынием, *некуда* из него выходить, но все же пытаюсь я оказаться полезным своей семье и России, боюсь их оставить, кроме меня, некому о них попечалиться.

А вокруг – океан лжи.

О чем бы ни начали рассуждать умники, всё приводит меня в ярость, потому что одна цель у всех – обмануть слушателя и читателя. Говоря о литературе, сразу бросаются защищать так называемую "развлекуху" – да разве я на нее нападаю? Пусть существуют и детективы, и анекдоты, *шансонетки*, футбол, бой быков и даже бой гладиаторов! Не от того я скорблю, что у меня мало читателей, мне достаточно было бы, если бы один из ста тысяч нуждался в моих писаниях, полутора тысяч читателей уже мне хватило бы! – но нет у меня их даже полутора человек, вот о чем я скорблю! (Но кто же тогда читает Розанова, Флоренского и Шестова?! Или мои сочинения слишком посредственны?)

Россия меня не слушает – но слушала ли она миллионы своих убитых сынов, лучших в народе, доблестных офицеров, честно сражавшихся против Германии, и перемолотых затем на фронтах Гражданской Войны, в застенках ЧК, в мучительной эмиграции, и преданных до сих пор?

Слышала она их жен и детей, престарелых родителей, юных сестер, стыдом и позором и кровью своею поливших русскую землю? Великих ученых, поэтов, актеров, великих философов, одних из которых она уничтожила, а прочих разметала по пустыням и странам?

Может быть, внимала она академику Ухтомскому, испытавшему и смертную истому перед расстрелом (в 18-ом году), и чудом его избежавшему, и десятилетия ожиданья ареста, и голод и смерть в блокадном бывшем граде святого Петра? Внимала расстрелянному

Гумилеву, замученному в тюрьме Вавилову, Руслановой и Печковскому, хранившим народную и дворянскую песенную культуру и на воле и в народных (советских) застенках?

Слабеет рука от ярости, детям *воинствующей черни* надо ли перечислять тысячи славных имен?

А в это время собираются напыщенные болтуны, и перед миллионной аудиторией устраивают прения о *величии Ленина* – словно напрасны были бесконечные жертвы – никого они не пробудили; напрасно великое усилие культуры, пытавшейся понять и осмыслить невиданную жестокость недавних солдат, матросов, крестьян и рабочих в течение почти полувека; напрасно писались Архипелаг Гулаг, Погружение во тьму, Колымские рассказы, Роза Мира...

Сидят, бесстыжие, и обсуждают, стал ли бы одержимый марксист академиком права, публицистика которого немногим отличается от жириновского хамства, беснований фюрера, мании величия Великого Кормчего, а государственная деятельность сравнима лишь с подвигами Пол Пота. А что же они Гитлера не возведут в ранг великого? – или в том только дело, что нацистский фюрер замахнулся на "малый" народ, а вождю пролетариев не слабо начать было с большего?

Так простить ли злодеев, насильников и осквернителей дев? Господи, раскали добела мою ненависть, чтобы камни рушились, кровли ветшали, падали устои равнодушных, слезами вскипал их самодовольный смех!

Первый час ночи. Встречался с Генн. Ст., обменялись книгами, и *не попали* в кафе – 50 гр. вина в нем стоит столько, сколько целая бутылка "на воле" – кто же в этих кафе пьет? Только не философы, не ученые и не писатели!

15 мая, четверг, 13-45. Звонил Гена, ездил он в родную деревню сажать огород. Большинство домов в деревне уже опустело, окна и двери заколочены, и даже полы выламывают мародеры, рассказывает он мне.

Но и они скоро сопыются и перемрут! – продолжает он в утешение.

Подделом наказание! Правнуки мародеров, не покаявшиеся за сотни тысяч сожженных усадеб, другой судьбы не заслуживают.

Но, увы, даже ангелы в России не выживут, если вымрет народ, – ангелы не рождаются в пустыне, и *не живут в ней*, даже если и уходят в нее *спасаться*.

Да и хочу ли я, чтобы народ пострадал за бесчинства свои?

Нет, жалко мне всякого страдающего. Иного – кипит в душе! – надо бы и мордой в грязь, но увижу слезы на дрожащих глазах, и готов сам заплакать, только бы ему было легче. Впрочем, страдают все больше достойные, недостойные как раз радуются, их и невзгоды мучают меньше, шкура у них бегемотная. Одинаково ли чувствуют себя в вертепе бляди и честные, воры и праведники?

Существуют два берега у реки Правды, и на одном берегу рыдают, на другом хохочут во всю мощь задорной удачи.

Те, хохочущие, не видят Правды, не ужасаются ей, им хорошо, и кажется им, что *"всё хоккей"* на всем пространстве России... которой уже скоро не будет, только, может быть, на век хохочущих хватит, но да они детей своих (или внуков) уже переслали в Англию, или на родину предков, или на родину потомков...

Счастливые – слёпы, счастье затмило им ум и совесть.

И все-таки жаль мне народ, пусть бы страдали лишь те, кто мнит себя избранным, кто учит и поучает, начальствует и наставляет – журналисты, писатели, политики, гангстеры и генералы. Наставники должны быть зрячи, а для того должны уязвляться у них сердца. Необходим орган чувств, воспринимающий правду, а он рождается в муках. Правда, в девятнадцатом веке русские писатели были правдивы, даже кто не сидел, как Достоевский, в тюрьме. И только советская власть воспитала искусственно незрячих людей, пьянеющих от одного только запаха земных благ, поэтому в наше незрячее время поэт и пророк должны быть несчастными. Они должны быть "душевно больными", уточняя я, и пить жизнь полной мерой, испытывая и удары судьбы, и блаженство, должны и плакать и смеяться до слез, восторгаться и унывать, отчаиваться и обретать надежду.

Но, впрочем, и несчастные – слёпы, слезы им затмевают глаза.

16 мая, пятница, 16-45. Коммунисты и христиане одинаково порицают печаль и отчаянье, уныние и безнадежность. Их вера зиждется на фундаменте более иррациональном, нежели сама Вера, и истинность *единственно верного учения* – не самое главное в одушевлявшем их фанатическом безумии. Главное состоит в том, что "Хозяин все знает лучше нас, Он нас ведет куда надо, а мы должны слушаться Его и не сомневаться, и радоваться шуму волн того моря, в которое скоро вольемся".

Можно ли верить в Бога, сомневаясь и рассуждая, отвергая Его авторитарность, отвергая слепое послушание?

Кажется, я из немногих, кто в споре между атеистами и клерикалами не примкнул ни к одной стороне. Свободомыслие и Духовная Свобода нам, не примкнувшим, дороже Веры и Истины (хотя, сделала ли нас свобода счастливыми?).

Исторический спор между сторонниками теократии и светского порядка решился в нашу пользу (по крайней мере в Европе), церковь либо подчинена государству, либо отделена от него, религия властвует лишь над душами, и то лишь настолько, насколько они сами согласны ей подчиняться; в государственных делах, в общественной жизни, и даже в личной играет она роль не бóльшую, чем театр. И все же, даже атеисты нас уверяют, что *"слепо должен верить человек!"*

Ну, да, разве сами они не требуют такой же слепой веры в то, что мир вертится сам по себе, и хаос рождает гармонию в результате миллионов случайных столкновений слепых молекул?

Встретил на днях Л. П., заговорили о "либеральной революции". Идеи, он говорит, хороши, а исполнители – плохи.

Тó же мы думали о социализме, о проекте и замысле "светлого будущего". Но бывает ли так, что в одной упряжке *благие помыслы* и *дурное исполнение*, возвышенные мечтатели и банда лжецов и преступников? Нет, каждый претворяет в жизнь именно те идеи, которые ему родственны, и вор ворует, а насильник насилует, каждый делает только то, что может, к чему "лежит душа", и не бывает "хороших" исполнителей у дурных идей, и наоборот (?).

Правда, вывешиваются плакаты и знамена, обманывающие неискушенных; так и на бордели напишут зазывалы "театр", а мы потом сетуем – учреждение, дескать, с виду такое благонамеренное, а делается в нем – *черт-те что!*

Но нет, не всё плохо в жизни моей, и *хозяйева жизни* не всё в ней захапали. Весна расцветает, и первый весенний гром прогремел, хотя и с большим опозданием. Встретился с ученицей, сели на бревнышко, я обнял ее и чуть коснулся губами краешка губ... и вдруг начали мы целоваться, так что и дух захватило!! – *черт-те что!*

(Может быть, это и не совсем хорошо, но после того, как распяли Христа, так ли уж важно, паду ли я в общественном мнении?)

Общество, обличавшее праведников и падавшее ниц перед тиранами – не заслуживает доверия. Если завтра меня начнут восхвалять, этим не надо гордиться – быть может, меня поставили в ряд с *авторитетами* и *братками*. Если сегодня меня порицают, то и это не основание для уныния – за подлинные ли пороки, а не за достоинства поносят меня?)

20 мая, вторник, 21-00. Ездили в деревню. Приехали в воскресенье, в разгаре дня, и встретил нас ликующий огород – расцвели *тюльпаны*, *нарциссы*, синие *мушкетеры* (мышиный горошек), *рябчики!* Привезли 11 тюльпанов в подарок Настеньке, вчера ей исполнилось 11 лет.

Посадили картошку у колодца на взгорке, рассаду в теплице, и тыкву на компостной куче за баней.

И в бане душистой парились при свечах *агротнейшим* веником!

Звонил о. Игорь, ругал мою книгу, сказал, что культура церкви не обязательна, философские рассуждения излишни, а мои размышления даже вредны и преступны. Саша М--ов в связи с этим рассказал, как бабка Аксинья выбрасывала книжки из шкафа (и Пушкина с Гоголем, в том числе) – "чтобы шкаф не поганили".

И всё-таки, не всё плохо – уговорил Л. Н. одолжить мне три тысячи, поехал на радостях в Политех, и из этих денег отдал за Металгику еще две тыщи рублей, и забрал еще 50 экземпляров.

В отношениях с женщиной мужчина старается "пускать пыль в глаза", а женщина делает вид, что искренне ему верит.

Жду звонка от Леночки, с которой познакомился на днях на Невском

проспекте, напившись с С--ным ... В субботу она мне звонила, но я был болен после попойки, и пролепетал ей, чтобы позвонила в четверг.

Читаю Дхаммападу и Притчи Дзен-Буддизма.

«Жизнь – всего лишь иллюзия, поэтому надо *отвязаться* от жизни, от желаний, от удовольствий, от причин желаний, от Веры, Надежды, Любви и Ненависти, ибо главное зло бытия – цепь превращений, круговорот смертей и рождений, *Колесо Сансары*.

Истинная цель жизни состоит в прекращении этого круговорота и в достижении Nirваны – то есть спокойствия, безмятежности, отсутствия страданий.»

Но не слишком ли высокую цену приходится платить за теплую воду, лишенную горячего и холодного, острого и соленого, сладкого и кислого? Перестать жить, только бы перестать страдать... Не плакать – но зато не знать смеха; не испытывать горечи разочарования – но зато не узнать сладости очарования!

2 июня, понедельник. Влезаю в новые долги, чтобы отдать долги старые – надеюсь, что хотя "в конце пути и придется рассчитывать" за всё, но... может быть, удастся умереть раньше?

Христианин бы добавил – "*Если будет на то Божья Воля!*"...

Да что же меня так раздражает в этом рефрене *Божьих овечек*, верноподданных Царя Небесного, что я постоянно об него спотыкаюсь? Я-то сам разве думаю, что живу по *собственной* воле? Нет, нет, и нет! Но и не всё в воле Бога, может в плавное течение жизни вмешаться *случайность*, а то вдруг метеорит упадет – подчинять ли и случайности Богу? Чем же тогда отличается христианство от самого яростного детерминизма, полагающего, что мир состоит только из взаимосцепленных атомов и будущее *предопределено* их сиюминутным сцеплением?

А еще вмешивается в течение жизни судьба, о которой и я мало путного знаю, а еще меньше – верующие в Механика, сидящего на небе и определяющего не только движение звезд, но и каждого атома. А еще и дьявол строит козни, и иногда они ему удаются! А еще строят козни Яго и Макбет, народники и эсеры, КГБ и ФСБ, ЦРУ и Бен-Ладен, и даже заимодавцы могут отменить наши намерения вместе с нами.

Правда, я Божью Волну не отрицаю. Не отрицаю и Бога.

С почтением читаю Аристотеля и Апостола Павла и даже религиозных философов, например, Павла Флоренского; но и анти-религиозных философов, например, Ницше, тоже читаю, и с каждым из них отчасти соглашаюсь, отчасти спорю, и свой Путь, *необходимым* условием которого (хотя *недостаточным*) является духовная свобода, я называю Духовным Постижением.

Правда, я несчастлив, в отличие от христиан и буддистов. Но их счастье – не доказательство их правоты. Каждый охранник самой ничтожной тюрьмы счастливее в неё заключенных. Лица поклонников великого Кормчего сияли восторгом счастья и преданнейшей любви к

тому, кто *ярче тысячи солнц*; таковы же были и лица нацистов, поклонников Дуче, партизан Пол Пота, детей-крестоносцев, воинов Аттилы!

Моя отличительная черта – отличительная от подавляющей части человечества – состоит в том, что я, во-первых, *не принадлежу к подавляющей части*, следовательно, никого *не подавляю*, во-вторых, *не принадлежу*, следовательно, хоть *отчасти свободен*.

Читая Маркса, я не марксист, хотя отчасти согласен с Марксом; не дарвинист, но не отрицаю эволюцию; не кладу Библию под подушку, но и не топчу ее ногами как Махабхарату топтал о. Игорь; слушаю или читаю даже политиков; смеюсь с Жванецким и плачу с Дорониной.

Нет, нельзя сказать, что я никто и ничей, не горячий и не холодный, некая крошка, в которой всего понемногу и ничего много – нет, я надеюсь, что и о Боге и о России думаю и рассуждаю я больше и постояннее, чем православные и патриоты, с большей страстью, с большей болью, большей любовью, – но только не раб я ни России ни Бога, поэтому и православные и патриоты видят во мне врага.

И все же Бог и Россия, если будут свидетельствовать на Страшном Суде, будут свидетельствовать за меня!

Да, я единственный, кто не повторяет усвоенные в первом классе прописи, но ищет и думает; я все еще живой и гибкий, а у тех, кто нашел Истину, сознание заострено.

Но как же ты осмеливаешься спорить со всеми – с евангелистами и отцами Церкви, с житиями святых и Священным Писанием, с пророками и учителями, ты разве умнее всех?! – в негодовании обрушиваются на меня ученики и апологеты. – Что же, все они шагают не в ногу, и только ты – в ногу?

Отвечаю очень просто.

Во-первых, *все они шагают не в ногу друг с другом*. Христос не похож на Будду, а Магомет на Христа, мыслители 19-го века представляют собою столько направлений и вер, сколько звезд на небе, но это не значит, что они не ярко горят на Небе Духовного Постижения!

А посмотрите на математику. И в ней были свои пророки и учителя, Архимед и Паскаль, Ньютон и Лейбниц, Эйлер и Лагранж, Гаусс и Лобачевский, в ней тоже есть Откровение и Священное Писание – разве "Начала" Евклида меньше чем иудейская Библия, разве менее значимы для человечества? Но взгляните на историю – не остались ли бы мы только с *началами*, если бы бесчисленное множество отважных и дерзких не спорили и не поправляли древних, не *дополняли* их так, что для современной математики книга Евклида воистину только Начала?

Не только убежденные седидами, в тоге и мантии и блестящем парике (Ньютон и Лейбниц), но и юноши со шпагой в руке (Галуа); не только энциклопедически образованные, но и недавние выпускники университетов пекут всё новые коврижки в вечной печи Познания, и их коврижки тоже насыщают, и онú имеют смысл, полный Хлеб Истины возрастает и с ними.

Вы скажете, что ведете речь о другом, не о познании мира, а о том, как жить, во что верить, на что надеяться – да и эти надежды и вера сегодня совсем иные даже для самых правоверных, чем во времена Христа и Магомета, и нет настолько невежественного христианина, чтобы он читал и Евангелия не в контексте современной культуры. Я от правоверного отличаюсь только тем, что мой "контекст" шире, и это придает мне смелость думать, что я и Христа понимаю полнее и глубже тех, кто не смеет самостоятельно мыслить. Так и арифметику понимает полнее и лучше знающий алгебру.

Но, правда, вопреки всей теперешней похвальбе своей я должен сознаться, что не такая уж моя "окрошка" густая, недостает в ней значительно больше того, что присутствует; а во-вторых, не делает она меня счастливым; те, кто ограничивается заплесневелым сухариком Фомы Аквинского или Иоанна Златоуста, пресными лепешками Маркса или даже вовсе булыжником вместо хлеба ультраревolutionных Ленина, Троцкого или Мао – счастливее меня, так как воистину "во многом знании много печали!" (Да и в немногом знании ее немало, поэтому подлинно счастливы только *нищие духом*).

После этих оправдательных замечаний рискну заговорить о намерении исследовать текст Нового Завета, дух и смысл христианского учения.

Я пишу для своего поколения; большинство из нас Библию даже не открывали, но при этом мы, дети романтических шестидесятых годов, были не так опасливы, как наши отцы, и не так узко смотрели на мир, мы усваивали критический взгляд на "истину в последней инстанции" из ожогов и мук предыдущих поколений, и более не могли удовлетвориться ни "единственно верным учением", открытым земными пророками, ни Откровением, ниспосланным, как утверждалось, с небес.

С марксизмом сегодня мы, кажется, уже разобрались, узость его и одномерность нам претит – но понимаем ли мы христианство? И те, кто ходит в церковь, и кто еще стоит у порога, и кто остался сам по себе.

Однако, с христианами, как видно, диалог невозможен, даже выслушать меня со вниманием они не смогут. Их отношение к поискам истины выразил Антоний Храповицкий в следующих словах: «*В Священном Писании дана уже вся полнота Истины, и никакие новые рассуждения в связи с нею ни убавляют от нее, ни прибавляют к ней, они даже не объясняют и не излагают евангельскую истину лучше или понятнее, нежели она уже высказана, но являются лишь ответами на новые запросы ума в свете уже данного Откровения.*»

Если математика дополняется; если развивается и дополняется наука, живет и возрастает Культура, то Откровение незыблемо и независимо от времени, и либо мы его целиком принимаем, либо отвергаем всецело, критический взгляд на Откровение невозможен.

Второе, не менее важное убеждение христиан состоит в том, что в сравнении с истиной Откровения вся остальная жизнь человечества не важна, вторична.

Впрочем, есть словно бы два христианства, и вот "настоящее,

подлинное", которое является основой вероучения, как раз и стремится уйти от культуры и жизни – в пустыню, в скит, на камень – подальше от жилья, от музея, театра – даже от храма с его колокольным звоном и иконостасом. Только потом, после упокоения *истинно верующего* ученики и последователи обустроят его пустыню, построят сначала деревянную церковь, потом каменную, и превратят пустыню в Белозерский Монастырь и Опгину Пустынь.

Оправдана ли моя жизнь? Стоящие ли книги я написал?

Не знаю... Вот я рóздал их сотрудникам Новой Газеты, отнес в Солженицынский Фонд, в Аргументы и Факты, в Государственную Думу и во множество других мест – даже эха от шороха страниц не донеслось до меня! Молчит и Газета, и Фонд, молчат мои близкие, молчит общество, молчит Бог. Нет, книги мои никому не нужны.

Закончилась весна... Масла в светильнике все меньше, горит он все хуже, и впереди все темнее...

А прочитал вчера новый номер Новой Газеты, и еще пуще *душа моя страданиями человеческими уязвлена стала*. "Правосудие" убивает невинных, власть покрывает "правосудие", народ покрывает власть. А в полночь включил телевизор, и там всё о том же, *дознатели истины* бьют кулаками и ногами несовершеннолетних девиц, *защитники истины* карают своих товарищей, посягнувших на благополучие "воров и авторитетов", воры и авторитеты посылают убийц по следу *знающих*.

Повязаны все в этой стране, от рядового милиционера до главного атамана, одной кровавой цепью, а народ не только терпит, но и защищает страшный и бесстыдный порядок-беспредел.

Вот об этом я и думаю – всю жизнь.

Что делать? И кто виноват?

Виновато общество, все те, кто окружает меня, мои друзья, родные, попутчики и собеседники в трамвае и метро, в театре и храме, им не нужны совесть и честь, а только затаиться, выжить, подняться повыше, протиснуться к раздаточному окошку и получить талон на баланду.

Они не хотят освободить нашу жизнь от всесилия зла, потому что *боятся*, а чтобы оправдать липкую трусость, убеждают себя и других, что *всё идет как надо* – по крайней мере в существенном.

Из ста пятидесяти миллионов один миллион сидит в неволе, и половина зазря; и прокатывает ежегодно бетонный каток миллион за миллионом по растлительным зонам, по камерам тюрем и КПЗ, но каждый из нас, пока не подмял каток его самого, повторяет как заклинание – *"всё не так уж и плохо!"*

Вот и остается вопить мне к Богу – Господи, покарай их! Каждого, кто не внемлет стону ближних, протащи через унижение, опусти мордой в грязь!

Не говорю, что мечтаю о райской жизни, но оглядываюсь на Европу – ну пусть бы мы стали походить хоть на те страны, где властвовали

недавно режимы "черных полковников", Франко и Салазара, фюрера и дуче! Тирания и бесправие были и там, а теперь это наш сон о возможном – так почему же не равняться на вчера еще нищую Португалию, которая сегодня уже опередила нас по качеству жизни *в миллионы раз!*?

И неужто кроме меня никто не стыдится своей страны, своего народа? Не думает о том, что останется нашим детям, нашим внукам? Неужели всем безразлично, что потеряли мы не только благосостояние и величие, но завтра отпадут от нас Дальний Восток и Сибирь, а там и Урал, а там уж и околицы европейских земель?

Нет, ни у кого не болит, ни у кого не сочится кровь в живом сердце!

Да, народ наш плохой. Но его не переменишь быстро... а может быть, и никогда не переменишь... Но разве Империи Зла создаются только потому, что народ обезумел? Нет, народ делает то, что приказывают ему главари. И когда у немцев главарей их повесили, встали они на колени и покаялись в своих преступлениях! И кто сейчас лучше немцев? Следовательно, надо только повесить наших преступников, и русский народ удивит еще мир.

О многом ли я мечтаю? Чтобы следователи и милиционеры *боялись* избивать граждан почем зря; чтобы чиновники *воровали* с оглядкой; чтобы власть *оправдывалась* перед страной за свои оплошности и преступления.

А нужно для того, чтобы *изменить жизнь к лучшему*, всего-то чтобы объединилась хотя бы тысяча честных... да, тысячи честных достаточно, чтобы Россия стала примером миру.

Где эта тысяча, ах, отзовись?!

Нам противостоит сила, но она вся в лишаях своей собственной подлости, она тупа, безумна, слепа и похотлива, труслива и недальновидна, она неспособна к жертвам, мы ее уничтожим, как триста спартанцев уничтожили неисчислимое персидское войско!

Но если никто не откликнется, и я останусь один, что мне с собою делать? Умереть, чтобы не задыхаться? Сесть в тюрьму, чтобы хоть не соучаствовать в подлости и равнодушии большинства?

Нет, стремление к смерти и заточению не хороши. Необходимо другое.

Надо искоренить в себе страх смерти, и на Поле Куликовом быть готовым сложить за Россию голову.

Надо искоренить в себе страх тюрьмы, и быть готовым умереть в душевной камере.

Надо искоренить в себе страх унижения, и быть готовым умереть даже в канаве.

Это ничему не поможет... Кроме достоинства... Но и это уже немало.

9 июня, понедельник, 15-50. Тоска, скука, что-то болит... Иссякла энергия души (не говорю уж о немощном теле), и перо из рук валится.

0-30. Но получил в типографии первые четыре экземпляра Учебника (из пятидесяти экземпляров второго издания), и вот уже сижу в вагоне 55-го поезда, через пять минут отправляюсь в Москву, и завтра буду бродить по ней в поисках "того, не знаю чего"... – хотя и не надеюсь хоть что-нибудь отыскать...

11 июня, среда, страницы дороги из Твери в Бологое.

17-00, Лихославль. У Я-вых пили водку, закусывая картошкой с салатом и маринованными огурчиками, а перед тем еще выдул я бутылку холодного пива – но Бог меня миловал. Стас расчувствовался и подарил мне шикарные туфли, ни разу не надеванные, и почти новую куртку.

18-19, Вышний Волочок. Очаровашка сошла... Однако, солнце сверкает, ехать осталось не много – нет, не все плохо в жизни. А заварю в деревне чай с мятой – и вовсе наступит благодать!

21-29, Проехали деревушку *Алёшинку*, есть и речушка при ней. Следующая станция – *Заключье*.

21-32, *Лыкошино*. Справа на взгорке – остов храма.

Вот так проехал я пять страниц провинциальной русской поэмы – из Священного ли Писания явились они в волшебный русский язык?

Половина второго ночи. Чаю напился – с мятой, конфетой, булочкой, да выпил рюмочку водки, и лег в постель. Печка мурлычет как кошка.

19 июня, четверг, 22-12. Вчера наконец-то встретился с Леночкой!

А сегодня отправлял в К-д конфеты и книги, и потом с С-ым пили в кафе и у *другой Леночки дебоширили*, ей я подарил свою книгу...

Но нет счастья в жизни!

В чем же счастье? В том, чтобы *Леночка* мне *дала*? Но не потому ли мне *Леночки не дают*, что я и сам – *не смею*?

Как же надо жить, чтобы быть счастливым? Известные мне примеры счастливой жизни не убеждают меня им следовать.

Счастливы по своему все *убежденные* – но их убежденность кажется мне убежденностью кошки, счастливой от того, что есть молоко.

Убеждены христиане – они чают "жизни будущего века" – *там*.

Убеждены коммунисты – они верят в "светлое будущее всего человечества" – *здесь* (хотя и *потом*).

Убеждены обыватели – они верят в счастье "*здесь и сейчас*".

Но ведь кто-то из них не прав? Не могут же они быть правы все вместе, отрицая друг друга?

Следовательно, *убежденность* и *счастье* (как следствие убежденности) не доказывают, что убежденный близок к истине.

Счастлива ли травка, и в чем ее счастье? По-видимому, пока ее тащит из земли вверх и в стороны, распирает в объеме как тесто в квашне, появляются листья, цветы и плоды, а после они наливаются соком и зреют – счастлива она даже не задумываясь о счастье. А когда созрели плоды, то хотя еще и не умерло растение, счастье его уже оставляет.

Вот так же рассуждаю я о себе – могу ли я быть счастливым, сколько бы не прочитал еще умных книг, если уже *Сила Произрастания* не заставляет гулять по Невским берегам в белые ночи, если уже считаю я выпитые рюмки, а когда сбиваюсь со счета, жалуясь и стенаю и клянусь впредь не пить?

Утешит ли меня и истина, даже если удастся вдруг приблизиться к ней, утешит ли и третья книга, если удастся ее вдруг написать?

И не в том дело, что книги мои никому не известны – в древности тиражи их были не больше, чем у меня – но авторы книг и читатели принадлежали вместе к *высшему* слою, среди них Платон и Аристотель, Демосфен и Цицерон, Эсхил и Эврипид, Цезарь и Марк Аврелий... Мы же, пишущие сегодня – лифтеры и сторожа, почтальоны и грузчики – мы пишем для таких, как мы сами, но даже не читаем друг друга.

Нет, не стать уже мне счастливым – да и *нет счастья в жизни*.

Пушкин, правда, добавляет – "*но ёсть покой и воля*"...

Но какая *воля* может быть у подневольного крестьянского сына? Да и "*покоя нет, покой нам только снится!*" – поправляет Пушкина Блок.

Бывают только мгновения *счастья* – случайный девичий взгляд, случайное любопытство, *сны наяву и во сне*...

Еду домой, хмельной, но *невеселый*...

6 июля, воскресенье. Был у Лёни на Дне Рождения, выпил бутылку домашнего вина. Пил, хмелел, *становился счастливым*, говорили о моих книгах, отношениях с Богом, о любви и дружбе, и превратностях жизни.

И уже в полночь побежал я на последний поезд метро...

А вчера, возвращаясь из деревни, достал из ящика письмо от М.: "Дорогой В. И., поздравляю с выходом в свет прекрасного учебника математики!" – это о первом-то издании, изобилующем ошибками!

В чем смысл жизни? В том, чтобы не разочаровывать любящих!

11 июля, пятница, Перелого, 17-00. Только что пришел из Сушилова, выпил бутылку пива «Дон» и спел Песнь радости! Купил черного хлеба, *хлеба ситного* и сахару, а вечером, после бани, буду пить чай с вареньем.

22-40. Думал еще картошку полоть, но гроза надвигалась, комары одолевали, и я пошел в баню раньше. Гроза вокруг шумит, но в нас не попадает, солнце садится, и над головою всё в ключьях света и рдяных и черных облаков, а между ключьями синее небо. Где-то вдалеке опускается с него на землю малиновая река.

Пока писал, небо успело уже запахнуть в тучу, кроме небольшой полосы алой зари, и зашумел за окном частый дождь.

...Чай готов, томится в чайнике мята, а в плошке настаивается клубника с сахаром.

23-40. Как ни удивительно, но отважился я под всполохи молний со свечою в руке побегать в баню и пропариться в третий раз, а теперь при свечах продолжаю пить чай с клубникой.

19 июля, суббота. Благословен день грядый.

18-10. В три часа дня выскочил я с рюкзаком со двора, нарвал лихорадочно букет цветов и помчался по дороге, не взяв куртки, о чем пожалел вначале, потому что хлынул на меня небесный потоп. Но вот сижу в электричке, за окном хлещет ливень, а я просыхаю (и высохну скоро насквозь), и уже жалею, что не старался вымокнуть еще пуше, ибо душно и жарко, хотя полчаса назад полыхала гроза и водопад лился с неба.

"Строительство" коммунизма, земного рая, или идеального улья для "всеобщего" человека, оказалось дискредитировано, и многие из его бывших "строителей" сегодня вдруг уверовали в Царство Божие – тем более, что, если верить Родзянке-внуку (да и апостолам), то и Царство Божие (на небе) – тоже коммунизм, *самость* истреблена и там, и существует только *всемость*, человек как *единство*, где все индивидуальности слиты, и растворены в *едином* как три ипостаси Божии в Троице, а *единый* растворен в Боге; это Царство Божие не приемлет человека как личного, *отдельного*, соединенного с другими в *семье*, в *друзьях*, *обществе* и *народе* через утверждение личного, а не растворение его.

Но вопреки постулируемой христианской *всемости* обычные проблемы, которыми занят повседневный человек, и повседневная литература, это всё то, что касается *отдельного* человека, живущего только для себя, словно бы в пустоте. Голод, невзгоды, болезнь, смерть; бедность, несчастная любовь, тюремное заключение, бесчестье. Разрешением этих проблем и занят обыденный человек. Но все они принципиально разрешимы, поэтому в них ли трагедия мира?

Нет, литература и философия, занимающиеся тем, что некто N беден и жаждет стать богатым – *метафизически* неинтересны.

Болезнь и смерть тех, кто нам дороже нас самих – вот подлинное страдание души, выводящее человека из узкой скорлупы *жизни только для себя самого*.

Трагическое лежит в той сфере, которая лежит за пределами непосредственно личного, при условии, что это "запредельное" является еще более важной частью личности. Так дитя важнее для матери, нежели она сама, и если ее собственные невзгоды еще не оправдывают ее бунт против Бога, то страдания её ребенка оправдывают все что угодно.

Вот так я жил для того, чтобы "спасти Россию", то есть повлиять на нее так, чтобы она стала достойной любви.

Моя ненужность России – это моя личная проблема, почти то же, что любовные неудачи. Но если *невозможно спасти Россию*, если *ничего нельзя сделать*, чтобы честь и достоинство стали в ней определяющими, то это уже трагическая проблема философии, потому что в этом случае жизнь становится бессмысленной, а значит бессмысленно и существование Бога.

Если тщетны наши надежды, наши хлопоты, наши жертвы, и мир *неизменяем* – то даже если Бог существует, какой в этом смысл? Может быть, Он существует Сам для себя? Как существуют вулканы на Луне, не

спрашивая, нужны ли они нам? Но разве о таком Боге мы мечтаем и ломаем копыя в спорах и войнах? Нет, только о Том, существование которого связано с нашими попытками переустроить жизнь на приемлемых основаниях. Или Его существование необходимо для благоустройства нашей души? Но не рассмеялся ли бы Ромео, если бы ему предложили *совершенствовать* душу после смерти Джульетты?

Традиционные религиозные отношения удовлетворяют запросы только тех, кто занят только собой, живет только для себя! Но и их Бог исполнен самодовольства, и не ценит в созданном им мире и в твари своей ничего кроме преклонения перед Собой!

Подлинный человек – крестьянин, он хотя и стоит на коленях, и просит у Бога дождя, тепла, урожая, но не о собственной душе он заботится, а о своей семье.

Я стоял у окна электрички, отчаянье меня захлестнуло. Увы, от меня не зависит, станет ли Россия достойной, будут ли красивыми и величественными ее города, боеспособной армия, жизнь – справедливой и честной, власть – подчиняющейся закону... Нет, как судно без руля, которое тащит в бурю ветром и волнами и бьет о прибрежные скалы, так будет таскать и Россию, а что с нею станет, от меня не зависит.

По существу, человек стоит перед одной трагической проблемой – может ли он влиять на жизнь, менять ее, благоустраивать, исправлять, – или он узник в концлагере, от которого ничто не зависит, ни распорядок дня, ни выбор работы, ни свобода, ни смерть.

А тогда какое имеет значение, есть ли Бог?

Живу нескладно, всё не так, словно жизнь – это камешек в обуви, и идти неудобно, больно, и тело ломит, давит, болит ...

9 августа, пятница, 17-29. Приехал в среду в деревню в час ночи.

Вчера ходил за черникой, набрал полкорзины, хотя и надсадил спину, и еле-еле сегодня надел носки.

Баня вечером была замечательной, и ужин – тоже, но без милки и скучно и *надсадно*.

А сегодня возвращаюсь в город. Спина и поясница осложнили мне путь, временами я чуть не плакал... Если только не жить для "будущего века", то без здоровья не может быть "правильной" жизни.

Но что это вдруг привязался я к своим личным невзгодам? – не почувствия ли ищу? Да нет, но чтобы не показалось читателю, что я слишком хвастаюсь, что будто бы чуть ли не всё у меня лучше, чем у других, и даже *очаровашки* посматривают (хотя, может быть, с изумлением?), и Саша М--ов пьет со мной пиво (а то и самогонку), и другие пьют со мной водку (хотя и не слушают, что я им говорю), Вика называет гением, Настенька порицает за слабости, и Танечка целуется! – нет, не перед своими выпендривался я и хорохорился или старался свысока утвердиться, а самодовольным властителям и богатеям швырял в лицо свои непокупные радости – у вас, мол, и сауны, и телки в саунах, а

зато со мною красивые девушки любезны, друзья внимательны, родные душевны, помидоры на грядках краснеют и лопаются от сочности! И хотя вы унизили и обобрали народ, но помните, что мы, жаждущие истины, и *не собравшие сокровищ на земле*, а часто и вовсе мордой в грязи – счастливее вас в миллионы раз! А еще и близких своих я пытался утешить – им, верно, бывало не лучше моего. Но если после того, как челюсти волкодава разжимаются, я вновь начинаю хорохориться, значит, у нас у всех еще не все потеряно! Мы еще дойдем, мы еще найдем!

А так то, честно говоря, сегодня я уж было подумал – да не рассыпаюсь ли я уже на те самые атомы, существование которых я отрицал?!

18-10. Проехали *Мстинский Мост*, голова хотя и тяжелая, но с плеч не падает, поясница хотя и болит, но встать и сесть иногда удается, и если не будет хуже, то через пять часов буду дома.

20-24. *Любань*. Пирую в дороге, съел две молодых картофелины, и две помидорины, треснувшие от усердия в парнике. Но оценить их вполне может лишь тот, кто проделал с ними весь их путь от семени до созревания – сначала растил их в лоджии, потом в картонных ящиках отвез в деревню, высадил в теплицу, укрывал на ночь пленкой от холода, удобрял, опрыскивал от вредителей, обрывал лишние листочки, и только в конце пути устроил свой пир! Жаль, костра и водочки нет, но уж в следующий раз разведём мы с милкой костер, поставим на стол закуску и водку, а помидоры, огурцы и зелень с грядок соберем прямо к ужину. И назовем это застолье *торжеством крестьянской жизни!*

... подводя черту ...

Так к чему же я пришел, что я имею?

Мало нужных книг прочитал... В этом я сам виноват, ленился.

Да и слишком увлекала меня повседневная жизнь, бежал я за девицами в ущерб умным книгам. И все еще бегаю, потому что девицы не подождут, еще год-два, и уже ни одна не взглянет... а книги, может быть, подождут...

Да и стали они меня раздражать – я хочу понять, в чем смысл жизни, но авторы книг и сами не знают, зачем на свете живут, и обманывают себя и других, притворяясь знающими.

Вот кричит Достоевский – есть, *есть* Бог! – потому что *иначе*, мол, *всё позволено*, и мы поедем друг друга!

А если, все-таки, *нет* его?

"Да об этом и думать нельзя! – кричит он в ярости, – без Него невозможно".

Но разве не знал он, что и в его время одни верили в Бога, другие – нет, но среди тех и других были и те, кто мучил других, и те, кто приносил себя в жертву? Одни верующие были милосердными, а другие жгли других во славу Господню, как, например, Торквемада, или парижский синклит, приговоривший (с согласия папы) Жанну к сожжению, или наш всероссийский Собор, сжегший Аввакума.

Так же всякими, но не хуже прочих, были и атеисты, – так на фронте миллионы наших солдат жертвовали собою для спасения Родины и близких своих – а верующих среди них было немного.

Доброта и духовность не зависят от идеологии, и не думаю я, что толпа в церкви возвышеннее, чем в театре и филармонии; хотя, может быть, и умиленнее публики в автобусной давке.

Делят мир на противостоящие части, потому что трудно мыслить о нем как о сложном континууме, в котором всё проникает всё, и две сравниваемые величины часто так противостоят друг другу, что одна из них и лучше другой, и одновременно хуже!

25 августа. Никого не могу убедить в своей правоте... Лучшие доказательства появляются *потом*, и проплывают через меня как облака на небе – но, с другой стороны, разве от них что-нибудь зависит в нашей жизни? Нет. Следовательно, важность их – кажущаяся.

Да в спорах и нет смысла... возможно, я никогда не пойму, чем определяется такое *яростное* различие в отношении к миру... почему *инакомыслящие* именно так мыслят, так чувствуют... и как же, все-таки, несмотря на это, культура едина?

И все же, обыватель отличается от меня не только в худшую сторону, но и в лучшую.

Не всё плохо в том, что он видит смысл своего существования в себе самом, в достижении своих *личных* целей, в богатстве, известности, хорошей работе, удачной женитьбе (или замужестве); или, по крайней мере, в семье, например, в детях (как у большинства женщин).

Не всё хорошо и в том, что в тяготах о России, ее благоденствии, ее духовном Преображении я пренебрегаю близкими, да и собою...

ПОЛЯ РОССИИ

Зарастают поля. Целые деревни исчезают с карты России; сельское хозяйство идет на убыль, хотя и прежде не было славно успехами; да и народ вымирает.

Вот иду к Перелогам, а на полях вместо пшеницы и ржи – дикая трава, и даже вместо травы, годной на корм скоту – лопухи и бульник. Поля превращаются в пустоши.

А проходит год-два, и там-сям вместо бульника – кочки, березки, ольха, а потом и вовсе молодые лесные заросли.

Но следствие ли это только нынешних девяностых годов, дикой криминально-капиталистической революции?

Нет, поле и сорок лет назад уязвляло мне душу, как царапает тело заусеница и заноза, к нему и всегда при "народной" власти относились по-хамски, не щадя и не заботясь.

Гербициды и удобрения вываливали абы где абы как. Камни или вовсе не собирали, или спихивали трактором наобум, чаще посередине поля, тогда как финские крестьяне употребляли их на фундаменты и стены домов, выкладывали из них стенки вдоль улиц и дорог, и поля и дворы у них – чистые и ухоженные, *благоустроенные*.

А на нашем поле найдете вы всё – колеса, тележные оси, гусеницы, тележки, ящики и поддоны, а то и заржавевшие прицепы и трактора, вагончики для рабочих, старые баки, и не удивлюсь, если и танки скоро начнут валяться, останки гражданских самолетов и боевых ракет...

Но "колышет" ли это кого-нибудь в России, кроме меня?

Стоит завести разговор об упадке России, набрасываются все на меня – "хватит о плохом, поговорим о хорошем!"

Но если мы не будем говорить о плохом, хорошего будет все меньше, а скоро и совсем не останется, паршой и коростой зарастут не только поля и леса, но села и города, и даже души людей (да и зарастают уже).

Отчего же так все плохо на полях и лугах?

Да прежде всего оттого, что мы не хотим признавать, что у нас и всё хуже, чем у других, не хотим исправить плохое, а даже, зарвавшись, кричим – а *зато наша грязь гуще!*

Полвека хожу я по полям моей родины, по ее грязным кривым скособоченным дорогам.

Июль, колосятся рожь и ячмень, дорога петляет и вьется по самой середке душистого поля, спрямляя путь путнику, хотя, очень часто, и по краю оказался бы путь не длиннее.

Август, третий день идет дождь, дорога, разрезавшая ячмень и рожь как шрам разрезает лицо, умножается в размерах, буксуют автомобиль и трактор, и едут вбок, влево и вправо, подминая *хлеб*, которым хотя и не единым жив человек, но который для русского человека был когда-то то же, что *дух*.

Мы, стомиллионный народ, истоптавший поля своей Родины, учились ли их уважать?

Но даже не дороги через поля пуще всего ранят мне душу. С тех пор, как "лампочки Ильича" *принесли* в деревню большевики (а они, поди, и электричество открыли, и телеграф, и трактор, и всемирное тяготение!?), побежали по полям словно скорые волки столбы с электрическими и телефонными проводами, да по самой середке, да еще и не вдоль дорог, а собственным путем, и вот хотя и засеивает трактор рожь и вокруг столба, но сжать ее ему уже немогут. Отвоевали столбы и подпорки чуть не половину полей России.

Ну, да в России земли много, хватит и на столбы!

Конечно, хватило и на столбы, и на погосты, но пышным чертополохом расцвела нелюбовь (если не ненависть) к родной земле, и вот уже полезли мелиораторы ее коверкать (будто бы "благоустроить"), неудобья, болота, низины и промоины осушать – но нарезав миллионы канав там, где и не надо бы ни пахать ни сеять, способствовали они окончательному запаршивлению культурных исконных пашен.

И вот иду вдоль дороги, и вижу, как чертополох, ольшаник, овраги и свалки убивают русское поле.

Так надо ли удивляться, что деревня вымирает? Сначала вымерла любовь к родной земле, а все остальное – следствие.

Только отчего же изначально возникло такое небрежение землей?

Ведь русский крестьянин любил ее когда-то, щедро удобрял, щедро поливал кровью?

Но вначале землю у него отобрали и отдали во "всенародное" пользование; потом и его самого начали отбирать и у земли и у жизни. Еще во время Гражданской Войны образовали большевики Комитеты бедноты из сельских туенядцев, и начали отбирать у крестьян хлеб и скот, и самих крестьян убивать за малейшие признаки недовольства, возбуждая к ним ненависть городских *пролетариев*, потом чуть не поголовно объявили крестьян кулаками и подкулачниками, и самых способных толпами погнали без скота, инвентаря и имущества на север и восток, втаптывая в землю как грязь.

Но и потом, когда оставшихся согнали и сколотили в колхозы, переименовав из крестьян в *колхозников*, отношение к ним оставалось высокомерным и унижающим. Те, кто "из грязи в князи", кто "был ничем, и стал всем", кто заселил бывшие княжеские дворцы и конюшни – плотнее даже, чем лошади в стойле стояли у бывших князей – на крестьян смотрели как на *лапоть*, "дярёвню", *дырявый валенок*.

Не умея запрячь лошадь, подоить корову, отцедить творог и сбить масло, разжечь костер при осеннем дожде, не зная зорь и закатов, да и в душистых лесах и полях не гуляя; может быть, научившись отличать барокко от рококо, но не умея украсить резьбой деревенский деревянный дом, потомки революционных матросов, умевших только убивать и ненавидеть – чем кичились и кичатся перед "дярёвней"?

Тем, что развратили, наконец, весь наш народ, присосались к нефтяной трубе, и живы только нефтью, которую высасывают из моей многострадальной Сибири?!

"Россия должна измениться. Если она будет пытаться удержать то, чем пока располагает, ничего не меняя, она в конечном счете утратит всё!" – цитирую из книги Гельбраса "Китайская реальность России".

Разумеется, большинству людей Россия уже не важна – одни мечтают из нее уехать, изучают английский и иврит и забывают русский, и их заботит их будущая, а не прошлая родина; другие делают "бабки" на продаже технического спирта, мака или героина, ножек Буша и сэконд хэнда, и им хорошо только когда хорошо им! – а что там с Россией, кто в ней живет или будет в ней жить, им "глубоко наплевать"; третьи собираются жениться или выйти замуж, ищут работу и зарплату, или денег на опохмелку – собственным самочувствием ограничивается и будет ограничиваться их Родина возможно до последнего часа, если только услышат они глас Господень в этот последний час – не нужна Россия и третьим! – так кому же она нужна и важна?!

Возможно, нужна она "патриотам", рассеянным по множеству конкурирующих преступных сообществ, если только не клянутся они в любви к ней ради политических выгод?..

"Нуждаются" в России и те, кто ее ненавидит – сепаратисты на ее окраинах и дети *Золотой Орды*, по невежеству или по лживым наветам

вождей мнящие себя таковыми; дети "исторической Родины", не нашедшие родину в России; и вчерашние союзники по строительству "светлого будущего", рассеянные на диком пространстве от Кушки до Загреба; агенты ЦРУ, Красных Бригад, Талибана и Моссада...

Небезразличен к России и я, и те немногие, кто не умиляется от православной патоки Нилуса, не пытается прикрыть елеем и святочной глазурью прогнившую монархию Николая Второго, не возлагает венки к могилам Ленина и Сталина, не встаёт в почетный караул к "железному" Феликсу – но ненавидит! – революционных матросов и расстрельные команды ВЧК, ГПУ, СМЕРШа, НКВД, МГБ, КГБ и их наследников в ФСБ; учение Маркса о пролетарской диктатуре и учение о диком капитализме *неверных* марксистов Гайдара и Чубайса; ненавидит лживый патриотизм коммунистов, не покаявшихся в разгроме России и вековым искоренении национальной русской жизни; либералов и государственных чиновников, для которых в России ценно только *почем нынче платят* за сусальную любовь к ней, которая на деле ограничивается любовью к благополучию и хуже всякой ненависти к России.

9 сентября, вторник, 18-20. Ночью болело сердце, и я подумал, что в *лечебных* целях не вредно согрешить – но, боюсь, переусердствовал я с *лечением*. Выпил сначала у Я-вых бутылку пива, закусив малосольным огурчиком, а потом у К-ых выпил две рюмки водки, закусив среди прочего малосольным огурчиком.

Настеньке Лилечкиной подарил я шкатулку, и дядя Володя сбежал за водкой (хотя Лилечка нехстати ворчала). Но, как в *добрые старые времена*, выпили мы за встречу, за детей и родителей, за любовь и удачу.

Еду в Сибирь, поэтому сегодня в Москве и забегал я сначала к родственникам, а уже в конце дня отправляюсь с Ярославского вокзала в Тайшет. Вместе с постелью и путевыми расходами дорога в один конец обойдется в две с половиной тысячи, то есть в пять тысяч туда и обратно. Правда, за то, что я в юности ругал советскую власть, ее удачливые наследники обещают мне оплатить потом стоимость билетов – "победители платят символические репарации побежденным!"

Читаю Веллера, задели меня его записки о потерянном поколении, к которому он принадлежит, "дети победителей", рождения 46-го – 49-го годов.

А я полагал, что их поколение – это поколение конформистов и циников, а последние романтики – это мы, дети военных лет, если и верившие в социализм, то искренно, если и разуверившиеся в нем, то – с болью, выстрадав новое понимание и новое отношение к миру как *жажду духовной свободы*.

Они же разуверились насмешливо; утеряли веру, но не приобрели свободу – от общества, идеологии, религии, государства.

Критический пафос Веллера словно бы тот же, что у меня, он тоже клянет *дуболомную* власть, но сознаётся, что комсомольские песни ему всё еще близки (или, по крайней мере, были близки и тогда, когда в дуболомах он уже не видел строителей "справедливого" общества). Это естественно – нам в 56-ом году было уже четырнадцать лет, им – по десять, первый апрельский мокрый ветер свободы они не почувствовали на щеках своих как слезы радости. В 57-ом мы услышали о Дудинцеве, а они еще читали Мурзилку; когда мы прощались с "героями гражданской войны", они вступали в пионеры; в 64-ом, когда мы приветствовали крушение самодовольного "кукурузника" и горестно изумлялись реваншу последней Сталина – они вступали в комсомол.

Мы были воспитаны "оттепелью" рубежа пятидесятих-шестидесятых годов; они – фальшью второй половины шестидесятых, с трусливым и крохоборческим возвратом сталинизма, усталостью и приспособленчеством в культуре, апатией в экономике.

И только мое поколение оказалось *потерянным*, оно всё еще, уже "склоняясь годами", не выдвинуло ни одного известного имени ни в науке, ни в культуре, ни в политике, ни в бизнесе (и, кажется, уже и в могилу сойдет безвестным).

"Предыдущие" же буйствуют во всех сферах жизни в широком диапазоне от левых до правых, от авантюристов до праведников, от заметных талантов до ярких бездарностей, от почитаемых в узком кругу до у всех на устах – Сахаров и Глазунов, Ельцин и Ростропович, Евтушенко и Черномырдин, Ахмадулина и Высоцкий.

"Следующие" за нами тоже не оказались обделены ни властью, ни славой и в культуре и в политике (сузившихся до шоу-бизнеса) – и Веллер, и Зюганов, и Пугачева, и Жириновский играют не последнюю роль в нашей жизни.

Мое поколение – это поколение войны, тех, кто родился случайно, кто как правило не видел своих отцов, был воспитан матерью или улицей, познал голод и отчаянье на пути от соски до букваря. Жизнь распорядилась сначала те, кто успел родиться между голодом 32-го и концом проклятого десятилетия, а затем – дети "победителей", зачатые между фанфарами от Победы и *всенародным горем* от смерти тирана.

Они – востребованы жизнью, преемственность власти, славы, богатства – в них, нас – словно не было.

Продолжая размышлять в этом роде, естественно задаю я вопрос – а пыталось ли мое поколение повлиять на жизнь?

Те, кто перед нами, выдвинули ярких реформаторов и ловких пройдох – Вознесенского в поэзии, Тарковского в кино; "Горби" и Ельци́на в политике. А мы уже были лишены иллюзий, не могли проповедовать ни "развитой социализм", ни попытку его "перестройки" – но попытались ли мы с социализмом бороться? Пошел ли кто-нибудь из нас в партизанский отряд? Многие ли пошли на Красную Площадь с протестом?

Нет, мы писали невыразительные книги, кропали незначительные

диссертации, спивались или "становились евреями" и "валили" на Запад (да, из моего выпуска на Мат-Меке уехала туда почти треть).

Продолжая горестно размышлять в этом же роде, спрашиваю я и о том, *кто виноват?* – и что жизнь в нашей стране такая распутная, подлая, хамская и блядская, и что так незадалось мое поколение, искренне мечтавшее, страстно верившее, и ничего не создавшее.

О моем поколении, кажется мне, легко ответить так – мы оказались... слишком робкими. У тех, кто до нас, были уверенность, напор, апломб, они сформировались при Сталине, но не успели при нем закаменеть. Живя и выживая на минном поле, они оказались смелее нас, когда минное поле вдруг разминировали.

Правда, им и повезло больше нас.

В шестидесятом году мы еще только учились дышать, начинали только мечтать о взрослой жизни, а они уже выросли, и поэтому успели в ней *преуспеть* (уже по новым "правилам", более благородным), успели стать известными поэтами, музыкантами, актерами, защитить диссертации, стать комсоргами и секретарями. Они засеяли новую ниву жизни и в ней проросли.

И в эпоху брежневской реакции их уже было трудно выкорчевать, закаленные, гнулись они, но не ломались, а нам достался удел ожидающих нового поворота судьбы.

Прошло четверть века, рухнул социализм, из того, довоенного поколения, вырвалась вперед шакаля стая и схватила власть над Россией крепче, чем вор хватает бумажник.

Дети тридцатых овладели Россией, детям сороковых почти ничего не досталось: мы – не хотели, ровесники Веллера – не смогли.

Впрочем, может быть, они и впрямь не такие циники, как я о них думаю? В размышлениях Веллера много моего – и скорбь, и горечь, и разочарование; сильнее, быть может, тяготение к Западу – но разве я сам не готов уже был в отчаянии спросить, "как стать евреем" (ибо *еврей* – это уже была *не национальность, а средство передвижения*), чтобы "хоть тушкой, хоть чучелом, но *валить* из этой рабской страны"!?

Но да много ли пользы в моем сравнении поколений, в этом ли ответ на вопрос, кто виноват в теперешнем маразме и разбое, во вчерашнем теплом гниении, в позавчерашнем кровавом беспределе, в предательстве России, случившемся третьего дня?

Разве не наши деды защищали большевистскую власть, не их отцы ее создали?

Но не в поколениях дело. В каждом поколении есть волки и овцы, Яго и Отелло, Павел Флоренский и Иосиф Джугашвили, удачливый муж и мрачный завистник, ученый мних и недоучившийся семинарист.

Многие полагают, что суть дела в прыти, что достойные – это мыслители, пытатели истины, "усиленно сознающие мыши", жаждающие откровения, не отталкивающие ближних по пути к кормушке, и потому не успевающие до нее доползти, пока по их поверженным телам несутся

орды счастливиц; а недостойные – это "деятели", *юркие и прыткие*, и если они даже пишут книги, и ученые труды, то походя, по заказу, на потребу, а в основном заняты тем, чтобы успеть вскочить и занять места (как в автобусе).

Но кто же достойные, а кто – *юркие и прыткие*? Многие полагают, убеждены и проповедуют, что *юркие и прыткие* – это евреи. И действительно, разве не к ним перешли богатства и власть и средства культуры в двадцатые годы, не к ним – в девяностые?

Да, надо признать, что когда случается забег при переделе нажитого, евреи бегают быстрее других. Да ведь и волка кормят ноги, такой ли уж это порок? Евреи всегда сокрушали государство и власть, потому что власть им не принадлежала, и никакая страна не была их родиной, пока постепенно не начинали они в нее вращаться.

Справедливо или нет, что разрушали они чуждое им в 17-ом, но ринулись они в революцию со всей страстью голодного, и ее выиграла.

Справедливо или нет, что разрушали они чуждое им в 90-ом, но ринулись они в разрушение СССР и приватизацию России, и от СССР остались одни головешки, а Россия стала их собственностью.

Но в том ли причина моей скорби, что министр хозяйства – еврей, что естественные и неестественные монополии – их собственность?

Кажется, и в США, и во Франции, и в Германии им тоже *кое-что* принадлежит, но и США, и Франция, и Германия – великие страны, а мы – нищая, грязная, бездарная, с мародерами чиновниками, жестокими и вороватыми военачальниками, несправедливыми судьями, лживыми правителями, отчаянием в душах и скорбью в телах!

Так что если даже евреям принадлежат богатства России, то из-за этого ли мой народ так нищ, убог, несовершеннолетен по уму, невежествен, пьян, дик, груб и грязен?

Уж в Израиле богатства принадлежат точно евреям, но – сельское хозяйство там продуктивно, даже в коммунах; народ сыт, одет, жизнерадостен; армия боеспособна, генералы талантливы (даже девицы охотно идут служить в армию и службой своей гордятся!)

Столкни на поле боя израильскую армию и российскую – российская потерпит поражение в первом же бою, если еще раньше боя не продаст свою лучшую технику неприятелю, как Грачев с Ельциным продали ее чеченцам (а еще говорят, будто это евреи – торгаши! Да наши русские генералы продали и стыд, и совесть, и честь, и ум, и армию и родину за 30 сребреников!)

Нищ, говорят, наш народ, потому что олигархи вывезли из страны за последние 15 лет тысячу миллиардов долларов в Нью-Йоркские банки, в оффшорные зоны, в испанские виллы и в турецкие бордели – но вспоминаю я глумление наших русских чиновников на советских границах, их крохоборство, алчную жадность, и с отчаянием думаю – да если бы даже всю Россию вывезли евреи на Запад, поделом бы жлобской стране за десятилетия унижений своих же детей!

Нищий художник вез продать свою картину – только что шкуру с него не сдирали. Ехал турист – Боже упаси провезти свыше нескольких долларов! Водки, которой у нас хоть залейся – не больше двух бутылок... и так далее...

Даже когда свой домашний скарб везли отъезжающие в Израиль, сколько их поволочили по *грязи*! Книжку старую попробуй с собой увези – а в дикой стране миллионы перемололи в утиль-сырье, сожгли в помещичьих усадьбах, выкинули из библиотек!

И что же, богатства ли Российские охраняла советская власть на границах, когда искала у отъезжающих иконы, кресты, чайные ложки и обручальные кольца? Беспокоилась, чтобы икон на душу населения не уменьшилось в атеистической стране? Да одних храмов в России поганая власть поломала несметно, и дворцов и усадеб, а сколько переплавила колоколов, предметов церковной утвари, украшений! И когда изымала золотое колечко руками невежественных таможенников, динамит и бульдозер продолжали рушить последние храмы, в самом Кремле уничтожали святыни, сдирали с русской земли деревянное зодчество, скрывали старинные города под "рукотворными морями", сносили под новую застройку целые кварталы добротных строений!

Если бы даже огненные столпы как на Содом и Гоморру напустил Господь на русский народ, было бы ему поделом за его ненависть и злобу к России и ее историческому достоянию.

И все же, неужто евреи ни в чем не виновны?

К русским я еще перейду, и о них скажу больше, и, разумеется, не буду потакать жалкому оправданию, что вот, де, это евреи совершили русскую революцию, и поэтому это от них и террор, и коллективизация, и голод в Поволжье, и голод за голодом, и Гулаг, и пытки и казни, и бездарно веденная война, когда на каждого немца потеряли мы десять наших, и неэффективная экономика, и разорение деревни, и упадок городов – нет, все это не так, виновата чернь, и русская и нерусская, а что в революциях и во всяком историческом *сломе* активнее участвует *не коренной* народ – это *всегда* так, и во всех странах, потому и кажется, что одни Лазó и Зиновьевы виноваты, а мой дед Григорий Игнатьевич совсем ни при чем. Нет, прежде всего виновны русские в бедах России! Так, если чья жена загулет, и наведет в дом "гуляющих", и напьются, и дом сожгут – неужто винить посторонний сброд, а не жену изменницу?!

Вот и русская чернь изменила России – со всеми, блядь, переспала, спалила Россию да и головешки прóпила! – а теперь размазывает пьяные слезы – не стыда и покаяния, а злобы и самооправдания!

Но все-таки, неужто евреи ни в чем не виновны? – а не слышал я от них слов осуждения в адрес *своих*!

Если б услышал, сам худое о них уже не посмел бы сказать!

А русские хотя во многих отношениях и хуже всех, но в одном – лучше, не любимы мы на себя, и есть еще среди нас вопиющие о пороках своих, как в *ветхие времена* находились и у евреев свои бичеватели язв!

Я – между молотом и наковальней – верностью истине и горечью о народе.

Чтобы не погрязнуть в риторике, чтобы проще и понятнее были слова мои, буду говорить не о народе и государстве, а словно сочувствующему собутыльнику изложу результаты своего житейского опыта, свои *личные* обиды, боли и недоумения в связи с множеством разных людей, то евреев, то цыган, то русских пьяниц, то "гнилых интеллигентов", то "коммуняк", то "дерьмократов" – а там уж пусть собутыльник сам делает выводы...

Родился я в сибирской деревушке, в 16 лет поехал в "Расею" к дяде, и там сполна узнал, что такое "деревенский лапоть", хотя население городов преимущественно составляли дети деревенской голытьбы, хлынувшей в города в тридцатые годы, или сразу после войны.

Мой дядя, выбившийся в "князи", сам был из сибирской деревни, и жена его, "княгиня", в молодости тоже "лаптем щи хлебала".

Но как неприятно поразили меня лицемерие, холуйство, верно-подданническая угодливость европейских русских в сравнении с открытостью, прямоотой, добродушием сибиряков!

(И при чем тут евреи?)

Через год я приехал в Ленинград и поступил на математический факультет университета, окупился в интернациональном городе в разномастную среду, где были и евреи, и немцы, и поляки, и финны, и хохлы и русские – и это не просто литературное перечисление разных имен, а живые судьбы, вросшие в меня за десятилетия и ставшие частью моей души и плоти. Но, *русский из русских*, я никогда не опускался до космополитического сюсюканья, а как был *русским*, так им и остался.

И хотя за девушками я бегал, не взирая на национальность, и прежде всего ценил женскую привлекательность, но не стал я человеком без рода, языка и истории, поэтому попадало от меня *полякам* (скорее, по исторической памяти); не прощал я *немцев*, искренне веруя при этом, что *лучший русский – это немец* (да и не Екатерининский ли Петербург – моя родина, и не Далевский ли словарь – мой язык?!); сердился на упрямство *хохлов* (любя малороссийские песни); сторонился *татар* (не избегая татарок)... впрочем, оставим *других*, а поговорим о евреях и русских, и те и другие мне ближе.

Кто я, русофоб или русофил, славянофил или западник, антисемит или скрытый поклонник Сиона? Кажется, евреям это было безразлично, может быть, они были слишком деликатны, чтобы меня укорять в недостатке симпатии, но да и особой любви ко мне они не выказывали... зато русские обвиняли меня во всех смертных грехах, и даже посадили в тюрьму за восхваленье России, неприязнь к советским "братским народам" и чрезмерную пристрастность к народу русскому.

Только в России, и только среди русских интеллигентов требуется для доказательства своей благонадежности публично кричать о любви к

человечеству и всем его составляющим, а я единственный честен и смел – нет, *не люблю* я ни немцев, ни англичан, даже братьев славян не люблю, тем более "бухарских торговцев" – да и с чего бы это мне их любить? Разве стыдятся французы открыто выказывать высокомерие ко всем народам кроме собственного – но никто не упрекает их в *шовинизме* (хотя и слово это, как и *национализм*, французского происхождения)!?

Но ненависти я не испытываю ни к одному из других народов, кроме русского, а русских я ненавижу, и даже призываю на них кары Господни за их нераскаянье. К евреям я отношусь мягче, сколько бы ни видел в них вин, они и культурнее, и умнее...

Конечно, иные русские читатели меня не поймут – это те, кто как неразумная мать защищает даже пороки своих детей, вместо того, чтобы исправить их; или как самодовольный тщеславный муж не замечает похождения жены; или как нечестный начальник борется за "честь мундира", даже когда хватают "защитников" порядка и государства за руки на поборах и мародерстве. Бесчестные и низкие оправдатели пороков и язв свою низкую сопричастность к ним называют любовью и *патриотизмом*, а обличительную боль истинно любящих называют *ненавистью*. Но они, "любящие", хуже предателей. Они любят власть и оправдывают порок, потому что сами над ними подняться не могут.

Душа болит так, что даже обличительный пафос потух... Да и что толку? Вот кто-то думает, что Земля плоская, или что средневековой Европы не было (как учит академик Фоменко) – но разве от этого неустройство в нашей стране? И так же от того, что я думаю *правильно*, разве что-нибудь меняется к лучшему?

Нет, и от меня ничего не зависит, и от моего поколения, и от всех умных и честных – а значит, или нас слишком мало (и стоит ли нам писать и даже хоть что-нибудь говорить?), или в мире нет Бога (а стоит ли тогда жить?)

Ну, ладно...

Или *не ладно*? Но не всё ли равно!? – поэтому умолкаю на время...

Четверг, 11 сентября. В Омске приходила на встречу Маринка, принесла "лапшу быстрого реагирования", буженину, рыбу и хлеб *тминный*, а я купил вчера *черного* хлеба, так что с голоду не умру. Купил еще три соленых огурчика и пообедал, до завтрава уже доживу, а там...

19-00. В двенадцатом часу ночи будем мы в Называевской, где три года назад встретил я Жанну, десятилетнюю девочку, попросившую у меня "денежку на хлеб". Правда, будет уже поздно, и если еще остались ее следы на перроне, в этакой тьме они уже не будут видны.

Пятница, 12 сентября, 12-00 по-новосибирски. Вдоль дороги березы, некоторые уже желтеют. Небо то в солнце, то в облаках, но дни стоят холодные, а ночи еще холоднее, и я "змерз" по-русски на охолодевшей

Родине. Проехал вчера в полночь Называевскую, было темно, но толпа старух и теток и малолетних детей ринулась с пивом и водкой к дверям вагонов. Я вцепился в костистую старуху с расспросами; "*жива твоя Жанна*, – она сказала, – и *уже выросла*... иногда даже приторговывает на вокзале". (Это в тринадцать-то лет *выросла*?)

Всю жизнь мечтал я "дорваться" до власти, разбогатеть и стать знаменитым, чтобы воздать достойным и недостойным, чтобы помочь торжеству справедливости, униженным осушить слезы, жестоких и злых наказать.

Всю жизнь мечтал я разбогатеть, чтобы хотя бы вокруг себя привести в порядок дорожки и заборы, крыльцо кооперативного дома, лифт и лестницу, не смея надеяться, что посветлеют лица людей, очистится их речь, перестанут давить на бока и плечи коробки, баулы, ящики и мешки бесметной толпы бродяг и коммивояжеров, в которых превращен некогда степенный русский народ.

Всю жизнь мечтал я прославиться, надеясь вернуться в родные места с почестями, а сегодня даже стыжусь придти в школу, где я учился – что я скажу?– что напечатал за свой счет "дневниковые записи" тиражом в сто экземпляров, и не покупает никто, и подарить некому, к очаровашкам в метро пристаю, и книги свои им навязываю вместо конфет?

Неужто ничто из тех моих детских мечтаний не сбудется хотя бы на малую часть?!

Сентябрь холодный, сердце ноет, спина и шея не гнутся... а как хорошо было бы теперь в деревне!

16 сентября, 8-20 утра, в ожидании электрички из Юрт в Решоты.

В восемь часов начало вставать на востоке солнце, железная дорога в ту сторону тянется на юго-восток, и так до Байкала.

Вчера ездили на машине в Юрты на кладбище, помянули маму, деда, Ивана, Костю Е--на, дядю Костю, тетю Нину, потом у тети Лены, последней из трех сестер, *посидели* еще за столом.

К счастью, я выжил, несмотря на пиво, сухое вино и самогонку...

Расспрашивал тетю Соню о наших родных, бабушку мою звали Федора Герасимовна, умерла в 48-ом году, старший сын Михаил родился в 1912-ом, мой отец – через два года. Была у нее сестра в Ингаше, и у нее расстреляны до войны три сына (Павел, Иван, ...). Еще была племянница Нюра, кажется, от другой сестры.

Дедушка Иван умер в 33-ем году с голоду, опившись солода в Канске, куда он ездил за ним на подводе с дочерью Ефросиньей, лет пятнадцати от роду, и она везла домой его мертвого...

8-30, Ново-Николаевка. Сижу спиною к движению, справа от меня под уклон простираются поля, леса и луга, дорога петляет, березки по большей части уже пожелтели, там-сям краснеют осины, зелеными пятнами выбегают навстречу сосновые колки.

Урало-Ключи (или *Шахты*), где я учился в пятом классе. Около станции развалины клуба, где когда-то *крутили* Тарзана, рядом поле, и за ним две-три избы – это все, что осталось от школьного поселка.

Село *Точильное*, в двух километрах от школы, там я жил "на квартире" и играл на деньги в лото. Там позже жила моя крестная Маруся и ее дочь, в которую я влюбился в десятилетнем возрасте (а ей было 15-ть), и написал для нее поэму. Ребятишки выкрали поэму из парты и не давали нам проходу, но через десять лет, проезжая мимо *Точилки* после третьего курса, вдруг спрыгнул я с замедлившего поезда, и в начинающихся сумерках подошел к колодцу, где набирала воду моя любовь (вернувшаяся к матери после замужества и развода). Ах, как сладко мы целовались, отомстив запоздало нашим завистникам!

(А в трех километрах отсюда, по дороге к родному моему *Корневищу*, село *Урал*, где я родился и жил до пяти лет. Но воспоминаний о первых годах сохранилось у меня мало, да и вспоминать их тягостно).

Ключи. Поселок слева на взгорье, здесь жила дедова мачеха и его сводные младшие братья. Здесь жили красивые литовские девушки из ссыльных, с которыми однажды я ходил за малиной, а после мы парились вместе в бане (*без ничего!*).

Ах, как пожелтело все за последние дни!

Слева тянутся холмы и распадки, до самой китайской границы, а впереди маленькие рабочие "разъезды" – *Разлога, Макошино, Лесная...* Проехали мимо странного виадука, который никуда не ведет.

Семь часов вечера местного времени. С утра был в школе, поговорил с директором, познакомился с новой его заместительшей, выступил перед старшими школьниками с назиданием девушкам *не пить пиво*.

Потом пошел в наш старый дом, встретился с Витей, ходили с ним в магазин, на кладбище, на могилу бабушки Анастасии Михайловны, вернувшись домой, пообедали рассыпчатой картошкой в мундирах.

21-35. Возвращаясь в Тайшет, застряли на час в Ключах; к счастью, напротив сидит красивая девушка, и это меня утешает.

В Решотах я постоял около скамейки, на которой целовался когда-то с шестиклассницей Ритой; скамейки той уже нет, а старая деревенская школа неожиданно стала неказистым, без купола, храмом Покрова Богородицы; постоял около дома, где жила Галя --ева, но не нашел той заветной калитки, возле которой мы прощались и трепетало сердце; прошел мимо школьного общежития, где целовался с Инной (уже в конце десятого класса), и даже нашел Военстроевский клуб, куда пришел однажды в кино, пахло стружками, а наклоняясь вперед, я касался щекой завитков золотистых волос Нэлли Вью--ной...

18 сентября, четверг, середина дня, по дороге в Красноярск.

День вчера был благодатный, солнце сияло, улицы улыбались, и даже парк, в котором все сломано и сожжено – кинотеатр, аттракционы, танцплощадка, кафе – беззаботно шуршал листвою...

Под вечер навестил я сестру и племянницу с мужем и дочкой, а после на прощанье у тети Сони пропарился в бане.

Погода хмурится, но вид из окна прекрасный, желто-зеленые и желтые березы, изредка сосны и лиственницы, лес разбросан островками среди полей и лугов, и колкú и рощи оживляются небольшими полянами.

А вот бежит хоровод белоствольных берез в желтых шапках среди желтой травы, небо с грядой облаков над ними, высокие холмы вдалеке, прогрохотал мост через синюю Бирюсу, и вдоль нее разметался дачный поселок...

Но тело мешает мне жить, как сырая одежда, как песок в обуви, болит справа под ребрами, болит там где "под дых", болит спина, и даже лодыжки болят и пятки.

Уныние и тоска наполняют душу, и всё меня тяготит – то ожиданием томлюсь, то жажда мучит, то жарко, то холодно. Неужто и двадцать лет назад я так же томился, стонал, мечтая о смерти, как мечтаю сегодня?

Может быть, поэтому спорю я с христианством, брюзжу, недоволен... Спрашиваю себя, христианин я или нет, и затрудняюсь с ответом.

Конечно, я не "безбожник", ни "воинствующий", ни равнодушный, но и к мировым религиям не прикипает душа, претендующим на безусловное посредничество между человеком и Богом, на монополию в области духовного бытия и веры, как атеизм и материализм заявляют монополию в области науки и философии и даже культуры в целом. Поскольку я русский человек, то правильнее даже спросить, православный я или нет, тем более, что и крещусь я щепотью, и хожу, хоть и редко, в православные храмы, и церковные праздники отмечаю по старому стилю.

Но сначала надо бы спросить, что такое православие?

То бессознательное народное верование, смешанное из легенд, "преданий нынешних и старины глубокой", обрывочных сведений из литературы и Библии и церковных впечатлений, исповедуемое большинством, – или догматическое учение, сузившееся до нравоучения, наставления, которое исповедуется учеными монахами и богословами?

Я – ближе к верующему простому народу, в массе своей языческому, и спорю с христианством не для того, чтобы лишить человека Бога, а чтобы догматическая идеология не отменяла традиционные связи русского человека с русским Богом, вмещающим в себя и Перуна, и Христа, и деву Марию, и природу, звездное небо, любовь и совесть...

16-30. Проехали Заозерье, за окном поля и перелески, то ширь беспредельная, то лесные не густые заросли.

А за лесом на склоне холма живописный поселок в сосновой роще – Уяр (у яра). На холме над обрывом пасутся коровы.

18-30. Холмы, холмы, перелески... и живописные дачные поселки сбегают со склонов как ручьи...

Когда-то, одновременно с самоуверенным лозунгом "Мы кузнецы, и дух наш молод, куем мы счастья ключи!", проповедовались и более реалистические формулы ЧК-МГБ – "*человек – винтик государственного механизма*", или только "*ступенька к производству лагерной пыли!*"

Произошла, казалось бы, *антикоммунистическая революция*, вместо строительства "счастливого будущего" строится как будто "дорога к храму", человек провозглашен высшей ценностью сравнительно с государством, но ощущение ненужности, ничтожности, беззащитности перед жизнью, обществом и государством, перед любой организованной преступной силой (и даже неорганизованной, а только наглой и самодовлеющей) – неимоверно усилилось в сравнении с временем недавнего "застоя".

Человек беззащитен в темное время суток перед грабителем и мародером, в любое время дня и ночи перед наглостью, на улице – перед милицией, в магазине – перед недобросовестностью производителей и продавцов, беззащитен перед коррупцией и взяточничеством чиновников, перед несправедливыми судьями, продажными прокурорами, телефонным правом, беспределом в тюрьме, упадком медицинской помощи, безразличием, разобщенностью, лицемерием религии, безучастностью Бога.

Мы – чужие и бесприютные в собственной стране, она давно приватизирована жадными шакалами, и слезы и стенания наши никого не волнуют, даже наших детей и наших внуков.

При всех слабостях, присущих моему поколению, при том, что и мы мечтали о богатстве, пытались делать карьеру, были пьяны и ленивы – никогда не забывали мы обветшавших ныне понятий – благо Родины, честь и достоинство, духовное предназначение, любовь и верность, милосердие, бескорыстие, жертва, творчество и вдохновение.

Мы – чужие среди тех, кто пришел нам на смену. Их религия – успех, благосостояние, высокий доход, квартира, дача, машина – *прежде* всего, *вместо* всего! Сверх этого не только ничто не существенно, но даже не существует. Литература, культура – забыты, "*родина – там, где платят*", идеалы смешны, вместо бескорыстия – польза, вместо любви – секс, вместо творчества – перепродажа, вместо любимого дела – бизнес, вместо духовного возвышения – карьера... и даже разговор с Богом низведен до дежурного посещения церкви.

Нам нечего делать в этом мире, наши усилия – тщетны, наша любовь никому не трогает, наша жертва никому не нужна. Этот мир лишен духа, поэтому мы лишены возможности на него влиять.

Что же нам остается? Только умереть смиренно, как велит христианский Бог?!

20 сентября, десять часов утра. Проехали Новосибирск, впереди Барабинск, Омск, *Низовская*...

На улице дым или туман, и солнце сияет сквозь белую мглу...

...Не написал я о встрече с родными вчера в Красноярске. Ездили в пригород, на Галину дачу, ходили по соседним холмам в поисках

запоздалых грибов, жарили колбасу на костре. День был благодатный, лица радостны, пиво вкусное, водка "свежая"...

22-00 омского времени. На улице так темно, как это бывает только глубокой осенью.

Низовскую проехали в половине восьмого, солнце только садилось.

Жанны не было, сказали, что она заболела и лежит в больнице.

Какой-то девочке, лет тринадцати, я дал 50 рублей на конфеты и для неё и для Жанны; позже, когда она убежала, тетки-торговки предположили, что это была ее сестра Яна.

Потом дал другой девочке 50 рублей, велел купить конфет на всю компанию (рядом с нею были и еще ребяташки), маленькая девочка, лет восьми, попросила денег на хлеб, я дал ей десять рублей (и сейчас стыдно, что не дал пятьдесят), а позже еще одной женщине, подошедшей последней, дал 50 рублей для Жанны.

Она рассказала, что их семь детей в семье, родители пьют, ребяташки в школу не ходят, многие курят, Жанна уже *большая*, а раньше *была хорошей девочкой* (?).

"Но разве всем поможешь? – добавила она. – Брошенных детей по России – миллионы, и никому они не нужны."

21 сентября, воскресенье, позднее утро. Едем по живописным холмам и ущельям Урала, через полтора часа – Пермь, вдоль дороги, далеко внизу, вьется речушка, дорога, как заяц, тоже петляет и вьется...

Вот мы уже ближе, – да это не речушка, а целая река, и не она – вдоль нас, а мы – вдоль неё, по берегу, *по бережочку*, вьемся, ластимся и прижимаемся. Урал-батюшка встречает нас хмурой и холодной погодой, после ласковой, светлой, горячей и сверкающей матушки-Сибири.

На той стороне речушки-реки – шоссе, отвесные скалы, поселки над рекой на вершинах холмов, сосновые рощи, линии электропередач, прорезающие, как шрамы, суровое лицо Урала, и вдруг вылетает за лесом веселое полюшко-поле...

Спал плохо, но думалось иногда хорошо.

Всё вспоминал Жанну, и призывал кары на русский народ – а ведь Господь уже и начал карать, и давно уже карает, но *гнев Господень равен изливается на правых и виноватых!*

Да что ты говоришь? – слышу я собственный голос, – да когда ты видел равенство в Его возмездии?

Мор, война, землетрясение, революция, голод и казни Вавилонские – это ли не возмездие? – но достается больше всего самым невинным – детям, их-то выплескивает из чаши жизни в первую очередь!

Дети революции и Гражданской войны – кто их считал, сколько их умерло, сколько пополнило армию воров и проститутток, да и выжив, было обречено на ущербную жизнь?

Дети коллективизации и репрессий, плановых голодовок "пламенных лет" строительства "рая" и великих "комсомольских" строек?

Дети минувшей войны – одни из них, постарше, пошли в "дети полка"; другие скитались в толпах беженцев, гибли под обстрелами; третьи умирали с голоду или попадали в зону за кусок колбасы, как Костя, которому в 42-ом, когда я родился, было двенадцать лет (он-то не дитя войны?!); четвертые, самые "благополучные", у которых хотя и погибли отцы на войне, но были живы матери, дедушки с бабушками, дядья и тетки, братья и сестры – как я, и миллионы моих сверстников, отцы которых, под мягким боком горячих жен молодых проведя полгода-год, успев зачать, но не успев увидеть новорожденного, гибли у края сырого окопа, у холодного бруствера, а то и в чистом поле, но чаще даже в канаве, или на склоне холма, оглашая последним криком "у(р)а-а-а..." бесприютный мир – но и наша жизнь не ущербна ли (хотя и благополучнее, чем у многих других)?

Но самые несчастные дети – это дети последней "революции" (или войны с народом) 91-го – 2003-го годов. Жанна – ее ровесница, этой хамской революции, этой мерзкой и подлой войны!

В послевоенные годы были десятки миллионов бедных, бесправных и нищих, *блатные* измывались над неповинным рабочим людом в лагерях, измывались над ними надзиратели и конвоиры, крестьян мучили поборами и работой без прѳдыха, увечные заполняли подходы к рынкам, тамбуры вагонов, прося подавание – а все же отчего я вспоминаю те годы как не лишенные света и солнышка в сравнении с теперешней тьмой?

Народ был тогда еще жив, сегодня он мертв.

Бедный подавал копеечку нищему. Потерявшая мужа жалела и чужих бездомных детей. Государство пристраивало их по детским домам (ну, не по райским приютам, а всё же получше, чем сегодня, да и не изверги работали в них!), а то и по фабричным училищам, куда уже с 12-ти лет удавалось пристроиться, а там уже и в жизнь хоть со слезми пополам, но все же удавалось врать! А то и разбирали бесприютных детей дальние родственники, хотя самим бывало горше горького...

Победители, вернувшиеся с войны, пили "без прѳдыху", били "смертным боем" своих жен неповинных, – но выросли безотцовские дети под юбками любящих матерей, хватило этих юбок на то, чтобы укрыть от непогоды будущих космонавтов, покорителей целины, строителей БАМа и высоковольтных ЛЭП...

Где же эти юбки сегодня?

Дети нынешних нескольких революций, сцепившихся словно клубок ядовитых гадюк – самые отверженные, самые несчастные!

Общество – безучастно, оно похоже на интендантов, обжиравшихся, когда в Блокаду умирали на улицах; государство – цинично и жестоко, оно похоже на конвоиров с овчарками; каждый отдельный обыватель живет для себя, он похож на сорняк, отвоевывающий место под солнцем, он, наконец-то, кажется, стал соответствовать учению Дарвина о "борьбе за существование и происхождении видов" – только из него никаких "видов" уже не произойдет, даже он, сорняк, принужден будет скоро исчезнуть с просторов растленной России.

Почему нынешние брошенные дети несчастнее детей расстрелянных белогвардейцев, детей умерших от голода крестьян, несчастнее детей раскулаченных, посаженных в тюрьму, погибших на войне?

Потому что те дети были порослью здорового леса, уничтоженного безжалостным смерчем, и корни этой поросли были здоровыми, вода их омывала еще чистая, почва еще не была заражена, дождь не нес в себе ядов, и воздух не был смертоносен.

Победители пили и били жен – но жены их были чисты и непорочны и пели колыбельные детям, – а у Жанны пьяные валяются и отец и мать, и даже пропивают те омытые Жанниними слезами копейки, которые она собирает как подаянье на хлеб. А общество ест и веселится, и гневно мне возражает, что оно ни в чем не повинно. (С государством я уже не вступаю в пререкания, *государство – ядовитый гад*, не жалело оно ни вдов ни сирот, да и меня не поперхнувшись сожрет.)

Гнев Господень изливается на Россию, каждый второй мужчина пьет выше меры, а теперь уже спивается и каждая третья женщина.

Но благонамеренные негодуют: мы-то – трезвы, что нам до спившихся баб?

Да *вы*-то, "праведники", не научившись пить, разучились рожать, а *те*-то, пьяненькие, как раз и рожают – из чьих детей завтра будет состоять наш народ? Кто еще удерживает его от исчезновения? Только не вы, благонамеренные! Те хоть и пьют, но еще и детей "плодят", – а для чего *вы* живете?!

В нашем бегущем за Европою Петербурге, хвастающемся своими пешеходными улицами, пятьдесят тысяч детей в подвалах и на чердаках – что сделано для них за 12 лет реформ? Что сделано для того, чтобы их больше не было, чтобы число их хотя бы не множилось?!

Нынешние брошенные дети, эти ангелы Божьи, несчастнее даже тех, кто родился у матерей в лагерях. Колбочою проволокой опутаны не их чердаки и подвалы, опутаны их погибающие души.

Возможно, даже голодают они меньше, чем мы, дети войны, иногда я вижу их, грязных, оборванных, с бутылкою пива в руках, часто их взоры бессмысленно блаженны, не так, как у пьяных, а у тех кто "под кайфом" от дешевых наркотиков; но чаще их лица тупо бессмысленны...

Один десятилетний мальчик жаловался мне, что его заставляют дышать "моментом" его товарищи, хотя ему *хотелось бы вырасти человеком*.

Эти "ангелы Божьи" – растленны больше, чем взрослые, в 12 лет девочки, живущие в подвалах и на чердаках, спят вповалку со всеми подряд, предлагают свои услуги у ларьков и на помойках (о чем можно прочесть в заурядных милицейских хрониках, которых не читают благонамеренные граждане), мальчики пополняют армию карманников, а все вместе – язвы и боль России.

Гнев Господень изливается на самых невинных, он изливается на детей!

Он изливается даже на тех, кто живет в любящих семьях и ходит в элитные школы – эти дети тоже заражены помойкой, они вдыхают наш ядовитый русский воздух, смотрят пошлые телевизионные передачи, секс *вместо* любви проникает в поры даже их чистых тел и душ через современную культуру и образ жизни; успех *вместо* праведной жизни воспитывает их уже с колыбели – потому что уже даже мы предали наши романтические идеалы, *дети войны!*

Меня больно задело брошенное вскользь одной из торговок, что Жанна уже совсем стала взрослой, а была такой невинной прелестной девочкой четыре года назад, что сестры ее уже курят, эти невинные ангелы божьи, и в школу не ходят. Может быть, я мог спасти ее при первой встрече, одну из трех миллионов, будь у меня богатства Жана Вальжана, как спас он Козетту – но разве я сам не такой же нищий и бесправный, как Жанна?

Что я могу сделать, чтобы помочь ей?

Мой теперешний месячный доход меньше пятидесяти долларов, а я в долгах из-за ненужной никому Металогике.

Мог бы я заработать на учебнике математики – но обществу мой учебник не нужен.

Нужен ли он моим товарищам по профессии, несомненно более профессиональным, чем я, потому что они не сбегали в политику, в издание книг, в тюрьму и в Металогика как я, а всю жизнь занимались любимым делом? – Нет, им он не нужен тоже, потому что он не похож на те учебники, по которым они учились, которые они сами умеют писать. Я – не середина, не общее место, не прописная истина, не шаблон, не ходули для кляч, не подпорки для слабых, не очки для слепых, и даже не жернов для умных, помогающий им размолоть неудобное в знаниях под одинаковую муку. Нет, я не нужен даже моим товарищам по профессии, хотя мой учебник даже теперь не хуже других, а я бы мог сделать его лучшим в России.

Вот так же я мог бы написать Пособие по школьной математике, для повторения курса, для итога, для поступления в ВУЗ – но и оно никому не нужно. Как не нужен России я сам, со своими стихами, рассказами, умением учить, потому что сегодня Россию Господь наказал бездарностью власти, которая хуже всякого наказания.

Но, изливая гнев Свой на нас, потомков наших *неразумных* дедов и прадедов, наказывая нас за их неотомщенные вины, и наших невинных детей и внуков за те неотомщенные вины (да и всегда Господь только так и умел наказывать, и на Содом и Гоморру и Вавилон излил серу и смолу с небес, а пуще всего пострадали как раз невинные... да, Господь только так и рубит – *сплеча*, и ловкий прыгун и жулик успевают увернуться, а *Архимед сидит у своих чертежей*), изливая гнев и на потомков *разумных* дедов и прадедов, не должен ли бы Господь, в противовес неразумному, *бессмысленному и беспощадному* гневу своему, излить и благодать на того, кто пытается среди падающих Вавилонских башен и камней

спасти хоть одного невинного? Или мы все осуждены, все виновны, и дети наши осуждены тоже?

Пока еще я не до конца уверен, что Ты, Господи, только жесток и непреклонен, и не трогают Тебя не только *одна слезинка ребенка*, но и океан детских слез; пока еще я не до конца уверен, что мы тебе не нужны, что ты даже хуже матери, выбросившей дитя на помойку – я буду вопить и требовать! Раскали, Господи, голос мой, чтобы, наконец, услышали и меня, чтобы мне вняли, чтобы еще хоть один подал несчастным копеечку! Чтобы я ожигал! Чтобы был подобен битому стеклу на дорогах праведных! Чтобы не давал сладко спать, когда лучшим спать негде! Чтобы не давал сладко есть, когда у нежных черствый кусок омочен слезами! Чтобы не давал растекаться елеем фальшивым словам о любви, когда страдающие тонут в ненависти! Чтобы не сдержались "профессионалы любви", и на *меня* излили шквал негодования, *меня* велели порочить – но прежде устыдились и помогли Жанне!

Эй, ты, словоблудный политик! – закричу я. – Знаешь ли, как ей помочь? Хочешь ли? Можешь?

А вы, "два генерала!" – отдайте же, наконец, то, что остались должны мужику, накормившему вас, хотя бы несчастной Жанне!

И ты, Божий слуга! – хоть на день забудь о муках Христа, Он нас поймет, Он подождет, Он уже воскрес, а нам еще мучиться! – звони в колокола, обратись к верующим хоть раз в жизни с земною проповедью, призови их забыть о заскорузлых душах своих, отложить их спасение, а помочь чужой несчастной душе, еще не заскорузлой, еще не повинной!

И вы, *богатые*, сбросьтесь хоть по доллару, я отвезу их ей, я найму торговку у поезда, чтобы она ее кормила, чтобы за нею присматривала... я найду хоть одну непьющую! Одна-то найдется на всю Россию?! Я найду такую, чтобы не воровала, не обманывала, была к ней заботлива. Найду ей учителя, чтобы хоть за деньги научил он ее читать, если бесплатно не может! Заплачу начальнику станции, чтобы изредка давал ей пристанище, заплачу милиционеру, чтобы не гнал ее с перрона, когда она "приторговывает". Дам денег Главе администрации, чтобы семье ее привезли дров. Буду посылать несчастным родителям по сто рублей на день, чтобы хоть детям хватало на хлеб (да и им на выпивку тоже!). Раздам конфеты уличным ребятишкам, чтобы не трогали ее, не обижали, чтобы ей не завидовали...

Но что это за вопль я слышу, негодующий?! Ах, это люд православный, у которого три миллиона детей бродят по улицам, нюхают "момент" и растлеваются – велит мне *перестать богохульствовать!*

Господи, раскали же, наконец, голос мой жарче тысячи солнц, чтобы даже их, праведников, прожгло! Чтобы даже их, толстошкурых, пронзило!

... За окном поезда летят поля и перелески. Желтое на голубом... красные платочки на темно-зеленом и буром... прямые свечи елей и

огненные языки рябин... темные омуты маленьких лесных озер... белые березы, серые осины, коричневые сосны... лужайки, опушки... вот вдруг – поленица дров... копна сена, словно пуговица серебряная на разноцветном плаще... Летит, летит, летит блаженная красота не до конца изодранной русской земли... а я ругаюсь...

Да я еще буду пуще ругаться, пока не очнется Господь! Я – словно кошка, которую прищемило в дверях – что же мне, кротко мурлыкать?! Нет, я буду визжать и кусаться, последние когти сотру о бетонные души, портьеры, завешивающие их, издеру в клочья!

Я еще буду так богохульствовать, что даже вы, сладкоспящие, содрогнетесь! Что даже и **вы**, елейные стражники Истины и Добра, задохнетесь от ярости!

Миллионы лет призывали вы начать мне *с себя*, со своей души, окунуть ее в патоку, превратить ее в изюм для Бога, веер для скушающих слуг Его, в удобное изголовье для тленного и "грешного" тела моего!

Смирись, гордый человек, а о Жанне забудь! – слышу я миллионы лет.

Смирись, гордый человек!

... Я уже проехал тот ларек, в нишу которого забилась она, словно котенок под дождем у забора.

Я дал ей тогда рубль – вот на столько я святой.

Я должен был давать ей тысячу рублей ежемесячно эти три года, а значит, пока я отработал одну пятидесятитысячную своего долга.

Но остальные не дали ей даже рубля.

Конечно, проще пойти в церковь, поставить свечу, помолиться, и о Жанне забыть. Жанна или Бог – кто мне дороже?

Жанна.

Бог подождет. Может быть, я к Нему вернусь – потом, когда Он купит свою вину передо мною, когда Он снова станет человеком, спустится со своего неба, перестанет упиваться прежними заслугами и меня ими шпынять. Если Он мне поможет, и вместе со мною пойдет к Жанне, и поможет ее спасти, я Его прощу.

Человеком стать не легко. Гораздо труднее, чем Богом. Человек тонет в воде, а Бог проходит как по суше. Человека обманывают, предают, лицемерно целуют, прежде чем донести, его предателей восхваляют, убийцам его ставят памятники, когда могилы его самого не могут найти, и даже не всегда оплакивают после смерти.

При этом, человек совсем умирает, а Богу дают еще шанс.

Но кричать бесполезно.

Сердце мое истекает слезами, и *даже* они не закипают.

Но нет, не совсем бесследно проходит жизнь.

Я уже понимаю, что я бессилен, и ничего существенного сделать мне не удастся – но, может быть, сделать хотя *б не существенное*?

И Жанне можно начать помогать. Начать посылать ей деньги тайком, хотя понемножку. А потом, может быть, удастся и больше.

Даже в тюрьме можно делать доброе – надо убедить общество сделать тюремную систему более человеческой. Ненавидя *преступника*, следует пожалеть *заклоченного*. Вот так же мы ненавидим врага, но шадим военнопленного. Так же и врач лечит и злого и доброго.

Достойное общество милосердно, недостойное – "отрубает *гниющие члены*", как велено в Священном Писании (и только непоследовательный Учитель пожалел и блудницу, и разбойника, не в пример последовательным ученикам Своим).

Бедная Жанна, я был так удручен и печален, так негодовал на жестокое общество и дьявольское государство, что негодование мое выливалось в проклятья. Я кричал и вопил – от слабости, от невозможности что-нибудь полезное сделать, исправить, помочь...

Страдания некрасивы, вопли редко бывают величественными, чаще они жалки. Если эти записки я буду печатать, не надо ли их причесать и пригладить, чтобы не было неловко перед читателем?

Так я думал, и уже склонялся к тому, чтобы заговорить тихо и рассудительно.

Но разве на кладбище думает вдова о "приличиях", о том, как она выглядит, не раздражают ли "гостей" ее крики? В русских деревнях *голосят*, то есть *кричат нараспев* о своей горе, и это естественно. Так что пусть останется все как есть, может и Бог будет ко мне снисходительнее клеветников своих, может и я пойму "затруднения" Его...

Сначала было **29 сентября**, я парился в бане, и пил чай с мятой и медом, а сегодня уже **30-ое, шестой час пополудни**, я сижу в электричке и лечу от Окуловки к Малой Вишере.

А в двенадцатом часу дня еще бегал в лес за грибами.

Ночью моросил дождь, но днем сверкало жаркое солнце, паутинка облепляла лицо, падали листья с деревьев как дождь, осенними черными и бурными грибами была усыпана земля как листьями.

Красных сегодня не нашел, нахватал опять, вернулся в дом без четверти два, а в три уже надо было бежать на автобус.

Обмылся в бане горячей водой, успел сварить суп, сменил воду во вчерашних грибах, и даже вымыл посуду.

Как я сумел поднять свой неподъемный рюкзак? Как не оторвались у него лямки? Как я не упал по дороге?

И вот пью из термоса крепкий чай, и даже вкушаю последние тепличные помидоры.

Светит солнце, легкое марево на небе, разноцветный ковер на земле, и по вагону бегают красотки туда-сюда. Мы на нее восхищеннозираем, а она улыбается.

Да не похожи ли тем самым красотки на солнце, которое также красуется перед всеми и греет и радуется всех, как и красотки пред всеми *красуются*?!

Но ружье, забытое на стене, в третьем акте стреляет!

Вчера, после бани и чая с медом и мятой, уже без сил рухнул я на диван. Сняв с него валики, один бросил на пол, загородив дорогу, но подумал, что ночью буду помнить о нем и двигаться осторожно.

А ночью сначала в правую ногу, потом в левую вцепились злые судороги, как два взбесившихся пса.

Я и растирал икры мазью, и вставал на цыпочки, и приседал, и вытягивался, и выходил на улицу, помня о валике... чуть-чуть отлегло, я выключил свет и уже заснул. И вдруг неугомонные псы схватили за ноги снова, с плачем побежал я на кухню, и тут громыхнуло ружье!

Раненый в колено, в руку и голову, в слезах растопил я печку, положил в рот лекарство и уснул, не чая дожить до утра.

Зато (за это!) куплю вечером, приехав в Питер, две бутылки пива, полбутылки выпью еще на улице, отмщая невзгодам, остальное принесу домой и разошьем всей семьей – *"ведь мы этого достойны?"*

Половина седьмого, последний день сентября, солнышко еще просвечивает на облачном небе, запад румянится, природа словно на бал собралась, приделась, приукрасилась, а иные кокетливые деревца, напротив, полуразделись для соблазнения любопытных прохожих.

Ах, как красиво! Я даже радуюсь жизни, вопреки всем невздам. Я даже счастлив, пренебрегая тем, что что-то ноет под сердцем.

Солнце еще на небе, и будет на нем еще долго, я буду ехать, глядя ему в лицо, и мы будем "строить друг другу глазки".

19-10. Пока стояли мы в Малой Вишере, купил я пиво по имени "Питер", заплатил 13 рублей. Возможно, в Питере оно дешевле, но зато пять рублей сэкономил я за пакгаузом.

... А вот мы уже и тронулись, а я уже и глотнул, и жить стало лучше, и сердце отпустило! – вот так!

У меня с собой помидорчики, выращенные на собственных грядках, темно-бурые, да сыр, да масло, да хлеб да соль – ах, Господи, хорошо, что купил я бутылку, не доежая до города! Вот устрою я пиршество, а ты пока потерпи, читатель!

... *19-40.* Не хотел никого расстраивать, но, оказывается, пока я пил и наслаждался жизнью бесстыдно, солнце село (около половины восьмого или даже раньше). Правда, утром оно уже *выйдет* – но все же и ночь провести в заточении – не сладко.

День был великолепен, да еще не совсем и окончился, если считать вечер послесловием дня, как утро – его предисловием (а ночь – особо, вечер к ней не относится).

Жаль, что по лесу бегал я второпях; если бы знал, что грибов не найду, я бы ходил не спеша, посидел на пеньках, посмотрел на листочки.

А все таки, пусть второпях – но вдохнул я благодатный последний день сентября.

Еще о евреях что-то хотел написать, но самое умное – позабыл.

Впрочем, сколько можно о них писать?!

Да столько же, сколько о любом другом важном предмете, больше можно писать только о любви и о женщинах.

Говорят ведь о погоде *каждый* день – разве евреи менее значимы?

Раньше о чеченцах никто ничего не знал, а сегодня о них тоже, как о погоде (или о евреях), каждый день говорят и пишут... до каких пор? – да пока война не окончится!

Итак, евреи...

Еще и потому не отстать мне от них в своих рассуждениях и записках, что часто приходится слышать злобные речи в их адрес – и революционде они сочинили, и перестройку, и нынешняя сучья демократическая жизнь и вырождение народа – тоже их рук дело.

По поводу революции мне становится все яснее, что хотя в большевистском перевороте и после него они играли главную роль, но большевистская власть, как якобинская диктатура – только следствие, а исток революции, то есть 89-ый год – это февральские дни, падение монархии. Евреи ли свергли монархию?

Потом – да, красный террор – по большей части евреи, – но это никак не оправдывает русский народ.

И сегодня именно русские держатся за этот проклятый социализм, и когда одни из них обвиняют евреев в его установлении, сокрушении России и погроме русской культуры, другие из кожи вон лезут, чтобы доказать, что погрома не было, что советская власть принесла России не погром, а процветание – тогда в чем же виноваты евреи?!

Россия – на помойке. Я из-за этого страдаю, хочу, чтобы она опомнилась, захотела исправиться – нахожу ли я сторонников?

Как сорок лет назад, так и сегодня, обращаясь к русским, встречаю я равнодушие, непонимание, вражду.

Русский человек противостоит мне в главном – он инстинктивно, бессознательно любит власть. Сознательно он ее любит тоже. Атеист он или христианин, но и из всего христианства вьелось в него только то, что "несть власти, аще не от Бога!"

Русский народ охотно пошел за Марксом с его лозунгом "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!", потому что он усвоил еще раньше, что *легче верблюду пролезть сквозь игольное ушко, чем богатому – в царствие небесное*. Русский человек *не любит богатых*. Он им завидует. Потому что... нельзя сказать, что он *не любит богатство*. Нынешняя эпоха показала, что быстрее всех предали духовные ценности во имя житейского благополучия именно русские.

Да и кто разрушал русскую культуру? Евреи ли? А не Маяковский призывал сбросить Пушкина с корабля современности? Не Сталин ли перестраивал Москву, уничтожая? – а он-то – русский кумир!

Да пока русские оправдывают Сталина, стыдно быть русским! Лучше стать евреем!

Ну а о другом – о большей деликатности, культурности, образован-

ности евреев сравнительно с русскими я уже писал. Часто, побывав в пьяной и хамской русской компании, я сожалел, что я – русский. Нет, русских я не люблю. Я их презираю. Часто ненавижу.

Это они, русские, голосуют за бездарное правительство, и чем оно бездарней, тем больше любят. Они привели к власти Сталина. Они привели к власти Ельцина. И сегодня пылают любовью к КГБ-ФСБ.

Они не ценят изящное. Они переломали большую часть прекрасных дореволюционных строений, превратили города в поселки барачного типа, окружили их помойками, развели помойки в лифтах, вестибюлях и на лестницах, превратили и души свои в помойки.

"Прыткий" и компания разводят на телевидении бардак и бедлам – а кто их смотрит? Кто им создает рейтинги? Или русские девочки поют *русские* песни? Они их любят? Или любят классическую литературу? И таковы все русские девочки! Таковы и русские мальчики! Тем более дяди и тети! Может быть, не таков один из ста. Но разве у евреев все "прыткие"? Нет, тоже один из ста. А 99 с удовольствием читают книги. В том числе Достоевского. Даже меня.

Ах, теперь все понятно, закричит патриот, ну и катись к своим евреям!

Но если бы русский патриот читал книги, и кроме Пикуля и Донцовой читал еще и Пушкина, Лермонтова и Максимилиана Волошина; и помимо "Как закалялась сталь" и "Сталь и шлак" читал бы Клюева, Авакума, Павла Флоренского... он бы понял то, что еще раньше понял Ленин, – что гнать из страны надо не меня одного!

Правда, всё это не значит, что я евреев люблю. Дело в другом.

Если я окажусь темной ночью в горах в обществе, состоящем только из чеченцев, мне с ними будет, мягко говоря, неудобно.

Так же, если окажусь в подземелье среди террористов Хамаса, или на ринге среди *негров*, даже *преклонных годов*.

А среди евреев мне не страшно. Мне не было страшно в синагоге, когда я туда пришел. Не страшно в библиотеке, музее, театре. Не страшно было на презентации литературной энциклопедии третьего дня, в которую случайно попал и я, не еврей.

И все-таки, евреев я не люблю. Не так оголтело, как русских, умеренно, спокойно... как не люблю, например, манную кашу или пюре, или французский протертый суп.

О причинах своей нелюбви к ним я уже писал, поэтому – хватит. А о русских еще буду писать, потому что именно они – моя родная семья. И в ней мне душно. Невыносимо. Больно. В такой семье, какой Россия стала сегодня, я жить не могу...

Утро 8 октября. Возвращаюсь из Москвы в Петербург.

Вчера был *счастлив*, а ночью болело сердце.

Вечером был в купеческом обществе. Сначала Н. В. представила публике художницу, которая выставляла свои картины, потом сыграла несколько пьес Рахманинова, затем передала слово мне; я *представил*

себя и "Жизнь на краю", и *представление* моё, как потом говорили, многим понравилось. Но затем выступил изумительный дуэт флейтистов – нет, мои книги не поднимаются так высоко!

А затем пили шампанское, и все охотно мне наливали!

Да, я был *счастлив* вчера – а ночью болело сердце.

Смотрел на днях телевизионную *передачу* "Жди меня!", старая женщина встретила со своим возлюбленным, с которым рассталась шестьдесят! лет назад!

Они познакомились во время войны, она – медсестра из госпиталя, он – англичанин. Три месяца они были счастливы, затем ее арестовали.

И вот через шестьдесят лет они встретились благодаря *передаче*, обоим уже за восемьдесят, и у нее голова трясется.

Меня поразили ее слова – *Может быть, Господь смилостивится надо мной хоть раз за шестьдесят лет?!*

В спорах о сущности дьявольского режима, правившего страной после 17-го года, доказывается его вина миллионами жертв.

Миллионами загубленных в Гражданскую Войну.

Миллионами умерших от голода в 22-ом, 32-ом и 42-ом (в блокаду).

Миллионами раскулаченных, многие из которых умерли также от голода.

Миллионами военнопленных, брошенных на произвол судьбы в фашистских концлагерях, а затем еще и протасненных через Штрафбат и советские лагеря.

Миллионами несправедно и несправедливо осужденных и обреченных на страдания в Гулаге – многие ли оттуда вернулись?

Но пока оперирую я *миллионами* жертв, спор идет словно о геологических сдвигах, и понятие *вины* теряет свой *личный* несомненный смысл (хотя ведь был же Нюрнбергский процесс, осудивший нацистскую Германию за преступления против человечества?!).

Женщину, о которой я рассказываю, полюбившую английского летчика, государство осудило за "связь с иностранцем" вместе с обществом, которое осуждало ее тоже; писатели, ученые, учителя и шахтеры, доярки и комсомольцы презирали девушек, "гуляющих" с подданными других стран, и значит были заодно с государством.

Через двадцать лет, в 63-ом году, вот так же судили мою однокурсницу за дружбу с американцем. События имели не столь трагические последствия, ее не посадили, а только исключили сначала из комсомола, потом из университета, а ее возлюбленного выслали из страны.

Но как бурлили студенты, сколько гневных стрел метали в ее сторону пламенные комсомолки и комсомольцы!

Сегодня еще живы тогдашние судьи подруг и друзей иностранных студентов, а кто-то жив и из тех, кто разбил жизнь невинной девчонки, подружившейся с английским офицером во время войны.

Нельзя ли подать иск государству и обществу, не раскаявшимся за содеянное в отношении одной лишь судьбы – медсестры 43-го года?

Так я подумал во время посещения Государственной Думы.

Разговаривая в приемной у нынешнего известного политика, я рассказал о судьбе несчастной невинной Жанны, надеясь вызвать сочувствие публики и привлечь политика к моим намерениям Жанне помочь.

– Ну почему же она невинная? – спросила помощница коммунистического депутата. – Вот что мы читаем в сочинениях отцов Церкви:

«В одном из монастырей воспитывалась девочка, монахини не чаяли в ней души за ее кроткий ангельский характер, за ее ласку, любовь и нежность. И вдруг девочка умерла.

Все были безутешны, много плакали и горевали, наконец попросили самую благочестивую сестру помолиться Господу и обратиться к Нему с просьбой узнать хоть что-нибудь о судьбе этой девочки.

Монахиня встала на молитву, и к ней пришел Ангел Господень.

– Пожалуйста, скажи, каково ей, нашей любимице, в раю?

Ангел Господень отправился в рай, а возвратившись, отвечивал, что в раю ее нет.

– Так где же она?

– В аду!

– Но почему?!

– А у нее были *греховные помыслы!*!»

Услышав эту историю, я узнал и о коммунизме и о христианстве больше того, что открылось мне за предыдущие сорок лет сомнений.

Из тоталитарных режимов против человеческой свободы больше всех боролись большевики. Они не только запретили политическую деятельность, отняли гражданские права, они не только лишили человека права голоса, права публично высказывать свое несогласие с установленным властью – но лишили его и права *мыслить несогласно*; не только *инако-говорение*, но и *инако-мыслие* было объявлено преступлением (а достаточно было при обыске найти тайный дневник с крамольными мыслями – и человек отправлялся по дорогам советского ада – Гулага). Ах, как страдали большевики, что нет у них способов узнавать *инакомыслящих* скрытных, неверяющих свои *мысли* бумаге!

Но ведь Бог наши мысли знает!

И хотя говорил Христос, что *по делам* их узнаете их – но суровый Его отец наказывает "грешников" не только за дела, а за мысли! Невинную девочку, жившую в монастыре, вероятно, лет 14-ти, вверг в ад, в вар и смолу за "*греховные помыслы*" (не о мальчиках ли она смела помыслить?).

Да кто же из нас, нормальных, *не помышлял* (а часто и весьма красочно!) о поцелуях и даже того страшнее?! И я помышлял; да, клянусь, и те святоши, которые меня сегодня осудят, – если только не родились они с тайным изъёмом в плоти, – помышляли не раз, а потом и делали то, за что ребенка грозный Бог иудеев и христиан ввергает в ад!

Не такой ли коммунизм на земле хотели построить большевики, какой рай построили христиане на небе?

Если мыслить разрешается только *благодетельство* (а советоваться, скорее всего, надо с батюшкой, какие мысли благодетельные, а какие нет), и "шаг влево, шаг вправо считается побег, конвой открывает огонь без предупреждения", – то ведь это еще хуже, чем у большевиков! Там-то, пока не шагнул, а только *мечтаешь* об этом, еще не стреляют!

Конечно, благонамеренные мне возразят – да что тебе неймется думать и мечтать о плохом? Мечтай о хорошем, и попадешь в рай! Разве, если бы Господь наказывал воров и убийц прежде исполнения их замыслов, было бы хуже? Разве ты сам не хотел бы, чтобы споткнулись и ногу сломали тать или вор, идущие тебя убить и ограбить, *до* того, как успели придти?

Ах, горько мне, горько!

Пятьдесят лет я верил словам Христа, что Он пришел нас сделать свободными, и так же верил, что и Бог не дал неопровержимых свидетельств своего бытия только потому, что не хотел нас лишиться свободы – ведь то, что Земля вращается вокруг солнца, *неопровержимо* доказано (хотя и оспаривалось долго – кстати сказать, христианами) – зачем же утаил от нас Бог *доказательства* Своего существования?

Но нет, оказывается, это – лживая *свобода веры*, обещанная Сыном, лживая *свобода выбора*, дарованная Отцом – а только чтоб выявить нас, *неблагонадежных*, пока еще мы мучаемся в сомнениях, еще взвешиваем "р г о и с о н т і г а", пока еще страсти одолевают, искушения смущают – и тут-то, за *греховные помыслы*, прежде дел, нас и прихлопнуть!

Вот мой главный упрек христианам: вы – противники свободы пуще большевиков! Те лишали нас свободы писать, вы запрещаете *вообразить* и *мыслить*.

Я это как будто бы знал и обдумывал всегда, и даже в рассказах моих и повестях об этом немало писано – а вот вдруг открылось заново как удар молнии, что невозможно верить в такого Бога, который даже ребенка карает за *помыслы*, и вероятно мою Жанну уже осудил за то, что у нее родители пьют; за них она уже обречена не ходить в школу, просить подавание, спать на холодных скамейках на станции или в нише ларька, продавать пирожки, когда другие дети играют в куклы; а может быть и растлеваться... Но главное, что будто бы это и поделом ей, и что другого она не заслуживает.

И если я попытаюсь вмешаться в ее судьбу, то пойду против Божьей воли.

Но я попытаюсь вмешаться!

Жизнь на краю утомительна. И записки эти, в их теперешней форме, надо заканчивать.

Со мною что-то происходит неладное, то я болею, то впадаю в отчаянье, то мечтаю о смерти.

Лень даже делать что-нибудь полезное. Лень исправлять учебник, лень бесплатно раздавать Металогика (за деньги она никому не нужна); и даже эти записки лень продолжать, внутри что-то мучает, сосет под сердцем неугомонный червяк, требует его чем-нибудь залить, но водка кажется слишком горькой, сухое вино слишком кислым, десертное – приторно сладким... может, хоть пиво будет сегодня уместно?

Да, *жизнь на краю* меня уже утомила; только третью книгу надо бы еще дописать, хотя и иссякло уже вдохновение. Ну, что ж, как смогу, так и допишу. Пусть даже плохо.

Или естественнее замолчать? Уже написанное куда-нибудь спрятать (или сжечь), нового не писать, и переменить течение жизни?

Задал я этот вопрос Саше М--ву. А ему, возможно, еще труднее, он вышел в путь даже раньше меня, и все-таки не унывает. А так же и болезни одолевают его, и "свою Металогика" пишет он без надежды, что кто-нибудь её прочитает.

"Надо делать, что можешь, закончить тот труд, к которому тебя прибило судьбой, остальное уже не твои заботы! – ответил он мне. – Женщина ведь не спрашивает, донашивать ли ей ребенка! [И вдруг оба подумали, вспомнили, что – как же не спрашивает? Да и безо всякого спросу, в наше жестокое и бездушное время, нечаянно забеременев, тут же спешит освободиться от ненужного *бремени!*]... ну, по крайней мере, яблоко еще не спрашивает, налиться ли ему, покраснеть, или так, зеленым и кислым низвергнуться на землю не довершившись?!"

Следовательно, пройдя две трети пути, поздно сворачивать в сторону. Надо завершить начатое, а там, может быть, станет ясно, было ли это главным делом жизни или приготовлением к чему-то более важному, *что* же меня ждет в конце пути и *чем успокоится сердце*.

Сверяясь то с солнцем, то с Млечным Путем,
Мы шли от Эдема на север и выше.

И Ева толкала усталым плечом:

"А, может, вернемся, покаемся? Слышишь?!"

13 октября, понедельник, 17-00, возвращаясь из деревни в Питер.

Пытались уехать еще вчера, но автобус прошел мимо, из ста "гончих" машин остановилась только последняя, поэтому на электричку мы опоздали, еле упросили кондуктора посадить милку в скорый московский поезд до Вишеры, а я с тем же великодушным хозяином "гончей" вернулся в Соинское.

Конечно, это мелкие придирки судьбы, это капельки воды, падающие за воротник, ссадина на колене, просыпавшаяся соль. Но и неприятные мелочи усугубляют тяготы жизни, когда она бесприютна и безнадежна.

Вернувшись, протопил я печь, сварил картошку, истопил баню и пропарился властью, только сердце потом колотилось часто...

А сегодня вскопал с утра две грядки, выдрал у колодца заросли топинамбура (земляной груши), и пошел к Зое за молоком – да вдруг она и сама навстречу идет, с Анечкой.

Конечно, Анечку я обнял и поцеловал в щечку, хотя она и сопротивлялась (правда, кажется, не в полную силу).

19-30. Небо на западе еще светло-голубое, но заря уже отгорела (ах, нет, слабая полоска зари промелькнула меж облаков.)

Благодатная осень пришла, расточая дары,
Недостойному мне распахнула объятия,
Нарядила природу в волшебное платье,
Вдоль дорог и канав расстелила ковры.

Вторник, 21 октября, 8-45 утра. Еду в деревню с запозданием, уже пришли морозы, и снег и изморозь на деревьях...

Но день обещает быть радостным, и слева по ходу движения – розовых "облаков *летучая гряда*", солнце встает... нет, уже, кажется, встало, только не видно из-за леса... а вот уже мы вырвались на простор, и громадный сияющий шар полыхнул мне в лицо.

19-20. Перекапывал грядку у колодца на зиму, и собрал еще полведра картошки. Посадил морковку, присыпал листьями, а сверху мерзлой землей... Но сделать успел не всё, хотя нынче, как видно, последняя поездка в деревню в этом году.

20-55. Печка гудит, суп готов, но в доме пока только +4. Сходил за молоком, а скоро будет готова баня.

Неужели это последняя поездка в деревню, и надо уже проститься с огородом и баней, и перейти на корабль, плывущий...? Впрочем, куда он плывет, я не знаю...

28 октября, вторник, 19-00. С утра было судебное заседание, и я ожидал ареста, но пока еще, падая, "пролетаю только мимо 17-го этажа", поэтому успел даже в Выборгский Клуб к четырем часам, где проходила встреча *пострадавших от советских репрессий*.

Сначала звучала музыка, потом показывали документальный фильм Виталия П--ва про Левашовскую Пустошь (где и со мной *интервью*), и крохотные детки В--ки и Иг--ны зажигали свечи на могиле своего прадедушки, а мы пили вино и водку и плакали.

Ну и, конечно, немало и я выпил и закусил – да, русский человек и на поминках пьет и закусьевает, и на кладбище напивается.

В фильме рассказывалось и о том, как рабочие на собраниях, и даже служащие театров обращались к Сталину с просьбой увеличить квоту на "*расстреляние*" (словечко Ильича) "врагов народа", когда, во второй половине 30-х годов, проходили по городам и весям собрания с требованиями массовых казней... (да и сегодня не требует ли народ наш *усилить борьбу с террористами?*)

Кто любит власть, тот ненавидит Россию.

Конечно, это царь приказывает разжечь костер, чтобы сжечь *праведника*... или всего лишь честного, смелого, не согнувшего шею... – приказывает царь, но несут дрова на костер его подданные.

И не один страх движет ими, но и *верноподданное усердие* пуше страха, норвят они даже вперед забежать палачу, просят – "Дай брошу камень, дай еще побольней ударю! А нет ли тут спрятавшихся его товарищей?"

Вот жатва евангельских слов: *Несть власти аще не от Бога!*

Кто же виноват, что царь сначала стал одесную Бога, потом равен Ему, а потом и выше Бога поднялся?

Только церковь. Не она ли сначала осватила царскую власть, а потом поддерживала в течение тысячелетий миф о ее святости? Как епископы передавали от апостолов сан епископам, так церковь царя объявила помазанником Божиим, богоизбранность распространяя от отца к сыну.

Да неужто мир неизменяем, и что было верно при первом пришествии Христа (если было верно), то верно и до второго пришествия?

Священное Писание возвещает свои истины так, словно они вневременны, не зависимы от истории, *инвариантны* по отношению к ней.

Но разве царская власть – вне истории? И так же формы и способы устройства человека здесь, на земле? Состояние культуры и науки? Язык, литература, театр?

Вот грянула в 17-ом катастрофа, попал русский народ в *точку разрыва*, и заметались иерархи... Тихон святой, и тот заметался – несомненно было, что власть пришла дьявольская, но можно ли ей сопротивляться, или надо покориться, ибо, разве, не всякая власть от Бога, по добродетелям или по грехам нашим?

А может быть, все дело в том, что объявляя себя сведущими во всех житейских делах, часто не за свое дело берется и Церковь, и Священное Писание, и хорошо еще, что на семинаре по *теории аналитических функций* или по *теории движенья планет* сегодня не раздается уже грозный инквизиторский голос – А посмотрите-ка в Библию, что там написано, подтверждается ли Библией данная формула?

Хотя, правда, Родзянко-сын, знаменитый епископ-проповедник, рас-суждая о "возникновении" вселенной в результате *изначального взрыва*, пытался *оправдать* астрономию Библией (даром, что Галилея чуть не сожгли, и Коперника с его *гелиоцентрической* системой мира предали анафеме, а Джордано Бруно сожгли). К счастью, астрономия не оправдывается Библией, и священниками она не оправдывается, а вот астрономы "*оправдали*"-таки Библию (ибо ученые чаще всего умнее священников), и как остроумно заметила одна астрономша, говоря об этом пресловутом изначальном взрыве сверхплотного "недобытия" за сверхкраткое время: "Мне больше нравится библейский рассказ о сотворении Богом мира *из ничего*, степенно, неспешно, *за семь дней!*"

Так за свое ли дело берется церковь, рассуждая о государственном устройстве, о святости царской власти и о греховности гражданского общества?

Да и так ли однозначно высказаны в Евангелиях твердокаменные истины, на которых основывается святость власти?

Разве, показывая на изображение кесаря на динарии, не сказал Христос – *Отдайте кесарю кесарево, а Богу – Богово?*

Почему же церковь велит кесарю отдавать Богово, а Богу – кесарево?

Ночь с 19 на 20 декабря. Вот уже и суббота грядет, а мне все еще плохо, хотя судебное заседание, с которого я боялся отправиться прямо в тюрьму, состоялось еще в среду днем.

Но вечером я пил сухое вино у Лёни Я---ва, на следующий день ходил в баню, чтобы поправить здоровье, после нее заливал топку в груди пивом и домашним вином... а вчера у Маркияна выпил сто грамм водки. Грешу я уже, как будто, помалу, но, видно, терпение небесных моих покровителей совсем иссякло, и уже и за малые грехи они меня сурово наказывают.

Правда, у Лёни я выпил больше половины литровой бутылки с вином (а после оказалось, что была она даже *полуторалитровой*).

На столе стояла, как и в прошлый раз, обильная и изысканная закуска, вино было превосходным, и только закоренелый негодяй не был бы счастлив!

Так что ж ты на народ негодуешь? – пенял мне Лёня. – А я вот смотрю окрест себя, и душа моя радуется, столько хороших людей вокруг!

Да и я смотрю... – отвечаю, – и вправду, кругом прекрасных людей больше, чем извергов.

Так за что же я нападаю на свой народ, обличаю его с яростью, смешанной с отчаянием? И кого я обличаю, кого ненавижу? Ведь и я – часть народа, и мать моя, и семья – нас-то обличаю ли я?

К тому же, если все подданные государства – это и есть народ, то я буду всегда в меньшинстве; если большинство определяет, за кем истина, то мне уже заранее надо сдаваться, за меня проголосуют двое, за остальных – все остальные. Народ говорит: "Оставь нас в покое (да не могильный ли это покой?), мы как хотим, так и живем, это наше дело, не лезь куда не просят!" – что мне возразить? Я ведь не Сын Божий, как Христос! Я даже не сын народа, а скорее – Враг народа!

Тридцатого октября был я на Левашовской Пустоши, где сорок тысяч расстрелянных; особенно поразила меня женщина, стоявшая на коленях у дерева, к которому была прикреплена фотография ее отца. Когда я шел обратно, она все еще рыдала, иногда прижимаясь головою к дереву, как к могильному кресту. Расстрелы, как град, прошли с 37-го по 41-ый, прошло уже *более шестидесяти лет* с тех пор, и ей, следовательно, не меньше, – а она все еще убивается.

А сто́ит мне обратиться к народу с упреками, с требованиями покаяния, мне отвечают – *начни покаяние с себя* (и этой женщине, если

еще не простила она тех, кто виновен в смерти ее отца, ответят то же – но в чем ей каяться?); или повторяют слова Христа – *Не судите, да не судимы будете!*

Если решает большинство, каяться или нет, каких вождей избирать, каким богам поклоняться, то поскольку и в самые мрачные годы террора те, кого втоптывали в грязь и в снег пересыльных дорог, в вечную мерзлоту Колымы, в Левашовскую Пустошь, в тысячи других пустошей и болот, составляли, все таки, меньшинство, жуткую *десятину заклания*, то остальные девять десятых... эти остальные или их дети **не** проголосуют за *покаяние*.

Да не было ли и немецкое нашествие возмездием народу за его **вины** – сначала за разгром Российской империи, потом за погром против образованного меньшинства, потом за десятилетия погрома против инакомыслящих, противостоящих, *против мыслящих и прямостоящих* – когда серая покорная масса уничтожала своих лучших сынов? Но ведь и в войне погибли невинные, самые молодые, по большей части честные и бесстрашные, еще не успевшие ни за что проголосовать, страшная *десятина заклания* была принесена в жертву за чужие **вины** – а сегодня слепая часть (праведного ли?) "остатка" поклоняется Сталину, приводит доводы в защиту своего поклонения... не станем спорить, отвернемся от них, пока они и нас не втопчут в грязь под новыми знаменами старой *нечистой силы*.

И кто же те, кто негодует на мои обличения, представителя меньшинства, отщепенца?

Это те, кто голосовал за казни. Или их дети. Или дети детей.

Нас, приносимых в жертву, всегда меньшинство, мы никогда не защитим свою истину против оставшихся жить.

Если народ расколот (а народ расколот всегда), и спрашивается, которая из двух частей народ, то, кажется, что *наибольшая* часть. Не народ – Колчак и Деникин, Гумилев и Клюев, протопоп Аввакум и Николай Вавилов. Ухтомский и Павлов. Епископ Лука и патриарх Тихон. Даниил Андреев и Варлам Шаламов. (Да и Пушкин, призывавший – *"Поэт, не дорожи любовью народной!"* – не народ). И что я отколот, *отщеплен* от народа, что я *отщепенец*, что я, следовательно, не народ – очевидно.

Но народ ли те, с кем я спорю?

Вот только что были выборы, "народ" сделал свой *выбор*, и этот выбор не красит его – но, может быть, это, все таки, не народ, а *электорат*, как ласково называют его *избранные*?!

И все таки, исторический прецедент, когда было признано *всенародно*, что *права* была его меньшая часть, был – на Нюрнбергском процессе осудили не только Гитлера и нацистскую партию, но и государство в лице его важнейших институтов – Гестапо, Абвера и Вермахта, *осудили и немецкий народ*. Позже этот народ и сам признал свою вину и *покаялся*, и даже церковь в "непротивлении злу" *покаялась*.

Итак, с одной стороны – верноподданные и патриоты; с другой – кучка отщепенцев, их так мало, что можно по именам перечислить, – здесь и я, чей голос тоньше комариного писка, и Варлам Шаламов, призывавший *не кадить* народу, и Пушкин, призывавший *не дорожить* его любовью.

Разумеется, я никому ничего не докажу, да меня никто и не слушает. Может быть, единственное, что мне когда-то удастся – доказать какую-нибудь мелкую математическую теорему, или сочинить стихотворение о любви – вот тем и утешусь.

С горечью понимая бессмысленность и безнадежность своих обличений, не буду я больше обращаться ни к кому из тех, кто принадлежит к большинству; даже к Богу обращаться уже поостерегусь, *Бог* ведь тоже *принадлежит большинству*: Он принадлежит церкви, а церковь принадлежит верующему народу – будет ли меня слушать послушный им Бог?

Тише, тише! – говорю я себе. – Успокойся, не кипятись, не кричи, а лучше говори шопотом, так к тебе больше прислушаются.

Так или иначе, в 17-ом году произошел геологический сдвиг земных пород. Власть и богатства перешли от "*верхнего слоя*" нации – к "*низам*" – прежде всего, к инородцам, а во-вторых к социальным низам – солдатам, матросам, рабочим, мещанам, а скоро прежние верхи были и вовсе содраны с Российской земли, частью уничтожены, частью выметены океанским валом Гражданской Войны за пределы России.

Такого в истории человечества не было никогда, даже в Китае, во времена "Культурных революций", случавшихся в его истории не раз, такого полного разлома общества на две части – *верха* и *низа*, и такого полного уничтожения одной части – *верхней* – кажется, не было.

А я еще говорю о Покаянии... Произошло нашествие гуннов, будут ли гунны в своем нашествии каяться?!

Так за что же я так на свой народ нападаю, какой злой упрек бросаю ему в лицо? И кому? Весь ли я народ обвиняю, большую ли его часть, *верх* или *низ*, *ближних* своих или *далёких*?

Обвиняю ли я своих *современников*? Нет, я понимаю, что сделать мы ничего не могли, даже пылинку подвинуть в бетонной большевистской *тюрьме*, пока *хозяева жизни* сами не перестроили ее нам в *вертеп*.

А мы ничего не значили, не мы указывали, как надо жить, но или наши отцы, или их младшие братья, а в девяностые годы хлынули вдруг, как слепни в засушливый год, *юркие и прыткие*, разодрали Россию и проглотили ее с такою прыгью, какая и *комиссарам* не снилась.

Но и поколению родителей наших бросаю ли я злой упрек? Пропитавших кровью своей каждый метр земли от Волги и до Берлина; вспахавших на себе поля, вскормивших нас лебедой и крапивой?

И они не виновны! Среди тех, кто учил меня и воспитывал – притеснителей не было!

Так, может быть, *деды* наши во всем виноваты? Мой дед не воевал ли в отряде краснозеленого атамана Галушки?

Но когда его расспросил я пристрастно, оказалось, что не знает он толком, с кем и против кого воевал.

За землю и волю! – был его краткий ответ.

Ну и получил он *землю и волю* на краю российской земли, и если бабушка его работала на пана три дня, и три дня на себя, отдыхая, как положено христианам, в день воскресный, то на колхозного ("народного") пана работал мой дед все шесть дней, даже и в воскресенье, а на себя – по ночам!

Так что же я ставлю в вину своему народу?

Деды наши, воевавшие *за землю и волю* – с одной стороны, и *за Русь святую* – с другой, обильно полили кровью своей *землю святой Руси*.

Что же до отцов, то их полегло и вовсе неслучайно – под Сталинградом, Москвой, под Курском, на Одере, под Берлином; на Колыме, Воркуте, на "народном" канале, на "комсомольских" стройках, на осушении, обводнении, спрямлении и повороте...

Мой малый народ почти весь полег, вот оттого и некому мои книги читать. Уничтожено всё, что он создавал почти тысячу лет.

Изменился химический состав бытия. Отравлен воздух, реки и озера, леса и болота – но сфера культуры, дух бытия уничтожены еще более основательно и повсеместно. Содран тонкий культурный слой, на котором только и могло расти что-нибудь путное, и навалены груды мусора, шлака, отходов, отбросов, покореженного, покосившегося, изодранного, ветхого, ржавого и негодного...

Я рос и воспитывался, внимая еще остаткам прекрасного. А чему внимать моей Настеньке? И ее детям?

Вот, например, даже тебе, мой читатель, приходилось ли видеть старинные бóры и дубравы, нетронутые леса? Сохранился ли где-нибудь, кроме неприступных алтайских ущелий, вековой кедрчак? А я ходил в кедровый бор за орехами, ночевал у костра, слушал шум ветра в вершинах царских деревьев. Я ползал, как белка, по кедровым ветвям, и бросал вниз смолистые шишки.

Сосновые бóры еще есть кое-где, листовичный шумит около Питера, насаженный Петром Первым. Но в моей Сибири дикая тайга, с ее сладостным запахом, сравнимым лишь с ароматом мёда, уничтожена вся. Даже осиновых роц (хотя осину не вывозили на продажу в иные земли), и то не осталось.

Культура и жизнь в дворянской России были неразделимы, культура пропитывала состав жизни так, как лимфа и межклеточная жидкость пропитывают тело человека, как кровь орошает его органы и отделы.

Деревянные и каменные дома, построенные *до* революции, которую до сих пор потомки ее называют Великой, отличаются от временных сооружений послереволюционной эпохи так же, как романы Толстого от бульварной литературы. Остались они еще в Петербурге, отчасти в

Москве, крупинками золота доживают свой век в иных городах, где *не дошли* до них руки, не сломали, не погубили, *не растерзали!*

Даже в деревнях домá 19-го века, несмотря на ветхость, производят впечатление старых аристократов в плену, боевых генералов, обремененных ранами – резные наличники, коньки на крыше, высокая подклеть, соразмерность пропорций...

Большевицкая эпоха заменила храм и крепость на тюрьму и барак, и все строения ее одинаковы – жилища, фабрики, шахты для запуска ракет, концлагеря, доменные печи, дворцы съездов!

Упадок зодчества, разрушение среды обитания очевидны. Как кратко сформулировать то, что произошло с городами? *Они заросли бурьяном.* Свалки и пустыри, трущобы и гетто пустили в них свои ядовитые побег. Старинные города приросли беспорядочным нагромождением тысяч бараков, и всё, что было в них достоинством, потускнело, съежилось, уменьлось, даже в Петербурге многие улицы потеряли свой прежний вид, как, например, Лиговка, Широкая, Средний проспект... даже купеческий городок Канск на моей *малой Родине* прирос бурьяном и лопухами.

...Продолжаю об "экстерьере и интерьере", о благолепии и соразмерности быта.

В конце шестидесятых случилась на Невском первая, пробная *перестройка*, начали заменять оконные коробки, рамы и переплеты, и вместо старых, из дуба и ясеня, стали ставить новые, из трещатой сосны и гнилой осины. Выломали всё – ручки, шпингалеты, засовы, болты, крепления – из бронзы и меди, латуни и никеля, всё, что радовало глаз полировкой и отделкой линий, благородством формы и матерьяла, заменяя корявыми, сучковатыми, ржавыми и кривыми. Изъяны, конечно, попытались скрыть за тоннами краски, как одряхлевшая кокетка скрывает за румянами дряблость щек.

В булочных и кофейнях величественные прилавки и буфеты заменили на мучные лари, обитые штукатуркой из фанеры, поверх старого паркета начали прибывать аршинными гвоздями новые сосновые плашки. Каминь в вестибюлях сломали. Цветные витражи на окнах вдоль лестниц разбили. Гранитные ступени лестниц заменили на асфальт и бетон.

Возобновилась война, беспощадная война нечистой силы с изяществом и красотой.

Если читатель не собирал предметы старины, если не прикасался к культуре *золотого и серебряного веков*, не бродил по старинным улицам, не слушал Шаляпина и Смирнова, Варю Панину и Липковскую, Вяльцеву и Плевацкую, Карузо и Галли Курчи, он меня не поймет, не внимающего "мастерам пролетарской культуры".

Учреждения, в которых я работал после "практикума по социализму", размещались в бывших Великокняжеских дворцах, мы ходили по разгороженным их залам, но даже в обветшавших помещениях слышались "колокола и колокольчики", и я внимал их плачу и звону.

Народная власть испоганила все, что получила в наследство от

своего народа – храмы, поместья, дворцы, сады и парки, даже кладбища и мостовые (для чего же еще мостовая на Конюшенной улице была выложена из могильных плит монастырского кладбища Лавры?!)

Дверные ручки, дверные звонки, подсвечники и хрустальные люстры... высокие потолки, атласные шторы, резная мебель и чугунные решетки каминов... Проведите прямую линию из дворца в конюшню – "Дворцы культуры" советского времени – это конюшни той эпохи, когда еще существовала *культура*.

Высокое наполняло и деревенский быт. Вышитые полотенца, окаймлявшие деревенскую икону в *красном углу*, составили бы гордость Лувра. А кованые сундуки, узорные прялки, конская сбруя, ковши для кваса!? Даже гаубица царского времени, которую изучали мы в университете, "готовясь к войне" (хотя устройство ее считалось "государственной тайной!"), была эстетически безупречной. Красота пронизывала и жизнь и смерть, а в советской России стало и жить и умирать некрасиво – как тоскливы современные "Елисейские поля", и как "*светла наша печаль*" на старинных кладбищах (где орды вандалов, воспитанных советским обществом, переломали всё, что могли, – но даже полуразрушенные памятники, кресты и надгробия примиряют нас с миром!).

Революция гигантской расщелиной пролегла по России и душам людей, словно раздвинулась земная твердь, и ухнуло в пропасть достойное, а осталось здесь, на нашем берегу, одно недостойное.

Выродилось всё, и промышленность и ремесло.

Но кто поймет мою горечь?

Может быть, тот, кто дышал воздухом старого Петербурга, кто помнит фасады его чуждых зданий, взбегал по их мраморным лестницам, открывал дубовые двери, звонил в медный дверной колокольчик, открывал стрельчатые створки тяжелых окон, распахивал струящиеся портьеры, наливал шампанское в хрустальные бокалы, или хотя бы ел плотный деревенский хлеб, ароматный как парное молоко, гречишное поле на рассвете, свежее сено и старый мед.

Радовали глаз даже обыденные предметы ушедшего быта – не только взлеты гениев, изделия известных мастеров, а заурядное, ежедневное – от деревянной миски до подсвечника, от тульского самовара до ручной кофемолки – настолько они были изящны и соразмерны в сравнении с современным "ширпотребом", в котором безобразно всё – кухонная табуретка, лакированные серванты, здания, дворы, лестницы и лифты!

Фанатики "светлого будущего" уничтожили старую культуру. Но и те, кто подчинил свою жизнь погоне за благополучием, кто целесообразность поставил выше красоты, не нуждаются в ней больше. Тщетны ныне заклинанья поэтов.

24 декабря, среда, 19-00. Подводя черту.

Но что же это значит – *подводя черту*? Прощаясь с жизнью, что ли? Составляя завещание, отдавая последние распоряжения?

Впрочем, не буду слишком уж выяснять, что это выражение значит, возможно, оно мне просто понравилось как *красное слово*, как нравится *голый пупок*, открытый теперешними девичьими кофточками.

Но как и та, у которой открыт, не обязательно даст охотнее той, у которой еще не открыт; так и то, что я *подвожу черту*, не значит уже, что я прощаюсь с читателем. Может быть, и прощаюсь... а может и нет...

Правда, постараюсь все же отныне уменьшить обличающий напор, и буду разговаривать спокойнее, прежде всего стараясь объяснить, почему я чувствую и говорю так, а не иначе, и уже во вторую очередь – убеждая яростно в своей правоте.

Неразрешимые задачи
Достались мне. Экзамен длится
Уже полвека, но к ответу
Я не приблизился. Молю
О разрешеньи пересдачи.
Растает мгла, блеснет зарница,
Взгляну в сияющие лица,
Откроюсь весь навстречу свету,
И жизнь, как в детстве, полюблю!

Но кому я пишу свои записки, к кому обращаюсь?

Ведь не только *неразумные* со мной не согласны, читающие *про разбойников*, но и *разумные* со мной не согласны, читающие *святых отцов*. Со мной не согласны даже мои друзья и родные.

Так разве кто-нибудь еще со мной остается?

Да, есть и со мной.

Есть одна *читательница*, которая хотя и вычеркивает из моих записок слова и фразы, а то и страницы, но прочитала их внимательно вплоть до запятых и ударений.

Могло ведь случиться и так, что ни один человек не прочитал бы того, что я пишу – насколько беспросветнее было б мое отчаяние!

А теперь – я еще не до конца одинок. Меньше, чем те, кого наспех спихивали в общие ямы как лютых врагов народа.

А когда я всё же останусь один – и это, возможно, случится скоро – меня согреет память о том, что одна из читательниц сочинения мои прочитала, другая, не читавшая, со мной целовалась!

Ночь на 31 декабря (или раннее утро?..) Я еще не собирался проснуться, но вызвали меня к "директору школы" держать ответ за очередную *шалость*, и вот лепечу я жалкие оправдания... Да и не оправдываюсь, а только повторяю, всхлипывая: *я больше не буду...*

Но, вероятно, это стояние в углу (хотя, к счастью, не на битом стекле, а на горохе) и необходимо и своевременно, слишком уж я разошелся, и самонадеянно стал подвергать критике то, что знаю сам смутно.

А с вечера ещё мое сердце спотыкалось не шибко, я только сокрушался, что пока не способен так разъяснить чужие заблуждения, чтобы хоть самому разглядеть в них изъян.

Ночью, просыпаясь от *спотыкания*, думал я, что дороги, по которым движется наша мысль, потому так завалены, столько на них *камней преткновения*, что мы по ним еще и не учились ходить, а только ползаем, и многие даже малые препятствия, которые бы мы не замечали, если бы умели ходить, нас останавливают.

И надо нам *просветлить* душу, прежде чем об *Откровении* рассуждать, а тогда мы поднимемся к такому состоянию бытия, в котором наши *преткания* на плоскости рассуждений перестанут быть действительными, и тогда, доказывая, например, что некоторая дорога ведет в Рим, мы в *просветлении* вдруг увидим, что и "*все дороги ведут в Рим*". Так лист бумаги, расчерченный линиями, представляет бездну неодолимых преград для двумерной фигуры, но когда переходит она в трехмерное состояние, линии эти становятся для нее несущественны.

Еще *просветление души* можно сравнить с мытьем закопченных оконных стекол; или протиранием запотевших очков – мы ведь смотрим на мир сквозь ткань нашей души, а когда душа непроницаема, видение наше смутно и неверно.

Следовательно, надо мне пока отложить *Критику догматического сознания*, ибо я еще сам в *бессознательном* состоянии; и надо мне пока отложить дерзкую *Критику догматической веры*, ибо я еще сам "*иноверец*", – а надо взять котомку и посох, и отправиться в *Путь*, который называется – *Отбеливанье Льна*.

Вот когда пройду по нему достаточно, чтобы начать видеть и сознать, можно будет вернуться к критике – но всё ли тогда останется в ней актуальной?

...Пожалуй, уже раннее утро, и, наконец, отпускают меня из темного угла, в котором я стою на горохе, и хотя сердце еще иногда сбивается, кажется, удастся заснуть – впереди длинный последний день нынешнего нелегкого года, а затем радостный Предновогодний Вечер.

Господи, прости меня и в этот раз, как Ты уже прощал меня прежде. Все же я пытаюсь стать лучше.. авось и удастся?...

Ночь на 31 декабря по старому стилю. Сплю плохо... Но не в том беда, что спал плохо сегодня, или вчера, однажды с выпивки или как-то с грусти, от дум, неудач, разочарований... Да, и от этого от всего тоже, но пуще от того, что – как будто бы и в целом уже распадаюсь.

Я болен, *всё* болит, а к врачу не иду, на него уже ни энергии, ни времени не хватает. Врач, правда, мне возразит, что *всё* болеть не может... ну, не всё болит, а – почти всё... И, конечно, не круглые двадцать четыре часа, а.. скажем, "треугольные".. С вечера не спится, рассуждения одолевают, сил их записывать уже нету, да и пользы в том не вижу, они проходят сквозь меня, досаждают, ломают душу и кости, и постепенно истончаются. Но заснуть не могу, болит спина, болит шея, ноет рука до локтя, а в локте еще сильнее, я руку свешиваю, засовываю под себя, поднимаю вверх... к пяти часам утра боль становится меньше...

Но с этим жить еще можно, бывает хуже, когда всё тело мешает, не знаешь куда его деть... А хуже всего, когда мешает душа...

Однако, большей частью страдаю я даже не из-за своей души.

Есть ли смысл в жизни? Я его не вижу. Или – вижу, что его нет... Но не все плохо, я чувствую, что зато возможен смысл в смерти, например, в том, чтобы пожертвовать собою для спасения ребенка. Правда, жить так, чтобы быть готовым к самопожертвованию в любое время, я пока не могу, я еще живу для себя и для своих удовольствий, да и смерти еще безумно боюсь, хотя и думаю о ней постоянно.

И к врачу не иду не потому, что мне наплевать на себя, а только потому, что лихорадочно спешу дописать эту книгу, или приготовить ее к печати хотя бы и в незаконченном виде. Спешу потому, что времени мало, боюсь умереть *раньше времени*. К тому же подстерегает тюрьма, а если не успею ее напечатать, тогда и предыдущие мои сочинения окажутся ни к чему, потому что в них только условия "теоремы", которую я надеялся доказать. А если доказать не успею, то не только книги мои окажутся ни к чему, но и вся моя жизнь окажется ни к чему тоже.

Ясно вижу, что до сих пор ничего нового не сказал, ничего не объяснил, написал бледно и неубедительно. Каждый день бывает такая минута отчаяния, что в ярости я готов разорвать рукописные и печатные листки вместе с компьютером, на котором набираю свои "глаголы". Может быть, хоть "Критика догматической Веры" окажется лучше, в ней как будто кое что вижу я уже не при свете тьмы, как другие, а при свете света.

Однако, если я объясню, что Вера наша "ошибочна и тщетна", в чем я найду истину и утешение?

В любви.

Не в бессодержательной любви преимущественно "к врагам", за которой стоит не реальное чувство, а отвлеченность или растворение в Боге, а в жизни для России, для Культуры (во всей ее полноте – от Евклида до русских романсов), для близких, для Женщины.

Вот потому, что я еще надеюсь понять то, о чем всю жизнь бесполезно думаю, яснее и внятнее, и привлекательнее о том написать, еще не сжигаю я ныне написанное, а продолжаю писать дальше.

Хотя и не всё исчерпывается Россией, культурой, близкими, любовью к женщине.

Есть еще *Тайна и Чудо*, но:

Тайна и Чудо невидимы. Полог

Надвое мир разделил.

Сердце томит ожидание. Долог,

Господи, взмах Твоих крыл.

Есть еще *Вдохновение*, которого давно нет. (Христиане, правда, уверяют, что вдохновение не от Бога, а от дьявола – *подавляющее большинство* христиан так полагает... и в этом, увы, безрадостный каламбур – в большинстве своём христиане всегда – *подавляющие!*)

Есть еще *Духовная Свобода*, без которой нет диалога с Богом. Для христиан Духовная Свобода – второе имя Дьявола. Ибо они суть *рабы Божьи*. И смысл земной жизни видят не в духовном освобождении, а в окончательном *ураблении* Богу, чтобы перестать дышать, мыслить, чувствовать в качестве *отдельного* – а поскольку дышать, мыслить, чувствовать *отдельно* от Я невозможно, то, следовательно, перестать дышать, мыслить, чувствовать!

Есть еще *Благодать*.

В другом человеке увидеть ее легко. Она похожа на теплые руки матери. На улыбку, которая направлена от другого вовне. На пожеланье добра. В ней сосредоточены радость, сострадание, любовь, забота, вдохновение – всё это вместе, только в превосходной степени. *Благодать* непременно присутствует в любящих. Но она меня оставила. Я почти весь наполнен горечью, хотя и оправданной.

Есть еще *Пробуждение*. В нем становится слышна музыка мира и видима его красота, душа и мир *открываются* навстречу друг другу и наступает *Откровение*, о котором сказано в Пушкинском "Пророке".

И, наконец, есть *Духовное Преображение*.

Если бы они коснулись меня хоть краем крыла, я смог бы написать обо всем не теми вялыми и бесцветными словами, какими пишу теперь, а иначе, в другом состоянии – *сначала словно легкое дуновение ветерка*, радость восторга, потом

Но я еще надеюсь, что смогу написать так хотя бы о немногом. Поэтому спешу закончить эти записки в их несовершенстве, и поставить точку под затянувшимся Предисловием к будущей Книге.

Поставив точку (а уже я дописываю, и переписывать не буду, оставляю как есть) – пойду я к врачу, куплю волшебные капли, волшебную мазь, – а, может быть, поправлюсь *без капель?* – и возьмусь за учебник математики, и это меня оправдает в глазах моих близких, что взялся, наконец, я за ум, и от этого станет легче в душе, а может и сердце слегка успокоится?

Я еще надеюсь, вдруг разгорится на небесном своде северное сияние, свет заполнит душу, зазвонит колокольчик, исполнится Обещание, поднимут меня с сырой земли небесные силы, и я напишу как должно!

"Кому я пишу? – спрашивал Георгий Бурков в своей последней книге. – А пишу я в могилу, на которой стоит памятник моему другу Василию Шукшину!"

Я – счастливой Буркова. Помимо покойного друга, с которым мы были единокровны, есть и живые, которым безразличны мои слова.

Во-первых, есть мои близкие, и если они будут меня читать, то, быть может, поймут, зачем и о чем я пишу.

Есть еще и друзья, в том числе *тайные* (а, как известно, тайные друзья, как и тайные враги – наибольшие) – им я тоже не безразличен!

И все же многие меня упрекают, что написал так много, а так мало сказал...

Следовательно, надо подняться выше. Нелепо теперь говорить, что надо писать по другому, потому что все равно ни я, ни другие не скажут, как это *надо*; а когда поднимусь – если поднимусь – тогда станет ясно.

Еще я слышал упрек, что пишу я кровью, а *надо легче писать*... Это неверно, я и теперь пишу иногда слишком легко, а вот крови мало, отчаяние еще не смертельно, огонь еще не так горячо полыхает.

Возможно ли спокойно писать о следователях и прокурорах, укрывающих виновных в гибели подводной лодки "Курск", гибели заложников Норд-Оста, убийств в Чечне, убийств новобранцев сегодня, воровства вчера? Трусливые, наглые, жадные – разве не будет о них сказана правда? Ибо *что тайно сегодня, то завтра станет явно!* Кто был верен Сталину, некоторые еще живы, спят ли они спокойно? Настанет время, я доживу, и этих еще заклеят! Я переживу и болезнь, и арест, тюрьму, ломоту в костях и в душе, я научусь писать, и еще напишу так, что взвоют они от ужаса и тоски!

Вчера была "презентация" уже напечатанной моей второй книги (вот этой самой, которую я еще только дописываю – *Примечание через два года*); сначала говорили о книге, потом пили водку, и две милых дамы пели под гитару свои романсы.

Вот только что вылил я на эту страницу столько ярости – а если бы сумел, вылил бы еще больше ярости, зло и растление невозможно ненавидеть умеренно! – но сколько прелести было в том вечере!!

Так если бы мне предстояло умереть вскоре, чем бы закончить эти страницы?

Закончить их следовало бы любовью. Я стою на пепелище, звучит финал славянской симфонии, начинается Воскресение... Простите меня, те кто любит, и кого я люблю, за мою боль и ярость. Больше я не буду кричать. Замолчу или стану тише. Я истончу и душу и плоть.

Простите меня те, кого я обидел. Поздно вычеркивать слова и абзацы. Не думайте, что обидные слова я подбирал хладнокровно. Нет, и собственная моя душа кровоточит.

Я люблю больше, чем ненавижу, ярость и ненависть – от любви.

... Но, впрочем, не слишком ли уже много ел? Оттого, что мы станем умильны и *благостны*, разве что-нибудь изменится к лучшему?

Если пожалеем, простим, позабудем то, что нельзя забывать и прощать, разве что-нибудь изменится к лучшему?...

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Последние деньки на воле

*Последний нынешний денечек
Гуляю с вами я, друзья.
А завтра, только лишь светочек,
Заплачет вся моя родня!*

Январь – Июнь 2004 года

27 января. Сегодня – шестьдесят лет со дня снятия Блокады. За девятьсот дней ее умерло от голода и холода более миллиона мирных жителей, погибло около миллиона солдат.

Немцы потеряли под стенами города 130 тысяч, на каждого убитого немца наших великомучеников погибло **пятнадцать**.

В чем же моя вера, в чем обетование? В чем вижу я *святость* и *праведную жизнь*?

У меня два героя – Жанна Д'Арк, и Иисус Христос.

С ними связаны и моя Вера, и мое Обетование.

Дело и Призвание Жанны состояли в ратном труде во имя спасения Франции и в жертве ее на Костре, ее подвиг – сердцевина ее религии, без нее христианство для таких как я – мертвó.

Откровение Иисуса Христа также не в Его поучениях и ссылках на Ветхий Завет, а в Его подвиге, в Его жажде искупить Собою грехи человечества, и в самой искупительной жертве – распятии на Кресте.

Крестом и Костром *оправдали* они человека.

Жанна мне ближе, она пыталась *изменить мир к лучшему*, и смогла разжечь тот огонь, в котором хотя и погибла, но Францию – *очистила*.

Кажется, что этот огонь горит и в моей душе, жажда *справедливости* во мне даже сильнее, чем жажда любви. Я хочу, чтобы Россия стала *достойной* страной, вызывая восхищение и гордость, а не скорбь и презрение. Ради этого необходимы Покаяние и *Суд над живыми и мертвыми*. Ради этого и были мои *затеи*, создание партий и издание книг. Ради этого я пишу Металогика. Ради этого взываю к Богу и *требую* у Него помощи. Но не помогает мне Бог в преображении России. Помог ли Он Жанне?

У меня есть мечта о просветленной России... – разве хуже меня те, кто "просто живет", но при этом не делает зла? Кто работает ради заработка, но при этом делает благое дело? – врач, излечивающий больных; крестьянин, выращивающий хлеб; строитель, строящий дома, фабрики, мосты и плотины; актер и музыкант; учитель; типографский рабочий?

Кто не делает зла и хорошо работает, разве не приближает мою мечту, хотя и не *мечтает*, а я, мечтающий, но не излечивший больного, что сделал я?

Так, может быть, и вправду оставить мне обличения и призывы, а самому взяться за какое-нибудь дело, которое я смогу хорошо исполнить, – например, подметать улицы? И вот, объединенными усилиями

работников, работающих старательно и хорошо, Россия постепенно и выправится, тем более что уже и проценты начали убывать, отмечающие убывание экономики, и возрастает «наполнение бюджета»?

Трудно возражать неопровержимым истинам.

Ведь и в самом деле, если каждый будет делать хорошо свое дело – этого разве не достаточно?

Однако, и при советской власти подавляющее большинство народа трудилось *в поте лица своего* не отлынивая, мать моя на себе пахала (как и большинство послевоенных деревенских баб), бабушка пряла до поздней ночи, дед мой сено косил для своей скотины при свете луны, но, несмотря на это, из великой Российской империи, раскинувшейся на полмира, мчащейся наперегон самых развитых стран, остались ошметки и головешки, каждый второй – пьяница, дети больны уже в материнском чреве, население убывает, лица безрадостны, мужчины доживают с трудом до шестидесяти... – и вот – работают и "*просто живут*" – безупречно, а Россия – тонет!

Не так ли и Титаник потонул, хотя даже те, которые танцевали в ресторане, не делали ничего плохого?...

Но если тонет Российский корабль, то не надо ли бросить всё, даже умирающего на операционном столе, и броситься останавливать воду, хлещущую в пробоину, а иначе и умирающий умрет, и не думающие о смерти!?

Впрочем, рассудим и иначе, более спокойно, без пафоса.

Все, делающие дело в России, работающие добросовестно, подобны гребцам на *подневольной* галере; все машут веслами, и делают, казалось бы, общее дело, но сносит галеру течением и ветром все дальше от цели – да и нет ее у гребцов!

Мечта о просветленной России подобна тому, что отныне каждый, продолжая, казалось бы, прежнее дело – пахать и сеять, учить и строить – начнет делать совсем иное дело – спасать гибнущую Россию, строить ее и преображать. Итак, я утверждаю, что *просто жить*, хотя бы и не делая зла – не достаточно. Не брошу в *простоживущих* камень, но пусть они ответят своим детям, которые уже через десять лет их спросят: вы жили достойно, и нас родили и воспитали, вы работали добросовестно, – но «пал Сталинград» и пала Волга, враг взял Урал и Сибирь, пала Россия – где же нам теперь жить? Да и хотели ли вы спасти Россию, хотя и жили достойно – но для себя?!

Просто жить, не имея еще другой цели, не совпадающей с «*простоживаем*», то есть цели жить для России, или хотя бы для «*строительства светлого будущего*» – значит жить *недостойно*!

Жизнь, не освященная высокой метафизической целью – бесцельна!

Но, может быть, те, кто *живет для Бога*, имеют достойную цель? – Но живут ли они для Бога, еще Бог весть! (и у недавних завоевателей на знамени было начертано – С нами Бог!). Видели ли они Бога одесную себя и беседовали ли с Ним на троих, «*разлив по туземьдесят граммов*

на брата»?! Нет, они стояли на коленях и молились, не смея поднять голову вверх и уперев *очи долу* – как же могли они видеть Бога, коленопреклоненные?!

Живущие «для Бога», то есть для свода правил, «закона», «субботы», и ставящие своего «Бога» раньше России и человека – *ветхозаветны* – так для какого Бога они живут? Ибо ветхозаветный Бог «жил» для ветхозаветного Израиля, Он Бог Авраама и Исаака (но не нашего *Ивана...* увы, *не помнящего родства...*). Итак, живущие для субботы субботе и поклоняются, и их Бог и есть *суббота!*

Вот так же не на наших ли глазах и поставившие «светлое будущее» выше и впереди человека, закопали и русских и Россию, опутали ее Гулагом, раскатали по камешку храмы, пустили врага на Волгу, и вот мой отец (из-за них) вместе с миллионами других праведных погиб на амбразуру, спасая Россию. Сейчас виновные моим словам не внемлют, но я и на том свете еще спрошу и потребую объяснить, кто виноват, что убито десять русских на одного немца, хотя не глупее русские немцев, не ленивее, не трусливее. Но сидит в нас два народа, и негодяи кричат «мы за ценой не постоим!», – но это *наши* косточки, а не их, белеют по перелескам, и это *мой* отец закрывает своим телом амбразуру, это моя мать и бабушка и сестры сродников моих мякину и полынь мешают с мукой и пахнут на себе, и на себе возят дрова из лесу, а я свой крест хотя еще не донес, но не замедлит и он быть – их *цену* и я заплачú!

Перешел враг сегодня уже за Волгу, но откатим их полчища мы и от Урала и от Сибири на восток и на запад и крайний юг, только не лягут ли на амбразуру теперь уже сто миллионов, а оставшиеся пятьдесят не закричат ли вновь "мы – великий народ!" и "не постоим за ценой!"?

Какие цели ставит наше правительство?

Если бы у него была душа и она болела, не обратилось ли бы оно к народу с простыми и ясными словами: "У нас миллионы покинутых детей! Два миллиона ежегодно вытекает из тела России как кровь из тяжело-раненого. Дух пал. Отчаянье в душах (иногда и несознаваемое, оглушены наши души). Города в упадке, села вымерли. Срок жизни для живущих не более чем в концлагере. За Волгой для нас земли нет!"

"Все на защиту отечества!" – должно бы вскричать наше правительство, и повести нас к преодолению зла.

А оно все хвастается дурными успехами в *горизонтальных* и *вертикальных* власти, в налогах и сборах, в инвестициях и реституциях, в провокациях и конфискациях и *приватизации путан*.

Ты объясни матери, у которой умирает дитя, ты объясни восьмилетней Аллочке, падающей в обморок от голода, что сделано для спасения покинутых и погибающих детей (погибающих не только физически, но и нравственно!), и спивающихся их матерей!

Ты скажи народу, что пока Волга горит, ты перестанешь воровать,

строить личные дачи, жрать икру, охотиться на волков с вертолета и спать с телками. Ты поговори с народом и скажи ему правду не про бюджет и пенсии, а про всероссийский пожар и моровую язву! (Правда, может быть *этому народу* уже и пенсии не стоит платить!)

Я хочу спасти язык свой и Род, и хотя уже знаю, что мое всё погибнет, но еще на что-то надеюсь, и хотя бы для немногих живых среди мертвых душ расскажу, о чем я мечтаю..

...Мечты мои скромны...

Накануне объединения Германии я был в Берлине, его восточная часть представляла из себя безобразное гетто, застроенное безобразными строениями, среди мусора и руин.

Через десять лет город был похож на невесту на выданье, нарядную и красивую. Что произошло? Сменился народ? Нет, сменился режим, Восточная Германия развелась наконец с тупым маньяком и вышла замуж за Штольца, как и положено немке.

За кого выдать замуж Россию? Если нет приличного жениха, то нельзя ли пока выгнать из дому чужого жадного "дядю"?

И тогда мы начнем благоустраивать города, восстанавливать наследие предков, уничтожая бараки концлагерного стиля; начнем ремонтировать обветшавшие здания, в которых переживаем жизнь; отстроим заново села и очистим пашни, приведем в порядок леса и насадим сады и рощи.

Если это не достижимо, если не уйдет своей волей жадный нахлебник и России уже не стать достойной страной, то пусть хоть каждый из нас, страдающих, попытается стать *человеком достойным* – так, как я понимаю достоинство человека, уставшего жить на помойке!

Не буду говорить о душах людских... сказано уже достаточно. Не буду говорить о мостовых и тротуарах, облупившихся фасадах домов, загаженных дорожках и скверах – если *один* только *я* стану хоть *сверхдостойным*, я не исправлю разруху ни в душах, ни в мире, отделенном от наших душ стенами наших домов. Но может быть *я* смогу исправить что-то рядом с собою? Возьмусь за лестничную площадку и лифт, возьмусь за лестницу и часть стены, сколько сумею – на своем этаже. У меня в квартире стоит кусок зеркала, не менее достойный, чем я – его я смогу прикрепить в лифте, да и кабину лифта смогу привести в порядок. Почему не возьмусь за это теперь, почему жду признания и известности? Увы, потому что теперь, начни убирать я грязь возле дома, даже кошки начнут надо мною смеяться – а я устал от насмешек, да и близких мне жалко... Я ли не знаю свой русский народ? Если завтра украду у государства я два миллиарда, меня изберут в Государственную Думу, и многие почтительно скажут – "*Умный все-таки человек Гайда...* то бишь Василий Иванович!"

Но если завтра я выйду с метлой и совком, и начну прибирать свалку, в которую превратилась страна, – о, сколько презрения, сколько насмешек! Да не позовут ли и санитаров?!

Мечтаю я о возвращении изгнанного дворянства, о возрождении

прежних усадеб на пепелищах фундаментов, и романсы чтоб полились из венецианских окон! Крестьяне от этого не прогадают, не станут они беднее, что вернется Голицын и восстановит родовое поместье...

Да и видели вы современных "крестьян"? Вон Солженицын всё клянется *народом*, в его "глубине" он еще что-то видит – а он в деревнях-то бывал ли? А ко мне на днях зашел Сергей и попросил стопку водки, а у меня как раз бутылка была, я налил ему и вынес на крыльцо (чтоб в дом не приглашать), и бутерброд с сыром...

После Сергея соседи в гости пришли, мы посидели славно, допили початую бутылку, и вдруг стук в окно – Сергей пришел снова, уже со своей бутылкой. Пришлось все же в дом пригласить, и рюмку поставить, а он еще и со своим огурцом, но из пьяных его речей я ни слова не понимал, а только головою кивал невпопад.

И вдруг снова стук в окно, Юра пришел, нет ли, говорит, выпить, нет, говорю, и в дом не зову, стою с ним во дворе, уже полночь, и тут Сергей выходит с бутылкой и недоеденным огурцом, и хотя руки заняты, но всё норовит его в морду ударить, еле разнял...

И хотя не скажу о них дурного слова, хорошие они мужики, и меня «уважают», но все же с ними не разговор о "высоком", и не "возрожденное православие", и на ночь, хотя бы и *без слезы*, Игнатия Брянчанинова читать они не будут еще тысячу лет!

Да, мечтаю я о прекрасной России, и если хоть тысяча человек перестанет жить "просто так", или "жить для себя", а впустит мечту о России в сердце – Россия спасется! (Но нет такой тысячи!...)

Заметки на полях спора о национальных задачах России.

Россия и Европа...

Что такое Россия – Европа или Азия, Евразия или Россия?

Противопоставляя Россию Европе, забывают о сравнении *Судеб*.

А судьба России мало отличима от судьбы Европы, и происходящее у нас не импортировано извне (как в Азии и Африке в двадцатом столетии), а органически протекает по общим законам – и промышленное развитие, и революция, после которой Россия стала *заурядной* (как и Франция, бывшая Римом для Европы, стала ее только частью), и светский характер культуры, и, очевиднее всего, взрыв индивидуализма и демографический кризис, общий у Европы только с Россией. Сам дух человека у нас одинаков, и в восприятии непредубежденного читателя Житие протопопа Аввакума и Трагедии Шекспира (еще до Петровских реформ и революции Кромвеля) являют один тип личности.

Или русские – это монголы и тюрки, кочующие в степях и пустынях, жеманные жители Поднебесной или пряный коктейль Индостана?

Достаточно хотя бы тени историзма в сознании, чтобы увидеть в Европе *единую сверхличность*, а на азиатском базаре – смешение рас, религий, культур и характеров.

У России – общий с Европой источник языка, одни легенды, одни святыни, да и Евклид и Христос не более германцы чем славяне. Или Тамерлан и Батый, гунны и хазары, татары и Конфуций – наши предки?

Нынешние западники, в своих усилиях приблизить Россию к Западу, под Западом понимают "всемирную" цивилизацию США или его анклавы на Ближнем Востоке, духом Европы они даже во сне не дышали.

ТЬфу на них и их "*кололоковый*" лимонад!

"Евразийцы" же, для которых русские не отличимы от половцев и монголов, вероятнее всего – наследники Чингис-хана, и потому воодушевлены мечтою о Золотой Орде, а не о Святой Руси!

ТЬфу на них и их "*золотой*" кумыс!

.... Так кто же русские?

Если Россия – Азия, значит ли это, что и татары – русские? Если Россия – Европа, значит ли это, что только славяне – русские?

Философия и положительные науки достаточно точно отвечают на большинство вопросов ума. Быть может, и на этот вопрос способны ответить они убедительно, но не спрашивает ли себя возвышенный Ум, почему те ответы, которые дают философия и положительные науки на подлинно глубокие вопросы бытия, не всегда совпадают с ответами чувства и искусства?

Вот я читаю в патриотической газете спор о русскости между "лицом *кавказско-русской* национальности" (правнуком Шамиля и костромского церковного старосты) и *чистокровным* православным писателем.

Вы, черномазые жители гор и степей, купившие наших чиновников, захватившие наши рынки, уловившие наши города в свои преступные сети, заманившие наших дочерей в вертепы, – убирайтесь с русской земли! – вопиет православный писатель.

И кажется, что за ним правда.

Но не русские ли прежде сего поселились в долинах Кавказа, на берегах Иссык-Куля, вдоль Терека и Аму-Дарьи? Почему же не хотели они *обратиться* с чужих земель, пока не развалилась империя?

А не русские непрошеными пришли на Афганские земли, не хотели *убираться* из Польши и Венгрии, из Речи Посполитой, из Ливонии и Курляндии, из Кракова, Будапешта, Берлина? И хотя то, что мы пришли в Европу, оправдано, за это право сложил голову и мой отец, и тридцать миллионов его братьев и сестер – но что оправдывает Афганистан и бесконечную войну с потомками Шамиля?

Так кто же русские – императрица матушка Екатерина, адмирал Колчак, барон Врангель, маршал Маннергейм; зодчие Растрелли и Камерон, Трезини и Росси; ученая династия Струве? – или "комсомольцы тридцатых годов" и Вологодские конвоиры?

Когда спор идет о России, всё мне кажется, что чуть ли не я один имею на нее право, *русский из русских*, и мои собратья, умевшие глядеть на звездное небо, поэты и звездочеты, – но ни комсомольцы,

упертые в Маркса, ни православные, упертые в Нилуса, ни патриоты, упертые в Велеса – прав не имеют... – но, всё же, и я не прав.

Право на Россию имеют и помимо меня, и даже те, кто со мной не согласен. Чем же отличаюсь я от других – в любви ли своей к России, в ненависти ли к ней? Только одним – я верую, что недостаточно русским родиться, им еще нужно *стать – возвысившись в сострадании*, в справедливости, в милости к слабым и бесстрашии перед сильными, в великодушии, просвещении, в уважении противников, терпимости к чужой вере и чужим обычаям, любви к своему языку и земле, в *широте души*... Последнее особенно важно – поэтому я говорю, что *быть русским – шире государства и православия*.

Русскость – больше, чем племя, и рано кичится тот, у кого родители – крепостные крестьяне, перед Владимиром Мономахом, Владимиром Ивановичем Далем и Владимиром Высоцким, замечательным русским поэтом. Это он сказал о тех, с кем был отчасти родствен по крови – "*Они ведь пострадавшие, а значит – обрусевшие! Одни – за правду павшие, а те – безвинно севшие!*" – и слово поэта для меня важнее разысканий лингвиста, этнографа, социолога, политика, и даже философа.

Россия и народ – не одно и то же, тем более, если понимать под Россией прежде всего ее *бытие в историческом времени*, обнимающем ее существование, и Дух того, что зовется Россией, что складывается из деятельности великих личностей, творящих историю и культуру, и череды поколений; а под метафизическим *народом* понимать только пребывающее нынешнее *население*.

Почительнее всего несовпадение *населения* как совокупности людей, живущих в данное время, и страны, в которой они живут и трудятся, преумножают ее достоинства или расточают, можно увидеть на примере великих империй, а в особенности Габсбургской монархии, называемой с насмешкой "лоскутной империей", и включавшей в свой состав помимо германцев еще и славян (от православных до католиков), и угров, и пылких итальянцев – притом что каждый из этих народов и сам с успехом создавал империи, а не получил в дар национальную государственность (как финские племена из братских русских рук).

Есть нам о чем сожалеть, к чему стремиться, на что негодовать. Не полтысячи ли лет Русь стремилась к воссоединению *всех русских земель*, полила своей кровью их от Бреста до Полтавы, от Галиции до Смоленска – и вот, поди ж ты, нынешнее "население", составляющее в тысячелетней истории Руси только пять процентов, разметало по Днепру и Припяти земли *Всяя Руси, и Малья, и Белья, и Великия!*

Разве не Российская империя завоевала Крым у татар и турок, а значит и "москали", и запорожские казаки, и хлопцы из-под Путивля, и полочки крестьяне – или это Украина сокрушила Османскую империю? Или Великое княжество Литовское? Или Речь Посполитая? А не продавали ли бы малороссийских и белорусских девчат до сих пор на рынках Бахчисарая, как продают их сегодня в бордели Каира, Стамбула и

Антверпена, потому что распалась империя, скреплявшая и защищавшая восточных славян?

Но Крым не жалко, гордость русской воинской славы, тьфу на Крым, а вот чеченские горы будем сто лет отвоевывать!

За что же погиб под Брестом мой дядька Василь? Предлагал же Гитлер Сталину вечный мир в обмен на Белоруссию и Украину, а мы, не-разумные русские, положили тридцать миллионов своих сынов в борьбе за свободу славян – чем же нам платят *незалежные* "братья-славяне?" Или им милей Посполитая Ржечь? Или княжество Литовское? Или тевтонский Орден дороже свободы? Да была ли бы сегодня у них *незалежность*, если б не мы? Так пусть хоть отчасти восстановится справедливость, пусть Крым и черноморское побережье будут общим владением Союза славянских государств – или потомки Плка Игорева опустятся до полной измены и предпочтут союз с половцами и вступят в НАТО, чтобы воссоединиться, наконец, с Осман-пашой!? Так сами они не потомки ли половцев, бывшие наши братья, обзывающие нас, русских, татарами и чухной? Вот оно где, наконец, аукнулось – удельная ненависть перед Батыевым нашествием и измена Мазепы под Полтавой!

Но и русские не лучше! Своим предательством славянского дела, своей любовью к Кавказским горам предают они память моего отца *сотоварищи*, сложивших голову за Великую Русь, но не за Золотую Орду!

Да и давно ли они, эти "русские", стали патриотами, давно ли православными?

У пионерских костров не они ли пели песни про *дружбу народов*? А сегодня кричат о "черномазах" ...

На комсомольских собраниях не они ли обязывались выплавлять бронзу из церковных колоколов и колокольчиков? А сегодня расшибают лбы в "благочестии".

На партийных сходках не они ли голосовали за одобрение линии партии, за строительство развитого социализма? – а сегодня строят "древнекаменный капитализм".

С *неистовыми* патриотами и *истовыми* православными не раз приходилось мне встречаться – одни из них были когда-то преподавателями "научного атеизма", о других писал Куприн, и их православие отвечает на вопрос – *за сколько*? Не они ли и призывают к Кавказским погромам?

А сегодня главные русские беды – иссякание народа и распадение государства – но не озабочено правительство нашими насущными нуждами, и "русские патриоты" не думают об отпадении Заволжья (как отпали земли к западу от Дона), но манят их чужие пустыни и горы. Мы уже оттолкнули от себя *русских немцев*, отгородили и соплеменников предательскими границами, славян внутри России ссорим с великороссами, а теперь отгалкиваем и "полукровок" от России (словно *кровь* и есть душа великой нации, что приличнее было бы мнить корсиканцам и цыганам, но не французам, англичанам, немцам и русским).

Математика как свидетельство Истины.

Не раз защищал я *невежество* от "слишком ученого самомнения" – и вот оно мне сегодня аукается, спотыкаюсь я уже не о чужие незнания, а о свои; пробелов столько, словно по болоту пытаюсь перейти на твердую землю, а уяснительные доводы, которые на топи прокладываю, расходятся между собой как соломины – как же мне по ним перейти к *уяснению*?

Но пишу я прежде всего для *своего* поколения, а надежда у нас еще есть. И даже мои незнания важны, ибо *знающий* не найдет с нами общий язык, он слишком высокомерен (потому-то и Христос не любил "книжников"), а мы, *начинающие с незнания* и *преодолевающие его*, получим по осени заслуженные плоды – и хотя тело наше будет ломить от трудов, но как сладко будет пахнуть трудный хлеб истины! Если мы сегодня же бросим пить, то проживем еще долго, и успеем еще узнать истину (а ради истины стоит и пить бросить!)

Следовательно, хотя мои силы ничтожны, а заблуждения высятся Монбланами – вновь дерзну бросить вызов устоявшимся мнениям; хотя бы и трое прочитают – не напрасны будут мои усилия!

А больше всего озабочен я причиною *неустройства* мира – в том ли она, что *пал* человек в раю, возжаждал земных наслаждений, и вместо того, чтоб стремиться к *высокому*, "лезет под юбку" – или причина в неумении мыслить, в странном смещении *учености* и *невежества*, в незнании *математики* (ибо умению мыслить действеннее всего учит только она)? [Увы, не успел еще дописать я свой фривольный пассаж, а кожей почувствовал возмущение читателя – "опять он про юбки, да не свихнулся ли он уже на этой почве?" Нет, не свихнулся, а просто пишу о чем нравится, а юбки, и то *прельстительное*, что пытаются (ль?) скрыть они от *прельщенного* взора... Однако, зачем я *всуге* возмущаю читателя? Ну а зачем *возмущенный* читатель меня читает? Ему ведь не нравится не только то, что я пишу и как, но и выражение моего лица, звучание голоса, вся моя неблагопристойная личность – так что, даже если я вымарая из своей писанины то, что ему не нравится, я его не обману, он еще пуше меня обругает – ишь, скажет, негодяй, прикидывается благонамеренным! Так что не буду хитрить, а останусь собой! Авось, кто-то меня и такого приемлет...]

Но – вернусь к математике, и приведу по ее поводу и по поводу ее отношения к *истине* несколько замечаний.

1. Помимо предметов, *непосредственно* участвующих в том или ином событии и *действенно* создающих его результат, многие предметы участвуют в событии *косвенно*.

Так, например, *народный мститель* из чердачного окна стреляет в проходящего мимо "*братка*" – непосредственно действующие силы и предметы, помимо него самого, – это, прежде всего, винтовка и пуля, которая жадно летит... но разве луна, выскочившая из-за облака, и

осветившая ярко разбойника, разве порыв ветра, заставивший его остановиться и запахнуть куртку плотнее, тем самым позволив мстителю прицелиться тщательнее, не косвенные виновники отмщения, не *соучастники*?

Вот так же и в театральном действии помимо актеров участвуют многие; также и юридическая истина складывается не только из показаний ответчика, потерпевших, свидетелей, но и из молчаливых показаний некоторых бессловесных предметов.

2. Поэтому нас интересует – как выясняется, познается, постигается Истина, в чем находятся ее источники?

Предыдущее краткое замечание понадобилось нам для того, чтобы не показалось нелепым утверждение, что среди *источников истины* часто находятся и те предметы, условия и идеи, которые как будто к ним не относятся [как подозревал я, когда изучал "три *источника*, три составных части марксизма", что многое и другое *источало* марксизм и соучествовало в нем, помимо Фейербаха, Гегеля и Адама Смита.]

По мнению митрополита Антония, в Священном Писании содержится Истина *вся*, так что никакие другие тексты к ней ничего не прибавляют. Источником истины является, конечно, Всевышний, но поскольку Он передал ее нам через Библию, то для нас, ее читателей, именно Библия и является источником истины, причем единственным.

Я это не оспариваю. Однако...

Рассмотрим два утверждения: $\sin \pi/6 > \pi/6$ и $\sin \pi/6 < \pi/6$.

Несложно убедиться, что первое из них *ложно*, второе – *истинно*. Разумеется, ценности никакой ни в одном из них нет, даже и в истинном, и сказать, что в нем *содержится истина*, не повернется язык даже с похмелья; но, может быть, хоть крошечная часть истины в нем все же содержится? – ведь, все таки, оно *верно*, то есть – *истинно*!?

Правда, можно и так сказать, что оно лишь *удостоверено* истиной, а сама истина в нем и не ночевала. Но тогда надо спросить, где же "ночует" Истина, удостоверяющая *истинность верных отношений*? Находится ли она в Библии? Нет, думаю, даже такой ее знаток, как апостол Павел, не смог бы с ее помощью узнать, которое из предложенных мною неравенств верно, в то время как любой нынешний семиклассник, вовсе не знающий Библии, легко ответит на этот вопрос. Ибо отвечая на подобные вопросы позволяет только *математика, внушаемая*, как полагал влиятельный христианский богослов Ориген, *бесами*, следовательно, не может она находиться в Священном Писании, а следовательно, не находится в нем истина *вся*. Как не находится в нем и ответ на вопрос, что вокруг чего вертится, Солнце ли вокруг Земли, или Земля вокруг Солнца, и зря "митрополит Антоний" (тот еще, итальянский) мучил Галилея, подозревая последнего в ереси и отпадении от веры.

3. Какой же из этого следует вывод? Да тот, что полнота истины не достижима без математики, и даже если не считать ее одним из прямых *источников* или одной из действительных *частей* истины, игнорировать

ее невозможно, само ее существование – та улика, тот свидетель, не допросив и не рассмотрев которых, нельзя быть уверенным, что поиски истины завершились правильным результатом, что обвинительное (или оправдательное) заключение составлено верно.

Ваша честь! – восклицаю я, обращаясь к Верховному Судии. – Я не отрицаю важность книг Ветхого и Нового Заветов для ответа на вопрос, *зачем мы живем и как надо жить* – но я утверждаю, что без Евклида ответ наш будет неполон, а следовательно и неверен.

Посему я настаиваю, чтобы Евклид вызван был в Суд, а также Коперник и Галилей, Ньютон, Лейбниц, Пуанкаре и множество других математиков и ученых.

Быть может, достаточного сообщений Писания для правильного ответа на тот вопрос, что нас всех мучает (правда, я считаю иначе... да и известно ли уже, что это за вопрос, который нас мучает?) – но история показала, что читатели Библии слишком часто совершают ошибки в рассуждениях и приходят к неправильным выводам, посему Евклид или Галилей, "ничего не прибавляя и не убавляя от сообщений Писания" (как с пафосом утверждает митрополит Антоний), помогут читающим заметить ошибки в своих заключениях и исправить их.

Итак, Ваша честь, я не настаиваю, что математика – *необходимый* источник истины, но поскольку истину мы не получаем готовой, а *постигаем* (даже если Священного Писания и впрямь достаточно для ее *постижения*), то математика все же необходима, чтобы гарантировать безошибочность, то есть истинность *постижения*, а следовательно, она – *его необходимая* часть (к огорчению митрополита Антония).

Саша М---ов пеняет мне, что спорю я с христианами, упрекая их в *умерщвлении плоти*, в то время как хлынуло ныне ее *разнуздание* в формах вертепа, так что спорить-то надо с умерщвлением *духа*!

Но спорю я не с одним нынешним днем, а со всеми двумя тысячами лет от пришествия Христа, и не с пренебрежением плотью, а с *пренебрежением человеком*, из-за этого все эти две тысячи лет, говорю я, были неудачны. И само *Пришествие* было неудачно тоже.

Может быть, мне возразят, что удачнее было невозможно придти – да, я соглашусь, что как ни придти, а все было б толку мало – так надо ли было и "приходить"? Разве что-нибудь изменилось к лучшему? Зато сознание, тяготеющее к *теократии*, смысл Истории привязало к *Пришествию*, и подчинило ему национальную жизнь и культуру!

Поздний вечер 2-го февраля. Весь день падал снег, все белым-бело, тихо, редкие фигурки скользят по белому снегу. Вчера у меня был День Рождения, и я потерял осторожность и выпил лишнего – чем теперь оправдаться перед "небесным цензором"? И вот мое бедное сердце сбивается с ритма, прыгает как кузнечик по вязкой глине, и кажется мне, что я умираю. И только "анаприлин, мой верный товарищ", все еще мне сочувствует и меня защищает...

Раннее утро 4-го февраля. Но сегодня мне еще хуже... Вчера ездил в Пулковку распечатывать *последние главы третьей книги* (которую я *еще только начал писать*), потом на шоссе ждал автобуса в город...

Дул теплый ветер, порывы его бросали в лицо мокрый снег, мимо неслась вереница машин, справа сверкал огнями край города, слева взлетали самолеты, мне было радостно и легко.

А утром небесные силы ткнули меня мордой в кирпичную стену, и я проклинал свою беспутную жизнь.

Но за что наказание?

Может быть, я, как айсберг, топил пароходы, полные радости, или, как подводная лодка, подстерегал военные корабли?

Ожидал с ножом в подворотне кого-то?

Или, по крайней мере, был невежлив и груб?

Всего-то неосторожный глоток вина... вот и все мои злые грехи...

Ну, значит, и такие грехи в гóру мне тащить тяжело, а я ведь пытаюсь подняться выше, чтобы видеть яснее и дальше.

12-30. Еду в город, еще не поправился, еле *иду*, еле *еду*, еле *эле*... зато я уже почти христианин, голову мысленно посыпаю пеплом, очи держу долу (хотя душу горé поднять не в силах), "голос тихий, взгляд скорбный, мина благочестивая".

Маленький "февральский роман"

18-го *февраля*, суббота. Из письма ***

Может быть мне удастся написать стихи, которые... нет, на этой фразе я застрял безнадежно.

У физиолога Ухтомского есть тема "*достойного собеседника*".

Я в нем нуждался, мечтал о нем и искал его, но ведь и сам я должен стать для него достойным, тем более для милой и тоненькой как тростиночка *собеседницы*!

Я напишу Вам письмо, которое Вам понравится. Если оно Вам не понравится, то я напишу другое письмо, которое Вам понравится.

Думаю о *любви*, и даже сочиняю стихи.

Конечно, ничего нового я о ней не придумал, да и слава Богу, пусть уж она остается непостижимой, как и сама *женщина*.

Как-то на экзамене по Технике безопасности преподаватель сказал мне: Если бы вы догадывались, сколько драм стоит за каждой строчкой этих Правил, какую кровью они оплачены, вы бы отнеслись к ним менее легкомысленно.

А что стоит за стихами? Можно ли относиться легкомысленно к ним?

За многими из них так же стоят судьбы и драмы, иногда кровь, а уж слезы – совсем не редко...

Однако – жалеть поэтов не надо. Пусть для нас "*любить или болеть – одно и то же*", и часто даже кажется, что "*душа больна неизлечимо*", но – "*лекарство нам – перо!*.. *И в форму превратив слепое наваждение*, [мы, все таки] *блаженствуем... (до нового паденья)*".

Если средневековые монахи *умерщвляли плоть*, борясь с "греховными помыслами", – одевали вериги, бичевали тело, морили себя голодом и молитвами, то влюбленные временами испытывают тяготы и страдания даже бóльшие, чем муки голода или неудобства от ношения вериг – иначе почему они от несчастной любви топятся и стреляются почем зря?

Мучает любовь и меня, потому что и я "*и на ошибках не учусь, и обречен на повторенья*" – так, приезжая в деревню, сначала стуканюсь головой об низкий косяк в деревенском доме, и только потом начинаю вести себя осторожно... до следующей поездки в деревню.

P. S. Кроме стихов, утешает нас еще забота о "ближнем". Возможно, поэтому женщины дольше живут, чем мы, поэты – им всегда есть о ком позаботиться, а мы заняты только собой.

От маленькой девочки Жанны пришло письмо: Митя посылал ей передачу с поездом, и она ее получила. Пошлю-ка я ей скорее ответ (и положу меж листочков "денежку"), авось и *на моей душе станет легче...*

29 февраля, Касьянов день, воскресенье, после полуночи.

Ночью приснился мне чудный сон, будто молодая женщина была сначала неприязненна ко мне, но видя мою кротость и робость, вдруг улыбнулась тепло, и это было сладко и радостно.

И другие девицы в ответ на мои пристальные взгляды не отдергивались как ужаленные, а посматривали с интересом.

Поэтому буду любить я и тех, кто *пролетает мимо меня как пуля...*

Я переживаю женщину, как лунатик переживает пепельный лунный свет, впитываю ее как впитывают форму и запах цветка.

Но красота не спасает, она может только погубить, *красота – трагедия!*

Звонил ***, она сказала, что не стоит ей писать и звонить.

Так холодно, что даже Смерзаю на лету.
Мороз узоры вяжет, А я стихи плету....

Говорить с самим собой – Привилегия поэта.
Ум смятён, душа раздета... Страшный Суд, последний бой.

.....

Любовь – и сочинение стихов –
Неразделимы, хоть и неслиянны.
Проходят Любки, Женечки и Жанны,
Вскипает кровь – и мадригал готов

.....

Под звуки музыки я просыпаюсь,
Душа растерянно глядит на Божий мир.
Как Эверест главой слегка небес касаюсь,
У ног моих оливы, лавр и мирт...

5 марта, пятьдесят один год назад умер *тиран*, взнесенный на вершину власти русской смутой – или дьявольской волей.

Солнце светит ярко, даже лужи на дорогах блещут, хотя легкий морозец – но болит горло, кашель, сердце бьется тяжело, и жить тоскливо.

Полоскал горло соленой водой, пил горячее молоко с медом – но ничто не помогает, ничто не радует, ничто не веселит.

И ночью внутри болело, долго и сильно. ... Может быть, болезнь мне дана не в наказание, а в *сосредоточение*? – но как сосредоточишь дух, когда плоть дебоширит? Все спешил сбросить февраль с своих плеч – а больше ли греет холодный март? Настала подлинная пора невезения: влюбился неудачно, расчеты на помощь в издании журнала влиятельного однокашника провалились, а в довершение всего треплет ангина, и пал я духом чуть ли не на дно Ниагарского водопада.

Или надо переменить отношение к миру, и тогда внутри перестанет болеть... или, хотя бы, станет болеть поменее?...

Перечитывал биографии Абея и Галуа, вспоминал и других великих. Они жертвовали собой для идеи, но семья их не связывала.

Так, может быть, и прав был Христос, когда сетовал в раздражении, что "*враги человеку – домашние его!*"

Для женщины смысл жизни в семье и детях, а мужчина идет в революции и войны, в тюрьму и на плаху... да даже и писание книг чревато бедами, посему всякий, кто живет для *сверхличного*, и впрямь не должен жениться и заводить детей, чтобы не обрекать их на муки!

А Христос и более того, пришел подготовить мир к концу света, и поэтому проповеди Его были – *не для мира сего*.

Иначе сказал бы Он о семье не так сурово.

Возможно даже, сказал бы Он так – "Чтобы не засохло Древо жизни, а вечно зеленело, оно должно пускать всё новые и новые побеги, а потому главный и основной долг человека – продолжение семьи и народа и жизнь для них. И для них человек должен пожертвовать узко личным своим во имя *сверхличного*".

21-30. Возвращаюсь из Пулкова, распили с Маркияном "маленькую" (*по сто двадцать пять граммов на брата*), тоска слегка приутихла.

Так, может быть, надо еще ползти по каменистому склону... и продолжать неравный спор с силами зла, бесчестья, жестокости, ненависти к выдающемуся, красоте и таланту?

Моя Россия больна. Причин болезни много, и пьянство в том числе.

Вокруг ее постели толпа, иные даже давят друг друга, чтобы подойти ближе. Для чего? Чтобы помочь или утешить? Нет!

Россия уже в беспамятстве, и самые жадные, не стесняясь, тащат из дому что не дограблено. Политики и олигархи, чиновники и предприниматели, новые дворяне и правые силы, старые секретари и левые силы, "фруктовое общество", идущие порознь и "идущие вместе при свете факелов"... Они кричат, что проводят реформы и создают рабочие места.

Но правда состоит в том, что объем производства в нашей стране даже меньше чем в Португалии, недавней отсталой стране Европы (но Мерседесы и виллы на Лазурном берегу уже у тех и других).

Жадные, расхватавшие что можно было унести и продать – банда мародеров. Если бы я был сторонником смертной казни, я бы сказал, что их надо всех расстрелять. Но не обязательно. Еще не построена железная дорога Магадан-Воркута.

Россия больна, и самые циничные, из числа "самых умных" – журналисты, политологи, профессора экономики и права, историки и юристы – преимущественно представители *самого умного народа* в российских городах – не стесняясь, уже вопиют: да чтоб ты и сдохла, тюрьма народов! Потому что ты никогда не хотела пример брать с просвещенной Европы, и сегодня не хочешь правления умных!

Но у них, как всегда, ложь смешана с правдой.

Да, были у нас Святополк Окаянный, княжеская рознь и нашествие татар, опричнина и большевистский погром... Но не только они.

Были и Евпатий Коловрат и непокорная Рязань, Куликово Поле и Минин с Пожарским, Бородино и сожженная Москва, и титаническая победа даже после того как немецкий шлем зачерпнул из Волги воды.

Были у нас Разин и Пугачев, народные смуты и беспощадные бунты, не во всем бессмысленные (ошибался Пушкинский гений, когда выражал он мнение правящего сословия); была у нас братоубийственная война между образованными и черню и убийство последнего царя (и поделом! Приблизивший растленного проходимца, и бесславной казни он был достоин! Нынешние переписчики истории *ничего не запомнили и ничему не научились*, история их не учит, и для них она повторяется как в страшном сне). Да, даже и революция, окончившаяся тем, что *чернь* пришла к власти, и до сего дня властвует, и загубила Россию – была не бессмысленна, не надо забывать, что и низшие сословия принадлежат к народу, и им тоже надо дышать и радоваться жизни! Да и не из одних рабов, и не только из *черни* состоят и низшие сословия и в целом русский народ, оставивший в очарование миру взлет русского гения в 19-ом веке – великий город Санкт-Петербург (большевиками униженный, но даже после их столетнего разбоя прекрасный), самую протяженную в мире сеть железных дорог с тысячами мостов через реки, являющихся чудом инженерной мысли; величайшую в мире литературу; *русский романс*, ни с чем не сравнимый; русскую песню – самую выразительную в мире; живопись, превосходящую английскую; оперу, равную итальянской и французской; инструментальную музыку, не хуже немецкой; метафизику, достойно дополняющую философский гений Европы!

Избитое место в речах всех недругов России – тезис о ее отсталости от Европы. Советская кинохроника любила показывать сюжет начала двадцатого века – бородастый крестьянин в лаптях засеивает поле, разбрасывая семена из лукошка.

Но так же засеивали поле и в Европе в начале двадцатого века, и французские крестьяне тоже ходили в лаптях, а уровень грамотности в

19-ом веке в России был выше европейского. Так же и промышленное производство перед началом Первой мировой Войны в России не отставало от ведущих индустриальных держав, и мы воевали с Германией тем же оружием, что и они. Это потом, когда чернь во главе с комиссарами (выходцами из самого умного в мире народа) захватила власть, над Россией опустилась вселенская мгла, и мы разучились строить и воевать.

Другое избитое место – отсталость от Европы в историческом опыте свободы и демократии.

Но если не говорить об Англии с ее подлинно поучительным опытом парламентаризма, то – Франция была искони абсолютной монархией, потом якобинской диктатурой (усеянной виселицами и гильотинами – как и у нас после победы черни в 17-ом году), затем вперемешку то военной империей, то монархией, то смутой двух революций, вновь империей уже "маленького" Бонапарта, Парижской коммуной, и лишь затем – республикой, продолжающейся (считая ли и оккупацию немцами?) немногим более ста лет – в чем же и где же *отставание России?*

Или Германия была парламентской демократией, являвшаяся до 1866-го года собранием королевств и герцогств, как мы в эпоху удельной Руси, затем ставшая Вторым Рейхом (после средневековой империи Карла Великого), пережившая разруху после поражения в Мировой Войне, затем ставшая Третьим Рейхом под управлением бесноватого фюрера (такого же маньяка, как Сталин)... и лишь недавно, после нового поражения, превратившаяся в государство с парламентской демократией – так у немцев ли русским учиться свободе?

И все же, сегодня Россия больна, и бесноватая толпа теснится вокруг. Численность населения сокращается, продолжительность жизни ниже всех в мире, уровень преступности – самый высокий, миллионы брошенных детей ночуют на чердаках и в подвалах.

Вот наш Карфаген, и он должен быть разрушен, и о нем надо вспоминать, просыпаясь; напоминать, засыпая; помнить во сне!

"Все на защиту отечества!" – должны вскричать смелые и повести верных на преодоление разрухи в умах, душах и повседневной жизни.

А "патриоты" вопиют – "Россия здорова, это ты, обличитель народных язв, болен, да и правящий слой наш – не банда воров и растлителей, а самые умные в мире!" Они успокаивают, усыпляют, подсыпают наркотики... Их дети уже уехали на Запад, и сегодняшний государственный патриотизм политиков – циничный расчет негодяев, а не "боль и любовь" подлинно русских.

Надо сказать правду, и надо предпринять жесткие меры – народ растлился, и его надо лечить принудительно. В частности, надо построить железную дорогу из Магадана в Норильск, и патриоты могли бы помочь в строительстве.

Если корабль тонет, то главный враг – это тот, кто мешает бороться за его плавучесть, кто не дает выбросить за борт мародеров, и пьяных матросов, и ошалевших от страха. Если бы я был способен к жестокости,

я бы сказал: "Уместно всё – и казни, и пытки, чтобы вернуть награбленное... расследовать *все* закрытые дела об убийствах... отыскать тех, кто взял в долг у Запада 150 миллиардов и их украл, и продал наши корабли на металл, и наши самолеты, и наши ракеты... и потопил наши подводные лодки... и продолжает ненужные войны"...

Сравним же меня с народом (или это слишком?)... ну, тогда с православными (или и это слишком?)... ну, тогда с "патриотами".

Они сегодня анти-коммунисты, анти-интернационалисты, анти-космополиты, и даже *националисты* – а кто они были вчера?

Тридцать пять лет назад за *тайный* дневник дьявольская власть обвинила меня в клевете и антисоветской агитации, посадила сначала в тюрьму, потом в сумасшедший дом.

Это уже была эпоха "развитого социализма" и усталости репрессивного аппарата. В тюрьме Большого Дома, где я сидел, также сидели несколько бывших карателей, несколько сионистов, пытавшихся бежать в Израиль, и один *правоверный* марксист, обвинявший неправоверных в предательстве марксизма.

Других *инакомыслящих* в тюрьме для политических преступников не было. Но по существу нас было только двое, я и марксист, потому что сионисты не спорили с марксизмом, а только хотели бежать на свою идеальную Родину, в чем им отказывала безумная советская власть.

Двое *несогласных* на пять миллионов *согласных* жителей громадного города – откуда же нынче взялись "демократы"? – Да это ведь те же самые, кто обличал меня тогда в инакомыслии, кто ходил с пионерским галстуком, выступал на комсомольских собраниях, стоял в очереди на прием в КПСС и охранял меня в тюрьме!

О, как они меня обличали тогда! (Так же, как и сегодня.)

А через пятьдесят лет, когда Россия умрет (а эти ее защитники будут уже на Западе), последние дети России заплачут и спросят – ну почему же русский народ не слушал тех, кто его любил, а потому и обличал его пороки – а слушал лживых, поющих льстивые песни о народном величии, когда нужны были розги, розги... и даже виселицы!?

Вчера я был один среди русских, говорящий правду о лживом времени, и сегодня один нераболепный из русских, а рядом со мною, как и вчера, несколько интеллигентных евреев.

И хотя я во многом с евреями не согласен, но если и с ними совсем разойдусь, с кем же останусь?

Русские гонят меня – но когда они меня не гнали? – защитники низости и бесправия, жестокости и безумия, защитники подлости и безобразия? Это единственный в мире народ, ненавидящий своих соплеменников – кому-нибудь из своих, оставшихся на чужбине, униженных и гонимых, терпящих невероятные мучения, мы протянули руку помощи? Слезами и кровью омочили они свой путь на родину из среднеазиатских пустынь, кавказских гор – ненавистью и злобой отвечает им обезумевшая Россия, миллионы чиновников и ментов унижают их, обирают, морят голодом.

В тысячах споров я был одинок. Когда, еще вчера, я обличал марксистов, все возмущались; защищал Евангелие, надо мною смеялись.

Всё, что я говорил вчера, очевидно сегодня; то, что я говорю сегодня, станет очевидно завтра.

Но время будет безвозвратно упущено.

Упущено теми, кто, хотя бы и смутно, но ожидает *спасения души* – они, прожившие жизнь в поддержке лжи – не спасутся.

Упущено теми, кто хотя бы и смутно, но жалеет Россию – они, не желающие знать горькую правду и поддерживающие власть мародеров – останутся на пепелище, через двадцать лет уже будет поздно, русские окажутся меньшинством в собственной стране, и Россия распадется на несколько мелких ханских "республик", управляемых Европой и США.

Впрочем, надо уже перестать спорить, только договорить, что еще не успел; попроситься с читателем, пристроить к своей Металогике нечто вроде крылечка, чтобы не выглядела она невесть зачем писанной, а казалась законченным строением – и с этим крылечком улететь в неизвестный мир, неизвестную жизнь.

Может быть, умереть? Может быть, продолжить некую частную жизнь, оставив в покое Бога, Россию, посторонний и потусторонний мир, дописать учебник математики, написать, может быть, какие-то еще записки, но уже без претензии на что-нибудь повлиять?..

И даже с догматической верою – надо ли спорить?

Вот возмущался я Марксом и его эпигонами, и железобетонной философией "диалектического материализма" – столько извел я нервов, слов и чернил – никого не переубедил, никого не опроверг, а как-то вдруг само собою все полиняло, заместились какие-то электроны в каких-то атомах, и вместо Маркса и самого *научного* учения о мире царствует сегодня каша в Российской голове, большую часть которой ныне занимает учение *ненаучное* – об *изначальном, всеблагом, совершенном, предвечном*... Изводить ли мне снова нервы, слова и чернила?

Дело в том, что из ста миллионов умеющих читать понимает хоть что-нибудь в том учении, которое исповедует, разве только сто человек. Но их – не прошибить, не вразумить, не обратить в иную веру.

Они существуют, как болезнетворные микробы в организме – всегда и для всяких болезней. Замещаются какие-то электроны в каких-то атомах, и сто миллионов болеют гриппом, читают Фоменко, с жаром обсуждают, что татары, оказывается, *тату*-арийцы, Александр Македонский – сын Чингис-хана, а "князь" Батый построил пирамиду Хеопса.

Потом "возбуждаются" другие пятьдесят или сто электронов, и прокатывается чума, горят дворцы и поместья, а на пепелище потом все равно надо пахать и сеять, потому что само ничто не растет, и организм копит силы в ожидании новой болезни.

Вразумить и просветить никого нельзя, можно *увлечь*, для этого нужна какая-то иная, более примитивная, более "болезнетворная" сила, ибо *благое* чаще всего бессильно.

Благое подобно нежным цветам, а властвующее подобно горной лавине. Благое умиляет избранных, властвующее одолевает всех как дождь или холод.

Итак, пишу я зря. Пишут для последователей, но у меня их не будет. Отчего они были у апостола Павла, у Будды, у Магомета, у Маркса – мне неведомо. *Проповедь* мне – не удалась.

Отзываются иногда сердца на стихи и драмы, но и стихи мои и драмы неурочны сегодня так же, ибо для них – неурочный час.

Близ полуночи. ... По-прежнему плохо, и даже хуже. Я бы сказал, что уже пора умереть, или что-нибудь другое в этом роде сказал бы – но тех, кто страдает России, так мало, что кто же тогда останется у нее? Вот и рою подкоп под тюремной стеной, хотя и не сумею прорыть...

... Не взойдет то, что сею... Тщетна была моя жизнь...

А читаю православных философов, и еще пуще тоска ...

И кажется, что пора умереть.

19 марта. Солнце светит ярко, снег тает, день радуется жизни...

Был у В-и, отдал ей тексты для правки, выпил красного вина из бочоночка с краником, закусив салом и мочеными помидорами.

С утра был несчастлив, но теперь отпустило.

Правда, от вина "бьётся" сердце, и когда оно бьётся, клянусь не пить. Но трезвому тоже не сладко, сердце болит меньше, душа – сильнее.

И умирать страшно, и жить тяжко.

Откроешь газету, такой поток страдания и унижения хлещет с ее страниц, торжества зла и неправды, глумления над слабыми! Читаешь о расстрелах детей и беременных женщин, и стыдно, что я русский, что меня самогó еще не расстреляли. Кажется, что надо броситься на ключую проволоку Зоны, опоясывающую нашу жизнь и наши души.

Если Бог есть, то народ будет наказан. Но возмездие Господа обрушится на всех без разбора, и лучшие погибнут прежде всего, а ненавистники чести и добра, присвоившие себе имя русских, останутся живы. Как остались и благоденствуют после десятилетий большевистского террора доносители, конвоиры, убийцы.

На Левашовской Пустоши за несколько предвоенных лет расстреляли сорок тысяч неповинных человек.

В древности Господь погубил Содом и Гоморру за их грехи; наказывая грешников, наказал Он и женщин, и старцев, и даже невинных детей.

Так не была ли и смертная бездна Блокады, в которую ухнуло более миллиона, наказанием города за те дьявольские расстрелы?

Многие скажут, что это предположение кощунственно – но ведь принимаем же мы как *должное* библейский рассказ о Содоме и Гоморре!

Хотя – надо ли умиляться такому огульному гневу Господню?

Подводя черту. Надеюсь, не накликаю я беды на себя, повторяя уже в который раз это выражение; разумеется, речь не идет о том, что я подвожу черту под своей жизнью, я еще на многое в ней рассчитываю.

Подвожу черту я под определенным периодом своей жизни – я жил, развлекался, страдал, негодовал, размышлял – и страдания, боль и ярость, мучительные раздумья, *впечатления* от прочитанного и виденного, от музыки и красивых женщин, случайные и необходимые *происшествия* – *превращал в текст своих книг.*

Следующий период – если только решусь, хватит сил, удачи, таланта, умения – должен стать противоположностью прежнего, я попытаюсь мысли и чувства, созидавшие текст этой книги, и сам ее *текст превратить в свою жизнь.*

Начну с того, что расскажу, как я пришел к тем выводам, которым собираюсь подчинить события жизни, потом опишу эти будущие события (*потом*, если они произойдут, я ничего описать не сумею), а затем – если, конечно, решусь, и что-нибудь из задуманного получится – начну ту самую жизнь, к которой целую жизнь готовился, которую созидал как роман.

Есть две причины, по которым жизнь, которую я считаю единственно достойной и правильной, может не состояться – первое, это страх перед ожидающими меня тяготами, страх потерять благополучие; второе – как в прыжке через препятствия – мне нужно (для вхождения в достойную жизнь) сначала достаточно сильно разбежаться, достаточно сильно оттолкнуться, чтобы прыжок был действен, был замечен.

Разбег и толчок – это тот уровень значимости, который я достигну перед прыжком. Так партизан, готовящийся нанести урон противнику, вооружается миной, гранатой, автоматом. С голыми руками он будет унижен, он вызовет презрение, о нем не упомянут даже в сводках.

Только если он взорвет поезд, штаб, потопит подводную лодку – он произведет на противника впечатление, он в его обороне пробьет брешь, в которую устремятся другие. Уровень значимости – это мое оружие. Я готов был пойти на Красную Площадь и сорок лет назад – но не с чем мне было пойти, мне надо было вооружиться, то есть предварительно стать известным. Лучше всего было стать знаменитым писателем, или знаменитым ученым, или хотя бы получить престижную премию.

Вот Солженицын уже знаменит, уже лауреат, он уже разбежался, теперь бы ему самое время взлететь – то есть выйти на Красную площадь, приковать себя цепью к Лобному месту.

Так разбежался уже перед казнью протопоп Аввакум, и сожжение его хотя и не перевернуло Россию, но от ледяной Антарктиды откололо чуть ли не четверть, и даже до сего дня остались кусочки, еще не растаяли, и они – живой укор безжалостной к своим детям России.

Так же на наши ледяные заскорузлые сердца хоть немного действует, что были замучены *великие* – Николай Гумилев, Сергей Есенин, Николай Клюев... А судьбы миллионов безвестных, замученных в голоде, в холоде, в раскулачивании, в тюрьмах, в лагерях, в бездарных сражениях – никого не *трогают*, живет народ, ходит по костям, которыми усыпана русская земля, и на мои напоминания только зло огрызается – хватит,

мол, о прошлом, ну и погибли, ну и безвинно – да когда не гибли, да когда не безвинно?

И носят тирану цветы на могилу – а это еще хуже, чем плевать на могилы тех, кого он замучил.

Да, так вот, вышел бы я на Красную Площадь *позавчера*, все бы помялись, какой-то мол придурок с плакатом чем-то там возмущался.

Вышел бы *вчера* – поди бы совсем не заметили... Вот поэтому я сорок лет *разбегаюсь*...

Правда, от меня зависит не много, я надеялся, что поможет Бог, возвысит ум, умножит талант, исполнит меня Своею силой и волей – но Бог молчит. Да ведь и Жанне Он не помог взять Париж, и оставил ее наедине (не со Своим ли?) судом Инквизиции!

Итак, я должен был прежде возвыситься, чтобы мой поход на Красную площадь стал заметен. Для этого основал я издательство и издал Радзивиловскую летопись; для этого написал Металогика.

Бог был обязан помочь (если не мне, то кому-нибудь еще, противостоящему злу) стать вровень с Пушкиным, или Достоевским, или Толстым – они были бы замечены, вызвав на поединок Империю Зла.

Но – что есть, то есть... нет у меня "Войны и Мира" или "Бесов", а только (но все таки!) есть "Металогика". Конечно, ее никто не заметит – но все же не с пустыми руками пойду я на Лобное место.

Правда, если я выйду на Красную площадь один – не шелохнутся иголочки на елях вдоль Кремлевской стены, не остановится равнодушный прохожий даже из любопытства, не всмотрится ленивый читатель в текст прокламации, которую прикреплю я к Лобному месту (как к символическим воротам "Скотного Двора"). И все же – этот поход на Красную площадь не только пощечина царской власти, но и укор народу – разве не ты на школьной скамье сочувствовал русским поэтам в их споре с тогдашним "высшим светом", декабристам в их споре с монархией, Радищеву в его споре с Екатериной, а на царей негодовал, даром что Николай "Палкин" оплатил долги гуляки-поэта и *незадачливого издателя* (такого ж как я), даром что и Екатерина не всё преследовала писателей, но и осыпала орденами и милостями...?

Надо было наступить "светлому будущему", чтобы подлинно познали мы злобу тирании и неверную народную любовь, не дорожить которой пророчески завещал нам Пушкин.

Что еще важно сделать? – из того, что я сделать еще в состоянии?

Как уже я писал, надо отремонтировать облезлую, как драная кошка, кабину лифта в моем доме. Жильцы, правда, начнут надо мною смеяться. [*Удивительно, но на днях – год спустя – я все же поставил в ней зеркало и слегка ее в порядок привел!*]

Еще надо помочь Жанне. Это можно сделать втайне от посторонних, так что никто не узнает и смеяться надо мною не будут.

А главное – надо пойти на Красную площадь.

Мой жест ничего не изменит... и все же... ну хоть кто-нибудь, хоть

один человек должен ведь сойти с поезда, движущегося к "попранию чести"! Это почти то же, что выйти из строя солдат, стреляющих в невинного человека. Я должен выйти из строя. Солдаты, оставшиеся в строю, невинного застрелят и без меня, у них есть командир, его приказы они безропотно исполняют. Но я стрелять откажусь.

Возможно, за это и меня расстреляют – но это меня не смущает, кажется, я даже буду счастлив – ведь я уже прожил немало, даже кое-что сделал доброго, влюблялся, сочинил несколько стихов и рассказов.

Или меня посадят в тюрьму – это тоже неплохо, на воле, пропитанной неправдой и злом, не следует оставаться. Вот так же, если в толпе ругаются, и сделать ничего не возможно, лучше от толпы отойти.

Следовательно, должен и я отказаться от соучастия в попрании справедливости.

Да, теперь подлинно настала пора подвести черту.

Если меня посадят в тюрьму, то, значит, тюремная жизнь и станет *отбеливанием льна* вместо романа. Я буду томиться, ждать освобождения, возможно, дождусь – ожидание и станет благой целью моей жизни в предстоящие годы.

Если же меня не посадят, то – надо переменить жизнь к лучшему.

Я жил иллюзиями, и с детских лет верил, что мне суждено сыграть когда-нибудь важную роль в победе света над силами тьмы.

А когда уже разуверился в победе света, продолжал верить, что напишу великую Книгу.

И вот взялся за Металогоику... но – не рассыпаются камни от моих слов.

Я надеялся изменить мир к лучшему, но по-прежнему вопиет зло окружающей жизни.

Правда, с тем, что чиновники и генералы жиреют, а народ беден, я еще мог бы смириться, одни богатые, другие бедны испокон веку, и не всегда богаты достойные.

Страдаю я от нравственного падения народа. Вот, например, даже пригородные бедные жилища, в которые городские жители уезжают летом из города, чтобы отдохнуть и вырастить картошку и клубнику – разграбляет повсеместно миллионоглавая нечисть.

Бедных тощих рыбешек, ершей, окуней, плотву обглаживает какая-то растленно хищная, вероятно, нищая, но даже и не желающая плавать в поисках корма – чума, состоящая из пираний.

В городе обворовывается каждое пятое жилище. Каждого третьего обывателя ограбили, обокрали, унизили. Улицы грязны. В подъездах бегают крысы.

Пусть бы по-прежнему Березовский, Абрамович, Чубайс были упитаны и жили в дворцах, а я тощ – ну и ладно, я тощ всегда – но если бы тощим я был в девятнадцатом веке, я все равно был бы счастлив.

Тогда бы я знал, что строится Петербург, поэты пишут стихи, а

Толстой – Войну и Мир; красавицы танцуют на балах, женщины рожают, воры хотя и есть, но их ловят, а оставшихся не так много как при эпидемии, купцы иногда создают картинные галереи, барышни иногда бросают бомбы, чтобы о царствии Божиим не забывали самодовольные, Плевако произносит речи не хуже Цицерона... И хотя и тогда жили мы не в раю, но дух кипел, и словно июльский сад произрастал во всю мощь.

А нынешняя эпоха – пустынный ноябрь. Догорают последние великие здания прошлого (вчера около Кремля сгорел Манеж), и даже политики и воры худосочны, мелки, посредственны.

Покупал цветы, молоденькая продавщица – краше Клеопатры, по нынешней завлекающей моде пояс брюк ниже талии, а кофточка выше, и голая полоска кожи вспыхивает как молнии в грозу. Но чем мне ее обольщать? – книг она, оказывается, не читает, даже и про любовь.

Улицы грязны, подъезды ободраны, здания обшарпаны, и даже в "12-ти коллегиях" лестницы заплеваны и в окурках. А у метро пиво хлещут совсем юные девушки и "блин" через слово слетает у них с языка.

Одному мне ничего не сделать, а ко мне не присоединится никто. "Идущие вместе" куда-то маршируют, но тот же упадок городов, что и пятнадцать лет назад. Верующие молятся в храме, но дорога, по которой идут они в храм, все так же грязна, те же подъезды в их домах, та же неправда в душах. Вот почему я не молюсь – не заботит меня моя душа, а только – с кем жить нашей Насте? И посочувствует ли кто, кроме меня, бедной девочке Жанне? Будут ли всё так же поджигать обветшавшие дворцы, чтобы расчистить место у миски с чечевичной похлебкой?

Будут ли всё так же тонуть подводные лодки и падать самолеты?

Но это не зависит от наших молитв, а только от жажды духа – но она не в церкви, а в культуре, которая сегодня в большем небрежении, чем в недавней крестьянской России.

24 марта. Отчаянье мое не уменьшилось, несмотря на то, что вторую книгу Металогии (которую только теперь дописываю) уже держу я в руках. И с деньгами все так же плохо. Ездил занимать денег, и возвращаюсь несолоно хлебавши – точнее-то, совсем не хлебавши.

Еду на суд, на душе неспокойно.

Еще мне надо несколько месяцев свободы – во-первых, возможно смогу "довести до ума" учебник (хотя это не самое важное); во-вторых, исправить и дополнить Третью книгу Металогии (а я ее еще не начинал писать); и, наконец, – выпустить в августе первый номер философского журнала.

28 марта, воскресенье. Прошедшей ночью было мне плохо, и я рассуждал. Нет, не прав Декарт, *не от того я существую, что мыслю*; да и я был не прав, думая, что *раз я существую, то мыслю*. Нет, лишь на границе, лишь когда существование уже ускользает, близка ограда Зоны, по которой бежит электрический ток, и *вертухай* на вышке прицелился, путное приходит в помраченный ум. И хотя культура создавалась пре-

имущественно напором произрастания и благополучия, но и самые благополучные ее творцы голос Откровения слышали *на краю* – в тюрьме, канаве, на эшафоте; обманутые, униженные, оскорбленные...

Так и должно быть, что лучшие стрóки – на самом краешке края.

А сегодня ночью думал я про предстоящий суд, и хотя стараюсь примириться с грядущими испытаниями, но тоска меня гложет.

Обдумываю свое Последнее Слово – но есть ли в нем смысл? Можно ли повлиять на события с помощью красноречия?

Представим себе, что на войне один солдат стреляет в другого солдата неприятельской стороны, а тот произносит при этом речь о своей невиновности, но стрелок его не слышит. Изменится ли из-за речи траектория пули? И есть ли смысл в такой речи?

А многим ли отличается положение обвиняемого на суде? Множество причин и условий соединяются воедино, чтобы привести к приговору – материалы следствия, показания свидетелей и потерпевших, отношения сторон, общественное мнение, характеры судьи и прокурора, давление машины правосудия, стереотипы судейства... да и неизвестные мне причины, которые, быть может, еще существеннее перечисленных.

Я похож на больного, который пьет неизвестное лекарство при неустановленном диагнозе. В какой степени мои слова могут повлиять на приговор, есть ли желание меня выслушать? Быть может, решение уже принято до того, как я начну говорить?

Еще один образ приходит мне на ум – театральная спектакль не понравился зрителям, они разошлись еще до его окончания, а последний актер не закончил свой монолог... – надо ли ему договаривать свои слова в пустом зале?

И надо ли мне договорить свою речь, если Судьба меня не слушает, и Слово отделено от Судьбы непреодолимой стеной?

Вот так же при последнем свидании, скучая слушает изменница отвергнутого поклонника, его влюбленные или обличительные речи. Для нее уже все закончилось, и ни громогласный Демосфен, ни красноречивый Цицерон, ни упрямый Сципион ее не переубедят. А я – не Демосфен и не Цицерон. *Так надо ли мне распинаться?*

29 марта, 14-00. Солнце светит ярко, весна разгорается. Я все еще *дописываю* "Отбеливань льна", а сегодня уже получил в типографии сорок *готовых его* экземпляров! Воистину, Дьявол был прав, когда показывал мне напечатанными мои еще *не написанные* книги! И значит, *не так просто* устроено всё в мире, как полагают иные...

20-00. Познакомился с Танечкой К., студенткой факультета журналистики, с гривой светлых волос, в дубленке с белой оторочкой. Не уверен, что она – красотка, но – привлекательна, образованна и умна. Сначала мы бродили по Екатерининскому каналу, затем зашли в "кафе нищих писателей", где выпили по стакану сухого вина, вернулись в метро, около которого сначала и встретились, я вручил ей первый том из старого трехтомника, обе книги Металогиики, и на том мы расстались.

Много рассказывал я о себе, задавала и она вопросы, интересовала ее студенческая пора моей жизни, мое "диссидентство", и даже романы с *очаровашками* (к которым, правда, она отнеслась неодобрительно).

Я в нее влюбился не только с первого взгляда, но даже с первого телефонного звонка. А она разговаривала со мной сурово.

"Вот вы все критикуете социализм, демократию, христианство, – сказала она, – всё кругом плохо... Но что вы предлагаете взамен? Есть ли у вас собственная система?"

"Увы, нет! А, может быть, ее и не может быть – такой, чтобы она *противостояла* марксизму, фрейдизму, позитивизму, учениям о либеральной экономике и власти толпы, обличала в них пороки, и сама была безупречной, заключая в себе полноту истины.

Однажды в Америке между Торо и Эмерсоном именно об этом произошёл знаменательный разговор [в скобках замечу, что русскому читателю Торо стал известен двадцать лет назад по его книге "Уимблдон или жизнь в лесу", через сто пятьдесят лет после того, как рецензию на его книгу поместил в своем журнале "Современник" наш гениальный поэт (и, как оказалось, прекрасный журналист) Александр Сергеевич Пушкин. Эмерсон же, кажется, и вовсе не издавался в советское время.]

"Дружище! – воскликнул Торо, обращаясь к Эмерсону. – Как это вы, с вашим умом, глубиной и пронизательностью, до сих пор не создали никакой философской системы, в то время как в Европе публика рукоплещет то одному, то другому философу? Уж вы то, во всяком случае, не затерялись бы в их ряду?"

"Если вы правы, и я действительно обладаю теми достоинствами, которые вы мне приписали, то, значит, именно поэтому систему я и не создал. Точнее говоря, мне приходила в голову уже не одна система, но каждый раз я видел ее недостаточность и схематичность. Истина, по всей видимости, ни в какую систему не укладывается, и нужно не слишком подниматься над умственным и духовным уровнем толпы, чтобы *уложить* ее в систему (словно *доступную* девицу в постель).

2 апреля. На улице по-прежнему холодно, лужи замерзли, ветер знобит. Воистину, "*апрель не оправдал надежд*", а я всё мечтал – доживу до апреля, поеду в деревню, оттаю, как и земля, и душой и телом.

... Пятый день уже, как получил из печати я третью книгу, а что толку? Радости нет, книга клочковата, как наспех вскопанный огород, на котором иные грядки укором торчат с комьями осенней земли, с остатками мусора и сорняков. Надо ее переписывать, но пыл угас.

После полуночи. На улице ветер, и горло саднит, да саднит и душа.

5 апреля, понедельник, 12-00. Вчера, в восьмом часу вечера, встретился я с Сашей М--вым, выпили самогонки и пива, сидя на скамейке в грязном дворе, *обмывая выход в свет моей Третьей книги*, а в десять часов распил я еще дома "по случаю" настойку боярыш-

ника, которую пьют от сердца по несколько капель, и вот ... ну, ладно... [...]

20-40. В два часа дня состоялось собрание писателей, потом с Н. И. около Конюшни выпил я бутылку пива, опохмеляясь, и по Невскому, в сияющих лучах солнца, прошли мы с ним до Литейного.

В семь приехал к Лёне с Ирой, выпил три рюмки водки (обмывая вышедшую книгу и затею журнала), рассказал про свои *любви*, и вот еду домой, хмельной, но не быстро веселый.

Сердце бьется с трудом, словно везет оно гружёную щебнем телегу, желаний нет, мыслей тоже, будущее кажется стеной, в которую врезался некогда бесшабашный поезд жизни.

И умирать страшно, и жить уже нет сил. Опустошение.

Я жил будущим, видя в нем чудесную бесконечность, из которой само собою может появиться все что угодно. И вот – чего я теперь могу ждать от будущего?

Плохо в России, старания хоть что-нибудь к лучшему изменить – бесплодны, и книги зря пишу, и девушки не смотрят, затея с учебником математики ни к чему не привела, вероятно, и из философского журнала, о котором теперь хлопочу, ничего не выйдет.

Только время бежит успешно... Пройдет еще пять... еще десять лет... неужели и тогда буду надеяться я на то, что мне повезет, и хоть что-нибудь путное удастся сделать?

12 апреля. Встретил женщину из нашего дома, и поздравил ее с праздником. "*Христос воскрес!*" – сказал я ей.

«*Воистину воскрес!* – ответила она. А потом добавила – А так тяжело жить, что невольно задумываешься – да воскрес ли Он? А если и воскрес, то для всех ли? Что изменилось для нас, составляющих хребет жизни? Вот приехала я на дачу, а двери в ней сорваны, и хотя уже нечего из нее выносить, но и последнее забрали – алюминиевые ложки, тазик для мытья ног, швабру и *половую тряпку*. А что не унесли, то поломали. И в соседских дачах то же самое, нет ни одной не разбомбленной.

Так ли было в Израиле, когда Он пришел народ свой спасти? Не столько это скудное имущество жаль, сколько жить гадко, будто ежедневно пачкает жизнь грязью, и спасения от грязи нет. Я уж думаю – может быть, это только я всё стенаю? А спрашиваю других – нет, и у других омерзение от жизни. Для кого же существует наше правительство, кого оно защищает? И для кого наш Бог, кого Он спасает? Только и уповать на тот свет?»

Страдают и безутешны, конечно, не все. Молодежь уповает на будущее – не на правительствo и не на Христа. Её легкомысленное упоение жизнью наполнено энергией произрастания, тяготы кажутся временными, детей еще нет или еще утомить не успели, а родители есть, и всегда под рукой – даже если нет Бога, или Он далеко.

Поколение перед ними тоже еще полно энергии, продолжает схватку с

жизнью и надеется в ней победить, дети у бабушек, собственные корни в земле не глубоко, не беспокоят мародеры, о внуках смешно еще думать, об итогах жизни – тоже, поэтому скорбь моего поколения им не слышна.

Погром, который учиняет жизнь с нами, увидят и испытают они через двадцать лет. Достанутся им наши разваливающиеся хибары на задворках облезлых городов с выломанными дверьми и разбитыми окнами, а других при этом правительстве у них не будет. Достанутся им опасные улицы и подъезды домов. Низкий уровень культуры. Повсеместное падение нравов. Отсутствие будущего для страны и народа. Родители уже будут немощны, а Бог безучастлив. Только тогда они поймут, что жили они *неправедно*, что должны были слушать "вопяущих в пустыне", а не тратить силы на отгаливание ближних от чечевичной похлебки.

Есть благополучные – но их мало. Это те, кто вошел в *десятину богатых*, ограбив девять десятин бедных. Это чиновники, политики, генералы. Это те, кому роздала наши богатства преступная власть. Но не они составляют хребет народа.

Самые страдающие – среди тех, кто еще пишет книги, сочиняет музыку, учит и лечит, актеры и музыканты театров и филармоний.

Это те, кто еще читает стихи, слушает музыку, кто еще ходит в музей и театр – но они скоро вымрут.

15 апреля, четверг. Третья книга давно уже *вышла в свет*, а я *продолжаю ее* переписывать – убрал абзац о тщеславии апостола Павла, смягчил выражение о *юбках* и тех *прелестях*, которые под ними скрываются, убрал кое-какие другие резкости; но и еще дополняю текст рассуждениями и происшествиями протекающих весенних месяцев...

Однако пора уже поставить точку в моей затянувшейся Исповеди – даже "*точку точек*", черту черт, Последнее Слово в подлинном смысле слова, так как и в жалобах и в стенаниях уже повторяюсь...

Своих проблем я не решил ни одной, жизнь не удалась – не в том даже смысле, что она не удалась лично у меня – нет, не удалась она нескольким поколениям русских людей, даже самым успешным, даже признанным писателям и ученым.

Русская жизнь – словно жестокий концлагерь, достойного места нигде в нём нет, а только отдельные "блатные местечки"... оазисы среди жестокой пустыни. В этих оазисах встречаются *признанные* ученые и писатели, жизнь которых словно бы *удалась* – если только они закроют глаза на колючую проволоку, которая отделяет их от пустыни, где гибнут души, и будут упиваться своим *признанием*.

Следовательно, не удалась жизнь и у них.

19 апреля, понедельник. Купил билет в Москву, уезжаю завтра после полуночи, пробуду в Москве один день, и в час ночи уеду обратно.

Сегодня был в университете на концерте классической музыки, выступал квинтет в составе скрипки, альты, виолончели, гобоя и клавира

(это, кажется, старинный клавишный инструмент, но его роль исполняло фортепьяно) ...

Сначала исполнялось «Кентерберийское (?) Трио» Моцарта, затем обработка Генделя, затем Сказочные картинки Шумана, и в завершение – «Квартет для скрипки, альты, виолончели и гобоя» немецкого композитора конца 18-го века.

А вчера поздно вечером смотрел по телевидению – сначала о том, как миллиарды! долларов расхищают в России, и менты захватили завод, чтобы передать его "ворам в законе"... или просто ворам... а главное состоит в том, что промышленность России рушится, и все наши богатства передаются в чужие страны.

Потом смотрел фильм "Пёс-призрак", о наемном убийце, которого играл молодой симпатичный негр. Сюжет состоит в том, что этот негр прочитал как-то японскую книжку про самураев, и сам решил стать самураем. Продолжая убивать по заказам, он, тем не менее, ведет себя как самурай.

Захотелось и мне стать самураем, совершать подвиги, жить во имя чести и долга... а потом умереть ради них.

А как я живу теперь, правильно ли я живу?

Если взглянуть на мою жизнь как на литературное произведение, то в ней не видно ни коллизии, ни сюжета., она представляет собою только беспорядочную грудку набросков, неоконченных сцен... Как если бы некто пытался написать Роман, взял лист бумаги, начал писать, в раздражении бросил в корзину, схватился за второй лист... и вот, когда корзина уже наполнена, мусорщик или уборщица... а может быть сумасшедшая секретарша вытащила эту грудку листов, написала в заголовке слово "Роман", и переписывает подряд неоконченные наброски... Вот это и есть моя жизнь; или – роман о моей жизни.

Возможно, жизнь эта трагична, как и у многих, неудовлетворенных простым течением времени, неудовлетворенных простым чередованием случайных и невыразительных происшествий, неудовлетворенных отсутствием в жизни объединяющей и одухотворяющей идеи.

Возможно, жизнь эта трагична, прежде всего отсутствием в ней цели, героической идеи, отсутствием даже трагедии.

Жизнь моя скучна, пуста, невыразительна, и ее пустота отражается в форме моих записок. Главный изъян их состоит в суетливости, мелочности мыслей и замечаний.

Да, мне плохо (но и всем плохо). Да, Россия тонет, словно Титаник (но и Европа, несмотря на ее процветание, тонет). Но если я ничего не могу изменить, если занят я бессильным сочинительством, то хоть надо добиться совершенства формы, торжественности и величавости рассказа о нашем бесславном конце.

Представим себе, что я плыву на тонущем корабле, и приговорен к расстрелу. Мне дано полчаса на то, чтобы подготовиться к смерти. И вот я бегаю по палубе, хватаю за руки и пуговицы пассажиров, членов расстрельной команды, то воздеваю руки к небу, то бросаюсь на колени,

то воплю, умоляя о пощаде, то ругаюсь с Господином всех нас. Нет, это поведение недостойно японского самурая. Оно недостойно даже чернокожего американца, вообразившего себя самураем. Оно недостойно даже русского писателя, вообразившего себя русским писателем.

Самое достойное состояло бы в том, чтобы погрузиться в молчание, и стоять у борта, глядя на бегущую воду. Или смотреть на звезды. Или вспомнить то милое, что выпадало даже в горестной жизни.

7 мая, полночь. В Малой Вишере три часа ожидал электричку, и пил пиво у местного Мемориала. Подошел оборванный, *босой* и в зябах парень, я ему отдал пустую бутылку и два рубля мелочью, и он рассказал кротко, что галоши у него украли, пока он спал "под кайфом".

В деревню пришел около семи вечера, поставил для сока ведро под березу, истопил баню, протопил печку в доме, потом колот дрова, бродил по огороду, готовил основу для теплицы.

А в автобусе, едучи из Окуловки, сидел рядом с очаровашечкой, и сказал ей, что от нее идут *токи утешения*. А еще и кофточка слегка приоткрывала ее прелестную грудь – об этом я ей не сказал, но молча и скрытно старался туда заглядывать.

8 мая 2004 г., полночь. Завтра – День Победы.

Праздновать его торжественно, на государственном уровне, мы будем еще около десяти лет, пока будут живы воевавшие – хотя через десять лет они уже будут исчисляться единицами; а после этого будем еще лет десять праздновать дома, пока будут живы дети воевавших.

Это, увы, грустно.

Мы с милкой в деревне. Я приехал еще вчера, а милка выехала ночным поездом, и в начале десятого вдруг постучала в окно (я еще не вставал с постели), а потом до вечера вкалывала на огороде, а я колот дрова, благоустраивал теплицу, устраивал за баней грядку.

В автолавке купили пива темного новгородского, баня была шикарной, веник распарил я самый большой, и посидели с милкой за праздничным столом, вкушая сначала пиво с похлебкой из картошки, щавеля, лука и сала, а потом и чай.

Силы закончились, но засыпаю в блаженстве.

11 мая, вторник, десять часов утра, по дороге в Василеостровский Народный Суд, "самый гуманный суд в мире".

Продолжаю в третьей книге кое-что исправлять, однако боюсь, что новые главы в ней сначала напишет сама жизнь.

Девятого мая приехали с милкой из деревни в одиннадцать часов вечера, купили пива у очаровашки Лилечки в киоске около нашего метро, дома выпили за Победу и помянули всех *ушедших*.

А вчера встретил у дома Эльдара и Тамару Алексеевну – в субботу, *восьмого*, умер ее муж, профессор Б---ра, участник и инвалид войны.

Долго не засыпал, вспоминая близких, покинувших нас...

14 мая, пятница, 23-00. По городским меркам еще рано, а я в деревне, и рухнул без сил.

На двухчасовой автобус электричка опоздала (на пять минут), уехали из Окуловки в четыре часа, в Перелогах был в четверть шестого.

Сварил похлебку из картошки, щавеля, лука и сала, и выпил три чашки чаю. Баню не топил, сэкономил дрова и время. Колот дрова, благоустраивал теплицу, устраивал за баней грядку.

19 мая, среда, семь часов вечера, подъезжаю к Кенигсбергу, встречает меня Володя Т--ов.

Сегодня "маялся дурью", "исследуя" простые числа, и конечно же только "убил время". Но вчера было еще тоскливее, я думал о русском невежестве, нелюбви к свободе, несочувствию к страдающим.

Ехал по России, и вдоль дороги – словно ураган пронесся, сломал все и разбросал.

Не скажу, что в Белоруссии и Литве аккуратно как в Германии, но свалки все же стыдливо прячутся в ямах и между кустов.

Рассказывают, будто бы финские туристы, проезжая в Петербург, остановились на окраине Выборга, выстроились вдоль дороги, собрали паршу на теле земли в припасенные большие черные мешки, и поставили их аккуратно на обочине, надеясь, что русские устыдятся и уберут их – а русские, рассказывая об этом, смеялись и крутили у виска...

Сегодня у Настеньки День Рождения, ей исполняется 12 лет.

Четверг, 10 июня, 15-00. Подъезжаю к Чудову, везу в двух рюкзаках помидорные кусты. В деревне должен быть в десять часов вечера, успею еще пройти по огороду, выставить рассаду в теплицу и полить ее.

21-00. Только что съел я "суп студенческий с (рыбной) косточкой", то есть суп из картошки с килькой в томатном соусе.

А сейчас буду пить чай – и чего только к чаю у меня нет!? Скопил нечаянно две широколистных "развесистых" мяты, заварил чай в термосе, бросил туда мяту – пахнет даже на улице. Есть у меня еще печенье, сахар, "петушиные гребешки", лимон и абрикосовое варенье.

Устал смертельно, как пришел в шесть часов, так и схватился за работу, принес воды, истопил печку, сварил суп, заварил чаю, сложил помидорные кусты в теплицу, полил их, а теперь кошу и кошу просеки в густой траве, чтобы ее не измять...!

Но как же попал я в деревню так рано, когда еще в четвертом часу был только в Чудове? – да после Чудова начались чудеса!

В Малую Вишеру прибыли мы в четыре с копейками, не успел я перейти на пассажирскую платформу, как рядом остановился поезд с прелестной Анечкой, студенткой-второкурсницей в роли проводницы. На уговоры у меня было только полминуты, за плечами рюкзак с рассадой, на левом плече – сумка, в правой руке другая, и поезд уже тронулся, так что сел я уже на ходу. Пожелав ей хорошего жениха, через полчаса

выскочил в Окуловке, влетел в отходящий Боровичский автобус, через 20 минут был в Соинском, откуда и прилетел в Перелогои.

23-25. Наконец-то я уgomонился, сходил за околицу, выпил чаю из термоса и ложусь спать. А за окном белеет полуночное небо и светится желторозовый край горизонта.

11 июня, около полуночи. Милка спит, часы тикают, но нет сил до них дойти, чтобы посмотреть точное время. День – как год.

В два часа дня встретил милку, и пошел в Сушилово за пивом и молоком; у бабы Нади купил молока, а в магазине полуторалитровую бутылку пива Хвойнинского, и всякой снеди.

Баба Надя оказалась маленькой шустрой старушкой, на руках у нее сидела полуторогодовая внучка, которой я тут же вручил свою кепку и велел примерить на бабушку. Внучка весело смеялась, все были счастливы...

22-55. Вечером топил баню, ах, она была жаркой!...

В бане я пропарился славно, холодным молоком охладив жар в душе. Много еще надо бы... но да ладно...

12 июня. Ревнив Бог к человеческим радостям...

Утро веселое и солнечное, а я лежу на кровати, напившись лекарств. Всю ночь было плохо, да и теперь давление поднялось аж до локтя.

Но – Бог и милоствит, посмотрит, как мучаюсь, да и пожалеет, а я пока напишу немного.

Читал интервью с рижским предпринимателем, построил он фабрику в Пскове, и возит русских рабочих из Риги – казалось бы, таких же, как и псковские – да нет, говорит в России работать уже не умеют и не хотят, даже за впятеро большую зарплату, а русские в Прибалтике к труду относятся уважительно.

Горько мне, что так опустился наш народ, что очевидно даже для соплеменников наших из-за ближних границ... Значит, здешнего русского надо исправлять как в печи исправляют неудавшийся гончарный горшок.

Нужен новый человек, обладающий качествами соседних народов – умный и культурный как немец, обходительный как француз, пылкий как испанец, трезвый как швед, нежный как итальянец – но широкий как некогда был русский!

Да, надо вместить в себе мудрость и деловую хватку англичанина, непоседливость португальца, заботливость о своих еврея, гордость горца, тевтонскую решительность, галльский задор, русскую беззаботность – это и будет новый человек, достойный свободы!

21 июня. Не был ли и Христос осужден как смугьян и обманщик? А требовал Он у поверивших всё, обещая за то воскресение и вечную жизнь. Но кто может нам подтвердить, что обещания Свои Он исполнил? Кто из Его кредиторов принес нам свидетельство, что отдав временное,

земное Христу, воистину получил он за то с *лихвою* (то есть с процентами) – небесное?

А я ничего несбыточного не обещал, и главные из своих обещаний исполнил, издал несколько замечательных книг, которые делают честь российскому печатному делу.

Так что если даже придется меня снимать с креста невоскресшим, будет меня кому и оплакать. А может быть еще и воскресну.

Только, может быть, чтобы Жанне помочь, надо пытаться жить?

Третьего дня позвонил на вокзал в ее городе, обещали о ней узнать. Сегодня позвонил снова – вчера она к ним заходила, жива и здорова, но посила не посылать ей денег [родители ее пьют].

23 июня. Сажу в зале ожидания Малой Вишеры. На попутный пассажирский поезд меня не взяли, электричка на Окуловку через час с небольшим.

Прошел по окрестным пустырям, спустился к речке, на зеленой травке закурил тем, что в сумке нашлось, и запил эссенгукской водичкой, а пиво покупать не стал.

Тоска моя сгущается и с каждым годом, и с каждым месяцем, и с каждым днем. И умирать страшно, и жить устал.

Ни в культуре, ни в жизни изменить ничего не могу, даже и на ум не приходит, за что мог бы взяться...

Так что же делать, к чему стремиться?

Но почему я думаю, что жизнь моя не удалась?

В юности как-то странно соединились во мне вместе и чрезмерные претензии, и неуверенность в своих способностях. Из-за этого я прожил несколько десятилетий в ожидании внешних толчков, обстоятельств, призывов и откровений. Обстоятельства, толчки и призывы были, но голоса *откровения* я не услышал.

Тюрьма в 70-х годах не изменила мою жизнь *к лучшему*.

Не стало *откровением* и издание книг в 90-х годах – а житейские результаты пожинаю я до сих пор: сначала следствие, теперь скамья подсудимых; а будут ли еще и нары, узнаю через две недели!

Пять лет назад претерпел я болезнь, кажется, что она меня хоть немного научила писать... Но не стала *откровением* и болезнь.

18-10. Электричка дернулась и покатилась, через два часа буду уже я и в Окуловке.

Половина двенадцатого. Еле сгреб прошлое сено, которое уже *травой поросло*. Сварил похлебку, выпил чаю, вот душа перестанет давить в бок и я еще почитаю...

24 июня, четверг, разгар лета, 11 часов утра. Занимаюсь прополкой. А еще надо собрать клубнику, сходить за молоком в Сушилово, составить план работ...

Половина восьмого. Облился до пояса летней водой и сажусь пить чай

с живой клубникой в сахарном сиропе.. А ждет меня еще и бутылочка пива, охлаждаясь в кастрюле с водой.

Половина двенадцатого. Качает после бани – это оттого, видимо, что так долго живу на краю, и силы иссякли...

Но – есть еще пиво в пороховницах, да и в чайнике чай закипает – нет, никакому нечистому одолеть меня не удастся!

Через четверть часа. Послушал пульс, и чуть сознание не потерял со страху; показалось, что сердце больше не бьется...

Сходил на улицу, сердце снова забилося.

А сейчас еще налью истомленного ожиданием чаю – Господи, да еще будут и *метафизические радости в жизни!*

Но без милки, подумал я, только полрадости.

И вдруг из сумки выпала ее записка с наставлениями, которую я днем не заметил – ура, значит, я только что получил от милки письмо!

«Собрать клубнику и набрать березовых листьев; полить что растет; посадить кое-какие цветы; поесть и отдохнуть...»

25 июня, пятница, позднее утро. Скосил траву вдоль дороги, что-то вскопал, что-то прополол...

Половина восьмого. И вот уже мчусь из Вишеры к Питеру...

Машенька с свежковью сошли, свежковья ее смотрела на меня строго, Машенька смотрела во все глаза и слушала внимательно.

Съел помидорину с солью и кусочком хлеба, который не доел за обедом и бросил машинально (или лучше говорить: *безотчетно, не задумываясь?*) в сумку – он-то мне и попался и скрасил обед.

Потом купил пива, которое тоже на полчаса скрасило жизнь – но Машенька скрашивала ее два часа!

26 июня 2004, суббота, полночь. ... Заканчиваю уже свою «Жизнь на краю», но многое пропустил в ней, бесполезно писать... Боюсь, так никто и *не узнает* про спор мой с миром. Хотя для того и пускался я на унижения, чтобы – *узнали*, чтобы за всех достойных восстать, и хотя бы оставить свидетельство о моем сопротивлении (на коленях) пошлему порядку жизни, когда низкое – высоко, высокое – унижено.

Но возможен ли диалог? Слышит ли меня неумный, спящий, мертвый и пьяный? Слышит ли меня верноподданный, идущий всю жизнь лишь одною дорогой – за властью, хотя бы она и менялась, хотя бы и дорога ее менялась на противоположную? Слышит ли меня богатый?

Вот что я думал в начале пути:

Напишу о самодовольных «знатоках» во всех сферах знания, мнящих себя хранителями *истины* (о, знали бы они, как мелки их представления о мире и жизни!).

Попробую писать откровенно; скрывать-то и нечего, но хватит ли умения вновь, по памяти, налить в бокал до краев *бесплотный* напиток и угостить им читателей?

Буду писать о бане, девицах, выпивке, и пьяных девицах в бане (а в противном случае не задену дремлющую мысль и дремлющее чувство читателя и он равнодушно будет скользить по нежным словам гладкописания!) – но и в бане, и за стаканом водки, и в объятиях красотки только одно меня будет заботить – спасение России!!!

А о себе – не буду, или очень кратко, например "уже не пью ... еще на свободе...".

Уж я ли не влекусь к запретному плоду? К примеру, иду осенней ночью по улице, а в освещенное окошко видно, как девица перед сном раздевается – я ль не замедлю шаг?!... Я ли не склоняюсь скользить вдоль края? – но, Господи, когда хлынули на книжный рынок *руководства*, не только прикасаться к ним, но и близко подходить было противно!

Ну да ладно, хватит о Познании и Просвещении, даже с помощью освещенных окон!

Если бы я писать научился, то написал бы что-нибудь значительное, только чтобы доказать, что писать умею не хуже умников, а потом уж и замолчал бы, потому что все бесполезно.

Большинство, видимо, ответ уже знают, а я – нет, потому и мучаюсь, да и буквально, ведь даже и эти строки пишу, когда сердце то забывает, то замрет, то провалится, и унижительный страх куда-то тащит, кажется, вот-вот умру! – нет, отпустило...

Несчастлив я днем, в столкновениях с действительностью, с происшествиями, мнениями чужих и своих; несчастлив и ночью, оставаясь наедине со своими мыслями.

Пытался я взывать к детям России – но и им Россия уже не нужна...

Благой смысл в жизни один – "Карфаген должен быть разрушен!", государство зла должно быть уничтожено.

Но в этом порушенном мире изменить ничего нельзя. Если бы захотел Бог спасти Россию, то наделил меня властью, и вернул бы я красоту хотя бы в один университетский двор, а значит спас и Россию.

Россия для меня то же, что возлюбленная для влюбленного, но не взаимность мне важна, а другое – она должна быть достойна любви и поклонения, она должна быть доброй, великодушной, умной, возвышенной, милой, красивой, должна быть такою, чтобы я ею восхищался не потому, что люблю, а потому что она восхитительна.

А живые патриоты даже вопиющее оправдывают – наши, де, и корабли зато тонут *глубже всех*, и самолеты падают *резче*, и если живем мы мало, *зато меньше всех*, и если живем плохо, зато *хуже всех*, и генералы у нас зато тупые *самые!*

Что надо сделать для спасения России? Если надо научиться писать лучше всех – раскали мое Слово, Господи! Если надо сделать открытия в математике, чтобы благодаря им ко мне прислушались – заостри ум мой! Если надо *Проснуться* и услышать голос *Откровения*, верни мне тот дождь, брызги которого пролились на меня сорок лет назад!

ЖИЗНЬ НА КРАЮ

... Значительную и значимую часть книг нашего автора составляет своеобразный «Дневник», полное название которого пространно и многозначительно: «Металогика Откровения – Жизнь на краю».

На самом же деле здесь все просто. «Жизнь на краю» – это и на краю *жизни* (если вспомнить состояние героя на краю тяжелой болезни), и на краю *возможности существования*, точнее, самих для этого средств. Что же касается Мета-Логики, то под ней, думается, скорее всего следует понимать само отсутствие логичности в нынешней русской действительности, проявляющееся на всех ее уровнях, начиная от состояния окружающей среды и кончая проблемой власти и самого человеческого существования.

Особого внимания заслуживает в этой наиболее личной книге Чернышева символика принципиально проявляющихся в ней центробежных и центростремительных сил.

Герой (он же автор) на протяжении всех ее частей предстает в своей неизменной одержимости любовью к «девочкам». Постоянно мелькают их облики, имена, страницы пересыпаны то довольно откровенными, то шутивно ироничными сентенциями по этому поводу. «Девочек» этих здесь так много, в таком обилии сбежались они на теплый и добрый огонек автора-героя, что не может не создаваться порой впечатления о его излишней в этом направлении щедрости, переходящей, может быть, в неуправляемое разбрасывание, распыление.

Но нет, на самом деле это не так! Наравне с замедленно раскручивающейся центробежной инерцией, «дневник» обладает большой, втягивающей в себя всё и вся силой, направленной к одной цели. Эта цель не что иное, как отмеченное уже нами преобразование мира жизни с его реалиями, событиями и духовно-творческими потенциями – в Книгу. Выступает в ней и сам символ такой центростремительной силы – это образ внучки героя-автора – Настеньки. В противоположность многолико представленным здесь «девочкам», она – единственная, и в своей главной сущности неизменная. Разумеется, и любовь его к ней – непреходяща. Не случайно, зная об этом и сама, она его однажды шутивно укорила: «ты такой ветренный, дедушка!» Не случайно ведущая роль этой героини в концепции книги дополняется и семантикой ее имени (Воскресшая – греч.).

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая – <i>Первые испытания</i>	04
Часть вторая – <i>Философия и Жизнь</i>	78
Часть третья – <i>Падение секиры</i>	236
А. И. Михайлов. Жизнь на краю	367

Василий Иванович Чернышев

Металогика Откровения

Книга первая

ЖИЗНЬ НА КРАЮ

Текст книги размещен на сайте
spb-pisateli.ru

Рисунки Настеньки Чернышевой

Издательство «НАПИСАНО ПЕРОМ»,

Подписано в печать 20. 11. 2017
Формат 60x90 1/16 23 п. л., 368 стр.

Печать по требованию

Санкт–Петербург
2017